

Английское католическое сообщество XVI—XVII вв.:

А.Ю. Серегина

ВИКОНТЫ МОНТЕГЮ

А.Ю. Серегина

Английское
католическое
сообщество
XVI—XVII вв.:

ВИКОНТЫ
МОНТЕГЮ

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

Anna Seregina

The English
Catholic Community
of the 16th–17th Centuries:
The Viscounts
of Montague

Center for humanitarian initiatives

Moscow–Saint-Petersburg

2017

Институт всеобщей истории Российской академии наук

А.Ю. Серегина

Английское
католическое сообщество
XVI–XVII вв.:
ВИКОНТЫ
Монтегю

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

С32

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров
доктор исторических наук О.В. Дмитриева

Серегина А.Ю.

С32 Английское католическое сообщество XVI—XVII вв.: виконты Монтегю / А.Ю. Серегина. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 544 с. — ил. —(MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-722-3

Монография представляет собой первый в мировой историографии труд, исследующий механизмы, делавшие возможным сосуществование религиозного меньшинства — английских католиков — с протестантским большинством в Англии второй половины XVI—начала XVII в. Католическое сообщество рассматривается в его взаимосвязях с английским социумом на разных уровнях: от прихода и графства до двора, парламента и Тайного Совета, а также и с католическими сообществами за пределами страны. Работа следует принципам микросоциального исследования и сфокусирована на детальном анализе политических, социальных и религиозных аспектов жизни одной из структурных единиц английского католического сообщества, а именно, окружения виконтов Монтегю из графства Сассекс.

Книга основана на обширном корпусе источников, полностью охватывающем все тексты, как архивные, так и опубликованные, которые связаны с историей семьи Монтегю и ее окружения.

Для историков, культурологов, специалистов в области истории религии, и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98712-722-3

© Серегина А.Ю., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление,
2017

Оглавление

Введение. Английские католики XVI—XVII в.: от истории конфессии к социальной истории религии	7
§ 1. Английское католическое сообщество XVI—XVII вв. в исторических исследованиях.....	8
Часть I. Католическая знать в политической жизни Англии XVI—первой трети XVII в.	29
Глава I. «Рождение династии»: Семья Монтегю в XVI—XVII вв.	33
Глава II. Католики-аристократы и политическая сфера в первой половине XVI века. Карьера Уильяма Фицуильяма, графа Саутхэмптона (ок. 1490—1542) и сэра Энтони Брауна (1500—1548)	59
Глава III. Католическая знать второй половины XVI в. Политическая карьера Энтони Брауна, первого виконта Монтегю (1528—1592)	75
§ 1. Энтони Браун в политических конфликтах 1540—начала 1550-х гг.	75
§ 2. Царствование Марии I Тюдор (1553—1558): пик карьеры Энтони Брауна.....	78
§ 3. Виконт Монтегю на политической сцене в царствование Елизаветы I (1558—1592)	93
§ 4. Дипломатические миссии 1560-х гг.	133
§ 5. Виконт Монтегю в парламенте, 1560—1580 гг.	135
§ 6. Политическое влияние виконта Монтегю в графстве Сассекс (1558—1592).....	141
Глава IV. Карьера «неудачника»? Энтони Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574—1629), на английской политической сцене.	153
§ 1. Первые шаги в политике: 1592—1603 гг.	153
§ 2. Второй виконт Монтегю и последние елизаветинские парламенты.....	163
§ 3. «Большие надежды»: виконт Монтегю в первые годы царствования Якова I (1603—1605).....	166
§ 4. Пороховой заговор 1605 г. и его последствия для окружения виконта Монтегю	172
§ 5. Кризис 1610—1611 гг.: присяга на верность Якову I и семья Монтегю	175
§ 6. Переговоры об «испанском браке»: попытка возвращения во власть ...	178
§ 7. Последние годы виконта Монтегю (1624—1629)	180
§ 8. Служба династии: Фрэнсис Браун, третий виконт Монтегю (1607—1682) и двор Карла I.....	183
§ 9. Второй виконт Монтегю и местное самоуправление: графства Сассекс и Сарри.....	185
§ 10. Виконты Монтегю и политика английского католического сообщества.....	188
Глава V. Виконты Монтегю в английском политическом дискурсе.....	201
§ 1. Представление о политической роли Монтегю в семейной истории.....	201
§ 2. Виконты Монтегю: образ аристократов-католиков в полемической и религиозной литературе XVI—XVII вв.....	218
Часть II. Границы конфессии? католики внутри и вне прихода	243
Глава I. Литургическая сегрегация: католики и Книга Общих Молитв	251
§ 1. Позиция католической миссии	252
§ 2. Первый виконт Монтегю — идеальный «конформист»?.....	259
§ 3. Виконтесса Монтегю: гендерные стратегии неконформизма	264
§ 4. Семья первого виконта Монтегю и посещение церковных служб: колебания курса	267

§ 5. Второй виконт Монтегю и переход к <i>recusancy</i>	269
§ 6. Католики — конформисты и рекузанты в окружении Монтегю	272
Глава II. Жизненные циклы и религиозные ритуалы	285
§ 1. Крещение детей	286
§ 2. Брак	298
§ 3. Похороны.....	304
Глава III. Светский патронат: аристократы-католики и духовенство протестантских приходов	312
§ 1. Семья Монтегю как светские патроны.....	314
§ 2. Виконт Монтегю как светский ректор в середине—конце 1550-х гг.: сторонник Католической Реформы.....	315
§ 3. Католическая миссия и светский патронат католиков в протестантских приходах	318
§ 4. Семья Монтегю и церковный патронат после 1559 г.....	320
Глава IV. Католики и протестанты в приходах: сегрегация или интеграция?...	328
§ 1. Смешанные браки и родственные связи с протестантами.	328
§ 2. Дружеские связи с протестантами	330
§ 3. Деловые контакты.....	334
§ 4. Конфликты среди соседей.....	337
Часть III. Католики из окружения Монтегю в контексте трансформации европейского католицизма раннего Нового времени.....	343
Глава I. Католическое духовенство в свите Монтегю.....	349
§ 1. Первый виконт Монтегю и католическое духовенство, 1553—1592 гг.	351
§ 2. Капелланы второго виконта Монтегю (1590—1620-е гг.)	364
§ 3. Миряне и организация деятельности католической миссии.....	370
§ 4. Влияние духовенства на светскую элиту католического сообщества	373
Глава II. Богослужения и таинства	379
§ 1. Причастие	380
§ 2. Исповедь.....	391
§ 3. Другие таинства	398
Глава III. Религиозное образование	401
§ 1. Духовенство и религиозное образование.....	402
§ 2. Окружение Монтегю и религиозное образование	406
Глава IV. Религиозная культура английских католиков: благочестивые практики.....	417
§ 1. Молитвы и медитации.....	419
§ 2. Чтение благочестивой литературы.....	424
§ 3. Посты	430
§ 4. Смерть и поминовение	431
Глава V. Жизнь созерцательная: монахи и монахини из окружения Монтегю.....	435
§ 1. Дореформационные традиции.....	438
§ 2. Мужское монашество	440
§ 3. Женское монашество	442
Глава VI. Адаптация традиционной религиозности в культуре английских католиков	459
§ 1. Почитание святых.....	460
§ 2. Чудеса в религиозной культуре английских католиков.....	472
§ 3. Одержимость бесами и ведовство.....	475
Заключение	484
Список сокращений	494
Библиография	495
Указатель имен	519
Summary	539

Введение.

Английские католики XVI—XVII в.: от истории конфессии к социальной истории религии

XVI столетие ознаменовало собой наступление эпохи европейской истории, которую часто обозначают как конфессиональную. С началом Реформации некогда единое сообщество западных христиан распалось на отдельные церкви, а к политическим и социальным конфликтам того времени прибавилось и религиозное противостояние — католиков и протестантов, и различных групп протестантов — друг с другом. Соответственно, и религиозная история Европы раннего Нового времени обычно исследуется как история конфессионального конфликта. Однако подобный ракурс выхватывает лишь часть картины. Конфессиональные сообщества в XVI—начале XVII в. находились еще на стадии своего формирования и были достаточно аморфными группами с нечетко очерченными границами, и делили друг с другом одно и то же политическое поле (в рамках отдельных стран). Такое существование представителей разных конфессий бок о бок друг с другом приводило к вспышкам насилия, а периодически — и к военным конфликтам, которые долгое время привлекали внимание исследователей. Тем не менее, таким же обычным было и спокойное сосуществование доминирующей конфессии с религиозными меньшинствами в рамках одной страны — в одном политическом поле и в постоянном социальном взаимодействии.

История католического сообщества в Англии XVI—первой половины XVII в. выявляет сосуществование представителей разных конфессий в европейском обществе. Это в полной мере справедливо применительно к английским католикам, которые вплоть до последних двух десятилетий неизбежно оказывались на «обочине» национальной истории. Сместившийся фокус исследований позволяет увидеть англичан-католиков во взаимодействии с их окружением, замечая при этом не только конфликты, но также и механизмы, социальные и политические, при помощи которых католики и протестанты оказывались членами одного социума и одной политической системы, не разрывая их, но поддерживая сложный баланс сил, создавший Европу Нового времени.

Одновременно в Англии имела место трансформация католической культуры, происходившая параллельно аналогичным процессам в като-

лических странах Европы, однако под воздействием специфических условий: преследований, которым подвергались католики в стране, а также и протестантского окружения. Возникшая в результате такого воздействия религиозная культура отличалась значительным своеобразием; ее исследование позволяет выявить как степень адаптации Католической реформы к местным условиям, так и механизмы такой адаптации.

Возможность исследования, рассматривающего одновременно историю английского общества раннего Нового времени с его различными конфессиональными составляющими и внутреннюю динамику развития одной из конфессиональной групп, обуславливается историей изучения английских католиков, дисциплины одновременно традиционной и весьма молодой.

§ 1. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв. в исторических исследованиях

Бурные события эпохи английской Реформации немедленно стали объектом внимания историков. Протестанты стремились найти свое место в истории церкви, показать (вернее, сконструировать) связи с апостольской церковью и провести от нее линию к собственной церкви, минуя церковь Римскую, или вписывая ее в историю «истинной церкви» иным образом. События XVI в. заставили католиков размышлять о состоянии церкви и путях ее реформирования, а также осмыслять причины возникновения и распространения новой «ереси».

Историописание XVI—XVII вв. на столетия вперед предопределило позиции исследователей, обращавшихся к религиозной истории Англии, и его влияние ощущается даже сейчас. Поэтому для понимания контекста современных исследований требуется осмысление исторических сочинений, возникших практически одновременно с событиями эпохи Реформации.

Первые истории Реформации — протестантские или католические — носили полемический характер. Классическим трудом такого рода стала «Книга мучеников» Джона Фокса¹. Он представляет читателям полную версию английской церковной и светской истории, от крещения страны до середины XVI века. Фактически в нем представлена новая, протестантская история христианства в Англии в контексте вселенской церкви².

¹ *Foxe J. Actes and Monuments of these Latter and Perilous Days, Touching Matters of the Church [Book of Martyrs].* L., 1563, 1570, 1576, 1583. Электронная публикация четырех прижизненных изданий труда Фокса подготовлена в рамках проекта Британской академии. См.: <http://www.johnfoxe.org/>.

² О Джоне Фоксе и его сочинении, а также о католических ответах на него см.: Серегина А.Ю. История и религиозная полемика в эпоху Реформации // *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной.* М., 2010. С. 717—755.

Католики отвечали на вызов протестантского историописания своими историями Реформации, которая была представлена как история отпадения еретиков от истинной веры. Первым ответил Фоксу католический полемист Николас Харпсфилд (1519—1575). В 1566 г. в Лувене увидели свет его «Шесть диалогов». Шестой, самый пространный диалог, «Против псевдомучеников», был обращен против Джона Фокса и его сочинения; здесь Харпсфилд доказывал, что протестанты, будучи еретиками — что само по себе лишало их статуса мучеников — зачастую страдали вовсе не за веру, а из-за восстаний против власти (аргумент, который часто обращали против самих католиков). Другой труд Харпсфилда, написанный им в конце 1560-х гг. — «Английская церковная история» — был опубликован в 1622 г. Данное произведение охватывает огромный период от становления христианства и до XVI в. По замыслу Харпсфилда его сочинение представляло собой историю реальной английской церкви, а не мифическое преемство членов «истинной церкви» Фокса — еретиков.

Позднее широкую известность приобрели труды английских католиков Николаса Сандера «Происхождение и распространение английской схизмы» (написан в 1570-х гг., издан после смерти автора в 1585 г. в Кёльне)³. Труд Сандера — это подробная история политических событий в Англии, начиная с середины правления Генриха VIII.

«История» Сандера очень быстро стала своего рода стандартной версией английской Реформации в католическом мире. Ее популяризации, помимо переводов, немало способствовали и адаптации. Самыми известными и влиятельными из них стали «Церковная история схизмы в Английском королевстве»⁴, опубликованная в 1588—1594 гг. испанским иезуитом Педро де Рибаденейрой, и вышедшая в 1599 г. «История английских гонений»⁵, написанная епископом Тарасонским и духовником Филиппа II Диего де Йепесом.

Однако наиболее масштабным произведением, по сути, представлявшим собой католическую версию национальной церковной истории, написанным в ответ протестанту Джону Фоксу, стал «Трактат о трех обращениях Англии из язычества в истинную веру» (1603—1604 гг.) иезуита Роберта Парсонса⁶. Этот трехтомный труд состоит из детальной истории распространения христианства в Англии, за которым следует краткий обзор состояния церкви в последующие столетия, вплоть до XVII в.⁷

³ *Sanders N. De Origine ac progressu schismatic anglicanae. Cologne, 1585.* Текст был завершён и подготовлен к печати Эдвардом Риштоном. Книга была сразу же (1586 г.) переиздана в Риме и в Ингольштадте (1588 г.). Практически одновременно появился и французский перевод (1587 г.). Немецкий перевод был издан позднее, в 1594 г.

⁴ *de Ribadeneira P. Historia Ecclesiastica del scisma del Reyno de Inglaterra. 2 vols. Lisboa, 1588—1594.*

⁵ *Yepes D. Historia particular de la persecucion de Inglaterra. Madrid, 1599.*

⁶ *Persons R. A treatise of three conversions of England. 3 Vols. St. Omer, 1603—1604.*

⁷ О католических историях Реформации см.: *Vidmar J. English Catholic Historians and the English Reformation, 1585—1954. Brighton, 2005; Серегина А.Ю. Англий-*

В католических историях причиной протестантской Реформации считались грехи правителей и народа — плотские страсти Генриха VIII, которые привели к разводу с Екатериной Арагонской и разрыву с Римом, и его духовенства, принимавшего новое учение, побуждаемое желанием вступить в брак, а также жадностью короля и мирян, стремившихся завладеть церковным имуществом. А от грехов плоти недалеко было и до самого страшного греха — ереси.

По мнению католических историков XVI в., протестанты составляли незначительное меньшинство населения Англии. Большинство же составляли «схизматики» — католики в душе, которые из-за страха потерять жизнь и/или имущество и утратить свое положение соглашались посещать протестантские церкви, вместо того, чтобы отделиться от сообщества еретиков (т.е. стать рекузантами⁸). Только последние и признавались католиками — в соответствии с приоритетами католической миссии в Англии, призванной проповедовать практику *resusancy*. Именно о рекузантах шла речь в памфлетах, оправдывавших эту практику⁹, а также в рассказах о преследованиях, которым подвергались бескомпромиссные католики¹⁰, в мартириях¹¹, монастырских хрониках¹² и в католических историях. Восхваление героизма рекузантов и уподобление их мученикам первых веков христианства способствовало формированию католической идентичности, в которой практика *resusancy* становилась единственно приемлемой моделью поведения.

Полемиические и пропагандистские задачи, стоявшие перед католическими авторами XVI в., предопределили подход к истории католиков в Англии, которому суждено будет господствовать в течение трех столетий. Во-первых, история католиков была историей политической и разворачивалась на большой сцене, с участием королей и пап. Парадокс этой истории, однако, состоял в том, что сами католики оказывались пассивными зрителями: представление католиков как мучеников и жертв преследований предполагало отсутствие какой-либо политической активности с их стороны. Католические авторы предпочитали не привлекать внимание

ская Реформация глазами католических историков XVI в. // Вестник РОИИ. 2003. № 6. См.: <http://roii.ru/bulletin/roii—bulletin—6.pdf>.

⁸ Рекузант (*recusant*), от лат. *recusare* (отказываться), — нарушитель статута 1559 г., предписывавшего всем англичанам присутствовать по воскресеньям на литургии в приходских (протестантских) церквях. Формально данный термин мог применяться и к радикальным протестантам, но на практике обозначал только католиков, отказывавшихся посещать приходские церкви.

⁹ *Persons R. A Brief Discourse Contayning Certayne Reasons Why Catholiques Refuse to Goe to Church.* L., 1580; *Garnet H. A Treatise of Christian Renunciation.* L., 1593.

¹⁰ *Persons R. An Epistle of the Persecution of Catholickes in Englande.* Douay, [1582]; *Persons R. An Epistle Towching the Persecution of Catholickes in Englande.* Roen, 1582.

¹¹ *Verstegan R. Theatrum crudelitatum Haereticorum nostri temporis.* Antwerp, 1592.

¹² О монастырских хрониках подробнее см. часть III. См. также: Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2011. Вып. 19. С. 119—147.

к католическим заговорам, поэтому в их сочинениях католики-миряне стойко претерпевали гонения, так же, как и их пастыри, занимавшиеся исключительно мирной, миссионерской деятельностью.

Во-вторых, героями историй были исключительно католики-рекузанты, которые в силу своего выбора лишались возможности участвовать в политической жизни на национальной сцене. Вся их деятельность сводилась к подвигам благочестия и помощи священникам. Взаимодействие с соседями-протестантами авторов не интересовала (кроме случаев обращения последних в католичество).

Эти тенденции были унаследованы католическими историками последующих столетий. В XVII—первой половине XVIII в. историки — как правило, католические священники — следовали по стопам своих предшественников в том, что касалось интерпретаций. Серьезным новшеством стал их подход к историописанию. Историки этого периода были антиквариями, поэтому составленные ими истории героических деяний своих предшественников опирались на большой документальный материал. Свидетельства прошлого — деятельности католиков-миссионеров и их помощников из числа мирян — тщательно собирались в архивах английских коллегий и семинарий за пределами Англии, а также в частных архивах. На подобных коллекциях документов основывалась «История Английской миссии» иезуита Генри Мора (1586—1661) — провинциала иезуитов и ректора коллегии в Сент-Омере (1661 г.)¹³, а также «Мемуары священников-миссионеров и других католиков обоих полов, принявших смерть или испытавших тюремное заключение в Англии из-за их религии, 1577—1685» (1741 г.)¹⁴ епископа Ричарда Чаллонера и «Церковная история Англии с 1500 по 1688 гг.» Чарльза Додда (1737—1742)¹⁵.

Церковные истории XVII—XVIII вв. были сфокусированы на политической истории Английской миссии; большое в место в них уделялось конфликтам в среде католического клира (между иезуитами и членами монашеских орденов, с одной стороны, и секулярными священниками, с другой), причем интерпретации зависели от принадлежности автора к тому или иному ордену. Мирянам же не уделялось много внимания, если не считать перечисления мучеников за веру.

Таким образом, история католиков в Англии оставалась по преимуществу историей политической и резко политизированной. Ярче всего эта черта проявилась на рубеже XVIII—XIX вв., в ходе полемики вокруг предполагавшегося восстановления католиков в гражданских правах. Католические историки-либералы Джозеф Беррингтон и Чарльз Батлер, стараясь рассеять страхи перед восстанием сторонников Стюартов и убедить читателей в том, что их соотечественники-католики такие

¹³ *More H. Historia Missionis Anglicanae, ab anno MDLXXX ad MDCXXXV. St. Omer, 1660.*

¹⁴ *Challoner R. Memoirs of Missionary Priests and other Catholics of both Sexes who suffered Death or Imprisonment in England. L., 1741.*

¹⁵ *Dodd C. The Church History of England from 1500 to 1688. Wolverhampton, 1737—1742.*

же добрые англичане, как и они сами, обращались к истории царствования Елизаветы и Якова I, и подчеркивали лояльность елизаветинских католиков по отношению к правительнице, их преданность национальным интересам Англии и отказ от идеологии ультрамонтанизма. Произвольно отбирая документы (в основном те, что исходили из источников, враждебных иезуитам), они объявляли последних виновниками всех бедствий своих единоверцев, заявляя, что действия иезуитов и священников-миссионеров, подготовленных в семинариях на континенте, спровоцировали конфликты и в конечном итоге явились причиной правительственных гонений¹⁶. Католики-традиционалисты (Джон Милнер, Чарльз Плауден, Джон Лингард) склонны были более сдержанно высказываться о роли католической миссии в истории английского католического сообщества, однако содержание их трудов было близко к идеям, высказанным либералами (по крайней мере, в оценке политической позиции католического дворянства, вернее, полного ее отсутствия)¹⁷.

Сформулированные в XVI—XVIII вв. подходы католических историков предопределили все дальнейшее развитие исследований XIX—первой половины XX в., посвященных английскому католическому обществу, заставляя историков всюду видеть конфликт и столкновение позиций, привлекая внимание к группам, находившимся в оппозиции к руководству миссии, высвечивая лишь один аспект деятельности миссионеров — политический.

Тем не менее, столетие, прошедшее с момента эмансипации английских католиков, открыло для историков новые возможности. Прежде всего, исследователи-католики получили доступ к английским государственным архивам и смогли начать масштабную публикацию источников по истории постреформационного католицизма. Особенно важную роль в этом отношении играло и продолжает играть основанное в 1904 г. *Catholic Record Society* (далее — CRS), издающее документы из английских и континентальных архивов. Издавались и отдельные подборки документов, связанных с конкретными политическими событиями — как правило, касавшимися конфликтов в среде католического духовенства — личные архивы и т.п.¹⁸

¹⁶ *Berrington J. Appeal to the Catholics of England*. L., 1792; *The Memoirs of Gregorio Panzani* / Ed. by J. Berrington. L., 1793; *Butler C. Historical Memoirs of the English, Irish and Scottish Catholics since the Reformation*. 2 Vols. L., 1819.

¹⁷ *Plowden C. Remarks on a Book entitled Memoirs of Gregorio Panzani*. Liège, 1794; *Milner J. The History, Civil and Ecclesiastical, and Survey of the Antiquities of Winchester*. Winchester, 1798—1801; *Lingard J. A History of England*. Philadelphia, 1826. См. также: *O'Day R. The Debate on the English Reformation*. 2nd ed. Manchester, 2014. P. 67—97.

¹⁸ *Records of English Catholics under the Penal Law* / Ed. by T.F. Knox. 2 Vols. L., 1878; *Letters of Cardinal Allen* / Ed. by T.F. Knox. L., 1885; *A Historical Sketch of the Conflicts between Jesuits and Secular in the Reign of Queen Elizabeth* / Ed. by T.G. Law. L., 1889; *Law T.G. The Archpriest Controversy*. L., 1896—1898; *Pollen J. The Institution of the Archpriest*. L., 1916.

В начале XX в. появились и первые обобщающие работы. В 1901 г. иезуит Э. Таунтон издал труд, посвященный деятельности его ордена в Англии в XVI—XVIII вв.¹⁹ Спустя 15 лет в свет вышел долгое время считавшийся классическим труд немецкого историка Карла Майера²⁰. В нем автор, стремясь сохранить объективность, пытался рассмотреть историю английского католицизма как борьбу идей, институтов, личностей. Однако она трактовалась им, вполне в духе времени, как столкновение идеи национального государства и средневековой идеи папской власти, борьбу сил прогресса и реакции, исход которой заранее предрешен. Другие общие труды (посвященные политическому аспекту деятельности католического духовенства) были представлены работами историков-иезуитов Джона Поллена²¹ и Филиппа Хьюза²².

Но большая часть исследований, выходявших в 1870—1950-е гг., представляют собой фактологические изыскания, посвященные отдельным событиям и биографиям. Воплощением этого направления может служить основанный в 1954 г. в рамках CRS журнал *Biographical Studies* (в начале 1960-х гг. он получил новое название — *Recusant History: A Journal of Research in Post-Reformation Catholic History in the British Isles*, далее — *RH*). Изначально он должен был стать своего рода комментарием к публикуемым источникам, приводившим биографические сведения о католиках XVI—XVIII вв. Постепенно тематика публикаций расширилась, охватывая теперь многие аспекты истории мирян-католиков, но главный фокус издания — рекузанты и священники-миссионеры — остался прежним. В результате католическая историография превратилась в маргинальную субдисциплину в рамках англоязычных исторических исследований. Ее рамки были четко очерчены конфессиональными требованиями и приоритетами, сюжеты и подходы определялись ими же. Историки-католики существовали в собственном мире, со своими изданиями, конференциями и семинарами²³, практически не соприкасавшимися с миром ученых-протестантов, хотя многие из них учились в одних и тех же университетах.

Предмет их исследования — католики в пост-реформационной Англии — не существовал для окружающего мира. Для ученых-протестантов, работавших в британских университетах, история английских католиков второй половины XVI—XVII вв. не представляла интереса. Главным предметом их исследований являлась история разрыва с Римом, возникновение национальной церкви и ее характер. Эти исследо-

¹⁹ Taunton E.L. *The History of the Jesuits in England, 1580—1773*. L., 1901.

²⁰ Английский перевод: Meyer C. *England and the Catholic Church under Queen Elizabeth*. L., 1916; 2nd ed. L., 1967.

²¹ Pollen J. *The English Catholics in the Reign of Queen Elizabeth: A Study of Their Politics, Civil Life and Government, 1558—1580*. L., 1920; 2nd ed. N.Y., 1971.

²² Hughes P. *Rome and the Counter Reformation in England*. L., 1944.

²³ CRS издает упомянутый выше журнал и серию монографий, а также проводит трехдневную ежегодную конференцию в колледже Платер (Оксфорд; принадлежит иезуитам).

вательские задачи во многом определялись столкновением представителей различных течений внутри Англиканской церкви XIX и начала XX в. Странники Оксфордского движения (англо-католики) склонны были подчеркивать черты преемственности с католическим прошлым и воспринимали протестантскую Реформацию негативно²⁴. В полемике с ними протестанты сформулировали иную концепцию истории Реформации в Англии, согласно которой XVI столетие стало эпохой борьбы за свободу человеческого духа²⁵, а в политическом плане — кульминацией многовековой борьбы светской и духовной властей, когда монарх при поддержке правящей элиты (парламента), добился, наконец, контроля над английской церковью, усилив свою власть и заложив, таким образом, основу могущества нации²⁶. На таком фоне католики выглядели всего лишь кучкой ретроградов, отчаянно сопротивлявшихся прогрессу (и обреченных на поражение). Им не оставалось места в истории победоносного шествия протестантской Реформации. Подобное представление о религиозной истории Англии XVI в. сохранилось и в послевоенной историографии. Так, Джеффри Элтон, подобно своим предшественникам, рассматривал Реформацию как политический акт разрыва с Римом, повлекшего за собой укрепление национальной монархии²⁷.

К началу 1960-х гг. английские историки вслед за Энтони Диккенсом обратились к процессу протестантизации населения страны, к истории «Реформации снизу». Однако и в этой истории католикам не нашлось места, так как, по мнению Диккенса, проповедь континентального протестантизма в сочетании с традиционным антиклерикализмом англичан и влиянием лоллардов (наследников идей Уиклифа) оказалась весьма эффективной, и уже к середине XVI в. большинство жителей Англии стали протестантами²⁸, а число тех, кто этого не сделал, было столь незначительным, что ими вполне можно было пренебречь.

Тем не менее, появление трудов Э. Диккенса отражало историографическую тенденцию, которой вскоре суждено было до неузнаваемости преобразить исследования в области религиозной истории ранне-

²⁴ Maitland S.R. *Essays on Subjects Connected with the Reformation in England*. L., 1849; *Idem*. *The Reformation in England*. L., 1906.

²⁵ Froude J.A. *The History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada*. 12 vols. L., 1856—1870.

²⁶ Pollard A.F. *Henry VIII*. L., 1902; *Idem*. *Thomas Cranmer and the English Reformation, 1489—1556*. L., 1904; *Idem*. *Wolsey: Church and State in Sixteenth Century England*. L., 1929; Bindoff S.T. *Tudor England*. L., 1950.

²⁷ Elton G.R. *The Tudor Revolution in Government*. Cambridge, 1953; *Idem*. *England under the Tudors*. L., 1955; *Idem*. *Henry VIII: An Essay in Revision*. L., 1962; *Idem*. *Policy and Police: Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell*. Cambridge, 1972; *Idem*. *Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal*. Cambridge, 1973; *Idem*. *Reform and Reformation, England, 1509—1558*. L., 1977.

²⁸ Dickens A.G. *Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558*. Oxford, 1959; *Idem*. *The English Reformation*. L., 1964.

го Нового времени. В 1960-х—70-х гг. британская социальная история претерпела серьезную трансформацию. Конечно, сами исследования по социальной истории появились в Британии еще в довоенный период. Они представляли собой составную часть «социально-экономических» исследований; кроме того, к этому исследовательскому полю относили и работы, посвященные различным аспектам повседневной жизни и деятельности людей²⁹. Первые послевоенные десятилетия принесли с собой появление в Великобритании марксистской историографии, а 1960-е гг. — влияние социологии Макса Вебера и французской школы «Анналов». Их воздействие в Британии соединилось с влиянием собственных исследовательских традиций — школ исторической социологии и антропологии, а также и школ локальных исследований³⁰.

В этих условиях и прозвучал призыв Энтони Диккенса к изучению «Реформации снизу». Он подразумевал новый подход к исследованию истории религии, в котором внимание фокусировалось не на событиях политической истории (разрыве с Римом и т.п.), но на процессе изменения религиозных взглядов рядовых прихожан, а не представителей политической и интеллектуальной элиты. Соответственно, историки должны были отказаться от преимущественного изучения памфлетов и хроник и обратиться к массовым источникам — материалам церковных и светских судов, визитаций, и приходским регистрам, хранившимся в епархиальных архивах. Целое поколение исследователей — как католиков, интересовавшихся «своей» историей, так и университетских ученых, которые декларировали светский, вне-конфессиональный подход³¹ к исследованиям религиозной истории — отправилось изучать архивные коллекции. Результатом стала волна локальных исследований как по истории рекузантов³², так и по истории Реформации в рамках

²⁹ *Trevelyan G.M. The Social History of England. L., 1944.* Русский перевод: *Треvelyян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.*

³⁰ О социальной истории в британской историографии см.: *Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 64—76.*

³¹ Вне-конфессиональность в данном случае довольно условна. Вплоть до сего дня все историки и филологи, изучающие те или иные аспекты истории английских католиков, сами являются практикующими католиками, или, по крайней мере, происходят из католических семей. Исключениями являются историк английской литературы XVI—начала XVII в. Элисон Шелл и автор настоящей работы.

³² *Aveling H. The Catholic Recusants of the West Riding of Yorkshire, 1558—1790. Leeds, 1963; Idem. Northern Catholics: The Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. L., 1966; Idem. Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1719. St. Albans, 1970; Burke V. Catholic Recusancy in Elizabethan Worcestershire (unpublished MA thesis). Birmingham, 1972; Davidson A. Roman Catholicism in Oxfordshire from the Later Elizabethan Period to the Civil War (unpublished Ph.D. thesis). Bristol, 1970; Hilton J.A. Catholicism in Elizabethan Durham // *RH. 1977. Vol. 14 P. 1—8; O'Dwyer M. Catholic Recusants in Essex, 1580—1600 (unpublished Ph.D. thesis). L., 1960; Paul J.E. The Hampshire Recusants in the Reign of Elizabeth I (unpublished Ph.D. thesis). Southampton, 1958; Wark K.R. Elizabethan Recusancy in Cheshire. Manchester, 1971.**

отдельных графств и епархий³³, а также — в 1970—80-х гг. — исследования по истории «народной культуры» и «народной религиозности» (работы Кейта Томаса, Алана Макфарлана, Питера Бёрка и др.)³⁴

Складывавшаяся по этим исследованиям картина английской Реформации сильно отличалась от той, что изобразил Энтони Диккенс. Выводы и материалы, содержащиеся в этих работах, привели к развитию ревизионистского направления в английской историографии, представители которого (Джек Скарисбрик, Кристофер Хэйг, Эмон Даффи³⁵) трактовали Реформацию как развивавшееся параллельно движение за реформу церкви (протестантская реформация), не охватывавшее, впрочем, значительной части населения страны, и серию политических решений, принимавшихся правительством и навязываемых подданным, большинство из которых вовсе не стремилось к переменам. Распространение протестантских идей среди прихожан не могло не быть длительным процессом. В начале 1990-х гг. сложился историографический консенсус, относящий его завершение к последнему десятилетию правления королевы Елизаветы I³⁶.

³³ *Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. Cambridge, 1975; *MacCulloch D.* Catholics and Puritans in Elizabethan Suffolk // Archiv für Reformationsgeschichte. 1981. Bd. 72. S. 232—289; *Idem.* Suffolk and the Tudors. Oxford, 1986; *Manning R.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. Leicester, 1969; *Bowker M.* The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. Cambridge, 1981; *Brigden S.* London and the Reformation. Oxford, 1989; *Davis J.E.* Heresy and Reformation in South-East England. L., 1983.

³⁴ *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. L., 1971; *Macfarlane A.* Witchcraft in Tudor and Stuart England. L., 1970; *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1975. См. также исследования по народной религиозности (подробнее — часть III).

³⁵ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. Oxford, 1984; *Haigh C.* Anticlericalism and the English Reformation // History. 1983. Vol. 68. P. 391—407; *Idem.* Revisionism, the Reformation and the History of the English Reformation // Journal of Ecclesiastical History (далее — JEH). 1985. Vol. 36. P. 394—406; The English Reformation Revised / Ed. by C. Haigh. Cambridge, 1987; *Idem.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993; *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400—1580. New Haven—L., 1992; *Idem.* The Voices of Morebath: Reformation and Rebellion in an English Village. New Haven—L., 2001.

³⁶ См. исследования последних двух десятилетий, посвященные трансформации религиозной культуры в Англии XVI—XVII столетий: *Hutton R.* The Rise and fall of Merry England: The Ritual Year 1400—1700. Oxford, 1994; *Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity: Gloucestershire, 1540—1580. Cambridge, 1997; *Cressy D.* Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford, 1997; England's Long Reformation, 1500—1800 / Ed. by N. Tyacke. L., 1998; *Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-Century England. L., 1998; *Coster W.* Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England. Aldershot, 2002; *Marshall P.* Beliefs and the Dead in Reformation England. Oxford, 2002; *Jones N.* The English Reformation: Religion and Cultural Adaptation. Oxford, 2002. Николай Тайек расширяет хронологию Реформации до конца XVIII в., однако он склонен понимать под ней не только принятие большинством англичан протестантизма, но и отделение от Англиканской церкви неконформистов — как католиков, так и радикальных протестантов. Этот процесс, действительно, завершился лишь в XVIII в. с отделением от нее методистов.

Исследования последних десятилетий XX в. позволили вписать историю английского католицизма в контекст истории Реформации. История елизаветинского католицизма представлялась неотъемлемой частью истории Реформации в целом, фактически превратившись в историю трансформации Англиканской церкви, постепенной поляризации ее паствы и последующего отделения от нее католического сообщества. Под католиками здесь понимались исключительно рекузанты, отделенные от остальных англичан конфессиональным барьером. Объектом же исследования историков Реформации они оказывались лишь на кратком — в несколько десятилетий — промежутке своей истории (1560—1590 гг.), когда они еще словно бы «не определились». В будущем им предстояло стать либо протестантами, либо превратиться в рекузантов — в XVII в. — и вновь «выпасть» из общей религиозной истории Англии.

Накопившаяся масса локальных исследований истории рекузантов привела к появлению в конце 1960—1970-х гг. нескольких обобщающих работ по истории английских католиков. Они, как правило, были посвящены взаимодействию рекузантов и английского правительства в том, что касалось применения антикатолического законодательства XVI—начала XVII в.³⁷

Однако самой влиятельной из них заслуженно стала «История английского католического сообщества, 1570—1850» (1975 г.) Джона Босси³⁸, до сих пор остающаяся единственной обобщающей работой по социальной истории английских католиков. Босси работал в традиции британской школы социальных исследований, однако на его работе сказывается влияние школы «Анналов». Оно проявилось, в частности, в выборе фокуса *long durée* для всего исследования. Своей работой Босси фактически задал параметры *Catholic Studies* на годы вперед, а многие из его выводов имеют значение и до сих пор.

Именно Босси принадлежит сам термин «английское католическое сообщество», которым пользуется не одно поколение историков. Кроме того, в его исследовании выявлена важная роль, какую играли поместья дворян-католиков в истории английского пост-реформационного католицизма. Подметил Босси и гендерную асимметрию, свойственную жизни католиков, а именно, важную роль женщин-католичек в организации религиозной жизни своих единоверцев. С легкой руки Босси эта особенность истории английского католического сообщества получила броское ироническое обозначение — «католический матриархат».

³⁷ Walker F.X. The Implementation of the Elizabethan Statutes against Recusants, 1581—1603 (unpublished Ph.D. thesis). L., 1961; MacGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I. L., 1967; Rose E. Cases of Conscience: Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I. L., 1975; Aveling J. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. L., 1976.

³⁸ Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975; *Idem*. The Character of Elizabethan Catholicism // Past and Present. 1962. Vol. 21. P. 39—59; *Idem*. The English Catholic Community, 1603—1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by A.G.R. Smith. L., 1973. P. 91—105.

Вместе с тем в монографии Босси присутствуют и сомнительные выводы, и недостатки, оказавшие, к сожалению, большое воздействие на последующие исследования.

Так, Босси, подобно своим предшественникам, полностью отождествлял католическое сообщество с рекузантами и рассматривал его в отрыве от остальной части английского общества. Подобный подход определялся «конфессиональной дисциплиной» — как практикующий католик, Босси невольно воспроизводил стереотипы, на которых был воспитан. Сказывались и издержки его исследовательского подхода: монография была сориентирована на массовые источники, как то и подобало работе по социальной истории 1970-х гг. Однако применительно к истории английского католического сообщества массовые источники (приходские регистры и т.п.) появляются лишь в XVIII столетии, когда католическое сообщество фактически замкнулось. Что же касается более раннего периода (XVI—XVII вв.), которому в работе уделен сравнительно небольшой объем, то Босси экстраполировал на него выводы, возникшие на материале позднейших эпох.

Кроме того, Босси полагал, что перемещение центра религиозной жизни католиков в поместья вызвало к жизни феномен «сеньориального католицизма». При этом священники, жившие в них, должны были вести дворянский образ жизни, чтобы чувствовать себя равными своим хозяевам. Такая ситуация приводила к т.н. «поглощению священников средой джентри». Направленные в Англию миссионеры, по мнению Босси, составляли относительно небольшую группу иезуитов и священников, проникнутых идеями Тридентского собора и готовых нести их в Англию. Именно их энергия спасла от смерти медленно агонизировавший католицизм. Однако попытка оторвать священников от джентри породила в конце XVI в. ожесточенный конфликт, победу в котором одержали сторонники старой ориентации. В начале царствования Якова I «сеньориальный католицизм» победил окончательно, а это означало утрату католической церковью массовой базы и превращение ее в «элитарную секту».

Таким образом, история католического сообщества в Англии была, по Босси, историей элитарной неконформистской группы, отделенной от протестантского общества практически непреодолимым конфессиональным барьером. Акцент на аристократизме католической культуры делал этот сюжет не слишком интересным для мейнстрима британской историографии 1970—80-х гг., ориентировавшегося на изучение религиозных взглядов «простых людей». Парадокс заключается в том, что лучшее — до сих пор — исследование по социальной истории английских католиков закрепило за *Catholic Studies* статус маргинального сюжета в рамках англоязычной «университетской» историографии, оставив их уделом конфессионально ориентированных исследований.

И даже те сюжеты истории английских католиков, которым, казалось бы, удалось интегрироваться в академическую науку, на практике продолжали рассматриваться в отрыве от национальной истории. Примером могут служить исследования по политической мысли английских католи-

ков. Возникнув в контексте конфессиональной истории в 1960-х гг., эти исследования постепенно переместились в область академических интересов. В конце 1970—начале 1980-х гг. появились монографии, посвященные католическим памфлетам, однако авторы продолжали рассматривать католиков в отрыве от английских политических традиций³⁹. И хотя английские памфлетисты-католики и вошли в канон политической мысли, их обычно анализируют вместе с памфлетистами Католической Лиги во Франции, воспринимая их сочинения как нечто не английское⁴⁰.

Ситуация начала меняться с началом 1990-х гг., благодаря импульсам, пришедшим в поле британских исследований католической истории извне. Один из таких импульсов был внешним по отношению к британскому академическому истеблишменту: в начале 1990-х гг. австралийская исследовательница Александра Уолшем (ныне — профессор Кембриджского университета) издала исследование, посвященное тем католикам, которым до этого словно бы отказывали в конфессиональном статусе — а именно, католикам-конформистам, которых в Англии XVI в. именовали церковными папистами⁴¹. Своей работой А. Уолшем вернула «церковных папистов» в поле исторических исследований и показала, что они являлись важной составляющей английского католического сообщества, границы которого были чрезвычайно подвижны и проницаемы: рекузанты и церковные паписты постоянно переходили из одной группы в другую, руководствуясь различными мотивами — страхом преследований, карьерными соображениями, стремлением продемонстрировать свою лояльность и др. Один и тот же человек мог за свою жизнь несколько раз переместиться из одной группы в другую. Все эти наблюдения заставляли переосмыслять как границы католического сообщества, так и протестантского прихода, ведь церковные паписты, будучи католиками, формально находились внутри прихода, а не вне его.

Монография А. Уолшем появилась на волне локальных исследований, изучавших малые сообщества — деревни/приходы — в многообразии их социальных связей: локальных политических структур, соседских и родственных связей, социальных контактов и т.п.⁴² И хотя

³⁹ Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, 1979; Holmes P. Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982. Единственная по сей день работа, в которой произведения английских католических памфлетистов рассматриваются в контексте английской политической мысли раннего Нового времени — Sommerville J.P. Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603—1640. L., 1986, 2nd ed.: L., 1999.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Серегина А.Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI—начала XVII в. в истории английской политической мысли // Диалог со временем. М., 2011. Вып. 34. С. 61—73.

⁴¹ Walsham A. Church Papists; Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. L., 1993, 2nd ed.: Woodbridge, 1999.

⁴² О локальных исследованиях в британской историографии см. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 77—82; Она же. Историческая наука на рубеже XX—XXI веков. М., 2011. С. 163—176.

отдельные историки могли расходиться между собой относительно того, являлись ли эти сообщества полем проявления социально-экономических и религиозных конфликтов⁴³, или же местом интеграции религиозных меньшинств в местный социум⁴⁴, локальные истории указывали на присутствие католиков — конформистов и рекузантов *внутри* приходов, как неотъемлемой их части.

Все это привело к формированию нового историографического консенсуса уже в 2000-х гг., когда католики рассматриваются в контексте социальной и религиозной истории страны. Примером может служить недавняя монография Кристофера Хейга (2008 г.), посвященная религиозной культуре англичан пост-реформационного периода (по материалам приходов), в которой глава, посвященная католикам, имеет красноречивое название «Вне церкви, внутри сообщества»⁴⁵.

Вписывание католиков в историю приходов в свою очередь вызвало к жизни посвященные им локальные исследования (1990-е гг.), в которых внимание уделялось не дворянам-католикам (в стиле традиционных *recusant studies*), а католикам-простолюдинам в городских и сельских приходах⁴⁶.

Другой импульс, стимулировавший рост интереса к английским католикам, пришел из истории литературы. Специалисты по истории английской литературы XVI—XVII вв. (Элисон Шелл, Артур Маротти) ратовали за расширение литературного канона, возвращение в него католических авторов, а также проявляли интерес к изучению феномена анти-католицизма в английской культуре⁴⁷.

Благодаря этому в 1990-х гг. началось «возвращение» католиков в религиозную и политическую историю Англии раннего Нового времени. В данном случае движение шло от истории литературы и интеллекту-

⁴³ Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an Elizabethan Village: Terling, c. 1525—c. 1725. 2nd ed.: Oxford, 1996.

⁴⁴ The World of Rural Dissenters, 1520—1725 / Ed. by M. Spufford. Cambridge, 1995.

⁴⁵ Haigh C. The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England. Oxford, 2008. Chapter 9. P. 183—201.

⁴⁶ Sheils W.J. Catholics and Their Neighbours in a Rural Community: Egton Chapelry, 1590—1780 // Northern History. 1998. Vol. 34. P. 109—133; *Idem*. English Catholics at War and Peace // Religion in Revolutionary England / Ed. by J. Maltby. Manchester, 2006. P. 138—157; *Idem*. "Getting on" and "Getting along" in Parish and Town: Catholics and Their Neighbours in England // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c. 1570—1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 67—83; Rowlands M. Catholic of Parish and Town, 1558—1778. CRS. Wolverhampton, 1999; Watson E. "A Stiff-necked, Willful and Obstinate People": the Catholic Community on the North York Moors, c. 1559—1603 // Yorkshire Archaeological Journal. 2006. P. 181—204.

⁴⁷ Catholicism and Anti-Catholicism in Early Modern English Texts / Ed. by A.F. Marotti. L., 1999; *Idem*. Religious Ideology and Cultural Fantasy: Catholic and Anti-Catholic Discourses in Early Modern England. Chicago, 2005; Shell A. Catholicism, Controversy and the English Literary Imagination, 1559—1660. Cambridge, 1999; *Idem*. Oral Culture and Catholicism in Early Modern England. Cambridge, 2007.

альной истории — изучения дешевых памфлетов и способов манипуляции аудиторией, использовавшейся ее авторами — католиками и их оппонентами⁴⁸, представлений католиков об обращении⁴⁹, их политических взглядов и понимания своего места в английском социуме и на политической сцене⁵⁰ — к собственно политической истории. Наиболее важной на данный момент работой по политической истории английских католиков является вышедшее в 2006 г. исследование Майкла Кестье, посвященное семье Монтегю⁵¹. Его монография — это исследование «присутствия» католиков на национальной политической сцене, посвященное деятельности одного католического клана (*entourage*)⁵², семьи и окружения виконтов Монтегю⁵³. В ней рассматриваются политические маневры Монтегю на национальной сцене, их выступления в парламенте, реакция на правительственные меры по отношению к католикам, а также участие их в политике католической миссии (этому посвящена половина текста книги). Несмотря на то, что монография посвящена виконтам Монтегю, в ней ощущается сильный перекокс в сторону истории капелланов и клириков из окружения Монтегю, то есть, истории католической миссии и ее политической роли в Англии.

⁴⁸ Lake P., Questier M. *The Anti-Christ's Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England*. New Haven—L., 2002.

⁴⁹ Questier M. *Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625*. Cambridge, 1996.

⁵⁰ Lake P., Questier M. Puritans, Papists and the “Public Sphere” in Early Modern England: The Edmund Campion Affair in Context // *Journal of Modern History*. 2000. Vol. 72. P. 587—627; Conformity and Orthodoxy in the English Church, c. 1560—1660 / Ed. by P. Lake, M. Questier. Woodbridge, 2000; Catholics and the “Protestant Nation”: Religious Politics and Identity / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005; Lake P., Questier M. *The Trials of Margaret Clitherow: Persecution, Martyrdom and the Politics of Sanctity in Elizabethan England*. L., 2011.

⁵¹ Questier M.C. *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550—1640*. Cambridge, 2006.

⁵² Работа Кестье во многом вдохновлялась исследованиями С. Кеттеринга, посвященными роли клиентел во Франции (см.: *Kettering S. Patrons, Brokers and Clents in Seventeenth-Century France*. Oxford, 1986; *Idem. Patronage in Early Modern France // French Historical Studies*. 1992. Vol. 17. P. 839—862), а также последовавшими за ней английскими работами, например: *Hammer P. The Polarisation of Elizabethan Politics: the Political Career of Robert Devereaux, 2nd Earl of Essex*. Cambridge, 1999.

⁵³ Перипетиям семейной истории и резиденции Монтегю (Каудрей) было посвящено несколько небольших исследований: *Roundell J.A.E. Cowdray: the History of a Great English House*. L., 1884; *Willart H. History of an Old Catholic Mission*. Cowdray—Easebourne—Midhurst. L., 1928; *Hope W.H. St John*. Cowdray and Easebourne Priory in the County of Sussex. L., 1919. Позднее политическая деятельность первого и второго виконтов привлекла внимание историков, изучавших историю Сассекса и католиков этого графства: *Manning R.B. Anthony Browne, 1st Viscount Montague: the Influence in County Politics of an Elizabethan Catholic Nobleman // Sussex Archaeological Collection* (далее — SAC). 1968. Vol. 106. P. 103—112; *McCann T.J. The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // SAC*. 1970. Vol. 108. P. 50—57; *Idem. “The Known style of a dedication is flattery”: Anthony Browne 2nd Viscount Montague of Cowdray and his Sussex Flatterers // RH*. 1988. Vol. 19. P. 396—408.

В результате история католического сообщества представлена в данной монографии несколько однобоко. В нем, безусловно, доминируют клирики, да и само сообщество, хотя вроде бы и включает в себя конформистов, все равно рассматривается словно бы изнутри, в отрыве от английского общества. Майкла Кестье в меньшей степени интересует участие католиков-конформистов в управлении страной, поэтому в его работе нет систематического исследования способов включения католиков во властные институты — парламент и местные комиссии. Полностью отсутствуют в ней и намеки на социальную историю или историю религиозной культуры.

Новых обобщающих работ по социальной истории английских католиков раннего Нового времени пока не появилось. Тем не менее, в конце 1990-х—2000-х гг. появилась серия трудов, исследующих различные аспекты религиозной культуры английских католиков. Их авторы работают на стыке исторической антропологии и интеллектуальной истории, что позволяет им преодолевать проблему источников — отсутствие массовых документов применительно к XVI—XVII в. и необходимость обращаться к текстам-нарративам. В последние годы активно изучаются различные аспекты религиозной культуры английских католиков и способы адаптации проповеди Тридентской реформы к английским условиям⁵⁴, трансформация традиционных форм благочестия и литургических практик в годы преследований католиков, складывание католической идентичности⁵⁵, а также сообщества католиков-эмигрантов за пределами страны, вписывает их как в историю отношений Англии с Францией, Римом, Испанией и Нидерландами, так и в контекст истории католической религиозной культуры XVI—XVII вв.⁵⁶

⁵⁴ *Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // *Past and Present*. 2000. Vol. 168. P. 72—123; *Idem.* Unclasping the Book? Post-Reformation English Catholicism and the Vernacular Bible // *Journal of British Studies*. 2003. Vol. 42. P. 141—166; *Idem.* Holywell: Contesting Sacred Space in Post-Reformation Wales // *Sacred Space in Early Modern Europe* / Ed. by W. Coster, A. Spicer. Cambridge, 2005. P. 211—236; *Idem.* Preaching without Speaking: Script, Print and Religious Dissent // *The Uses of Script and Print, 1300—1700* / Ed. by J.C. Crick, A. Walsham. Cambridge, 2004. P. 211—234; *Idem.* Angels and Idols in England’s Long Reformation // *Angels in Early Modern World* / Ed. by P. Marshall, A. Walsham. Cambridge, 2006. P. 134—167; *Idem.* Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 103—122; *Idem.* The Reformation of Landscape: Religion, Identity, and Memory in Early Modern Britain and Ireland. Oxford, 2011; *Idem.* Catholic Reformation in Protestant England. Farnham, 2014.

⁵⁵ *Dillon A.* The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535—1603. Aldershot, 2002; *Idem.* Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c. 1580—1700 // *History*. 2003. Vol. 88. P. 451—471; *McClain L.* Without Church, Cathedral or Shrine: the Search for Religious Space among Catholics in England, 1559—1625 // *Sixteenth Century Journal*. 2002. Vol. 33. P. 381—99; *Idem.* Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559—1642. Chicago, 2004.

⁵⁶ *Gibbons K.* English Catholic Exiles in Late Sixteenth Century Paris. L., 2011; *Arblaster P.* Antwerp and the World: Richard Verstegan and the International Culture of Catholic

Гендерные историки также «открыли» для себя английских католиков в 1990-х—2000-х гг. Как в интеллектуальной и политической истории католического сообщества, импульс шел от историков литературы, заинтересовавшимися текстами, написанными английскими католичками, или о них⁵⁷. За ними последовали социальные историки, заинтересовавшиеся «католическим матриархатом» Джона Босси. Начали появляться исследования, посвященные роли женщин в религиозной жизни католического сообщества⁵⁸, а также и общин монахинь-англичанок в Нидерландах и Франции⁵⁹.

Таким образом, за последние двадцать лет история английского католического сообщества, наконец, стала частью английской истории, преодолев конфессиональные барьеры и предрассудки. Однако это еще молодая дисциплина. Исследование истории католиков как субстрата английского/британского общества лишь начинается⁶⁰. Предме-

Reformation. Leuven, 2004; *Idem*. The Southern Netherlands Connection: Networks of Support and Patronage // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 123—138.

⁵⁷ *Dolan F.* Whores of Babylon: Catholicism and Seventeenth-Century Print Culture. L., 1999.

⁵⁸ *Crawford P.* Women and Religion in England. L., 1993; *Rowlands M.* Harboureres and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570—1720 // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 103—122.

⁵⁹ *Walker C.* Gender and Politics in Seventeenth-Century English Convents: English Convents in France and the Low Countries. Basingstoke—N.Y., 2003; *Idem*. Priests, Nuns, Presses and Prayers: The Southern Netherlands and the Contours of English Catholicism // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 139—55; *Bowden C.* Collecting the Lives of Early Modern Women Religious: Obituary Writing and the Development of Collective Memory and Corporate Identity // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19. P. 7—20; *Idem*. Community Space and Cultural Transmission: Formation and Schooling in English Enclosed Convents in the Seventeenth Century // *History of Education*. 2005. Vol. 34. P. 365—386; *Idem*. The English Convents in Exile and Questions of National Identity, 1600—1688 // *Emigrants and Exiles from the Three Kingdoms in Europe, 1603—1688* / Ed. by D. Worthington. Amsterdam, 2010.

⁶⁰ В дореволюционной отечественной историографии история европейской Реформации рассматривалась, в соответствии с духом времени, в контексте политической истории и духовной культуры/богословской мысли. Обращение к истории английской Реформации началось с изучения становления вероучения англиканской церкви и ее богословских расхождений с пуританами, и это неудивительно, ведь первыми исследователями оказались профессора Московской и Казанской духовных академий В.А. Соколов («Реформация в Англии», 1881) и А.Н. Потехин («Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах», 1894). Вышедшая в 1906 г. работа А.Н. Савина («Английская секуляризация») добавила к этому и общественно-экономическое измерение, т.к. была посвящена роспуску монастырей и его социальным последствиям.

Историки советского периода, опираясь на уже существующую традицию, исследовали политические конфликты, связанные с Реформацией и конфессиональным противостоянием в Европе, в которых усматривались проявления социально-экономических противоречий эпохи раннего капитализма, приводивших к ранне-буржуазным революциям (Крестьянская война в Германии, ре-

том исследования в настоящей работе являются английские католики, включенные в сообщества различных масштабов и уровней — от национальной политики (придворная, военная и дипломатическая служба, присутствие и работа в парламенте) до управления местными сообществами (выборы в парламент, комиссии графств, мировые суды) и взаимодействия с ними на уровне соседских, деловых и дружеских контактов, а также и конфликтов в рамках приходов, от связей между католиками внутри страны до контактов с единоверцами за ее пределами. Объединение подходов социальной истории и истории религиозной культуры позволяет увидеть то, что собственно, делало «героев» моего исследования англичанами и католиками. Учет многих параметров, естественно, заставляет уменьшить масштаб исследования, что определяется как исследовательским подходом, так и состоянием источников.

Я следую принципам, заложенным в многочисленных англоязычных локальных исследованиях последних десятилетий, в которых прово-

волюции в Нидерландах второй половины XVI в. и Англии середины XVII в.) и порожденные этими конфликтами идеологии. Применительно к истории английской информации их интерес вызывали сам разрыв с Римом, возникновение Англиканской церкви (А.В. Исаенко) и порожденные этим разрывом столкновения гуманистической и реформационной идеологий (И.Н. Осиновский), а также конфликты английского правительства с пуританами в XVI и XVII вв. (труды А.В. Исаенко, В.В. Штокмар, Т.А. Павловой, см. список литературы).

Работ об английских католиках в отечественной историографии практически не появлялось, за исключением статей: Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // *Англия в эпоху абсолютизма*. М., 1984; Дмитриева О.В. В поисках надежного мирового судьи: чистки местной администрации в елизаветинской Англии // *Средние века*. М., 1995. Вып. 58. С. 48—68; Волосникова Л.М. Католики елизаветинской Англии // *Нобили и парии средневекового общества*. Тюмень, 1997; Журавель Н.Ф. Католическая фракция и политическая борьба при дворе Елизаветы I Тюдор // *Королевский двор в Англии XV—XVII веков* / Под ред. С.Е. Федорова. СПб., 2015. С. 189—219. Таким образом, следует констатировать, что специализированные работы по религиозной культуре как английских католиков, так и протестантов в отечественной историографии практически отсутствуют. Единственным исключением являются исследования автора данной монографии, посвященные политической мысли английских католиков, формированию их исторической памяти и идентичности, религиозной полемике и историописанию, роли женщин в жизни католического сообщества, а также и различным аспектам истории виконтов Монтегю и их окружения (см. список литературы).

Традиции социально-экономических и социально-политических исследований продолжились в последние десятилетия рядом работ, посвященных европейскому дворянству в конфессиональную эпоху — участию их в управлении, взаимоотношениям с правителями, отражению на их политической деятельности конфессиональных конфликтов, статусу (имущественному и политическому) аристократов и его осмыслению (В.А. Ведюшкин, Т.П. Гусарова, О.В. Дмитриева, А.Ю. Прокопьев, П.Ю. Уваров, С.Е. Федоров; см. список литературы). Настоящее исследование примыкает к этому направлению, добавляя (хотелось бы надеяться) новые аспекты к анализу проблемы.

дился микросоциальный анализ структурной единицы сообщества — прихода и/или деревни, на основе всех сохранившихся источников и с учетом максимально широкого числа взаимодействий людей, и формировавших данное сообщество⁶¹.

Конечно, применить данный подход к исследованию английского сообщества можно только с определенными оговорками. Реформация уничтожила в Англии систему приходов и диоцезов, а исследование группы католиков, проживавших в каком-либо приходе или деревне, само по себе вряд ли выявит специфику именно католического сообщества; скорее, оно будет сообщать о структуре местного сообщества в целом.

Сохранившиеся источники по истории английского католического сообщества вызывали немало затруднений для ученых, интересующихся социальной историей религии. В Англии с середины XVI и фактически до середины XVIII в. отсутствовала система католических приходов и диоцезов, и, соответственно, порожденные ими массовые источники, с которыми уже привыкли работать специалисты, изучающие историю религиозности, или религиозной культуры, а также и социальные историки. Сохранившиеся источники, как правило, разрозненны, и чаще имеют нарративный характер, и их них невозможно составить репрезентативные выборки, с какими обычно работали историки в 1960—1980-х гг.

Преодолеть эту проблему возможно при смещении фокуса исследования на группу — окружение католиков-аристократов, что позволяет значительно расширить круг источников, используя весь комплекс выявленных на настоящий момент текстов (документальных и нарративных), так или иначе связанных с историей знатной семьи и ее свиты, а также и другие источники по истории английского католического сообщества.

Мной избрана в качестве «элементарной» единицы та структура, которая заменила английским католикам приход — а именно, окружение аристократа-католика. «Окружение» в данном случае — условный термин, являющийся, за неимением лучшего, приблизительным переводом понятия *entourage*, используемого англоязычными историками. *Entourage* охватывает не только семью, близких и дальних родственников, домочадцев и слуг магната-католика, но более широкую группу, включавшую в себя и его арендаторов, деловых партнеров и агентов и других людей, пользовавшихся его покровительством («клиентела»). Окружение не имело определенной географической привязки — и в этом оно отличается от классического локального исследования — но представляло собой относительно небольшую социальную группу, взаимодействия представителей которой друг с другом и с окружающим

⁶¹ Классической работой данного типа является труд К. Райтсона и Д. Ливайна: *Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525—1700.* N.Y.—L., 1979; подробнее о микросоциальной истории и локальных исследованиях в англоязычной историографии см.: *Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.* М., 2011. С. 163—176.

ее сообществом/сообществами могут быть проанализированы в их разнообразии и переплетении.

Объектом исследования в данной работе избрано окружение (*entourage*) влиятельной католической семьи юга Англии, виконтов Монтегю. В отличие от авторов других работ, посвященных им⁶², меня интересует не только политическая деятельность окружения Монтегю на национальной политической сцене и, главным образом, внутри самого католического сообщества, но и его социальная история — взаимодействие с окружающим миром и преобразование католической религиозной культуры в рамках этого сообщества.

Виконты Монтегю были выбраны здесь в силу стремления уйти от стереотипа: «протестантский юг, католический север», распространенного в англоязычных исследованиях. Фокусом исследования являются католики юга Англии — многочисленные и влиятельные, жившие рядом с еще более многочисленными соседями-протестантами. Дворяне-католики севера Англии утратили значительную долю политического влияния после подавления Северного восстания в 1569 г., тогда как южане-католики пострадали значительно меньше. Виконты Монтегю являлись одними из самых могущественных католиков юга страны. Кроме того, среди представителей семейства были как люди, полностью лояльные правительству, так и явные оппозиционеры, как рекузанты, так и конформисты, что отличает их от других титулованных католиков юга Англии (например, оппозиционеров и рекузантов Эрнделов, или конформистов Вустеров и Винчестеров). Таким образом, посвященное семье и окружению виконтов Монтегю исследование позволяет выявить различные механизмы включения католического дворянства в политическую и социальную жизнь страны.

Исследование охватывает период политической и деловой активности представителей трех поколений семьи Монтегю — первого виконта Монтегю, Энтони Брауна (1528—1592), его сына, сэра Энтони Брауна (1552—1592) и внука, второго виконта, Энтони Мария Брауна (1574—1629). За это время английские католики пережили потрясения, вызванные Реформацией, и адаптировались к жизни в стране, большая часть населения которой приняла учение протестантов. На тот же период пришлась и католическая реформа — завершилась работа Тридентского собора, и началось распространение его принципов. Таким образом, рассматриваемый в настоящей монографии период является важным этапом в истории английского католического сообщества, требующим специального исследования.

Решение конкретных исследовательских задач — например, изучение брачных стратегий католиков, а также доступных им политических ролей — требовало сопоставления как с предшествующим периодом, так и с событиями последующих десятилетий, поэтому в отдельных

⁶² См. монографию Майкла Кестье (*Questier M. Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550—1640. Cambridge, 2006*) и его статьи.

случаях я рассматривала материал, относящийся к первой половине XVI в., а также к 1630—1640-м гг.

Обращение к источникам различных типов и жанров потребовало использования разнообразных подходов к ним, основанных на методах целого ряда направлений исторических исследований. Выше уже отмечалось, что данная работа следует традиции «микросоциальной истории», возникшей в рамках англоязычной (преимущественно британской) локальной истории. Такой фокус потребовал, с одной стороны, использования микроисторического подхода — как в выборе объекта исследования, так и в реконструкции отдельных эпизодов семейной истории, а с другой, — традиционные инструменты социальной истории. Прежде всего, это касается просопографических исследований и истории семьи, позволивших составить представление о клане и свите Монтегю, и об их окружении, а также изучения их политической активности в графстве и парламенте, а также взаимодействия с приходом.

Реконструкция биографий членов семьи Монтегю потребовала обращения к исторической биографии, хотя в силу особенностей источников ее применимость оказалась ограниченной: архив виконтов был практически уничтожен во время пожара в их поместье Каудрей в 1793 г., поэтому эго-документов — прежде всего, писем — сохранилось очень мало. Не осталось и дневников или мемуаров.

Исследование католической религиозной культуры и ее трансформации потребовало обращений как к исторической антропологии, уже давно использующихся в изучении истории религиозности, так и к интеллектуальной истории религии — истории религиозного сознания и мышления мирян и духовенства, идеалов, определявших как ориентацию личностей и групп в мире, так и их деятельность, в том числе творческую, интеллектуальную. В данном контексте важны были такие направления интеллектуальной истории, как история интеллектуальных сообществ, позволяющая увидеть формирование групп, которые на рубеже XVI—XVII вв. распространяли идеи Тридентской реформы в Англии, а также и исследования исторической памяти и идентичности, показывающие, как формировались и видоизменялись представления дворян-католиков о себе и своей общественной роли, а также манипуляция сложившимися образами в полемической культуре раннего Нового времени. Наконец, гендерная история позволяет исследовать динамику властных отношений внутри католического сообщества, а также выявить процесс изменения в нем гендерных ролей и предложить ему объяснения.

Монография представляет собой анализ взаимодействий католического окружения виконтов Монтегю с английским обществом в различных контекстах и на разных уровнях, выявляющий степень влияния конфессиональной принадлежности группы на многие аспекты ее жизни.

Осуществление этой цели потребовало рассмотрения брачные стратегии виконтов Монтегю с целью выяснить, существовала ли во второй половине XVI—первой трети XVII в. тенденция к эндогамным бракам среди дворян-католиков; изучения присутствия виконтов Монтегю и чле-

нов их свиты в политическом поле, а именно, их участия в политических конфликтах эпохи и придворной борьбе фракций, военной и дипломатической службы, работы в парламента и управлении графствами; исследования способов, при помощи которых представители семьи Монтегю осмыслили свою политическую роль и репрезентировали ее, а также восприятия и использования этих репрезентаций современниками; анализа различных аспектов взаимодействия виконтов Монтегю, их свиты и арендаторов с местным протестантским сообществом на уровне приходов; в частности, их участие в литургической жизни протестантских приходов (присутствие на службах, практика причащения, обряды перехода — крещение, венчание и похороны), роль виконтов Монтегю как патронов протестантских приходов, социальные контакты католиков на уровне родственных дружеских и деловых связей, их конфликты с соседями, наличие или отсутствие социальной сегрегации католиков; исследования трансформации католической религиозной культуры в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. Для этого необходимо изучить литургическую практику католиков (в резиденциях Монтегю), проанализировать пасторскую и проповедническую деятельность живших там постоянных капелланов и священников-миссионеров, особенности религиозного образования, личные благочестивые практики, отношение к идеалу созерцательной жизни и монашеству, и наконец, преобразования в сфере традиционной культуры в ее католическом варианте.

* * *

Предлагаемая читателю книга основывается на моей докторской диссертации «Английское католическое сообщество второй половины XVI—первой трети XVII в.», защищенной в ИВИ РАН в 2013 г. Выражаю глубокую признательность всем тем, кто участвовал в обсуждении этой работы на разных стадиях ее существования — моим официальным оппонентам П.Ю. Уварову, Г.И. Зверевой и С.Е. Федорову, а также О.В. Дмитриевой, М.В. Винокуровой, М.В. Дмитриеву, О.Ф. Кудрявцеву, коллегам, высказывавшим замечания и пожелания, когда я представляла различные разделы будущей книги в докладах на семинарах и конференциях ИВИ РАН, МГУ, РГГУ — Л.П. Репиной, М.С. Петровой, В.А. Ведюшкину и многим, многим другим.

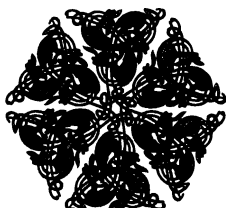
Работа над диссертацией и потом монографией оказалась бы затруднительной, если не вовсе невозможной, без помощи моих коллег и друзей в поиске материалов и обсуждении результатов — А.В. Стоговой, О.И. Тогоевой, Е.Н. Кирилловой и А.Г. Суприянович.

Отдельная признательность — Фонду интеллектуальной истории и лично Констансу Блэкуэлл, чья поддержка облегчила мою исследовательскую работу в Лондоне, Кристоферу Хейгу, Фелисити Хил, Майклу Кестье, Эндрю Фостеру, Биллу Шилдсу и Кэти Гиббонс, в общении с которыми родилась идея данной книги. Воплощение же этой идеи стало возможным благодаря моим близким — без их заботы и поддержки настоящий труд никогда не был бы завершен. Им — с любовью — и посвящается эта монография.

Часть I

Католическая знать
в политической жизни Англии
XVI – первой трети XVII в.

XVI столетие стало свидетелем огромных перемен в жизни Европы, охвативших практически все ее стороны, прежде всего, сферу религии и политики, которые тогда (как, впрочем, и гораздо позже) были трудноотделимы друг от друга. Тем не менее, принесенное Реформацией конфессиональное деление зачастую призывало европейцев именно к этому — разделению политики и религии, или, по крайней мере, выбору между ними. В теории каждый христианин должен был без колебаний следовать своей совести (т.е. своим религиозным убеждениям), ставя их превыше всех прочих соображений — таких, как повиновение монарху, карьера, личные привязанности и т.д. Однако на практике выбор никогда не оказывался простым — хотя бы потому, что повиновение властям тоже было фактически религиозным долгом, а забота о семье также входила в непосредственные обязанности христианина.

Кроме того, дворяне на протяжении столетий участвовали в управлении страной и считали это не только правом, но и своей священной обязанностью, выполнением долга перед страной. В XVI в. правитель и подданные зачастую оказывались разделенными конфессиональным барьером. Каким образом представители знати, принадлежавшей к религии, отличной от официально признанной в той или иной стране, строили свои отношения с государями? Становились ли они главами оппозиционных групп, удалялись ли в свои поместья, занимаясь исключительно местными делами, или же пытались достичь компромисса, который позволил бы им, не отказываясь от убеждений, участвовать в делах управления? Все эти вопросы могут быть заданы применительно к истории почти любого европейского государства XVI—XVII вв.

Не обошли они стороной и Англию. На протяжении XVI столетия страна трижды меняла исповедание. Последняя такая перемена (1559 г.) сделала страну официально протестантской и превратило приверженцев «старой веры» в изгоев, лишенных политических прав. По крайней мере, именно такую картину долгое время рисовали исследования историков. И даже те из них, кто посвятили английским католикам отдельные труды, склонны были представлять политическую активность последних во второй половине XVI—начале XVII вв. как дело рук горстки радикалов-заговорщиков, которой противопоставлялось лояльное протестантским монархам — и потому избегавшее всякого участия в политике — пассивное большинство католиков. Подобная интерпретация призвана была объяснить отсутствие в стране полномасштабной религиозной войны наподобие французской (хотя такое объяснение было и остается спорным), но она не дает возможности понять ни степень «присутствия» или «отсутствия» католиков, особенно дворянства, на английской политической арене, ни его динамику, а также никоим образом не объясняет феномен почти истерического анти-католицизма, свойственного протестантской политической элите

страны в конце XVI—начале XVII в. Либо политики-протестанты, видевшие врагов-католиков повсюду, были жертвами собственной паранойи и предубеждений, либо присутствие католиков на политической арене все же сохранялось.

Принимая вторую гипотезу, исследования двух последних десятилетий интегрировали католиков в политическую историю Англии, представляя ее теперь не как историю пассивного большинства и радикального меньшинства, но как сложное взаимодействие, диалог протестантской элиты с различными группами католиков и местными элитами, католическими и протестантскими¹. Через этот диалог, собственно и осуществлялось управление страной. Ведь английское правительство, в отличие от Франции и других континентальных абсолютных монархий, не располагало бюрократическими институтами управления на местах, и воплощение в жизнь политических решений монарха оказывалось невозможным без доброй воли местного дворянства, из членов которого состояли выборные органы управления, и аристократов, определявших их персональный состав.

В данном разделе предпринимается попытка оценить, в какой степени английские аристократы-католики оказывались включенными в политическую жизнь страны и католического сообщества — или же исключенными из нее. Исследование, посвященное политической роли нескольких поколений семейства Монтегю, призвано продемонстрировать, как могло осуществляться участие католической аристократии в управлении страной — от двора, Тайного Совета и парламента до графств и до взаимодействия с католиками в Англии и за ее пределами. В главе I рассматривается складывание влиятельного католического клана и реконструируется система его родственных связей. В последующих главах [II—IV] анализируется лояльность или нелояльность католиков Монтегю своим монархам-протестантам, а также их политическую карьеру на протяжении всего XVI и первой трети XVII в. — при дворе, в Тайном Совете и парламенте, а также графствах Сассекс и Сарри, — и их влияние в рамках католического сообщества (необязательно совпадавшего с национальными границами). Глава V посвящена самоидентификации виконтов Монтегю как представителей политической элиты и одновременно — конфессиональной оппозиции, и исследует восприятие современниками того образа, который являли миру представители данной семьи, а также манипуляции им в религиозной и политической полемике XVI—XVII вв.

¹ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 1—29.

«Рождение династии»: Семья Монтегю в XVI—XVII вв.

Значение родственных связей для европейцев раннего Нового времени, в том числе и для англичан, трудно переоценить. В памяти людей того периода хранились сложные генеалогические схемы, переплетения кровного родства и свойства, оказывавшие воздействие практически на все стороны их жизни. Историки 1960—70-х гг. склонны были преуменьшать роль этих отношений в Англии, выводя на первый план развитие малой семьи¹, однако дискуссии 1980-х гг. выявили их огромное значение для всех без исключения групп населения — от крестьян до аристократических династий². Развитая система родства была потенциальным источником богатства и влияния для ее членов. Родственники обменивались информацией и давали советы, оказывали протекцию, представляли друг друга влиятельным лицам, помогали подниматься по карьерной лестнице, устраивали выгодные браки. В кризисных ситуациях они предоставляли ссуды, давали убежище, выступали в качестве свидетелей, опекунов и распорядителей имущества и оказывали юридическую (и совсем не беспристрастную) помощь³.

Семьи представителей политической элиты находили в родственных узах способ сохранения собственного статуса и усиления политического влияния. Вряд ли поэтому можно отрицать значение системы родства для английской знати⁴.

Реформация добавила важные детали к этой всеобъемлющей картине. В Англии XVI столетия, как и повсюду в Западной Европе, появляются преследуемые религиозные меньшинства. Для них родственные связи, зачастую устанавливаемые в собственной среде, оказывались способом защититься от гонений и сохранить свою конфессиональную идентичность.

¹ См., например: *Macfarlane A. The Family Life of Ralph Josselin. Cambridge, 1970; Idem. The Origin of English Individualism. N.Y., 1979; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1580—1800. N.Y., 1977. P. 123—32; Wrightson K. English Society, 1580—1680. L., 1982. P. 44—51.*

² См.: *Houlbrooke R.A. The English Family, 1450—1700. L., 1984; Land, Kinship and Life-Cycle / Ed. by R.M. Smith. Cambridge, 1985.*

³ *Cressy D. Kinship, and Kin Interaction in Early Modern England // Past and Present. 1986. Vol. 113. P. 38—69, особ. P. 67—68.*

⁴ Об английской титулованной знати см.: *Stone L. The Crisis of Aristocracy. Oxford, 1965.*

Все это в полной степени применимо к английскому католическому сообществу, формировавшемуся в правление Елизаветы I как отдельная конфессиональная группа. Исследования, посвященные ему, традиционно создавались как история английских католиков, отделенных от национальной истории конфессиональным барьером. Написанные историками-католиками работы, посвященные истории отдельных католических родов, не были связаны с общими тенденциями развития социальной истории, поскольку адресовались исключительно «своему» конфессиональному сообществу. А классический и до сих пор остающийся непревзойденным труд по социальной истории английских католиков Джона Босси (1975 г.) — рассказывает историю формирования конфессиональной группы изнутри, не пытаясь увидеть ее взаимодействия с окружающим миром⁵.

Результатом подобного подхода оказывается «оптическое искажение», свойственное даже историкам последних десятилетий, исследовавших жизнь католических семейств в более широком (прежде всего, политическом) поле национальной английской истории. Соответственно, и системы родства, и выстраивавшиеся католиками династии и кланы обычно рассматриваются как исключительно эндогамные и католические. Так, изучавший родственные связи известного католического рода Трешэмов Сандип Каушик отмечал, что идеологические, конфессиональные мотивы оказывались решающими в «брачной политике» семьи, определяя ее родственные связи. Именно эти связи и формировали английское католическое сообщество уже в XVI веке; оно имело элитарный и сеньориальный характер и объединялось общими религиозными взглядами и взаимопомощью⁶.

Подобным же образом и Майкл Кестье в своей недавней монографии о виконтах Монтегю рассматривает родственные связи этой семьи, представляя их как формирование католического клана. Нетрудно заметить, что взгляд на католическое сообщество «изнутри» не меняется⁷. При этом информация, противоречащая этой картине, либо игнорируется, либо остается без объяснений.

Задачей настоящей главы является проверка гипотезы о доминирующем влиянии конфессиональной идеологии при заключении родственных союзов католических семейств. Здесь оценивается соотношение конфессиональных и других — экономических и политических факторов — в «брачной» истории семьи Монтегю. Для этого были реконструированы этапы формирования католического клана, используя материалы генеалогий и биографий членов семьи виконтов Монтегю и их родственников на протяжении семи поколений, с XV по первую

⁵ Bossy J. *The English Catholic Community, 1570—1850*. L., 1975. P.5.

⁶ Kaushik S. *Resistance, Loyalty and Recusant Politics: Sir Thomas Tresham and the Elizabethan State // Midland History*. 1996. Vol. 21. P. 37—72, особ. P. 41—47.

⁷ Questier M.C. *Catholicism and Community*. Chapter 3: “The Emergence of a Catholic Dynasty: the Brownes of Cowdray”. P. 68—108.

треть XVII в. включительно. Мной были учтены и матрилинейные связи, т.к. они сыграли важную роль как в семейных стратегиях — брачных и политических.

Исследование «брачной политики» первых трех, дореформационных, поколений позволяет увидеть параметры «традиционной» системы родства, на которую еще не оказывал воздействия религиозный фактор. Полученные результаты сравниваются с материалом за последующий, конфессиональный, период, что позволяет четче выявить сходства и расхождения и оценить как династию, построенную виконтами Монтегю, так и характер католического сообщества, состоявшего из таких династий.

История семьи Браунов на протяжении XV в. представляет собой типичный для Англии пример вертикальной мобильности представителей социальной элиты. Ее члены на протяжении нескольких поколений проделали путь от богатого купечества до придворных, в чем им только способствовали перипетии Войны Алой и Белой Розы, сильно «проредившей» старое английское дворянство. Семейные стратегии и политика брачных союзов Браунов ясно указывает на постоянное стремление повысить свой социальный статус, а затем — и закрепить его, породнившись с другими предстателями местного джентри.

Происхождение семейства Браунов было довольно скромным, хотя сами они впоследствии стремились всячески его облагородить. Эта отредактированная версия долгое время, вплоть до конца XIX в., фигурировала в их биографиях. Согласно ей, первым из известных предков был некий Роберт Браун или ле Брен, представлявший графство Камберленд в парламенте в середине XIV в. Французское написание имени должно было указывать на то, что предки когда-то прибыли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем. Младший сын сэра Роберта, Энтони, разбогател, занимаясь торговлей сукном в Лондоне, и был возведен в рыцарское достоинство Ричардом II. Младший из его сыновей — Стивен — стал в 1439 г. мэром Лондона; старший, сэр Роберт Браун, приобрел манор Бичворт в графстве Сарри⁸.

Современные биографы представителей английской политической элиты XV в. (в частности, членов парламента) приходят к иным выводам. Сэр Роберт Браун и его брат Стивен (ок. 1395—1462/4) были, вероятно, сыновьями, богатого купца из Ньюкасла, Джона Брауна. А написание фамилии — *Browne* или *Broun* — было типично для Шотландии. Таким образом, предки Браунов, скорее всего, переселились в Англию вовсе не с континента, а с севера.

Переместившись на юг, члены семьи Браун следовали традиционному пути — старший сын приобрел манор в графстве Кент. Младший же сын, Стивен, продолжил заниматься семейным бизнесом и вошел в состав деловой элиты Лондона. Он принадлежал к гильдии торговцев бакалейным товаром, в 1429—1460 гг. был лондонским олдерменом, а

⁸ Roundell J. Cowdray: The History of a Great English House. L., 1884. P. 11—12.

в 1439 г. стал лорд-мэром⁹. Сэр Стивен Браун был женат трижды, однако о первых двух женах неизвестно ничего, кроме их имен — Джулиана и Элис. Третий же брак свидетельствовал о желании лорд-мэра породниться с дворянством. Новой супругой стала Роуз, дочь Роберта Скотта — шерифа Кембриджшира и Ноттингэмшира¹⁰. Возможно, заключению этого брачного союза поспособствовал старший брат Стивена, сэр Роберт. О его собственной брачной истории, впрочем, ничего неизвестно. Однако он, несомненно, был женат и имел сына, с которого и началось возвышение семьи при дворе.

Сэр Томас Браун (ок. 1402—1460), казалось, был типичным представителем джентри, полностью погруженным в дела своих графств — Кента и Сарри, где у него были владения. Он был избран членом палаты Общин от Дувра (Кент) в 1439—1440 гг., и в течение многих лет участвовал в работе многочисленных комиссий в графствах, в 1450-х гг. регулярно избирался в мировые судьи в Кенте и Сарри¹¹. Однако большая часть жизни сэра Томаса протекала при дворе. Он был казначеем двора Генриха VI и верным сторонником герцога Сомерсета и королевы Маргариты Анжуйской. Придворная служба принесла ему влияние и богатство, а также позволила заключить блестящий брак. В 1434 г. сэр Томас женился на девушке много моложе себя, Элинор Фицалан, дочери сэра Томаса Фицалана (ум. ок. 1431 г.) и внучке графа Эрендела. Благодаря этому браку внук купца породнился со знатнейшими семьями Англии. Его родственники были, к тому же, самыми влиятельными дворянами в Сассексе. А Элинор Фицалан после смерти племянника унаследовала манор Бичворт в Сарри¹², ставший с тех пор родовым гнездом старшей ветви рода Браун.

Стремление закрепиться в кругу придворных — носителей рыцарского звания — а также и укрепить позиции семьи на юге Англии отражается в устроенных сэром Томасом браках его детей. Его старший сын, сэр Джордж Браун, женился на Элизабет, дочери Реджинальда де Грея, лорда Уилтона¹³, а старшая дочь, Кэтрин стала женой богатого землевладельца из Сассекса, Хэмфри Сэквилла из Бакхёрста (1426—1488). О следующем сыне, Томасе, вообще не сохранилось сведений, возможно, он рано умер. Старшему сыну, по всей видимости, предназначался главный блок семейных владений в графстве Сарри вокруг Бичворта. Третий сын, сэр Роберт Браун, получил от отца манор Чилэм

⁹ History of Parliament, 1439—1509: Biographies of the Members of the Commons House / Ed. by J.C. Wedgwood. L., 1936. P. 123; *Trapp S.L. The Merchant Class of London, 1300—1500. Ann Arbor—Michigan, 1989. Appendix I. P. 327.*

¹⁰ History of Parliament, 1439—1509. P. 123.

¹¹ History of Parliament, 1439—1509. P. 123—124.

¹² Бичворт находится к югу от границы Большого Лондона, между Редхиллом и Доркингем, неподалеку от аэропорта Гэтвик.

¹³ History of Parliament, 1439—1509. P. 121—122. Позднее (в 1470-х гг.) сэр Джордж женился вторично на норфолкской дворянке леди Элизабет Пойнингс (урожденной Пастон).

в Кенте¹⁴ и женился на дочери местного дворянина, сэра Уильяма Моллета Мэри. Следующий брат Уильям (1441?—1501) служил в Кале и, по всей видимости, женат не был. И самый младший из братьев Браунов, сэр Энтони (1443—1506) при жизни отца не женился. Будучи последним из сыновей, он не имел своих земель и управлял поместьями старшего брата.

Очевидно, что сэр Томас Браун в своей семейной стратегии следовал примеру многих своих современников. Старшим детям обоего пола предназначались более престижные браки, но они же и были более обременительными финансово, поскольку, женись на девушках более высокого статуса, сыновья должны были выделять им по брачному контракту значительную часть имущества как вдовью долю. А дочери, заключая престижный брак, должны были иметь и более крупное приданое. Что же касается младших детей, то они могли в лучшем случае рассчитывать на браки с отпрысками семей мелкого дворянства. Именно такой оказалась бы и участь Энтони Брауна, если бы не бурные политические события второй половины XV в.

В июне 1460 г. армия сторонников герцога Йоркского под командованием графа Уорика и старшего сына герцога, Эдварда, графа Марча (будущего Эдуарда IV Йорка) захватила Лондон. Сопrotивление Тауэра возглавил верный сторонник династии Ланкастеров, сэр Томас Браун, однако оно оказалось недолгим. А после захвата Тауэра йоркистами он пытался бежать, однако был захвачен в плен и казнен как изменник¹⁵ 29 июля 1460 г.

Казалось бы, казнь отца должна была негативно отразиться на статусе его сыновей. Однако этого не произошло благодаря второму браку леди Браун. Элинор Фицалан быстро нашла себе нового супруга и покровителя. В 1461 г. она стала женой сэра Томаса Вона (1410?—1483), который должен был знать ее первого мужа и всю семью: как и сэр Томас Браун, Вон был придворным Генриха VI — в 1459 г. его назначили хранителем королевского гардероба. Впрочем, у сэра Томаса Вона были хорошие связи и среди сторонников династии Йорков: когда он в 1460 г. попытался увезти казну Генриха VI в Ирландию, его захватили ирландские пираты, однако новый король Эдуард IV выкупил его из плена¹⁶. С тех пор сэр Томас был верным слугой Эдуарда IV. И верность эта не осталась без награды. Частью ее был брак с богатой вдовой убитого ланкастерца, сэра Томаса Брауна. Помимо этого, Томас Вон в 1465 г. назначен личным казначеем короля и хранителем его драгоценностей. Он также был дипломатом; его не раз отправляли с посольством в Бургундию; именно он вел переговоры о браке сестры короля Маргариты с герцогом Бургундским Карлом

¹⁴ Чилэм находится неподалеку от Кентербери.

¹⁵ Т.е. повешен, вынут из петли живым, и выпотрошен заживо; тело приговоренного затем рассекали на части.

¹⁶ Вероятно, причиной была близость сэра Томаса к Вудвиллам — семье будущей жены короля. Они же впоследствии оказывали покровительство и его пасынку, сэру Джорджу Брауну.

Смелым. В 1470 и 1471—1483 гг. сэр Томас был членом Совета Эдуарда IV и его доверенным лицом. В 1475 г. он был причислен к свите Эдуарда, принца Уэльского в качестве камергера¹⁷.

Благодаря покровительству отчима, Джордж Браун оказался при дворе и попал в число телохранителей короля Эдуарда IV. Его верность монарху, впрочем, не была неколебимой: в 1471 г. он сражался против него при Тьюксбери на стороне графа Уорика и герцога Кларенса; именно там ему и было даровано рыцарское звание. Однако отчим сумел добиться для него прощения в 1472 г. Сэр Джордж многократно избирался в парламент от Гилфорда, Кентербери и графств Сарри и Кент, был мировым судьей и шерифом в этих графствах. В 1483 г. на похоронах короля Эдуарда IV он нес знамя Св. Георгия.

Смерть Эдуарда IV радикально изменила положение семьи Браунов, да и соотношение сил внутри нее. Сэр Томас Вон находился в Ладлоу вместе с юным королем Эдуардом V. Именно он вместе с дядей короля, графом Риверсом, повез его в Лондон, к Ричарду, герцогу Глостеру. Граф Риверс и сэр Томас Вон были захвачены по пути, доставлены в замок Понтефракт и там обезглавлены 25 июня 1483 г.¹⁸

После казни отчима, а затем и распространения слухов о смерти принцев в Тауэре, сэр Джордж Браун, как и многие недовольные йоркисты, присоединился к задуманному герцогом Бекингэмом восстанию, целью которого было посадить на престол Генриха Тюдора — дальнего родственника Ланкастеров по боковой линии. 18 октября 1483 г. сэр Джордж вместе со своим пасынком, сэром Эдвардом Пойнингсом (1459?—1521)¹⁹ собрали свои отряды в Мейдстоуне (Кент), а затем повели их на Лондон. Восстание в Кенте было подавлено; сэру Эдварду Пойнингсу удалось бежать в Бретань, где он присоединился к свите Генриха Тюдора. Его отчиму не повезло — он был схвачен в Мейдстоуне и обезглавлен на Тауэр-Хилле 4 декабря 1483 г.²⁰ Поместья сэра Джорджа перешли его сыновьям; от них пошла старшая ветвь рода Браунов — рыцарей и сквайров из Сарри и Кента²¹.

Возвыситься же суждено было младшей ветви рода, а именно, сэру Энтони Брауну. До 1483 г. он ничем не прославился, по всей видимости, спокойно занимаясь делами поместий. Единственной известной официальной должностью было управление выморочными поместьями (*escheat*), отходившими королю, в графствах Сомерсет и Дорсет²². Однако гибель отчима и брата вывела его из политического небытия. В 1483 г. сэр Энтони восстал против Ричарда III и был объявлен мятежником.

¹⁷ History of Parliament, 1439—1509. P. 902—903.

¹⁸ Ibid. Обоих обвинили в том, что они собирались убить молодого короля.

¹⁹ Сын Элизабет Пастон, второй жены сэра Джорджа Брауна, от ее первого брака с Ричардом, лордом Пойнингсом.

²⁰ History of Parliament, 1439—1509. P. 121—122.

²¹ В 1627 г. наследник старшей ветви семьи, сэр Эмброуз Браун из Бичворта, получил титул баронета.

²² Calendar of the Fine Rolls, 1471—1485. L., 1911. P. 246.

О его действиях в течение полутора лет нет никаких сведений; возможно, он вместе с сэром Эдвардом Пойнингсом бежал в Бретань. Известно, что он присоединился к отрядам высадившегося в Англии в 1485 г. Генриха Тюдора и сражался на его стороне в битве при Босуорте. В награду за это в 1486 г. новый король Генрих VII назначил его одним из своих знаменосцев. В 1487 г. он стал королевским телохранителем, одновременно получив рыцарское достоинство. Тогда же он был назначен смотрителем замка в Квинсборо (на острове Шеппи у слияния рек Темзы и Мидуэй). Zenитом карьеры сэра Энтони стал пост констебля Кале (1503 г.)²³.

Семейная история сэра Энтони отражает его неожиданный взлет. У младшего брата, не имевшего больших владений, не было шансов на престижный брак. Однако придворный, находившийся в постоянном личном контакте с королем, представлял собой куда более завидного жениха. 20 января 1488 г. он женился на представительнице богатого йоркширского рода Элинор Агтрэд²⁴, с которой познакомился, видимо, в 1486 г., когда сопровождал Генриха VII в его поездке на север страны. Элинор принадлежала к семейству йоркистов, которые остались верны Ричарду III (как и многие северяне). Ее дед, сэр Роберт Агтрэд (ум. 1487 г.) сражался против Генриха VII в битве при Босуорте, что технически делало его изменником. Неудивительно поэтому, что его семья поспешила породниться с приближенным нового короля.

Будучи далеко не юной женщиной, леди Элинор родила только одного ребенка — дочь Энн (в 1488 или 1489 гг.). В начале 1490-х гг. она умерла. Уже немолодой вдовец, сэр Энтони начал искать себе новую супругу, так как нуждался в наследнике-мужчине. Новый брак во многом определил возвышение семьи в XVI столетии. Избранницей сэра Энтони стала еще одна вдова-северянка, леди Люси Невилл (1468—1544), в прошлом — супруга сэра Томаса Фицуильяма (1448—1495) из Олдуорка в Йоркшире²⁵. Хотя семья ее мужа было достаточно состоятельной, к числу богатых вдов леди Люси причислить невозможно — детей от первого брака осталось восемь²⁶. Главным ее приданым были не земли (их ей тоже досталось немного), а происхождение. Леди Люси была дочерью Джона Невилла, маркиза Монтегю (ок. 1431—1471) — одного из лидеров йоркистов, погибшего в сражении при Барнете. Соответственно, дедом Люси Невилл был Ричард Невилл, граф Солсбери (1400—

²³ Roundell J. Cowdray. P. 11—12. О карьере сэра Энтони Брауна-старшего см. также: Calendar of Patent Rolls, 1485—1494. P. 85, 173, 283, 306—307, 502.

²⁴ Cokayne G.E. Complete Peerage. 2nd ed. L., 1938. Vol. 12. Part 2. P. 164. Дата рождения Элинор точно неизвестна, но произошло это ближе к середине XV в. Таким образом, на момент вступления в брак с сэром Энтони Брауном, ей было за 30, и она, скорее всего, уже овдовела.

²⁵ Находится неподалеку от столицы графства, города Йорка.

²⁶ Судя по датам рождения, старшие сыновья, включая наследника, Томаса Фицуильяма, дети от первого брака с другой женщиной, имя которой неизвестно. Это косвенно подтверждается и тем, что сэр Энтони Браун покровительствовал лишь младшим детям его жены — видимо, именно они и были его пасынками.

1461), а дядей — знаменитый «Делатель королей», Ричард Невилл, граф Уорик (1428—1471). Таким образом, сэра Энтони Браун породнился с представительницей старой знати. Более того, леди Люси была правнучкой Джоан Бифорт и праправнучкой Джона Гонта, герцога Ланкастерского²⁷, а это делало ее родственницей Генриха VII. В число дальних предков входил Жильбер (Гилберт) де Клер, граф Глостер, прибывший в Англию с Вильгельмом Завоевателем, а также и король Эдуард I²⁸.

Помимо знатных родственников, у леди Люси Браун были и собственные политические пристрастия: она была сторонницей свергнутой династии Йорков. Верность ее мужа Генриху VII Тюдору не подвергалась сомнению. Однако в 1504 г., после смерти наследника престола, принца Артура и его матери, во время тяжелой болезни самого короля, многие из числа его соратников не были склонны поддержать его младшего сына (будущего Генриха VIII, которому на тот момент было всего 13 лет), опасаясь, что юный правитель не сумеет удержать власть. А йоркисты были готовы приветствовать не престоле своего претендента, графа Саффолка²⁹. По словам офицеров гарнизона Кале, обсуждавших в сентябре 1504 г. династический кризис, леди Люси «не любит короля [Генриха VII]»; благодаря ее усилиям и попустительству мужа — возможно, не желавшего портить отношения с тем, кто вполне мог вскоре оказаться его монархом — город был наводнен сторонниками Белой Розы. Офицеры были уверены, что в случае смерти Генриха VII лейтенант Кале откроет ворота города графу Саффолку и его людям³⁰. Несмотря на донос, первый Тюдор не усомнился в верности своего бывшего собрата по оружию. Однако леди Люси за свою нелояльность уже после смерти сэра Энтони (в 1507 г.) была оштрафована на 100 марок серебра³¹.

В браке сэра Энтони и леди Люси родилось пятеро детей. Учитывая детей от первых браков обоих супругов, получается поистине большая семья. Необходимо было устроить судьбу более чем 10 отпры-

²⁷ Джоан Бифорт, графиня Уэстморленд и ее старший брат Джон Бифорт, герцог Сомерсет, были незаконнорожденными детьми Джона Гонта и Кэтрин Суинфорд, узаконенными особым парламентским статутом. Джон Бифорт был предком Генриха VII Тюдора по материнской линии, и именно благодаря этому тот претендовал на родство с династией Ланкастеров.

²⁸ Потомки сэра Энтони Брауна гордились этим браком, включившим семью в круг старой английской знати. В составленной в 1615 г. родословной были упомянуты все занятые предки леди Люси Невилл, вплоть до XI в. См.: British Library (далее — BL), Harleian MS 1195. F. 1—4. Подробнее о рукописи см. часть I, главу V.

²⁹ Эдмунд де ла Пол, граф Саффолк (1472—1513), был сыном Джона де ла Пола, герцога Саффолка и Елизаветы Йоркской. С 1487 г. — претендент на английскую корону по линии Йорков. В 1501 г. бежал из Англии в Нидерланды. В 1506 г. был выдан Генриху VII эрцгерцогом Филиппом и отправлен в Тауэр. Казнен по приказу Генриха VIII в 1513 г.

³⁰ LP. Vol. I. P. 31—232.

³¹ Penn T. Winter King: the Dawn of Tudor England. L., 2012. P. 232.

сков³². Сэр Энтони пристроил Уильяма Фицуильяма (ок. 1490—1542), сына леди Люси, в свиту Генриха, герцога Йорка (будущего Генриха VIII), когда мальчику было около 10 лет, то есть, около 1500 г. Позднее к нему присоединился его собственный сын и наследник, Энтони Браун (1500—1548). Старшая дочь сэра Энтони, Энн, в 1502—1503 г. стала фрейлиной Елизаветы Йоркской³³, а после смерти королевы была отправлена для получения подходящего придворной даме воспитания в дом Мэри Блаунт, супруги Генри Бёрчера, графа Эссекса³⁴. Этим она была обязана йоркистским связям отца и мачехи — ведь матерью графа была не кто иная, как Энн Вудвилл, — сестра Элизабет, жены Эдуарда IV Йорка и бабушки Генриха VIII.

Пребывание Энн Браун в доме графа Эссекса привело к одному из придворных скандалов начала XVI в., и парадоксальным образом немало способствовало карьере ее братьев. Речь идет о тайном браке, в который Энн вступила по собственной воле, не поставив никого в известность. Ее избранником стал Чарльз Брендон (1484—1545). Он происходил из того же круга тюдоровских придворных, что и сама Энн. Сэр Уильям Брендон и его младший брат сэр Томас вместе с ее отцом и дядей участвовали в восстании герцога Бекингэма в 1483 г., и сражались при Босуорте на стороне Генриха VII. Сэр Уильям Брендон был знаменосцем первого Тюдора и погиб в сражении. В память об отце Генрих VII взял его младшего сына Чарльза в собственную свиту (1491 г.) и воспитывал его вместе с принцами Артуром и Генрихом. Чарльз Брендон был причислен к свите принца Артура (до 1502 г.), однако не поехал с его маленьким двором в Ладлоу, а остался с младшим братом Генрихом. Именно тогда, по всей видимости, и началась его дружба с Уильямом Фицуильямом, с 1500 г. находившегося при Генрихе. Оба юноши стали товарищами по играм будущего короля. Благодаря этой дружбе Брендон познакомился и с Энн Браун, которой в 1506 г. было 16 или 17 лет. Молодые люди влюбились друг в друга (у Чарльза Брендона уже тогда была репутация сердцееда) и вступили в брак, не дожидаясь согласия родителей невесты, которых, скорее всего, не получили бы: Чарльз Брендон был младшим сыном и не имел пока ни положения, ни состояния. Брак был заключен тайно: в начале XVI в. церковное право считало браком союз мужчины и женщины, заключенный после взаимного обещания и подкрепленный вступлением в интимные отношения. Ни церковного обряда, ни присутствия священника или свидетелей, готовых подтвердить факт взаимного обещания, не требовалось.

Вскоре Энн забеременела (дочь с тем же именем родилась в 1507 г.), а Чарльз Брендон решил поправить свое финансовое положение и,

³² В данной главе речь не идет о старших детях сэра Томаса Фицуильяма Томасе и Джоне. Их жизнь была тесно связана с семьей отца и с севером Англии.

³³ *Weir A. Elizabeth of York. The First Tudor Queen. L., 2013. P. 447.*

³⁴ *Gunn S.J. Henry Bouchier, Earl of Essex (1472—1540) // Tudor Nobility / Ed. by G.W. Bernard. Manchester, 1992. P. 136—137.*

бросив жену, в 1506 г. женился вторично на женщине почти на 20 лет старше себя — на сестре леди Люси Браун Маргарет (род. 1466 г.), вдове сэра Джона Мортимера.

Нетрудно себе представить, в какую ярость пришли родственники брошенной Энн Браун. Ее отец, сэр Энтони, скончался в начале 1506 г., но его вдова и ее сын, Уильям Фицуильям, действовали решительно. В дело вовлекли патрона Энн и самого Брендона — графа Эссекса. В результате в конце 1507 г. брак Чарльза Брендона и Маргарет Мортимер был аннулирован, а неверному мужу было приказано вернуться к первой жене. Вопрос был разрешен в папской курии, причем в кратчайшие сроки, что подразумевало вмешательство в дело самых высокопоставленных лиц королевства. Чтобы законность союза Брендона и Энн Браун не вызвала никаких сомнений, родственники Энн принудили его жениться на ней вторично — на этот раз с публичной церемонией³⁵.

Трудно сказать, насколько счастливым был этот брак по принуждению. Продлился он недолго: в 1511 г. Энн умерла от родильной горячки, родив мужу еще одну дочь — Мэри. Однако ее братья — Уильям Фицуильям и сэр Энтони Браун-младший — на всю жизнь остались друзьями Брендона и его собратьями по оружию, сражавшимися вместе с ним против французов и шотландцев. Он продолжал оказывать покровительство родным покойной жены годы спустя после ее смерти. А его покровительство имело большое значение: ведь в 1515 г. сэр Чарльз Брендон стал герцогом Саффолком и мужем сестры короля Марии Тюдор, вдовствующей королевы Франции. Друг детства Генриха VIII и его родственник оставался его доверенным лицом на протяжении всего царствования. Так брак, заключенный вопреки желанию семьи Браунов, стал важным фактором придворной карьеры его представителей³⁶.

Оставшись вдовой во второй раз, леди Люси Браун должна была позаботиться об удачных союзах для остальных детей. Ее дочь, Элизабет Фицуильям, между 1507 и 1510 гг. была выдана замуж за богатого йоркширского землевладельца, сэра Томаса Молеврера, а после его смерти в 1511 или 1512 г. — за сэра Николаса Харви из Айкуорта (Саффолк) (ум. 1532 г.). Харви, подобно Брендону, был младшим сыном, однако с 1513 г. входил в свиту Генриха VIII, причем относился к ближнему кругу друзей молодого короля. Позднее сэр Николас станет воином и дипломатом (послом при дворе Карла V)³⁷.

Приблизительно в тот же период (около 1508 г.) младшая сестра Элизабет, Маргарет Фицуильям была выдана замуж за сэра Уильяма Га-

³⁵ Gunn S.J. Henry Bouchier. P. 137; Penn T. Winter King: the Dawn of Tudor England. L., 2011. P. 288, 310.

³⁶ О Чарльзе Брендоне см.: Gunn S.J. Charles Brandon, Duke of Suffolk, 1484—1545. L., 1988. Благодаря бракам дочерей Энн Браун и Чарльза Брендона Энн (1507—1558) и Мэри (1511—1540/44) Брауны породнились с бароном Греем из Поуиса и лордом Монтиглом соответственно.

³⁷ <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1509—1558/member/harvey—nicholas—1491—1532>.

скойна (1469?—1551) из Гауторпа (Йоркшир). Внук (по женской линии) графа Нортумберленда, шериф Бекингэмшира и Беркшира и член парламента от своего графства, он был влиятельным человеком на севере Англии, а позднее стал казначеем могущественного кардинала Уолси (1523 г.)³⁸.

После смерти сэра Энтони важным фактором в возвышении семьи стала придворная карьера его пасынка Уильяма Фицуильяма. Друг детства Генриха VIII, он в 1512 г. отправился в Гиень под командованием своего троюродного брата Томаса Грея, маркиза Дорсета³⁹. В 1513 г. он отличился в морском бою под Брестом, а затем — при осаде Турнэ и король возвел его в рыцарское достоинство (вместе с зятем, сэром Николасом Харви). В ноябре того же года король и его супруга почтили своим присутствием его свадьбу с Мейбл Клиффорд (1492?—1551), младшей дочерью барона Генри Клиффорда (1454—1524)⁴⁰. Клиффорды были представителями старой знати; их предки прибыли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем. Так тюдоровская аристократия повышала свой статус. Кроме того, Мейбл Клиффорд была фрейлиной королевы Екатерины Арагонской, и этот супружеский союз был, вероятнее всего, заключен не без вмешательства монаршей четы. Узы верности и семейная история связали Фицуильямов и Браунов с Екатериной Арагонской, во многом предопределив позиции, которые они займут в политических конфликтах 1530—40-х гг. Союз с Клиффордами был закреплён в 1521 или 1522 г., когда младшая сводная сестра сэра Уильяма Фицуильяма, Люси Браун (1501—1557) вышла замуж за брата Мейбл, сэра Томаса Клиффорда (1502—1543).

Старшей сестре, Элизабет Браун (ум. 1565 г.), нашли жениха с титулом, который к тому же мог похвастаться родством — хотя и незаконным — с правящей династией. Генри Сомерсет, граф Вустер (1499—1549), был сыном Чарльза Сомерсета — первого графа и незаконнорожденного сына Генри Бифорта, герцога Сомерсета — дяди Генриха VII. Граф Вустер, таким образом, приходился троюродным братом Генриху VIII. Благодаря браку с ним Элизабет Браун (вторая половина 1526 г.) ее семья породнилась с титулованной аристократией⁴¹.

³⁸ Calendar of the Fine Rolls, 1485—1509. P. 226, 388.

³⁹ Бабушка Дорсета по материнской линии была сестрой маркиза Монтегю, то есть, теткой леди Люси Невилл.

⁴⁰ См.: Bindoff. Vol. II. P. 142—145; Oxford Dictionary of National Biography (далее — ODNB) online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/9663>.

⁴¹ Граф Вустер все же был гораздо выше по рангу, нежели дочь сэра Энтони Брауна. Союз был обеспечен как происхождением ее матери и серьезным приданым, так и тем фактом, что для графа это был второй (менее престижный) брак. Его первой женой была Маргарет Кортни, дочь графа Девона, племянница Екатерины Йоркской и кузина Генриха VIII. См. также ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/26015>. Через Элизабет, графиню Вустер, и ее дочерей и внуков семья Браунов — Монтегю породнилась с аристократами первого ранга — Перси (графами Нортумберлендами) и Невиллами (баронами Лэтимерами).

Брат невесты, сэр Энтони Браун (1500—1548) к тому времени уже занимал прочные позиции при дворе. Телохранитель короля, сопровождавший посольство сэра Томаса Болейна в Париж в 1518 г., он отличился на турнирах — например, на Поле Золотой Парчи — и на полях сражений во Франции. Именно там, в бою при Морлэ (1522 г.), он получил рыцарское звание. В 1524 г. сэру Энтони было даровано звание эсквайра королевского двора. В 1526 г. он стал лейтенантом острова Мэн и джентльменом королевской опочивальни. Среди приближенных Генриха VIII его старшим коллегой при дворе и собратом по оружию во Франции был влиятельный дворянин из Сассекса, сэр Джон Гейдж из Фёрла (1479—1556). В 1525/26 г. его старшая дочь Элис стала женой сэра Энтони Брауна. Брак с ней принес семье Браун укрепление связей с влиятельным дворянством Сассекса и Сарри, а также и связи с тюдоровскими придворными династиями Гилфордов (родственников жены сэра Джона Гейджа), Дадли и Воксов из Харроудэна⁴².

Таким образом, можно констатировать, что третье поколение семьи Браун благодаря стараниям леди Люси Невилл закрепились в кругу придворных и уже начинало заключать родственные союзы с титулованной знатью. Семья продолжала повышать свой статус, и следующим шагом неизбежно должно было стать получение титула и проникновение в круг тюдоровской аристократии.

Первым заветного титула достиг, как нетрудно предположить, друг детства Генриха VIII, сэр Уильям Фицуильям. Его взлет оказался стремительным, и ему не помешали даже перипетии борьбы придворных партий, осложненные конфессиональным противостоянием. Фицуильям отличился на поле боя, и на палубе корабля — в 1520 и 1522—1523 гг. — он был вице-адмиралом, то есть, заместителем командующего английского флота, а между этими двумя назначениями выступал в роли дипломата — посла во Франции (1521—1522 гг.). По возвращении в Англию он стал членом Тайного Совета (1522 г.). В 1525—1530 гг. он был казначеем двора Генриха VIII; тогда же его назначили капитаном замка Гинь (1523—1526 гг.), лейтенантом Кале (1526—1530 гг.), а в 1526 г. наградили орденом Подвязки. В 1537 г. Генрих VIII даровал Уильяму Фицуильяму титул графа Саутхэмптона. Граф был лордом-хранителем печати (1540—1542 гг.), лордом-адмиралом (1536—1540 гг.), лейтенантом на севере во время похода английской армии против Шотландии в 1542 г. В ходе этой кампании, по пути на север, граф и скончался (в Ньюкасле, 15 октября 1542 г.)⁴³.

Верная служба графа Саутхэмптона была вознаграждена и многочисленными поместьями, многие из которых являлись бывшими монастырскими владениями. Его основным манором был Мидхёрст с домом

⁴² Potter D. Sir John Gage, Tudor Courtier and Soldier (1479—1556) // *English Historical Review* (далее — EHR). 2002. Vol. 117. P. 1109—1146; ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/10272>.

⁴³ См. примеч. 40.

в Каудрее (Западный Сассекс), кроме того, он владел наследственными землями в северных графствах, и пожалованными ему королем поместьями в Девоне, Норхэмптоншире и Сомерсете.

Однако передавать титул и все эти владения было некому — брак с Мейбл Клиффорд оказался бездетным. Титул графа Саутхэмптона стал выморочным, а земли согласно составленному графом завещанию (1542 г.) были распределены между родственниками. Северные владения достались потомкам старшего единокровного брата, сэра Томаса Фицуильяма, погибшего в 1513 г. в сражении при Флоддене: а именно, его дочери Маргарет (1508—1557), супруге Годфри Фолджэмба (ум. 1559 г.), и внуку — сыну старшей дочери Элис, (1506—1536) сэру Годфри Фолджэмбу (1527—1584)⁴⁴. Оставил он средства и другим родственникам — своей матери, вдовствующей леди Браун, племяннице и крестнице жены Мейбл Браун (дочери сэра Энтони Брауна, см. далее), племяннику — Томасу Харви (1512?—1577?), сыну своей сестры Элизабет Фицуильям — и двоюродным сестрам по отцовской линии, леди Элизабет Боро (урожденной Фицуильям), и Кэтрин Скипуит (1484—1571), жене сэра Томаса Хинеджа⁴⁵.

Владения на юге (в Сассексе, Сарри и Хэмпшире) были завещаны в пожизненное владение графине Саутхэмптон, а после ее смерти должны были отойти сводному брату графа, сэру Энтони Брауну. Последний еще при жизни леди Мейбл выкупил у нее Каудрей (илл. 1—2), ставший с того времени родовым гнездом семейства Браунов.

Сэр Энтони к тому времени и сам стал крупным землевладельцем в графствах Сассекс и Сарри. Наследство отца было сравнительно небольшим, однако большую часть его земель составляли пожалования за службу (с центром в бывшем аббатстве Бэттл в Восточном Сассексе, илл. 3).

Карьера сэра Энтони складывалась столь же удачно, как и карьера его сводного брата, чему, безусловно, способствовало покровительство последнего, а также герцога Саффолка. Посол во Франции (1527 г.), королевский знаменосец, в 1539—1540 гг. он достиг зенита карьеры — стал конюшим и членом Тайного Совета (1539 г.), рыцарем Ордена Подвязки и капитаном джентльменов-пенсионеров (1540 г.)⁴⁶.

В 1540 г. сэр Энтони Браун овдовел, а спустя три года вступил в новый брак. Выбор супруги отражал выросший статус семьи: член Тайного совета и один из самых влиятельных придворных женился на королевской воспитаннице, подруге детских игр принцессы Елизаветы — шестнадца-

⁴⁴ Сестры Элис и Маргарет Фицуильям в 1524 г. вышли замуж за двух братьев Фолджэмб — сэра Джеймса и Годфри. Сын старшей из них, сэр Годфри Фолджэмб, унаследовал от графа Саутхэмптона родовое гнездо Фицуильямов — замок Олдуорк, который далее передавался по наследству уже в этой семье.

⁴⁵ Завещание графа Саутхэмптона хранится в Национальном Архиве: PRO, PROB 11/29/16.

⁴⁶ Личная охрана монарха. Ранее капитаном был патрон Браунов граф Эссекс. См.: Bindoff. Vol. I. P. 518—21; ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/3665>.

тилетней Элизабет Фицджеральд (1527—1589). По возрасту она годилась жениху в дочери; вполне возможно, ее сначала прочили в жены ровеснику — сыну и наследнику сэра Энтони, однако последний предпочел сам жениться на одной из первых красавиц тюдоровского двора, «прекрасной Джеральдине», воспетой в сонетах графа Сарри.

Элизабет Фицджеральд происходила из круга англо-ирландской знати. Ее отцом был Джеральд Фицджеральд, граф Килдейр и лорд-представитель короля в Ирландии, а мать приходилась дочерью Томасу Грею, маркизу Дорсету — родственнику и покровителю Браунов⁴⁷. Выйдя замуж, она стала мачехой детям сэра Энтони от первого брака, которые были практически ее ровесниками. А после смерти мужа (1548 г.) семейные связи «Джеральдины» сыграли немалую роль в выборе супругов для его детей.

Впрочем, браки старших отпрысков — дочери Мэри (1526?—?) и сына Энтони — был явно определены их отцом, думавшим о политических альянсах среди придворных группировок, хотя и не без помощи его жены. Мужем Мэри Браун в 1546 г. стал Джон Грей из Пирго (1527?—1564), второй сын маркиза Дорсета и внук покровителя Браунов Томаса Грея, первого носителя этого титула; он, соответственно, приходился троюродным братом «Джеральдине». Кроме того, старший брат Джона Грея Генри, унаследовавший в 1530 г. отцовский титул маркиза Дорсета, был женат (с 1533 г.) на племяннице короля Фрэнсис Брендон — одной из наследниц престола, согласно завещанию Генриха VIII.

Овдовев, Мэри Браун вступила в новый брак с сэром Генри Капеллом (1514—1588). Капеллы были влиятельным и богатым родом в Хартфордшире, а сэр Генри, кроме того, владел манором Рейн в Эссексе⁴⁸. Он был членом парламента от графства Хартфоршир и шерифом Эссекса⁴⁹. Капелл, как и его родственники, принадлежали к большинству, принявшему Англиканскую церковь, а в число их родственников входили как католики, так и убежденные протестанты⁵⁰. Однако это не помешало католикам Браунам с ними породниться⁵¹.

В 1551 г. сэр Энтони Браун-младший, сын и наследник покойного, женился на Джейн Рэдклиф (1532—1552), дочери Роберта Рэдклифа, графа Сассекса. Примечательно, что оба семейных союза связали семью Браунов с придворной аристократией — выдвигенцами Тюдоров, обогатив-

⁴⁷ См.: ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/9549>.

⁴⁸ Именно он был передан леди Мэри в качестве вдовой доли.

⁴⁹ О Капелле см.: Bindoff. Vol. I. <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1509-1558/member/capell-sir-henry-1505-58>.

⁵⁰ Сэр Генри Капелл был женат дважды, и обе его супруги имели явные католические связи: первая из них, Кэтрин Мэннерс, дочь графа Ратленда, была придворной дамой Марии I Тюдор. Однако наследника своего он женил на воспитанной протестанткой Маргарет Грей (дочери Мэри Браун от первого брака).

⁵¹ В последнее десятилетие XVI в. кузен сэра Генри Капелла, сэр Эдмунд Пелэм (племянник его матери) входил в круг доверенных лиц виконтессы Магдален Монтегю. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 221—222, 227.

шимися при роспуске монастырей и, в отличие от графа Саутхэмптона и сэра Энтони, не хранившими верности католичеству. И Грей, и Рэдклифы приняли Реформацию, пусть и в том ограниченном виде, в каком она допускалась в Англии при Генрихе VIII, а их политические интересы относили их к «протестантской» партии при дворе. Тем не менее, сэр Энтони-старший и его вдова, не колеблясь, связали с ними судьбы своих детей, руководствуясь при этом не конфессиональными, а фракционно-политическими и династическими, семейными интересами.

Вдова сэра Энтони-старшего в октябре 1554 г. вступила в новый брак — с Эдвардом Клинтоном, графом Линкольном (1512—1585) — еще одним представителем «протестантской» партии, процветавшем и при лорде-протекторе Сомерсете, и при герцоге Нортумберленде. Впрочем, связь с семьей Браунов не прервалась — в 1554 г. Мейбл Браун вышла замуж за брата «Джеральдины», только что унаследовавшего титул и владения — Джеральда Фицджеральда, графа Килдейра (1525—1585).

Овдовевший в 1552 г. сэр Энтони Браун-младший достиг пика своей придворной и политической карьеры при Марии I Тюдор. Он был назначен конюшим свиты Филиппа II (1554 г.), членом Тайного Совета (1557 г.), рыцарем ордена Подвязки; служил королеве как дипломат (посольство в Рим в 1555 г.) и воин (лорд-лейтенант армии под Сен-Кантенем в 1557 г.). В 1554 г. ему, как внуку Люси Невилл и правнуку маркиза Монтегю, даровали этот титул, правда, с понижением — он стал только виконтом⁵². Молодой вдовец и наследник титула мог рассчитывать на титулованную или, по крайней мере, богатую невесту. Поэтому в 1558 г. второй женой виконта стала Магдален Дейкр (1532—1608), дочь лорда Уильяма Дейкра, барона Гилсленда и Грейстока⁵³. Представительница древнего северного рода, она принесла с собой помимо приданого связи со знатнейшими семьями Англии — Тэлботами (графами Шрусбери), Клиффордами (графами Камберлендами)⁵⁴. А ее племянница, Энн Дейкр с 1572 г. была замужем за Филиппом Ховардом, унаследовавшим в 1580 г. титул графа Эрендела — т.е. за первым по рангу дворянином графства Сассекс.

Младшим детям приходилось довольствоваться куда более скромными союзами. Братья виконта нашли себе жен в кругу дворянства южных графств. Уильям Браун женился на наследнице манора Элсинг Энн Хастингс (ум. 1572 г.), Фрэнсис Браун — на уроженке Сассекса Энн Горинг, причем ни та, ни другая семья не могут быть названы строго

⁵² Bindoff. Vol. I. P. 513—516, 518—521; ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/3667>.

⁵³ Магдален Дейкр была фрейлиной королевы Марии I, а до своего появления при дворе провела несколько лет в свите Энн Рассел (урожденной Сапкот), графини Бедфорд (ум. 1559 г.). Ее супруг, Джон Рассел, первый граф Бедфорд (1485—1555), был другом отца Монтегю и присутствовал в качестве свидетеля на церемонии инвентуры его как виконта Монтегю в 1554 г. (см. ниже, главу II). Вероятно, именно графиня Бедфорд и устроила брак молодого вдовца со своей бывшей подопечной.

⁵⁴ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/71781>.

католическими. И здесь проявлялось стремление главы семьи закрепиться как на придворном, так и на местном уровне, на этот раз — с помощью браков младших детей.

Условно католическим может быть назван лишь брак младшей дочери, Люси Браун (1538?—1606). Она стала женой кентского дворянина Томаса Роупера из Элтэма (1536—1598), сына Уильяма Роупера и Маргарет Мор, внука и тезки знаменитого гуманиста и католического мученика, Св. Томаса Мора. Но и он свидетельствует не только о конфессиональных предпочтениях семьи, но и о желании породниться с влиятельным родом дворян и судейских. Ведь Уильям Роупер был про-тонотарием в суде Королевской скамьи (позднее эту должность занял его сын Томас), а его отец — королевским прокурором при Генрихе VIII.

Ситуация начала меняться в царствование Елизаветы. Вступление в брак с представителями радикальных протестантов для католических семей было исключено. Но заключались ли семейные союзы только в католической среде? Подобную конфессиональную чистоту было бы трудно выдержать хотя бы потому, что критерий принадлежности к католическому сообществу размыт. Хорошим примером служит здесь семья Монтегю. Будучи конформистами и одновременно убежденными католиками, Монтегю стремились заключать семейные союзы либо с подобными себе, либо с умеренными протестантами. Впрочем, о династических интересах при заключении браков тоже не забывали.

Эту тенденцию можно проследить в «брачной политике» первого виконта Монтегю. Правда, с приходом к власти королевы-протестантки католические магнаты оказываются постепенно вытесненными с большой политической арены. Но оставался уровень графства. Виконт Монтегю был в 1568—1585 гг. лордом-лейтенантом Сассекса и всячески старался укрепить положение семьи на юге и юго-востоке Англии. Благодаря своим бракам он уже был связан с графом Эренделом (являвшимся, впрочем, его главным соперником в Сассексе) и графом Сассексом (Хэмпшир). Перси, граф Нортумберленд, также был родственником — мужем двоюродной племянницы виконта Кэтрин Невилл⁵⁵.

В 1566 г. Монтегю породнились с еще одним южным родом. Старшая дочь виконта Мэри (1552—1607) стала женой Генри Ризли, графа Саутхэмптона (1545—1581)⁵⁶. Сам граф был крестником Генриха VIII, а его семья принадлежала к тюдоровской знати. Зять виконта был воспитан католиком; таким образом, в этом семейном союзе соединились конфессиональная и династическая составляющие⁵⁷.

⁵⁵ Внучка Элизабет Браун, графини Вустер.

⁵⁶ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/30072>.

⁵⁷ Сестра графа Саутхэмптона, Элизабет Ризли, была к тому моменту замужем за Томасом Рэдклифом, графом Сассексом, приходившемся невесте кузеном по материнской линии. Таким образом, вполне возможно посредничество семьи Рэдклиф при заключении этого брака.

Брак, впрочем, оказался неудачным: граф был ревнив, и в 1580 г. фактически расстался с женой, обвинив ее в измене, и запретил ей видеться с детьми. Это же условие было оговорено и в его завещании, однако графине не без помощи отца и его влиятельного троюродного брата — фаворита Елизаветы I, графа Лестера — удалось аннулировать это распоряжение мужа⁵⁸.

Несмотря на свое католическое воспитание, графиня не считала нужным удалиться от орбиты королевского двора и от своих влиятельных родственников. Ее сын, Генри Ризли (1573—1624), граф Саутхэмптон, родился в поместье деда — Каудрее. Однако его воспитание было не строго католическим, а скорее, конформистским. После смерти отца его официальным опекуном был лорд Бёрли. В 1590 г. он предложил графине породниться — женить семнадцатилетнего графа на его внучке, Элизабет де Вир, дочери графа Оксфорда. Леди Мэри и ее отец были согласны на этот отнюдь не католический союз, который принес бы ее сыну и всей семье власть и влияние, однако юный граф наотрез отказался. Представленный ко двору (1590 г.), он быстро вошел в круг близких друзей молодого фаворита Елизаветы I, графа Эссекса, а в 1598 г. женился на его двоюродной сестре и старшей фрейлине королевы, Элизабет Вернон⁵⁹.

Воспитывавшийся в детстве как католик, а в юности — как протестант, граф Саутхэмптон выбрал подчинение законам страны и в начале 1590-х гг. окончательно стал конформистом, что не мешало ему оказывать покровительство своим многочисленным родственникам-католикам. Ближайшей родственницей-католичкой была сестра графа, Мэри Ризли (1567?—1607). Ей мать и дед угодовали подобающий ее рангу и при этом вполне католический союз с Томасом Эренделлом, лордом Уардуром⁶⁰.

Сама вдовствующая графиня скорее следовала примеру сына. В 1594 г. (после смерти отца и старшего брата) она вышла замуж за влиятельного придворного — вице-камергера и члена Тайного Совета Елизаветы, сэра Томаса Хинеджа (1533—1595)⁶¹. Этот брак явно не определялся конфессиональными мотивами. В 1599 г. леди Мэри вышла замуж в третий раз. Ее супругом стал сэр Уильям Харви (ум. 1642 г.), лорд Росс (в Ирландии).

Сын и наследник виконта, сэр Энтони Браун (1552—1592), а также старшая дочь от второго брака, Элизабет благодаря своим бракам укрепили связи семьи Браун с влиятельными дворянами. В 1570 г. была отпразднована двойная свадьба. Сэр Энтони Браун женился на Мэри Дормер (1555?—1637), а Элизабет Браун вышла замуж за брата Мэри, сэра Роберта Дормера (1551—1616). Дормеры были влиятельным семейством в Беркшире и Бекингэмшире. Сэр Уильям Дормер — отец

⁵⁸ *Akrigg C. Shakespeare and the Earl of Southampton. L., 1968. P. 7—11, 12—22.*

⁵⁹ *Ibid. P. 31—32, 70—71.*

⁶⁰ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/726>.

⁶¹ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/12921>.

Роберта и Мэри — был умеренным католиком, служившим Томасу Кромвелю и обогатившимся во время роспуска монастырей. Благодаря первому браку с Мэри Сидни он находился в родстве с этим видным и влиятельным протестантским семейством. Благодаря этому, а также неоспоримой верности Дормера Елизавете ни он сам, ни его семья никогда не подвергались преследованиям как католики⁶².

Это тем более примечательно, что дети сэра Уильяма Дормера, в отличие от него самого были гораздо более радикальными католиками, чем Монтегю. Сэр Уильям Дормер был сыном Джейн Ньюдигейт, брат которой, блестящий молодой придворный и друг Генриха VIII, удалился в картузианский монастырь, а в 1535 г. стал мучеником за веру. Леди Джейн, а также ее внучка — Энн, леди Хангерфорд — эмигрировали на континент и поселились в Испанских Нидерландах. Другая внучка, Джейн — любимая фрейлина Марии Тюдор — стала женой испанца, герцога де Ферии и переселилась в Испанию. Там она и ее сын стали влиятельными покровителями английских эмигрантов-католиков и патронами католических семинарий⁶³.

Вторая жена сэра Уильяма — Дороти Кейтсби (ум. 1613 г.) — происходила из семьи конформистов, но ее дети, включая Роберта и Мэри, были воспитаны католиками⁶⁴. Все они вступили в брак с представителями католических родов, происходивших из разных частей Англии — с севера (Констеблы) и из центральных графств (лорд Сент-Джон из Блетсо). Впрочем, их мать вышла замуж вторично за протестанта — сэра Уильяма Пелэма (ум. 1587 г.)⁶⁵.

Младшие дети виконта также вступили в католические браки, причем в случае сыновей очевидным было также и стремление отца женить их на наследницах и тем самым обеспечить их. Первой женой сэра Джорджа Брауна стала Элинор Бриджес, внучка лорда Чандоса. Она происходила из католической семьи и принесла мужу в приданое поместье Грейт Шеффорд Фарм в Беркшире, ставшее родовым гнездом этой ветви рода⁶⁶.

Второй его супругой стала Мэри Тируит, дочь сэра Роберта Тируита из Кеттлби (Линкольншир). Старшее поколение семьи было конформистским, а вот брат Мэри, сэр Уильям, предпочел стать рекузантом⁶⁷.

Сэр Генри Браун женился (первым браком) на Энн Кейтсби, породнившись с династией дворян-католиков из Нортхэмпшира, отличавшихся заметным радикализмом: многие из Кейтсби были рекузантами,

⁶² Hasler. Vol. II. P.49.

⁶³ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/7836>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/70578>.

⁶⁴ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/95013>.

⁶⁵ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/21800>. Брат сэра Уильяма, уже упоминавшийся сэр Эдмунд Пелэм, был католиком-конформистом. ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/21786>.

⁶⁶ *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 99.

⁶⁷ *Ibid.* P. 97.

кроме того, к этой семье принадлежал и организатор Порохового заговора, Роберт Кейтсби⁶⁸.

Второй супругой сэра Генри стала Мэри Хангейт (вдова сэра Мармадюка Гримстона). Она принадлежала к конформистскому семейству, хотя в числе ее родственников были католики-рекузанты. Благодаря этому браку сэр Генри перебрался в Киддлингтон (неподалеку от Оксфорда)⁶⁹.

Сэр Энтони-младший женился на Энн Белл из Норфолка. А младшая дочь виконта, Джейн вышла замуж за сэра Фрэнсиса Лейкона из Кинлета (Шропшир), также принадлежавшего к числу умеренных католиков-конформистов⁷⁰.

Если проанализировать «брачную политику» первого виконта Монтегю, можно отметить, что она прошла два этапа. Первый из них охватывал конец 1560—начало 1580-х гг. (т.е. период до начала войны с Испанией). В это время виконт стремится консолидировать свои владения и укрепить позиции семьи как влиятельного католического клана на юге и в центральных графствах. Виконт, прошедший через политические бури середины XVI в., считал, что его католическая вера уравновешивается лояльностью королеве и не является препятствием политической карьере. Вытесненный из верхнего эшелона власти, он стремился стать влиятельным магнатом на местном уровне, способным благодаря этому воздействовать на национальную политику (через участие в работе палаты Лордов) и направлять ее по возможности в католическое русло (или хотя бы защищать единоверцев)⁷¹. Поэтому брачные союзы семьи в это время нацелены на создание мощного католического клана с опорой в графствах.

Однако после начала войны с Испанией ситуация радикально изменилась. Даже лояльные католики, подобные виконту, почувствовали на себе подозрения правительства, стремившегося уменьшить их влияние в органах местной власти. Кроме того, семья лишилась и влиятельных покровителей при дворе из числа родственников — троюродных братьев графа Лестера и графа Уорика (умерли в 1588 и 1590 гг. соответственно)⁷² и мачехи, графини Линкольн (ум. 1589 г.), всю жизнь остававшейся близкой подругой королевы Елизаветы. В условиях усилившегося давления на католиков, даже титулованных, Монтегю нуждались в новых покровителях, и эта тенденция прослеживается как в браках вдовствующей графини Саутхэмптон и ее сына, так и в других брачных союзах, устроенных виконтом для своих внуков.

Первый из них, впрочем, можно с уверенностью назвать католическим. В 1590 г. старшая дочь сэра Энтони Брауна Дороти вышла замуж

⁶⁸ Ibid. P. 280.

⁶⁹ Ibid. P. 101.

⁷⁰ Ibid. P. 95; Hasler. Vol. II. P. 427.

⁷¹ Подробнее о политической карьере виконта Монтегю см. главу III части I.

⁷² Братья Эмброуз и Роберт Дадли, графы Уорик и Лестер, так же, как и Монтегю, по женской линии происходили от Гилфордов.

за сквайра из Бекингэмшира, Эдмунда Ли. Ли были католиками; брат Эдмунда Роджер принадлежал к ордену иезуитов⁷³. Виконт Монтегю иезуитов не жаловал, полагая, что они приносят английским католикам больше вреда, чем пользы: правительство считало всех иезуитов без разбора шпионами, а их покровителей обвиняло в измене. Однако его родственники-Дормеры относились к иезуитам благожелательно. Иезуиты находили приют в их домах, а также и в домах их родственников. Так, Элизабет Браун — жена сэра Роберта Дормера — даже привозила иезуита в Каудрей в составе своей свиты⁷⁴. Поэтому брак Дороти Браун был, скорее всего, устроен матерью и/или ее родней. Это предположение подкрепляется и тем фактом, что Дормеры были уроженцами того же графства и поддерживали дружеские отношения с семейством Ли.

Но брак наследника — внука первого виконта, Энтони Марии Брауна (1574—1629), был определен дедом и имел совсем иной характер. В 1591 г. его женой стала Джейн Сэквил (1575—1652), дочь Томаса Сэквила, лорда Бакхёрста (1536?—1608)⁷⁵. Томас Сэквил был другом виконта Монтегю и его коллегой: в 1568—1585 гг. они вместе были лордами-лейтенантами Сассекса, а позднее Сэквил один занимал этот пост. Семьи Браун и Сэквил уже роднились между собой (в XV в., см. выше), но брачный союз 1591 г. был продиктован не давними узами, и лишь отчасти — дружбой глав семейств. Важную роль играло стремление виконта приобрести влиятельного родственника, способного оказать его семье покровительство и защитить ее от давления правительства. Конфессиональная идеология не играла большой роли ни с одной стороны: Сэквил не был католиком, а в его непосредственном окружении были как католики, так и протестанты. Лорд Бакхёрт принадлежал к тюдоровской знати, а возвышение его семьи было стремительным. Его отец, сэр Ричард Сэквил (1516—1566), был богатым сассекским землевладельцем, сколотившим состояние во время роспуска монастырей. Немало способствовал его возвышению и тот факт, что он приходился двоюродным братом королеве Анне Болейн⁷⁶. Сэквил рано воспринял учение протестантов, хотя это встретило сопротивление его жены, Унифрид Бриджес, оставшейся верной «старой религии». В начале 1550-х гг. сэр Ричард примкнул к числу сторонников герцога Нортумберленда, поэтому приход к власти Марии I прервал его политическую карьеру. Она возобновилась только в 1558 г., с восшествием на престол Елизаветы I. Королева сделала его членом Тайного совета и помощником казначея⁷⁷.

Карьера Томаса Сэквила — троюродного брата Елизаветы I — не встречала преград. В 1567 г. ему был дарован титул лорда Бакхёрста.

⁷³ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 101.*

⁷⁴ *CSP Domestic 1591—1594. P. 380. Подробнее см. главу I части III.*

⁷⁵ С 1604 г. — граф Дорсет.

⁷⁶ Мать сэра Ричарда Маргарет Болейн была сестрой сэра Томаса Болейна, отца королевы Анны.

⁷⁷ *ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/24447>.*

Королева назначила его лордом-лейтенантом Сассекса, отправляла в посольства (во Францию и Нидерланды). А с 1599 г. и до самой смерти лорд Бакхёрст был лордом-казначеем. Занимал он и придворные посты⁷⁸. Неудивительно, что виконт Монтегю пожелал породниться с таким влиятельным человеком.

Религиозные взгляды Бакхёрста были двусмысленными. Воспитанный отцом-протестантом и матерью-католичкой, он остался верен официально признанной церкви, однако благожелательно относился к католикам, каковых было немало и в его семье, и в ближайшем окружении (включая членов свиты и друзей). Католичкой была жена Бакхёрста, Сесили Бейкер — дочь члена Тайного совета времен Марии I сэра Джона Бейкера⁷⁹. Католиками-конформистами были сестра Бакхёрста Энн (1533—1595) и ее муж Грегори Файнс, лорд Дейкр (1539—1594)⁸⁰. Католиком, одно время служившим в испанской армии, был младший сын Бакхёрста, Томас Сэквил⁸¹, а также и младшая дочь Энн (Гленэм). А старший сын и наследник был женат первым браком на обращенной католичке Маргарет Ховард (1561—1591). Этот союз, впрочем, вряд ли определялся идеологическими мотивами: Маргарет стала открыто исповедовать католичество, уже выйдя замуж⁸². Но тестя это не смущало — ведь Маргарет была любимой сестрой Филиппа Ховарда, графа Эрендела. А с этой семьей род Сэквилов был связан с XV в. Так что желание породниться с патронами превысило опасения, вызывавшиеся союзом с католиками.

Подводя итог, следует отметить, что Бакхёрст, несомненно, относился к числу благожелателей католиков. А влияние при дворе (гарантией которого было родство с самой королевой) делало его покровительство незаменимым. Впоследствии зять, второй виконт — Энтони Мария Браун — будет прибегать к его помощи всякий раз, как у него возникнут проблемы с властями из-за его исповедания (в 1594, 1604, 1606 гг.; см. главу IV).

Родство с Сэквилами означало и родство с другими влиятельными семьями Сассекса, причем необязательно католическими. Так, тетка лорда Бакхёрста, Констанс Сэквил была замужем за сэром Кристофером Мором — дворянином из Дерби, приобретшим манор Лузли в графстве Сарри. Его сын и внук — сэр Уильям (1519—1600) и сэр Джордж (1553—1632)⁸³ — члены парламента, мировые судьи, не раз

⁷⁸ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/24450>.

⁷⁹ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/1124>.

⁸⁰ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/9409>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/9410>.

⁸¹ Loomie A.J. *Toleration and Diplomacy: The Religions Issue in Anglo-Spanish Relations, 1603—1605*. Philadelphia, 1963. P. 12.

⁸² PRO, SP 12/200/59; PRO, SP14/8/126. F.246r; Questier M.C. *Catholicism and Community*. P. 86—87.

⁸³ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/77080>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/19177>.

Королева назначила его лордом-лейтенантом Сассекса, отправляла в посольства (во Францию и Нидерланды). А с 1599 г. и до самой смерти лорд Бакхёрст был лордом-казначеем. Занимал он и придворные посты⁷⁸. Неудивительно, что виконт Монтегю пожелал породниться с таким влиятельным человеком.

Религиозные взгляды Бакхёрста были двусмысленными. Воспитанный отцом-протестантом и матерью-католичкой, он остался верен официально признанной церкви, однако благожелательно относился к католикам, каковых было немало и в его семье, и в ближайшем окружении (включая членов свиты и друзей). Католичкой была жена Бакхёрста, Сесили Бейкер — дочь члена Тайного совета времен Марии I сэра Джона Бейкера⁷⁹. Католиками-конформистами были сестра Бакхёрста Энн (1533—1595) и ее муж Грегори Файнс, лорд Дейкр (1539—1594)⁸⁰. Католиком, одно время служившим в испанской армии, был младший сын Бакхёрста, Томас Сэквил⁸¹, а также и младшая дочь Энн (Гленэм). А старший сын и наследник был женат первым браком на обращенной католичке Маргарет Ховард (1561—1591). Этот союз, впрочем, вряд ли определялся идеологическими мотивами: Маргарет стала открыто исповедовать католичество, уже выйдя замуж⁸². Но тестя это не смущало — ведь Маргарет была любимой сестрой Филиппа Ховарда, графа Эрндела. А с этой семьей род Сэквилов был связан с XV в. Так что желание породниться с патронами превысило опасения, вызывавшиеся союзом с католиками.

Подводя итог, следует отметить, что Бакхёрст, несомненно, относился к числу благожелателей католиков. А влияние при дворе (гарантией которого было родство с самой королевой) делало его покровительство незаменимым. Впоследствии зять, второй виконт — Энтони Мария Браун — будет прибегать к его помощи всякий раз, как у него возникнут проблемы с властями из-за его исповедания (в 1594, 1604, 1606 гг.; см. главу IV).

Родство с Сэквилами означало и родство с другими влиятельными семьями Сассекса, причем необязательно католическими. Так, тетка лорда Бакхёрста, Констанс Сэквил была замужем за сэром Кристофером Мором — дворянином из Дерби, приобретшим манор Лузли в графстве Сарри. Его сын и внук — сэр Уильям (1519—1600) и сэр Джордж (1553—1632)⁸³ — члены парламента, мировые судьи, не раз

⁷⁸ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/24450>.

⁷⁹ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/1124>.

⁸⁰ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/9409>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/9410>.

⁸¹ Loomie A.J. *Toleration and Diplomacy: The Religions Issue in Anglo-Spanish Relations, 1603—1605*. Philadelphia, 1963. P. 12.

⁸² PRO, SP 12/200/59; PRO, SP14/8/126. F.246r; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 86—87.

⁸³ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/77080>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/19177>.

занимавшие посты шерифов графств Сассекс и Сарри — были убежденными протестантами, но при этом коллегами виконта Монтегю по делам управления графствами, а также и близкими друзьями обоих виконтов, деда и внука⁸⁴.

Браки остальных внуков первого виконта Монтегю заключались в рамках католического сообщества, однако в качестве будущих родственников предпочитали лояльных католиков-конформистов. Джейн Браун (1578/80—1650) в 1593 г. вышла замуж за сэра Фрэнсиса Инглфилда (1562—1631). Родившийся в католической семье и приходившийся племянником и тезкой известному эмигранту-католику сэру Фрэнсису Инглфилду, укrywшемуся при испанском дворе, сэр Фрэнсис-младший воспитывался опекуном — правоведом-католиком, Эдмундом Плауденом. Наследник дяди, он в течение долгих лет боролся за право получить его земли (конфискованные правительством после его отъезда на континент). Поэтому он всячески демонстрировал свою лояльность и подчинение законам страны⁸⁵.

Подобным образом и младшая дочь, Кэтрин Браун, вышла замуж за сэра Джона Трегонуэлла из Дорсета. Его дед в свое время обогатился во время роспуска монастырей, однако семья оставалась консервативной в отношении религии. Джон Браун женился на Энн Гиффорд (возможно, дальней родственнице Инглфилдов).

Младший брат виконта, Уильям Браун, вообще не женился — он первым из членов семьи покинул Англию. Перебравшись на континент, он, вопреки воле брата, стал новицием ордена иезуитов и умер в 1637 г. в Льеже⁸⁶.

Та же тенденция — укрепление связей с семьями, принятыми при дворе, при помощи браков старших детей и союзы с католическими семействами более низкого ранга — прослеживается и при втором виконте. В 1613 г. вторая дочь виконта, Кэтрин Браун вышла замуж за своего дальнего родственника из умеренной католической семьи, сэра Уильяма Тируита из Кеттлби⁸⁷. Чуть позже (1614 г.) для старшей дочери Мэри (1594—?) выбрали совсем другого жениха. Уильям Полет, лорд Сент-Джон (1588—1621) был старшим сыном Уильяма Полета, маркиза Винчестера⁸⁸ и внуком Томаса Сесила, графа Эксетера — старшего сына Уильяма Сесила, лорда Бёрли, и брата Роберта Сесила, графа Солсбери. Семья маркиза принадлежала к числу придворных католиков-конформистов, но была связана семейными узами с протестантской политической элитой страны. Таким образом, этот брак был явно продиктован

⁸⁴ См.: Loseley MSS. P. 596—681.

⁸⁵ *Parmiter C. Edmund Plowden. L., 1987. P. 149—150.*

⁸⁶ *English and Welsh Jesuits. Vol. I // CRS. 1994. Vol. 74. P. 129; Records of the English Province of the Society of Jesus. L., 1877. Vol. II. P. 428—430.*

⁸⁷ *Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead / Ed. by M. Questier // Camden Society. 5th series. 1998. Vol. 12. P. 265—266.*

⁸⁸ *West Sussex Record Office (далее — WSRO), SAS/BA 75.*

стремлением виконта Монтегю заручиться покровительством Винчестера и его влиятельных родственников⁸⁹. Напомним, что в 1614 г. виконт был арестован из-за отказа принести присягу на верность Якову I⁹⁰ (подробнее см. главу IV части I). А влиятельный тесть, граф Дорсет, уже умер, и виконт как никогда нуждался в покровительстве.

Позднее, когда начались переговоры об испанском браке (1617 г.), гонения на английских католиков фактически прекратились, хотя с них продолжали взимать штрафы за *recusancy*. В этих условиях поиск покровителей перестал быть таким актуальным, и это немедленно отразилось на «брачной политике» Монтегю. В 1621 г. овдовевшая Мэри Браун вышла замуж второй раз за своего троюродного брата-католика Уильяма Эренделла, сына Томаса Эренделла, лорда Уардура и уже упомянутой Марии Ризли. В 1624 г. ее младшая сестра и тезка Мэри (1602—1685) стала женой Роберта Петера, лорда Риттла, также принадлежавшего к кругу католической знати⁹¹. Младшая сестра, Фрэнсис, в 1628 г. вышла замуж за католика Джона Бломера из Хейтропа (Глостершир)⁹².

Энн и Люси Браун не вышли замуж; они присоединились к общине бригеттинок в Лиссабоне, став первыми монахинями в семье (подробнее см. часть III, главу V). Решение стать монахинями объясняется как благочестием, так и стесненными финансовыми обстоятельствами. Второй виконт понес большие убытки, выплачивая штрафы за *recusancy* и отказ от присяги. А большинство его детей были женского пола. Выделить приданое всем дочерям виконт был просто не в состоянии.

Брак сына виконта, Фрэнсиса Брауна (1610—1682) был заключен позднее, когда тот уже унаследовал титул (1637 г.). Его организации явно способствовали обе сестры Мэри — женой третьего виконта стала дальняя родственница Браунов, а также Петеров и Эренделлов — Элизабет Сомерсет, дочь Генри Сомерсета, маркиза Вустера⁹³. В начале XVII в. Вустеры, как и Винчестеры, были умеренными католиками-конформистами, обладавшими связями при дворе — особенно при католическом дворе Генриетты-Марии, жены Карла I — но не занимали важных государственных постов (что отчасти компенсировалось семейными связями с протестантской знатью). А объединение Монтегю,

⁸⁹ Подробнее об этом браке см.: Серегина А.Ю. Развод и выбор конфессии: брачные стратегии английских аристократок начала XVII в. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2016. С. 309—324.

⁹⁰ Присяга была введена в 1606 г., после Порохового заговора, а в 1610 г. ее действие распространили и на титулованную знать. В числе положений присяги содержалось признание учения о смещении государей папой как ересь. Многие католики не могли принять его, так как это означало бы обвинить ряд пап в ереси. Подробнее см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 130—144.

⁹¹ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/64188>.

⁹² CRS. Vol. 11. 1911. P. 513.

⁹³ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/26005>.

Вустеров, Петеров и Эренделлов в мощный католический клан стало приметой времени, отражением так пугавших современников католических тенденций двора Карла I, особенно периода после 1636 г. — т.е. после прибытия ко двору английской королевы неофициального представителя папы Джорджа Кона. В конце 1630-х гг. под влиянием Кона Генриетта-Мария стала гораздо активнее обращать своих придворных — прежде всего, женщин, но не только их, в католичество. Брак виконта Монтегю с одной из представительниц придворной католической (конформистской) семьи, вероятнее всего, отражал его стремление войти таким способом в круг приближенных монарха.

В заключение необходимо отметить несколько общих тенденций «брачной политики» виконтов Монтегю. Первые три поколения семьи, жившие в эпоху, предшествовавшую конфессиональным конфликтам, подчиняли свои действия династической логике, стремясь при помощи выгодных и престижных браков повысить свой социальный статус и закрепиться в кругу дворянства южных графств. В данном отношении «брачная политика» оказалась весьма успешной, превратив потомков торговцев в виконтов. А брак сэра Энтони Брауна-старшего с леди Люси Невилл стал основой идентичности нового аристократического семейства, обоснованием семейного мифа и претензий на благородное происхождение и древность рода⁹⁴.

Однако начиная с 1570-х гг. в брачных союзах семейства Монтегю проявились конфессиональные тенденции, стремление заключать браки с католиками, образуя влиятельные (особенно на уровне графств) союзы католических семейств. Союзы эти, впрочем, не были замкнутыми и эндогамными, вопреки утверждениям ряда исследователей. Так, М. Кестье отмечает браки Мэри Браун с лордом Греем из Пирго и Генри Капеллом как нечто странное и необъяснимое, практически игнорирует брачные союзы графини Саутхэмптон (второй ее брак упоминается лишь походя, в сноске, а третий не отмечен вовсе), и не дает никакого объяснения союзу с семьей лорда Бакхёрста. Интерпретации браков с представителями семейств Полет и Сомерсет представляются односторонними, поскольку здесь на первый план выведена лишь их конфессиональная составляющая⁹⁵.

Речь здесь идет не о недочетах, а о подходе к исследованию, который, скорее, вводит в заблуждение. Майкл Кестье пишет о рождении католических кланов как о «механизме, при помощи которого католицизм отделялся от остального мира и удалялся от него, превращаясь в процессе в английское католическое сообщество»⁹⁶.

Однако непредвзятый анализ генеалогических материалов, связанных с семьей Монтегю, не подтверждает вывод об отделении католиков и, в частности, аристократических кланов, от своих соотечественников.

⁹⁴ Подробнее см. главу V.

⁹⁵ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 73—101, 223*

⁹⁶ *Ibid. P. 103.*

Конечно, католические семьи предпочитали родниться со своими единовверцами — во имя спасения души, ради детей и семейной стабильности, стремясь сплотиться и защитить друг друга от преследований. Но аристократические семьи — Монтегю в их числе — никогда не забывали о собственном статусе и о принадлежности к правящему классу. Во второй половине XVI в. их все больше и больше оттесняли на второй план даже в управлении графствами, не говоря уже о высокой политике. Браки детей и внуков с влиятельными политиками-протестантами помогали отчасти компенсировать утрату власти и открывали католическим семьям канал доступа ко двору и монарху, давали им возможность оказывать влияние, пусть и неформальное, но порой весьма действенное. Именно в этом контексте следует рассматривать браки дочерей первого и второго виконтов Монтегю, да и брак самого второго виконта.

Появление влиятельных придворных кланов католиков — с одним из них в 1637 г. породнился третий виконт Монтегю — более позднее явление, характерное для царствования Карла I. На их появление оказал воздействие ряд факторов. Во-первых, это благожелательная к католикам (особенно в конце 1630-х гг.) среда при дворе королевы Генриетты-Марии. Необходимо, впрочем, оговорить, что как придворный круг королевы, так и сами католические кланы оставались незамкнутыми, и включали в себя не-католиков из числа умеренных протестантов, склонных к терпимости, и представителей расплывчатой группы конформистов, дрейфовавших то в сторону католичества, то протестантизма.

Другим важным фактором, тесно связанным с первым, было переосмысление католической знатью своей политической роли. При Елизавете I и Якове I единственной возможностью служить стране и монарху — а значит, выполнять свою политическую функцию — было подчинение законам страны, т.е. присутствие на англиканских службах («церковный папизм»), обычно сочетавшийся с отказом принимать протестантское причастие. Таким образом, католикам приходилось идти на компромисс с совестью, или же выстраивать целую систему богословских и политических обоснований своим действиям, не одобрявшимся Римом. Впрочем, многие католические семьи шли на такие компромиссы. В их числе — граф Вустер, Томас Ховард, граф Эрендел, маркиз Винчестер, Джордж Калверт, (впоследствии — лорд Балтимор)⁹⁷ и др.

Позднее, начиная со времен переговоров об испанском браке для принца Уэльского и ослабления гонений на католиков (1617—1623 гг. и правление Карла I), последние изменили свое отношение с царствующей семьей. Оказывалось возможным служить лично монарху, будучи придворным, и не занимая государственных постов (что требо-

⁹⁷ *Krugler J.D. English and Catholic: The Lords Baltimore in the Seventeenth Century. Baltimore, 2004. P. 28—76.*

вало принесения присяги о признании монарха главой церкви), или же просто выполняя отдельные поручения короля и/или королевы. Политическая карьера для католика оказывалась возможной, но не в виде служения королю и королевству, но как личная — практически феодальная — служба королю. Не случайно в начале XVII в. многие католики, включая виконта Монтегю, столь озабочены родословными и поисками доказательств древности рода. Ведь благородство крови и личная верность монарху становились главными составляющими политической идентичности католического аристократа⁹⁸. А родственные и дружеские связи с представителями правящей протестантской элиты давали ему реальное политическое влияние.

Неудивительно поэтому, что католики, формально лишённые политической власти, постоянно оказываются в фокусе внимания протестантских полемистов. Ведь католическое дворянство и аристократия в Англии первой трети XVII в. продолжали сохранять каналы доступа к власти, во многом благодаря своей брачной политике, а незамкнутость и определенная аморфность этой группы играла двойственную роль в истории католического сообщества. Она позволяла относительно свободно проникать внешне незыблемую конфессиональную границу, что, с одной стороны, давало возможность привлечения новых членов, а с другой, позволяло постепенно отходить от нее — через все стадии конформизма, постепенно растворяясь в не менее аморфном протестантском большинстве.

⁹⁸ Эта тенденция отчетливо проявилась позднее, в ходе Гражданской войны, когда католики выступили на стороне короля — они, подобно средневековым рыцарям, проливали ради него свою кровь и жертвовали имуществом. Подробнее см. главу IV.

Католики-аристократы
и политическая сфера
в первой половине XVI века.
Карьера Уильяма Фицуильяма,
графа Саутхэмптона (ок. 1490–1542)
и сэра Энтони Брауна (1500–1548)

Первая половина XVI столетия, период начала Реформации в Англии, хотя и ознаменовала собой начало конфессиональной эры, еще не знала отстранения групп элиты от власти по конфессиональному признаку. В правление Генриха VIII при дворе сосуществовали партии, придерживавшиеся различных религиозных взглядов, а решающим фактором в доступе к управлению оказывалось не исповедание, а доверие монарха. Среди его приближенных было немало протестантов, чьи религиозные взгляды отличались от королевских; это не мешало им пользоваться покровительством Генриха VIII.

Исследования, посвященные религиозно-политическим конфликтам правления этого монарха, а также борьбе фракций при его дворе, исчисляются десятками, однако среди «героев» биографических исследований, безусловно, доминируют Томас Кромвель и Томас Мор. Что касается придворных-католиков (или по крайней мере, противников протестантов), то биографий удостоились немногие — герцог Саффолк, Стивен Гарднер, Томас Ризли, Уильям Петер и Уильям Полет¹. Карьера сводных братьев — сэра Уильяма Фицуильяма и сэра Энтони Брауна — не стала до сих пор предметом отдельного исследования, поэтому данная глава представляет собой детальную реконструкцию ее этапов (включая придворные должности, военную и дипломатическую службу, государственные посты, работы в парламенте и комиссиях графств), а также участия первого поколения семьи Фицуильям — Бра-

¹ *Gunn S.* Charles Brandon, Duke of Suffolk. Oxford, 1988; *Redworth G.* In Defence of the Church Catholic: the Life of Stephen Gardiner. Oxford, 1990; *Gwynn P.* The King's Cardinal: the Rise and Fall of Thomas Wolsey. L., 1993; *Gammon S.R.* Statesman and Schemer: William, First Lord Paget — Tudor Minister. Newton Abbot, 1973; *Emmison F.G.* Tudor Secretary: Sir William Petre at Court and Home. L., 1961; *Gibbons G.* The Political Career of Thomas Wriothesley, First Earl of Southampton, 1505—1550. Lampeter, 2001; *Loades D.* The Life and Career of William Paulet, Lord Treasurer and First Marquis of Winchester. Aldershot, 2008.

ун в борьбе придворных партий. Анализ политической карьеры титулованных дворян на заре конфессиональной эпохи (в первой половине XVI в.), необходим для дальнейшего сопоставления с карьерными возможностями, открытыми для их потомков².

Придворные должности

Восхождение по социальной лестнице в данном случае самым очевидным образом обуславливалось близостью к королю. Уильям Фицуильям в десятилетнем возрасте оказался в свите герцога Йоркского — будущего Генриха VIII — и стал товарищем его детских игр. Чуть позднее — видимо, между 1506 и 1510 гг. — к свите Генриха причислили и младшего сводного брата — Энтони Брауна. После восшествия Генриха VIII оба они получили придворные должности. В 1509 г. Фицуильям стал церемониймейстером двора и виночерпием. В 1513 г. он стал личным оруженосцем, а в 1515 г. — рыцарем личной охраны короля. Наконец, в 1525—1539 гг. он занимал один из ключевых придворных постов — казначей двора.

Младший брат, Энтони Браун, находился в свите короля уже в 1518 г., получив благодаря влиянию брата несколько синекур — в том числе посты ловчего в Хатфилде, Торне и Конисборо (1520 г.), успев до этого побывать на дипломатической службе (см. ниже) и отличиться на турнирах на Поле Золотой Парчи. В 1522 г. он был назначен оруженосцем двора, а в 1524 г. — рыцарем личной охраны короля. В 1526 г. сэр Энтони стал джентльменом королевской опочивальни. С 1539 г. и до своей смерти (1548 г.) он занимал пост шталмейстера, с 1540 г. был капитаном личной гвардии короля, а с 1543 г. — королевским ловчим³. С 1546 г. сэр Энтони формально занимал пост «хранителя леса к северу от реки Трент»⁴.

Военная карьера

Занятие придворных должностей тесно переплеталось с военной службой. Придворные вместе с королем отправлялись воевать, и именно на поле боя им предстояло отличиться, подтвердив тем самым свой статус аристократа. Первая военная кампания Уильяма Фицуильяма оказалась неудачной. В 1512 г. он в составе английской армии

² Биографические данные сэра Уильяма Фицуильяма и сэра Энтони Брауна приводятся по: Bindoff. Vol. I. P. 518—521; Vol. II. P. 142—145; ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/3665>; <http://www.oxforddnb.com/view/article/9663>. Дополнительные источники («календари» архивных материалов) привлекаются по мере необходимости, и прежде всего, в разделе, посвященном участию братьев в борьбе придворных группировок.

³ Master of the harriers — т.е. Энтони Браун отвечал за организацию псовой охоты.

⁴ Justice in Eyre, North of Trent — «хранитель леса», председательствовавший в одном из двух английских судов, разбиравших дела о нарушении лесного права и ведавшего состоянием королевских лесных угодий.

под командованием своего троюродного брата⁵ Томаса Грея, маркиза Дорсета отправился отвоевывать Гиень у Франции. Предполагалось, что экспедиция будет поддержана союзником Генриха VIII, Фердинандом Арагонским, но этого не произошло, и страдавшая от нехватки продовольствия и денег армия взбунтовалась. Грею пришлось несолоно хлебавши возвращаться в Англию. Весной следующего года Фицуильям впервые оказался на палубе корабля, в составе эскадры лорда-адмирала Эдварда Ховарда. Эскадра попыталась повторить прошлогоднюю успешную попытку атаковать французский флот, но потерпела поражение от прибывших со Средиземного моря французских галер (21 апреля 1513 г.). Адмирал Ховард погиб в бою, а Фицуильям был ранен в руку арбалетной стрелой. Однако летом того же года он, оправившись от ранения, возглавил личную гвардию короля в пикардийском походе⁶ и участвовал во взятии Турне. 25 сентября 1513 г., во время торжественного въезда Генриха VIII в завоеванный город, Фицуильям был возведен в рыцарское достоинство.

В 1520 г. сэр Уильям был назначен вице-адмиралом, подчинявшимся Томасу Ховарду, графу Сарри⁷. Именно ему выпала почетная, но весьма хлопотная обязанность готовить корабли для перевозки во Францию королевской свиты накануне встречи Генриха VIII и Франциска I на Поле Золотой Парчи (1520 г.). Фицуильям участвовал и в кампании 1522—1523 гг. Английский флот под командованием графа Сарри и Фицуильяма, опустошил французское побережье в Пикардии и Бретани. В июле 1523 г. Фицуильям разбил франко-шотландскую эскадру у Булони.

В ходе той же кампании Фицуильям получил и вполне «сухопутные» назначения. В 1522 г. он стал одним из командующих артиллерией в Кале, а в 1523—1526 гг. — капитаном крепости Гинь. В 1526 г. он стал лейтенантом Кале (до 1530 г.); таким образом, под его управлением оказался английский анклав на континенте. В 1536 г., после смерти внебрачного сына короля, графа Ричмонда, являвшегося лордом-адмиралом (1525—1536), сэр Уильям возглавил английский флот (до 1540 г.).

Наконец, вершиной военной карьеры сэра Уильяма Фицуильяма⁸ было назначение его лейтенантом — командующим королевскими подкреплениями, выступившими в 1542 г. на север против Шотландии, на помощь основной армии под командованием герцога Норфолка. Фицуильям тогда уже был тяжело болен; в Ньюкасл — к месту сбора ар-

⁵ С материнской стороны, см. предыдущую главу.

⁶ Военная кампания против Франции и ее союзников в 1513 г. велась в Пикардии (где ее возглавил сам король Генрих VIII) и в Шотландии (где армией командовал граф Сарри). Союзниками Англии были папа, Фердинанд Арагонский и император Максимилиан I.

⁷ Сын победителя шотландцев при Флоддене (1513 г.). Томас Ховард-старший за свою победу получил титул и земли герцога Норфолка, принадлежавшие ранее его отцу и конфискованные в 1509 г.

⁸ Тогда он уже носил титул графа Саутхэмптона; см. ниже.

мии — его доставили на носилках. Там он и скончался через три дня после прибытия, 15 октября 1542 г.⁹

Первые шаги на военной службе Энтони Браун сделал под началом старшего брата. Слишком молодой, чтобы участвовать в кампании 1512—1513 гг., в 1522 г. Браун присоединился к английской эскадре, атаковавшей французские корабли и порты Пикардии и Бретани. За храбрость, проявленную в рейде на Морлэ (Бретань) он был возведен в рыцарское достоинство. В 1526 г. сэра Энтони назначили лейтенантом острова Мэн. В 1527 г. сэр Энтони получил должность, которую некогда занимал его отец, став королевским знаменосцем. В 1528—1534 гг. он занимал должность совместно с сэром Эдвардом Гилфордом¹⁰, затем сэр Энтони был единственным ее обладателем до 1546 г., когда с разрешения короля разделил ее (формально) с несовершеннолетним сыном (1546—1548).

В 1542 г. сэр Энтони Браун отправился воевать с Шотландией в составе отряда старшего брата, а после смерти последнего остался при армии под командованием Норфолка. Герцог ценил опыт Брауна, его «ум, усердие и трезвость». Браун оправдал свою репутацию, когда после победы английской армии при Солуэй Моссе опустошил близлежащую шотландскую территорию. В кампании 1544 г. Браун вновь служил под началом Норфолка, где вновь отличился при осаде Булони. В 1545—1546 гг. ему было поручено подготовить прибрежные укрепления юго-востока и юга к отражению французских атак; он также входил в число советников командующего английской армией графа Хартфорда; в его сферу компетенции входили подготовка и снабжение армии продовольствием и фуражом.

Дипломатическая служба

Генрих VIII часто использовал своих придворных из ближайшего окружения в качестве дипломатических представителей, и семья Фицуильям — Браун не стала исключением. В 1519 г. сэр Уильям Фицуильям отправился во Францию в составе посольства, которое возглавлял Чарльз Сомерсет, граф Вустер¹¹. К посольству был прикомандирован и юный Энтони Браун. Последний остался в Париже в составе посольства сэра Томаса Болейна, но отличился только дракой с коллегой по посольству и был отозван в Лондон. Болейн, впрочем, дал ему хорошие рекомендации. Однако Франция и ее король не произвели большого впечатления на обоих братьев; до конца жизни они останутся франкофобами и сторонниками альянса Англии с империей Габсбур-

⁹ Похоронен в Мидхёрсте (Сассекс).

¹⁰ Сэр Эдвард Гилфорд (1474—1534) — дядя жены сэра Энтони Брауна и отец Джейн Гилфорд, жены Джона Дадли, виконта Лайла — будущего герцога Нортумберленда, правителя королевства в 1550—1553 гг.

¹¹ Целью посольства была передача Франциску I Турне, возвращавшегося Франции согласно условиям мирного договора.

гов. Несмотря на это — а вероятнее, именно поэтому — оба брата были активно задействованы на «французском направлении», хотя и не исключительно на нем. В 1520 г. сэр Уильям Фицуильям присутствовал на встрече Генриха VIII с Франциском I на Поле Золотой Парчи, а спустя несколько месяцев, в июле 1521 г. — в Гравелине, на встрече с императором Карлом V. С января 1521 г. по январь 1522 г. Фицуильям был послом Англии при французском дворе.

Он вернулся туда в 1526—1527 гг., пытаясь договориться о более тесном союзе с Францией, а также предлагая руку принцессы Марии французскому дофину. В 1529 г. Фицуильям прибыл во Францию в составе посольства герцога Саффолка, целью которого было предотвратить заключение мира между Франциском I и императором Карлом V: этот мир существенно уменьшил бы шансы на аннулирование папой брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской, так как развязывал императору руки и давал ему возможность оказывать давление на Рим и даже вступить в войну с Англией. Усилия английских послов не увенчались успехом, так как мир между Францией и империей был все же заключен.

В 1527 г. послом при французском дворе был назначен младший брат, сэр Энтони Браун; а в 1538 г. последний вернулся в Париж в качестве чрезвычайного посланника. Впрочем, его деятельность никак не содействовала франко-английскому сближению, и Томас Кромвель в 1538 г. обвинял его в саботировании этой политики. По всей видимости, обвинение было справедливым, поскольку Браун был сторонником союза с империей, и имперский посол Шапюи числил его среди друзей своего правителя. Высокомерие Брауна и его недовольство всем французским превратило его в *persona non grata* для Франциска I; а явное благоволение Габсбургам делало его пристрастным. После 1538 г. Генрих VIII больше не посылал сэра Энтони с дипломатическими миссиями.

Высшие государственные должности

Карьера придворного, дипломата и воина тесно переплеталась с делами государственного управления, хотя бы потому, что во всех этих сферах были задействованы одни и те же люди. Сэр Уильям Фицуильям был введен в состав Тайного Совета в 1525 г., когда стал казначеем двора, так как эта должность предполагала членство в совете. Довольно скоро он вошел в число ближайших советников Генриха VIII, принимавших участие в самых важных для короля делах. Доверие короля проявилось в новых назначениях. В 1529 г. он сменил сэра Томаса Мора на посту канцлера герцогства Ланкастерского, а в 1540 г. венцом его гражданской карьеры стала должность лорда-хранителя печати.

Служба сэра Уильяма была вознаграждена орденом Подвязки (1526 г.), а также и титулом — 18 октября 1537 г. он стал графом Саутхэмптоном.

Влияние младшего брата, сэра Энтони Брауна, всецело зависело от его положения при дворе, и высоких гражданских должностей он не занимал вплоть до 1539 г., когда стал членом Тайного Совета. В 1540 г. сэр

Энтони стал рыцарем ордена Подвязки, как и его брат. Подобно ему, он принадлежал к числу самых близких к Генриху VIII лиц, находясь при нем с детства. Король выразил свое доверие, назначив его в 1547 г. одним из членов регентского совета, которому надлежало управлять страной в период несовершеннолетия Эдуарда VI.

Парламентская карьера

Из-за утраты части списков членов парламента за 1523 г. невозможно точно утверждать, когда именно сэръ Уильям Фицуильям впервые появился в палате Общин. Однако известно, что он представлял графство Сарри в парламенте 1529 г. — «парламенте Реформации», заседавшем с перерывами до весны 1536 г. — способствуя прохождению королевских законопроектов через нижнюю палату, и был переизбран в 1536 г.: именно ему Кале был обязан статутом, реорганизовавшим управление заморским владением английской короны¹². Находившееся ближе всего к столице, графство Сарри в большей степени, чем другие, контролировалось Тайным Советом. Соответственно, местные дворяне получали возможность определять исход выборов в графстве лишь в случае поддержки со стороны монарха и его советников.

С 1537 г., получив графский титул, Саутхэмптон оказался в верхней палате парламента. В 1539 и 1542 гг. он был судьей по прошениям в палате лордов. Место же рыцаря — представителя графства Сарри занял его младший брат. Сэр Энтони Браун заседал в палате Общин в 1539—1540, 1541—1544, 1545—1547 гг., причем довольно активно участвовал в ее работе. В 1539 г. он представил палате 11 биллей (вместе с сэром Томасом Чейни и сэром Уильямом Кингстоном), а в 1545 г. участвовал в представлении еще 7 биллей палате Лордов.

Должности в графствах

Оба брата — и сэръ Уильям Фицуильям, и сэръ Энтони Браун — на протяжении большей части своей жизни являлись мировыми судьями в графстве Сарри, где располагались их владения: Фицуильям — с 1514 г., а Браун — с 1532 г. Кроме того, сэръ Уильям был мировым судьей в графствах Миддлсекс и Кент в 1520 г., а после 1531 г. — и во многих других. Он также заседал в комиссии графства Сарри по сбору десятины с духовного имущества в 1535 г. Его брат, став под конец жизни крупным землевладельцем в Сассексе, с 1544 г. вошел в число мировых судей графства. Он также заседал в многочисленных комиссиях по сбору субсидий (королевская свита, 1540 г.) и «пожертвований»¹³ (1545 г., графство Сарри), а также в комиссиях по сбору местной милиции в

¹² Акт о Кале (1536 г.) создавал особый совет для управления городом и округой Кале.

¹³ *Benevolence* — «добровольное пожертвование» на защиту страны от нападения Франции.

1545 г. (графства Хантингтоншир, Беркшир, Оксфордшир, Сарри, Сассекс и Уилтшир) и множестве других (1535—1546 гг.).

Участие в борьбе придворных партий, 1529—1548 гг.

Как явствует из предшествовавшего обзора, оба брата сделали блестящую политическую карьеру в царствование Генриха VIII, несмотря на все конфликты начального периода английской Реформации. Участие братьев в борьбе придворных фракций требует пристального внимания, так как указывает на степень их включения в политическую жизнь страны на самом высоком ее уровне. Поскольку в отечественной историографии отсутствует сколько-нибудь подробный обзор политической борьбы при тюдоровском дворе в эпоху ранней Реформации, необходимой оказалась реконструкция политических маневров сэра Уильяма Фицуильяма и сэра Энтони Брауна в контексте современных им политических конфликтов.

Графа Саутхэмптона и сэра Энтони Брауна вряд ли можно причислить к сонму беспринципных придворных, менявших свои взгляды с изменением политической конъюнктуры. Оба брата не скрывали своих католических пристрастий, а их современники и исследователи нашего времени относят их к религиозным консерваторам. Последний термин, впрочем, лишь вводит в заблуждение, поскольку охватывает собой целый спектр религиозных взглядов.

Граф Саутхэмптон и его младший брат получили такое же хорошее гуманистическое образование, как и сам король Генрих VIII — собственно, они учились вместе. Среди наставников принца в 1504—1505 гг. был не кто иной, как блестящий английский ученый гуманист и богослов Джон Фишер. Наставления Фишера не прошли даром, а он сам остался авторитетом в делах веры: спустя много десятилетий в семье Энтони Брауна бережно хранили рукопись трактата Фишера о молитве (см. часть III). Стоит предположить, что и в начале столетия молодые придворные разделяли взгляды будущего кардинала и мученика католической церкви, признавая необходимость реформы церкви, устранения существовавших в ней злоупотреблений, повышения требований к образовательному уровню и моральному облику клириков, а также и исполнению ими пастьрских обязанностей, призывая мирян отказаться от «суеверий» в отношении почитания святых и прийти к сознательной, понимающей вере. Такая реформа не предполагала покушения на вероучение католической церкви и ее литургию. И именно такую реформу члены семьи Браунов склонны были поддерживать, как станет ясно из последующих глав.

Что же касается религиозной политики Генриха VIII, то она вызывала у братьев и членов их семей неоднозначную реакцию, отчетливо отразившуюся в их участии в борьбе придворных группировок. Ведь на карте стояло не только политическое влияние тех или иных лиц или групп, но и судьба церковных реформ в стране и их направление.

Сэр Уильям Фицуильям и его брат негативно восприняли стремление Генриха VIII развестись с Екатериной Арагонской. Высказыва-

лось предположение, что причиной тому была их внешнеполитическая ориентация на Испанию и стойкое неприятие всего французского — а развод неминуемо означал смену основного европейского союзника¹⁴. Однако существовали и другие причины личного свойства: сэр Уильям был женат на фрейлине Екатерины Арагонской, Мейбл Клиффорд; брак, по всей видимости, был заключен не без посредничества королевы Екатерины¹⁵. Таким образом, семейные связи также склоняли чашу в ее сторону. Противниками развода были и наставник братьев, епископ Рочестерский Джон Фишер, а также их родственник и покровитель, Чарльз Брендон, герцог Саффолк, дядя жены сэра Энтони Брауна, сэр Генри Гилфорд — управляющий королевского двора¹⁶, и многие другие.

Анна Болейн также не вызывала у них особого энтузиазма. Она происходила из той же среды, что и сэр Энтони Браун, и не могла не восприниматься им как выскочка, пытающаяся занять неположенное ей место и соперничавшая с их королевой-покровительницей. Кроме того, Анна с самого начала выступила как противница кардинала Уолси — первого министра короля и покровителя сэра Уильяма Фицуильяма. Последний с 1527 г. постоянно информировал Уолси о том, что происходило при дворе в его отсутствие, и держал его в курсе действий противников — усиливающейся партии Анны Болейн¹⁷.

Тем не менее, ни сэр Уильям, ни его младший брат, заявлявший позднее, что никогда не считал развод законным, не выступали против него публично. Они были верными слугами Генриха VIII, а их семьи были обязаны новой династии своим положением. Поэтому они — как и подавляющее большинство английских титулованных дворян — предпочитали не спорить с монархом. Кроме того, как лица, приближенные к королю, Фицуильям и Браун знали о решительном настрое короля и вполне могли счесть любое сопротивление бесполезным. Однако они, как и многие другие, считали аннуляцию королевского брака допустимой лишь в том случае, если она будет одобрена папой Римским.

В качестве доверенного лица короля сэр Уильям участвовал в деле о разводе с самого начала. Еще в ноябре 1528 г. Генрих VIII планировал отправить его в Испанию с требованием выдать документы (папскую диспенсацию), касавшиеся заключения брака короля с Екатериной Арагонской в 1509 г. и необходимые для подачи петиции в Рим¹⁸. Этого, впрочем, не произошло. Сэр Уильям остался в Англии. Здесь он вместе с прочими лордами подписал петицию, адресованную папе Клименту VII, просившую ускорить аннуляцию королевского брака.

¹⁴ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 109.*

¹⁵ Подробнее см. предыдущую главу.

¹⁶ *Comptroller* — управляющий, ответственный за счета.

¹⁷ *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509—1547. Vol. IV ii. P. 3263.*

¹⁸ *CSP Spanish, 1527—1529. Vol. III ii. P. 854, 860.*

Действуя как верный слуга короля, сэр Уильям немало способствовал и прохождению королевских биллей через палату Общин в 1529—1534 гг., тем самым облегчая подчинение английской церкви короне. Впрочем, эти его действия следует рассматривать в надлежащем контексте. Историки последующих столетий рассматривали законодательство 1529—1534 гг. как основу английской Реформации, однако современники, не имея временной дистанции, отнюдь не склонны были видеть в статутах этого парламента нечто большее, нежели проявление постоянного стремления короны поставить под свой контроль церковные доходы и суды. Англичане в 1530-х гг. видели в Генрихе VIII не столько реформатора, сколько последователя Эдуарда III, который еще в XIV в. успешно пытался контролировать английскую церковь, ограничив выплаты епископов и аббатов Риму, а также апелляции английских церковных судов в папские трибуналы. Эти меры были довольно популярными среди членов парламента, отнюдь не являвшихся убежденными протестантами. Кроме того, для подавляющего большинства англичан понтифик представлялся далекой и довольно абстрактной фигурой; мало кто, подобно Мору и Фишеру, был способен предвидеть, какими последствиями для католической церкви в Англии обернется брошенный королем вызов папе. Большинство склонно было рассматривать ситуацию как серьезный, но преходящий конфликт¹⁹.

Однако действия монарха постепенно становились все менее популярными. После расторжения брака с Екатериной Арагонской многие придворные и королевские советники лишь на словах признали Анну Болейн королевой. К их числу относились и сэр Уильям Фицуильям, и сэр Энтони Браун. Они ненавидели Анну за то, что она стала причиной падения их патрона, кардинала Уолси, и вызвала страдания Екатерины Арагонской. Опасались они и политических последствий брака — жестоких преследований его противников внутри страны, приведших к казням Джона Фишера и Томаса Мора, а также уважаемых в стране монахов-картузианцев. Развод с Екатериной Арагонской привел к ссоре с ее могущественным племянником, императором Карлом V, угрожавшим разрывом торговых отношений с подвластными ему Нидерландами. Это нанесло бы существенный удар по экономике Англии, зависевшей от экспорта своей шерсти на нидерландский рынок. Семья Браунов, корнями связанная с торговой элитой, хорошо это понимала. Кроме того, разрыв с Римом привел к отлучению короля от церкви, что делало его самого и его страну законной добычей любого, кто пожелал бы торгнуться в Англию.

Поэтому для придворных-католиков устранение Анны Болейн и всего, что было с ней связано — покровительства протестантским проповедникам, союза с Францией и угрозы войны с империей — стало одной из основных целей. Пока влияние Анны на короля было сильно,

¹⁹ Haigh C. English Reformations: Religion, Politics, and Society under the Tudors. Oxford, 1993. P. 72—120.

они ждали своего часа. Но после рождения дочери, Елизаветы и двух последовавших за этим выкидышей способность новой королевы произвести на свет здорового наследника оказалась под сомнением, а вместе с ней пошатнулся и сам брак.

Сама Анна в свое время показала, что от королевы можно избавиться, если найти для короля новую приманку. Именно этой тактики и придерживались ее враги. В 1536 г. они нашли ей соперницу — дочь скромного провинциального дворянина Джейн Сеймур. В числе покровителей Джейн была Гертруда Блаунт, маркиза Эксетер — противница развода, а также королевский конюший (1532—1539) сэра Николас Кэрю и его сторонники из числа джентльменов королевской опочивальни — сэра Джон Рассел и сэра Энтони Браун²⁰.

Участие семьи в интриге против Анны Болейн не ограничилось подбором новой возлюбленной для короля. Сестра сэра Энтони, Элизабет Браун, графиня Вустер — дама свиты королевы Анны — свидетельствовала против нее, дав следствию подтверждения опасного флирта королевы с мужчинами из ее ближайшего окружения²¹. Сэр Уильям Фицуильям был задействован в ходе дознания; он доставил в Тауэр из Йорк-Плейс — королевского дворца, некогда принадлежавшего его патрону Уолси — одного из молодых людей, обвиненных в связи с королевой Анной, сэра Генри Норриса. Во время этого путешествия Фицуильям вырвал у молодого человека своего рода признание²².

После казни Анны и заключения брака Генриха VIII с Джейн Сеймур заговорщики планировали вернуть леди Марии — дочери Екатерины Арагонской — лишённой титула принцессы статутом 1532 г., ее положение второй в линии престолонаследия (после ребенка, которого должна была родить королю его новая жена)²³. На этот раз, однако, на их пути встал недавний союзник, сэра Томас Кромвель, лорд-хранитель печати и фактический первый министр Генриха VIII в 1529—1540 гг. Кромвель вместе с католической партией избавился от Анны Болейн, с которой расходился как в отношении внешнеполитического курса (он, как и семья Браун, был сторонником имперской ориентации, а Анна относилась к франкофилам), так и в том, что касалось поддержки ра-

²⁰ Letters and Papers. Vol. VII. P. 1554.

²¹ Графиня Вустер могла выдать опасный флирт (или любовные связи) королевы в ходе ссоры с братом — сэром Энтони — упрекавшим ее в неверности мужу, как говорит один французский источник, близкий к дипломатическим кругам. Желая указать брату на то, что ее поведение еще не самое худшее, леди Элизабет упомянула о поведении своей госпожи. См. дискуссию об этом: *Ives E. W. The Fall of Anne Boleyn Reconsidered // EHR. 1992. Vol. 107. P. 651—664; Bernard G. W. The Fall of Anne Boleyn: A Rejoinder // Ibid. P. 665—674.* Возможно, впрочем, что вся эта история была частью интриги, спланированной сэром Энтони Брауном и его братом.

²² Letters and Papers. Vol. X. P. 789.

²³ Брак Генриха VIII и Джейн Сеймур, заключенный после смерти Екатерины Арагонской, католики считали законным.

дикальных протестантских проповедников. Однако Кромвель вовсе не собирался возвращать к власти принцессу Марию — своего непримиримого врага. Именно он проинформировал Генриха VIII о планах заговорщиков.

От серьезных последствий их спасла сама Мария, согласившись вопреки совести и ради того, чтобы уберечь своих сторонников от паники, признать отца главой церкви, а себя — не принцессой крови, а всего лишь дочерью короля, что она отказывалась делать ранее. Участники интриги были спасены, хотя и подверглись допросам. Маркиз Эксетер и сэр Уильям Фицуильям были даже на время исключены из состава Тайного Совета (хотя вскоре вновь туда вернулись). Сэр Энтони Браун отделался легким испугом, а именно, двумя допросами, в ходе которых он настаивал, что желание вновь сделать принцессу Марию наследницей престола определялось его стремлением примирить отца и дочь: «Его побудила к этому любовь к королю, ибо он никогда не получал письма, послания, знака или рекомендаций от нее [принцессы Марии — А.С.] и ничего ей не посылал»²⁴.

Генрих VIII предпочел поверить другу детства на слово, и серьезного наказания не последовало.

Лояльность братьев была доказана их поведением во время подавления Благодатного паломничества — мощного восстания, объединившего противников роспуска монастырей на востоке (в Линкольншире) и на севере Англии (Йоркшир, Ланкашир). Сэр Уильям Фицуильям и сэр Энтони Браун явились с отрядом из 50 человек в Амптхилл — место сбора королевской армии. Оттуда они 15 октября 1536 г. доставили подкрепление — отряды кавалерии — и боеприпасы в Линкольншир своему другу и покровителю, герцогу Саффолку, посланному на усмирение восстания. К тому моменту, когда сэр Энтони прибыл в графство, восстание там уже прекратилось, поэтому в ноябре его отправили усмирять волнения в Йоркшире. В начале декабря 1536 г. оба брата в числе других королевских представителей встречались с лидерами восставших в Донкастере²⁵.

Отношение братьев к роспуску монастырей было, по всей видимости, неоднозначным. С одной стороны, они, как и прочие английские дворяне, вне зависимости от религиозных взглядов, не упустили возможности обогатиться в конце 1530-х гг. Земли в Сассексе, пожалованные Фицуильяму и его брату — маноры Мидхёрст и Бэтл с окрестностями — составили ядро их владений в графстве и основу семейного благосостояния. Все эти маноры ранее принадлежали монастырям. Но вряд ли вопрос можно свести к простой жадности. Необходимо учитывать и тот факт, что монастыри и патроны-миряне, вносящие земельные и денежные вклады, были связаны между собой множеством нитей. А церковное имущество воспринималось — до некоторой степени — как имущество

²⁴ Letters and Papers. Vol. X. P. 475—476.

²⁵ Moorhouse G. The Pilgrimage of Grace. L., 2002. P. 240—242.

мирян, членов тела церкви, переданное в пользование духовенства. Как таковое, оно могло быть возвращено мирянам. Впрочем, подобная процедура была беспрецедентной: монастыри распускали и раньше, но полученное таким способом имущество шло на благие цели: финансирование образования клириков (т.е. основание университетского колледжа или школы), помощь бедным или, в крайнем случае, крестовый поход. Многие современники ожидали, что оказавшееся в руках короля монастырское имущество будет использовано так же, а не станет способом обогащения придворных и средством финансирования войн на континенте. Семья Фицуильяма — Брауна испытывала определенные угрызения совести, обогатившись на церковных землях, о чем свидетельствуют позднейшие действия ее членов, пытавшихся вернуть их часть прежним владельцам (подробнее см. часть II). Однако при жизни Генриха VIII они предпочитали подобные угрызения не демонстрировать.

Наградой за лояльность не заставила себя ждать. 15 октября 1537 г. сэр Энтони Браун был избран охранять купель в королевской часовне дворца Хэмптон-Корт во время крестин долгожданного наследника — принца Эдуарда²⁶. А через три дня король даровал сэру Уильяму Фицуильяму титул графа Саутхэмптона²⁷.

Хотя Благодатное Паломничество было подавлено, оно отчетливо продемонстрировало королю недовольство подданных его религиозной политикой. Кроме того, сам Генрих VIII отнюдь не был протестантом в доктрине. Это отчетливо подтвердил «консервативный» поворот 1539 г.: парламентский статут («6 Статей») подтвердил католическое толкование основных таинств и целибат священства как догматы английской церкви. Это событие знаменовало усиление при дворе католической придворной партии, лидерами которой были герцог Норфолк и епископ Винчестерский Стивен Гарднер. Граф Саутхэмптон и сэр Энтони Браун принадлежали именно к этой группе, и их позиции укрепились вместе с ней: в 1539 г. сэр Энтони стал новым королевским конюшим и членом Тайного Совета²⁸.

Основными противниками католической партии были сэр Томас Кромвель — лорд-хранитель печати и викарий короля в церковных де-

²⁶ Letters and Papers. Vol. XII ii. P. 911.

²⁷ Ibid. P. 923.

²⁸ Их положение не пострадало, когда другие влиятельные католики, их друзья и покровители, в том числе маркиз Эксетер и его жена, а также лорд Монтегю и сэр Николас Кэрю, были арестованы, приговорены к смерти за государственную измену и казнены в 1539 г. Мать лорда Монтегю, Маргарет Пол, графиня Солсбери, арестованная в 1538 г., почти год провела под домашним арестом в замке графа Саутхэмптона Каудрей (ноябрь 1538—сентябрь 1539 гг.). Ее содержание именно там, по всей видимости, объясняется узами родства: графиня Солсбери по материнской линии приходилась двоюродной племянницей леди Люси Браун и троюродной сестрой графа Саутхэмптона и сэра Энтони Брауна, так что ее пребывание в Каудрее было своего рода «домашним арестом», содержанием под стражей в доме родственников, которым король доверял.

лах, а также архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер. Падение Кромвеля было связано с провалом его внешнеполитического курса: попытки формирования союза с лютеранскими княжествами Германии, а также и с неудачным браком Генриха VIII и Анны Клевской. Главным организатором этого союза был Кромвель, и именно на него Генрих VIII возложил ответственность за то, что невеста не оправдала его ожиданий.

В порожденной разочарованием короля трагикомедии едва не пострадал и граф Саутхэмптон: хотя он не имел никакого отношения к заключению брачного союза, в его обязанности лорда-адмирала входило доставить Анну Клевскую через Ла-Манш, из Кале в Англию. Саутхэмптон постоянно писал с дороги королю, восхваляя в своих письмах красоту и изящество Анны²⁹. Впоследствии эти похвалы поставили его в крайне неудобное положение: новая жена не понравилась Генриху VIII с первой встречи в Рочестере. По сообщению сэра Энтони Брауна, сопровождавшего его, король заявил своему ближайшему окружению: «Я не нахожу в ней того, о чем мне сообщали. <...> Удивляюсь, как мудрые люди могли уведомлять меня о подобном»³⁰. Сэр Энтони, по его собственным словам, забеспокоился о судьбе своего брата, однако ему удалось уверить короля, что граф Саутхэмптон просто вынужден был делать хорошую мину при плохой игре и восхвалял новую королеву, так как уже ничего нельзя было поделать³¹.

Как показали последующие события, выход был найден в разводе короля и новом браке с Екатериной Ховард, а Кромвель поплатился жизнью за ошибку: в 1540 г. он был арестован во время заседания Совета, причем именно граф Саутхэмптон сорвал с него знак ордена Подвязки³² — обвинен в измене и казнен, а на его освободившуюся должность лорда-хранителя печати король назначил не кого иного, как Саутхэмптона.

Дальнейшие перипетии борьбы придворных партий не оказали значительного влияния на позиции братьев при дворе. Граф Саутхэмптон до самой своей смерти в 1542 г. оставался доверенным лицом короля, так же, как и его младший брат. На их положение не повлияли удары, нанесенные католической партии — арест и казнь королевы Екатерины Ховард в 1542 г., а затем арест в 1546 г. лидера католической партии герцога Норфолка, под началом которого оба брата не раз сражались, и его сына графа Сарри (и казнь последнего)³³. Саутхэмптон и сэр Энтони Браун были в числе четырех советников, которым Генрих VIII доверил расследовать деликатное и совершенно секретное дело о прелюбодеянии королевы Екатерины (два других — лорд-адмирал, сэр Джон Рас-

²⁹ Letters and Papers. Vol. XII ii. P.685.

³⁰ Strype J. Ecclesiastical Memorials. Vol. VI. P. 214—216.

³¹ Ibid.

³² Guy J. Tudor England. Oxford, 1988. P. 188.

³³ О политической карьере семьи Ховард в XVI в. см.: Серегина А.Ю. Фаворит королевы или мученик? Аристократ-католик при дворе Елизаветы Английской // Кому благоволит фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние Века и Новое время / Под ред. Ю.П. Крыловой. М., 2015. С. 127—177.

сел и королевский секретарь, сэр Томас Ризли)³⁴. Участие в деле, столь сильно затрагивавшем короля лично, говорило о высокой степени доверия Генриха VIII к ним.

В 1543 г. четверке советников (в которой покойного Саутхэмптона сменил епископ Винчестерский Гарднер) пришлось допрашивать графа Сарри по поводу его буйного поведения, вызвавшего возмущение лондонских горожан. Все допрашивавшие на определенной стадии своей карьеры пользовались покровительством его отца, герцога Норфолка, и обошлись с ним милостиво. Позднее, в 1546 г., когда графа Сарри обвинили в измене (на том основании, что он использовал в своем гербе элементы королевского — что могло восприниматься как претензия на корону), он попросил, чтобы его допрашивали те же советники³⁵. Но теперь ему это не помогло — перед лицом королевского гнева советники не рискнули проявить снисходительность. Граф Сарри был приговорен к смерти и казнен в январе 1547 г.

Католическая партия не только теряла членов, но и сама наносила удары, и здесь сэр Энтони Браун проявлял себя достаточно активно. Основной его мишенью со смертью Кромвеля стал лидер протестантов, архиепископ Кранмер. По сообщению историка-протестанта Джона Фокса, еще в 1539 г., когда архиепископ заявил протест в отношении «6 Статей», Генрих VIII потребовал от него обосновать свое мнение. Подготовленное архиепископом изложение своих взглядов содержало в себе ряд положений, которые, согласно новому закону, могли считаться еретическими и стоить архиепископу поста, а то и жизни. По стечению обстоятельств бумаги архиепископа попали в руки католика, решившего отдать их в руки врагов Кранмера — ими Фокс называет епископа Гарднера и сэра Энтони Брауна. Кранмер спасла новая прихоть судьбы — бумаги сумел перехватить и уничтожить Кромвель³⁶.

Другая атака на Кранмера была предпринята в 1543 г. в ходе т.н. «заговора пребендариев»³⁷. В числе замешанных в него лиц был и капеллан сэра Энтони Брауна, хотя он сам напрямую вовлечен не был — или, по крайней мере, его имя не упоминалось в ходе расследования.

Наконец, в 1546 г. сэр Энтони Браун в числе других советников-католиков допрашивал протестантов³⁸, имевших контакты с двором Ген-

³⁴ Letters and Papers. Vol. XVI. P. 1334; Historical Manuscripts Commission, Earl of Bath MSS. Vol. II. P. 9—10.

³⁵ Child J. Henry VIII's Last Victim: the Life and Times of Henry Howard, Earl of Surrey. L., 2006. P. 193.

³⁶ Foxe J. Acts and Memorials. L., 1570. P. 1355—1356.

³⁷ Заговор католического духовенства и мирян Кентербери, связанных с придворной католической партией. Целью его было обвинить архиепископа Кранмера в ереси. Генрих VIII фактически замаял расследование в отношении Кранмера, превратив его в дело против обвинителей архиепископа.

³⁸ Речь шла о тех, кто отрицал признанное законом страны учение о трансубстанции и отстаивал иное, не католическое, понимание таинства причастия

риха VIII. Допросам подверглись известные проповедники-протестанты (Кром, Лэтимер и Шакстон), врач Генриха VIII и ряд придворных, в том числе Джордж Благ и Джон Ласселс. Целью допросов было выявить связи протестантов при дворе, а в конечном счете — с окружением их главной покровительницы, королевы Екатерины Парр³⁹. Хотя сэр Энтони Браун был одним из свидетелей бракосочетания Генриха VIII и его шестой жены в 1543 г.⁴⁰, он не одобрял евангелических наклонностей последней, а также ту поддержку, которую она оказывала архиепископу Кранмеру. Поэтому королева и ее придворные дамы и стали целью расследования. Именно в ходе этого расследования была арестована Энн Эскью — знакомая Ласселса, протестантка, имевшая покровителей в окружении королевы. К чести сэра Энтони Брауна, ему не пришлось в голову допрашивать женщину с применением пыток (хотя он и имел на то разрешение короля). Это сомнительное достижение принадлежит лорду Ризли и сэру Ричарду Ричу. И хотя Энн Эскью мужественно выдержала пытки⁴¹, собранные в ходе расследования сведения могли повредить королеве и архиепископу Кранмеру. Екатерине Парр удалось спасти положение, отдавшись на милость Генриха VIII. Тот приказал прекратить расследование.

Несмотря на это, сэр Энтони сохранял доверия короля до самой смерти. Генрих VIII не сомневался в преданности друга детства, хотя и не слишком полагался на его государственные способности: в данном отношении он явно больше ценил графа Саутхэмптона. Однако король знал, что мог доверять сэру Энтони в личных делах и ввел его в состав регентского совета, которому надлежало править страной во время несовершеннолетия Эдуарда. В составе регентского совета Браун был, пожалуй, самым влиятельным католиком, но отнюдь не самым мудрым политиком. Понимая это, сэр Энтони сделал попытку уговорить короля ввести в состав регентского совета епископа Гарднера, однако король отказался это сделать⁴².

Политическая недалекость сэра Энтони Брауна отчетливо проявилась после смерти Генриха VIII. Еще с 1536 г., когда он и его брат немало способствовали браку Джейн Сеймур и короля, он стал другом ее брата, графа Хартфорда. Они вместе воевали против шотландцев в 1542 г. и против французов в 1544 и 1545 гг. Хорошим отношениям, по всей видимости, способствовал и тот факт, что граф при жизни Генриха VIII скрывал степень своей приверженности протестантскому учению. Поэтому в 1547 г. сэр Энтони, не колеблясь, одним из первых поддержал графа Хартфорда, претендовавшего на пост лорда-протектора — правителя страны. Как показали последующие события, этот

³⁹ Haigh C. English Reformations. P. 165.

⁴⁰ Letters and Papers. Vol. XVIII i. P. 873.

⁴¹ Энн Аскью была признана виновной в ереси и сожжена на костре в Смитфилде (предместье Лондона) 16 июля 1546 г.

⁴² Redworth G. In Defence of the Church Catholic. P. 108, 113, 198, 209—210, 237, 242, 245.

шаг стал роковой ошибкой католической партии, утратившей контроль над религиозной политикой и открывшей тем самым возможности для протестантской Реформации. Однако сам сэр Энтони не увидел последствий собственной ошибки — он скончался в апреле 1548 г., что фактически обезглавило и без того ослабленную (в отсутствие Гарднера) католическую партию в совете лорда-протектора. Впрочем, сам сэр Энтони Браун вряд ли счел свои действия ошибочными, ведь он руководствовался династическими соображениями, стремясь укрепить позиции семьи при дворе.

Подводя итог анализу политической карьеры первого поколения семьи Браун, следует отметить, что, несмотря на начавшуюся уже Реформация, границы придворных партий определялись не столько по конфессиональным критериям, но в силу других обстоятельств: родственных и/или дружеских связей, отношений патрона и клиентов. Религиозные соображения также играли свою немаловажную роль, но не являлись определяющими.

Сэр Энтони Браун и его сводный брат, граф Саутхэмптон, входили в «ближний круг» Генриха VIII, принадлежа при этом «католической партии», не менее аморфной, чем «протестанты». Эта принадлежность отчасти объяснялась покровительством, оказанным молодым придворным Екатериной Арагонской, и позднее герцогом Саффолком, отчасти — близостью с кругом католика-реформатора, Джона Фишера, и отчасти — про-имперской ориентацией братьев, противившихся союзу с Францией.

Однако подобная придворная партия, степень влияния которой на монарха постоянно менялась, была нормальной частью политической жизни страны в целом, и ее элиты в частности. Принадлежность к политической элите стран, затронутых Реформацией, определялась социальными, а не религиозными критериями. Последним только предстояло сформироваться.

В первой половине XVI в., несмотря на уже начавшуюся Реформацию, границы конфессиональных групп в Англии не были еще определены. Вероисповедные документы, определившие догматические положения и литургическую практику официальной протестантской церкви только вырабатывались в середине столетия, причем в самой церкви отнюдь не было единства по данным вопросам. Поэтому в первой половине и даже середине XVI столетия лишение какой-либо группы внутри политической элиты доступа к осуществлению власти было невозможно.

Католическая знать второй половины XVI в. Политическая карьера Энтони Брауна, первого виконта Монтегю (1528–1592)

По мере того, как в середине—второй половине XVI в. очерчивались конфессиональные границы — сначала лютеранских церквей, затем католиков (1564 г.), реформатских церквей и Англиканской церкви — противостояние конфессий углублялось, а его воздействие сказывалось на различных сторонах жизни общества, и прежде всего, на его политической жизни. Принадлежность к определенной конфессиональной группе постепенно начала осмысляться как критерий лояльности или нелояльности, определяющий тех, кто входит в состав политической нации, а кто остается за ее пределами

Воздействие конфессионального противостояния на состав политической элиты Англии и судьбы ее представителей отразилось в карьере следующего поколения семейства Браун — Энтони Брауна, первого виконта Монтегю (1528—1592). В главе анализируется степень его «присутствия» на английской политической сцене во второй половине XVI в. Для этого проведена детальная реконструкция карьеры первого виконта (включая придворные должности, военную и дипломатическую службу, государственные посты, работы в парламенте и комиссиях графств), а также и его участия в борьбе придворных группировок.

§ 1. Энтони Браун в политических конфликтах 1540—начала 1550-х гг.

Первые шаги Энтони Брауна на политической арене были сделаны прежде достижения им совершеннолетия и направлялись отцом, сэром Энтони Брауном. Благодаря покровительству отца Энтони Браун в последние годы царствования Генриха VIII занимал незначительные придворные посты, и даже разделял с отцом честь быть королевским знаменосцем (1546—1548), а также впервые был избран в парламент. Политическое влияние отца способствовало тому, что Энтони Браун-младший вошел в число молодых дворян, которых возвели в рыцарское достоинство во время коронации Эдуарда VI 20 февраля 1547 г.

Хотя католическая партия была ослаблена и фактически утратила политическое влияние после смерти Генриха VIII, дружеские и семейные связи отца обеспечили Энтони Брауну место в составе политической элиты страны, невзирая на его откровенное неприятие религиозной политики лорда-протектора и архиепископа Кранмера. Уже упоминалось, что его отец находился в дружеских отношениях с графом Хартфордом (с 1547 г. — герцог Сомерсет). Кроме того, благодаря браку сестры Мэри (см. главу I) Энтони Браун состоял в родстве с одним из лидеров придворной протестантской партии, герцогом Саффолком¹. Еще более важным фактором в его политической карьере было и родство с Джоном Дадли, виконтом Лайлом (с 1547 г. — граф Уорик, с 1551 г. — герцог Нортумберленд)². Он оказывал явное покровительство молодому родственнику после смерти отца последнего.

Летом 1549 г. Энтони Браун в составе армии под командованием графа Уорика участвовал в подавлении восстания Кета в Восточной Англии³. Восставшие руководствовались смешанными мотивами, в числе которых преобладали экономические и социальные требования; немаловажную роль, однако, сыграла и проповедь радикальных реформационных идей на юго-востоке и востоке страны⁴. Выступая против них, Энтони-младший тем самым не сильно погрешил против своей католической совести, поскольку для него восставшие были еретиками и мятежниками.

Несмотря на покровительство протестантской партии, политические симпатии сэра Энтони Брауна лежали на стороне католички, принцессы Марии. Не принял он и новое религиозное законодательство 1549 г., запретившее мессу и введшее на смену ей протестантскую литургию на английском языке. Сэр Энтони продолжал ходить к мессе; впрочем, если бы он ограничивался только мессами, которые служил его капеллан, на это не обратили бы внимания: в конце концов, так поступали многие дворяне. Однако Браун не только не скрывал своих религиозных взглядов, но и выставлял их напоказ самым вызывающим образом: он неоднократно присутствовал на мессе в обществе принцессы Марии, за что и был в марте 1551 г. арестован и препровожден в лондонскую тюрьму Флит. Согласно признанию самого Брауна, это случилось как минимум дважды — когда принцесса находилась в своих манорах Ньюхолл и Ромфорд (Эссекс). Подобные действия — публичное нарушение закона страны в обществе потенциальной наследницы престола — справедливо расценили как вызов протестантскому режиму⁵.

¹ Мэри Браун в 1546 г. вышла замуж за лорда Джона Грея из Пирго, младшего брата герцога Саффолка.

² Мать Энтони Брауна, Элис Гейдж, леди Браун, была двоюродной сестрой (по материнской линии) Джейн Гилфорд — жены Джона Дадли.

³ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 111.*

⁴ См.: *Fletcher A., MacCulloch D. Tudor Rebellions. L., 2004; MacCulloch D. Tudor Church Militant: Edward VI and the Protestant Reformation. L., 1999. P. 120—123.*

⁵ *Bindoff. Vol. I. P. 520.*

Однако вскоре сэр Энтони оказался на свободе. По всей видимости, быстрым освобождением он был обязан помощи сестры, а также и своего родственника, герцога Нортумберленда. Заступничество последнего можно объяснить несколькими факторами, помимо родственных связей. Сам Нортумберленд не был фанатичным протестантом и примкнул к протестантской партии, скорее, из прагматических соображений. Более того, в 1551 г. он всерьез обдумывал и такой вариант отстранения от власти соперника, герцога Сомерсета, как передачу прав регентства принцессе Марии. И хотя принцесса не согласилась участвовать в его интригах, само намерение показывает, что Нортумберленда вряд ли могли раздражать католические взгляды сами по себе, тем более что его собственные религиозные взгляды были неоднозначными⁶. Нортумберленд мог руководствоваться и иными соображениями. В 1551 г. сэр Энтони Браун, унаследовавший от отца и дяди многочисленные поместья в Сарри и Сассексе, стал одним из самых влиятельных землевладельцев юга Англии. Его стоило привлечь на свою сторону в приближавшейся схватке за власть, которая неминуемо развернулась бы по мере взросления короля Эдуарда VI — или в случае его тяжелой болезни. Как бы ни развивались события, герцогу Нортумберленду в любом случае понадобилась бы поддержка на местах.

Герцог явно стремился сделать сэра Энтони Брауна-младшего одним из своих людей и продолжал покровительствовать ему все то время, что оставался у власти. Благодаря ему сэр Энтони был вновь избран в парламент, а также получил назначения в местные комиссии в Сассексе и Сарри и даже был назначен шерифом этих графств. В качестве последнего он 8 и 10 июля получил от возглавляемого Нортумберлендом Тайного Совета письма, призывавшие его объявить королевой Джейн Грей⁷. Нортумберленд явно рассчитывал на помощь молодого род-

⁶ В 1553 г. Нортумберленд на эшафоте объявил о том, что умирает католиком. Ряд исследователей (например, Д. Уилсон — *Wilson D. The Uncrowned Kings of England: the Black Legend of the Dudleys. L., 2005. P. 229—233*) — видит в этом желание уберечь семью от преследований со стороны католички Марии I, и считает, что он оставался протестантом. Однако я не представляю себе, каким образом заявление герцога могли бы защитить членов его семьи в том случае, если они сами отказались бы посещать католические службы в правление Марии I. Защитой для них мог стать только их собственный конформизм. Кроме того, стоит помнить, что отказ от религии, которую человек считал истинной, в последние минуты жизни неминуемо должен был, по его мнению, привести к вечному проклятию. Вряд ли Нортумберленд стал бы рисковать спасением своей души в последние минуты жизни — в XVI в. этого избегали даже политики. Скорее, следует считать его — как и многих англичан того времени — конформистом, принимавшим элементы протестантизма в той мере, в какой они способствовали их карьере, но в глубине души склонявшегося к «католичеству». Вопрос о том, понимали ли они под ним церковь их детства, реформированное католичество в духе Триденского собора, или нечто иное, остается открытым.

⁷ Джейн Грей приходилась сэру Энтони Брауну родственницей как по отцовской линии — она была племянницей Мэри Браун, леди Грей — так и по материнской, благодаря браку с троюродным братом Брауна, Гилфордом Дадли

ственника, однако верность принцессе Марии и католические взгляды Браунов сделали свое дело: сэр Энтони младший не предпринял никаких действий в поддержку Джейн Грей. Напротив, графства Сарри и Сассекс высказались в пользу Марии. А во время торжественного въезда Марии I в Лондон сэр Энтони Браун следовал за ней в торжественной процессии, неся шлейф ее платья⁸.

§ 2. Царствование Марии I Тюдор (1553–1558): пик карьеры Энтони Брауна.

Верность принцессе Марии, продемонстрированная двумя поколениями семейства Браун, не осталась без награды. Именно в пятилетие ее правления Энтони Браун-младший достиг политических высот, которые считал подходящими для члена своей семьи, и вошел в число приближенных королевы, постепенно приближаясь к избранному кругу, принимавшему важные решения.

Придворные должности

Первые шаги, сделанные Энтони-младшим при дворе, целиком и полностью определялись влиянием его отца, сэра Энтони Брауна. В 1546 г. последний, будучи королевским знаменосцем, разделил эту должность с сыном, явно рассчитывая на то, что тот унаследует ее после его смерти. Однако на момент смерти сэра Энтони-старшего (апрель 1548 г.) его наследник был несовершеннолетним⁹. Поэтому исполнять должность знаменосца на время его несовершеннолетия был назначен сэр Томас Рот (январь 1549—1550 гг.). Будучи шталмейстером, сэр Энтони Браун-старший помог сыну получить также и должность одного из придворных конюших (до 16 февраля 1547 г.). В этом качестве последний и пребывал при дворе в 1546—1554 гг.

Практически сразу после восшествия на престол королева Мария I вознаградила сторонников, в особенности тех, кто пострадал за нее. Недолгое пребывание Энтони Брауна в тюрьме Флит не было забыто. В октябре 1553 г. он был назначен хранителем охотничьих угодий в Гилфорд-Парке (графство Сарри), а в июне 1554 г. — смотрителем королевской охоты в Хэмптон-Корте. А в апреле 1554 г. пришла и основная награда: сэра Энтони, как ранее и его отца, назначили шталмейстером, но не в свите королевы. Шталмейстером Марии I в 1553—1558 гг. был сэр Генри Джернингэм. Энтони Брауна назначили шталмейстером английской свиты мужа королевы, Филиппа Испанского. Однако назначение оказалось

⁸ *Writhesley C. A Chronicle of England, during the Reigns of the Tudors, 1455—1559 / Ed. by W. Douglas Hamilton. (Camden series. New series. Vol. 11). L., 1877. P. 103.*

⁹ Энтони Браун-младший родился 29 ноября 1528 г., т.е. в апреле 1548 г. ему было 19 лет.

дипломатической ошибкой: Филипп привез в Англию собственную свиту, состоявшую из испанцев, в которой уже был шталмейстер. В сентябре 1554 г. оказавшуюся ненужной английскую свиту Филиппа распустили.

Это событие отнюдь не означало, что сэр Энтони Браун впал в немилость. Напротив, сам Филипп II благосклонно отнесся к нему и спустя годы вспоминал его как своего шталмейстера¹⁰. «Пострадавшему» была также дарована пенсия в 500 крон в год. А Мария I взамен отнятой придворной должности даровала сэру Энтони иною награду. В том же сентябре 1554 г. ему — как правнуку Джона Монтегю — был дарован этот титул, правда, с понижением — т.е. не маркиза, а виконта. Выбор титула — Монтегю — в середине XVI столетия имел не только семейно-династическое значение, но обладал также и четкими политическими и конфессиональными коннотациями. В начале XVI в. титул лорда Монтегю носил старший сын Маргарет Плантагенет (наследницы династии Йорков) и сэра Ричарда Пола, Генри Пол. Возможный претендент на престол, лорд Монтегю мог сравниться знатностью с королем — и тоже был потомком Невиллов, а значит, отдаленным родственником Браунов. Лорд Монтегю был также католиком, противником Томаса Кромвеля и Анны Болейн и союзником католической группы придворных, к числу которой относился и его друг, сэр Энтони Браун. Таким образом, когда в 1554 г. виконт выбрал для себя титул Монтегю, он тем самым отчетливо заявил как о своих претензиях на благородство крови высочайшего свойства, так и о своей конфессиональной принадлежности и лояльности режиму¹¹.

Церемония инвеституры состоялась 2 сентября 1554 г. в Хэмптон-Корте. Свидетелями на ней стали родственники, друзья и политические союзники отца новоиспеченного виконта: епископ Винчестерский Гарднер¹², лорд-камергер, сэр Джон Гейдж¹³, Уильям Полет, маркиз Винчестер¹⁴, Джон Рассел, граф Бедфорд¹⁵, и Уильям Сомерсет, граф Вустер¹⁶, а также Эдвард

¹⁰ CSP Spanish 1580—1586. P. 604.

¹¹ *Questier M.C. Catholicism and Community.* P. 70.

¹² Лорд-канцлер Стивен Гарднер был другом отца виконта и покровителем последнего. В 1555 г. виконт возглавлял процессию на похоронах Гарднера, тело которого сначала было принесено в приходскую церковь Монтегю — церковь Св. Спасителя в Саутуорке, неподалеку от лондонской резиденции епископов Винчестерских. Оттуда тело было перенесено в Винчестер. См.: *Dollman F.T. The Priory of St. Mary Overie, Southwark. L., 1881.* P. 13.

¹³ Сэр Джон Гейдж (1479—1557), лорд-камергер Марии I в 1553—1556 гг., приходился виконту Монтегю дедом по материнской линии.

¹⁴ Джон Полет, маркиз Винчестер (1483—1572), лорд-казначей, был другом отца виконта. Внучатый племянник его жены, сэр Генри Капелл, впоследствии женился на дочери Монтегю. Впрочем, под конец жизни маркиза его отношения с Монтегю оставляли желать лучшего. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community.* P. 112.

¹⁵ Джон Рассел, граф Бедфорд (1485—1555), лорд-хранитель печати, был другом сэра Энтони Брауна и сэра Уильяма Фицуильяма. Наряду с последним он был протеже кардинала Уолси.

¹⁶ Уильям Сомерсет, граф Вустер (1526—1589) был двоюродным братом Монтегю (сыном его тетки Элизабет Браун, графини Вустер).

Файнс¹⁷, барон Клинтон¹⁸. В октябре 1555 г. виконт Монтегю стал и рыцарем ордена Подвязки.

Виконт был не единственным членом семьи, занимавшим придворные посты. Его сестра Мейбл Браун (1536—1610) с 1553 г. стала одной из фрейлин королевской опочивальни. Королева Мария I благоволила ей и 28 мая 1554 г. присутствовала на бракосочетании Мейбл с братом ее мачехи, Джеральдом Фицджеральдом, графом Килдейром. В числе фрейлин, с которыми служила Мейбл Браун, была и Магдален Дейкр (1538—1608), дочь лорда Гилсленда. В 1556 г. она стала второй супругой виконта Монтегю¹⁹. Свадьба состоялась в капелле Сент-Джеймского дворца в присутствии всего двора²⁰.

Таким образом, следует отметить, что положение виконта Монтегю при дворе было вполне благоприятно, не в последнюю очередь благодаря женской половине семьи. Теперь сам виконт и его сестры могли оказывать услуги своим родственникам, оказавшимся в немилости. Монтегю (тогда еще сэр Энтони Браун) не отвернулся от своих кузенов Дадли, оказавшихся в Тауэре после восшествия на престол королевы Марии. В день казни Гилфорда Дадли — мужа Джейн Грей — он ждал приговоренного у ворот Тауэра, чтобы попрощаться с ним; Дадли просил кузена молиться за него. Впоследствии сэр Энтони и его сестры Мэри (леди Грей) и Мейбл своим заступничеством способствовали тому, что лорд Джон Грей — протестант и участник восстания Уайатта — получил королевские прощение²¹. Пытался ли виконт заступиться за братьев Дадли, находившихся в заключении (до 1557 г.), неизвестно, но это вполне вероятно, учитывая те близкие отношения, которые сохранились между троюродными братьями в последующие годы.

Дипломатическая карьера

При дворе, однако, виконт проводил куда меньше времени, нежели его отец и дядя. Его время занимали другие виды службы королеве. Уже в ноябре 1554 г. его — известного своими католическими убеждениями, а также и только что получившего титул Монтегю, ранее принадлежавший его дальним родственникам-Полам — назначили, наряду с епископом Илийским Томасом Тёрлби и Эдвардом Карне, встречать в Дувре папского легата, кардинала Реджинальда Пола, прибывшего при-

¹⁷ Эдвард Файнс, лорд Клинтон (1512—1585), позднее — граф Линкольн, был вторым супругом вдовы отца виконта, Элизабет Фицджеральд.

¹⁸ BL, Additional MS 61113. F. 137—138.

¹⁹ Первая жена виконта — Джейн Рэдклиф, дочь графа Сассекса, умерла в 1552 г. родами, подарив мужу близнецов — сына Энтони и дочь Мэри.

²⁰ Smith R. Life of the Most Honourable and Virtuous Lady Magdalen Viscountesse Montague. St. Omer, 1627. P. 24.

²¹ de Lisle L. The Sisters Who Would be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine & Lady Jane Grey. L., 2008. P. 116, 161.

мирить Англию с Римским престолом²². Все вместе они представляли лордов духовных и светских и общины Англии. А в начале 1555 г. Тёрлби, Монтегю и Карне отправились в Рим с посольством просить папу принять Англию обратно в лоно католической церкви²³. У виконта еще не было никакого дипломатического опыта, но в его пользу свидетельствовало родство и политический союз с кардиналом Полом, а также рвение в вопросах веры и — главное — внешнеполитическая ориентация. Виконт, как и его отец, был убежденным сторонником союза с Габсбургами, а сам он был на хорошем счету у Филиппа Испанского. Его спутники являлись опытными дипломатами. Томас Тёрлби был коллегой сэра Энтони Брауна по посольству во Франции в 1533 г., а позднее долгое время служил в качестве посла при императорском дворе²⁴. Сэр Эдвард Карне входил в состав посольств в Рим (1530—1531 гг., вместе с сэром Томасом Болейном) и в Нидерланды ко двору правительницы Нидерландов Марии Венгерской в 1538 и 1541 гг., а позже был там постоянным послом. Карл V хорошо знал Карне и даровал ему рыцарское звание²⁵. Все участники посольства, таким образом, были хорошо знакомы либо Карлу V, либо его сыну. А это было немаловажным фактором, поскольку одной из задач посольства было прозондировать почву перед вступлением в военный союз с Габсбургами.

Анонимный член свиты Тёрлби оставил описание посольства²⁶, дающее представление о том, когда и с кем контактировали английские дипломаты. 27 февраля 1555 г. они выехали из Кале. Их путь лежал к Парижу и Фонтенбло (10—11 марта), где пребывал тогда французский двор. Английских послов принял Генрих II Французский и его супруга, Екатерина Медичи, а также невеста дофина, десятилетняя Мария Стюарт²⁷. Затем послы отправились на юго-восток. Проведя праздник Благовещения (25 марта) в Лионе²⁸, они пересекли территорию оккупиро-

²² Кардинал приходился ему дальним родственником по линии его бабушки, Люси Невилл. Он приветствовал наделение Энтони Брауна титулом виконта Монтегю, отправив ему в сентябре 1554 г. письмо из Брюсселя. См.: BL, Additional MS 25425. F. 304.

²³ Monumenta Angiae. Vol. III / Ed. by T.M. McCoog and L. Lukács. Rome, 2000. P. 177. Одно из правил дипломатической практики предписывало, чтобы в Рим с посольством отправлялись именно те лица, которые до этого приветствовали от лица монарха папских представителей, прибывавших в Англию. См.: Домнина Е.Г. Английская дипломатическая служба и папская курия (1485—1558 гг.). Автореф. ... к.и.н. М., 2008. С. 23—24.

²⁴ Shirley T.F. Thomas Thrilby. L., 1964. P. 138, 142.

²⁵ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27184>.

²⁶ BL, Harleian MS 252. Сочинение по своему жанру близко к заметкам путешественника и содержит минимум информации политического характера. Подробнее о нем см.: Серегина А.Ю. Свое/чужое католичество. История английского путешественника в Европе середины XVI в. // Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 246—265.

²⁷ BL, Harleian MS 252. F. 51—52.

²⁸ Ibid. F. 54.

ванной французами Савойи²⁹ и направились к альпийскому перевалу Мон-Сенис. По дороге к нему 31 марта в городе Сен-Андре послы получили известие о смерти того, к кому направлялись — папы Юлия III³⁰.

Тем не менее, послы продолжили свой путь, перебравшись через горы в Пьемонт, являвшийся полем сражения французских и испанских армий. Англичане пересекали территорию провинции в сопровождении то французского, то испанского военного эскорта³¹. В Милан послы прибыли в Страстную пятницу, отпраздновали Пасху и провели там еще неделю (12—17 апреля); их с размахом принимал вице-король — герцог Ариано³².

Пока Монтегю и его спутники добирались до Милана, в Риме был избран новый папа — Марцелл II (Марчелло Червини), а главный кандидат императора, Реджинальд Пол, проиграл ему, недобрав всего два голоса. Марчелло Червини был компромиссной фигурой, и сменил он франкофила Юлия III, так что английские послы могли надеяться на теплый прием. Марцелл II немедленно написал послание Марии I и кардиналу Полу, подтвердив легатские полномочия последнего³³. Однако здоровье нового папы было слабым, и все понимали, что его понтификат продлится недолго.

19 апреля английское посольство прибыло в Пьяченцу, где провело два дня (20—21 апреля). Политическая ситуация здесь была крайне деликатной, особенно для союзников императора, какими являлись англичане.

В первой половине XVI столетия город не раз переходил из рук в руки. До 1521 г. она находилась под управлением дома Сфорца; затем была оккупирована французами и вошла в состав Папского государства. В 1545 г. папа Павел III Фарнезе выделил Парму и Пьяченцу в лен своему незаконнорожденному сыну Пьер-Луиджи, наделив его герцогским титулом. Однако Карл V не спешил признавать нового герцога. В 1547 г. Пьер-Луиджи Фарнезе был убит заговорщиками из числа местной знати; Пьяченца были немедленно заняты войсками герцога Ариано — миланского губернатора. Папа Павел III, лишившийся поддержки скончавшегося в 1547 г. Франциска I, отнял Парму у своего внука, Оттавио Фарнезе, передав ему взамен герцогство Камерино, а затем потребовал у Карла V Пьяченцу как церковный лен.

²⁹ Савойя была занята французскими войсками в 1536 г. и только в 1559 г., по условиям Като-Камбрезийского мирного договора, была возвращена законному владельцу — герцогу Савойскому Эммануилу-Филиберту. Последний до 1559 г. служил в испанской армии, став одним из лучших генералов Карла V.

³⁰ BL, Harleian MS 252. F. 55. Юлий III скончался 23 марта 1555 г.

³¹ Ibid. F. 56—57.

³² Ibid. F. 58. Ферранте Гонзага, принц Молфетта, герцог Ариано — двоюродный брат герцога Мантуанского, генерал испанской армии, в 1546—1555 гг. — испанский губернатор Милана.

³³ Les dépêches de Giovanni Michiel, Ambassadeur de Venise en Angleterre pendant les années 1554—1557 / Ed. by P. Friedmann. Venice, 1869. P. 36

Император, впрочем, отказался возвращать папе город, в котором стояли войска миланского губернатора. В 1549 г. не смирившийся с утратой отцовских владений Оттавио Фарнезе решил силой отбить Парму, потерпел неудачу и попытался вступить в переговоры с герцогом Ариано. Непокорность внука ускорила смерть Павла III (1549 г.). Сменивший его на римском престоле Юлий III вернул Оттавио Парму (1551 г.), что отнюдь не привело в восторг испанцев. Герцог Ариано отказался выводить войска из Пьяченцы и даже пригрозил оккупировать Парму. Оттавио Фарнезе в ответ вступил в союз с Францией, пославшей ему на помощь подкрепления. Началась война между Францией и империей Габсбургов, ставшая последним эпизодом Итальянских войн³⁴. При помощи французов Фарнезе сумел отбить нападение миланского губернатора на Парму. Военные действия в герцогстве завершились в 1552 г., и после этого Оттавио Фарнезе старался вернуть расположение Карла V и его наследника Филиппа Испанского, используя родственные связи³⁵. Целью намечавшегося сближения было возвращение Пьяченцы. Со своей стороны, Филипп II искал союзников в Италии, поэтому он склонен был ответить на увертюры пармского герцога. Именно это и произошло несколько месяцев спустя, а в сентябре 1556 г. в Генде Оттавио Фарнезе получил обратно Пьяченцу³⁶.

Английские послы, отправленные в Рим Марией I и ее супругом Филиппом, вполне могли участвовать в некоем закулисном зондировании почвы от имени последнего. Для Фарнезе они явно были желанными гостями: они даже сдали английскому посольству (через вторые руки) свою римскую резиденцию — Палаццо Фарнезе — на время его пребывания там³⁷.

Из Пьяченцы посольство проследовало в Мантую (26 апреля), где англичан от имени малолетнего Гвильельмо II принимал регент — дядя герцога, кардинал Эрколе Гонзага, искусный политик, высоко ценимый как Карлом V, так и его соперником Генрихом II.

27—28 апреля послы провели в Ферраре. Герцоги Феррарские из дома Эсте были традиционными союзниками Франции. Герцог Эрколе II был женат на французской принцессе Рене, а его дочь Анна в 1548 г. стала женой одного из лучших французских генералов Франсуа де Гиза. Тем не менее, Монтегю и его спутников ожидал прекрасный прием в Ферраре; в отсутствие самого герцога, который находился в Риме, ожидая аудиенции у папы, увеселениями руководил его сын Альфонсо. Радушные хозяев вполне могло объясняться прагматическими мотивами: Феррара сильно пострадала в войнах XVI столетия, и герцог выжидал.

³⁴ Война в 1551—1559 гг. велась не только в Италии, но и в Лотарингии, Фландрии и на Средиземном море.

³⁵ Женой Оттавио в 1538 г. стала незаконнорожденная дочь Карла V Маргарита.

³⁶ Посредником в переговорах стал избранный в мае 1555 г. папа Павел IV Карафа, а также два влиятельных кардинала Фарнезе, братья герцога Оттавио: Алессандро Фарнезе, занимавший пост апостольского канцлера, и Рануцио Фарнезе.

³⁷ BL, Harleian MS 252. F. 65.

В 1555 г. он еще не вступил в войну, опасаясь вновь рассориться с папским престолом³⁸. Таким образом, радушие к послам Марии I и Филиппа диктовалось государственным интересом.

Из Феррары послы направились в Болонью — папский фьеф, находившийся под управлением архиепископа Джованни Кампеджо. Там они провели 2 недели (30 апреля—13 мая)³⁹. Промедление, вероятно, объясняется полученными 2 мая новостями: в Риме скончался папа Марцелл II. Был созван новый конклав, а послы, вероятно, ждали инструкций, не зная, как им поступить. В конце концов, решено было двигаться дальше. В Имоле посольство разделилось: Эдвард Карне с большей частью свиты продолжил путь на юг к Римини и Пезаро (где встретился с герцогом Урбинским), а Монтегю и Тёрлби отправились налегке через горы во Флоренцию⁴⁰. Анонимный автор записок о посольстве отправился вместе с доктором Карне, поэтому, к сожалению, описаний пребывания Монтегю во Флоренции не сохранилось. Однако можно предположить, что послы имели поручение к герцогу Козимо I Медичи — союзнику императора Карла V и Филиппа Испанского. Козимо I менее чем за месяц до появления у него английских послов победоносно закончил кампанию против поддержанной французами Сиены. Его лучший генерал, Джан Джакомо Медичи, герцог Мариньяно, разбивший французов при Марчиано в 1554 г., предоставил свой дом в Мариньяно в распоряжение посольства (18 апреля). Теперь Монтегю лично познакомился с ним и с герцогом Козимо I. Вполне вероятно, что послы побывали также и в только что завоеванной Сиене.

Посольство воссоединилось 25 мая в Перудже. Население города, к большому неудовольствию англичан, не скрывало своих профранцузских симпатий. Послов Марии I и Филиппа II разместили за пределами городских стен, в монастыре августинцев, что очевидно не соответствовало представлениям дипломатов о собственном высоком ранге. Их раздражение только усилилось, когда из Рима пришли известия об избрании нового папы. Им стал Павел IV Карафа — неаполитанец, ненавидевший испанцев. Горожане бурно праздновали избрание папы продолжительными фейерверками и пушечными залпами. Англичане были крайне недовольны, и когда на следующий день (26 мая) приветствовать Монтегю и Тёрлби прислали трубачей и барабанщиков, послы велели передать музыкантам, что их вознаграждение будет пропорционально тому приему, какой оказали гостям, и отказались одарить их деньгами.

Вице-легат⁴¹, управлявший городом, попытался исправить ситуацию, прислав им провиант и фураж для лошадей — подарок, от кото-

³⁸ Эрколе II вступил в войну против Испании только в 1556 г., поощряемый папой Павлом IV, однако уже в 1558 г. заключил мир с Филиппом II.

³⁹ BL, Harleian MS 252. F. 61—62.

⁴⁰ Ibid. F. 62.

⁴¹ Джованни Томмазо Санфеличе, вице-легат при кардинале Джулио делла Ровере, папском легате в Умбрии.

рого Монтегю гордо отказался — а вечером устроил перед монастырем настоящий парад и салют из пушек в честь англичан. Те вновь отказались вознаградить собравшихся и отбыли из сочтенного ими негостеприимным города на следующее утро⁴².

Послы задержались на неделю в Сполето (28 мая—2 июня), чтобы отпраздновать Троицу, а также и для того, чтобы дождаться инструкций из Англии. Оттуда они двинулись дальше, и 5 июня прибыли в Рим. Сначала они расположились на вилле Джулия, незадолго до того построенной Юлием III, а вечером того же дня торжественно въехали в Рим и разместились в палаццо Фарнезе. По словам анонимного автора путевых заметок, предыдущие папы — Юлий III и Марцелл II — планировали разместить их в папском дворце Сан-Марко⁴³ за свой собственный счет, и даже запасли для гостей изрядное количество провизии, однако новый папа, Павел IV все это «съел и потратил сам»⁴⁴. А за палаццо Фарнезе послам пришлось платить, что вновь вызвало их недовольство. Пытаясь несколько сгладить ситуацию, только что произведенный в кардиналы племянник папы Карло Карафа поспешил отправить англичанам провизию⁴⁵.

Вечером 8 июня английские послы получили приватную аудиенцию у папы⁴⁶. Официальная аудиенция состоялась утром 10 июня в Ватиканском дворце. На следующий день послы принимали у себя кардиналов (к сожалению, их имена не упомянуты). Утром 12 июня англичане всем составом присутствовали в испанской церкви Девы Марии Святого Сердца⁴⁷ на поминальной мессе по королеве Хуане Кастильской (матери императора Карла V и бабушке их собственного короля Филиппа)⁴⁸. После этого они присутствовали в садах Бельведера на обеде, данном в их честь кардиналом-племянником, Карло Карафой, а позднее еще раз встречались с папой⁴⁹.

13 июня, в праздник Тела Христова, послы отправились на торжественную мессу в Собор Св. Петра⁵⁰. Следующие дни прошли, видимо, в новых встречах с кардиналами. 16 июня английские дипломаты обедали с Павлом IV в папском дворце Сан-Марко. Вечером того же дня они получили прощальную аудиенцию у папы, который вручил послам подарки. Монтегю досталось кольцо с бриллиантом стоимостью в 2000 крон. Над улицами Рима взвились фейерверки, и зазвучали оружейные залпы — так папский престол праздновал возвращение Англии в лоно католической церкви⁵¹.

⁴² BL, Harleian MS 252. F. 63—64.

⁴³ Сейчас — палаццо Венеция в Риме.

⁴⁴ BL, Harleian MS 252. F. 65.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Иначе называлась церковью Св. Якова. Расположена на пьядце Навона.

⁴⁸ BL, Harleian MS 252. F. 66.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. F. 67.

После этого послы вновь разделились. Эдварду Карне предстояло остаться в Риме в качестве постоянного дипломатического представителя Англии⁵². Виконт Монтегю покинул папскую столицу первым, по всей видимости, на следующий же день после аудиенции, а Тёрлби задержался, причем основная часть посольской свиты (в которую входил автор записок) двигалась к альпийским перевалам отдельно, выехав из Рима после Монтегю, но до Тёрлби. Поэтому точный маршрут Монтегю неизвестен. Однако он, скорее всего, двигался из Рима к Сигилло (объехав Перужду), затем в Урбино, Болонью и Падую, где его в начале июля встретил английский путешественник, сэра Филипп Хоби⁵³. Из Падуи виконт повернул на север, к Тренто, а оттуда — через Больцано, где 13 июля нагнал посольский обоз, и Бриксен по перевалу Бреннер в Инсбрук (Тироль) и Баварию.

Там, в Ландсберге, 23 июля его нагнал Тёрлби⁵⁴, по пути из Рима заезжавший в Венецию⁵⁵. Оба посла отправились в Аугсбург⁵⁶, где в это время заседал рейхстаг, обсуждавший положения религиозного мира в империи⁵⁷. Описание обратного пути посольства в Англию схематично, там практически нет информации о контактах послов. Однако нетрудно предположить, что, задержавшись в Аугсбурге, английские дипломаты могли встречаться с собравшимися в городе немецкими князьями, а также и с руководившим заключением религиозного мира эрцгерцогом Фердинандом — братом Карла V, которому через полгода предстояло стать новым императором.

Далее, проехав через курфюршество Пфальцское и герцогство Вюртемберг, послы достигли Рейна (в Вормсе)⁵⁸. К концу августа они добрались до Кёльна⁵⁹, а оттуда через Юлих, Маастрихт и Лувен в начале сентября попали в Брюссель⁶⁰. Там в то время находился император Карл V, его сын Филипп, сестра Мария Венгерская — правительница Нидерландов и другие члены семьи, собравшиеся в ожидании готовившегося отречения Карла V от престола⁶¹. Монтегю и Тёрлби провели в Брюсселе некоторое время, получив аудиенции у императора и Филиппа, и

⁵² После восшествия на престол протестантки Елизаветы Эдвард Карне (1500—1561) предпочел остаться в Риме. Он похоронен в церкви Св. Григория Великого на холме Целий.

⁵³ Встреча упоминается в мемуарах брата сэра Филиппа, сэра Томаса Хоби: *The Travels and Life of Sir Thomas Hoby* / Ed. by E. Powell. L., 1902. P. 120.

⁵⁴ BL, Harleian MS 252. F. 69.

⁵⁵ 11 июля 1555 г. епископу Илийскому показывали венецианский арсенал. См.: CSP Venetian. Vol. VII. P. 158.

⁵⁶ BL, Harleian MS 252. F. 70.

⁵⁷ Аугсбургский религиозный мир был официально заключен примерно месяц спустя, 25 сентября 1555 г.

⁵⁸ Ibid. F. 70—71.

⁵⁹ Ibid. F. 71.

⁶⁰ Ibid. F. 73.

⁶¹ Отречение Карла V от власти в его многочисленных владениях заняло период с конца октября 1555 г. по январь 1556 г.

встретившись с постоянным английским послом при императорском дворе, сэром Джоном Мейсоном⁶². Затем послы через Фландрию добрались до Кале, а оттуда в середине октября 1555 г. вернулись в Англию.

Маршрут передвижений посольства, позволивший послам встретиться с французским королем Генрихом II, а также всеми итальянскими правителями — герцогом Савойским, испанским губернатором Милана, маркизом Мантуанским, герцогами Феррары, Пармы, Урбино, великим герцогом Тосканским, правительством Венеции, а также немецкими князьями (собравшимися в Аугсбурге на заседания рейхстага) и эрцгерцогом Фердинандом (будущим императором), а затем задержаться в Брюсселе при дворе императора Карла V, заставляет предположить, что послам, помимо их официальной задачи, было также поручено неофициально прозондировать почву перед заключением перемирия 1556 г. между императором и французским монархом, обеспечившим мирный раздел земель Габсбургов и переход их после отречения Карла V от престола в руки Филиппа II Испанского и Фердинанда I соответственно.

Растянувшаяся почти на восемь месяцев поездка сыграла большую роль в становлении молодого политика. Виконт Монтегю, фактически находившийся под опекой более опытных дипломатов, познакомился с политическими лидерами эпохи и лично столкнулся с последствиями политических и религиозных конфликтов своего времени. Приобретенный в 1555 г. опыт сказался на всей политической карьере виконта, как мы увидим, а также и на его религиозных взглядах⁶³.

Военная карьера

Спустя год после возвращения Монтегю из посольства ему выдался случай отличиться и на военном поприще. В 1557 г. Англия вступила в войну с Францией, поддержав Испанию. Английская армия в составе 7000 тысяч человек под командованием графа Пемброка была отправлена во Фландрию, где испанская армия — ею командовал герцог Эммануил-Филиберт Савойский — осаждала Сен-Кантен. Лордом-лейтенантом армии был назначен виконт Монтегю. Англичане опоздали к большому сражению, состоявшемуся 10 августа 1557 г., когда герцог Савойский наголову разгромил французскую армию и взял в плен ее командующего, коннетабля Монморанси. Однако они приняли самое активное участие в штурме города 27 августа. В этом сражении отличился и Монтегю. Он также служил под командованием Пемброка в Пикардии (в Кале), но вернулся в Англию в конце 1557 г., так что взятие французской армией Кале в январе 1558 г. не запятнало его воинской репутации⁶⁴.

⁶² Об этом упоминается в рукописи. См.: BL, Harleian MS 252. F. 73.

⁶³ Подробнее об этом см. часть III, главу I.

⁶⁴ Bindoff. Vol. I. P. 515.

Парламент

Несмотря на свои отлучки, вызванные военной и дипломатической службой, Монтегю был активным парламентарием. Его парламентская карьера началась рано, как и у других сыновей придворных, и рассматривалась как своего рода политическое ученичество. В 1545 г. еще несовершеннолетний Энтони Браун был благодаря влиянию отца избран в парламент от Гилфорда (Сарри), и участвовал в заседаниях в 1545—1547 гг. вместе с отцом, представлявшим это графство. В 1547 г., с восшествием на престол Эдуарда VI, он был переизбран от Гилфорда, а в марте 1553 г. избран во второй и последний парламент царствования юного короля, на этот раз от Питерсфилда (Хэмпшир). Этим избранием он был обязан своему двоюродному дяде, герцогу Нортумберленду. В октябре того же года Энтони Браун был переизбран в первый парламент царствования Марии I (октябрь 1552 г.) от Питерсфилда. А в апреле 1554 г. он, как ранее его отец и дядя, представлял в палате Общин графство Сарри. К сожалению, не сохранилось никакой информации о деятельности Энтони-младшего в качестве члена нижней палаты.

Влияние семьи в нижней палате сохранялось благодаря патронату: граф Саутхэмптон, а затем его сводный брат и племянник имели право выдвигать кандидатов в парламент от принадлежавшего им местечка Мидхёрст в Сассексе (рядом с ним располагался основной манор и резиденция Браунов — Каудрей). Все члены палаты общин от Мидхёрста, заседавшие в парламентах Марии I, были так или иначе связаны с семьей Браунов. Так, Уильям Дентон (1523—1565), заседавший в палате в 1553, 1554, 1555 и 1558 гг., в 1548 г. был стюартом (управляющим) сэра Энтони Брауна, а сын последнего назначил его смотрителем своих маноров в Стедэме и Тонбридже (Кент)⁶⁵. Джентльмен из Хэмпшира Генри Хейгес (1534—1561) был одним из членов свиты Энтони Брауна-младшего. Он заседал в палате общин в 1555 г.⁶⁶

Получив в сентябре 1554 г. титул виконта Монтегю, Энтони Браун занял свое место в палате лордов. Журналы Палаты Лордов свидетельствуют об активной работе виконта в палате. Он присутствовал на подавляющем большинстве заседаний. В парламенте 1554—1555 гг. (заседал с 12 ноября 1554 г. по 16 января 1555 г.) Монтегю посетил 36 заседаний и отсутствовал на 6, в парламенте 1555 г. (21 октября—9 декабря) он был на 32 заседаниях и отсутствовал только на 2, в 1558 г. присутствовал на 31 заседании первой сессии и на 7 заседаниях второй, против 3 и 2 пропущенных заседаний соответственно⁶⁷.

Монтегю не только постоянно присутствовал на заседаниях, но и участвовал в работе различных комиссий. 7 ноября 1555 г. виконт во-

⁶⁵ Hasler. Vol. II. P. 30—31.

⁶⁶ Bindoff. Vol. II. P. 332; Hasler. Vol. II. P. 286.

⁶⁷ Подсчеты сделаны по: Journal of the House of Lords. L., 1802. Vol. I (1509—1577) (далее — LJ).

шел в состав комиссии графа Дерби, вносившей исправления в заслушанный билль о наказании изгнанников-протестантов (вместе с епископами Илийским и Дарэмским)⁶⁸. 16 ноября 1555 г. он также был включен в состав комиссии, исправлявший билль о землепашестве⁶⁹, 19 ноября — в комиссию по биллю о бедных⁷⁰, а 21 ноября — в комиссию по биллю о скорейшем исполнении карательных законов (против еретиков)⁷¹. За время работы первой сессии парламента 1558 г. Монтегю успел поработать еще в двух комиссиях. Одна из них (25 января) готовила билль о похищении и принуждении вступить в брак наследниц знатных домов⁷², а другая (22 февраля) — билль о дублинии кожи⁷³.

Кроме того, в ряде случаев журналы палаты зарегистрировали несогласие виконта с решениями остальных лордов. 4 января лорды приняли в третьем чтении билль об отмене законов, ущемляющих права Папы Римского в Англии. Прохождению этого билля еще до рождества 1554 г. помешала клаузула о ряде пожалований бывших владений епископства Лондонского и о пожалованиях лорду Уэнтоурту. Билль дважды отсылался обратно к общинам, причем во второй раз причиной тому было несогласие ряда лордов — а именно, виконта Монтегю, епископов Лондонского (Эдмунда Боннера) и Личфилдского (Ральфа Бейнса) с присланной формулировкой. В конце концов, билль был принят, а злосчастную клаузулу лорд-канцлер Стивен Гарднер просто вырезал кинжалом из текста статута⁷⁴. Через несколько дней (8 января) виконт Монтегю в числе других пэров⁷⁵ выразил несогласие с биллем об объявлении вне закона покойного герцога Саффолка, и билль вернули в палату Общин⁷⁶. И, наконец, 16 февраля 1558 г. виконт вместе с

⁶⁸ LJ. Vol. I. P. 498.

⁶⁹ Ibid. P. 501. Другие члены комиссии: Эдвард Сеймур, граф Хартфорд, епископы Батский (Гилберт Бурн) и Рочестерский (Морис Гриффин), лорды Ричард Рич и Уильям Пэдджет.

⁷⁰ Ibid. P. 503. Другие члены комиссии: Генри Мэннерс, граф Ратленд, епископы Илийский (Томас Тёрлби), Вустерский (Ричард Пейт) и Чичестерский (Джордж Дей), лорды Ричард Рич, Уильям Пэдджет, Эдвард Норт.

⁷¹ Ibid. P. 504. Другие члены комиссии: граф Ратленд, епископы Батский и Рочестерский, лорды Ричард Рич, Уильям Пэдджет и Уильям Уиллоуби.

⁷² Ibid. P. 516. Другие члены комиссии: Фрэнсис Тэлбот, граф Шрусбери, епископы Лондонский (Эдмунд Боннер) и Питерборосский (Дэвид Поул), Джордж Брук, лорд Кобэм и лорд Уильям Уиллоуби.

⁷³ Ibid. P. 527. Другие члены комиссии: граф Шрусбери, епископы Батский и Рочестерский, лорды Томас Уортон и Эдвард Норт.

⁷⁴ Ibid. P. 484.

⁷⁵ Уильяма Бёрчера, графа Бата, лорда Чарльза Стертона, Джона Ламли и Уильяма Пэджета.

⁷⁶ LJ. Vol. I. P. 486. Генри Грей, герцог Саффолк, был обезглавлен 23 февраля 1554 г. за свое участие в восстании Уайетта против Марии I. Хотя Монтегю не разделял ни религиозных взглядов Саффолка (тот был убежденным протестантом), ни его враждебности королеве, вопрос об объявлении покойного вне закона, что сопровождалось конфискацией имущества, затрагивал интересы родственников

лордом Эдвардом Хастингсом из Лавборо зарегистрировал несогласие с решением палаты относительно принятого билля о передаче королеве манора Рейли (Эссекс)⁷⁷. Очевидно, виконт порой мог быть не только эффективным, но довольно-таки въедливым парламентарием. Эффективность эта ценилась палатой: дважды, в 1555 и 1558 гг., виконт назначался принимать петиции (*trier of petitions*).

Государственные должности

Зенитом политического влияния виконта Монтегю стало введение его в состав Тайного Совета Марии I. Назначение состоялось 28 апреля 1557 г. Документы Тайного Совета фиксируют присутствие виконта на заседаниях — не столь частое, как можно было бы предположить, хотя вряд ли это объясняется отсутствием усердия или интереса к государственным делам. Первый раз виконт появился в Совете только 8 мая 1557 г.⁷⁸, проведя начало месяца в Сассексе и Сарри, где занимался набором отрядов, отправлявшихся воевать с Францией⁷⁹. Он присутствовал на 11 заседаниях в мае (в Вестминстере), однако провел большую часть июня и июля в графствах (по той же причине), посетив всего 10 заседаний за все лето. Последним было его появление в Вестминстере 1 июля⁸⁰; позднее виконт отбыл с английской армией в Пикардию.

Вернувшись в Англию, Монтегю немедленно появился в Совете (31 октября 1557 г., Сент-Джеймский дворец)⁸¹ и исправно посещал заседания в течение нескольких месяцев (ноябрь—февраль): 21 раз в ноябре, 9 в декабре (до рождественских праздников), затем 19 раз в январе и 13 в феврале⁸² (два последних месяца — параллельно с парламентской сессией). Затем наступил период, когда виконт, поглощенный своими делами в графствах (см. ниже), почти не посещал заседания Совета (9 раз в марте). В столице он оказался вновь только в конце октября (3 заседания, 22—24 октября)⁸³, и затем участвовал в работе последних заседаний Совета Марии I (7—15 ноября)⁸⁴. Довольно длительные периоды отсутствия Монтегю в столице объясняются активным участием виконта в управлении южными графствами, требовавшие его присутствия на юге страны.

виконта. В отсутствие наследников мужского пола часть имущества семьи Грей могло перейти к братьям Саффолка, один из которых, Джон Грей, был мужем сестры виконта, Мэри Браун.

⁷⁷ Ibid. P. 524.

⁷⁸ Acts of the Privy Council (далее — APC), 1556—1558. P. 81

⁷⁹ Loseley MSS. P. 613.

⁸⁰ APC, 1556—1558. P. 82—112.

⁸¹ Ibid. P. 193.

⁸² Ibid. P. 194—266.

⁸³ Ibid. P. 282—290, 419—421.

⁸⁴ Ibid. P. 426—429.

Местное управление

Относительно новая семья в Сарри и особенно в Сассексе, Брауны стремились расширить свое влияние в графствах. Осуществлялась эта политика, прежде всего, через занятие должностей в местном самоуправлении. Еще в царствование Эдуарда VI Энтони Браун был при поддержке герцога Нортумберленда назначен шерифом графств Сарри и Сассекс, а также вошел в состав комиссии по церковному имуществу (Сассекс, 1553). С восшествием на престол Марии I его полномочия расширились. В 1553 г. он вошел в состав практически всех комиссий в графствах (и оставался их членом до конца жизни). С 1554 г. и до конца жизни Монтегю был мировым судьей в обоих графствах, а во время войны с Францией он возглавлял комиссию, собиравшую ополчение в графстве Сарри (1557 г.). И, наконец, с марта по октябрь 1558 г. виконт занимал пост лорда-лейтенанта графства. Мария I, в отличие от своих преемников, назначала лордов-лейтенантов только в военное время и только в те графства, которым могло угрожать вторжение — на время этой угрозы. Поэтому отзыв лейтенантских полномочий в данном случае не подразумевал немилости.

Деятельность Монтегю в графствах была не менее активной, чем в столице. Послания лордов Тайного Совета показывают, что ему в качестве мирового судьи предписывалось принять меры к поимке авторов неких «подметных листов», появившихся в Сассексе в начале 1556 г. (письмо от 8 марта 1556 г.)⁸⁵. А 13 апреля Монтегю заслужил похвалу Совета за поимку двух «подозрительных личностей» (возможно, протестантов), собиравшихся отплыть из Сассекса во Францию⁸⁶.

Вступление Англии в войну против Франции в 1557 г. выдвинуло на первый план обязанности по сбору войск и обороне побережья. 3 мая 1557 г. виконт писал своему коллеге и другу, мировому судье графства Сарри сэру Уильяму Мору, требуя от него немедленно объединить усилия с Ричардом Бидоном, джентльменом из свиты Монтегю, и собрать всех имеющихся в наличии всадников и пехотинцев, готовых выступить для защиты Кале⁸⁷. А когда летом 1558 г. сэр Николас Пелэм (брат которого, протестант, участвовал в восстании Уайетта) отказался собирать ополчение, виконт устроил ему страшный разнос, а потом отправил его в тюрьму Флит, где Пелэм пребывал до августа — т.е. до тех пор, пока не изменил свое решение⁸⁸.

Участвовал виконт и в осуществлении религиозной политики правительства Марии I⁸⁹. Капелла Богоматери в приходской церкви Монтегю — церкви Св. Спасителя в Саутворке (Сарри), стоявшая рядом с лондонской резиденцией виконта, была в январе 1555 г. предоставлена

⁸⁵ APC, 1554—1556. P. 245.

⁸⁶ Ibid. P. 262.

⁸⁷ Loseley MSS. P. 613

⁸⁸ Bindoff. Vol. III. P. 81.

⁸⁹ Подробнее см. часть II, главу III.

церковному суду епархии под председательством епископа Винчестерского, лорд-канцлера Стивена Гарднера, и епископа Лондонского Эдмунда Боннера⁹⁰. В процессах еретиков-протестантов участвовали и ставленники самого виконта. Так, богослов Альбан Лэнгдейл в феврале 1555 г. благодаря его покровительству стал архидиаконом Чичестерского собора⁹¹. А в 1557 г. Лэнгдейл вместе с кузеном виконта, сэром Джеймсом Гейджем, дважды допрашивал сассекского еретика Ричарда Вудмена. Допросы проходили в упомянутой выше капелле церкви Св. Спасителя и в доме самого виконта — Монтегю-хаус в Саутуорке⁹². Дело Вудмена свидетельствовало не только о решимости властей — включая Монтегю — искоренить протестантскую «ересь», но и о стараниях переубедить еретика и вернуть его в католическую церковь. Проводившие допросы клирики⁹³ и миряне в течение долгих месяцев (Вудмен был арестован в 1554 г.) пытались убедить его отказаться от своих заблуждений. Участие Лэнгдейла в процессе было обусловлено именно его талантами полемиста и проповедника: Джеймс Гейдж привез его из Сассекса для того, чтобы попробовать обратить Вудмена. Однако Вудман упорствовал до конца: 16 июля судьи формально объявили его еретиком, а 22 августа 1557 г. он и еще 9 протестантов были сожжены в Льюисе — центре единственной в Сассексе протестантской общины⁹⁴.

Лэнгдейл, впрочем, был не только судьей, но и полемистом, и хорошим проповедником. Именно в данном качестве он и был интересен Монтегю: в своем письме в Лондон от 17 мая 1558 г. виконт — тогда лорд-лейтенант Сассекса — упоминает, что, последовав совету епископа Чичестерского, взял с собой в инспекционную поездку по побережью графства Лэнгдейла, который при большом скоплении народа произнес проповедь против протестантского учения⁹⁵.

Таким образом, за сравнительно небольшой срок — пять лет правления Марии I — виконт Монтегю вошел в состав правящей элиты, а королева и кардинал Реджинальд Пол — архиепископ Кентерберийский и после смерти Гарднера второе лицо в правительстве — благоволили ему. Будущее казалось поистине радужным.

⁹⁰ *Darlington I. Bankside: The Parishes of St. Saviour and Christchurch, Southwark // Survey of London. 1950. Vol. 22. P. 8.*

⁹¹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 163.*

⁹² *Foxe J. Acts and Monuments of matters <...> happening in the Church. L., 1583. P. 1994—2001, 2003. См.: <http://www.hrionline.ac.uk/johnfoxe/index.html>*

⁹³ В их число, помимо Лэнгдейла входили Николас Харпсфилд и епископ Чичестерский Джон Кристоферсон.

⁹⁴ Подробнее см.: *Duffy E. Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven—L., 2009. P. 143—146.*

⁹⁵ *CSP Domestic, 1553—1558. P. 334—335.*

§ 3. Виконт Монтегю на политической сцене в царствование Елизаветы I (1558–1592)

Взлет Монтегю на политический Олимп оказался кратковременным; ему пришел конец вместе со смертью королевы Марии I, одним из 15 душеприказчиков которой он был. С самого начала нового царствования Елизавета I дала понять, что часть советников покойной сестры не войдут в обновленный состав ее Совета⁹⁶. Помимо Монтегю, свои места потеряли лорд Эдвард Хастингс из Лавборо⁹⁷, лорд Ричард Рич⁹⁸ и лорд Уильям Пэджет⁹⁹. При этом отнюдь не все католики были выведены из состава елизаветинского Тайного Совета: в нем остались графы Эрендел¹⁰⁰, Дерби¹⁰¹ и Пемброк¹⁰².

«Немильность» по отношению к виконту Монтегю, несомненно, объясняется тем, что он с самого начала царствования Елизаветы I высказался против очередной смены официального исповедания и, в отличие от более осторожных пэров, публично заявил о своей позиции, обнародовав ее в ходе парламентских дебатов (весна 1559 г.).

⁹⁶ Starkey D. Elizabeth. L., 2000. P. 241—242. Саймон Адамс датирует это событие 25 ноября 1558 г. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 117. n. 41.

⁹⁷ Эдвард Хастингс из Лавборо (1521?—1572), младший сын графа Хантингдона. Во время династического кризиса 1553 г. поддержал Марию I. Филипп Испанский назначил лорду Хастингсу пенсию в 500 фунтов. В 1555 г. Хастингс, как и Монтегю, стал рыцарем ордена Подвязки. В том же году он в качестве посла отправился к императору Карлу V, чтобы пригласить в Англию папского легата, кардинала Пола. В 1556—1558 гг. — лорд-камергер королевского двора. Католик; после прихода к власти Елизаветы ушел из большой политики.

⁹⁸ Ричард Рич (1497—1567) — член Тайного Совета при Генрихе VIII, Эдуарде VI и Марии I. В годы последнего царствования «прославился» активным преследованием протестантов в графстве Эссекс, чем и объясняется его изгнание из Совета.

⁹⁹ Уильям Пэджет (1506—1563) — член Тайного Совета при Генрихе VIII, Эдуарде VI и Марии I. Лорд-хранитель печати в 1556—1558 гг. Вместе с лордом Хастингсом был членом посольства 1555 г. к императору, а после прихода к власти Елизаветы покинул политическую сцену.

¹⁰⁰ Генри Фицалан, граф Эрендел (1512—1580) — лорд-шталмейстер Марии I и Елизаветы I (до 1564 г.), член Тайного Совета в 1558—1580 гг., лорд-лейтенант Сассекса в 1559—1569 гг.

¹⁰¹ Эдвард Стенли, граф Дерби (1509—1572) — член Совета Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I. Католик, в правление Марии I активно преследовал протестантов на севере Англии.

¹⁰² Уильям Херберт, граф Пемброк (1501—1570) — член Совета Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I. Католик; один из немногих мирян, в царствование Марии планировал восстановить монастырь (францисканцев в Саутхэмптоне), земли которого были ему пожалованы.

Сопrotивление елизаветинскому религиозному законодательству.
Парламентская речь 1559 г.

Воссоздание в стране протестантской церкви натолкнулось на сопротивление части парламентариев. Билль о супрематии, предполагавший возвращение королеве титула главы церкви и изменение церковной литургии, был представлен на рассмотрение палаты Общин в феврале 1559 г. После бурных дебатов он был принят палатой 23 февраля¹⁰³.

Однако с настоящим сопротивлением билль столкнулся при первом чтении (28 февраля) в палате Лордов. Епископы и часть светских пэров выступили против него с самого начала. Второе чтение состоялось 13 марта¹⁰⁴ и оказалось весьма бурным. Графы Пемброк и Шрусбери, а также виконт Монтегю и лорд Хастингс поддерживали епископов в их оппозиции биллю¹⁰⁵. А в ходе дебатов (или сразу после них, но в присутствии членов палаты) граф Бедфорд обвинил виконта: его верность папе объясняется тем, что в бытность его в Риме он пользовался услугами знаменитых римских куртизанок, оплаченных из казны курии. Монтегю с негодованием отверг обвинения¹⁰⁶.

После заседания билль был направлен на рассмотрение комиссии палаты, состоявшей из маркиза Винчестера, герцога Норфолка, графов Уэстморленда, Шрусбери, Ратленда, Сассекса и Пемброка, виконта Монтегю, епископов Эксетерского и Карлайлского и лордов Клинтона, Морли, Рича, Уиллоуби и Норта¹⁰⁷. Комиссия переработала билль практически до неузнаваемости, изменив предложенную статутом формулу причастия и отказавшись даровать королеве титул главы церкви¹⁰⁸. Измененный билль прошел в третьем чтении (18 марта 1559 г.), хотя против него голосовали епископы и два светских пэра — Монтегю и граф Шрусбери¹⁰⁹.

В ходе дебатов противники билля выступили с развернутым обоснованием своего сопротивления. Духовных пэров представлял архиепископ Йоркский Николас Хит, произнесший свою речь 18 марта¹¹⁰. От лица светской оппозиции выступал виконт Монтегю. Его речь прозвучала пятью днями раньше, 13 марта 1559 г.¹¹¹

¹⁰³ Jones N. Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion, 1559. L., 1982. P. 88—94.

¹⁰⁴ Ibid. P. 96, 99.

¹⁰⁵ Ibid. P. 100.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid. P. 99.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid. P. 101—103.

¹¹⁰ Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I / Ed. by T.E. Hartley. L., 1981. Vol. I. P. 4.

¹¹¹ Не существует парламентских источников, подтверждающих тот факт, что речь Монтегю была не просто приготовлена, но и произнесена. Ibid. P. 4—5, 7—11. Однако Майкл Кестье, опираясь на свидетельства современников, упоминавших о «произнесенной» речи, считает, что она и в самом деле прозвучала на заседании палаты (*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 119). Я склонна согласиться с его выводом.

В начале речи виконт сформулировал причины, побудившие его к выступлению: «Видя, что моя вера, как я ее понимаю, подвергается сомнению и опровергается людьми моего положения, <...> я вынужден исполнить мой долг перед Богом, государем и страной»¹¹².

Далее виконт уточнил, в чем именно состоят его претензии к биллю:

«Хотя в первой части о супрематии лишь испрашивается, однако в основной части билля целиком отменяется все, что было сделано для защиты от пагубы зловердных ересей, и возвращается и восстанавливается неразбериха, недавно существовавшая в делах религии: месса отменена, таинство [пресуществления — А.С.] отвергнуто, таинства осквернены, святые алтари разрушены, храмы запятнаны, браки священников разрешены, их дети признаны законными»¹¹³.

Монтегю затем подробно объясняет свои колебания и необходимость публичного выступления против билля.

«Я должен говорить в защиту того положения дел в религии, с которым билль намеревается покончить. Однако я очень боюсь двух вещей: во-первых, сказав, оскорбить тех, кому больше всего желаю угодить, а во-вторых, и в главных, промолчав, совершить преступление против моей совести, а значит, и против самого Бога. Следовательно, я обязан говорить, в силу самого предмета, места и моего призвания. Ведь предмет касается моей веры и религии, которые ставятся под сомнение; место же — совет, где все люди обязаны высказывать свое мнение не просто как “да” и “нет”, но, при определенных обстоятельствах, поддерживать и содействовать тем вещам, что служат к славе Божией и благу королевства. <...> В-третьих, я, недостойный, в силу моего призвания, являюсь членом этого совета и одним из вас, милорды. Этому же призванию более всего подобает, как при принятии законов, отложить в сторону все пристрастия и поступать лишь согласно совести, беспристрастно следуя истине и справедливости, чтобы благодаря обстоятельному размышлению не раскаиваться потом»¹¹⁴.

¹¹²“seing my Faithe as I take ne is called into question[n] and the same impugned by others of my Condition <...> I am enforced to dicharg my dutie towards god, my Prynce and Countrye” // The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Bill of Supremacy, 1559 / Ed. by T. McCann // SAC. 1970. Vol. 108. P. 52.

¹¹³“For as in the first p[ar]te the Supremacie is only intrated of, even so in the bodie of the Bill, all that ever was made for the defence of ye faith against the malignity of wicked heresies, are wholly repealed, and the confusion lately used in religion, newly received and established: the masse abrogated, the sacrifice of the Churche reiected, the Sacramentes prophaned, the holie Authars destroyed, temples violated, mariage of preistes allowed, their Children made legitimate” // Ibid.

¹¹⁴“I must speake for the stave of the whole state of Religion, wch this Byll carieth away directly wth yt: yet am I two wayes much afrayed, the one by speaking to offend those whom I most desire to please, the other and cheife by not speaking to offend my Conscience, and therby god himself. To speake therefore I am constrained by the matter, the place, and my Vocation. By the matter as touching my Faithe and religion called in question: the place being a Councell, wherin all men are bounde to discharge them-

Доводы виконта против билля разбиты на две группы — аргументы, относящиеся к сфере духовной и к области государственного интереса. Первая группа предваряется заявлением виконта о своей конфессиональной принадлежности.

«Вера, которую я исповедал при крещении, когда стал членом мистического тела Христова, и поклялся верить в святую католическую церковь, единственную возлюбленную супругу Христову, в единстве с которой я буду спасен или проклят»¹¹⁵.

Далее Монтегю указывает, что Бог никогда не ставил светских государей главами церквей, и подобное, если не считать Англии, происходит только в областях Германии, которые дальше всего отошли от католической церкви¹¹⁶.

Отвечая на критику Римской церкви и упоминания о нравах Римской курии, а также — косвенно — и на высказанные обвинения в собственный адрес, виконт затронул свое пребывание в Риме:

«Говорят, что в Риме я видел или мог видеть много мерзости: поистине, милорды, я знаю, что грех усилился по всему миру и в некотором роде затопил все народы. Однако, по правде говоря, я не видел там зла больше, чем вижу в моей собственной стране, хотя я и в самом деле встретил нескольких кардиналов, недостойных своего звания»¹¹⁷.

Возвращаясь к рассуждению, Монтегю напоминает своим слушателям: отвергнув католическое учение, «мы отделяем себя от церкви и тем самым становимся сосудами гнева Господня»¹¹⁸.

Он противопоставляет свое мнение, основанное на учении католической церкви и всей церковной традиции, необоснованным измышлениям протестантов, как бы спрашивая слушателей — кому же в самом деле стоит верить?

selves, not only by yea ant naye, but also as occasion serveth to further and advaunce all those things that sounde to the honour and wealth of the Realme. <...> Thirdly being unworthy by my Vocation a member of this Councell, and one of yoⁿ my Lords: to the wch calling nothing so necessarily appartayneth as in law making to laye aside all affections, and nothing to doo but for conscience sake, following the rule of truthe indifferently and Justice by good deliberation before to avoide all repentaunce afterwarde^s” // Ibid. P. 52—53.

¹¹⁵“Religion ye wch I professed in my baptisme, wher I was made a member of Christs Misticall bodie, and vowed to believe the holy Catholique Churche, as the spowse and only beloved of Christe, by unities in the wch I am to be saved, or damned” // Ibid. P. 53.

¹¹⁶Ibid.

¹¹⁷“But at Rome is said, I did or might see much abomination: truly my Lordes I thinck I knowe that synne is greatly increased in the whole worlde, and doth in manne[r] overflowe all nations, but if I shall saye truly I sawe no more evill there, then I see in my owne Countrye saving that did see some fewe Cardynalls unworthy of the place” // Ibid. P. 53—54.

¹¹⁸“wee devide or[our] selves from the Churchy and so become the vessels of the Wrathe of god” // Ibid. P. 54.

«Я верю им [католическим епископам, заседавшим в палате — А.С.], но не потому, что они так говорят, но потому, что они преподносят мне древнее учение Отцов, передававшееся из рук в руки благодаря непрерывному преемству епископов церкви Христовой, в которой жили и умирали все святые мученики, патриархи, и исповедники. Какая у меня есть причина сомневаться в этом, если только я не считаю, что весь мир проклят, за исключением тех немногих, что исповедают новое учение, известное только по осуждению церковному? Причем относительно этого учения они между собой не согласны, погубив в спорах с истиной церкви больше людей, чем потребовалось бы для освобождения Греции и Константинополя из рук Турка»¹¹⁹.

Следующая диатриба Монтегю была адресована тем из лордов, кто в душе был согласен с ним, но опасался открыто высказывать свое мнение, не желая вызывать гнева новой королевы. Виконт призывал их занять позицию в соответствии с убеждениями.

«Теперь мне недостаточно просто промолчать, успокаивая себя в безопасности собственной совести, известной лишь мне. Не извинит меня и желание угодить, не освободит и страх опалы, громогласные слова проповедника, учащего своим измышлениям, не дают мне на это право. Ведь червь моей совести ужалит меня, а сам Бог обвинит меня, сказав: ты презрел тех, кого я послал наставлять тебя, ты предпочел мне, Господу твоему, человека, ты боялся человека больше, чем Бога. Горе тебе»¹²⁰.

Следующая группа аргументов относилась к интересам государства, и Монтегю считал необходимым их высказывать, повинувшись своему долгу аристократа и пэра. Виконт противопоставил себя — аристократа, выполняющего свой долг перед королевой, а именно, дающего совет в согласии с собственной совестью — тем, кто подвиг ее на изменение

¹¹⁹“I believe them, not for that they saye so, but because they teache me the Auncient faithe of the Fathers delivered and received from hand to hande by Continuall succession of all Bishopps in the Church of Christe, and the same wherin all the holy Martyrs, p[ri]arcks, Confessours, lived and died, wherin, what cause I have to doubt, if I doo not thincke that all the worlde is damned, saving a fewe that believe and p[ro]fesse this newe doctrine, unknowne to the Church, but by condemnation therof: in the wch they never agreed among themselves, but have spent mo[re] mens lyves in their Constroversies, and all against the truth of the Church, that had been sufficient to have delyvered Greece and Constantinople from the hands of the Turke” // Ibid.

¹²⁰“at wch tyme it shall not be sufficient for me, that I said nothing, and flatter myself wth securitie of myne owne conscience secrete to my self, neither shall desire to please excuse me, nor feare of displeasure discharge me, no not thy thundering wordes of a preacher teaching his owne ymaginative doctrine, be my warraunt: but then the worme of my owne conscience shall sting me, and god himself accuse me and saye: thou hast dispiced those whom I have sent to teache thee, thou hast denyed me thy Lord before man, thou hast feared man more than god. Woe be unto thee” // Ibid.

официального исповедания. Ведь подать такой дурной совет могли только враги Елизаветы, втайне желающие ее гибели¹²¹.

Затем Монтегю резюмировал политические сложности, которые должны были воспоследовать из принятия статута. Во-первых, обращение в протестантизм станет символом отделения от христианского сообщества и вызовет отлучение от церкви. А отлучение всегда имеет негативные политические последствия: враги смогут безнаказанно вторгнуться на территорию Англии, прикрываясь буллой об отлучении, а союзники не рискнут прийти Англии на помощь¹²². Виконт перечислил ряд примеров из европейской истории — отлучение от церкви короля Наварры Жана д'Альбре¹²³ и последовавшее за ним завоевание Наварры Фердинандом II Арагонским, завоевание Неаполитанского королевства Карлом Анжуйским — а также и восстание английских баронов против короля Иоанна¹²⁴. За всеми этими примерами прочитывался намек на угрозу французского вторжения: ведь Генрих II уже объявил о том, что не признает Елизавету I законной королевой, и обнародовал претензии на престол своей юной невестки, Марии Стюарт. Таким образом, Монтегю апеллировал к худшему кошмару англичан.

Напомнил он лордам и о событиях последнего десятилетия — неоднократных волнениях в стране, вызванных переменами в области религии — указав, что бедственное положение страны в сочетании с религиозным конфликтом легко может привести к восстанию.

«Прибавьте к этому наши собственные слабость и бедность: люди недовольны, мы задолжали большие суммы денег и запросили еще большие по необходимости. А главное, вспомните о дурной природе нашего народа, при малейшей возможности готового восстать и не останавливающегося ни перед чем, причем каждый человек идет своим путем. Если это произойдет (как то не раз уже случалось недавно), всем очевидно — гибель королевства почти неизбежна»¹²⁵.

Резюмируя, Монтегю заключил, что смена религии поколеблет положение Елизаветы и приведет к гибели королевства.

Старания Монтегю и других членов комиссии привели к почти полному перекраиванию билля; хотя он и был принят палатой Общин, но не устраивал правительство в таком виде. Поэтому парламент был распущен на время Пасхи. Когда он вновь собрался в апреле 1559 г., на рас-

¹²¹“this matter here offred be as evill an advise as all her enemyes can imagine to give her and her realme” // Ibid.

¹²²Ibid. P. 55—56.

¹²³Юлий II отказался пойти навстречу желаниям Фердинанда II, и последний подделал буллу, отлучавшую Жана д'Альбре от церкви.

¹²⁴The Parliamentary Speech. P. 55.

¹²⁵“ad to this o[ur] owne weaknes and povertie at home: mens myndes discontented, great some sof money dewe, and more of necessitie demanded: and chiefly remember the evill nature of o[ur] people that always upon a little libertie are readie to rebel, and dare doo any thinge, and ev[er]y man followe his owne waye, wch thing yf doo happen (as to often of late he hath donne) who seeth not the perrill of the realme almost inevitable” // Ibid. P. 56.

смотрение палат были представлены два билля — о супрематии и о религиозном единообразии. Они были приняты обеими палатами, и хотя виконт Монтегю продолжал сопротивляться, его усилия оказались бесплодными. Он был единственным светским пэром, голосовавшим против елизаветинских статутков о религии 1559 г.¹²⁶

Речь виконта Монтегю, прозвучавшая в самом начале царствования Елизаветы, проливает свет на то, каким образом католики видели свою политическую роль в изменившейся ситуации. Он сам, и многие поколения полемистов и историков, воспринимал себя как лояльного подданного своей королевы. Однако понятие лояльности применительно к подданным, отделенным от государей конфессиональным барьером, в XVI в. сильно отличалось от того, какое воспроизводится в сочинениях историков XIX—XX вв. Последние склонны были делить католиков на «фанатиков» или, по крайней мере, ревнителей веры, готовых на прямое неповиновение режиму — восстание, заговор или эмиграцию — и «лоялистов», фактически удалившихся с политической сцены. При этом подразумевается, что сохранение социального статуса и имущественного положения для подобных людей значило больше, чем религия (в противном случае они были бы «фанатиками»)¹²⁷. В крайнем случае, подобных Монтегю «лоялистов» воспринимали как исключение, поскольку они — как и некоторые протестанты — были наделены особой терпимостью к инаковерующим. Так, например, Роджер Мэннинг полагал, что в вышеприведенной речи Монтегю не говорил о том, что протестантизм — ложное учение, но всего лишь о том, что это учение новое, и навязывать его силой нельзя¹²⁸. Подобная трактовка с трудом согласуется с терминологией Монтегю — употреблением слова «ересь». Кроме того, «новизна» в XVI столетии отнюдь не была положительным качеством, и в особенности применительно к вероучению. «Новизна» доктрины протестантов и их несогласие между собой — главные положения католической критики, многократно тиражировавшиеся в полемической литературе. О некоей особенной веротерпимости Монтегю, таким образом, говорить не приходится.

Более верной представляется интерпретация Майкла Кестье, который подчеркивает: лояльность католиков, в том числе и Монтегю, не подразумевала ухода из политики. Ведь заговоры и вооруженная борьба — не единственные формы политического действия, доступные оппозиции¹²⁹. Лояльность католиков режиму, напротив, подразумевала участие их в политической жизни страны на самых разных уровнях и не исключала жесткой критики режима. Ведь, как отмечал в своей речи

¹²⁶Jones N. Faith by Statute. P. 123, 130, 134, 139—140, 143—144, 165. Русский перевод текста статутков (1 Eliz. C. 1&2): Серегина А.Ю. Политическая мысль... Приложение III. С. 271—273.

¹²⁷Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, 1979. P. 3—5.

¹²⁸Manning R.B. Anthony Browne, 1st Viscount Montague: the Influence in County Politics of an Elizabethan Catholic Nobleman // SAC. 1968. Vol. 106. P. 105.

¹²⁹Questier M.C. Catholicism and Community. P. 119—122.

виконт, верность Богу, государю и стране были долгом аристократа. Однако долг предполагал не безоговорочное принятие всех решений, угодных монарху, но их критическая оценка и указание на возможные негативные последствия, угрожающие положению государя. Если же правитель настаивал на гибельном курсе, ответ лояльной оппозиции мог оказаться самым неожиданным — в конце концов, как продемонстрировали английские парламентарии XVII в., она была готова защищать власть короля — в собственном ее понимании — от него самого путем вооруженного восстания¹³⁰.

М. Кестье отмечает, что в речи Монтегю в зародыше присутствует основная идея позднейших католических памфлетов, авторы которых представляли себя в качестве верных подданных Елизаветы и идентифицировали ее советников-протестантов (Сесила, или графа Лестера) как ее тайных врагов, поскольку инициированная ими политика должна была привести страну и ее правительницу к гибели¹³¹.

Стоит добавить, что в речи виконта присутствовала и еще одна идея, важная для последующих католических текстов, вышедших из-под пера англичан. Это неоднократно повторенная им мысль о необходимости действовать согласно требованиям совести и подчиняться божественному закону в большей степени, нежели желаниям государя. Сам по себе принцип свободы совести (даже заблуждающейся в вопросах веры) был не нов и восходит к текстам Св. Фомы Аквинского. Однако именно он лег в основу главных положений английских католических памфлетов — неприятия насилия в области религии (эту аргументацию использовали представители всех религиозных меньшинств)¹³², а также и принципа «двойной лояльности» — подчинения королеве в светских делах и папе Римскому в делах вероучения. А принцип «двойной лояльности», в свою очередь, легко мог быть развернут в полномасштабную теорию сопротивления государю по религиозным мотивам¹³³.

Таким образом, лояльность виконта Монтегю, как и многих других католиков, отнюдь не являлась однозначной или само собой разумеющейся. Скорее, под ней следует понимать целый комплекс политических практик, направленных на защиту интересов католического сообщества в стране и создававших различные формы взаимодействия с протестантским режимом, менявшиеся в зависимости от обстоятельств.

¹³⁰См.: Серегина А.Ю. Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI—XVII вв. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 195—207.

¹³¹Questier M.C. Catholicism and Community. P. 122—123; *Idem*. Elizabeth and the Catholics // Catholics and the “Protestant Nation”: Religious Politics and Identity in Early Modern England / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005. P. 69—94.

¹³²Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 160, 170.

¹³³Там же. С. 212—215.

1560-е гг.:

политические конфликты вокруг предполагаемого брака королевы и наследования престола.

Такие политические практики отчетливо заметны в маневрировании дворян-католиков вокруг фигур предполагаемых супругов королевы Елизаветы, а в последние десятилетия ее царствования — вокруг возможных наследников. Поскольку в отечественной историографии нет работ, представляющих подробную картину борьбы придворных партий, а также заговоров, вовлекавших в себя многочисленных дворян — католиков и протестантов¹³⁴, необходимо не только реконструировать политические действия виконта Монтегю, но и привести очерк событий, составлявших их политический контекст.

Несмотря на оппозицию Монтегю религиозному законодательству, Елизавета I не подвергала сомнению верность виконта ей лично. Возможно, королева считала его откровенность в суждениях несовместимой с заговорами и интригами. Не менее вероятно и другое: виконт находился при дворе с 1546 г., а его жена, леди Магдален в свое время была фрейлиной королевы Марии I. Они прекрасно помнили Елизавету еще принцессой, не в лучшую пору ее жизни¹³⁵. В 1592 г. виконт Монтегю, обращаясь к приглашенным на парадный обед дворянам графства Сарри, заявил: «Я сослужил ее величеству хорошую службу за морями и в других местах. Я оказывал ей услуги (как она знает) при королеве Марии, когда я был в Тайном Совете и лейтенантом графства»¹³⁶.

Невозможно установить точно, о чем идет речь, однако вполне вероятно, что виконт и/или его жена оказали Елизавете некие услуги, или даже проявили почтительность и дружелюбие в тяжелое для принцессы время, когда она не только не имела власти, но опасалась за свою жизнь. Диктуемые эмоциями мотивы ускользают от внимания историка, но именно они вполне могли оказаться главной причиной неколебимой веры Елизаветы в лояльность Монтегю.

Как бы то ни было, даже потеряв место в Тайном Совете, виконт Монтегю продолжал активно участвовать в политической жизни страны. Он по-прежнему играл важную роль в управлении графств Сарри

¹³⁴Единственный обзор политической истории английских католиков второй половины XVI—начала XVII в. приводится в монографии автора настоящей работы. См.: *Серегина А.Ю. Политическая мысль. С. 18—63.*

¹³⁵С марта по май 1554 г. принцесса Елизавета находилась в Таузере, куда ее отправили из-за возможной причастности к восстанию Уайатта. Лорд-канцлер Стивен Гарднер, епископ Винчестерский, стремился предать ее суду по обвинению в измене и казнить.

¹³⁶Woking, Surrey History Centre. Loseley MS 1856. P. 2. "I have donne her maiestie good service both beyonde the seas & else wheare. I stood her in somme steede (as she knoweth) in Quene Maryes dayes when I was of the Pryvye councell & Lyvetenaunt of the sheare" // *Questier M.C. Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself // Historical Research. 2004. Vol. 77. Appendix. P. 251*

и Сассекс и заседал в палате Лордов. Елизавета использовала виконта и как дипломата: в 1560 и 1565—1566 гг. он вел переговоры с Филиппом II и правительницей Нидерландов Маргаритой Пармской (подробнее см. ниже). Однако виконт не мог не воспринимать свое положение как «понижение в должности». Заботила его и политика короны — наступление на католиков внутри страны и поддержка протестантов вне ее, во Франции и Шотландии. Монтегю, несомненно, приветствовал бы смену политического курса, однако добиться его можно было только одним способом — сменив правительство. А смена правительства, в свою очередь, предполагала свержение Елизаветы или, как минимум, отстранение ее советников-протестантов, либо по желанию самой королевы, либо ее супруга. Первый вариант для виконта оказывался неприемлемым, и не только из-за его верности королеве, но также и потому, что фигура ее преемника оставалась неопределенной. Незамужняя королева не имела детей — очевидных наследников, а права прочих претендентов на престол были неоднозначны. Наиболее популярная среди католиков кандидатура — Мария Стюарт — не устраивала виконта в силу своего происхождения: ему, испанофилу, предки которого сражались с французами в союзе с испанцами, она казалась неприемлемой.

Но оставались и другие претенденты. Кроме того, молодая королева могла выйти замуж за католика, одним махом решив все проблемы — и династические, и религиозные. Смена политического курса в таком случае была бы неизбежной. Разрешение вопроса о браке королевы и о престолонаследии (а в начале царствования Елизаветы это явно был один и тот же вопрос) волновало всех подданных королевы. Необходимость его разрешения только усугубил кризис 1563 г., когда Елизавета заболела оспой и находилась при смерти. И ближайшее окружение королевы, и члены парламента пытались заставить ее либо выйти замуж, либо назвать наследника. Напряженная атмосфера была перенасыщена интригами, и семья Монтегю тоже отдала им дань, тем более что родственные связи приближали ее к самому центру власти: мачеха виконта, Элизабет Фицджеральд, вышедшая в 1560 г. замуж за графа Линкольна, была воспитана при дворе Генриха VIII вместе с Елизаветой и оставалась ближайшей подружкой королевы на протяжении всей жизни. А восходящая звезда елизаветинского двора, сэр Роберт Дадли, шталмейстер и королевский фаворит, приходился Монтегю троюродным братом.

С самого начала царствования Елизавета I была окружена претендентами на ее руку, а ее советники и пэры расходились во взглядах на кандидатов. В 1559 г. предложение английской королеве сделал Филипп II, а после тактичного отказа последней появился другой кандидат — эрцгерцог Карл (1540—1590), сын императора Фердинанда I. Монтегю он устраивал по всем статьям — и как католик, способный скорректировать политический курс жены (если не обратить его вспять, вернуть страну к католичеству), и как отец будущих наследников. Сама Елизавета и многие из ее окружения не относились к перспективе этого брака с энтузиазмом: королева была влюблена в Дадли, Сесил на тот момент

еще не проявил интереса, часть советников (сэр Томас Парри и граф Бедфорд) поддерживали кандидатуру сэра Уильяма Пикеринга, а граф Эрндел считал подходящим женихом самого себя. Идею брака с эрцгерцогом Карлом в 1559 г. из числа советников поддерживал только герцог Норфолк¹³⁷.

Тем не менее, переговоры с императорским послом велись, так как Елизавета I нуждалась в союзе с Габсбургами против заявившей претензии на ее престол Марии Стюарт и поддерживавшей ее Франции. И участвовал в переговорах не кто иной, как виконт Монтегю. В декабре 1559 г. он докладывал королеве о своей беседе с императорским послом Каспером Брюнером, бароном фон Рабенштайном, в ходе которой посол прозрачно намекал на угрозу королеве и стране со стороны франко-шотландского альянса (тем самым пытаясь побудить ее рассмотреть брачные предложения всерьез)¹³⁸.

В это же время (1560 г.) испанский посол де Квадра вместе с графиней (позднее герцогиней) Ферия (урожденной Джейн Дормер), женой его предшественника, разрабатывал альтернативный план похищения предполагаемой наследницы, леди Кэтрин Грей, и возведения ее на престол в том случае, если Франция решит поддержать оружием претензии на английскую корону Марии Стюарт. В роли посредницы, которая должна была убедить леди Кэтрин вступить в союз с испанцами, посол видел жену виконта Монтегю, леди Магдален¹³⁹. Такой выбор был обусловлен не только всем известными внешнеполитическими предпочтениями виконта, но и его родственными связями. Сестра виконта, Мэри Браун, была супругой лорда Джона Грея из Пирго — дяди леди Кэтрин. Сама виконтесса хорошо знала девушку — в 1553—1554 гг. обе они были фрейлинами королевы Марии I. Неизвестно, предприняла ли леди Магдален какие-либо шаги. Возможно, она была слишком осторожна, чтобы ввязываться в заговоры. Вполне вероятно и то, что она благодаря своим придворным контактам и дружеским связям среди придворных дам Марии I и Елизаветы располагала информацией, которую дипломаты получили позже: еще при жизни Марии I родственники (матери молодых людей) поощряли сближение леди Кэтрин Грей и Эдварда Сеймура, графа Хартфорда. В ноябре 1560 г. пара вступила в тайный брак, разрушив тем самым все планы испанского посла¹⁴⁰.

В начале 1560-х гг. с виконтом Монтегю контактировали и другие заговорщики, сторонники еще одной католической наследницы — Мар-

¹³⁷Doran S. Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: the Habsburg Marriage Negotiations of 1559—1567 // EHR. 1989. Vol. 104. P. 911; *Idem*. Monarchy and Matrimony: the Courtships of Elizabeth I. L., 1996. P. 30—35.

¹³⁸Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquess of Salisbury (далее — Salisbury MSS). Vol. I. P. 161

¹³⁹Levine M. The Early Elizabethan Succession Question 1558—1568. L., 1966. P. 13—15; Rodríguez-Salgado M.J. The Changing Face of Empire: Charles V, Philip II and Habsburg Authority 1551—1559. Cambridge, 1988. P. 232—324.

¹⁴⁰de Lisle L. The Sisters Who Would be Queen. P. 180—205.

гарет Дуглас, графини Леннокс¹⁴¹. Они стремились объединить права сына графини, лорда Дарнли, с правами Марии Стюарт, соединив их в браке и объявив наследниками престола. Фрэнсис Яксли пытался выяснить мнение Монтегю на этот счет. Что именно ответил ему виконт, неизвестно, однако за свои планы Яксли провел несколько лет в Тауэре (1562—1565 гг.)¹⁴². Ходили слухи, что и Монтегю был арестован (в октябре 1561 г.)¹⁴³, возможно, в связи с обсуждением брака Дарнли и Марии Стюарт. М. Кестье считает эти слухи необоснованными, поскольку незадолго до этого (27 мая) королева не только не выказала никаких признаков недовольства, но и подарила «позолоченную чашу с крышкой» младшей дочери виконта на ее крещение¹⁴⁴, однако этот довод представляется не слишком убедительным: Елизавета прославилась умением наносить внезапный удар, предварительно введя свою «жертву» в заблуждение проявлением своего благоволения¹⁴⁵.

Небольшой интерес виконта к интригам вокруг Кэтрин Грей и лорда Дарнли объясняется рядом обстоятельств. Семья Грей представляла собой протестантских претендентов, тогда как Дарнли и Мария Стюарт олицетворяли для Монтегю врагов Англии. Существовала и причина совсем иного, династического свойства. В 1560 г. кузен виконта, сэра Роберт Дадли, овдовел¹⁴⁶. Теперь он был свободен и мог жениться на Елизавете I; однако

¹⁴¹Маргарет Дуглас, дочь сестры Генриха VIII Маргарет Тюдор от второго брака, родилась в 1515 г. на территории Англии и, таким образом, считалась английской подданной. С XIV в. иностранцам (в том числе и родившимся за границей детям англичан) запрещалось наследовать земли в Англии; часть английских правоведов считала, что это правило распространялось и на наследование престола, лишая прав на него Марию Стюарт. Маргарет Дуглас, сохранявшая верность католицизму, да к тому же и мать двух сыновей, могла казаться приемлемой кандидатурой для некоторых католиков. Есть сведения о том, что именно ее, в обход сестры, предпочла бы видеть своей наследницей Мария I. (*Weir A. The Lost Tudor Princess: a Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox. L., 2015. P. 147—160, 166—167*). Кроме того, уже в начале 1560-х гг. Маргарет Дуглас начала интриговать с целью женить своего старшего сына Генри на Марии Стюарт, объединив тем самым их права на короны Англии и Шотландии и поплатилась за это арестом и немилостью Елизаветы в 1562 г. (*Ibid. P. 181—185, 201—228*).

¹⁴²*MacCaffrey W. The Shaping of the Elizabethan Regime: Elizabethan Politics 1558—1572. Princeton, 1968. P. 73*. Примечательно, что Яксли был посредником между своим патроном — Дадли — и католиками, т.е. бывшими советниками Марии I, включая Монтегю.

¹⁴³*Monumenta Angliae: English and Welsh Jesuits. Catalogue / Ed. by T. McCoog. Ann Arbor, Michigan, 1992. Vol. III. P. 552*.

¹⁴⁴*Nickoll J. The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I. N.Y., 1823. Vol. I. P. 128*.

¹⁴⁵Например, в 1584 г. граф Эрденел (супруг племянницы Монтегю) был помещен под домашний арест, причем королева объявила ему об этом в ходе своего визита в его лондонскую резиденцию, что вроде бы должно было продемонстрировать оказанную графу честь. См.: *Серегина А.Ю. Фаворит королевы или мученик? С. 153*.

¹⁴⁶8 сентября 1560 г. Эми Робсарт, жена Дадли, была обнаружена мертвой у подножия лестницы дома в Камнор плейс (Оксфордшир). Причиной смерти стал

ему требовалась поддержка как среди английской знати, так и за пределами страны. В 1561 г. Дадли начал неофициальные переговоры с испанским послом де Квадрой. Испанская сторона в принципе готова была признать брак Елизаветы и Дадли, но в качестве условий требовала пойти на существенные уступки английским католикам: выпустить на свободу арестованных в 1559 г. католических епископов, принять при дворе папского нунция, аббата Мартиненго, и отправить представителей на заседания Тридентского Собора¹⁴⁷. Все эти условия оказались в итоге неприемлемыми для Елизаветы и ее советников-протестантов и привели к провалу переговоров.

Одновременно Дадли начал формировать группу сторонников из числа аристократов. Естественно, он обратился и к своему родственнику. В апреле 1561 г. он отправил виконту Монтегю «любезное письмо с множеством обещаний» (как сказано в ответе на это послание)¹⁴⁸. Виконт, впрочем, согласился не сразу. Вопрос о королевском браке обсуждался на ежегодном собрании рыцарей Подвязки в день Св. Георгия (23 апреля) 1561 г. Граф Сассекс предложил подать королеве петицию от имени членов ордена, прося ее выйти замуж за Дадли. Однако герцог Норфолк, граф Эрендел и виконт Монтегю решительно возражали. Они в итоге настояли на том, чтобы петиция ордена в самых общих чертах говорила о желательности брака королевы, не указывая имени жениха¹⁴⁹. Дадли не сдался и, по всей видимости, усилил нажим. Ему удалось переубедить Монтегю: через год, на таком же собрании рыцарей ордена Подвязки (23 апреля 1562 г.) герцог Норфолк от имени собравшихся просил королеву выйти замуж за сэра Роберта Дадли, причем свое полное согласие выразили графы Сассекс и Пемброк, виконт Монтегю, и лорды Клинтон (будущий граф Линкольн), Ховард из Эффингема и Хансдон. Отказались подписать петицию только граф Эрендел и маркиз Норхэмптон, в знак несогласия покинувшие зал собрания¹⁵⁰.

После этого события виконт, как кажется, поддерживал позицию своего родственника в вопросе о браке королевы и/или наследовании престо-

перелом шейный позвонков. Эми Робсарт страдала от рака груди, поэтому исследователи XX в. выдвинули предположения о том, что опухоль дала метастазы в позвоночник, сделав его хрупким и усилив вероятность его перелома при падении или даже при спуске по лестнице (*Aird L. Accident, Suicide, or Murder — or Disease? // EHR. 1956. Vol. 71. P. 69—79*). Другое возможное объяснение — самоубийство, вызванное физическими (невыносимая боль) и душевными (измена мужа) страданиями (см.: *Doran S. Monarchy and Matrimony. P. 44; Jenkins E. Elizabeth and Leicester. L., 2002. P. 60—61*). Однако многие современники, несмотря на заключение суда, расследовавшего обстоятельства смерти Эми Робсарт, считали, что она стала жертвой убийства, заказанного ее мужем и/или королевой. Это же мнение разделяет и ряд современных историков: *Bernard G. Power and Politics in Tudor England. L., 2000. P. 169—174; Skidmore D. Death and the Virgin: Elizabeth, Dudley and the Mysterious Fate of Amy Robsart. L., 2010. P. 230—235*.

¹⁴⁷ *Doran S. Monarchy and Matrimony. P. 49—51*.

¹⁴⁸ *Questier M. C. Catholicism and Community. P. 93. n.111*.

¹⁴⁹ *Doran S. Monarchy and Matrimony. P. 51*.

¹⁵⁰ *Ibid. P. 58*.

ла. Так, во время кризиса 1563 г., вызванного болезнью королевы и последовавшими за ней парламентскими дебатами, виконт Монтегю, по словам посла де Квадры «следовал за лордом Робертом и графом Хантингдоном» [одним из претендентов на престол по линии Йорков] «скорее из страха, нежели из привязанности»¹⁵¹. Страх, упомянутый здесь, может быть истолкован как опасение лишиться влияния при дворе; ведь «канал доступа» к королеве обеспечивался именно сэром Робертом Дадли. Возможно и иное объяснение: виконт Монтегю мог рассчитывать на возвращение ко двору в том случае, если бы супругом Елизаветы I стал его кузен. Выбор графа Хантингдона в качестве предпочтительного кандидата «на престол» тоже может быть объяснен династическими мотивами. Генри Хастингс, граф Хантингдон (1535—1595) был внучатым племянником виконта, потомком Невиллов — графов Солсбери, и мужем его кузины Кэтрин Дадли. Всего за несколько лет до этих событий Хантингдон был верным (несмотря на конфессиональные разногласия) слугой Марии I и Филиппа. Почему бы католическому родственнику не занять при его дворе аналогичное положение? Монтегю явно не видел тому причин.

Виконт явно сделал выбор в пользу партии своего кузена, поэтому в 1565—1567 гг., когда возобновились переговоры о браке Елизаветы I и эрцгерцога Карла, он в них уже не участвовал, хотя в отличие от 1559 г. теперь за брак высказывалась широкая коалиция королевских советников и аристократов, включавшая в себя протестантов Хантингдона, Сесила и сэра Николаса Бэкона, а также известных «консерваторов» — герцога Норфолка, графов Сассекса, Дерби, Пемброка и Шрусбери, а также лордов Хансдона, Ховарда Эффингемского и Клинтонна¹⁵². Дадли (теперь — граф Лестер) противился перспективе этого союза, все еще надеясь жениться на королеве¹⁵³, и Монтегю поддерживал его. По сообщению испанского посла Гусмана де Сильвы, в 1565 г. граф Лестер был «очень дружен» с виконтом Монтегю¹⁵⁴, а в 1567 г. обсуждал с ним брачные переговоры королевы и эрцгерцога¹⁵⁵.

Но уделяя внимание интересам семьи, виконт не забывал и о своих единоверцах, даже если это порой и вынуждало его выступать с критикой действий правительства. Свидетельством тому стали парламентские дебаты начала 1563 г. В палату Общин был внесен на рассмотрение билль «об обеспечении власти королевы над всеми сословиями и подданными»¹⁵⁶. Билль предполагал расширение карательных мер против католиков. Согласно статуту 1559 г. все духовенство, судьи и другие должностные лица должны были приносить присягу, клятвенно признавая власть королевы над церковью. Такая присяга оказывалась не-

¹⁵¹CSP Spanish 1558—1567. P. 297.

¹⁵²*Doran S. Religion and Politics.* P. 913.

¹⁵³*Ibid.*

¹⁵⁴CSP Spanish 1558—1567. P. 407.

¹⁵⁵*Ibid.* P. 690.

¹⁵⁶Статут 1563 г. (5 Eliz. C. 1). Русский перевод: *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков. Приложение III. С. 273—275.

приемлемой для католиков, которые лишались возможности реализации политической власти. Билль 1563 г. еще более сужал доступное им политическое «поле», требуя присяги от всех получателей университетских степеней, юристов, школьных преподавателей и частных учителей, парламентариев, шерифов, мировых судей и т.п. Отказ от принесения присяги приравнивался к фелонии, а повторный квалифицировался как государственная измена¹⁵⁷.

Билль был внесен на рассмотрение палаты Лордов 20 февраля 1563 г., и заслушивался в первом, втором и третьем чтениях соответственно 25 февраля, 1 и 3 марта 1563 г. Он столкнулся с оппозицией палаты. Еще в январе 1563 г., до официального представления билля верхней палате, против него выступил граф Нортумберленд¹⁵⁸. А в марте 1563 г. к дебатам подключился и виконт Монтегю.

В самом начале своей речи он упомянул о своем нежелании высказываться об истинности или неистинности учения протестантов¹⁵⁹. Эта оговорка заставляла ряд исследователей (например, Роджера Мэннинга и Питера Холмса) считать виконта «умеренным» политиком¹⁶⁰. Но лексикону виконта трудно назвать умеренной. Хотя он и не называет учение протестантов «ложным», он использует явно негативные эпитеты «сомнительный» (*doubtful*) и «неясный» (*uncertain*), ссылаясь на его «новизну» и указывает на то, что его «отвергало» все духовное сословие Англии (то есть, заседавшие в парламенте 1559 г. епископы; занявших их места протестантов Монтегю, как мы увидим, считал узурпаторами), другие области христианского мира и все вселенские соборы¹⁶¹. Подобную оценку невозможно воспринимать как нейтральную.

Отказавшись от богословской полемики, виконт предпочел обсуждать билль в контексте права и интересов государства. Он выделил три критерия оценки нового законопроекта: его необходимость, справедливость и возможность его применить¹⁶². Далее он показал, что при учете данных критериев билль не выдерживает критики. Во-первых, в новом законе против католиков не было необходимости, поскольку они не представляли никакой угрозы.

«Этот закон <...> не нужен, поскольку католики этого королевства не нарушают мир в королевстве и не представляют угрозы публичным делам, духовным или светским. Они не устраивают диспутов, не проповедуют, не оказывают неповиновения королеве, не вызывают беспорядков или мятежей в народе. Таким образом, никто не может сказать, что королевство

¹⁵⁷Там же.

¹⁵⁸CSP Spanish 1558—1567. P. 294. Граф Нортумберленд был мужем двоюродной сестры виконта Монтегю, Энн Сомерсет (дочери графа Вустера).

¹⁵⁹Dodd's Church History. Vol. II. P. ccli.

¹⁶⁰Manning R. Anthony Browne. P. 105; Holmes P. Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982. P. 177.

¹⁶¹Dodd's Church History. Vol. II. P. cclii.

¹⁶²Ibid. P. ccli.

из-за них претерпевает ущерб или убыток. Они не принесли в королевство никаких новшеств в вероучении или религии»¹⁶³.

Во-вторых, предложенный билль ущемлял свободу совести католиков, принуждая их клясться в истинности учения, которое противоречило их убеждениям.

«Этот закон <...> не является ни справедливым, ни разумным, и не заслуживает имени закона. Ведь он противоречит всякому праву, человеческому, естественному и гражданскому. <...> Справедливо ли будет <...> принуждать подданных этого королевства под страхом смерти принимать религию протестантов и верить [что она является истинной — А.С.]. Говорю вам, это несправедливо, потому что противоречит естественному праву и всем гражданским законам. Причина заключается в том, что человека нельзя принудить считать истинным то, что он считает неясным. Ведь это нарушает естественную свободу человеческого разума (*understanding*). Разум можно переубедить, но нельзя принудить»¹⁶⁴.

И, наконец, в-третьих, билль противоречил интересам страны, так как мог спровоцировать именно то, что предполагал предотвратить — а именно, вооруженное выступление католиков.

«Какой человек настолько труслив и слаб и настолько лишен чести, что согласится принять новую религию по принуждению, или поклонится, что думает противоположное тому, что он думает на самом деле? Молчание и притворство можно вынести претерпеть какое-то время, предоставляя суждение одному Богу. Но ни одного человека не должно заставлять давать ложную клятву, или же умирать. Стоит опасаться того, что вместо того, чтобы умереть, они станут думать, как защититься. А отсюда следует результат, противоположный тому, к которому нужно стремиться каждому доброму государю и государству, а именно, сохранению мира в королевстве»¹⁶⁵.

¹⁶³“this law <...> is not necessary; forasmuch as the catholics of this realm disturb not, nor hinder the public affairs of the realm, neither spiritual nor temporal. They dispute not, they preach not, they disobey not the queen, they cause no troubles nor tumult among the people: so that, no man can say that thereby the realm doth receive any hurt or damage by them. They have brought into the realm no novelties in doctrine or religion” // Ibid.

¹⁶⁴“this law <...> is neither just nor reasonable, nor cannot be, nor deserveth to be called or have the name of law, when it is made: for it shall be contrary and repugnant unto all laws of men, natural and civil. <...> do entreat, whether it be just to make this penal statute, to force the subjects of this realm to receive and believe the religion of the protestants, upon pain of death. This, I say, is a thing more unjust, for that it is repugnant to the law of nature, and all civil laws. The reason is, for that, naturally, no man can or ought to be constrained to take for certain that, that he holdeth to be uncertain: for this repugneth to the natural liberty of man’s understanding: for understanding may be persuaded, but not forced” // Ibid. P. cclii.

¹⁶⁵“For what man is there so without courage and stomach, or void of nil honour, that can consent or agree to receive an opinion and new religion, by force and compul-

Монтегю добавляет, что принятие билля верхней палатой не может быть законным даже в том случае, если он получит большинство голосов. Ведь большинство в данном случае обеспечивается только голосами новых епископов, занявших места смещенных католиков. Для виконта они узурпаторы: «Они лишили католических епископов их церквей под тем предлогом, что принесут королевству лучшее вероучение»¹⁶⁶.

Кроме того, по его мнению, не дело духовенства выносить светские приговоры, вторгаясь в прерогативу светских пэров.

«Ни право, ни Писание, ни другой гражданский закон не позволяет духовным лицам большего, нежели суждение об учении и отлучения от церкви. Соответственно, епископы могут только объявить учение папистов ложным, как они это уже сделали, и отлучить от церкви тех, кто ему следует. Право назначать после этого светские наказания конфискации, изгнания или смерти принадлежит не им, а светскому судье, который в зависимости от потребностей государства, ради мира и спокойствия в нем, может наказать отлученных впоследствии более или менее строго, как сочтет нужным»¹⁶⁷.

Таким образом, дело светских пэров, таких, как Монтегю, решать, необходим ли более строгий закон против католиков, или же достаточно уже существующих (статуты 1559 г.). Епископам же — католикам и протестантам — по мнению виконта, стоило бы позаботиться об устранении конфессиональных разногласий путем разрешения догматических споров на диспутах в рамках национальной церкви, или — предпочтительнее — на вселенском соборе¹⁶⁸ (речь шла об участии английской делегации в работе Тридентского Собора).

И, наконец, под занавес виконт вновь напомнил лордам о том, кто стоит за биллем против католиков: «Люди пристрастные и исполнен-

sion, or will swear that he thinketh the contrary to that he thinketh? To be still and dissemble, may be borne and suffered, for a time, to keep his reckoning to God alone: but to be compelled to lie and to swear, or else to die therefore, are things that no man ought to suffer and endure. And it is to be feared, rather than die, they will seek how to defend themselves: whereby should ensue the contrary of that, every good prince and well advised commonwealth ought to seek and pretend, that is, to keep the kingdom and government in peace" // Ibid. P. cclii—ccliii.

¹⁶⁶ "they have dispossessed the catholic bishops of their churches, under this occasion and colour, to bring into the realm better doctrine" // Ibid. P. ccliii.

¹⁶⁷ "neither the law, nor the gospel, nor other civil law doth suffer ecclesiastical persons to have more than the judgment and examination of the doctrine and excommunications: and, according to this, it belongeth to the bishops but only to declare and pronounce the doctrine of the papists to be false, as they have done, and to excommunicate such as follow the same. To appoint, afterward, the temporal penalties of confiscation, banishment, or death, this appertained not to them, but to the secular judge, who, according to the necessity of the commonwealth, for peace and quietness of the same, may execute and proceed against such excommunicate persons, with more or less rigour afterwards, as he shall think good" // Ibid.

¹⁶⁸ Ibid.

ные страстей, стремящиеся прирасти могуществом и властью через конфискации, грабеж и погибель знатных и древних семейств»¹⁶⁹.

Майкл Кестье задается вопросом: была ли речь виконта свидетельством его «умеренности», или же правительство предпочло воспринять ее в качестве таковой?¹⁷⁰

Но здесь, как применительно к речи 1559 г. (см. выше), стоит рассматривать «умеренность» и подчеркнутую лояльность Монтегю как риторический прием, использовавшийся в качестве прикрытия призывов к смене политического курса и диалогу с оппозицией, которая в данном случае представлена не как группа, противостоящая правительству, но, напротив, связанная с ней и разделяющая ее интересы.

Именно это, как представляется, и делал виконт в 1563 г. (как и ранее, в 1559 г.). В его речи вновь можно обнаружить принцип «двойной лояльности» короне и папе (то есть, верность монарху и своей совести), представляющий собой ядро большинства теорий сопротивления монарху. Вновь звучит мотив несправедливости и незаконности насилия над совестью верующего.

Речь виконта обосновывает возможность сосуществования представителей разных конфессиональных групп в рамках одного государства. Очевидно, впрочем, что для виконта это все же не нормальная ситуация, недаром он выступает за урегулирование религиозных споров и достижение приемлемого соглашения. Однако здесь отчетливо прослеживается влияние предыдущего политического опыта Монтегю — сосуществования различных политических и конфессиональных группировок при дворе Генриха VIII и Эдуарда VI (и в меньшей степени Марии I), а также его присутствия на заседаниях Аугсбургского рейхстага и знакомства со многими делегатами Тридентского собора в 1555 г.

Наконец, указание на виновников политического кризиса — советников-протестантов не слишком высокого происхождения — позволяло представить политику елизаветинского правительства с использованием традиционной риторики «добрый государь — дурные советники», заботящиеся о собственных интересах, а не о благе монарха и страны. Подобная риторика позволяла не адресовать критику королеве (подразумевалось, что, будучи молодой женщиной, она легко могла поддаться дурному влиянию), и предстать в роли ее спасителя, защищающего ее от врагов, посягнувших на религиозный и социальный порядок в стране (сменив религию и потеснив старую знать у трона).

Речь Монтегю свидетельствовала о недовольстве католической/консервативной знати религиозной политикой правительства, а также утратой ее представителями ключевых постов и выдвижение на первые роли незнатных людей (прежде всего, Сесила). Недовольство тлело, и спустя несколько лет проявило себя в полную силу во время политического кризиса следующего десятилетия.

¹⁶⁹“such men that are full of affection and passions, and that look to wax mighty, and of power, by the confiscation, spoil, and ruin of the houses of noble and ancient men” // Ibid. P. ccliv.

¹⁷⁰Questier M.C. Catholicism and Community. P. 139.

*Политический кризис 1568 – 1572 гг.
Северное восстание и заговор Ридольфи.*

На события конца 1560-х гг. повлиял ряд важных факторов, помимо недовольства знати. Во-первых, в 1567 г. на территории Англии оказалась Мария Стюарт, свергнутая шотландская королева и в глазах многих законная наследница престола. Присутствие Марии, лишившейся власти в своей стране и оставленной на произвол судьбы французскими родственниками, а потому легко поддававшейся манипуляции, позволяло «недовольным» решить вопрос о наследовании престола после того, как переговоры о браке с эрцгерцогом Карлом окончательно зашли в тупик, восстановить свое влияние и оттеснить от власти протестантских «выскочек»: советников во главе с Сесилом.

План оппозиции предполагал объявление Марии Стюарт наследницей престола. Что до вероисповедания Марии, то для католиков оно служило дополнительным фактором в пользу шотландской королевы. Многих протестантов оно тоже не слишком смущало, и тому были причины. За годы пребывания в Шотландии Мария Стюарт ни разу не проявила религиозного фанатизма, старательно поддерживая в стране баланс между конфессиональными группами. Подобное поведение английские лорды могли только приветствовать. Кроме того, Мария была женщиной, а значит, должна была в вопросах веры подчиниться наставлениям супруга¹⁷¹. Соответственно, вопрос заключался лишь в том, чтобы подыскать ей подходящего супруга-протестанта. И таковой нашелся в лице только что (в 1567 г.) овдовевшего герцога Норфолка — знатнейшего дворянина Англии после монарха. Он, казалось, подходил по всем статьям. Герцог был достаточно высокородным, чтобы стать супругом Марии; он был верным подданным Елизаветы I и ее родственником¹⁷². Наконец, он был протестантом (его наставником в детстве был знаменитый протестантский полемист и историограф Джон Фокс), однако не отличался радикальностью взглядов, а в числе его родственников было много католиков, что позволяло католической знати рассчитывать на веротерпимость.

Коалиция, объединившаяся за спиной Норфолка, была пестрой. Помимо желания лишить власти Сесила и разрешить вопрос о престолонаследии, ее членов мало что объединяло. Граф Лестер временно забыл

¹⁷¹Именно поэтому брак Елизаветы с католиком должен был привести к изменению официального исповедания страны, по мнению современников. Сопrotивление женщины власти мужа в вопросах веры воспринималось неоднозначно: как аномальное, хотя при определенных обстоятельствах и похвальное поведение. См.: *Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI—начала XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. Вып. 12. С. 118—144; Она же. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008. Вып. 15. С. 53—99.*

¹⁷²Мать Елизаветы, Анна Болейн, была племянницей Томаса Ховарда, герцога Норфолка. Соответственно, Томас Ховард-младший приходился Елизавете I троюродным братом.

о своих разногласиях с Норфолком ради устранения Сесила (в котором фаворит видел причину неудачи своих собственных планов жениться на Елизавете); граф Пемброк и маркиз Норхэмптон протестовали против направлявшейся Сесилом внешней политики (а именно, оказания помощи голландским и французским протестантам); наконец, католическая группировка — графы Эрндел, Нортумберленд и Уэстморленд и лорд Ламли — видели в отстранении Сесила от власти необходимую прелюдию к реставрации католичества¹⁷³.

Оппозиционеры получили поддержку испанского посла в Лондоне, дона Герау де Спеса. Испанцы стремились лишить Сесила власти: в 1567 г. по его приказу английские власти конфисковали корабли с испанским золотом, загнанные штормом в порт Плимута. Эти действия Сесила едва не спровоцировали военный конфликт и привели к серьезным проблемам для английской внешней торговли: собственность англичан в Нидерландах была конфискована в качестве ответного жеста, а на торговлю с Англией наложено эмбарго¹⁷⁴.

Оппозиционеры предполагали, что переворот свершится мирным путем, поскольку Елизавета согласится на отставку непопулярного советника и объявление Марии Стюарт своей наследницей. Однако королева не пожелала пожертвовать Сесилом и пришла в ярость, узнав о планах назначения наследника. После этого часть недовольных лордов во главе с Лестером отказалась от своих планов. Норфолк колебался, продолжая переговоры с Марией и испанцами, однако в итоге так и не решился принудить Елизавету к реализации своего плана. И, наконец, группа заговорщиков-католиков — Эрндел и Ламли, поддержанные Нортумберлендом, Уэстморлендом и другими северными лордами — фактически за спиной Норфолка планировала восстание с целью сместить Елизавету и возвести на престол Марию Стюарт и ее супруга-герцога¹⁷⁵.

Будучи родственником Лестера, а также и многих аристократов-северян, Монтегю знал о планах брака между Марией и Норфолком. В конце испанский посол в Англии, дон Герау де Спес, использовал посредничество виконта для установления контактов с графом Сассексом (с целью привлечь его на сторону оппозиции)¹⁷⁶. А в июне 1569 г. посол составил список знатных дворян, которые, по его мнению, склонялись к тому, чтобы поддержать планы герцога Норфолка. В их числе упомянут и виконт Монтегю¹⁷⁷. Насколько последний был осведомлен о готовящемся восстании, трудно сказать. Прямых указаний на то, что виконт узнал о планах северных графов заранее, нет. Однако 1 ноября 1569 г. виконт подписал документ, закреплявший за его братьями и

¹⁷³ Williams N. Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk. L., 1964. P. 146—168, особ. P. 147.

¹⁷⁴ Ibid. P. 146.

¹⁷⁵ Ibid. P. 150—151.

¹⁷⁶ CSP Spanish 1568—1579. P. 596.

¹⁷⁷ Ibid. P. 158.

детьми земельные владения в Сассексе¹⁷⁸. Стремление распорядиться имуществом — а именно, обезопасить семейные владения на случай возможной конфискации — указывает на то, что Монтегю считал обвинение в измене вполне вероятным. А значит, он планировал присоединиться к восставшим или, как минимум, знал о восстании заранее. Такое знание вполне вероятно: в конце концов, одной из главных вдохновительниц восстания, побудившей мужа взяться за оружие, была Энн Сомерсет, графиня Нортумберленд и кузина Монтегю. Она вполне могла попытаться привлечь двоюродного брата на свою сторону.

Позднее (в декабре 1569 г.) де Спес сообщал в Испанию, что виконт и его зять, Генри Ризли, граф Саутхэмптон, наведались к нему, чтобы обсудить насущный вопрос: стоит ли им присоединиться к начавшемуся в Йоркшире восстанию, или даже бежать в Нидерланды, перейдя на службу к герцогу Альбе¹⁷⁹. В итоге виконт и граф Саутхэмптон так и не приняли участия в восстании, хотя брат виконтессы Монтегю, Леонард Дейкр, не был столь осторожен, и вопреки советам родственников взялся за оружие. Дейкр безуспешно пытался уговорить виконта перейти на свою сторону, а также помочь ему убедить их общего родственника графа Камберленда¹⁸⁰ восстать вместе с другими северянами. После подавления восстания Леонард Дейкр, а также его младший брат Эдвард, сражавшиеся вместе с ним, были вынуждены бежать сначала в Шотландию, а затем — в Нидерланды¹⁸¹, где впоследствии и скончались (Леонард — в 1573 г., а Эдвард в 1579 г. соответственно).

Пострадали и другие родственники Монтегю из числа северян. Муж его кузины, граф Нортумберленд, бежал в Шотландию, откуда его выдали английскому правительству; в августе 1572 г. граф был обезглавлен в Йорке. Графиня Нортумберленд, кузина виконта, бежала из Англии сначала в Шотландию, а оттуда после ареста мужа вместе с младшей дочерью, новорожденной Мэри¹⁸² — в Испанские Нидерланды, где и прожила остаток жизни (до 1596 г.), получая небольшую пенсию от Филиппа II и участвуя в католических заговорах против Елизаветы.

Сам виконт оказался практически незатронутым событиями 1569 г. Правда, в 1570 г. в Испании появились слухи об аресте Монтегю¹⁸³, не подтверждающиеся, впрочем, английскими источниками.

Неучастие Монтегю в восстании, по всей видимости, объясняется тем, что в ноябре 1569 г. — вскоре после того, как он, готовясь к худшему, распорядился своим имуществом — его вместе с лордом Бакхёр-

¹⁷⁸WSRO, SAS/BA 41. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 145, n. 141.

¹⁷⁹CSP Spanish 1568—1572. P. 183, 214, 218.

¹⁸⁰Генри Клиффорд, граф Кемберленд (1517—1570) был женат на Энн Дейкр (1521—1581) — сестре Леонарда Дейкра и леди Магдален Монтегю. Племянник виконтессы, Джордж Клиффорд (1558—1605), воспитывался в доме Монтегю в Каудрее.

¹⁸¹Salisbury MSS. Vol. I. P. 557.

¹⁸²Мэри Перси (1570—1643) — аббатиса основанного ею английского бенедиктинского конвента в Брюсселе. См. часть III, главу V.

¹⁸³CSP Spanish 1568—1572. P. 242.

стом назначили лордом-лейтенантом Сассекса. На этом посту Монтегю и Бакхёрст сменили графа Эрэндела и его шурина, лорда Ламли, скомпрометировавших себя подготовкой брака Норфолка и Марии Стюарт. Эрэндел был даже арестован в конце 1569 г. и пребывал под домашним арестом до 1572 г. Испанский посол, уверенный в том, что Монтегю поддерживал планы католических заговорщиков, недоумевал, почему виконта все же назначили на такой ответственный пост¹⁸⁴.

Однако у Елизаветы, по сути, не было выбора: традиционные лидеры графства Сассекс — Эрэндел и Ламли — были скомпрометированы в гораздо большей степени, нежели Монтегю. Последний, кроме того, был давним соперником Эрэндела за влияние в графстве, а семья его жены — Дейкры — к тому же считали себя обиженными герцогом Норфолком, выигравшим дело о наследстве лорда Гилсленда от имени своей падчерицы (и невестки) Энн Дейкр в ущерб другим представителям семьи¹⁸⁵. Поэтому трудно было предположить, чтобы союз Монтегю с Норфолком и Эрэнделом мог оказаться стойким и/или долгосрочным. Таким образом, его лояльность — хотя, возможно, и небезупречная — была более вероятной. По рангу Монтегю был самым знатным дворянином графства после Эрэндела. Бакхёрст — троюродный брат королевы (по линии Болейнов) и «ее человек» — оказался бы предпочтительнее, но ему не хватало знатности. Однако тандем Монтегю-Бакхёрст был весьма эффективен: за Монтегю стояло влияние в графстве, а лорд Бакхёрст словно бы обеспечивал верность королеве. Принятие такого решения в ноябре 1569 г. фактически гарантировало Елизавете лояльность католического анклава на юге Англии. Возможно, оно представляло собой рассчитанный риск, в итоге оправдавший себя.

Хотя виконт и не участвовал в событиях 1569 г., их последствия сказались на нем и на всех английских католиках. Во-первых, королева убедилась в том, что католическая знать способна на восстание против нее. Во-вторых, папа Пий V 27 апреля 1570 г. отлучил Елизавету I от церкви и освободил ее подданных от долга верности королеве¹⁸⁶. Принимая такое решение, папа не посоветовался с католическими монархами, предвидя негативную реакцию Филиппа II. Булла *Regnans in Excelsis* явилась

¹⁸⁴Ibid. P. 218.

¹⁸⁵Брат Магдален Монтегю, Томас Дейкр, лорд Гилсленд, скончался в 1566 г., оставив сына Джорджа (1560—1569) и трех дочерей — Энн, Мэри и Элизабет. Вдова лорда Томаса, Элизабет Лейберн, вышла замуж за герцога Норфолка, который немедленно обручил падчериц со своими сыновьями. В 1569 г. юный барон Гилсленд погиб, упав с лошади, и герцог добился того, чтобы суд признал наследницей старшую сестру мальчика, Энн Дейкр, невесту (а с 1572 г. — жену) наследника герцога, его старшего сына (и внука графа Эрэндела) Филиппа Ховарда (с 1580 г. — графа Эрэндела). Леонард Дейкр — дядя погибшего лорда Гилсленда — настаивал на своем праве наследовать его имущество и титул.

¹⁸⁶Magnum Bullarium Romanum. Turin, 1857. Vol. II. P. 303. Русский перевод текста буллы: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. Приложение II. С. 265—266.

результатом обращения восставших за помощью к герцогу Альбе и Пию V. Папа рассчитывал, что после получения буллы в Англии жители страны поддержат восстание северных графов. Однако булла увидела свет уже после разгрома восстания, так как известия о нем достигли Рима с большим опозданием. Сложилась парадоксальная ситуация: булла, рассчитанная на немедленную реализацию, как бы повисла в воздухе, лишь декларируя Елизавету лишенной престола и не будучи подкрепленной действиями. Тем не менее, ее издание существенно ухудшило положение английских католиков (с ней напрямую связано антикатолическое законодательство 1571 г.). Лояльность католиков больше не воспринималась как нечто само собой разумеющееся; ее необходимо было доказывать.

Часть католиков не пожелала мириться с ухудшением своего положения. Ответом стал так называемый заговор Ридольфи 1571 г.¹⁸⁷ Его организаторы ставили своей целью возвести Марию Стюарт и Норфолка на престол при поддержке Франции (т.е. герцога Гиза) и Рима. На этот раз Монтегю, по всей видимости, не участвовал в заговоре. Впрочем, осенью 1571 г. во время допросов секретарь герцога Норфолка Уильям Баркер и некий Эдмунд Поуэлл (один из заговорщиков) показали, что виконт и его зять, граф Саутхэмптон одобряли брак герцога Норфолка и Марии Стюарт, а их имена присутствовали в некоем списке, представленном герцогу. Эта информация исходила от агента Марии Стюарт, Джона Лесли, епископа Росского. Ридольфи тоже утверждал, что Монтегю на стороне заговорщиков, однако Баркер далее признал, что герцог Норфолк не доверял Монтегю из-за того, что последний не желал принимать участия в восстании 1569 г.¹⁸⁸ Вероятнее всего, информация о Монтегю относилась к периоду до начала Северного Восстания (лето—осень 1569 г.), а позднее Ридольфи и епископ Росский использовали ее для того, чтобы убедить герцога Норфолка в том, что заговор пользуется поддержкой дворян-католиков. В любом случае, правительство располагало данной информацией; хотя сведения о предполагаемой позиции Монтегю были сведены воедино в одном документе¹⁸⁹, никаких действий против виконта не последовало.

В сентябре 1570 г. испанский посол де Спес считал, что Ланкастер готов подняться против Елизаветы под знаменами сэра Томаса Стенли, сына графа Дерби, а Монтегю, Саутхэмптон, Ламли, Эрендел и многие другие, поддержат его на юге¹⁹⁰. Посол явно выдавал желаемое за действительное. И в любом случае, английское правительство не знало о докладе де Спеса в Испанию, поэтому он никак не повлиял на положение виконта.

Однако другие дворяне-католики не были столь удачливыми — или осторожными — и оказались замешанными в заговоре, стоившем гер-

¹⁸⁷По имени посредника между заговорщиками и папой Пиетом V, флорентийского банкира Роберто ди Ридольфи (1531—1612).

¹⁸⁸Salisbury MSS. Vol. I. P. 526—528; CSP Rome. Vol. I. P. 347, 400; Manning R. Anthony Browne. P. 106.

¹⁸⁹PRO, SP 12/85/64.

¹⁹⁰CSP Spanish 1568—1579. P. 274.

цогу Норфолку головы¹⁹¹. В их числе были зять Монтегю, граф Саутхэмpton, и его сын, сэр Генри Браун. Граф Саутхэмpton в мае 1570 г. встречался с епископом Росским, задав ему фатальный вопрос: может ли католик повиноваться Елизавете после того, как ее отлучили от церкви. Тайная встреча не укрылась от глаз агентов правительства, и Саутхэмpton был арестован и помещен под домашний арест в Лузли (графство Сарри) — дом друга его тестя, сэра Уильяма Мора. В сентябре 1571 г., после того, как имя Саутхэмптона еще несколько раз прозвучало на допросах заговорщиков, его отправили в Тауэр¹⁹². Только в 1573 г. граф был освобожден из тюрьмы и вновь отправлен под домашний арест в Лузли. Сэр Генри Браун тоже был арестован в 1571 г., хотя пробыл в заключении недолго¹⁹³.

1570-е гг.:

Зенит карьеры виконта Монтегю при Елизавете I

Несмотря на признаки нелояльности со стороны родственников виконта, он сам продолжал пользоваться благосклонностью королевы и активно участвовал в политической жизни страны в доступных ему формах. Он участвовал в работе парламентов 1570-х гг. (за исключением 1572 г., см. далее), однако главным образом сосредоточил свои усилия на управлении Сассексом и Сарри, в особенности уделяя внимание торговле зерном (основе экспорта Сассекса), и парламентским выборам, а также местным конфликтам.

Благосклонность королевы к своему лорду-лейтенанту выразилась в том, что летом 1573 г. она позволила ему «взять на поруки» зятя, графа Саутхэмптона: последнему было предписано отправляться в Каудрей, в дом «нашего добрейшего виконта Монтегю», который гарантировал бы лояльность графа¹⁹⁴.

Летом 1577 г. Елизавета планировала посетить Сассекс; предполагалось, что она почтит визитом лорда Бакхёрста и Монтегю. Визит, впрочем, не состоялся под предлогом (реальным или мнимым) вспышки чумы в графстве¹⁹⁵.

Внешние проявления благосклонности королевы к дворянам-католикам (по крайней мере, некоторым) были отражением внешнеполитических и династических маневров. На протяжении 1570-х гг. шли переговоры о браке Елизаветы с французскими принцами-католиками — сначала Генрихом Анжуйским, а потом его младшим братом

¹⁹¹Томас Ховард, герцог Норфолк был казнен в июне 1572 г.

¹⁹²Примечательно, что одним из посредников между Саутхэмптоном и епископом Росским был джентльмен свиты виконта Монтегю, Джордж Чемберлен, уже успевший побывать в тюрьме (1562 г.) за переписку с эмигрантами-католиками, в частности, с герцогиней Ферия. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 146, n. 153.

¹⁹³*Official Lists of Prisoners for Religion, 1562—1580 // CRS. 1901. Vol. 1. P. 61.*

¹⁹⁴*Manning R. Anthony Browne*. P. 106.

¹⁹⁵*Cole M.H. The Portable Queen*. L., 1999. P. 190.

Франсуа. Французский посол в Лондоне Мишель де Кастельно, сеньер де Мовиссьер опирался в своих действиях на католическую партию при дворе, включавшую в себя Генри Ховарда (младшего брата казненного Норфолка), графа Оксфорда и Чарльза Эренделла¹⁹⁶. Мовиссьер пытался сколотить большой альянс английских католиков — сторонников брака королевы с герцогом Анжуйским. И хотя нет точных сведений о том, что он обсуждал этот вопрос с Монтегю, это вполне вероятно. Ведь Монтегю был влиятельным католиком, связанным узами родства с одним из главных придворных сторонников брака — графом Сассексом¹⁹⁷.

В октябре 1579 г. начали циркулировать слухи о том, что Елизавета решила выйти замуж за Франсуа Анжуйского, и чтобы преодолеть сопротивление протестантов в Тайном Совете, собралась ввести в его состав четырех влиятельных католиков, в их числе графа Нортумберленда¹⁹⁸, виконта Монтегю и сэра Уильяма Корделла¹⁹⁹. Последний, как и виконт, был советником при Марии I и близким другом Уильяма Роупера, сын которого был мужем сестры виконта Люси Браун²⁰⁰. Однако слухи так и остались слухами, и возвращение Монтегю к вершине власти не состоялось; причиной этому мог стать новый внешне- и внутривластный кризис.

1580–1584 гг.:

Иезуитская миссия в Англии и заговор Трокмортона.

Перипетии европейской политики рубежа 1570—80-х гг. порождали обстановку, воспринимавшуюся английским протестантским режимом как угрожающая, что в свою очередь создавало климат подозрительности в отношении католиков.

Серьезные опасения правительства вызвало и начало деятельности в Англии иезуитской миссии. Оно приходится на апрель 1580 г., когда иезуиты Роберт Парсонс и Эдмунд Кэмптон со своими спутниками отбыли из Рима и в июле того же года высадились в Дувре. Вскоре после их высадки состоялся католический синод в Саутуорке, куда были приглашены священники из близлежащих графств и представители католических дворянских семейств. Здесь иезуиты провозгласили свое полное невмешательство в политическую сферу и заявили о том, что миссионеры должны заниматься только духовными делами. Затронули они и щекотливый вопрос об отлучении Елизаветы I. Параграф 11 инструкций, данных Парсонсу и Кэмптону папой Григорием XIII, гласил:

¹⁹⁶Bossy J. English Catholics and the French Marriage 1577—1581 // RH. 1959—1960. Vol. 5. P. 5—7.

¹⁹⁷Ibid. P. 5, 13. Томас Рэдклиф, граф Сассекс (1525—1583) — внучатый племянник первой жены виконта Джейн Рэдклиф.

¹⁹⁸Генри Перси, граф Нортумберленд (1538—1585) — брат казненного в 1572 г. Томаса Перси.

¹⁹⁹Bossy J. English Catholics and the French Marriage. P. 7, 14; Dolan S. Monarchy and Matrimony. P. 174.

²⁰⁰Questier M.C. Catholicism and Community. P. 154, n. 27.

«Решение Пия V против Елизаветы и ее приближенных, разъяснение которого стремились получить католики, связывает ее саму и еретиков, католиков же оно никоим образом не обязывает [предпринимать что-либо] в нынешних обстоятельствах, но обяжет тогда, когда окажется возможным публичное исполнение буллы»²⁰¹.

Второй важной проблемой, обсужденной на синоде, стал вопрос о посещении приходских (протестантских) церквей католиками; на эту практику в очередной раз был наложен строгий запрет.

После завершения синода Парсонс и Кэмптон отправились в поездку по стране. Во время своего путешествия иезуиты останавливались в домах дворян-католиков, встречались со священниками, работавшими в этих графствах закладывая основу сети убежищ и «баз» для новых миссионеров. В октябре 1581 г. они вернулись в Лондон, и здесь Парсонс основал подпольную типографию, где издал свой трактат, обосновывавший отказ католиков посещать англиканские церкви, и ряд памфлетов. Типография Парсонса стала прообразом последующих нелегальных католических издательств на территории Англии.

Активность иезуитов в стране не могла не встревожить правительство, тем более, что по времени она совпала с серьезным кризисом в Ирландии. Папа Григорий XIII и лидеры английской эмиграции давно планировали вторжение в Ирландию. В 1578 г. папа выделил средства на отправку экспедиционного корпуса под командованием Томаса Стакли; экспедиция, однако, так и не состоялась, потому что Стакли под давление португальского короля (в чьих владениях оказалась его эскадра по пути в Ирландию) сменил свою цель, присоединившись к португальскому флоту, выступившему против Марокко, и погиб в сражении при Алькасаре. Первая неудача не разочаровала Григория XIII, и в 1579 г. в Ирландию отправилась новая экспедиция под командованием Джеймса Фицмориса Фицджеральда. В качестве папского легата с экспедицией отправился известный католический теолог, один из самых ярких полемистов Лувенской группы, Николас Сандер. Высадка отряда в Манстере спровоцировала восстание, охватившее это графство, а также Лейнстер, Ульстер и Коннот; возглавил его граф Десмонд²⁰².

В связи с ирландским восстанием правительство было склонно рассматривать деятельность иезуитов как часть масштабного плана, нацеленного на ниспровержение режима в Англии, причем оно было недалеко от истины. Придворная католическая партия поддерживала контакты с английскими иезуитами, пребывавшими за пределами страны (в частности, с Парсонсом). Ожидавшийся в скором времени брак Елизаветы с Франсуа Анжуйским должен был, по их мысли, создать

²⁰¹CSP Domestic. Vol. 138. P. 26. Цит. по: McCoog T. The Society of Jesus in Ireland, Scotland and England, 1541—1588. L., 1996. P. 140.

²⁰²Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 35.

благоприятную обстановку для проповеди католичества в стране. Так что миссионеры-иезуиты были нужны в Англии²⁰³.

Правительство отреагировало крайне резко: в январе 1581 г. сессия парламента приняла статут, объявлявший государственной изменой обращение кого-либо в католичество (т.е. именно то, зачем приехали в страну иезуиты), и также помощь миссионерам.

Иезуиты ответили на это публикацией в марте 1581 г. трактата Кэмпiona *Decem rationes*, оспаривавшего основные догматы Англиканской церкви. Епископу Лондонскому было предписано вступить в полемику, а за иезуитами началась настоящая охота. Кэмпюн и несколько его спутников были арестованы, обвинены в заговоре с целью смещения и убийства Елизаветы и казнены в декабре 1581 г. Парсонс же еще осенью того года сумел выехать в Нидерланды (в свите испанского посла)²⁰⁴.

Преследованиям подверглись и католики, помогавшие иезуитам во время их пребывания в Англии и оказывавшие им гостеприимство. Среди таковых оказалось немало членов семьи и свиты виконта Монтегю, включая и эмигрантов. Так, переправку иезуитов через Ла-Манш организовал некогда служивший виконту Джордж Чемберлен, эмигрировавший после Северного восстания²⁰⁵.

Кэмпюна принимал у себя муж свояченицы виконта, сэр Александр Калпепер, за что его немедленно арестовали и выпустили только после вмешательства Монтегю под большой залог²⁰⁶, а также дочь Монтегю Элизабет и ее муж Роберт Дормер. Элизабет присутствовала на мессе, отслуженной иезуитом, а ее супруг принимал его за обедом²⁰⁷. Контактировал с Кэмпюном и зять виконта, граф Саутхэмптон; он не был арестован лишь потому, что тяжело заболел (и вскоре скончался)²⁰⁸. Кузен графа, Томас Паунд, светский коадьютор ордена иезуитов, издававший сочинения Кэмпюна, почти все царствование Елизаветы провел за решеткой²⁰⁹. Брат Монтегю, сэр Фрэнсис Браун, позволил провести в Саутуорке, в принадлежавшем ему доме, созданный иезуитами синод

²⁰³Questier M.C. *Catholicism and Community*. P. 153—154.

²⁰⁴Подробнее см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 32—40.

²⁰⁵Letters and Memorials of Father Robert Persons, S.J. Part I / Ed. by L. Hicks, S.J. // CRS. 1942. Vol. 39. P. XV.

²⁰⁶Buckingham C. *The Troubles of Sir Alexander Culpeper of Goudhurst* // Cantium. 1970. Vol. 2. P. 6.

²⁰⁷PRO, SP 12/168/25, ii. F. 52. См.: Questier M.C. *Catholicism and Community*. P. 187. Дормеры считались лояльными католиками и не подвергались преследованиям благодаря своим родственным связям: первая жена сэра Уильяма Дормера — отца Роберта и свекра Элизабет Браун — Мэри Сидни происходила из протестантской семьи и приходилась теткой сэру Филиппу Сидни (фактически ставшему символом рыцаря-протестанта) и золовкой Мэри Дадли — сестры графа Лестера.

²⁰⁸Questier M.C. *Catholicism and Community*. P. 147.

²⁰⁹ODNB: <http://www.oxforddnb.com/view/article/69038>

католического духовенства, о котором шла речь выше. Организованная Парсонсом подпольная типография в начале 1581 г. работала в Монтегю Хаусе — принадлежавшем виконту доме в Саутуорке, в котором тогда жил сэр Фрэнсис Браун²¹⁰. И, наконец, двоюродный племянник виконта, Джон Гейдж, был арестован в августе 1580 г.²¹¹

Ходили слухи и о неминуемом аресте самого Монтегю. 21 августа 1580 г. испанский посол дон Бернардино де Мендоса сообщал Филиппу II о том, что многим католикам (включая графов Нортумберленда, Вустера, и Саутхэмптона и виконта Монтегю) были направлены королевские распоряжения, предписывавшие им находиться под домашним арестом в отведенных для этого замках²¹². А 8 сентября венецианский посол в Париже Лоренцо Приули информировал свое правительство о том, что английские аристократы-католики (в том числе и Монтегю) арестованы²¹³.

Никаких подтверждений этим слухам в английских документах не существует. Более того, нет никаких оснований считать, что сам виконт контактировал с прибывшими в Англию иезуитами, или принимал их у себя, хотя этого можно было бы ожидать. Ведь Парсонс учился в оксфордском колледже Бейлиол, главой которого в свое время был Энтони Гарнет, ставший позднее управляющим и капелланом Монтегю²¹⁴. А его близким другом в те годы был родственник капеллана, Ричард Гарнет²¹⁵. Другом и доверенным лицом Парсонса был и джентльмен свиты виконта, Томас Фицгерберт²¹⁶. Кэмпнион же еще в свои оксфордские годы (1566—1570 гг.) посвятил виконту Монтегю латинскую поэму, посвященную истории церкви (подробнее см. ниже)²¹⁷.

Нежелание виконта Монтегю поддерживать связи со старыми знакомыми может объясняться, помимо его осторожности, еще и весьма специфическими семейными обстоятельствами. Более всего с иезуитами (прежде всего, Кэмпнионом) имели дело родственники и слуги зятя виконта, графа Саутхэмптона. А именно в это время отношения Монтегю с зятем резко испортились. В 1578 г. граф Саутхэмптон внезапно обвинил жену в том, что она состояла с любовной связи с неким Даусэмом или Донсемом. Была ли графиня виновна, или нет, муж поверил в обвинения безоговорочно. Он отказался видеть жену и делить с ней

²¹⁰Manning R. Anthony Browne. P. 110.

²¹¹Bindoff, House of Commons, Vol. II. P. 179.

²¹²CSP Spanish 1580—1586. P. 50.

²¹³CSP Venetian 1558—1580. P. 646.

²¹⁴Kenny A. Reform and Reaction in Elizabethan Balliol, 1559—1588 / Ed. by Prest // Balliol Studies. Oxford, 1982. P. 20—22.

²¹⁵Jones J. Balliol College: a History. 2nd revised ed. Oxford, 1997. P. 76, n. 8; Серегина А.Ю. Изгнание из Оксфорда // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. С. 187.

²¹⁶Questier M.C. Catholicism and Community. P. 157, 197.

²¹⁷BL, Additional MS 36529. F. 69—78. Посвящение см.: Ibid. F. 70. Текст поэмы и ее английский перевод опубликованы. См.: Kilroy G. Edmund Campion's Virgilian Epic // Idem. Edmund Campion: Memory and Transcription. Aldershot, 2005. P. 149—194.

кров, запретил ей видаться с дочерью, а затем и с сыном. Графиня жила в доме фактически на положении узницы; доступ к ней посетителей ограничивался мужем, и далеко не все письма от родственников попадали ей в руки. Поначалу граф порвал и с родней жены тоже, перестав общаться с тестем. О разрыве косвенно свидетельствует и конфликт джентльмена его свиты, Эдмунда Прити, с братом графини, сэром Энтони Брауном, вступившимся за честь сестры (февраль 1579 г.)²¹⁸.

Конфликт между графом Саутхэмптоном и семьей Монтегю явился серьезным дестабилизирующим фактором в истории английского католического сообщества. В 1581 г., когда часть католиков пыталась добиться от правительства помилования для иезуита Эдмунда Кэмпiona, известного ученого и историка, придворная католическая элита оказалась расколотой, а многие ее представители, приняв сторону Монтегю в конфликте, не желали помогать тому, в ком, справедливо, или нет, усматривали «человека Саутхэмптона». Кэмпion во многом оказался жертвой обстоятельств, в том числе и семейной драмы четы Саутхэмптонов²¹⁹.

Связи семьи виконта с иезуитами и священниками из континентальных семинарий не ограничивались только Парсонсом и Кэмпionом. По сообщению шпиона английского правительства (1580 г.), в Риме находился (и получал от папы пенсию в 10 крон ежемесячно) племянник Монтегю Уильям Браун, сын его брата Генри. Он прибыл в Рим в 1578 г. из Испании, где его принимала родственница, герцогиня Ферия. Шпион сообщал, что его отец должен был приехать в Испанию, а сын планировал отправиться в Болонью и присоединиться к свите кардинала Габриеле Палеотти²²⁰.

Обилие контактов домочадцев Монтегю с иезуитами показывает, что при всей своей лояльности виконт не считал нужным препятствовать своим родственникам в общении с католическими миссионерами и поддерживать их пастырскую деятельность, в том числе и материально. Он сам тоже участвовал в финансировании английских коллегий за рубежом, готовивших миссионеров для Англии, хотя это и было запрещено законом²²¹. Ведь католическому сообществу были нужны новые пастыри. Виконт, вероятно, не возражал и против организации синода в Саутуорке: в конце концов, речь там шла о насущных проблемах английских католиков, требовавших разрешения. Однако Монтегю стремился иметь ничего общего с заговорами, вовлекавшими в себя иезуитов.

²¹⁸ *Akrigg G. Shakespeare and the Earl of Southampton. L., 1968. P. 13—15. См. также: Сепегина А. Ю. Семейная драма и политика: письмо графини Саутхэмптон отцу (1580 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2009. Вып. 17. С. 243—258.*

²¹⁹ *Persons R., S. J. Letters and Papers // Miscellanea II, CRS. 1906. Vol. 2. P. 183.*

²²⁰ *CRS. 1960. Vol. 53. P. 195.*

²²¹ *Flynn D. John Donne and the Ancient Catholic Nobility. Bloomington, 1995. P. 103, 212. Флинн цитирует сообщение правительственного агента (PRO, SP 12/168/31). Он полагает, что список «спонсоров» коллегий, приведенный агентом, мог быть недостоверным, поскольку в нем фигурировал граф Дерби, по долгу службы участвовавший в преследовании католиков на Севере. Однако здесь мы, возможно, имеем тот случай, когда левая рука не ведает, что творит правая.*

Впрочем, он контактировал с испанским послом Мендосой в 1582 г., когда католики-эмигранты пытались организовать высадку в Англии армии герцога Гиза, поддержанную вторжением Якова VI и его фаворита-католика, герцога Леннокса, а также восстанием католиков внутри страны²²². При своей наследственной нелюбви к французам и шотландцам, Монтегю вряд ли отнесся к этим планам с энтузиазмом.

Ни сам виконт, ни его семья не были причастны к заговору Трокморта (1583 г.)²²³, так или иначе затронувшего большинство дворян-католиков Сассекса. В 1583 г. заговорщики планировали высадку войск герцога Гиза в одной из гаваней Сассекса (в районе Эрендела) и даже составили списки местных дворян, которые могли бы оказать им поддержку. Поэтому многие католики Сассекса оказались в опасности после раскрытия заговора²²⁴. Главными его жертвами в Сассексе стали Генри Перси, граф Нортумберленд (1532—1585)²²⁵ и джентльмен из его свиты, сэръ Уильям Шелли из Майклгроува²²⁶.

Никаких следов причастности виконта Монтегю и его окружения к заговору в распоряжении правительства в Англии не обнаружилось, хотя представитель герцога Гиза в Риме в августе 1583 г. упоминал имя Монтегю в числе знатных дворян, на помощь которых можно было рассчитывать²²⁷. Трудно сказать, основывалось ли это утверждение на фактах, или же герцог Гиз пытался таким заставить папу Григория XIII поверить, что он располагает поддержкой католических пэров Англии²²⁸. Во всяком случае, английское правительство ничего не знало об этом документе. В том же августе 1583 г. виконт Монтегю писал своему другу, сэру Уильяму Мору о том, что королева Елизавета по-прежнему высоко его ценит, хотя при дворе он все же опасался появляться — видимо, не все советники были того же о нем мнения²²⁹.

²²²CSP Spanish 1580—1586. P. 34.

²²³Сэр Фрэнсис Трокмортон (1554—1584), по имени которого был назван заговор, был посредником между агентами Марии Стюарт во Франции и недовольными католиками в Англии. Планировалось, что вторжение войск под командованием кузена шотландской королевы, герцога Гиза, вторгнутся в Англию, где их поддержат восставшие католики. Целью вторжения должно было стать смещение Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт. См.: *Bossy J. Under the Molehill*. L., 2001

²²⁴*Bossy J. Under the Molehill*. P. 75—76.

²²⁵Он был арестован в декабре 1584 г. и посажен в Тауэр, где 21 июня 1585 г. был найден мертвым. Граф был найден застреленным, соответственно, его смерть была либо убийством, либо самоубийством.

²²⁶*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 165.

²²⁷CSP Spanish 1580—1586. P. 504.

²²⁸Из всех упомянутых в списке дворян только граф Эрендел и его супруга (племянница леди Магдален Монтегю) были косвенно причастны к заговору. Однако отношения между Монтегю и Эренделами — соперниками за влияние в графстве — были отнюдь не родственными.

²²⁹Woking. Surrey History Centre. Loseley MS 6729/8/89. P. 92.

*Начало войны с Испанией (1585 – 1588)
и ослабление позиций виконта Монтегю.*

Война с Испанией негативно сказалась на положении всех английских католиков, которых теперь рассматривали как потенциальных изменников, своего рода «пятую колонну». Перемены коснулись и тех из них, которые, как виконт Монтегю считались лояльными режиму. В июле 1585 г. Монтегю и Бакхёрст лишились постов лордов-лейтенантов графства Сассекс. Новым лордом лейтенантом стал лорд Ховард из Эффингэма. В августе 1586 г., однако, Бакхёрст (ставший за несколько месяцев до того, в феврале 1586 г. членом Тайного Совета) вместе с лордом Эффингэмом вновь занял свой пост. Монтегю же не был вновь назначен лордом-лейтенантом. Причин тому было несколько, начиная от возраста виконта и заканчивая, как подчеркивал исследовавший историю Сассекса Роджер Мэннинг, стремлением постепенно выдавить католиков из сферы управления графством. Последнее понятно: Сассекс с его длинной береговой линией и многочисленными гаванями был потенциальной целью армии вторжения. Не случайно именно здесь планировалось высадить армию Гиза в 1583 г. Поэтому правительству было желательно назначить на ключевые посты в стратегически важном регионе людей, чья верность режиму не ставилась под вопрос их конфессиональной принадлежностью²³⁰. Правда, если такая цель и ставилась, она так и не была достигнута, и католики присутствовали на политической сцене Сассекса в 1580 и 1590-х гг. (см. далее). Однако формы, которые принимала их политическая активность, менялись.

Виконт Монтегю, помимо прочего, был известным испанофилом, связанным с двором Филиппа II дружескими и родственными узами²³¹. Переписка виконта с сэром Уильямом Мором свидетельствовала о весьма негативной оценке им политики королевы, нацеленной на вмешательство в конфликт в Нидерландах²³². Неудивительно, что правительство лишило его поста лорда-лейтенанта. Монтегю, впрочем, было обещано, что он сохранит влияние на выборы должностных лиц (мировых судей и членов комиссий) в графстве²³³. Правда, теперь власть виконта была неформальной и осуществлялась через его друзей — лорда Бакхёрста и сэра Уильяма Мора — и вассалов.

Удар по престижу семьи в графстве не заставил ее членов перейти к более радикальным методам политического воздействия. Монтегю

²³⁰См.: *Manning R.B. Catholics and Local Office Holding in Elizabethan Sussex // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1962. Vol. 35. P. 47—61; Idem. Religion and Society in Elizabethan Sussex. Leicester, 1969.*

²³¹Дочь виконта Элизабет была замужем за Робертом Дормером, старшая сестра которого Джейн — вдова герцога Ферия — жила в Испании и являлась центром притяжения английской эмиграции.

²³²Woking. Surrey Historical Centre, Loseley MS 6729/8/98.

²³³*Questier M.C. Catholicism and Community. P. 167—168.*

не был причастен к заговору Бабингтона (1586 г.)²³⁴. Имя виконта появилось в составленном в 1586 г. списке английских дворян-католиков, способных поддержать восстание против королевы-протестантки, составленном доном Бернардо де Мендосой для Филиппа II. В этом списке упоминался «лорд Монтегю и вся его свита; это самая знатная семья Сассекса, и у нее много вассалов»²³⁵. Филипп II, однако, не разделял оптимизма Мендосы: он помнил Монтегю и считал его добрым католиком, однако полагал, что тому недостает «решимости» [восстать — А.С.]²³⁶.

К заговору Бабингтона был причастен кузен виконта Монтегю, Роберт Гейдж из Халинга, казненный в 1586 г. Позднее, в 1594 г., джентльмена из свиты виконта, Роберта Барнса, обвиняли в причастности к этому заговору, однако доказательств тому найдено не было²³⁷. А в 1586 г. его имя даже не упоминалось во время расследования, как и имена других домочадцев виконта. Последний не был причастен ни к одному заговору в пользу Марии Стюарт. Он, как и его отец, придерживался про-испанской ориентации и не выказывал никакого желания посадить на английский престол шотландскую королеву, тесно связанную с Францией. В 1586 г. виконт был одним из 40 пэров, приговоривших Марию Стюарт к смерти²³⁸. Конечно, он вряд ли рискнул бы послушаться королевского приказа, причислившего его к судебной комиссии. Но нет оснований предполагать, что вердикт противоречил его совести.

Летом 1588 г., однако, положению Монтегю был нанесен еще один удар. Укрепления прибрежных городов Сассекса поражали наблюдателей своим отсутствием, а береговая линия графства, изрезанная множеством бухт, предоставляла массу возможностей для высадки испанской армии. Планировавшие вторжение испанцы рассчитывали на поддержку дворянства Сассекса, в большинстве своем католического. В таких условиях католический аристократ, лидер местного дворянства, способный повести за собой сотни вооруженных людей, был потенциально опасен, даже если он и не совершал никаких действий, которые можно было бы истолковать как враждебные режиму.

Естественно, что в обстановке всеобщей подозрительности, переходящей в паранойю, лояльность виконта Монтегю не могла не подвергнуться сомнению. В середине июля 1588 г. Тайный Совет составил список лордов, которым предписывалось прибыть в распоряжение королевы со своими отрядами, чтобы составить ее личную охрану²³⁹. Имя

²³⁴Энтони Бабингтон (1961—1586) — глава заговора (как минимум частично инспирированного английским правительством), ставившего своей целью убийство Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт.

²³⁵“Lord Montague and all his house, which is the principal family in Sussex and has a great following” // CSP Spanish 1580—1586. P. 604.

²³⁶Ibid.

²³⁷PRO, SP 12/248/105, F. 105.

²³⁸Cokayne G.E. The Complete Peerage. Vol. IX. P. 99.

²³⁹APC. Vol.16. 1588. L., 1897. P. 170.

Монтегю в этом списке отсутствовало. Этот факт свидетельствовал об очевидном недоверии к католику-испанophile в условиях войны. Виконт воспринял его как наступление на свои позиции в Сассексе: уже утратив с началом войны пост лорда-лейтенанта, он сохранял свое положение первого дворянина графства только благодаря неформальным «каналам связи» с правительством и двором. Утрата доверия королевы разрушила бы эти «каналы» и привела бы к потере статуса в рамках местного сообщества²⁴⁰.

23 июля 1588 г. виконт отправил лордам Тайного Совета письмо, в котором высказал желание «узнать, следует ли ему предназначить свои отряды для защиты страны, ведь он не получил, как другие, писем с приказами прибыть к Ее Величеству»²⁴¹.

К письму прилагался список вассалов виконта, которые находились в полной боевой готовности.

Послание виконта говорит об обиде на выказанное Тайным Советом недоверие. Свидетельствовало ли оно о его лояльности — совсем другое дело. Летом 1588 г., когда англичане ждали казавшегося неминуемым вторжения, любой благоразумный дворянин считал своим долгом вооружиться, если и не для защиты страны от испанцев, то хотя бы для того, чтобы оградить семью и имущество от возможного мародерства. Что же до участия в военных действиях, то в случае английских католиков, трудно было предугадать, какую сторону они выберут, и будут ли вообще выбирать до самого последнего момента.

Поэтому действия виконта Монтегю, вооружившего свою свиту и вассалов, как это делали все английские дворяне летом 1588 г., не поддаются однозначной интерпретации. Одни историки — например, Кёртис Брейт — усматривают в них потенциальную угрозу режиму, лишившему виконта власти в Сассексе в 1585 г.²⁴² Другие — как Майкл Кестье — склонны видеть в них знак лояльности Монтегю²⁴³. Они могли быть и проявлением осторожности. Опыт последнего удачного вторжения в Англию — высадки Генриха VII в 1485 г. — показывал, что многие лорды, даже уже явившись с отрядом на поле битвы, выжидали почти до самого конца последней, прикидывая, как дело повернется, а затем присоединились к победителю. Кроме того, если само предложение виконта предоставить своих людей в распоряжение королевы могло истолковываться по-разному, то отсутствие подобного предложения было бы однозначно понято как

²⁴⁰Подробнее об этом эпизоде см.: Серегина А.Ю. «С оружием в руках»: английские католики и политическая пропаганда XVI—XVII веков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2010—2013. М., 2015. С. 131—150.

²⁴¹“to know if he should reserve his forces for the defence of the country, as he had not received letters as others have done for the attendance on Her Majesty’s person” // CSP Domestic 1587—1590. P. 510.

²⁴²Bright C.C. Caressing the Great: Viscount Montague’s Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // SAC. 1989. Vol. 127. P. 147—166, особ. P. 50.

²⁴³Questier M.C. Catholicism and Community. P. 168.

нелояльность и поставило бы самого виконта и его семью под угрозу. Не стоит забывать, что именно на 1588 г. пришелся пик казней католиков (за все правление Елизаветы).

Из последующих событий становится ясно, что католики Сассекса далеко не всегда проявляли враждебность к испанцам, или желание воевать против них. Набранные в 1590 г. виконтом Монтегю отряды, предназначенные для боевых действий во Франции (против испанцев)²⁴⁴ были «плохо отобраны и вооружены»²⁴⁵, готовы были использовать любой предлог, чтобы избежать отправки через Ла-Манш и «произносили оскорбительные речи о королевской службе»²⁴⁶. А в 1596 г., когда испанские войска осадили (и позднее взяли) Кале, и в южных графствах Англии циркулировали слухи о скорой высадке испанского десанта, католики — жители городка Бэттл в восточном Сассексе, служившие вдове виконта Монтегю, публично изъявляли радость при известиях об успехах армии Филиппа II²⁴⁷.

Вряд ли настроения католиков в 1588 г. сильно отличались от тех, что зафиксированы в донесениях правительственных агентов в 1590-х гг. Таким образом, собранные виконтом летом 1588 г. отряды в случае высадки испанцев могли повести себя непредсказуемо.

Члены Тайного Совета прекрасно понимали неоднозначность письма Монтегю и отреагировали соответственно. 24—27 июля лордам-лейтенантам южных графств — графу Сассексу (Хэмпшир), лорду Бархёрсту (Сассекс) и лорду Кобэму (Кент) — были отправлены письма, в которых указывалось, что часть вассалов и арендаторов Монтегю, уже зачисленных в состав ополчений графств, отправится в составе его отряда ко двору для охраны королевы, а виконт предложит других людей на замену²⁴⁸.

В письме, адресованном самому виконту, уточнялось: речь шла о всадниках (легкой кавалерии) и пехоте (копейщиках). Последним надлежало остаться в графстве, в составе ополчения, а отряд всадников должен был отправиться ко двору. Вот только виконт остался дома. Письмо Тайного Совета гласило:

²⁴⁴В 1590—1592 гг. английские войска оказывали помощь Генриху IV против Католической Лиги, поддержанной испанской армией под командованием герцога Алессандро Фарнезе, однако кампания оказалась неудачной. Генрих IV не смог взять Париж и Руан.

²⁴⁵“ill-chosen and badly armed” // CSP Domestic 1581—1590. P. 510.

²⁴⁶“most slanderous speeches of Her Majestie’s service” // Ibid. Об отрядах из Сассекса см.: Wernham R.H. *After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588—1595*. Oxford, 1984. P. 151—153; 381; 481; Серегина А.Ю. Католическое гостеприимство: виконт Монтегю принимает в своем поместье королеву Елизавету (1591 г.) // Мир Клио. Сборник статей в честь Л.П. Репиной / Под. общ. ред. А.Г. Суприянович. М., 2007. Ч. 1. С. 365.

²⁴⁷BL. Lansdowne MS 82. F. 103^{r-v}.

²⁴⁸APC. Vol. 16. P. 207—209.

«Его Сиятельство [виконт Монтегю — А.С.], *учитывая его болезнь* [курсив мой — А.С.] может передать командование всадниками, предназначенными для охраны личности Ее Величества, здесь [при дворе — А.С.], своему сыну или другому человеку, которого он выберет»²⁴⁹.

Конечно, виконт был уже немолод: в 1588 г. ему было 60 лет — почтенный возраст для XVI в. — так что он вполне мог жаловаться на плохое здоровье. Однако летом 1588 г. болезнь выглядела, скорее, как уловка. Правда, трудно сказать, виконт ли уклонялся от вполне вероятного столкновения с испанскими войсками, не желая воевать с единоверцами, или же лорды Тайного Совета предпочли держать влиятельного католика подальше от двора, под присмотром. Об этом косвенно свидетельствуют донесения гемуэзского шпиона, сообщавшего: «Лорду Монтегю приказано оставаться под арестом в его собственном доме. Причину тому я не знаю, если только она не заключается в том, что он — католик»²⁵⁰.

Правда, это письмо датировано 25 августа, и не вполне ясно, когда именно виконту было предписано оставаться в своем поместье.

Трудно сказать, что стояло за этим сообщением. Слухи об аресте Монтегю появлялись с завидной регулярностью, каждый раз, когда разражался очередной внутри- и/или внешнеполитический кризис (1570, 1584 и 1588 гг.), так что они выглядят своего рода средством подтверждения статуса одного из «главных католиков» Англии и совершенно необязательно основываются на фактах. С другой стороны, известно, что каждый раз, когда появлялись сообщения о приближении испанского флота к английским берегам (1588, 1592, 1596 гг.), правительство отдавало распоряжение об аресте дворян-католиков, и не потому, что те проявляли какие-то признаки нелояльности, а на всякий случай, в качестве превентивной меры. С виконтом Монтегю в 1588 г. вполне могло произойти нечто похожее, тем более что в числе арестованных был и его собственный брат, Фрэнсис Браун, которому было предписано оставаться в доме сэра Уильяма Мора (до ноября 1588 г.)²⁵¹, так что сообщение шпиона выглядит правдоподобным. А упоминание об его болезни в таком случае могло быть способом сохранить лицо.

²⁴⁹“the charge of the horsemen, in respecte of his Lordship’s indisposicion, he maye committ unto his sonne or some other as his Lordship shall make choice of, to be emplyed here for the guarding of her Majesties person” // Ibid. P. 209.

²⁵⁰“Lord Montague was ordered to remain under arrest in his own house, and the reason of this also I do not know, unless it be that he is a Catholic” // CSP Spanish 1587—1603. P. 420.

²⁵¹APC. 1588. P. 334—335.

*Визит Елизаветы I в Каудрей (1591 г.)
и «возвращение» виконта в местную политику.*

К началу 1590-х гг. виконт Монтегю столкнулся с реальной перспективой утраты доверия королевы, вернее, политиков младшего поколения, привыкших мыслить в категориях конфессионального противостояния, и, следовательно, возможности лишиться политического влияния в Сассексе. Кроме того, один за другим скончались родственники и придворные покровители Монтегю — его троюродные братья графы Лестер (1588 г.) и Уорик (1590 г.) и мачеха, графиня Линкольн (1589 г.). Монтегю нуждался в укреплении своего престижа в Сассексе.

Королеве также нужно было думать о своем престиже в Сассексе и шире, на юге Англии. К 1591 г. военные действия против Испании шли с переменным успехом. Победы 1588 г. (Армада, Берген-он-Зум) уже в 1589 г. сменились неудачами: в 1589 г. экспедиция в Лиссабон, хотя и имевшая большое пропагандистское значение, фактически провалилась, так как не удалось выполнить ни одну из ее задач — ни сменить династию в Португалии, ни уничтожить испанский флот, базировавшийся в Сантандере, ни захватить конвой с американским золотом. В 1590 г. войска герцога Пармского перешли в наступление в Нидерландах, а Франция погрузилась в хаос гражданской войны. В Париже находился испанский гарнизон, а союзник Англии Генрих Наваррский отчаянно нуждался в поддержке. В 1590 г. во Франции высадились английский экспедиционный корпус Уиллоуби, оказавший Генриху помощь в Нормандии и Иль-де-Франс. В 1591 г. планировалось продолжить кампанию в Нормандии, побудить Генриха Наваррского начать осаду Руана — оплота Католической Лиги в этой провинции, а также выступить против испанских войск, высадившихся в Бретани. Это в Англии воспринималось как прямая угроза.

В условиях разворачивавшейся военной кампании Елизавете I и ее правительству было необходимо иметь поддержку южных прибрежных графств, поскольку именно на них ложилось бремя войны. В 1590 г. войска для экспедиции Уиллоуби (1000 человек) набирались в Кенте, Сассексе и Хэмпшире. Эти же графства вместе с Лондоном заплатили за кампанию 10000 ф. с. В 1591 г. требовалось набрать новые отряды. Сассекс должен был выставить еще 300 человек для осады Руана и 50 — для кампании в Бретани. Все эти требования жители графства встретили без восторга, прежде всего, из-за высокой стоимости кампании: мировым судьям в Сассексе приходилось иметь дело с дезертирством и отказом платить военные налоги. Набор войск также проходил без всякого энтузиазма: Уиллоуби жаловался, что отряды из Сассекса плохо подобраны, плохо вооружены и экипированы²⁵².

Другая проблема была политической: значительная часть населения Сассекса оставалась католической. В обстановке войны с католической

²⁵² Wernham R.H. After the Armada. P. 151—153, 381, 418.

Испанией это воспринималось правительством как потенциальная внутренняя угроза. В 1591 г. проблему попытались решить методом кнута и пряника. Летом готовилась к подписанию королевская прокламация, которая предписывала создать в графствах особые комиссии для произведения расследования в отношении иезуитов, католических священников, а также лиц, «предрасположенных к измене, <...> или признающих под каким-либо видом власть папы или короля Испании»²⁵³. Сассекса это касалось в первую очередь: его многочисленные порты и столь же многочисленные дворяне-католики служили магнитом для прибывающих священников. Но одновременно с карательными мерами Елизавета желала успокоить своих католических подданных, показав, что лояльные католики по-прежнему могут рассчитывать на монаршее благоволение. Поэтому она решила на то, чего избегала делать все предшествующие годы: отправилась в Сассекс. Елизавета всегда избегала поездок в католические и потенциально нестабильные районы. За все годы правления королева никогда не была на севере страны, в Ланкашире или Йоркшире, или на Западе²⁵⁴. И в гораздо более близком к Лондону Сассексе она тоже бывала до тех пор, пока ее не принудила к этому война²⁵⁵. Предполагалось, что королева отправится к побережью, в Портсмут (где ей может нанести визит союзник, Генрих Наваррский) и Саутхэмптон, осмотрит их укрепления (из-за слухов об испанских кораблях в Ла-Манше), а затем вернется в Лондон.

Елизавета покинула в Лондон в конце июля 1591 г. В первой половине августа она неспешно путешествовала по графству Сарри. А 14 августа 1591г. она прибыла в Сассекс. Первым пунктом ее маршрута (и самой длительной остановкой — 5 дней) стал Каудрей. Выбор хозяев был очевиден, если королева хотела достичь взаимопонимания с дворянством Сассекса. Традиционно в Сассексе самым знатным дворянином был граф Эрденел; кроме того, ряд маноров принадлежал графу Нортумберленду. Однако в 1591 г. Филипп Ховард, граф Эрденел, был приговорен к казни как изменник и находился в Тауэре. Отец Генри Перси, графа Нортумберленда, также умер в Тауэре, его дядя был казнен за участие в Северном восстании. Вся семья в целом считалась нелояльной. Следующим за ними по рангу был виконт Монтегю — давний соперник Эрденелов за влияние в Сассексе. Кроме того, он был несомненным лидером местного католического сообщества, и демонстрация королевской благосклонности показывала, какую модель поведения стоит воспроизводить.

Предшественники Елизаветы успели не раз побывать в замке с тех пор, как он был возведен в первой трети XVI в. Генрих VIII бывал здесь

²⁵³Tudor Royal Proclamations. New Haven, 1969. Vol. III. P. 86—93.

²⁵⁴Cole M.H. The Portable Queen. P. 145

²⁵⁵В 1577 г. Елизавета планировала посетить Сассекс, нанеся визиты лордам — лейтенантам — Монтегю и Баххёрсту (см. выше). См.: Cooper W.D. Queen Elizabeth's Visits to Sussex // SAC. 1852. Vol. 5. P. 192.

трижды, нанося визиты Уильяму Фицуильяму, графу Саутхэмптону (3—7 августа 1538 г. и 30—31 июля 1539 г.) и сэру Энтони Брауну (начало августа 1545 г.). А Эдуард VI нанес визит будущему виконту Монтегю 27—28 июля 1552 г. Таким образом, визит Елизаветы встраивался в эту традицию, подчеркивая: верность обладателей замка признана монархами.

Елизавета провела в Каудрее почти неделю (14—20 августа). Виконт развлекал королеву охотой и масками, в которых он был представлен как лидер местного дворянства, к которому, несмотря на его конфессиональную принадлежность и в ответ на верную службу, благоволил двор (подробнее представление будет рассмотрено в главе V).

Елизавета прекрасно понимала, что от нее требуется, и подыграла Монтегю. Собственно, ее появление в Каудрее уже было отчетливым сигналом королевского расположения. Во время пребывания двора там королева занималась и государственными делами. В частности, состоялось заседание Тайного Совета. Помимо прочих дел, кузену виконта, католику Джону Гейджу, находившемуся под домашним арестом, было позволено приехать в Сассекс, чтобы уладить имущественные дела недавно умершего брата²⁵⁶.

А 20 августа, перед своим отъездом из Каудрея в Чичестер Елизавета возвела в рыцарское достоинство шестерых дворян. Исследователи (следуя за изданным текстом) всегда отмечали, что двое из них приходились родственниками виконту — а именно, Джордж Браун, его второй сын, и Роберт Дормер — муж его дочери Элизабет. Что же касается остальных, то высказывались различные предположения относительно того, каким образом они оказались в списке. Поскольку явно не все из них были католиками, а двое — Генри Горинг и Николас Паркер, оба протестанты — спустя несколько месяцев войдут в состав комиссии по поимке католических священников, К. Брейт полагал, что здесь было налицо желание королевы, раздраженной навязчивым стремлением виконта подчеркнуть свою значимость как католика, поставить Монтегю на место. Однако более тщательный анализ родственных связей показывает: все эти люди были так или иначе связаны либо с Монтегю, либо с семьей Томаса Сэквила, лорда Бакхёрста, его близкого друга и будущего родственника (внук и наследник виконта, Энтони Мария Браун, в конце 1591 г. женился на дочери лорда Бакхёрста Джейн). Так, Джон Карилл был другом семьи, и впоследствии (1603 г.) его сын стал мужем внучки виконта, Кэтрин Дормер; Генри Гленэм был зятем лорда Бакхёрста, мужем его дочери Энн. Николас Паркер был связан родством с обеими семьями, поскольку его бабушка принадлежала к семье Сэквил, а тетка вышла замуж за кузена виконта Монтегю, сэра Эдварда Гейджа. Сестра Генри Горинга, Энн, была первой женой младшего брата виконта, Фрэнсиса Брауна²⁵⁷.

²⁵⁶ APC 1591 P. 396, 402—403.

²⁵⁷ Второй женой сэра Фрэнсиса стала Джейн Кортни. Овдовев, она вышла замуж за вышеупомянутого Николаса Паркера. См.: Hasler. Vol. III. P. 173.

Таким образом, почести были распределены среди друзей Монтегю, католиков и протестантов в равной степени. Необходимо отметить, что они впоследствии проявили благодарность по отношению к своему патрону, защищая членов его семьи от преследований, угрожавших всем католикам. Брейт в своей статье утверждал: тот факт, что Генри Горингу в 1593 г. было предписано арестовать семейного капеллана Монтегю, католического священника Роберта Грея, свидетельствует о враждебности Горинга католикам²⁵⁸. Однако Горинг в 1593 г. «не сумел» арестовать Грея, который был позднее задержан в Йоркшире (где члены комиссий по расследованию были более ревностными, или же не имели никаких связей с семейством Монтегю)²⁵⁹. А Николас Паркер в 1603 г. обеспечил Джорджу Брауну место в числе мировых судей, хотя тот не принес предписанной законом присяги о признании королевской супрематии²⁶⁰.

Когда осенью 1591 г. виконт Монтегю в обращенной к своим друзьям речи вспоминал о визите королевы, он имел основания с удовлетворением отметить, что, несмотря на предостережения «не ездить к столь опасному католику», Елизавета предпочла довериться его гостеприимству и оказала ему честь, выделив его тем самым из числа других титулованных дворян²⁶¹. Речь предназначалась для той же аудитории, перед которой разыгрывались представления в августе 1591 г. в Каудрей, — т.е. для местных дворян. И суть оставалась прежней: католик виконт Монтегю был «человеком королевы» в Сассексе, готовым оказывать покровительство всем своим друзьям, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Таким образом, успех королевского визита укрепил позиции виконта в графстве, пусть и ненадолго (в октябре 1592 г. Монтегю скончался). Поэтому интерпретация событий лета 1591 г., представленная в исследованиях Кёртиса Брейта и Майкла Кестье представляется односторонней. В статье К. Брейта представления в Каудрее были истолкованы как не прямое (но отчетливо прочитывающееся) проявление недовольства лишенного власти католического магната, проявление если не конфронтации, то, по крайней мере, завуалированной критики режима, в частности, политики по отношению к католикам²⁶². Эта установка на поиск скрытого конфликта была воспринята и Кестье²⁶³. Однако на мой взгляд, летом 1591 г. имела место успешная попытка диалога правительницы с местным магнатом, в результате которого Елизавета получила косвенное обещание гарантировать лояльность жителей графства

²⁵⁸ Breight C.C. *Caressing the Great*. P. 159.

²⁵⁹ APC 1592—1593, P. 328—329, 400, 406.

²⁶⁰ CRS. Vol. 60. P. 145—147.

²⁶¹ Questier M.C. *Loyal to a Fault*. P. 225—253

²⁶² Breight C.C. *Caressing the Great*. P. 158—159.

²⁶³ Questier M.C. *Loyal to a Fault*. P. 246—248; *Idem*. *Catholicism and Community*. P. 169—178.

(вне зависимости от их исповедания) в обмен на молчаливое признание влияния виконта на дела управления графством.

Следовательно, лояльность первого виконта Монтегю королеве-протестантке не являлось ни уходом с «политической арены», ни категорическим отказом от потенциально опасных действий. Последнее было вряд ли возможно хотя бы потому, что в данный разряд подпадало присутствие на католических богослужениях и любые контакты со священниками — выпускниками континентальных католических семинарий. А начиная с 1580-х гг. практически все католическое духовенство в Англии относилось к этой категории, и следование букве закона заставило бы Монтегю отказаться от своей религии. Виконт же вовсе не собирался отказываться от веры, которую считал истинной. Более того, он публично демонстрировал свою конфессиональную принадлежность. Это обстоятельство вкупе с его высоким социальным статусом делало его и его семью естественным центром притяжения для иностранных дипломатов, а порой и заговорщиков, которым было необходимо знать позицию влиятельного католического лорда. Поэтому необходимо отдать должное как осторожности виконта, которого так и не смогли уличить в причастности к заговорам, так и мудрости Елизаветы, предпочитавшей не всматриваться слишком пристально в действия виконта и его домочадцев.

Соответственно, лояльность аристократа-католика следует описывать скорее в терминах постоянного диалога с властью, в рамках которого определялся приемлемый для обеих сторон компромисс, обеспечивавший как формы подчинения монарху, так и допустимые формы участия в политической жизни. Условия компромисса менялись, и их приходилось определять заново, в изменившихся обстоятельствах, как об этом свидетельствуют события политической карьеры виконта (выступления в палате лордов, назначение его лордом-лейтенантом во время политического кризиса 1568—1569 гг., и, наконец, визит королевы в Каудрей в 1591 г.).

Неизменным оставался сам диалог, подтверждавший, с одной стороны, верность виконта своей правительнице, а с другой, — принятие этой верности Елизаветой. Ритуальным выражением этого диалога стал ежегодный обмен новогодними подарками с королевой²⁶⁴.

На протяжении всего царствования Елизаветы виконт Монтегю и его супруга дарили подарки своей правительнице²⁶⁵. Так, в 1562 г. виконт подарил своей правительнице кошель из золотой парчи с 10 фун-

²⁶⁴Я признательна О.В. Дмитриевой за привлечение моего внимания к данному вопросу.

²⁶⁵Все сохранившиеся свитки со списками принятых королевой даров и ее ответных подарков (1559, 1562, 1563, 1564, 1565, 1567, 1568, 1571, 1575, 1576, 1577, 1578, 1579, 1581, 1582, 1584, 1585, 1588, 1589, 1594, 1597, 1598, 1599, 1600, 1603 гг.) были изданы Джейн Лоусон: *The Elizabethan New Year's Gift Exchanges* / Ed. by J.A. Lawson. Oxford, 2013. Сведения из этих свитков приводятся по данному изданию.

тами в нем²⁶⁶. Точно такой же дар поднесла и его жена²⁶⁷. В ответ каждый из них получил по серебряному позолоченному кубку; жене достался кубок меньшего размера — в 18,5 унций серебра, тогда как мужу — в 23 унции²⁶⁸. Такие же подарки виконт и леди Магдален дарили королеве каждый год; не менялась ни сумма в кошельке, ни материал, из которого он был изготовлен²⁶⁹. В ответ они получали серебряную посуду весом приблизительно в 19—20 унций, чаще всего кубки, но порой — и блюда (подарок виконту в 1578 г.)²⁷⁰. Лишь однажды — в 1559 г. — виконт и его супруга поднесли королеве иную сумму — 12 фунтов, шесть шиллингов, восемь пенсов и семь фунтов, тринадцать шиллингов и два пенса соответственно²⁷¹.

Не прерывавшийся на протяжении всей жизни публичный обмен дарами = признание лояльности между королевой и ее католическими подданными — явление отнюдь не распространенное. Помимо Монтегю, подобным отличием могли похвастаться немногие: лорд (и начиная с 1585 г.) леди Ламли, и лорд Дарси из Чича (но не его жена).

Подарки не носили личного характера и не отражали вкусов королевы или дарителей. Важен был сам ритуал обмена дарами. Ведь в число дарителей допускались лишь те дворяне, которые считались лояльными, ведь взаимные дары предполагали предложение верности и службы, принятое и вознагражденное Елизаветой I. А публичный характер церемонии поднесения подарков, означал, что об этом ставилась об этом в известность вся политическая нация.

§ 4. Дипломатические миссии 1560-х гг.

Присутствие католиков на политической сцене объяснялось не только их давлением, но и нуждами самого правительства. В определенных обстоятельствах они оказывались незаменимыми, например, в сфере дипломатии. Именно соображениями подобного рода руководствовалась Елизавета, отправляя виконта в дипломатические миссии в 1560-х гг.

В 1560 г. виконт возглавил посольство к Филиппу II. Целью английских дипломатов было представить военное вмешательство Англии в шотландские дела, то есть, поддержку лордов-протестантов, восставших против регента Марии де Гиз, как акцию, направленную на защиту английского престола от посягательств Шотландии и Франции (речь шла о

²⁶⁶The Elizabethan New Year's Gift Exchanges. P. 55.

²⁶⁷Ibid. P. 56.

²⁶⁸Ibid. P. 64, 65.

²⁶⁹Ibid. P. 74, 75, 92, 93, 117, 118, 135, 136, 152, 153, 171, 172, 184, 185, 206, 207, 226, 227, 247, 248, 269, 270, 292, 293, 329, 330, 348, 349, 368, 369, 387, 388.

²⁷⁰Ibid. P. 46, 47, 64, 65, 83, 84, 126, 127, 144, 162, 163, 177, 178, 195, 196, 217, 238, 239, 258, 259, 280, 281, 308, 309, 340, 341, 359, 378, 379, 398.

²⁷¹Ibid. P. 36, 37.

заявленных Марией Стюарт, а точнее, французским королем от ее имени, прав на корону Англии). Присутствие в составе посольства Монтегю — потомственного испанофила, знакомого Филиппу II и бывшего у него на хорошем счету, а также и католика — должно было показать, что английское правительство далеко от религиозного экстремизма, терпимо к католикам и готово поддерживать традиционные союзы (альянс с Габсбургами против Франции и Шотландии). Спутником виконта был сэр Томас Чемберлен. Послам даже разрешили в случае необходимости присутствовать на католических богослужениях в Испании, хотя при этом от них — в том числе и от католика Монтегю — ожидалось, что они по своей воле не нарушат английские законы о религии²⁷².

Отношение виконта к своей миссии было двойственным. С одной стороны, он поддерживал политику вытеснения французов из Шотландии и альянса с Испанией. Однако ему не нравился другой ее аспект: поддержка протестантской оппозиции в Шотландии и объявление там католической церкви вне закона. В январе 1560г. испанский посол в Лондоне де Квадра писал Филиппу II о том, что виконт Монтегю передал ему письмо (послу воспретили общаться с ним лично). В нем сообщалось, что виконта принуждают отправиться с «таким беспокойным и противоречащим справедливости посольством», и соглашается он лишь потому, что едет к испанскому королю, «на которого возлагаются все надежды этой страны»²⁷³. Виконт также сообщил, что будет под постоянным наблюдением, и попросил приватной аудиенции у Филиппа II²⁷⁴.

Посольство отправилось в Испанию в феврале 1560 г. Деятельность дипломатов была успешной: Филипп II согласился оказать давление на французов с тем, чтобы французский король и Мария Стюарт отказались от претензий на английский престол. Вместе с тем английским дипломатам приходилось противостоять кампании французского посла, обвинявшего англичан том, что они помогали мятежникам-гугенотам (участникам Амбуазского заговора 1560 г.)²⁷⁵. В июне 1560 г. английские послы были отозваны в Лондон, поскольку для завершения переговоров испанский король отправлял в Англию свое посольство²⁷⁶.

Успешная миссия не рассеяла недовольство Монтегю тем, что его заставляют озвучивать политику, которую он не одобряет. В июне 1563 г. де Квадра сообщал о том, что Елизавета планировала отправить новое посольство к Филиппу, на этот раз с разъяснениями своей позиции в отношении французских гугенотов. В 1562 г. восставшие гугеноты под предводительством принца Конде захватили Гавр. Согласно заключенному с ними договору Елизавета послала на помощь единоверцам трехтысячную армию. Именно эти действия ей и предстояло оправдывать перед

²⁷²CSP Foreign 1559—1560. P. 316—318.

²⁷³CSP Spanish 1558—1567. P. 121.

²⁷⁴Ibid.

²⁷⁵Salisbury MSS. Vol. I. P. 205—206.

²⁷⁶CSP Foreign 1560—1561. P. 122—123.

Филиппом II и правительницей Нидерландов Маргаритой Пармской (ведь не имея хотя бы нейтралитета Испании, она не могла рисковать войной с Францией). Предполагалось, что послом должен был стать сэр Генри Сидни, но он отказался ехать к Филиппу II. Тогда выбор пал на виконта Монтегю²⁷⁷. Однако и он не поехал в Испанию, по всей видимости, отказавшись поддерживать политику, противоречившую его взглядам.

Несмотря на строптивость виконта, его испанофильские тенденции и знакомство с правителями-Габсбургами, приобретенные в 1555 г., были вновь использованы, на этот раз в посольстве, отправленном в 1565 г. в Нидерланды для восстановления торговых отношений между этой страной и Англией, прерванных наложенным кардиналом Гранвеллой эмбарго 1563 г. Вместе с виконтом отправился ветеран тюдоровской дипломатической службы, сэр Николас Уоттон, многократно бывавший в Нидерландах, и тоже сторонник альянса с Габсбургами. Их уравнивал Уолтер Хаддон, не имевший предыдущего дипломатического опыта, но зато обладавший познаниями в области гражданского права. Опять, как и в 1560 г., Монтегю принял назначение без восторга. Испанский посол де Силва передавал слова виконта:

«Я не могу понять этих людей; они меня не выносят, однако же посылают меня вести их дела»²⁷⁸.

Переговоры оказались затяжными; проведя лето и сентябрь 1565 г. в Брюгге, английские послы вновь вернулись туда в 1566г. и оставались в Нидерландах до конца июля 1566 г. Виконт после этого провел еще около месяца в Спа²⁷⁹.

Посольство в Нидерланды было последней дипломатической миссией Монтегю. И скорее всего, он вздохнул с облегчением: внешняя политика Англии в 1570-х гг. — ухудшение отношений с Габсбургами и сближение с Францией — не могла не вызывать у него отторжения. Королеве, в свою очередь, он перестал быть полезен в качестве дипломата.

§ 5. Виконт Монтегю в парламенте, 1560—1580 гг.

Участие в работе парламента было той частью политической жизни, которая относилась к числу неотъемлемых привилегий аристократов, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Статут 1563 г., потребовавший от членов нижней палаты приносить присягу о признании ими королеву главой церкви, должен был исключить католиков из числа парламентариев. Однако на лордов требования статута 1563 г. не распространились. Они, как и их предки, продолжали засе-

²⁷⁷CSP Spanish 1558—1567. P. 337.

²⁷⁸“I cannot understand these people; they cannot endure me and yet they send me to do their business for them” // CSP Spanish 1558—1567. P. 407.

²⁷⁹BL, Cotton MS Galba C II. No.78.

дать в палате. В данном случае пример виконта Монтегю показателен, так как он был одним из самых активных членов палаты, по крайней мере, в первую половину правления Елизаветы I²⁸⁰.

На заседаниях первого парламента нового царствования (1559 г.) виконт полностью посветил себя делам религии (см. выше), однако его парламентская деятельность отнюдь ими не ограничивалась. Виконт, впрочем, явно имел хорошее богословское образование, что делало его присутствие в комиссиях по церковным вопросам желательным, если нужно было провести какую-то меру, а порой — и провалить ее (скажем, радикальные проекты пуритан). А опыт в управлении графством использовался при обсуждении законов другого рода.

На заседаниях парламента 1563 г. виконт участвовал в дебатах по поводу антикатолического статута. Высказался он и против статута о «необоснованных и фантастических пророчествах», побуждавших подданных к мятежу, несомненно, опасаясь, что понятие пророчества можно будет толковать расширительно, затрагивая при этом сочинения католиков²⁸¹.

А в 1566 г. Монтегю оказался одним из самых занятых пэров. Он отсутствовал всего 6 дней из более чем трех месяцев сессии, и принял участие в работе 8 комиссий. Уже в самом начале сессии, 3 октября 1566 г., он был включен в состав комиссии, обсуждавшей билль об аннулировании мошеннических дарений и отчуждений земельных владений²⁸². Билль прошел 2 чтения, и был отправлен на доработку комиссии, состоявшей из профессиональных юристов. В статут он так и не превратился.

Конец октября—начало ноября 1566 г. было посвящено вопросу о престолонаследии и о браке королевы. Эта проблема обсуждалась и на предыдущей сессии, в 1563 г., однако тогда Монтегю не участвовал в работе соответствующей комиссии. Теперь же он вошел в состав делегации палаты лордов, отправившихся к королеве с просьбой вступить в брак и тем самым решить проблему наследования престола, чреватую политической нестабильностью в стране. В состав делегации²⁸³ входили архиепископ Йоркский, епископы Лондонский, Дарэмский (Джеймс Пилкингтон) и Винчестерский (Роберт Хорн), графы Нортумберленд, Уэстморленд, Шрусбери, Вустер, Сассекс, Хантингдон и Уорик²⁸⁴, ви-

²⁸⁰Подробнее см.: *Серегина А.Ю. Сословие vs конфессия: аристократы-католики в парламенте второй половины XVI в. // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время / Под ред. П.Ю. Уварова и С.К. Цагуровой. М., 2015. С. 95—109.*

²⁸¹Билль был принят в третьем чтении 11 марта 1563 г. (5 Eliz. I, с.15). Кроме Монтегю, против билля голосовал его тесть, Уильям Дейкр, барон Гилсленд (отец его второй жены Магдален). См.: *LJ. Vol. I. P. 602.*

²⁸²*LJ. Vol. I. P. 628.* Комиссию возглавлял архиепископ Йоркский (Томас Янг), епископы Лондонский (Эдмунд Гриндел) и Херефордский (Джон Скори), граф Хантингдон, лорды Уиллоуби и Хастингс из Лавборо и сэр Джеймс Дайер (председатель суда Общих тяжб).

²⁸³*LJ. Vol. I. P. 635.*

²⁸⁴Эмброуз Дадли (1528—1590), граф Уорик, старший брат графа Лестера, и троюродный брат виконта Монтегю.

конты Монтегю и Биндон²⁸⁵, лорды Морли²⁸⁶, Кобэм, Рич, Уэнтуорт²⁸⁷, Пэджет²⁸⁸, Шеффилд²⁸⁹, Хастингс из Лавборо и Хансдон²⁹⁰.

Комиссия добилась лишь того, что привела королеву в ярость. Парламентарии, впрочем, и не думали отступить. 30 октября лорды и общины созвали совместную комиссию, выработавшую петицию к королеве с просьбой вступить в брак²⁹¹. Состав комиссии от лордов был расширен по сравнению с делегацией 22 октября: в нее также вошли епископы Вустерский (Эдвин Сэндис), Линкольский (Николас Беллинхэм), Рочестерский (Эдмунд Гест) и Личфилдский (Томас Бентэм), лорд-казначей (Уильям Полет, маркиз Винчестер), герцог Норфолк, маркиз Норхэмптон, графы Бедфорд²⁹², Пемброк, Сассекс и Лестер, лорд-адмирал (лорд Клинтон), лорд-камергер (Уильям Ховард, лорд Эффингэм), лорды Грей де Уилтон²⁹³, Виндзор²⁹⁴ и Норт²⁹⁵.

5 ноября делегация практически в том же составе вновь отправилась к королеве²⁹⁶, которая на этот раз пообещала выйти замуж «как только придет время и представится возможность»²⁹⁷.

Нетрудно заметить, что в вопросе о престолонаследии Монтегю выступал единым фронтом с представителями своего большого клана (включавшего в себя братьев Дадли), и в какой степени семейные интересы совпадали с профессиональными, сказать трудно. В 1566 г. еще шли переговоры о браке Елизаветы I с католиком — эрцгерцогом Карлом — однако Монтегю вполне мог поддерживать и идею брака с Лестером (см. выше).

Уже на следующий день Монтегю занялся другими делами. 6 ноября верхняя палата рассматривала в третьем чтении билль о посвящении епископов (протестантов). Против билля проголосовали сразу несколько католических пэров и консерваторов²⁹⁸, кроме Монтегю, документ был возвращен в палату общин (хотя, в конце концов и был принят)²⁹⁹.

²⁸⁵ Генри Ховард (1542—1590), виконт Биндон.

²⁸⁶ Генри Паркер (1531—1577), лорд Морли.

²⁸⁷ Лорд Томас Уэнтуорт (1525—1584).

²⁸⁸ Лорд Генри Пэджет (ум. 1568).

²⁸⁹ Лорд Джон Шеффилд (1538—1568).

²⁹⁰ Генри Кэри (1526—1596), лорд Хансдон.

²⁹¹ LJ. Vol. I. P. 639.

²⁹² Фрэнсис Рассел (1527—1585), граф Бедфорд.

²⁹³ Лорд Артур Грей де Уилтон (1536—1593).

²⁹⁴ Лорд Эдвард Виндзор (1532—1574).

²⁹⁵ Лорд Роджер Норт (1530—1600).

²⁹⁶ LJ. Vol. I. P. 641.

²⁹⁷ Дмитриева О. В. Елизавета I. М., 1998. С. 77.

²⁹⁸ Графы Нортумберленд, Уэстморленд, Сассекс и Вустер, виконт Монтегю, лорды Морли, Дадли (Эдвард Саттон), Дарси (Джон Дарси), Монтигл (Уильям Стенли), Кромвель (Генри Кромвель) и Мордаунт (Джон Мордаунт).

²⁹⁹ LJ. Vol. I. P. 641.

Помимо этого, виконт Монтегю участвовал в работе комиссий, рассматривавших билли об исполнении законов, карающих преступников (16 ноября)³⁰⁰, против роскоши в одежде (19 ноября)³⁰¹, об ограничении числа шерифов в некоторых графствах (до одного) (4 декабря)³⁰², о подтверждении привилегий в отношении превращения меди в латунь, а также поиска и добычи металлов³⁰³ (5 декабря)³⁰⁴, об утверждении недавно созданных церковных бенефициев (12 декабря)³⁰⁵, о наказании мятежей и дебошей (14 декабря)³⁰⁶, о тоннаже товаров, ввезенных из-за моря (20 декабря)³⁰⁷.

Кроме того, 7 декабря виконт голосовал против частного билля об изменении статуса земель³⁰⁸ покойного Томаса Брауна (скорее всего, речь шла о его кентских родственниках из старшей линии рода)³⁰⁹. А 23 декабря он, напротив, способствовал успешному прохождению через палату билля о переносе рыночного дня в Бэттле (маноре виконта) с воскресенья на четверг³¹⁰. Дж. Элтон отмечал, что такое решение могло объясняться благочестием, так как давало местным жителям возможность посетить церковную службу, не отвлекаясь на мирские дела³¹¹. Однако не вполне ясно, имел ли в виду виконт приходскую церковь, или же присутствие на католической литургии (учитывая католическое большинство населения Бэттла в середине XVI в. и его особый правовой статус, изымавший его из юрисдикции местного епископа).

Активно работал виконт и в парламенте 1571 г., хотя большая часть его энергии была отдана противодействию новым антикатолическим биллям, или же хотя бы смягчению их. Собравшийся после подавления Северного восстания и издания буллы, отлучавшей Елизавету I от церкви и объявлявшей ее еретичкой и узурпатором, парламент предложил целую серию мер, направленных против католиков. В частности, 9 апреля в палату лордов был внесен билль о запрете ввоза в страну папских булл, а уже на следующий день, после первого чтения, общины попросили обсудить ряд вопросов, касающихся религии, с представителями лордов. В состав комиссии вошли архиепископ Кентерберийский (Мэттью Паркер), епископы Лондонский, Херефордский, Илий-

³⁰⁰Ibid. P. 646.

³⁰¹Ibid. P. 647.

³⁰²Ibid. P. 653.

³⁰³Ibid.

³⁰⁴Монтегю имел свой интерес в железоплавильном деле в Сассексе.

³⁰⁵LJ. Vol. I. P. 657.

³⁰⁶Ibid. P. 658.

³⁰⁷Ibid. P. 662.

³⁰⁸Держание обозначалось как *gavelkind*; его нельзя было конфисковать, оно делилось в равных долях между сыновьями или дочерьми (в случае отсутствия первых), а изменить его статус можно было только парламентским актом.

³⁰⁹LJ. Vol. I. P. 655.

³¹⁰Ibid. P. 664.

³¹¹Elton G.R. The Parliament of England, 1559—1581. Cambridge, 1986. P. 128—129.

ский (Ричард Кокс), Сент-Дэвидский (Ричард Дэвис), Рочестерский, Карлайлский (Ричард Барнс), Чичестерский (Ричард Кёртис), Линкольнский, маркиз Норхэмптон, графы Оксфорд³¹², Эрендел, Вустер, Сассекс, Хантингдон, Бедфорд, виконты Херефорд³¹³ и Монтегю, лорды Кобэм и Грей де Уилтон³¹⁴.

Кроме того, виконт входил в состав комиссии, рассматривавшей билль об измене³¹⁵ после второго чтения (5 мая)³¹⁶ и направившей его в палату общин. Исправленный билль был вновь рассмотрен комиссией, включавшей в себя Монтегю, 22 мая, и вновь отправлен к общинам³¹⁷. Монтегю входил и в состав комиссии, обсуждавшей билль о наказании беглецов (2 мая)³¹⁸, принятый в итоге как статут, вводивший наказание для всех эмигрантов, покинувших страну без лицензии королевы, а именно, конфискацию земель.

Монтегю был также членом комиссий, рассматривавших билль об обязательном посещении протестантских служб и причащении (9 мая)³¹⁹. В данном случае сопротивление католиков (и нежелание правительства применять слишком жесткие меры) оказалось более эффективным: билль лорды вернули в палату общин (24 мая)³²⁰, и в статут он так и не превратился.

Задействовали Монтегю и по другим вопросам: он был включен в состав комиссий, рассматривавших билль о церковных зданиях, пришедших в негодность по вине духовных лиц (3 мая)³²¹, билль об увеличении пахотных земель и поддержании флота (10 мая)³²² и билль об

³¹²Эдвард де Вир, граф Оксфорд (1550—1604).

³¹³Уолтер Деверо, виконт Херефорд, граф Эссекс с 1572 г. (1541—1576).

³¹⁴LJ. Vol. I. P. 672.

³¹⁵В окончательном виде статут квалифицировал как измену именованную королевы узурпатором и еретичкой (в опубликованных сочинениях, что автоматически делало изменниками многих авторов католических памфлетов, признававших буллу 1570 г.), а также сомнение в правах королевы на престол и правах парламента определять его наследование.

³¹⁶LJ. Vol. I. P. 681. Состав комиссии: архиепископ Кентерберийский, епископы Винчестерский, Илийский, Вустерский, Солсберийский (Джон Джуэл) и Линкольнский, графы Эрендел, Сассекс, Хантингдон, Бедфорд, Лестер, виконт Монтегю, лорды Клинтон, Бёрли, Ламли, Хастингс из Лавборо, Уэнтуорт, Норт, Бакхёрст.

³¹⁷LJ. Vol. I. P. 692. Состав комиссии: епископы Вустерский, Солсберийский, Сент-Дэвидский, графы Хантингдон, Бедфорд, виконт Монтегю.

³¹⁸LJ. Vol. I. P. 679. Состав комиссии: епископы Винчестерский, Солсберийский и Вустерский, маркиз Норхэмптон, графы Сассекс, Хантингдон, Бедфорд, Пемброк, Лестер, виконты Херефорд и Монтегю, лорд-адмирал, лорды Бёрли, Ховард из Лавборо, Уэнтуорт, Бакхёрст.

³¹⁹LJ. Vol. I. P. 683. Состав комиссии: епископы Винчестерский, Херефордский, Солсберийский и Линкольнский, графы Сассекс, Хантингдон и Бедфорд, лорды Бёрли, Кобэм, Ламли и Хастингс из Лавборо.

³²⁰LJ. Vol. I. P. 696.

³²¹Ibid. P. 680.

³²²Ibid. P. 684.

уголовных процессах в Уэльсе (25 мая)³²³. Таким образом, вновь перед нами загруженный работой пэр.

Впрочем, ряд заседаний он все же пропустил, из осторожности и нежелания кривить душой. Так, он пропустил голосование по биллю о папских буллах (21 апреля) и объявление вне закона своих родственников, графов Нортумберленда и Уэстморленда.

А в 1572 г. Монтегю не явился в парламент вовсе, передав свои полномочия троюродному брату, графу Лестеру. Желание уклониться объяснимо, поскольку собравшийся после раскрытия заговора Ридольфи парламент был одним из самых антикатолических по духу, а его члены потратили немало энергии на то, чтобы предать суду Марию Стюарт. Виконт явно не желал иметь к этому отношение, а возможно, просто опасался, что, ввязавшись в дискуссию, испортит отношения со своими придворными покровителями.

Начиная с этого времени, Монтегю уже больше не проявлял особой активности в палате, а его деятельность в большей степени касалась частных биллей. Так, в 1576 г. он работал лишь в одной комиссии, рассматривавшей билль о починке и поддержании в порядке Рочестерского моста (8 февраля)³²⁴. В 1581 г. его присутствие в палате практически неразличимо, хотя он ходил на все заседания. В 1584 г. наблюдался всплеск активности: виконта включили в состав комиссии по биллю о соблюдении дня субботного (9 декабря), по всей видимости, для того, чтобы Монтегю с его опытом работы в комиссиях и католическими взглядами провалил законопроект (что он и сделал)³²⁵. Он также участвовал в комиссиях, рассматривавших билли об опекунстве и ливрейных свитах (9 декабря)³²⁶ и против пасквилей (16 декабря)³²⁷.

В 1585 г. виконт заседал в комиссии по поводу частного билля о мощении улиц в Льюисе (Сассекс) (8 февраля)³²⁸ и судебных разбирательствах между маркизой Винчестер и сэром Генри Агтредом (9 февраля)³²⁹ относительно вдовьей доли маркизы³³⁰. 3 марта виконт и граф Сассекс были назначены представителями палаты, которым над-

³²³Ibid. P. 697.

³²⁴Ibid. P. 733.

³²⁵LJ. Vol. II. P. 70. Билль рассматривался в третьем чтении 3 марта 1585 г.; исправления, внесенные общинами, вновь передали комиссии, куда вошел виконт Монтегю. См.: Ibid. P. 91.

³²⁶Ibid. P. 70.

³²⁷Ibid. P. 74.

³²⁸Ibid. P. 79.

³²⁹Ibid. P. 80.

³³⁰Вдовствующая маркиза Винчестер (урожденная Бриджет Бриджес, 1510—1586), была в первом браке супругой сэра Ричарда Сэквила. Друг и коллега Монтегю, лорд Томас Бакхёрст, был ее сыном, так что данное разбирательство было для виконта почти «семейным» делом. Оно рассматривалось в палате с 1581 г. В 1585 г. с согласия сторон оно было передано на рассмотрение комиссии палаты лордов, в состав которой и вошел виконт Монтегю.

лежало поговорить с маркизой о решении дела³³¹. Наконец, в тот же день виконт вместе с лордом Кобэмом выступал представителем Уолтера Херендена в его тяжбе о землях с лордом Уиллоуби, вынесенной на рассмотрение палаты³³².

На заседаниях парламента 1586 г. виконт Монтегю присутствовал, но не работал в комиссиях, а в 1587 г. и 1588 г. в палате лордов его представляли троюродные братья (графы Лестер и Уорик, 1587 г.) и лорд Бёрли (1588 г.). Подобное падение активности объясняется не только ухудшившимся здоровьем виконта (и не столько им), сколько усилением антикатолических настроений в стране во время войны с католической Испанией.

§ 6. Политическое влияние виконта Монтегю в графстве Сассекс (1558—1592)

Важным аспектом политической деятельности магната было управление графством/графствами, в которых располагались их поместья. Влияние аристократов проявлялось в различных сферах: они были лордами-лейтенантами, контролировали выборы в парламент (от принадлежавших им самим парламентских боро, и от графства) и назначения на местные должности, участвовали в работе многочисленных комиссий. В данном контексте действия католика Монтегю вряд ли отличались от действий прочих аристократов, поскольку в любом случае были нацелены на усиления влияния семьи в местных делах³³³.

Виконт Монтегю и выборы в парламент

Семья Монтегю контролировала два парламентских боро: городки Мидхёрст (Сассекс), рядом с которым располагалось их «родовое гнездо», манор Каудрей, и Хейзелмир (Сарри), получивший этот статус в 1584 г.³³⁴ Контроль Монтегю над Мидхёрстом не ставился под вопрос, тогда как в Хейзелмире виконту приходилось искать компромисса с другими местными джентльменами, прежде всего, с семьей Мор из Лузли.

В 1550—1560 гг. виконт предпочитал видеть членами парламента от Мидхёрста доверенных слуг, принадлежавших к его свите. Уильям

³³¹LJ. Vol. II. P. 91.

³³²Ibid. Виконт дело проиграл.

³³³В данном разделе речь идет по большей части о Сассексе, так как контроль над графством Сарри во второй половине XVI в. постепенно переходил в руки семьи Мор.

³³⁴Hasler. Vol. I. P. 260—261, 253. Другими владельцами боро в Сассексе были герцог Норфолк (Брамбер, Хоршэм), граф Эрендел (Эрендел, влияние в Чичестере, Нью Шорхэм, Стенинг), лорд Бакхёрст (Брамберж Ист-Гринстед, Льюс), Кариллы (Брамбер после 1572 г.). Ibid. P. 255—262.

Дентон (1523—1565) заседал во всех парламентах царствования Марии I (1553, 1554, 1555, 1556 гг.) и первых двух парламентах Елизаветы I (1558—1559 гг. и 1563 г.). Дентон служил отцу виконта, сэру Энтони Брауну, в качестве дворецкого его свиты. Виконт назначил его управляющим своего манора Стедэм (Сассекс), а также земель в Саутуорке³³⁵. Генри Хейгес (ум. 1561 г.), избиравшийся в палату общин от Мидхёрста в 1555 и 1559 гг., также был слугой виконта и сопровождал его в Испанию в 1560 г.³³⁶ После смерти Хейгеса виконт отправил в парламент от Мидхёрста Эдварда Банистера (1540—1606). Банистер не принадлежал к свите Монтегю, но был его арендатором, державшим от него 1/3 манора Рашингтон³³⁷. В 1571 г. от Мидхёрста был избран арендатор виконта и владелец железоплавильни Ричард Портер (ум. 1584 г.)³³⁸. Позднее от Мидхёрста неизменно (1584, 1586, 1588—1589, 1593 гг.) избирался Томас Чёрчер, управляющий виконта и его поверенный в делах (а позднее и один из душеприказчиков)³³⁹.

Как и многие другие патроны парламентских боро, виконт оказывал при случае услуги влиятельным придворным и советникам, выдвигая их кандидатов от Мидхёрста. После смерти Дентона в 1565 г. на его место был избран Джон Феннер (1509—1566)³⁴⁰. В 1572 г. место было отдано бывшему слуге Сесила, Томасу Холкрофту (ум. 1591 г.). Похоже, однако, что виконт принял кандидата Сесила только после того (или из-за того), что его собственный кандидат был отвергнут палатой: изначально Монтегю выдвинул сэра Джорджа Гаскойна, но последнего обвинили в неумышленном убийстве и атеизме и сочли неподходящим для палаты общин. Только после этого виконт согласился выдвинуть кандидатуру человека Сесила³⁴¹. Наконец, в 1588 г. виконт выдвинул кандидатуру Сэмюэла Фокса (1560—1630), сына знаменитого протестантского историка Джона Фокса. С. Фокс был представлен виконту его другом, сэром Томасом Хинеджем (позднее он стал одним из душеприказчиков виконта, а в 1594 г. мужем его старшей дочери Мэри, вдовствующей графини Саутхэмптон)³⁴². В то же самое время виконт не забывал и о собственных интересах: все «придворные» кандидаты всегда выдвигались в паре с «его» людьми — Уильямом Дентоном или Томасом Чёрчером.

³³⁵Hasler. Vol. II. P. 30—31.

³³⁶Ibid. P. 286—287. Члены семьи Хейгес продолжали служить Монтегю: счета вдовствующей виконтессы Монтегю от 1597 г. содержат счет от Ричарда Хейгеса, сборщика ренты манора Бэттл. См.: ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 20.

³³⁷Hasler. Vol. I. P. 390. Позднее дочь Банистера вышла замуж за внука виконта, Роберта Дормера из Петерли.

³³⁸Hasler. Vol. III. P. 237.

³³⁹Hasler. Vol. I. P. 609.

³⁴⁰Hasler. Vol. II. P. 112—113.

³⁴¹Hasler. Vol. I. P. 260—261.

³⁴²Hasler. Vol. II. P. 155—156.

Еще одним возможным источником влияния на выборы в парламент от Мидхёрста был Ричард Льюкнор из Даунли (1542—1616), юрист из Миддл-Темпла, активно участвовавший в управлении графством. Льюкнор был мировым судьей с 1573 г., а также заседал в многочисленных комиссиях по сбору ополчения, пиратству, зерну и т.п. Монтегю знал его не только по совместной работе в комиссиях; Ричард Льюкнор был и семейным юристом (а в 1592 г. был назван одним из главных душеприказчиков виконта)³⁴³. Льюкнор представил Монтегю ряд коллег из Миддл-Темпла, ставших потом членами парламента от Мидхёрста: Томаса Бойера из Лейторна (1537—1595) в 1571 и 1572 гг.³⁴⁴, и Эдварда Мора в 1584 г.³⁴⁵ Позднее Льюкнор предпочитал использовать дружбу с виконтом ради укрепления позиций собственной семьи: в 1586 г. от Мидхёрста был избран его старший брат Томас Льюкнор, тоже юрист из Миддл-Темпла (1538—1596)³⁴⁶. Впрочем, виконт Монтегю был знаком с Томасом Льюкнором и по другим делам графства (см. ниже).

Ситуация в боро Хейзелмира была иной, поскольку Монтегю был здесь не единственным патроном. Другим источником влияния был друг виконта, сэр Уильям Мор из Лузли. Через него виконт, похоже, познакомился с группой лондонских юристов, после того, как сын и наследник Мора Джордж стал членом корпорации Иннер-Темпл в 1574 г. В 1584 г. виконт выдвинул кандидатуры юристов из Линкольнс-Инна, отца и сына Кристофера (ум. 1606 г.) и Марлиона (ум. 1627 г.) Ритов³⁴⁷. В 1586 г. сам Кристофер Рит выступал в качестве патрона, рекомендовав своего коллегу-юриста, Уильяма Кэмпiona из Линкольнс-Инна (1549—1615)³⁴⁸. Второй член палаты от Хейзелмира, Уильям Морган (1525—1602), был обязан избранием своему соседу, сэру Уильяму Мору³⁴⁹. В 1588 г. от Хейзелмира были избраны Джон Хейр (1544—1620), юрист из Иннер-Темпла, по всей видимости, рекомендованный сэру Уильяму Мору его сыном³⁵⁰, и Джон Хейзелригт (ум. 1612 г.). Последний мог быть обязанным своим местом в палате общин мужу сестры: Бартоломью Клерку, имевшему связи при дворе. Возможно и другое объяснение: Клерк был в дружеских отношениях с лордом Бакхёрстом и даже желал, чтобы его дочь Сесили получила образование в его доме. Поэтому возможно, что выдвижение кандидатуры Хейзелригга было редким примером вмешательства виконта Монтегю в выборы в Хейзелмире, с целью оказать услугу другу, который вскоре должен был стать и родственником³⁵¹.

³⁴³Ibid. P. 474.

³⁴⁴Hasler. Vol. I. P. 473.

³⁴⁵Hasler. Vol. III. P. 78—79.

³⁴⁶Hasler. Vol. II. P. 474—476.

³⁴⁷Hasler. Vol. III. P. 293—294.

³⁴⁸Hasler. Vol. I. P. 532.

³⁴⁹Hasler. Vol. III. P. 96.

³⁵⁰Hasler. Vol. II. P. 251.

³⁵¹Ibid. P. 268. Внук и наследник виконта, Энтони Мария Браун, в 1591 г. женился на дочери лорда Бакхёрста Джейн.

Принято считать, что после 1566 г., когда всех членов нижней палаты обязали приносить присягу о признании королевской супрематии, виконт Монтегю больше не мог выставлять кандидатуры католиков от Мидхёрста и поэтому вообще утратил интерес к данному вопросу³⁵². Это утверждение неверно: и до, и после 1566 г. католики избирались в парламент от Мидхёрста. Все члены палаты от этого боро в первых парламентах Елизаветы были католиками (Генри Хейгес, Уильям Дентон и Эдвард Банистер). Введение присяги означало, что Банистер — известный католик, позднее имевший немало неприятностей из-за своей практики *recusancy*, лишился возможности быть избранным. Однако среди парламентариев Монтегю и после 1566 г. было немало католиков-конформистов, так называемых «церковных папистов».

Среди известных (или находившихся под подозрением) «церковных папистов» были Томас Чёрчер, Томас Льюкнор (его брат Эдмунд был католическим священником, а другой, Джордж, рекузантом) и Эдвард Мор. К ним необходимо добавить и Ричарда Льюкнора (имевшего родственников-католиков).

Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что Монтегю сознательно стремился выдвигать своих единомышленников. Скорее, его выбор определялся стремлением установить и сохранить связи в графстве, которые демонстрировали бы высокий статус и престиж семьи. Для виконта местные связи были тем более важны, что он был относительно новым человеком в Сассексе: там поселился его отец, ранее же семья была связана с Сарри и Кентом. Поэтому выбор членов парламента для Монтегю был частью политики патроната, формировавшую сеть личных контактов, охватывавшую графство, парламент и двор.

С другой стороны, не стоит удивляться тому, что среди тех, кто искал покровительства католического магната, было немало католиков или людей, связанных с ними родственными и/или дружескими узами. Даже когда Монтегю имел дело с протестантами, они не относились к числу фанатиков-пуритан и были, по крайней мере, терпимы к своему патрону-католику, если не попустительствовали ему и его семье. Одним из таких протестантов был сэр Уильям Мор; его дружбе с виконтом во многом способствовала та легкость, с какой он мог распоряжаться выборами в Хейзелмире, практически без вмешательства Монтегю. А расположение шерифа Сассекса и Сарри, а позднее — вице-адмирала Сассекса и заместителя лейтенанта Сарри и Сассекса, доверенного лица Уильяма Сесила, Лестера и Уолсингэма, немало значила для магната-католика, особенно в годы войны с Испанией.

Те же самые тенденции — покровительство местным семьям, в том числе католикам и умеренным протестантам с хорошими связями — прослеживается и в отношении Монтегю к выборам представителей графства Сассекс. В начале царствования среди них доминировали представители семьи Сэквиллов и их клиенты и родственники. Так, в

³⁵²Hasler. Vol. I. P. 260—261.

1559, 1562—1563 и 1566 гг. графство представлял сэр Ричард Сэквилл³⁵³. В 1566 г., после его смерти, освободившееся место занял Джон Эпли³⁵⁴. Пару сэру Ричарду составляли члены других старых сассекских фамилий, например, Джон Карилл (ум. 1566 г.), коллега сэра Ричарда по Иннер-Темплу (1559 г.)³⁵⁵, и Уильям Даутри (ум. 1591 г.)³⁵⁶. Последний был, в отличие от Карилла, обязан своим избранием не Сэквиллу, а Монтегю: его первой женой была Маргарет Роупер, золовка сестры виконта Люси Браун (см. главу I). Эпли же был клиентом Сэквиллов.

Контроль Монтегю и Сэквилла-младшего (теперь — лорда Бакхёрста) в 1571 г. несколько пошатнулся. Представителями графства были избраны сэр Томас Палмер (ок. 1520—1582) из Пархэма³⁵⁷, относившийся к клиентеле графа Эрендела, и Джон Пелэм из Лаутона (1537—1580). Оба принадлежали к старым семействам графства, обладали немалым влиянием и не слишком жаловали лордов-лейтенантов. Джон Пелэм был кузеном лорда Бакхёрста³⁵⁸, однако был с ним в плохих отношениях: в 1571 г. он, будучи шерифом, поддержал Джорджа Горинга против Бакхёрста в их споре относительно порубки леса в Бэлните (близ Льюиса)³⁵⁹.

Бакхёрст и Монтегю отыгрались в 1572 г., обеспечив победу на выборах Джона Джеффри (1524—1578) — зятя Джона Эпли³⁶⁰, и Томаса Ширли из Уистона (1542—1612). Последний был членом влиятельной местной семьи и протееже графа Лестера³⁶¹; таким образом, обеспечивая его избрание, Монтегю оказывал услугу своему могущественному родственнику. На следующих выборах (1581 г.) скончавшегося Джеффри сменил местный дворянин, сэр Уолтер Коверт (ок. 1543—1632)³⁶². Он сам располагал большим влиянием в графстве, и не был обязан своим избранием лордам-лейтенантам. К тому же он был убежденным протестантом и «прославился» преследованием католиков в графстве. Неудивительно, что Монтегю и Бакхёрст на следующих выборах выставили своих кандидатов — Роберта Сэквила (сына лорда Бархёрста) и Томаса Ширли. Отнюдь не все в графстве были этому рады. В октябре 1584 г. появились соперники — Джордж Горинг и Герберт Пелэм (принадлежавшие к клиентам покойного графа Эрендела), однако они проиграли выборы, поскольку и Бакхёрст, и Монтегю надавили на шерифа, Уолтера Коверта, потребовав избрать своих кандидатов³⁶³.

³⁵³Hasler. Vol. I. P. 255.

³⁵⁴Ibid.

³⁵⁵Ibid. P. 561—562.

³⁵⁶Hasler. Vol. II. P. 27—28.

³⁵⁷Hasler. Vol. III. P. 169.

³⁵⁸Его матерью была тетка Бакхёрста Энн Сэвил.

³⁵⁹Hasler. Vol. III. P. 193—194.

³⁶⁰Hasler. Vol. II. P. 374—375.

³⁶¹Hasler. Vol. III. P. 375—376.

³⁶²Hasler. Vol. I. P. 255—256.

³⁶³Manning R. Anthony Browne. P. 108.

В 1586 г. исход выборов вновь оказался вне контроля Бакхёрста и Монтегю, лишившихся постов лордов-лейтенантов. В результате были избраны сэр Уолтер Коверт и Томас Пелэм, брат Джона. Т. Пелэм был женат на племяннице Фрэнсиса Уолсингэма Мэри³⁶⁴, поэтому Монтегю вряд ли пришло бы в голову оспаривать такую кандидатуру. В 1588 г. ситуация повторилась: избранным оказался Томас Палмер из Энгниринга (1542—ок. 1616), убежденный протестант, не испытывавший особой любви к прежним патронам семьи — Эренделам. В 1574 г. он даже провел несколько дней в тюрьме Флит за оскорбительные слова в адрес графа Эрендела. Это, впрочем, не мешало ему работать позднее в качестве заместителя лорда-лейтенанта Бакхёрста в 1585—1591 гг.³⁶⁵ Вторым был избран Генри Невилл (1562—1615) — тоже протестант и супруг племянницы Сесила Энн Киллигру³⁶⁶. Таким образом, с началом войны с Испанией позиции виконта в графстве пострадали: соперники за влияние на местные дела усмотрели в его конфессиональной принадлежности уязвимое место, ограничение его возможностей вмешательства.

Конфессиональная принадлежность играла более важную роль на выборах в графстве, поскольку здесь было больше противоборствующих группировок. Патроны зачастую предпочитали не рисковать, выдвигая кандидата-католика. Поэтому католики от графства Сассекс избирались лишь в начале царствования Елизаветы I, в 1559 (Джон Карилл), 1563 и 1566 гг. (Уильям Даутри и Джон Эпли). Позднее от графства избирался только католик-конформист сэр Томас Палмер, однако он был обязан своим избранием не Монтегю, а его сопернику, другому католическому магнату — графу Эренделу.

Однако не стоит забывать о католических родственниках. И в данном случае отнюдь не безгрешен был лорд Бакхёрст. Его сын Роберт был женат на обращенной католичке Маргарет Ховард (сестре графа Эрендела). Скандал с ее обращением в католичество (1585 г.) сыграл негативную роль в карьере мужа и свекра: Роберт проиграл парламентские выборы 1586 г., хотя позднее представлял Сассекс в парламентах конца царствования Елизаветы и первых парламентах Якова I, а лорд Бакхёрст временно (в 1585 г.) лишился поста лорда-лейтенанта³⁶⁷.

Монтегю и избрание на местные должности: покровительство местным католикам.

Выборы в парламент вызывали более пристальное внимание правительства, нежели назначение на должности мировых судей, заседавших в многочисленных комиссиях, и даже шерифов. Поэтому среди них, в отличие от членов парламента, присутствовало довольно значительное

³⁶⁴Hasler. Vol. III. P. 194—195.

³⁶⁵Ibid. P. 168.

³⁶⁶Ibid. P. 122—123.

³⁶⁷Manning R. Anthony Browne. P. 111.

число католиков, большинство которых было обязано своими должностями покровительству Монтегю.

В своем исследовании, посвященном Сассексу, Р. Мэннинг приводит список католических семей, члены которых избирались в местные органы власти в царствование Елизаветы. 2/3 включенных в него католиков так или иначе связаны с Монтегю. В этом списке присутствуют родственники Монтегю — Тетчеры из Прист Хейес³⁶⁸, Гейджи из Фёрла и из Бентли и Калпеперы из Уейкхёрста³⁶⁹. Породнились с семьей виконта (уже после его смерти) и Кариллы (в большой семье было несколько линий, все католические). Однако еще будучи лордом-лейтенантом, виконт помог католику Эдварду Кариллу стать шерифом Сассекса в 1571 г.; он также был мировым судьей в 1580-х и 1590-х гг. А Джон Карилл из Уорнэма стал шерифом в 1588 г., уже после отставки виконта, но благодаря его посредничеству. В 1591 г. он получил рыцарское звание во время визита Елизаветы в Каудрей (см. выше). В 1588 г. по настоянию лорда Бакхёрста правительство, нуждавшееся в сохранении стабильности в южных графствах, назначили на соответствующие посты все предложенные Монтегю кандидатуры. Помимо Карилла, речь шла и о представителе другой католической семьи. 27 июля 1588 г. Тайный Совет отменил собственное распоряжение и оставил на посту капитана округа (*rare*) Хастингса³⁷⁰ Адама Эшбёрнэма³⁷¹. В округе Хастинс находится Бэттл — одно из двух основных поместий Монтегю, и именно виконт там был самым знатным дворянином. До 1585 г. его слово было решающим при выборе кандидатов на должности в ряде округов графства, а после того, как виконта лишили поста лорда-лейтенанта, ему было дано обещание учитывать его пожелания при назначениях. Одним из людей Монтегю был и католик-конформист Адам Эшбёрнэм. По всей видимости, в условиях войны правительство пыталось уменьшить влияние католических магнатов юга страны, постепенно лишая их ставленников постов в графствах. Жертвой этой тенденции едва не оказался и капитан округа Хастинс. Эта должность была тем более важной, что предполагала командование местным ополчением. Кроме того, Хастинс — портовый город, являвшийся потенциальным местом высадки испанского десанта, и «славивший-

³⁶⁸Энн Гейдж, сестра матери виконта, вышла замуж за Джона Тетчера. Его дети приходились Монтегю кузенами.

³⁶⁹Manning R. Religion and Society. P. 268—270.

³⁷⁰Сассекс — единственное графство Англии, делившееся на округа, именовавшиеся *rare* (рейп), а уже потом — на сотни.

³⁷¹Адам Эшбёрнэм, эсквайр (ум. 1597 г.) — дворянин, владевший манорами в Сассексе (Бромэм) и Кенте (Ист-Пекэм). Старшая ветвь рода — Эшбёрнэмы из Эшбёрнэма — были известными в графстве католиками-рекузантами. Представители младшей ветви были конформистами, присутствовавшими время от времени на протестантской литургии, как того требовал закон. См.: Manning R.B. Religion and Society. P. 268—269.

ся» контрабандной торговлей. Именно через него в Англию проникли католические священники и запрещенная католическая литература. В таком контексте смещение католика Эшбёрнэма с поста кажется совершенно обоснованным с точки зрения безопасности режима. Однако этот шаг натолкнулся на сопротивление виконта Монтегю, усмотревшего в нем прямое ущемление своих интересов. И Тайный Совет в опасной обстановке 1588 г. предпочел согласиться на его требования.

Кроме перечисленных семейств, в Сассексе должности занимали также представители уже упомянутой семьи Эпли³⁷², и Фортескью из Хартинга, а также тесно связанные с виконтом Льюкноры³⁷³. Томас Льюкнор (католик-конформист) был мировым судьей в графстве с 1575 г., капитаном сотни (*rape*) Чичестера в 1580 и 1584 гг., а также заседал в комиссиях по сбору ополчения, пиратству, зерну и др. (вместе со своим братом Ричардом)³⁷⁴.

К списку Мэннига стоит добавить и Уильяма Даутри. Его карьера не прерывалась после избрания в парламент в 1563 г.; он неоднократно занимал пост мирового судьи в 1560 и 1570-х гг., а в 1576 г. виконт рекомендовал его на должность помощника шерифа³⁷⁵.

Конечно, виконт был не единственным патроном католиков в Сассексе. Палмеры³⁷⁶, Пелэмы³⁷⁷ и Стаутоны³⁷⁸ были обязаны своими должностями не ему, а графу Эренделу. Однако влияние виконта в графстве (особенно после смерти Генри Фицалана, графа Эрендела в 1580 г.) играло огромную роль в сохранении благоприятной для католиков среды, позволявшей им участвовать в политической жизни графства при минимальном соблюдении требований закона относительно посещения церквей, а то и без этого.

³⁷²Джон Эпли (сын упомянутого выше члена Парламента), был шерифом в 1568—69 гг.; в 1579 г. он арестован и отправлен в тюрьму Флит за то, что наставник его детей был тайно прибывшим в Англию католическим миссионером. См.: *McCann T. Catholic Schoolmasters in Sussex, 1558—1603 // RH. 1974. Vol. 12. P. 235; APC, 1578—1580. P. 77, 88.*

³⁷³*Manning R. Religion and Society. P. 268—270.*

³⁷⁴*Hasler. Vol. II. P. 474—476.*

³⁷⁵*Ibid. P. 27—28; Manning R. Anthony Browne. P. 108.*

³⁷⁶Сэр Томас Палмер из Пархэма, один из вассалов Эрендела, был заместителем лорда-лейтенанта в 1569 г., шерифом в 1559—1560 гг., мировым судьей в 1547 г.

³⁷⁷Речь идет о сэре Уильяме Пелэме из Бруклсби и его брате Эдмунде Пелэме. См.: *Hasler. Vol. III. P. 194—197.* Эдмунд Пелэм не слишком жаловал своих родственников Сэквилов, но был в хороших отношениях с Монтегю, особенно с леди Магдален и внуком первого виконта.

³⁷⁸Томас Стаутон вел счета графа Эрендела и избирался в парламент от Чичестера в 1550-х и 1563 гг., а также был мировым судьей в графстве Сарри и заседал в комиссии по сбору ополчения. См.: *Hasler. Vol. III. P. 453.* С виконтом Монтегю они не ладили; последний обвинял его и его брата Адриана в незаконной охоте в Гилфорд-парке. *Loseley MSS. P. 616.*

Даже в 1588 г., когда правительство в условиях угрозы испанского вторжения стремилось очистить ряды мировых судей от католиков, пострадал только Уильям Даутри, тогда как Томас и Ричард Льюкноры, а также Джон Калпепер и Джон Уайлдгуз, сохранили свое положение³⁷⁹.

Примечательно, что виконт Монтегю вроде бы не был задействован в охватившем графство в 1577—1578 гг. скандале, закончившемся отзывом полномочий епископа Чичестерского Ричарда Кёртиса³⁸⁰. Последний умудрился настроить против себя как католиков, которых начал преследовать, так и пуритан; кроме того, он вмешивался в местную торговлю зерном, затрагивая тем самым интересы многих, включая самого Монтегю. М. Кестье считает, что виконт не желал вступать в прямую конфронтацию с режимом (в лице епископа)³⁸¹. Возможно также, что причиной его невмешательства было то обстоятельство, что движущей силой кампании была соперничающая католическая группировка в графстве, т.е. люди Эрендела. Отношения с ним у виконта далеко не всегда были сердечными, а у членов их свит дело доходило до столкновений. Так, летом 1572 г. слуга виконта Филипп Меллерш произнес «непристойные и нестерпимые слова, затронувшие графа Эрендела и лорда Ламли»³⁸². А еще раньше (февраль 1564 г.) Тайный Совет рассматривал дел Томаса Стаутона, джентльмена из свиты Эрендела, слуга которого ранил в стычке слугу брата виконта, Генри Брауна³⁸³.

В деле же Кёртиса главным жалобщиком, помимо Бойера, был сэр Томас Палмер, тоже вассал Эрендела³⁸⁴. Однако вполне возможно, что Монтегю, не участвовавший в кампании открыто, все же имел к ней отношение. Его посредником в данном случае выступал сэр Томас Льюкнор из Силси — католик-конформист, который в 1590-х гг. избирался в парламент от Мидхёрста (см. выше). И именно Льюкнор сообщал Монтегю о вмешательстве Кёртиса в торговлю зерном, затрагивавшем интересы виконта. Таким образом, Монтегю при посредничестве своего человека все же контролировал потенциально взрывоопасную ситуацию.

³⁷⁹BL, Lansdowne MS 53/80. F. 164. См.: Дмитриева О.В. В поисках надежного мирового судьи: чистки местной администрации в елизаветинской Англии // Средние века. М., 1995. Вып. 58. С. 48—68, особ. С. 56—57.

³⁸⁰Предлогом для отзыва полномочий Кёртиса стал скандал вокруг его брата, викария в Кукфилде. Тот обвинил местного дворянина Генри Бойера (пуританина!) в том, что от него забеременела служанка. Бойер немедленно выступил с контробвинениями аналогичного содержания. Дело дошло до Тайного Совета. Ричард Кёртис отказался лишить брата прихода, и в итоге сам потерял власть с своей епархии. Подробнее см.: Manning R. Religion and Society. P. 113—125.

³⁸¹Questier M.C. Catholicism and Community. P. 152.

³⁸²Loseley MSS. P. 624: письмо Монтегю сэру Уильяму Мору от 29 июля 1572 г.

³⁸³APC, 1558—1570. P. 193, 200.

³⁸⁴Questier M.C. Catholicism and Community. P. 152.

Необходимо помнить, что покровительство, оказывавшееся виконтом и членами его семьи местным дворянам-католикам, было возможным лишь благодаря эффективности его деятельности в качестве лорда-лейтенанта графства, ценимой правительством. Переписка виконта с сэром Уильямом Мором — коллегой по многочисленным комиссиям и заседаниям сессий мирового суда — показывает его занимающимся многочисленными рутинными делами, касавшимися поддержания порядка в графстве, сохранения охотничьих угодий, борьбы с незаконными огораживаниями и др.³⁸⁵

Переписка же Монтегю с Тайным Советом, как правило, касалась стратегических вопросов — снабжения Лондона зерном, которое шло в столицу из Сассекса, или, по крайней мере, через него. Поставки зерна упоминаются в посланиях Совета от мая 1573 г., сентября 1576 г. (нехватка продовольствия в Лондоне), апреля 1577 г., октября 1581 г. и даже февраля 1587 г.³⁸⁶, когда виконт, уже не будучи лордом-лейтенантом, оставался членом соответствующей комиссии.

Однако главной заботой правительства оставалось местное ополчение. Сассекс, как прибрежное графство, был целью возможного вторжения. Кроме того, именно там (как и в других юго-восточных графствах) набирали отряды для экспедиций во Францию. Поэтому деятельность Монтегю во главе комиссии графства по сбору ополчения всегда имела большое значение. Даже в мирное время виконт постоянно информировал столицу о состоянии дел (письма от 30 июня 1569 г., 2 июня 1572 г., 2 июня 1573 г., 15 августа 1574 г., 22 октября 1577 г.)³⁸⁷ В свою очередь, Тайный Совет регулярно отмечал деятельность виконта, а 21 августа 1587 г. даже отправил ему особую благодарность за то, с какой скоростью уже немолодой Монтегю достиг южного побережья, как только прошли слухи о появлении неподалеку испанской эскадры³⁸⁸. Монтегю также снабжал армию пушками, произведенными в Сассексе³⁸⁹. А в 1588 г., как уже упоминалось, он собрал отряд (из своих людей), как минимум часть которого оставалась оборонять графство от возможного вторжения. Отряд состоял из 20 полукопий, 60 легковооруженных всадников, аркебузирова и лучников (количество не указано), 100 копейщиков³⁹⁰.

Эффективность виконта как организатора сбора ополчения, не всегда, впрочем, была столь же высокой. Если сбор отрядов, предназначенных для обороны графства, всегда проходил довольно легко, то вот отряды, которым предстояло отправиться воевать во Францию в союзе с

³⁸⁵Loseley MSS. P. 616—618, 622, 625, 627, 631.

³⁸⁶APC, 1571—1575. P. 104; APC, 1575—1577. P. 206, 233; APC, 1581—1582. P. 242; APC, 1586—1587. P. 338.

³⁸⁷CSP Domestic, 1547—1580. Vol. 51. P. 20; Vol. 58. P. 1; Vol. 91. P. 40; Vol. 98. P. 12; Vol. 116. P. 22.

³⁸⁸APC, 1586—1587. P. 198.

³⁸⁹APC, 1578—1580. P. 346.

³⁹⁰APC, 1588. P. 170—171.

гугенотами, оставляли желать лучшего. Выше уже шла речь о недовольстве лорда Уиллоуби отрядами из Сассекса в 1591 г., хотя возможно, что уже больной виконт не имел к их набору непосредственного отношения. Однако в 1563 г. Монтегю оспаривал приказ Тайного Совета относительно необходимости сбора дополнительных отрядов на помощь гугенотам в Гавре. На тот момент Сассекс уже отправил несколько отрядов (в 1562 г.), и виконт собирал еще 1000 человек, согласно приказу из Лондона. Он уже набрал 600 человек, и собирал оставшихся 400, когда пришел новый приказ о дополнительном наборе еще 600 человек. Здесь терпение виконта кончилось, и он отправил в Лондон довольно резкое письмо, в котором высказал сомнения как относительно разумности такого опустошения графства (которое вообще-то могло оказаться целью французской атаки-возмездия), так и относительно необходимости всей кампании в целом³⁹¹. Таким образом, несогласие с политическими целями правительства виконт порой выражал, практически саботируя его распоряжения.

* * *

На всем протяжении своей 45-летней политической карьеры виконт Монтегю был вовлечен в управление страной, несмотря на открыто декларируемое несогласие с религиозной политикой монархов (Эдуарда VI и Елизаветы). Однако параметры диалога власти и религиозных диссидентов постоянно изменялись.

Пришедший на политическую сцену в годы частой смены официальной религии (1540—1550-е гг.), виконт Монтегю явно не считал конфессиональную принадлежность критерием включения в состав правящей элиты, или исключения из нее. А вот лояльность правителю и стране для него таким критерием, безусловно, являлась.

В 1550-х гг. такие взгляды совпадали с представлениями других представителей элиты. Неслучайно поэтому политическая карьера виконта не прерывалась, несмотря на частые смены режимов, а также и открыто декларировавшиеся им католические взгляды.

Первое десятилетие правления королевы Елизаветы во многих отношениях представлял собой период экспериментов, в том числе и в том, как именно королеве-протестантке необходимо было строить отношения со своей католической знатью. Диалог был далеко не всегда удачным, о чем свидетельствовал кризис 1568—1570-х гг. Он, с одной стороны, привел к вытеснению из рядов правящей элиты нелояльных магнатов, но, с другой, заставил корону включить в ее состав тех из католиков, которых можно было счесть лояльными. Компромисс позволил выработать механизм включения католических дворян в политическую систему на уровне управления графствами, что отчетливо видно на примере деятельности Монтегю в качестве лорда-лейтенанта Сассекса.

³⁹¹BL, Harleian MS 6990. F. 45.

Война с Испанией негативно сказалась на положении магнатов-католиков, позиции которых в графствах оказались под угрозой. Виконт Монтегю в это время лишился поста лорда-лейтенанта и вынужден был реализовывать свое политическое влияние косвенным образом, через оставшиеся ему доступными каналы, обеспечивавшиеся узами дружбы и родства. Подобная ситуация обуславливалась не только — и не столько — войной с Испанией, сколько тем, что ее вызвало, а именно, появлением на политической сцене нового поколения политиков, протестантов и католиков, привыкших мыслить в категориях конфессионального конфликта. Ведь они, в отличие от виконта, родились не в едином христианском сообществе, и противостояние религиозных общин было единственной реальностью, которую они знали.

Карьера «неудачника»? Энтони Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574–1629), на английской политической сцене.

Десятилетия конфессионального конфликта значительно изменили английскую политическую сферу. В данной главе рассматриваются параметры политического диалога католической аристократии с властью в новых условиях — в годы войны с Испанией, ожидания династического кризиса после смерти королевы Елизаветы, не спешившей называть своего наследника, и смены династии. Реконструируется и анализируется политическая деятельность второго виконта Монтегю: его участие в управлении графством Сассекс, работе парламента, а также и в политических интригах английского католического сообщества.

§ 1. Первые шаги в политике: 1592–1603 гг.

Возможности включения в политическую жизнь у братьев первого виконта Монтегю и его сыновей были гораздо более ограниченными, чем у главы семейства. На них, в отличие от главы рода и носителя титула, распространялись требования законов, предписывавших всем должностным лицам, в том числе и местным магистратам — мировым судьям, а также членам палаты Общин — перед вступлением в должность приносить присягу, в которой королева признавалась главой церкви. Католики должны были либо идти на весьма серьезный компромисс со своей совестью, либо уйти с политической сцены. Кто-то предпочитал идти на уловки, например, приносить присягу, опуская данный параграф при попустительстве дружественных магистратов, или же произносить вместо нее невнятный набор звуков. Другие же, и в их числе представители семьи Браун, отказывались от компромиссов.

В результате младшие представители семейства, не защищенные титулом, были вынуждены искать применения своей энергии в рамках католического сообщества, ставшего для них и основной политической ареной. Порой это означало причастность к заговорам. Выше уже упоминалось, что в 1572 г. был арестован сын виконта, сэр Генри Браун, подозревавшийся в причастности к заговору Ридольфи¹. А в 1586 г., после раскрытия заго-

¹ См. главу III.

вора Бабингтона, в Хенли-парке, поместье его брата, сэра Фрэнсиса Брауна, был произведен обыск, поскольку среди друзей последнего оказались и заговорщики. Правда, обыск был проведен сэром Уильямом Мором — другом виконта. И именно в доме Мора сэр Фрэнсис Браун провел следующие два года под домашним арестом (его освободили 3 ноября 1588 г.)². Условия его пребывания там явно не были слишком тяжелыми; впоследствии виконт благодарил своего друга за снисходительность и заботу, проявленные к брату³. Под арестом оказывался и другой брат виконта, Уильям Браун, хотя в данном случае причины неясны. Но в 1591 г. виконт писал лорду Бёрли, выказывая благодарность за помощь в его освобождении⁴.

Однако по большей части политическая активность младших представителей рода Браунов выражалась в покровительстве католическим священникам, нелегально прибывавшим в Англию, и в поддержке их деятельности. Выше уже упоминалось, что сэр Фрэнсис Браун оказывал действенную помощь первым иезуитам-миссионерам, появившимся в Англии — Роберту Парсонсу и Эдмунду Кэмпью в 1580—1581 гг., предоставив в их распоряжение свои дома в Лондоне (Саутуорк) и Хенли-парк (Сарри) для проповеди, организации синода католического духовенства (1580 г.) и публикации памфлетов⁵.

Позднее сэр Фрэнсис стал патроном и других иезуитов. В его лондонском доме (приход Св. Спасителя, Саутуорк) отслужили свою первую мессу по прибытии в Англию Генри Гарнет и Роберт Саутуэлл. Саутуэлл также был полемистом, и сэр Фрэнсис позволил разместить в доме его подпольную типографию⁶. В 1586 г. сэр Фрэнсис и его брат оказывали покровительство иезуиту Уильяму Уэстону⁷, при том, что правительство не склонно было рассматривать укрывательство иезуитов и помощь в организации миссии как политически нейтральную деятельность. С 1585 г. за это предполагалась смертная казнь.

Кроме того, в 1585 г. сэр Фрэнсис принял участие в составлении «Петиции верноподданных католиков», просивших королеву даровать его единоверцам свободу исповедания, редактором которой стал его родственник сэр Томас Трешэм, а среди подписавших оказались и другие члены католических кланов, связанные с семьей Монтегю родственными узами — лорд Вокс из Хэрроудена и лорд Эренделл⁸. Петиция вызвала резко негативную реакцию Елизаветы, и на протяжении остальных 18 лет ее царствования

² Там же.

³ Looseley MSS. P. 642, 645, 664.

⁴ BL, Lansdowne MS 68. F. 20.

⁵ См. главу III.

⁶ Manning R.B. Anthony Browne. P. 109—110.

⁷ PRO, SP12/188/37. F. 118. В донесении агента не упомянуто имя другого брата. Это мог быть Генри или Уильям Браун.

⁸ Tresham Papers // Historical Manuscripts Commission. Vol. III. P. 37—42; Manning R.B. Richard Shelley of Warminghurst and the English Catholic Petition for Toleration of 1585 // RH. 1961—1962. Vol. 6. P. 265—274, особ. P. 270; Сергина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 166.

подписавшие ее католики не могли рассчитывать ни на какую карьеру. И хотя братья виконта были благодаря его влиянию защищены от угрозы прямого преследования, они приобрели репутацию неблагонадежных.

Сыновья виконта не избежали той же участи, хотя после 1572 г. никто из них не был даже косвенно вовлечен в антиправительственные заговоры. Однако все они, в отличие от отца, порой оказывали помощь иезуитам. А «нормальная» для молодых дворян их круга политическая карьера, с прохождением низших ступеней, т.е. заседания в комиссиях магистратов графств, пост мирового судьи и, наконец, избрание в палату Общин, была для них закрыта по одной причине: из-за принципиального отказа членов семьи Браун приносить присягу, предполагавшую признание ими королевской супрематии. Виконт, впрочем, принял меры к тому, чтобы его сын и наследник получил представление о том, как работает английский политический механизм. Стать мировым судьей сэра Энтони не мог, однако отец передал ему свою должность хранителя королевского охотничьего парка в Сассексе, а в начале 1580-х гг. часто делегировал ему полномочия лорда-лейтенанта графства⁹. Младшие сыновья при жизни королевы Елизаветы не участвовали в политической жизни страны даже на уровне графства.

Политическая карьера второго виконта Монтегю также демонстрировала серьезные отклонения от модели, которую его дед признал бы нормальной. Сэр Энтони Браун скончался на несколько месяцев раньше своего отца, поэтому в ноябре 1592 г. титул унаследовал его старший сын, Энтони Мария Браун, которому тогда было всего 18 лет. В первое время, до и сразу после достижения им совершеннолетия, он в своих политических шагах руководствовался советами старших родственников — вдовствующей виконтессы Монтегю и своего тестя, лорда Бакхёрста (на дочери которого Джейн он женился в 1592 г.), а также и близких друзей младшего поколения. Однако постепенно на сцене появился самостоятельный политик, состоявший в оппозиции к режиму.

Действия правительства во многом спровоцировали превращение Монтегю в оппозиционера. Сразу после смерти первого виконта Монтегю его домочадцы испытали беспрецедентное давление. В его доме в Мидхёрсте прошли обыски и аресты католиков. Первым, в январе 1593 г., был арестован один из слуг, Роберт Голдсмит¹⁰. Арестовал его Ричард Янг, один из помощников печально известного Ричарда Топклиффа, имевшего от Тайного Совета лицензию на поимку и пытки католических священников, а также всех тех, что был причастен к их укрывательству¹¹. На рубеже 1580—1590-х гг. Топклифф, одержимый патологическим стремлением к поимке иезуита Роберта Саутуэлла, проводил обыски и аресты в домах католиков, надеясь напасть на след

⁹ Loseley MSS. P. 662.

¹⁰ CRS. Vol. 60. P. 50.

¹¹ О Топклиффе см.: ODNB online, <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27550>.

Саутуэлла и его покровителей. Именно их и пытался найти Топклифф среди домочадцев Монтегю, лишившихся защиты покойного виконта.

24 июня 1593 г. Тайный Совет распорядился, чтобы мировые судьи из графства Сарри, Уильям Морган, Джордж Мор (сын старого друга виконта, Уильяма Мора), Лоренс Стаутон и Топклифф, задержали нескольких подозреваемых, входивших ранее в свиту первого виконта Монтегю, а теперь — его вдовы. Список включал в себя священников Роберта Грея, Денби, Фрэнсиса Райделла и Таунсенда (или Томпсона), а также джентльменов из свиты — Энтони Флетчера, Фрэнсиса Гауэра и Эдварда Уайборна¹².

16 июля предписание аналогичного содержания было вновь направлено Топклиффу, которому было приказано задержать вышеупомянутых лиц и конфисковать их бумаги. Помощь ему при этом должны были оказать мировые судьи Сассекса Ричард Блаунт, Джон Рид, Генри Горинг и Генри Эпли¹³. Соответствующие предписания были отправлены и этим джентльменам¹⁴.

С точки зрения правительства кампания оказалась на редкость неэффективной: ни один из поименованных в списке джентльменов свиты Монтегю не был арестован: по всей видимости, местные магистраты не нашли в их действиях ничего особо предосудительного. Из священников арестовали престарелого капеллана виконта Энтони Гарнета (которого вообще нет в списке), Ричарда Грея и Фрэнсиса Райделла, причем последних Топклифф сумел задержать лишь на севере страны¹⁵.

Арестованные священники Гарнет и Грей были отправлены в лондонские тюрьмы Гейтхаус и Маршалси соответственно, но 26 августа 1593 г. они, как люди преклонного возраста, были помещены под домашний арест (по всей видимости, в доме архиепископа Кентерберийского Уитгифта)¹⁶, а в декабре 1594 г. освобождены¹⁷.

Из событий лета 1593 г. явствует, что большая часть мировых судей, многие из которых были друзьями и/или родственниками Монтегю, не просто не выказала рвения в преследовании их домочадцев-католиков, но фактически саботировала их, предотвратив аресты католиков-джентльменов, и не оказав Топклиффу никакого содействия при поимке беглых священников Грея и Райделла. Таким образом, выстроенная старым виконтом система контактов с дворянством юга Англии продолжала защищать семью и домочадцев и после его смерти.

¹² APC, 1592—1593. P. 328—329.

¹³ Ibid. P. 399—400.

¹⁴ Ibid. P. 406.

¹⁵ CSP Domestic, 1591—1594. P. 372, 380—381.

¹⁶ APC, 1592—1593. P. 487.

¹⁷ *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 249. Освобождение священников было связано с их согласием признать королеву главой английской церкви. Вскоре после выхода на свободу Гарнет, впрочем, вновь вернулся к практике recusancy, за что и предстал пред судом в 1597 г. (Саутуорк). См.: *Cockburn J. Surrey Assizes: Elizabeth*. № 2713.

Однако молодому виконту обыски и аресты показались, скорее, проявлениями немотивированной враждебности со стороны правительства, и явно способствовали «отталкиванию» его к стороне оппозиции. К тому примерно в то же самое время он пережил глубокий личный кризис, сказавшийся на всей его дальнейшей карьере.

В июне 1593 г. у виконта родился первенец-сын, и он планировал устроить пышные крестины. Крестными родителями наследника должны были стать королева, лорд Бёрли и граф Сассекс¹⁸. Очевидно, что подобная церемония могла иметь место только в церкви и совершаться по англиканскому обряду. Для семьи первого виконта подобные действия были нормальной практикой (подробнее см. часть II, главу II). Однако младенец заболел и скончался в тот самый день, который был назначен для его крестин. Умиряющего ребенка спешно крестила повитуха.

Виконт считал, что Господь наказал его за слабость. Подобные настроения виконта поддерживал и его друг, член его свиты, и, по всей видимости, авторитет в вопросах веры, сассекский джентльмен Роберт Барнс (известный католик, изрядно пострадавший за свою веру). Тогда же виконт принял решение крестить других детей (если они будут) по католическому обряду¹⁹.

Однако воплотить это решение на практике оказалось не так-то просто. Следующий ребенок, дочь Мэри, родился в мае 1594 г. в Лондоне, лорда Бакхёрста, отца леди Монтегю (по обычаю, она отправилась рожать в дом родителей), а ее муж находился в родовом маноре Каудрей и прибыл в Лондон лишь спустя почти неделю после родов. Там он сам совершил обряд крещения²⁰.

Поскольку тесть виконта, лорд Бакхёрст, планировал устроить пышные крестины и уже начал подготовку, которую пришлось спешно свернуть, слухи о поступке Монтегю неминуемо распространились по Лондону. Вскоре виконт был арестован, подвергнут допросу, который вели лорд-хранитель печати Пикеринг и архиепископ Кентерберийский, и отправлен под домашний арест, под надзор тестя. В его лондонской резиденции он находился примерно до середины 1595 г.²¹

В ходе допросов виконт был вынужден назвать имена джентльменов-рекузантов из своей свиты: это были дворяне его свиты Роберт Гейдж, Уильям Денби, Кристофер Уитью [Уитхейр], Джон Уэбб, и Николас Ригби, а также Генри Уотсон и его жена, бывшая кормилица Монтегю, и Джон Ардерн, лесничий. Наконец, к протоколу допро-

¹⁸ Woking, Surrey History Commission, LM 6729/9/34; LM 6729/10/87. Двоюродный дядя виконта, Генри Рэдклиф, граф Сассекс, был тяжело болен, и просил друга семьи Монтегю, сэра Уильяма Мора, представлять его на крестинах.

¹⁹ BL Harleian MS 6889. F. 142—144; особ. F. 142.

²⁰ Ibid. F. 143. Подробнее о крещении дочери виконта см.: Серегина А.Ю. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // Средние века. М., 2007. Вып. 68(2). С. 5—24. В Приложении опубликованы транскрипция и русский перевод протокола допроса виконта [BL Harleian MS 6889. F. 142—144]. См.: С. 24—32.

²¹ Salisbury MSS. Vol. X. P. 109.

са прилагается длинный список всех слуг дома (более ста имен): из них 9 человек — рекузанты (кроме упомянутых пятерых дворян среди них — паж Энтони²², Джордж Вудвард и чета Уильямсонов — Генри и Элизабет, не раз оказывавшиеся в списке рекузантов Сассекса)²³. Все они были вынуждены дать обязательство покинуть свиту виконта²⁴, а Роберт Барнс был вскоре (5 июня 1594 г.) арестован и позднее (1598 г.) предстал перед судом как пособник католических священников²⁵. Роберта Гейджа также собирались допросить, но он, незадолго до описываемых событий отправленный виконтом с поручением в Уэльс, благо-разумно решил не возвращаться в дом Монтегю²⁶.

Резкая реакция правительства на обстоятельства крещения Мэри Браун свидетельствовали о том, что отказ от крещения в приходской церкви, рассматриваемый сейчас как частное дело главы семьи, воспринимался как вызов, брошенный закону страны и принципу королевской супрематии²⁷. Виконт же явно был склонен видеть в действиях правительства наступление на свободу совести католика, которая раньше охранялась неписанным соглашением в силу его ранга. При этом и сам виконт перешел грань, на которой балансировали старшие представители его семьи, старавшиеся соблюдать букву закона и придерживавшиеся практики «церковного папизма». Крещение дочери, совершенное самим виконтом, стало прямым разрывом с этой практикой.

В таких обстоятельствах только сам виконт мог удивляться тому, что в январе 1595 г. он проиграл разбирательство относительно ранга. Монтегю настаивал на том, что он — виконт — имеет более высокий статус, нежели Томас Ховард, младший сын лишившегося в 1572 г. всех званий герцога Норфолка. Его жалобу рассматривала комиссия, состоявшая из лорда-казначея (Бёрли), лорда-адмирала (Ховард из Эффингэма) и лорда-камергера (Хансдон), и решение было вынесено не в его пользу²⁸.

В период между 1595 и 1597 гг. виконт окончательно порвал с семейными традициями и стал рекузантом. В ответ на это давление правительства возросло. Около 1597 г. ему пришлось участвовать в полемике с проповедниками-протестантами, пытавшимися убедить его вернуться к конформизму его деда. Виконт выдержал это давление, но всерьез опасался ареста²⁹.

Он и в самом деле был арестован в период между 1597 и весной 1600 г. Весной этого года виконт писал сэру Роберту Сесилу:

²² По всей видимости, Энтони Лэмб, впоследствии католический священник. См.: *The Responsa Scholarum, English College, Rome* // CRS. 1962. Vol. 54. P. 251—253.

²³ *Recusant Roll, 1592* // CRS. 1916. Vol. 18. P. 336, 338—39; BL, Harleian MSS, 6998. F. 149

²⁴ BL, Harleian MSS, 6998. F. 174.

²⁵ *Dodd's Church History*. Vol. III. P. cc—ccxii.

²⁶ BL, Harleian MS 6996. F. 192, 194.

²⁷ Благодарю проф. Кристофера Хейга за это соображение.

²⁸ BL, Stowe MS 1047. F. 264.

²⁹ *Instruction to my daughter Marie Browne, in the principall groundes and on the Ecclesiastic pointes of the Catholique faith*. Downside Abbey, Gillow Library MS. P. 2—3, 144.

«Набравшись храбрости, я смиренно прошу вас о том, чтобы, когда я по милости Ее Величества вскоре предстану перед вами и советом с просьбой об освобождении, мне по вашему милосердию были дарованы те же права, какие даются любому подданному, никому не уступающему в подчинении своему государю, и придерживающемуся не какой другой религии, но той, что учит меня предпочитать Ее Величество всем прочим властителям»³⁰.

Неизвестно, ни по какой именно причине произошел арест, ни где именно виконт пребывал под стражей (возможно, он был под домашним арестом). Однако в этот промежуток семья вновь подверглась давлению. В 1599 г. Монтегю-хаус в Саутуорке (теперь — резиденция вдовы первого виконта, леди Магдален Монтегю), подвергся обыску. Правда, леди Монтегю сумела устроить так, чтобы обыск проводили дружественные семье мировые судьи, «не нашедшие» в ее доме никого и ничего предосудительного³¹.

Если правительство склонно было рассматривать продиктованные верой действия виконта потенциально опасными и нарушающими законы страны, то он сам явно не усматривал в них нелояльности и чувствовал себя обиженным, тем более, что аресты виконта нанесли удар по престижу семьи на юге Англии. В 1594—1595 гг., когда Монтегю находился под арестом, его охотничьи угодья в Сассексе подверглись многочисленным нападениям браконьеров, уверенных в собственной безнаказанности, ведь семья виконта лишилась, по мнению многих, покровительства короны³². И даже пожалование виконту в управление королевского манора Годалминг (графство Сарри) в мае 1595 г.³³ не спасло положения.

Обида сблизила его с другими недовольными. Уже в 1596 г. Монтегю вошел в круг графа Эссекса — фаворита Елизаветы, стремившегося к укреплению своей личной власти в стране³⁴. Близким другом графа был кузен Монтегю, граф Саутхэмптон, воспитанный католиком и сам недавно (в 1595 г.) ставший конформистом. В число друзей и клиентов графа Эссекса входило немало других католиков, надеявшихся, что Эссекс будет более терпим к лояльным католикам, нежели существовавшее на тот момент окружение Елизаветы³⁵.

³⁰ "I am emboldened to make my suit unto you that, whereas I am by her Majesty's favour now shortly to appear before you and the council for my further enlargement, I may by your favour be graced with such equal and upright conditions as may be offered to any subject who giveth place to no man living in obedience to his prince, nor holdeth any other religion than by which I am taught to prefer her majesty to all other potentates" // Salisbury MSS. Vol. X. P. 109.

³¹ CSP Domestic, 1598—1601. P. 288.

³² Manning R.B. Hunters and Poachers: A Social and Cultural History of Unlawful Hunting in England, 1485—1640. Oxford, 1993. P. 223.

³³ Looseley MSS. P. 654.

³⁴ Hammer P.E.J. The Polarization of Elizabethan Politics: the Political Career of Robert Devereux, 2nd earl of Essex, 1585—1597. Cambridge, 1999. P. 287.

³⁵ Ibid. P. 174—178.

Покровительство Эссекса, а также и влияние тестя, лорда Бакхёрста, возможно, объясняет сравнительную легкость, с какой виконт выпутывался из неприятностей. Последнему хватило благоразумия не участвовать в восстании Эссекса, и падение графа затронуло его лишь по касательной (см. ниже), тогда как его кузен, граф Саутхэмптон, оказался в Тауэре. Однако принадлежность к кругу Эссекса сыграла большую роль в политической переориентации Монтегю. Все его предки были испанофилами и с неизбывным подозрением глядели на возможных наследников из династии Стюартов — шотландцев и французских ставленников, кровных врагов англичан. Но Эссекс предпочитал видеть именно Якова VI Шотландского преемником Елизаветы. Под его влиянием менялась и позиция виконта Монтегю в вопросе о престолонаследии.

Немаловажную роль в этой переориентации сыграло и влияние других членов семьи, относившихся к числу более радикальных оппозиционеров старшего поколения. Чтобы оценить это воздействие и понять возможные мотивации дальнейших поступков виконта Монтегю, необходимо обратиться к политической «карьере» эмигранта-католика из числа его родственников.

Странствия сэра Фрэнсиса Дейкра (1589–1603)

Двоюродный дед виконта Монтегю, сэр Фрэнсис Дейкр, был младшим из братьев леди Магдален Монтегю. Он рассчитывал унаследовать земли и титул лорда Гилсленда как последний оставшийся в живых сын третьего барона, однако имущество осталось в руках дочери его старшего брата, графини Эрендел, и ее сына Томаса (с 1595 г. — нового графа Эрендела). Разочарованный сэр Фрэнсис, недовольный тем, что был склонен рассматривать как неблагосклонность королевы к старым католическим семьям, в 1589 г. покинул Англию и отправился на север, ко двору Якова VI Шотландского. Его сопровождал сын и наследник, а дочери Фрэнсис, Элинор и Элизабет остались на попечении тетки, леди Монтегю и ее старшей дочери, леди Дормер³⁶.

Во время своего пребывания в Шотландии Дейкр постоянно контактировал с шотландскими пэрами-католиками, и был принят при шотландском дворе, к большому раздражению Елизаветы. В 1591 г. от родственников из Англии — вероятнее всего, от Монтегю-старшего — пришел совет покинуть Шотландию, ввиду гнева королевы. Ее беглых подданных порой выдавали из Шотландии, поэтому Дейкр не пренебрег советом. В том же 1591 г. он отправился в Испанию, проездом через Нидерланды (где оставил в коллегии Сент-Омера своего сына)³⁷.

Родственные связи сестры, леди Монтегю, обеспечили его контактами при испанском дворе. Ими стали, как следовало ожидать, сэр Фрэнсис Инглфилд (его племянник и тезка был мужем сестры моло-

³⁶ CRS. Vol. 60. P. 91—92.

³⁷ Ibid. P. 96.

дого виконта, Джейн Браун) и герцогиня Ферия, подруга юности леди Магдален и золовка ее дочери, леди Дормер, а также их друзья — королевский секретарь Хуан де Идиакес и иезуит Роберт Парсонс. С последним сэр Фрэнсис вскоре рассорился, хотя причина не вполне ясна. Арестованный несколько лет спустя слуга Дейкра Джон Уитфилд показал, что дело было в несогласии из-за стратегии испанского вторжения в Англию: Парсонс якобы считал, что высаживаться необходимо на юге, тогда как Дейкр полагал, что лучше делать это на северо-западе Англии, где вторжение могли поддержать местные католики, а также их собратья из-за шотландской границы³⁸. В изданном священником Уильямом Уотсоном в 1601 г. памфлете, направленном против английских иезуитов и в частности, против Парсонса, в качестве причины приводилось несогласие Дейкра признать наследницей английского престола дочь Филиппа II инфанту Изабеллу³⁹.

Последнее косвенно подтверждается сближением Дейкра с шотландским иезуитом Уильямом Крайтоном — сторонником шотландской линии наследования⁴⁰. Возможно и сочетание обеих причин: разочаровавшись в испанской стратегии, Дейкр перестал верить в то, что испанское вторжение когда-либо состоится. Таким образом, права инфанты превращались для него в пустой звук, не подкрепленный никакими политическими действиями. А шотландский кандидат оказывался более привлекательным, при условии, что его можно будет убедить не преследовать католиков.

Как бы то ни было, в 1593 г. Дейкр покинул Испанию. Следующие десять лет он провел в скитаниях, перемещаясь между Испанскими Нидерландами, Римом, Шотландией и Францией. Подумывал он и о возвращении на родину, но в конце 1593 г. в Англии он был объявлен вне закона⁴¹.

Находясь в постоянном контакте с родственниками — дочерьми и сестрой, леди Магдален — он старался добиться королевского прощения и разрешения вернуться домой. В 1595 г. из Льежа он отправил дочери Элинор письмо, которым и поручал ей найти при дворе покровителей, которые замолвили бы за него слово перед королевой. Он упоминал также, что за него просят и леди Монтегю, и его племянник, граф Камберленд⁴².

Леди Монтегю и в самом деле просила о милости к брату; об этом шла речь в ее послании крестнику, сэру Джулиусу Сизару от 26 июля 1597 г.⁴³ Использовала она и другие стратегии. Когда в сентябре 1597 г. слуга ее брата, некий Джон Джонсон, объявился в Бэттле с отправленными из Парижа письмами к дочерям сэра Фрэнсиса Элинор и Элизабет, леди Монтегю приказала его задержать, призвала в дом мирового судью, сэра Генри Эпли, которому и передала арестованного и все привезенные им

³⁸ Ibid. P. 92—94; Loomie A.J. Spanish Elizabethans. N.Y., 1963. P. 105—106.

³⁹ Watson W. Preface // *Bluet T. Important Considerations*. Paris, 1601. Sig.**4v.

⁴⁰ CRS. Vol. 60. P. 94.

⁴¹ Ibid. P. 96.

⁴² Salisbury MSS. Vol. XIII. P. 547.

⁴³ BL, Lansdowne MS 158. F. 10r.

бумаги. Эпли доложил обо всем лорду-лейтенанту, лорду Бакхёрсту⁴⁴, и уже по его приказу Джонсона (в сопровождении слуги виконтессы, Джеймса Гилкреста⁴⁵), отправили в Лондон, к лордам Тайного совета. Сама виконтесса сообщила обо всем произошедшем лорду Бёрли⁴⁶.

Как уже отмечалось выше, в 1597 г. виконт испытывал значительное давление со стороны правительства, побуждавшего его отказаться от практики *resusansu*. В такой ситуации леди Магдален сочла необходимым помочь внуку, показав, что в ее контактах с братом-эмигрантом нет ничего предосудительного. Самому сэру Фрэнсису эти события повредить тоже не могли, поскольку в переданном властям письме он утверждал, что покончил со службой королю Филиппу Испанскому и верен королеве Елизавете⁴⁷. Таким образом, переполох с поимкой посланца с континента был спектаклем, призванным показать полную лояльность всей семьи (включая эмигрантов) режиму.

Возможен и другой вариант прочтения событий, в котором потенциальной угрозой семейным интересам Монтегю и Дейкров был не контакт с эмигрантом, находившимся вне закона, а переписка между Дейкром и графом Эссексом. Покойный муж леди Магдален, как, вероятно, и она сама, не разделяли мнения внука о перспективах «партии Эссекса» при дворе. Вместо этого, первый виконт Монтегю предпочёл связать будущее семьи с другой придворной группировкой, женив внука на Джейн Сэвил, дочери лорда Бакхёрста, своего друга и ставленника Сесила.

Виконтесса Монтегю явно опасалась прослыть врагом Сесила. К тому же, после фиаско Азорской экспедиции лета 1597 г., в ходе которой английскому флоту под командованием графа Эссекса и сэра Уолтера Рэли не удалось захватить перевозившие серебро из Мексики испанские корабли, престиж графа при дворе и, главное, в глазах королевы пострадал. Один из внуков виконтессы, граф Саутхэмптон, был участником экспедиции, и его репутации был нанесён урон. Леди Магдален явно не собиралась ждать, чтобы другой её внук, Монтегю, уже находившийся под арестом, ещё больше пострадал из-за связей с полуопальным графом.

Таким образом, леди Монтегю необходимо было не просто продемонстрировать лояльность своей семье королеве, но и показать сэру Уильяму и его сыну Роберту Сесилу (государственному секретарю), что в связях членов её семьи с графом Эссексом нет ничего угрожающего их клану. Добиться этого можно было, сделав содержание писем Дейкра к графу Эссексу достоянием публики, хотя бы придворной⁴⁸.

⁴⁴ Salisbury MSS. Vol. VII. P. 396; BL, Lansdowne MS 82. F. 103.

⁴⁵ ESRO, RAF 3/4. F. 4v. Джеймс Гилкрест был бейлифом и сборщиком рент виконтессы Монтегю в Бэтгле. См.: ESRO, RAF 3/4. F. 1r.

⁴⁶ Salisbury MSS. Vol. VII. P. 401.

⁴⁷ Ibid. P. 396.

⁴⁸ Подробнее об этом эпизоде см.: *Серегина А.Ю.* Много шума из ничего: переписка с эмигрантами и политические конфликты в Англии конца XVI в. // Ляпусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / Под ред. А.В. Стоговой. М., 2016. С. 52—71.

Усилия родственников не увенчались успехом: при жизни Елизаветы Дейкру так и не было позволено вернуться в Англию. Однако постоянные контакты сэра Фрэнсиса с родственниками в Англии, с одной стороны, информировали их о переменах в его «политической ориентации» и оказывали воздействие на их собственные взгляды, а с другой сообщали сэру Фрэнсису о новых обстоятельствах — например, сближении молодого виконта с про-шотландским кругом графа Эссекса. Примерно в это же время сэр Фрэнсис начал открыто пропагандировать кандидатуру Якова VI среди английских католиков-эмигрантов⁴⁹. А в 1599 г. сэр Фрэнсис вновь отправился в Шотландию, где фактически предложил королю Якову поддержку при предъявлении прав на английский престол со стороны английских католиков в обмен на терпимость по отношению к ним, причем эти действия совершались с ведома, если не с благословения, графа Эссекса⁵⁰.

Таким образом, переориентация родственников Монтегю оказало свое воздействие на превращение потомственного испанофила в сторонника шотландской линии наследования, и предопределила теплый прием, оказанный кланом Монтегю новой династии.

§ 2. Второй виконт Монтегю и последние елизаветинские парламенты

Парламентская карьера представителей младших поколений семьи Браун не была столь простой и прямолинейной, как у первого виконта. Сыновья и внуки последнего не избирались в палату Общин от графства, как это обычно происходило с сыновьями магнатов, поскольку они — католики — не приносили присягу, признававшую королевскую супрематию. Следовательно, единственной доступной для них формой присутствия в парламенте были заседания в палате Лордов, но это касалось только наследника титула.

Молодой виконт был еще несовершеннолетним в 1593 г., хотя и присутствовал на заседаниях (без права участия в дебатах)⁵¹. Однако виконт отсутствовал на заседаниях палаты в 1597—1598 гг., даже не представив в палату своего заместителя, что подтверждает предположение о том, что в этот период он мог находиться под домашним арестом.

В сентябре 1601 г. виконт получил формальное приглашение королевы в парламент, однако оно сопровождалось разъяснительным письмом от лордов Тайного Совета, предписывавшим ему оставаться дома и представить заместителя по собственному выбору.

«Поскольку существует причина (как вы и сами можете понять), по которой необходимо воздержаться от присутствия вашего лордства рядом с

⁴⁹ CSP Scotland, 1595—1597. P. 320—321.

⁵⁰ Salisbury MSS. Vol. VIII. P. 88, 114—115; Vol. IX. P. 375.

⁵¹ LJ. Vol. II. P. 168—190.

Ее Величеством и в этой ассамблее, ей угодно посредством данного письма дать вам понять, что (невзирая на отправленное вам приглашение) вам не стоит отправляться в парламент, и что она не только позволяет вам отсутствовать, но требует этого и считает это вашим долгом. Получив приглашение, ваше лордство получит признание вашего права и подобающей вам чести, а своим отсутствием вы должны показать ей свое повиновение и внимание к ее пожеланию и повелению»⁵².

Как ему и было приказано, виконт не поехал в Лондон, назвав в качестве заместителя своего тестя, лорда Бакхёрста⁵³.

Нежелание Елизаветы видеть виконта в парламенте могло объясняться его отказом подчиняться законам страны, касавшимся религии и посещения церкви. Но поскольку подобные же письма от Тайного Совета получили осенью 1601 г. и другие дворяне из числа друзей недавно казненного графа Эссекса — в частности, Чарльз Блаунт, лорд Маунтджой, Роджер Мэннерс, граф Ратленд, и Эдвард Рассел, граф Bedford⁵⁴, скорее можно предположить, что наказание коснулось именно сторонников разгромленной партии. Таким образом, в первое десятилетие самостоятельной политической жизни парламентская карьера Монтегю даже не началась.

Виконт Монтегю и выборы в парламент

Сохранение влияния семьи Монтегю в графствах Сарри и Сассек после смерти старого виконта оказалась нелегким делом. В отличие от деда второй виконт не входил в число мировых судей, и уж тем более не был лордом-лейтенантом. Тем более важными становились способы косвенного воздействия, при посредничестве друзей и родственников. Одним из каналов воздействия оставались выборы в парламент от графства, то есть, обеспечение избрания если не прямых ставленников Монтегю, то хотя бы дружественных им лиц. В 1593 г., как и в 1584 г., в старых добрых традициях, как если бы графство по-прежнему управлялось старым виконтом и лордом Бакхёрстом, были выбраны сэр Роберт Сэквил (сын Бакхёрста и шурина молодого виконта) и сэр Томас Ширли из Уистона (см. выше)⁵⁵.

⁵² “forasmuche as there is cause (as your selfe maie well consider) that your Lordship’s appearance should be forborne in her sighte and in this assemblie, it pleaseth her by this our letter to lett you understande that (notwithstanding the writte of sommons directed unto you) you shall forbear to come unto this Parliament and that shee not onelie will dispence with your absence but doth require and comande the same upon your dutie, so as by the writte your Lordship hath your right and honor of your place acknowledged without prejudice and by your absence you are to shew your observance and dutie to her pleasure and absolute commandement” // APC, 1601—1604. P. 221.

⁵³ LJ. Vol. II. P. 226.

⁵⁴ APC, 1601—1604. P. 218, 220.

⁵⁵ Hasler. Vol. I. P. 255.

Роберт Сэквил переизбирался в парламент от Сассекса в 1597 и 1601 гг. В 1597 г. пару ему составил сэр Николас Паркер⁵⁶, приходившийся родственником как Монтегю, так и Бакхёрсту (см. выше), а в 1601 г. виконт и его тесть сочли нужным оказать услугу влиятельному члену Совета, уступив одно из мест от графства Чарльзу Ховарду (1579—1642), сыну лорда-адмирала Ховарда из Эффингэма⁵⁷.

Таким образом, в последние годы царствования Елизаветы контроль над местными выборами совершался так же, как и при жизни первого виконта Монтегю. Однако трудно сказать, являлось ли такое положение заслугой внука, или же влиянием его тестя и бабушки, вдовствующей виконтессы, сформировавшей вокруг себя целую сеть полезных контактов среди сассекских дворян (см. часть II, главу IV).

То же самое можно сказать и о выборах в парламент от местечка Мидхёрст. Как и раньше, большим влиянием здесь обладал семейный юрист Ричард Льюкнор (см. главу III). В 1593 г. от Мидхёрста был избран его коллега-юрист из судебного инна Миддл-Темпл Томас Бойс⁵⁸ (1535—1612), а в 1597 г. — его племянник Льюис Льюкнор (ум. 1627 г.)⁵⁹. Однако больше половины избранных была обязана своим местом в палате именно Монтегю. В 1593 г. второе место от Мидхёрста занял Томас Чёрчер, много лет верно служивший семье (см. выше). В 1597 г. был избран Джеймс Смит — вероятно, один из арендаторов виконта⁶⁰, и, наконец, в 1601 г. — Ричард Браун (ум. 1614 г. ?) из Бичворта (Сарри), его дальний родственник⁶¹, и Майкл Хайдон (1550—1618) — арендатор Монтегю и управляющий (стюард) его тестя, лорда Бакхёрста⁶². Следовательно, вывод П. Хазлера о том, что второй виконт Монтегю не имел большого интереса к выборам в «своем» боро⁶³, не имеют под собой основания.

Этот вывод отчасти верен лишь применительно к Хейзелмиру, где решающее слово при определении кандидатов в последние годы XVI в. и позднее принадлежало не Монтегю, а семье Моров. В 1593 г. сэр Уильям Мор предпочел своего родственника Николаса Сондерса (1563—1649), приходившегося двоюродным братом зятю его сына Джорджа, сэру Николасу Кэрю (Трокмортону)⁶⁴. Однако второй член палаты, избранный в

⁵⁶ Hasler. Vol. III. P. 173.

⁵⁷ Hasler. Vol. II. P. 345—346.

⁵⁸ Hasler. Vol. I. P. 471.

⁵⁹ Hasler. Vol. II. P. 474—476.

⁶⁰ Hasler. Vol. III. P. 397. Среди арендаторов виконта в Каудрее, Бэттле, Кокинге и др. было немало Смитов, и Джеймс вполне мог принадлежать к одной из этих семей.

⁶¹ Hasler. Vol. I. P. 501. Ричард Браун принадлежал к старшей ветви рода.

⁶² Hasler. Vol. I. P. 270.

⁶³ Hasler. Vol. I. P. 255.

⁶⁴ Hasler. Vol. III. P. 45—46. Мать Николаса Сондерса, урожденная Изабелл Кэрю, приходилась сестрой леди Энн Трокмортон. Сын последней, Николас Трокмортон (кузен Сондерса), взял фамилию своего дяди, сэра Фрэнсиса Кэрю, и унаследовал его состояние. Женился сэр Николас Кэрю на Мэри Мор, дочери сэра Джорджа Мора и Энн Пойнингс.

1593 г. был связан и с Морами, и с юристом Монтегю, Ричардом Льюкнором: Адриан Стаутон (1556—1614) был племянником последнего, а также младшим братом Лоуренса Стаутона, стряпчего Моров⁶⁵.

В 1597 г. в палату были избраны сэры Фрэнсис Онджер (1535—1632) и Джордж Остин (1548—1621). Оба они были связаны с семьей Моров. Онджер был близким другом сэра Уильяма, а Остин в 1570-х гг. вел его счета, и в 1591 г. служил под его началом в казначействе. Оба они упомянуты в завещании Уильяма Мора как душеприказчики⁶⁶.

После смерти сэра Уильяма в 1600 г. боро «унаследовал» его сын, сэры Джордж Мор (1553—1632). Он в 1601 г. предпочел избрать своего племянника, Фрэнсиса Уолли (1583—1609)⁶⁷. Однако выбор второго из представителей Хейзелмира, Джона Кларка, не был столь же однозначным. Считается, что Кларк — сосед Мора по сотне Годалинг в Сарри⁶⁸ — был избран благодаря влиянию последнего. Но с 1595 г. сотня и манор Годалинг находились под управлением виконта Монтегю (см. выше), таким образом, он тоже мог оказать протекцию соседу.

Из приведенного материала следует: хотя второй виконт был далеко не так активен в местных делах, как его дед, о полном устранении от дел графства, по крайней мере, в елизаветинский период говорить не приходится.

§ 3. «Большие надежды»:

виконт Монтегю в первые годы царствования Якова I (1603—1605)

Как и многие английские дворяне, виконт Монтегю с нетерпением ждал начала нового царствования, надеясь, что приход к власти нового монарха устранил проблемы, порожденные прежним режимом. Для католиков это означало возможность вновь включиться в политическую жизнь страны в полном масштабе, ведь Яков VI в приватных беседах с английскими католиками обещал им веротерпимость.

Поэтому известие о провозглашении нового монархе приветствовалось многими католическими магнатами. Виконт Монтегю и джентльмены его свиты разбрасывали монеты в лондонскую толпу, собравшуюся приветствовать новость о восшествии на престол Якова I Стюарта⁶⁹. Также поступили другие дворяне-католики — Генри, лорд Виндзор (1562—1605), и Генри, лорд Мордаунт (1562/8—1608)⁷⁰. Родственники виконта —

⁶⁵ Hasler. Vol. III. P. 452—454. Адриан и Лоуренс были сыновьями Томаса Стаутона, юриста из Иннер-Темпла, и Элизабет, сестры Ричарда Льюкнора.

⁶⁶ Hasler. Vol. I. P. 367—368.

⁶⁷ Hasler. Vol. III. P. 644.

⁶⁸ Hasler. Vol. I. P. 611.

⁶⁹ Lacey J. A Petition Apologeticall, <...> by the Lay Catholikes of England. Douai, 1604. P. 8—9.

⁷⁰ The Condition of Catholics under James I: Father Gerard's Narrative of the Gunpowder Plot / Ed. by J. Morris. L., 1871. P. 25.

сэр Томас Трешэм и сэр Томас Эренделл — с энтузиазмом провозгласили права нового монарха в Норхэмптоне⁷¹ и Шефтсбери⁷² соответственно.

Поначалу казалось, что «большим надеждам» католиков суждено сбыться. Из тюрем были выпущены их арестованные единоверцы, а сарательные законы хотя и не были отменены, перестали исполняться. Ободренные католики сочли, что вскоре их и вовсе отменят, а открытое проявление религиозных взглядов больше не сочтут проявлением неояльности по отношению к монарху. В результате за первые месяцы 1603 г. число рекузантов удвоилось⁷³, и многие дворяне сочли, что настало время вновь занять посты в числе местных магистратов.

В числе последних оказался и дядя виконта, сэр Джордж Браун. В 1603 г. он стал мировым судьей графства Сассекс, однако при дальнейшем разбирательстве выяснилось, что сэр Джордж отказался приносить обязательную присягу, подразумевавшую признание королевской супрематии. Но другой мировой судья, сэр Николас Паркер, родственник и друг семьи, пренебрег своей обязанностью удостовериться в правильности принесения присяги, и позволил ему занять должность⁷⁴. Примерно в то же время ходили слухи о том, что сэр Джордж Браун станет одним из эсквайров личной охраны короля, однако назначение не состоялось по той же причине: из-за отказа сэра Джорджа принести присягу⁷⁵.

Хотя законодательного оформления режима веротерпимости не последовало, большинство католиков продолжало надеяться на лучшее. Поэтому летом 1603 г. почти никто не поддержал т.н. «заговор священников», планировавших захватить Якова и силой принудить его даровать католикам гражданские права (и гарантировать их передачей им ряда крепостей, по аналогии с Нантским эдиктом, отдавшим цитадели юго-запада Франции гугенотам)⁷⁶. Более того, Джордж Блэкуэлл — архипресвитер английской миссии, принадлежавший к окружению виконта Монтегю — пошел разослать подчиненным ему священникам письмо, в котором им воспрещалось присоединяться к заговору. А затем другой член свиты виконта, и его дальний родственник, сэр Джон Гейдж (1570—1633), позаботился о том, чтобы письмо попало в руки государственного секретаря сэра Роберта Сесила, тем самым поспособствовав раскрытию заговора⁷⁷.

Католики надеялись на то, что карательные законы елизаветинских времен будут отменены первым парламентом Якова I, который был создан в

¹ Kaushik S. Resistance, Loyalty and Recusant Politics. P. 60—61.

² Salisbury MSS. Vol. XVIII. P. 376.

³ Подробнее о периоде «больших надежд» см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 52—54.

⁴ CRS. Vol. 60. P. 145—147.

⁵ Ibid. P.145.

⁶ О заговоре см.: Серегина А.Ю. Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI—XVII вв. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2009. С. 195—207.

⁷ Nicholls M. Treasons Reward: The Punishment of Conspirators in the Bye Plot of 1603 // Historical Journal. 1995. Vol. 38. P. 821—842, особ. P. 830—834.

январе 1604 г. и должен был собраться весной. Первый тревожный сигнал, однако, прозвучал уже через месяц: королевская прокламация от 22 февраля 1604 г. предписала всем католическим священникам покинуть страну⁷⁸.

Тем не менее, многие продолжали надеяться на отмену елизаветинских законов. К началу парламентской сессии было обнародовано несколько обращенных к королю и «политической нации» петиций о терпимости, составленных как дворянами-католиками⁷⁹, так и священниками — Джоном Коллетоном⁸⁰ и Ричардом Брутоном⁸¹.

А католическим лордам предстояла попытка отстоять свои права в парламенте.

Виконт Монтегю в парламенте 1604 г.

Виконт занял свое место в палате Лордов в марте 1604 г. с явным намерением активно участвовать в ее работе. Он присутствовал в палате довольно часто, пропустив за 4 месяца ее работы 22 дня. За три месяца (19 марта—19 июня) он успел поработать в 6 комиссиях. Три из них занимались частными биллями, так или иначе касавшимися дворян-католиков — о восстановлении в правах Чарльза Пэджета (27 марта)⁸², о натурализации [родившихся за пределами Англии] Уильяма и Томаса Копли (7 мая)⁸³, и о баронии Абергавенни (21 мая)⁸⁴. Кроме этого, виконт участвовал в комиссиях, сформированных после второго чтения

⁷⁸ Stuart Royal Proclamations. Vol. I. P. 70—73.

⁷⁹ The Catholiques Supplication (1603) // Dodd's Church History. Vol. IV. P. clxxxix—cxcii; Another Petition: Ibid. P. lxxxii—lxxx—vii; Petition Apologeticall. L., 1604.

⁸⁰ Colleton J. A Supplication to the Kings Most Excellent Majesty. L., 1604.

⁸¹ Broughton R. A playne and manifest Confutation of the Englishe Protestant religion in particular as yt sett for the and continued by the late Queene Elizabeth, Bodleian Library MS Add. A 125; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 273.

⁸² LJ. Vol. II. P. 267. Другие члены комиссии: графы Нортумберленд (Генри Перси, 1564—1632), Девоншир (Чарльз Блаунт, 1563—1606), Норхэмптон (Генри Ховард, 1540—1614), епископы Дарэмский (Тоби Мэтью, 1546—1628), Сент-Дэвидский (Энтони Радд, 1549—1615), Илийский (Мартин Хитон, 1554—1609) и Херефордский (Роберт Беннетт, ум. 1617), лорды Монтигл (Уильям Паркер, 1575—1622), Генри Виндзор (1562—1605), Ральф Юр (1558—1617), Эдмунд Шеффилд (1564—1646), Чандос (Грей Бриджес, 1580—1621), Роберт Сидни (1563—1626), Уильям Ноллис (1544—1632).

⁸³ Ibid. P. 293. Другие члены комиссии: граф Саутхэмптон (Генри Ризли, 1573—1624, восстановленный в правах тем же парламентом), епископы Линкольнский (Уильям Чаддертон, 1540—1608) и Карлайлский 1553—1616), лорды Морли (Эдвард Паркер, 1550—1618), Оливер Сент-Джон (1550—1618), Шеффилд.

⁸⁴ Ibid. P. 303. Другие члены комиссии: лорд-адмирал (Чарльз Ховард, граф Ноттингем, 1536—1624), графы Нортумберленд, Шрусбери (Гилберт Тэлбот, 1552—1616), Вустер (Эдвард Сомерсет, 1568—1628), Норхэмптон, епископы Лондонский (Ричард Банкрофт, 1544—1610), Винчестерский (Томас Билсон, 1547—1616), Честерский (Ричард Вон, 1550—1607), Илийский, лорды Роберт Сесил (1563—1612), Эдвард де ла Зуш (1556—1625), Дадли (Эдвард Саттон, 15667—1643), Генри Денверс (1573—1643), Фрэнсис Норрис (1582—1622), Роберт Спенсер (1570—1627).

иллей о малярах (8 мая)⁸⁵ и наемных рабочих (14 мая)⁸⁶, а также посетил много времени заседаниям комиссии по объединению короннглии и Шотландии (14 апреля и позднее)⁸⁷.

Однако главным для виконта событием сессии 1604 г. стала его речь, освященная антикатолическим законам. Вопреки ожиданиям католиков, изаветинские антикатолические статуты не были отменены. Напротив, правительство внесло билль, оставлявший их в действии. Прохождение этого законопроекта не было легким. Первый его вариант лорды так сильно видоизменили, что лорд-канцлер, сэр Томас Эджертон, счел нужным вернуть его в палату (16 июня) с тем, чтобы с учетом всех поправок был оставлен новый билль. В тот же день состоялось его первое чтение⁸⁸. Во время чтения билль рассматривали 19 июня, и тогда же была образована комиссия для внесения новых поправок. Ее возглавил лорд-адмирал граф Ноттингэм), а в ее состав вошли, кроме виконта Монтегю, граф Сакхэмптон, епископы Батский и Уэлский и Солсберийский, лорды Монгл, Виндзор, Уортон, Рич, Бёрли, Рассел, Денверс, и Джерард⁸⁹. Комиссия обсуждала билль 20 и 22 июня⁹⁰. 23 июня билль переписали еще раз, и каждая третья его версия прошла первое и второе чтения⁹¹.

По всей видимости, виконт Монтегю выступал против билля еще на стадии обсуждения его в комиссии. Судя по количеству редакций, лорды-католики пытались саботировать его принятие, но им это не удалось. И тогда, в качестве последней попытки, виконт произнес в палате речь против билля, когда тот обсуждался в третьем чтении (25 июня)⁹².

На первый взгляд кажется, что молодой виконт просто подражал своему деду, который в 1559 г. (единственным из светских пэров) выступил против елизаветинского религиозного законодательства (см. главу I). Исследовавший речь второго виконта Майкл Кестье полагает, однако, что если дед «высказывался за консервативные религиозные установления после провала и полного распада режима Марии Тюдор», а его обеды были «Пирровыми», то внук пытался эксплуатировать возможности, открывшиеся для его единоверцев со сменой династии⁹³. Впро-

Ibid. P. 294. Другие члены комиссии: граф Дерби (Уильям Стенли, 1561—1642), епископы Честерский и Эксетерский (Уильям Коттон, ум. 1621 г.), лорды Эффингэм, Виндзор, Чарльз Грей (1540—1623), Сай (Ричард Файнс, 1577—1613).

Ibid. P. 298. Другие члены комиссии: графы Вустер, Сассекс, епископы Вустерский (Джервез Бабингтон, 1550—1610), Солсберийский (Генри Коттон, 1545—1615), Нориджский (Джон Джегон, 1550—1618), лорды Чандос, Эдвард Уоттон (1548—1628), Денверс, Джон Петер (1549—1613), Сай.

Ibid. P. 277—278. О работе комиссии см., например: *Galloway B.R. The Union of England and Scotland, 1603—1608. Edinburgh, 1986.*

Ibid. P. 322.

Ibid. P. 324.

Ibid. P. 324, 326.

Ibid. P. 327.

Ibid. P. 328.

Questier M.C. Catholicism and Community. P. 274.

чем, подобное сопоставление не представляется корректным: и первый, и второй виконт произносили свои речи, когда изменить ситуацию в пользу католиков было им уже не под силу, поэтому эти речи были, по сути, декларациями, а не серьезными попытками направить государственную политику в другое русло (такие попытки дед и внук предпринимали на стадии работы комиссий, и не слишком преуспели). Но по своей стилистике, по образу, который стремился создать у слушателей автор, да и по адресату обе речи сильно отличаются друг от друга.

Изобилующее латинскими цитатами из Вульгаты выступление второго виконта гораздо больше напоминает полемический текст⁹⁴. Продолжения гонений на католиков, по мнению виконта, объяснялись враждебностью к ним протестантов, а также их стремлением обратить католиков в свою веру⁹⁵. Однако католики, исповедующие веру, изначально принесенную в Англию первыми христианскими проповедниками, не отказались от нее из-за преследований, способных породить мучеников, но не заставить их отречься от своих взглядов⁹⁶. Отвечая на произнесенную днем ранее в палате речь, в которой прозвучали опасения, что число католиков в Англии без преследований возрастет, виконт заявил, что новообращенным католикам не предлагают ничего, кроме гонений и лишений, и, если они, тем не менее, принимают эту веру, их вряд ли можно будет вернуть карательными мерами⁹⁷.

В речи виконта нет и намека на «государственный интерес» или какие-либо политические соображения⁹⁸, в отличие от речи его деда, а также от упомянутых выше петиций о терпимости к католикам⁹⁹. Его слова гораздо чаще напоминают о богословской полемике, а порой и непосредственно перекликаются с современными виконту полемическими сочинениями (полемика о крещении Англии)¹⁰⁰.

⁹⁴ Подробный анализ речи виконта Монтегю см. в главе V.

⁹⁵ A Coppie of the L. Viscount Mountacute his speach made for releasement of the punishment and afflictions of Catholikes before the LL. In the Parlyament House (Bodleian Library. MS Engl. TH. b. 2. P. 845—847). P. 845. Транскрипцию и русский перевод речи виконта см.: Серегина А.Ю. Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // Диалог со временем. М., 2008. Вып. 25/2. С. 342—372. Сопоставление речей первого (1559 г.) и второго (1604 г.) виконтов Монтегю см.: Она же. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI—начала XVII вв. // Социальная и политическая идентичность средневекового человека / Под ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 213—225.

⁹⁶ A Coppie of the ... speach. P. 846.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ “for to speake upon this same poynts of pollicie and suck like things I confesse I have no knowledg nor understanding of them” // Ibid. P. 845.

⁹⁹ О петициях и о риторике «государственного интереса» и веротерпимости в католических памфлетах см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 162—164, 167.

¹⁰⁰ Виконт Монтегю в своей речи ссылался на имевшую большой резонанс полемiku относительно обстоятельств крещения Англии, которую вели между собой

Речь виконта — это и крик души оскорбленного дворянина-католика, ожидавшего от короля Якова I совсем другой награды за поддержку, и попытка определить собственную политическую роль в новых обстоятельствах. Представляется, что виконт здесь впервые публично заявил о своих претензиях на лидерство в католическом сообществе и на свое право «представлять» его интересы в переговорах с королем и лордами-протестантами, наподобие представителя гугенотов при дворе французских королей (подробнее см. ниже).

Резкость и полемический задор выступления виконта не мог не задеть его коллег по палате. Епископы Батский и Уэльский, Винчестерский и Сент-Дэвидский сочли нужным выступить с опровержением положений его речи, касавшихся древности католического вероучения. Лорд-канцлер Эджертон потребовал, чтобы виконта наказали за оскорбление палаты — а именно, произнесение в ее стенах речи, направленной против официально принятой в стране религии и королевской супрематии. Это решение поддержало большинство лордов, несмотря на увещания проницательного лорда Бёрли¹⁰¹, считавшего:

«Лучшим и самым подходящим наказанием для него будет, если его речь окажется незамеченной и не получит никакого наказания. <...> [Виконт Монтегю] пытался своей речью приобрести славу и был бы рад приобрести репутацию у папистов дома и за границей, если его каким-либо образом накажут ради них»¹⁰².

Однако лорды большинством голосов высказались за примерное наказание дерзкого виконта. 26 июня палата приговорила его к заключению в тюрьму Флит, куда его и отправили¹⁰³. 30 июня лорды сочли, что Монтегю уже достаточно наказан, и выслушав переданные от имени виконта извинения, постановили выпустить его из тюрьмы под домашний арест¹⁰⁴. 2 июля Монтегю лично предстал перед палатой и принес свои извинения¹⁰⁵, после чего ему было разрешено занять свое место среди пэров, а все обстоятельства дела были подробно описаны в журнале палаты.

За оставшиеся 5 дней работы сессии виконт успел поучаствовать в работе еще двух комиссий, обсуждавших билль о богохульных клятвах (4 июля)¹⁰⁶ и частный билль о приведении в исполнение ре-

протестанты Фрэнсис Хастингс, Мэтью Сатклиф и католики Томас Фицгерберт и Роберт Парсонс. Подробнее см. главу IV части III.

¹⁰¹Томас Сесил (1542—1623), лорд Бёрли, с 1605 г. — граф Эксетер.

¹⁰²“the best and fittest punishment would be to let him pass unregarded and unpunished. <...> [Montague] did affect a glory therein, and would be glad to get the more reputation among the Papists, both at home, and abroad, if he should be censured or punished in any sort for their cause” // LJ. Vol. II. P. 328.

¹⁰³Ibid. P. 329.

¹⁰⁴Ibid. P. 334.

¹⁰⁵Ibid. P. 336.

¹⁰⁶Ibid. P. 340. Другие члены комиссии: графы Шрусбери, Норхэмптон, епископы Линкольнский, Сент-Дэвидский и Карлайлский, лорды де ла Зуш, Сент-Джон,

шения канцлерского суда (по делу Уильяма де Грися против Роберта Коттерелла)¹⁰⁷.

Однако репутация виконта в глазах короля и других пэров была серьезно подпорчена, о чем свидетельствовали дальнейшие события.

§ 4. Пороховой заговор 1605 г. и его последствия для окружения виконта Монтегю

После года правления Яков I осознал, что его режим достаточно прочен и без опоры на католическое дворянство, и счел возможным забыть обо всех обещаниях веротерпимости, данных им ранее. Война с Испанией завершилась мирным договором 1604 г., но и в нем положение католиков в Англии оговорено не было. И хотя гонений, сравнимых по масштабу с преследованиями предыдущего царствования, тоже не было, многие дворяне-католики были глубоко разочарованы. У них были на то причины: король не только забыл о данном им слове, но и ясно показал: принадлежность к политической элите для католиков возможна только в том случае, если они останутся «церковными папистами» (как минимум), а то и согласятся на принесение присяги о признании королевской супрематии. Те же из католиков, которые отказывались идти на компромисс и оставались рекузантами, оказывались персонами *non grata* при дворе. В их число попадали и те, чье присутствие могло напомнить Якову I о нарушенных обещаниях. Так, вскоре после своего восшествия на престол король восстановил сэра Фрэнсиса Дейкра в правах и позволил ему вернуться в Англию. Однако уже в ноябре 1604 г. граф Вустер в письме сэру Роберту Сесилу сообщал о недовольстве Якова тем, что сэр Фрэнсис осмелился явиться на одно из придворных празднеств, и даже пытался выяснить, нельзя ли каким-либо образом приструнить дерзкого (например, в суде Звездной палаты)¹⁰⁸. Против Дейкра так и не выдвинули никаких обвинений, но с мечтами о политической карьере ему пришлось проститься.

Разочарование католиков проявилось в самом радикальном виде в Пороховом заговоре 1605 г.¹⁰⁹ Виконт Монтегю и его ближайшее окружение не были причастны к заговору; тем не менее, после его раскрытия семье пришлось столкнуться с волной преследований. Ведь Гай Фокс, который фак-

Уоттон, Рассел, Спенсер. Судя по составу комиссии, католики (Шрусбери, Нохэмптон и Монтегю) должны были провалить инициативу слишком рьяных пуритан (Рассела и Спенсера).

¹⁰⁷Ibid. P. 341. Другие члены комиссии: граф Девоншир, епископы Херефордский и Нориджский, лорды де ла Зуш, Морли, Роберт Рич (1559—1618) и Ноллис.

¹⁰⁸Salisbury MSS. Vol. XVI. P. 358.

¹⁰⁹О Пороховом заговоре и связанных с ним спорах о том, был ли он инспирирован правительством (и лично Робертом Сесилом), или же нет, см.: Nicholls M. Investigating the Gunpowder Plot. Manchester, 1991; Edwards F., S.J. Still Investigating the Gunpowder Plot // RH. 1992—1993. Vol. 21. P. 305—346.

тически стал символом заговора, недолгое время служил в свите первого виконта Монтегю, а весной 1592 г. — и в свите самого Энтони Марии Брауна, которая была сформирована после его свадьбы в феврале того года. Затем Фокс уехал из Англии, а по возвращении, в апреле 1593 г., провел еще неопределенно-короткое время в свите второго виконта прежде, чем окончательно ее покинуть¹¹⁰. Виконту пришлось давать разъяснения на этот счет, поскольку об этих деталях сообщил на допросе сам Гай Фокс¹¹¹.

Но главной причиной бедствий, постигших Монтегю, стало признание, сделанное Фоксом, а также и другим заговорщиком, сэром Робертом Кейтсби. Сестра сэра Роберта Энн была женой дяди виконта, сэра Генри Брауна, а сам Кейтсби был другом виконта. Встретившись с ним 15 октября 1605 г. в Савое — лондонской резиденции тетки виконта, вдовствующей графини Саутхэмптон, Кейтсби спросил его, собирается ли тот присутствовать на открытии парламентской сессии 5 ноября. На это виконт ответил, что собирается туда, если только король не даст ему особое разрешение отсутствовать. Кейтсби настоятельно советовал ему не ходить в тот день на заседание палаты, и виконт согласился. 5 ноября 1605 г. его не было в палате Лордов¹¹².

Впрочем, сам виконт позднее утверждал, что отсутствовал в палате отнюдь не потому, что его предупредили о готовившемся заговоре, но из-за того, что опасался навлечь на себя еще большее неудовольствие монарха вновь выступив против ожидавшихся антикатолических биллей, «которые он по совести не мог пропустить молча»¹¹³.

Трудно сказать, правда ли это. Другой заговорщик, Эмброуз Руквуд, заявил на допросе, что он и его сообщники планировали пощадить лордов-католиков, в том числе графа Ратленда, виконта Монтегю и лорда Мордаунта, поэтому этих лордов предупредили не появляться в палате 5 ноября¹¹⁴. Учитывая то обстоятельство, что заговорщики приходились родственниками многим лордам-католикам (виконт, например, был троюродным братом еще одного из них, Фрэнсиса Трешэма), вполне допустимо предположить, что Монтегю все же получил предупреждение, хотя невозможно сказать, был ли он хотя бы отчасти посвящен в планы заговорщиков.

Однако правительство немедленно заподозрило, что виконт знал о готовившемся заговоре. Сразу после раскрытия заговора виконт, а также другие лорды-католики, отсутствовавшие на заседании 5 ноября — Мордаунт и Стертон — были арестованы. Монтегю поместили в доме бывшего лондонского мэра, сэра Томаса Беннетта, откуда он слал отчаянные письма (от 8, 12 и 13 ноября 1605 г.) с просьбами о помощи

¹¹⁰CSP Domestic, 1603—1610. P. 255; The Court of King James the First / Ed. by G. Goodman. L., 1839. Vol. II. P. 123—124.

¹¹¹CSP Domestic, 1603—1610. P. 251, 258.

¹¹²Ibid. P. 251; The Court of King James the First. Vol. II. P. 120—122.

¹¹³“which he could not with his conscience passe over with silence” // PRO SP 14/17/62. F. 85.

¹¹⁴CSP Domestic, 1603—1610. P. 266.

своему тестю, Томасу Сэквилу (с 1604 г. — графу Дорсету). В этих посланиях он разъяснял обстоятельства своего знакомства с Гаем Фоксом, а также заверял Дорсета в том, что ничего не знал о планах заговорщиков. Однако король не прислушался к этим уверениям, и 15 ноября виконт в компании других лордов отправился в Тауэр¹¹⁵.

Там виконт провел 9 месяцев. Но в отличие от Мордаунта и Стертона, у него был влиятельный покровитель, лорд-казначей, граф Дорсет, который и помог ему выпутаться этой истории¹¹⁶. 18 августа 1606 г. виконта отправили под арест в дом графа Дорсета после уплаты штрафа в 200 фунтов. Невозможно утверждать, какими именно уступками было куплено это освобождение, но вероятнее всего, он вынужден был согласиться (временно) на посещение приходской церкви (согласно закону), о чем свидетельствуют документы из прихода Спасителя в Саутурке (см. часть II, главу I). Другие члены семьи также сочли нужным публично продемонстрировать свою лояльность, публично отказавшись от практики *recusancy*, как это сделал дядя виконта, сэр Генри Браун, в 1607 г., во время заседания сассекских ассиз (разбиравших дела о *recusancy*)¹¹⁷.

Его действия объяснимы давлением, под которым оказалась семья после Порохового заговора. Монтегю-хаус в Саутурке поместили под наблюдение еще в 1605 г., а рано утром 9 апреля 1606 г. лондонская резиденция Монтегю и близлежащие здания были подвергнуты обыску. Правительственные агенты подозревали, что там мог скрываться иезуит Генри Гарнет (что не соответствовало действительности), однако поскольку законы, грозившие смертной казнью за укрывательство католических священников, оставались в силе, обнаружение кого-либо из них в доме виконта или его бабушки сулило большие неприятности.

Командовавшие обыском мировые судьи графства Сарри разместили наблюдателя на башне церкви Спасителя, чтобы предупредить возможность побега подозреваемых. Дворецкий виконтессы Монтегю отказался впустить слуг закона в дом, а за то время, что было потрачено на поиск инструментов и взлом двери, два человека все-таки сбежали. И хотя наблюдатель на башне заметил их, задержать их не смогли¹¹⁸.

И позднее Монтегю-хаус находился под наблюдением, а лояльность его владельцев явно не считалась бесспорной. В таких условиях поли-

¹¹⁵BL, Add. MS 11402. F. 108; PRO SP 14/216/48, 74, 86. См.: *Nicholls M. Investigating Gunpowder Plot // RH. 1988—1989. Vol. 12. P. 124—145.*

¹¹⁶Генри Мордаунт был отправлен в Тауэр вместе с виконтом Монтегю, а лорд Стертон присоединился к ним 26 ноября 1605 г. В июне 1606 г. Мордаунт и Стертон предстали перед судом Звездной Палаты и были признаны виновными (в недонесении о заговоре) и приговорены к выплате огромных штрафов (Мордаунт — 10000 фунтов, а Стертон — 6000 фунтов) и тюремному заключению. В августе 1606 г. Стертона перевели в тюрьму Флит, а в 1608г. он был освобожден. Лорд Мордаунт умер в Тауэре в феврале 1609 г.

¹¹⁷*Cockburn J. Sussex assizes: James I. Nos. 90, 91.*

¹¹⁸PRO SP 14/20/20. F. 40. Отчет о неудачном обыске лорд-главный судья, сэр Джон Попэм, направил Сесилу.

тическая карьера виконта Монтегю на национальной сцене закончилась, фактически не начавшись. Вплоть до 1621 г. он не появлялся в палате Лордов, очевидно, следуя распоряжению Якова I.

§ 5. Кризис 1610–1611 гг.: присяга на верность Якову I и семья Монтегю

Виконт компенсировал свое отсутствие на национальной политической сцене активным участием во внутренних конфликтах английского католического сообщества. В 1605–1609 гг. он оказывал поддержку проектам воссоздания в Англии католического епископата (см. ниже), что вызвало, в конце концов, подозрения Якова I.

Положение виконта ухудшили и другие обстоятельства: во-первых, в апреле 1608 г. скончался его тесть и придворный покровитель, граф Дорсет, не раз заступавшийся за него перед властями. А в мае 1610 г. известия об убийстве французского короля Генриха IV католиком-фанатиком вызвало новую волну антикатолической истерии и ужесточение законодательных мер против католиков. Еще в 1606 г., после раскрытия Порохового заговора, парламент принял статут, предписывавший требовать с католиков принесения особой присяги на верность монарху¹¹⁹. Одно из положений присяги, подразумевавшее признание учения о праве папы смещать государей еретическим, могло в принципе означать, что разделявшие его понтифики — еретики, и было в таком виде неприемлемо для многих католиков. Введение присяги породило немало споров и конфликтов в католическом сообществе и вызвало полемику европейского масштаба¹²⁰.

Поначалу титулованные дворяне были освобождены от принесения присяги. Но статут 1610 г. распространил действие предыдущего законодательного акта и на них¹²¹. Поскольку виконта уже давно подозревали в нелояльности, он оказался под угрозой.

Давление со стороны правительства начало нарастать после смерти графа Дорсета. В марте 1609 г. был арестован один из слуг виконта, некий Маршалл, которого подозревали в переправке средств, собранных католиками для поддержки священников¹²². А в сентябре 1609 г., и на Пасху 1610 г. Монтегю-хаус в Саутуорке подвергся обыскам¹²³.

¹¹⁹Текст статута см.: Statutes of the Realm. Vol. IV. P. 1071–1074. Русский перевод см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. Приложение III. С. 285–289.

¹²⁰Подробнее о присяге и вызванными ею спорами см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 55–58, 65–69, 114–115, 130–153.

¹²¹Statutes of the Realm. Vol. IV. P. 1103–1105. Русский перевод см.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. Приложение III. С. 293–294.

¹²²Questier M.C. Catholicism and Community. P. 356.

¹²³Ibid. P. 356–357.

В октябре 1610 г., после того, как король публично выразил свое недовольство тем, что свита Монтегю полна католиков-рекузантов, а сам он отправляет послания в римскую курию, виконт распустил свою свиту; католические капелланы временно покинули его дом в Каудрей (Сассекс). 2 ноября виконт писал государственному секретарю Роберту Сесилу (графу Солсбери), объявляя о своей неизменной верности монарху и спрашивая, является ли причиной королевского гнева его религия¹²⁴. Ответом стал новый обыск (18 ноября 1610 г.) в Монтегюхаусе — резиденции вдовствующей виконтессы, в результате которого было арестовано шесть католических священников¹²⁵.

Теперь требование от виконта присяги стало только вопросом времени. Поскольку виконт не мог по совести согласиться принести ее, согласно положению статута 1606 г., его ждала конфискация имущества. Чтобы защитить семью, виконт весной 1611 г. передал часть имущества родственникам — сэру Роберту Дормеру, сэру Джону Дормеру и сэру Фрэнсису Инглфилду — с тем, чтобы они впоследствии выплатили приданое его дочерям, когда те выйдут замуж (или достигнут 30 лет), а также и долю в 2000 фунтов сыну и наследнику Фрэнсису¹²⁶.

Предосторожность была отнюдь не лишней: всего через месяц после подписания документа, в мае 1611 г., виконт получил приказ предстать перед лордами Тайного Совета. Это означало требование присяги: по статуту 1610 г. титулованный дворянин приносил присягу перед тремя членами Совета, причем одним из них обязательно должен был быть кто-то из первых лиц в государстве — лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-хранитель печати или государственный секретарь.

Виконта спасла болезнь: он не смог предстать перед членами Совета, заразившись свирепствовавшей в это время лихорадкой. Пока он боролся с болезнью в Каудрее, лорд-хранитель печати (и католик-конформист) граф Норхэмптон вел закулисные переговоры с целью спасти виконта от конфискации имущества. Едва выздоровев, Монтегю в начале июня 1611 г. приехал в Лондон. В письме его капеллана, архипресвитера Джорджа Бёркхеда, отправленного в Рим представителю английского католического духовенства Томасу Мору 14 июня 1611 г. описывается, как виконт, представ перед Тайным Советом, «сначала заявил о своей верности Его Величеству в самых сильных выражениях и яркой манере, но потом выразил пожелание, чтобы его освободили от принесения присяги, поскольку она содержит многое, противоречащее его вере». Затем граф Норхэмптон выступил в защиту виконта, напомнив остальным лордам о его лояльности и предположив, что позднее виконт может согласиться принести присягу. «Однако Монтегю сказал, что он Божьей милостью всегда будет тот же, что и сейчас, и просил лордов

¹²⁴Ibid. P. 357.

¹²⁵Ibid. P. 357—358; Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier (Camden Society. 5th series. Vol. 12). 1998. P. 96.

¹²⁶WSRO, SAS/BA 72.

ничего другого о нем не помышлять. А когда милорд Зуш спросил его, отказывается ли он приносить присягу, милорд [Монтегю] громким голосом произнес: да, милорд, я отказываюсь»¹²⁷.

После отказа от присяги виконт был отправлен сначала под домашний арест в лондонскую резиденцию племянника его жены, молодого графа Дорсета, а потом — в тюрьму Флит¹²⁸. Вскоре (в сентябре 1611 г.), впрочем, виконт вышел на свободу, за которую пришлось дорого заплатить: Монтегю был приговорен к выплате огромного штрафа в 6000 фунтов. В обмен король даровал ему прощение за отказ от присяги (и обещание не требовать ее впредь), за отказ от посещений церкви (*recusancy*) и за укрывательство священников. Освободили виконта после выплаты 1000 фунтов; такая же сумма была выплачена до конца года. Остальные деньги Монтегю должен был выплатить в 1612 г.

Не вполне ясно, удалось ли ему выплатить всю сумму. Чтобы собрать первый взнос, ему пришлось продать манор Уонборо (графство Сарри), и сдать в аренду часть городских владений в Саутурке¹²⁹. Однако и в конце царствования Якова I виконт оставался в долгах.

После драматических событий 1611 г., едва не разрушивших положение семьи Монтегю, ее члены прилагали немалые усилия, чтобы показать свою верность королю. В 1612 г. дядя виконта, сэр Генри Браун — находившийся в это время за пределами Англии — облачился в глубокий траур и одел в черное свою свиту после получения известия о смерти наследника, принца Генри¹³⁰. А на придворном празднике по случаю бракосочетания принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха V (февраль 1613 г.) дочери виконта Мэри и Кэтрин привлекли внимание роскошными нарядами, обошедшимися их отцу в 1500 фунтов¹³¹.

Несмотря на их усилия, родственники виконта порой становились объектом враждебности властей. Особенно «отличался» Джордж Эббот, новый (с марта 1611 г.) архиепископ Кентерберийский, прославившийся своей нетерпимостью к католикам. Именно он стоял за преследованием виконта в 1611 г.¹³² А его действия в 1615 г. были хотя и менее опасными для семьи, но еще более оскорбительными. В январе этого года скончался сэр Джордж Браун. Его похоронили в приделе церкви Спасителя в Сауту-

¹²⁷at the first protested his fidelitie to His Maiestie in most effectuall wordes and manner, but desired to be excused touchinge the oath quia multa continet contra fidem <...> [Northampton] how loial he shewed himself, adding theat in tyme more might be obtained of him. [Montague said] that by godes grace hhe wold ever be the same man now he is, and requested them to have no other conceit of him; and when my Lord Zouche asked him whether he refused the oath, my lord with a lode voice saide, yes, I do refuse it" // Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 109.

¹²⁸Ibid.

¹²⁹BL, Harleian MS 6847. F. 20—21.

¹³⁰Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 223.

¹³¹The Letters of John Chamberlain / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1939. Vol. I. P. 425.

¹³²Questier M.C. Catholicism and Community. P. 358.

орке, однако спустя три дня его гробы выкопали из могилы по распоряжению архиепископа, запретившего хоронить его где-либо в освященной земле в пределах его диоцеза и распорядившегося закопать его у дороги¹³³. Наконец, в том же 1615 г. заместителям лордов-лейтенантов Сассекса было поручено составить список рекузантов, служащих виконту¹³⁴.

§ 6. Переговоры об «испанском браке»: попытка возвращения во власть

В описанной выше ситуации только те из католиков, которые публично выказывали лояльность режиму и подчинялись закону (т.е. являлись церковными папистами), могли рассчитывать на политическую карьеру. Поскольку Монтегю отчетливо продемонстрировал свое нежелание идти на компромисс, его политическая активность вынужденно ограничивалась рамками английского католического сообщества.

Тем не менее, подобная ситуация не осознавалась им как «нормальная», о чем свидетельствуют попытки изменить ситуацию, пришедшиеся на последние годы царствования Якова I. Король давно склонялся к тому, чтобы женить сына и наследника на католической принцессе. Его выбор пал на испанскую инфанту Марию; переговоры шли уже с 1617 г., но отец предполагаемой невесты, Филипп III, не выказывал большого энтузиазма. Положение изменилось в 1621 г., когда на престол вззошел его сын, Филипп IV. Переговоры оживились, и в течение пары лет «испанский брак» принца Карла казался делом решенным. Одним из важных аспектов переговоров был вопрос о правовом статусе католических подданных английского короля. Испанская сторона настаивала на том, чтобы режим веротерпимости по отношению к католикам получил юридическое обоснование в виде парламентского акта. Яков I, со своей стороны, не желал связывать себя и своего преемника правовыми документами. Однако в 1621—1623 гг. практическое исполнение антикатолических законов в стране было приостановлено¹³⁵.

Изменение ситуации немедленно отразилось в действиях виконта. В 1621 г. он впервые за много лет появился на заседаниях палаты Лордов. Он присутствовал в палате 30 января, 3 и 8 февраля¹³⁶, пропустив заседания 5 и 6 февраля, где от лордов требовали принесения присяги на верность. 10 февраля виконта также не было в палате; его троюрод-

¹³³Ibid. P. 385—386. Неясно, где именно, в конце концов, похоронили сэра Джорджа Брауна.

¹³⁴ESRO, XA 63. F. 27; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 386.

¹³⁵О предполагаемом «испанском браке» см.: *Gardiner S.R. Prince Charles and the Spanish Marriage, 1617—1623*. L., 1869; *Loomie A.J. Spain and Jacobean Catholics*. L., 1973. Vol. II; *Stuart Dynastic Policy and Religious Politics, 1621—1625. Introduction* / Ed. by M.C. Questier. L., 2009. P. 1—54.

¹³⁶LJ. Vol. III. P. 7, 9, 11.

ный брат, Томас Ховард, граф Эрендел, заявил, что у виконта имеется разрешение от короля отсутствовать на остальных заседаниях сессии¹³⁷.

Но хотя сам виконт и отсутствовал в палате, лордам пришлось заниматься его делами. Его имя упомянуто в перечне обвинений в адрес лорд-канцлера, сэра Фрэнсиса Бэкона (24 апреля 1621 г.): последний получил от виконта взятку в размере 600 или 700 фунтов, когда рассматривалось дело о долгах Монтегю короне (возникших в связи со штрафом в 6000 фунтов, см. выше); по благополучному для виконта завершении дела Бэкону должна была быть выплачена дополнительно сумма денег, не оговоренная в журнале палаты¹³⁸. Отвечая на это обвинение 30 апреля, лорд-канцлер признал, что деньги им действительно были получены (в 1615 г.), но дело так и не получило своего разрешения, из-за недобросовестных действий сэра Фрэнсиса Инглфилда — одного из родственников виконта, которому (наряду с другими) были переданы в траст часть поместий Монтегю¹³⁹ (см. выше).

Инглфилд — муж сестры виконта, Джейн Браун — оказался ненадежным попечителем, и не произвел тех выплат, которые обязан был сделать согласно изначальному договору (приданое дочери виконта Мэри, леди Сент-Джон). Дело тянулось долго, и решение от 1617 г. было не в его пользу, но денег он так и не выплатил, и потому в июле 1617 г. был оштрафован на 500 фунтов (сверх долга) и отправлен в тюрьму Флит. Оттуда его освободили только в декабре 1617 г., после того, как за него дважды вступался королевский фаворит, граф Бекингэм (Джордж Виллиерс)¹⁴⁰.

Вопрос об имуществе виконта рассматривался палатой. Предполагалось, что он должен был быть урегулирован частным актом. Билль благополучно прошел первое и второе чтения (28 и 29 мая 1621 г.)¹⁴¹ и был передан на рассмотрение комиссии. Ее возглавил Генри де Вир, граф Оксфорд, а в состав вошли племянник жены виконта, Ричард Сэквил, граф Дорсет, и Уильям, лорд Петер (сын которого Роберт был женат на Мэри Браун, младшей дочери Монтегю). 30 мая исправленный билль был принят палатой в третьем чтении¹⁴², но в статут он по непонятным причинам не превратился. Лордам пришлось вернуться к нему в 1624 г. (см. ниже).

Но хотя появление Монтегю на парламентской арене оказалось не слишком успешным, в начале 1620-х гг. и сам виконт, и его родственники с энтузиазмом ожидали заключения «испанского брака», который должен был принести им возвращение политических прав. Многие католики активно участвовали в дипломатических переговорах с Испанией и Римом, в их числе двоюродный брат виконта, сэр Томас Эренделл,

¹³⁷Ibid. P. 14.

¹³⁸Ibid. P. 86.

¹³⁹Ibid. P. 99.

¹⁴⁰Ford D.N. Sir Francis Englefield, juniour // Royal Berkshire History, <http://www.berkshirehistory.com/bios/fenglefieldjr.html>

¹⁴¹IJ. Vol. III. P. 136, 139.

¹⁴²IJ. Vol. III. P. 142.

стремившийся играть при дворе роль «представителя» католиков (члена Тайного Совета), подобную той, что при французском дворе играл представитель гугенотов¹⁴³.

Виконт Монтегю тоже не желал упустить возможность вернуть семье былое влияние. Он вел неофициальные переговоры с испанским послом Гондомаром. Последний в мае 1622 г. посетил виконта в его маноре Годалминг¹⁴⁴. А в ноябре 1622 г. наследник Монтегю, Фрэнсис Браун, которому едва исполнилось 15 лет, в сопровождении наставника и дворян из свиты отца отправился в большой тур по Европе. Разрешение на трехлетнее путешествие было выдано Тайным Советом 22 сентября 1622 г.¹⁴⁵ В начале ноября 1622 г. юноша был в Дувре, и целью его путешествия была Испания¹⁴⁶. Именно там Фрэнсис Браун провел большую часть времени, до тех пор, пока приказом Тайного Совета от 28 сентября 1624 г. его не отозвали в Англию¹⁴⁷.

В Мадриде Фрэнсис Браун присоединился к своему кузену, Энтони Инглфилду. В отличие от других молодых английских дворян, католиков и протестантов, отправившихся в столицу Испании вслед за принцем Карлом в качестве членов его свиты и поселившихся в резиденции английского посла, графа Бристоля, наследник виконта и его кузен жили отдельно¹⁴⁸. По всей видимости, они рассчитывали получить должности в свите инфанты Марии, которую должны были сформировать из католиков. Здесь они могли рассчитывать на помощь влиятельных испанских родственников, в том числе троюродного брата, Гомеса Суареса де Фигероа и Кордобы, герцога Ферия.

Таким образом, виконт, считая себя самого, по всей видимости, персоной *non grata* при дворе Якова и его сына, стремился вернуть собственного наследника на национальную политическую арену, поместив его в самый центр власти — ко двору наследника престола. И хотя переговоры об «испанском браке» окончились неудачей, они отчетливо показали, что католическое дворянство отнюдь не смирилось с утратой значительной доли политического влияния, и намерено было его вернуть.

§ 7. Последние годы виконта Монтегю (1624–1629)

Неудачное завершение переговоров о браке вызвали мощную, хотя и кратковременную волну антикатолических выступлений в Англии. Эти настроения проявились в ходе заседаний парламента 1624 г. Виконт Монтегю появился на первых двух заседаниях палаты Лордов (19 и

¹⁴³Questier M.C. Catholicism and Community. P. 389—390.

¹⁴⁴Simonds d'Ewes. The Diary. Paris, 1974. P. 79; Stuart Dynastic Policy. P. 143—144.

¹⁴⁵CSP Domestic, 1619—1623. P. 449.

¹⁴⁶Stuart Dynastic Policy. P. 191.

¹⁴⁷APC, 1623—1625. P. 324.

¹⁴⁸Wadsworth J. The English Spanish Pilgrime. L., 1629. P. 48—49.

21 февраля 1624 г.)¹⁴⁹, но отсутствовал, когда от лордов требовали принесения присяги на верность. 23 февраля в журнал палаты была внесена запись о том, что лорд-маршал (граф Эрендел) сообщил им: виконт Монтегю имеет разрешение короля не появляться в палате¹⁵⁰. По сообщениям венецианского посла, от Монтегю и еще трех лордов-католиков, считавшихся принадлежащими «испанской партии» — лордов Морли, Виндзора и Вокса — потребовали принести присягу, «исключавшую власть папы»; все они отказались¹⁵¹. Не вполне ясно, шла ли речь о присяге на верность, или о какой-то новой версии присяги, специально сформулированной для лордов-сторонников «испанского брака».

Виконт появился в палате 8 и 9 марта, когда там заслушивался в первом и втором чтении билль против рекузантов (хотя и не входил в состав комиссии)¹⁵², а также 17 марта, когда рассматривался (и был, наконец, принят в виде частного акта) билль о передаче части земель Монтегю попечителям¹⁵³.

Билль (основывавшийся на билле 1621 г.) был рассмотрен в первом чтении 6 марта¹⁵⁴, а во втором — 10 марта 1624 г.¹⁵⁵ Тогда же была образована комиссия для его рассмотрения под председательством архиепископа Кентерберийского Джорджа Эббота¹⁵⁶. В ее состав вошли кузен Монтегю Генри Ризли, граф Саутхэмптон, племянник его жены, Ричард Сэвил, граф Дорсет, и Джон Полет, лорд Сент-Джон (младший брат Уильяма Полета, лорда Сент-Джона [ум. 1621 г.], зятя Монтегю)¹⁵⁷. 17 марта (в присутствии Монтегю) комиссия внесла поправки в билль и признала его готовым к принятию. В тот же день поправки¹⁵⁸ прошли первое и второе чтение, а 19 марта билль, наконец, был одобрен палатой. Сэр Фрэнсис Инглфилд представил свою петицию, однако она была отклонена.

Акт предполагал передачу имущества новым попечителям — графам Саутхэмптону и Дорсету и лорду Петеру. Дормеры освобождались от своих обязанностей, а третий из предыдущих попечителей, сэр Фрэнсис Инглфилд должен был представить полный отчет о доходах с земель и по-

¹⁴⁹LJ. Vol. III. P. 209, 211.

¹⁵⁰Ibid. P. 214.

¹⁵¹CSP Venetian, 1623—1625. P. 232, 242, 247.

¹⁵²LJ. Vol. III. P. 249, 252.

¹⁵³Ibid. P. 265—266.

¹⁵⁴Ibid. P. 248.

¹⁵⁵Ibid. P. 254.

¹⁵⁶Эббот занимался имущественными делами виконта еще в 1616 г. См.: Surrey History Centre, Loseley MS 6729/10/125.

¹⁵⁷Другие члены комиссии: граф Эссекс (Роберт Деверо, 1591—1646), епископы Дарэмский (Ричард Нил, 1562—1640), Личфилдский (Томас Мортон, 1564—1659), Илийский (Николас Фелтон, 1556—1626), лорды Томас Виндзор (1591—1642), Томас Уэнтуорт (1591—1667), Уильям Пэджет (1572—1629), Оливер Сент-Джон из Блетсо (1580?—1646), Роберт Спенсер 91570—1627), Сай и Сил (Уильям Файнс, 1582—1662), Роуз (Эдвард Денни, 1569—1637).

¹⁵⁸LJ. Vol. III. P. 269.

лученных им суммах. Старшей дочери виконта, леди Сент-Джон (супруге Уильяма Эренделла) должны были, наконец, выплатить ее приданое и 1000 фунтов сверх того за понесенный ущерб; дополнительные 1000 фунтов (сверх приданого в 2000) выделялись и младшей дочери Фрэнсис.

11 мая 1624 г. палата рассмотрела вопрос о нарушении парламентской привилегии в отношении виконта Монтегю — ареста его слуги Джона Беннетта, хотя сам виконт в палате отсутствовал. Примечательно, что Беннетт был известным католиком, однако те же самые лорды, что требовали ужесточения наказания последних, поставили привилегии одного из членов палаты превыше конфессиональной логики.

Затем палате вновь пришлось иметь дело с родственниками виконта. Вроде бы подчинившись решению палаты лордов, Инглфилд озвучил в нижней палате обвинения в адрес Уильяма Эренделла и его жены, дочери Монтегю, о приданом которой в частности шла речь в билле, и оспорил решение канцлерского суда. За это он 14 мая 1624 г. был вызван в палату лордов. Явившись туда 27 мая, Инглфилд был обвинен в распространении слухов, порочивших родственников виконта, и ему было приказано принести извинения Уильяму Эренделлу в присутствии графа-маршала (графа Эрендела) и графа Саутхэмптона¹⁵⁹.

После 1624 г. Монтегю почти не появлялся в палате Лордов. Он присутствовал там лишь однажды, на первом заседании первого парламента Карла I (18 июня 1625 г.)¹⁶⁰. Затем он вновь предъявил королевское разрешение отсутствовать (23 июня)¹⁶¹. В 1626 г. он отсутствовал в палате по болезни¹⁶². В 1628 г. его заместителем стал сэр Ричард Уэстон, лорд-казначей, тайный католик и глава придворной про-испанской партии¹⁶³.

Активная политическая деятельность католиков-рекузантов, известных своими про-испанскими пристрастиями, не приветствовалась в 1624—1625 гг., и Монтегю и его окружению в это время пришлось вновь испытать на себе давление властей. Материалы визитации 1624 г. в Мидхёрсте¹⁶⁴ и сессии по ассизам 1624—1625 гг. графств Сассекс и Сарри показывают рост числа рекузантов, привлечших к себе внимание властей¹⁶⁵. Сам виконт в 1626 г. попал в список рекузантов — редкий случай для пэра¹⁶⁶. А в 1625 г. в доме виконта в Каудрей был проведен обыск с целью конфисковать оружие. Дворянам-католикам запрещалось иметь в домах оружие (за исключением шпаг или рапир для самозащиты) и запасы пороха, поскольку оружие и боеприпасы могли быть использованы против правительства. Католики же — осо-

¹⁵⁹Ibid. P. 413.

¹⁶⁰Ibid. P. 435.

¹⁶¹Ibid. P. 441.

¹⁶²Ibid. P. 500.

¹⁶³Ibid. P. 685. О Ричарде Уэстоне см.: ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/29126>

¹⁶⁴WSRO, Ep I/17/19. F. 30, 31, 34, 36.

¹⁶⁵Cockburn J. Surrey Assizes: James I. No. 1749; Sussex Assizes: James I. Nos. 802—809.

¹⁶⁶PRO, SP 16/21/23. F. 33.

бенно в правление Стюартов — воспринимали обыски как ритуальное унижение, посягательство на их честь и статус рыцарей-воинов¹⁶⁷.

В годы предыдущего царствования, во время войны с Испанией, подобные обыски никогда не обнаруживали ни значительных запасов оружия, ни пороха¹⁶⁸ (хотя счета виконтессы Монтегю от 1597 г., например, показывают, что порох приобретался в значительных количествах)¹⁶⁹. В 1625 г. такой обыск был частью антикатолической кампании, организованной епископами, опасавшимися усиления католического влияния в связи с заключением брака Карла I с Генриеттой-Марией Французской (1625 г.).

Проводивший обыск 7 декабря 1625 г. епископ Чичестерский Карлтон обнаружил в Каудрее 32 пики (одна из них сломанная), 15 копий (из них два сломано), «изъеденные червями», 16 ржавых алебард, 3 протазана, 7 пар стальных перчаток, все «очень старое»¹⁷⁰.

В 1624 и 1626 гг. парламентарии требовали также изгнания всех католиков из местных органов самоуправления — комиссий в графствах, затронувших Сассекс и Сарри¹⁷¹.

Позднее подобных масштабных действий не предпринималось. К концу 1620-х гг. дворяне-католики выработали способ сосуществования с правительством, которое в обмен на уплату штрафов (не слишком крупных) даровало им королевское прощение, фактически защищавшее их от преследований за *recusancy*. Виконт Монтегю получил королевское прощение 28 февраля 1628 г., незадолго до своей смерти¹⁷².

В последние годы жизни виконт Монтегю был вовлечен в политические действия католической миссии (в частности, он активно поддерживал сторонников восстановления в стране католического епископата и позднее поддерживал епископа Халкедонского Ричарда Смита в его конфликтах с членами монашеских орденов; см. ниже).

§ 8. Служба династии: Фрэнсис Браун, третий виконт Монтегю (1607–1682) и двор Карла I

Сын и наследник виконта, Фрэнсис Браун, не занимал никаких государственных или придворных постов, поскольку для этого ему потребовалось бы стать церковным папистом. Поэтому его имени нет среди

¹⁶⁷Quintrell B. The Practice and Problems of Recusant Disarming // RH. 1983. Vol. 17. P. 208—222; Croft P. The Catholic Gentry, the Earl of Salisbury and the Baronets of 1611 // Conformity and Orthodoxy in the English Church, c. 1560—1660 / Ed. by P. Lake and M. Questier. Woodbridge, 2000. P. 263—282, оsob. P. 281, n.74; Questier M. Conformity, Catholicism and the Law // Ibid. P. 237—262.

¹⁶⁸Как, например, это произошло в 1599 г. (см. выше).

¹⁶⁹ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 4v.

¹⁷⁰PRO, SP 16/11/39, 39; PRO, SP 16/9/18.

¹⁷¹LJ. Vol.III. P. 289—290, 297—298, 304, 316, 394—396.

¹⁷²CSP Domestic, 1627—1628. P. 70

довольно многочисленных католиков, окружавших Карла I и его королеву. Тем не менее, можно проследить связи между семьей Монтегю и придворными католиками, обеспечивавшие молодому виконту и его родственникам возможность непрямой коммуникации с монархом.

Изначально Монтегю были связаны с про-испанской партией, противостоявшей про-французской партии королевы (в которую вошли более молодые придворные, а также — после 1628 г. — католики из круга покойного герцога Бекингэма). В испанскую партию входил кузен виконта, граф Эрендел¹⁷³. Кроме того, семья была связана узами покровительства с главой этой партии, лордом-казначеем, графом Портлендом¹⁷⁴. Еще в 1604 г. будущий граф, а тогда — сэр Ричард Уэстон был избран в парламент от боро Мидхёрст (подробнее см. ниже). А в 1613 г. сэр Ричард стал одним из попечителей другой группы маноров, переданных виконтом в траст с целью обеспечения выплаты долгов (наряду с маркизом Винчестером, сэром Ричардом Фермором и сэром Энтони Мейни)¹⁷⁵. Как уже упоминалось, позднее именно сэр Ричард Уэстон замещал второго виконта в палате лордов в 1628 г.

Смерть графа Портленда в 1635 г. временно оставила виконта Монтегю без покровителя, поскольку прямых связей с кругом королевы Генриетты-Марии у него не было. Здесь на помощь ему пришли сестры, организовавшие в 1637 г. брак Фрэнсиса Брауна с Элизабет Сомерсет — дочерью графа Вустера, влиятельного придворного и друга королевской четы. К тому же и граф Эрендел к 1637 г. превратился из сторонника Габсбургов в их яростного критика и присоединился к «французской партии»¹⁷⁶.

Таким образом, к концу 1630-х гг. виконт Монтегю, как и другие дворяне-католики, нашли свой способ включения в политическую жизнь страны — личную, зачастую никак не формализованную, службу монарху.

Именно поэтому среди дворян-католиков не произошло раскола в годы гражданской войны: подавляющее их большинство воевало на стороне Стюартов, принеся при этом немало жертв. Пострадала при этом и семья Монтегю. В 1643 г. поместья виконта в Сассексе были конфискованы сторонниками парламента. Старший сын, Энтони Браун, был ранен в сражении под Йорком в 1644 г. В сражении при Нейзби был смертельно ранен сэр Питер Браун (кузен второго виконта). Чарльз Эренделл (внук второго виконта) погиб при Вустере в 1649 г. Немало погибших роялистов было и в семьях других родственников Монтегю — Дормеров, Гейджей, Ховардов¹⁷⁷. Эти потери оплакивали — и ими гордились. Вновь, как и в старину, рыцари-католики проливали кровь за короля, которого не без основания считали своим.

¹⁷³Hibbard C.H. Charles I and the Popish Plot. Chapel Hill, 1983. P. 34—35; White M.A. Henrietta Maria and the English Civil Wars. Aldershot, 2006. P. 11—29.

¹⁷⁴White M.A. Henrietta Maria. P. 17—18.

¹⁷⁵BL, Add. MS 11967. F. 23.

¹⁷⁶Smuts M. Religion, European Politics and Henrietta Maria's Circle // Henrietta Maria: Piety, Politics and Patronage / Ed. by E. Griffey. Aldershot, 2008. P. 13—37, оsob. P. 28.

¹⁷⁷Questier M.C. Catholicism and Community. P. 504—505.

§ 9. Второй виконт Монтегю и местное самоуправление: графства Сассекс и Сарри

Уход аристократа-католика с политической сцены не был полным и исключительным даже в случае со вторым виконтом Монтегю, отношения которого с режимом оставляли желать лучшего. Положение семьи в графстве изменилось по сравнению с предыдущим царствованием, поскольку Томас Ховард, граф Эрендел — «главный» аристократ графства Сассекс, в правление Якова I и особенно Карла I вновь стал влиятельным придворным, наряду с графом Дорсетом, оттеснив опального графа Нортумберленда и Монтегю.

Тем не менее, виконт участвовал в работе местных комиссий. В частности, парламентская комиссия 1626 г., призванная «вычистить» из них католиков, обнаружила, что виконт заседал в комиссии по стокам (реки Уз). Неясно, когда именно виконт стал членом этой комиссии — скорее всего, он участвовал в ее работе на протяжении многих лет. Помимо виконта, в комиссиях графства заседали и другие католики — сэр Джон Шелли, Джон Финч, сэр Джон Гейдж, сэр Джон Карилл, сэр Генри Гилфорд, сэр Генри Комптон, сэр Эдвард Фрэнсис, сэр Гаррет Кемп, Эдвард Гейдж, Томас Миддлмор, Джеймс Рутс, Уильям Скотт, Роберт Спиллер и Джон Тетчер¹⁷⁸. Представители семейств Шелли, Гейджей, Кариллов, Гилфордов, Тетчеров и Кемпов были членам старинных местных семейств, оставшихся верными католичеству. Они были связаны между собой и с Монтегю семейными узами (см. главу I). Генри Комптон был женат на племяннице жены виконта, Сесили Сэквил. Роберт Спиллер — дворецкий вдовствующей графини Эрендел (племянницы старой виконтессы Монтегю), засвидетельствовавший в 1624 г. сделку с имуществом Монтегю (см. выше). Томас Миддлмор принадлежал свите первого виконта, а потом — его вдовы; около 1600 г. он перешел на службу к Роберту Сэквилу, сыну графа Дорсета¹⁷⁹. Эдвард Фрэнсис был управляющим поместьями семьи Перси (Нортумберлендов) в Сассексе¹⁸⁰.

Таким образом, и в первой трети XVII в. католические кланы, связанные с Монтегю и с другими влиятельными католическими семьями, играли важную роль на местной сцене.

Подобная же тенденция прослеживается и при выборах в парламент при первых Стюартах. Монтегю почти не вмешивался в выборы представителей общин от графства Сарри; там, как и раньше, доминировала семья Моров из Лузли, постоянно выставлявшая в парламент одного из своих членов, и/или родственников.

Что же касается Сассекса, то здесь исход выборов, как правило, определялся соперничающими группами графа Дорсета и его родственни-

¹⁷⁸BL, Harleian MS 160. F. 95; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 429, n. 152.

¹⁷⁹*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 97, 269, 329; CSP Domestic, 1598—1601. P. 411

¹⁸⁰*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 56, n. 120.

ков, прежде всего, Монтегю, и других местных семей. В 1603—1604 гг., как и в последнем елизаветинском парламенте, графство представляли сэр Роберт Сэквил (позднее — второй граф Дорсет), и сэр Чарльз Ховард¹⁸¹. Однако в 1614 г. их сменили представители влиятельных местных семейств, убежденные протестанты сэр Уолтер Коверт (он и ранее избирался от графства, см. выше, главу III) и Сампсон Леннард¹⁸². «Протестанты» одерживали верх на выборах в графстве всякий раз, когда в стране разгоралась антикатолическая кампания. Так, в 1624 г. графство представляли сэр Эджернон Перси (наследник графа Нортумберленда) и сэр Томас Пелэм¹⁸³ (см. главу III), в 1625 г. — сэр Джон Ширли¹⁸⁴ и сэр Томас Пелэм (1597—1654; сын сэра Томаса-старшего)¹⁸⁵, а в 1626 г. — вновь сэр Уолтер Коверт и сэр Александр Темпл (отец известного пуританина, приговорившего впоследствии Карла I к смерти)¹⁸⁶.

В свою очередь, «группа Дорсета» обеспечила избрание в 1621 г. сэра Эдварда Сэвила (племянника виконтессы Монтегю) и сэра Кристофера Невилла (младшего сына барона Абергавенни, родственника Сэвиллов)¹⁸⁷. А в 1627—1628 гг. графство представляли сэр Ричард Льюкнор (внук стряпчего первого виконта Монтегю) и сэр Уильям Горинг (внук сэра Генри Горинга, возведенного в рыцарское достоинство в 1591 г., во время визита королевы Елизаветы в Каудрей, см. главу III)¹⁸⁸.

Как и в последние годы жизни первого виконта Монтегю, определение членов палаты от боро Мидхёрст было почти полностью передоверено Ричарду Льюкнору и его потомкам. Так, Фрэнсис Невилл (член палаты от Мидхёрста в 1604 г.) был кузеном Льюкнора¹⁸⁹. Томас Бойер (член палаты в 1614 г.) приходился сыном Томасу Бойеру-старшему (избранному в парламент от Мидхёрста в 1571 и 1572 гг., см. выше, главу III), и был женат на дочери Адриана Стаутона, племянника Льюкнора¹⁹⁰. Наследники сэра Ричарда Льюкнора сохранили влияние в боро и после его смерти (1616 г.): его внук и тезка, Ричард Льюкнор (ум. 1635) избирался в парламент от Мидхёрста в 1621, 1625 и 1626 гг., а его младший сын Кристофер Льюкнор — в 1627—1628 гг.¹⁹¹ Вероятно, именно Льюкнору был обязан избранием и Джеймс Смит (1621 г.), патронесса которого леди Беркли, была соседкой сэра Льюиса Льюкнора¹⁹²

¹⁸¹Ibid. P. 446.

¹⁸²Proceedings in Parliament 1614: House of Commons / Ed. by M. Jansson. Philadelphia, 1988. P. 469.

¹⁸³Members of Parliament. P. 460.

¹⁸⁴Hasler. Vol. III P. 374

¹⁸⁵Ibid. P. 194—195; Members of Parliament. P. 466.

¹⁸⁶Members of Parliament. P. 472.

¹⁸⁷Ibid. P. 478.

¹⁸⁸Ibid.

¹⁸⁹Hasler. Vol. II. P. 474—476.

¹⁹⁰Ibid. Vol. I. P. 473—474.

¹⁹¹Ibid. Vol. II. P. 474—476; Members of Parliament. P. 460, 466, 472, 478.

¹⁹²Members of Parliament. P. 453.

Тем не менее, есть и случаи прямого вмешательства виконта Монтегю, причем последний часто оказывал покровительство членам известных католических семейств и конечно, своим дальним родственникам. В 1604 г. членом палаты общин от Мидхёрста стал сэр Ричард Уэстон (впоследствии — граф Портленд), троюродный брат виконта. Позднее дружеские отношения с высокопоставленным придворным имели большое значение для сохранения коммуникаций семьи Монтегю с королевским двором¹⁹³.

В 1625 г. от Мидхёрста был избран сэр Уолтер Тичборн¹⁹⁴, в 1628 г. — Эдвард Севедж, младший брат виконта Севеджа (дальнего родственника виконта)¹⁹⁵. В 1626 г. виконт предоставил место в палате сэру Генри Спиллеру¹⁹⁶. Спиллеры принадлежали свите графов Эренделов, а младший брат сэра Генри Роберт Спиллер в 1624 г. засвидетельствовали земельную сделку, совершенную виконтом, так что действия Монтегю можно считать желанием оказать услугу родственникам и влиятельным соседям. В 1614—1621 гг. Спиллер избирался от боро Эрендел, принадлежавшего патронам его семьи¹⁹⁷, но в 1626 г. граф Эрендел предпочел других людей, а Спиллера избрали от боро Монтегю.

Впрочем, любой католик-рекузант был бы только рад оказать услугу важному чиновнику казначейства, ведавшему сбором штрафов с рекузантов. При этом Спиллер был церковным папистом, его супруга не посещала приходскую церковь, и его неоднократно обвиняли в излишней мягкости по отношению к католикам¹⁹⁸. Еще в 1606 г. Спиллер простил родственнику виконта, Томасу Гейджу, долг по штрафам за recusancy. Теперь ему оплатили ответной услугой.

Уильям Кортмен, избранный в палату от Мидхёрста в 1614 г., принадлежал к клиентеле сэра Ричарда Уэстона, который и представил его виконту Монтегю¹⁹⁹.

В боро Хейзелмир исход выборов определяла, как правило, воля сэра Джорджа Мора. На протяжении почти двух десятилетий в парламент избирались его зять Томас Граймс (1574—1644) в 1614 г.²⁰⁰, и внуки Пойнингс Мор (ум. 1649 г.) в 1624, 1625 и 1626 гг., Фрэнсис Кэрю (1602—1649) в 1624, 1625 и 1626 гг., и Джордж Граймс в 1628 г.²⁰¹.

Но и здесь виконт порой вмешивался. В 1604 г. явно благодаря его инициативе от Хейзелмира был избран католик, член свиты графа Нортумбер-

¹⁹³ODNB online; <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/29126>. Сэр Ричард Уэстон был внуком Уилбурги Кейтсби, родной сестры Дороти Кейтсби, второй жены сэра Уильяма Дормера — бабушки виконта по материнской линии.

¹⁹⁴Members of Parliament. P. 466.

¹⁹⁵Ibid. P. 478.

¹⁹⁶Ibid. P. 472.

¹⁹⁷Proceedings in Parliament 1614. P. 462.

¹⁹⁸Questier M.C. Sir Henry Spiller, Recusancy and the Efficiency of the Jacobean Exchequer // Historical Research. 1993. Vol. 66. P. 251—266.

¹⁹⁹Proceedings in Parliament 1614. P. 467; Members of Parliament. P. 453.

²⁰⁰Hasler. Vol. II. P. 231; Proceedings in Parliament 1614. P. 465.

²⁰¹Members of Parliament. P. 460, 466, 471; 478.

ленда Эдвард Фрэнсис (ум. 1628 г.) — вновь виконт оказывал любезность соседу, дружественному католикам²⁰². В 1614 и 1621 гг. от боро избирался его дальний родственник, Уильям Браун (из старшей ветви семьи)²⁰³.

Виконт оказывал и встречные услуги: в 1624 г. от Мидхёрста был избран кентский дворянин, сэр Энтони Мейни, коллега Мора по комиссиям графства и, вероятно, его протеже. Впрочем, Мейни имел тесные связи с семьей маркиза Винчестера, свитой старшей виконтессы Монтегю и сэром Ричардом Уэстоном. Но в любом случае, решение по кандидатуре принимал сам виконт, а не Льюкноры²⁰⁴.

Таким образом, хотя второй виконт Монтегю и был несколько менее активен в делах графства по сравнению с его дедом, все же он не полностью устранился от дел, как это порой утверждается, по крайней мере, в том, что касалось парламентских выборов²⁰⁵. При этом выбор кандидатов указывает на сознательное стремление виконта оказывать услуги собратьям-католикам, тем самым консолидируя католическое сообщество. Услуги единоверцам, взаимовыручка, была частью идеологии, в которой воспитывались дети дворян-католиков с конца XVI в²⁰⁶. В действиях виконта вполне можно усмотреть результаты ее влияния. При этом виконт не устранился совершенно и от местной политики, поддерживая контакты с семьями дворян-протестантов, склонных проявлять терпимость к соседям-католикам. Сеть этих контактов была выстроена еще первым виконтом, и внук продолжал ее поддерживать, охраняя при этом интересы как собственной семьи, так и местных католиков в целом.

§ 10. Виконты Монтегю и политика английского католического сообщества

Первый виконт Монтегю реализовывал свои политические амбиции в рамках национальной политики, на ее различных уровнях, хотя его «сцена» в последние годы жизни была ограничена графствами Сассекс и Сарри. Он не спешил вмешиваться в заговоры, интриги и внутренние конфликты католического сообщества, хотя постоянно оказывал финансовую и организационную поддержку священникам. При его жизни и другие члены семьи следовали его примеру.

Его наследник поначалу следовал примеру деда. И хотя в последние годы правления Елизаветы его участие в политической жизни страны сводилось к минимуму, он жил в ожидании перемен, которые должны были принести либо усиление позиций графа Эссекса при дворе, либо

²⁰²Members of Parliament. P. 446.

²⁰³Proceedings in Parliament 1614. P. 465.

²⁰⁴Members of Parliament, 460; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 262.

²⁰⁵Hesler. Vol. I. P. 252.

²⁰⁶*Kaushik S. Resistance, Loyalty and Recusant Politics*. P. 42—45.

восшествие на престол Якова Шотландского. Поэтому в 1590-х гг. члены семьи Монтегю не сочли нужным вмешиваться в конфликт между представителями ордена иезуитов и частью английских католических священников, так называемых «апеллянтов»²⁰⁷, которые не желали мириться с тем, что английскую миссию фактически возглавляли и направляли иезуиты, и стремились к усилению собственных позиций и — в идеале — к воссозданию в стране католического епископата, *de facto* признанного властями²⁰⁸.

Хотя ряд апеллянтов были уроженцами Сассекса, а один из них — Энтони Копли — дальним родственником Монтегю, их попытки привлечь на свою сторону молодого виконта и его родственников²⁰⁹ оказались безуспешными. Нет никаких оснований считать, что Монтегю в первые годы XVI в. поддерживали «апеллянтов». Более того, архипресвитер Блэуэлл — сторонник иезуитов и мишень ненависти «апеллянтов», был одним из капелланов второго виконта²¹⁰.

Ситуация изменилась после того, как стало ясно: новый король не собирается отменять законы, ограничивавшие права католиков, и единственным способом вхождения в состав правящей элиты остается компромисс с совестью, то есть, «церковный папизм», который второй виконт Монтегю считал для себя неприемлемым. И виконт переориентировал свою политическую деятельность, направив энергию на дела католического сообщества.

Уже произнесенная им в парламенте 1604 г. речь представляла собой, по сути, заявку на лидерство среди английских католиков. В парламенте Монтегю выступал в роли посредника между правительством и католиками, а также и представителя последних — или, по крайней мере, пытался это сделать. А в 1605 г. он присвоил себе право представлять английских католиков перед властями духовными — т.е. перед папой.

Датированное 15 августа 1605 г. послание виконта папе Павлу V обосновывало необходимость восстановления в Англии католического епископата: ведь в условиях преследований возникала насущная необходимость в реформировании деятельности миссии — ее реорганизации — а также и укреплении католиков в вере через таинство конфирмации (совершать которое мог только епископ)²¹¹. Виконт, таким образом, выступил

²⁰⁷От «апелляций» — противники иезуитов дважды (в 1601 и 1602 гг.) апеллировали к папе, требуя выведения их из подчинения ордену.

²⁰⁸Об апеллянтах и конфликте в среде католического духовенства см.: Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, 1979; Севергина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 44—52.

²⁰⁹Подробнее см. ниже, в данном разделе, а также в главе II части III.

²¹⁰Salisbury MSS. Vol. XV. P. 217, 219.

²¹¹Копия письма хранится в архивах Вестминстерского католического собора (AAW, B24, № 16). Послание подробно проанализировано Майклом Кестье (Questier M.C. Catholicism and Community. P. 341—342, 353, 357), как и участие виконта Монтегю в политических действиях внутри английского политического сообщества (Ibid. Ch.11—13) Его выводы использованы при написании данного раздела.

в поддержку группы английских католических священников, стремившихся к восстановлению епископата как средству укрепить собственные позиции в Английской миссии (в соперничестве с иезуитами). В состав этой группы входили два капеллана вдовствующей виконтессы Монтегю — Томас Мор и Ричард Смит, поэтому не исключено, что виконт поддался искусной манипуляции со стороны «своего» духовенства. А возможно, он считал своим долгом аристократа оказать покровительство членам своей свиты. Кроме того, архипресвитеры — первые кандидаты в епископы — были капелланами Монтегю. Оказывать покровительство епископу, духовному главе английских католиков, значило бы повысить престиж семьи в рамках сообщества, фактически превратить ее в лидеров.

Как бы там ни было, письмо не достигло своего адресата, будучи перехваченным главой Английской миссии ордена иезуитов Робертом Парсонсом. Последний в 1608 г. в письме архипресвитеру Джорджу Бёркхеду оправдывал свои действия заботой о безопасности Монтегю: де, ему не поздоровилось бы, если бы король Яков узнал о подобном послании папе²¹². Подобного же рода аргументы приводились и в письме Томаса Фицгерберта (представителя покойного архипресвитера Блэуэлла) тому же Бёркхеду. В нем также упоминалось, что виконт потребовал вернуть свое письмо²¹³. Позднее — в 1612 г. — он вновь пошлет его в Рим²¹⁴.

В ноябре 1608 г. виконт Монтегю написал другое послание, адресованное капеллану его тетки, леди Дормер, Эдварду Беннету. Хотя оно и составлено в виде частного письма, на самом деле оно предназначалось для циркуляции среди католиков в качестве обоснования позиции виконта в вопросе о епископате²¹⁵.

В 1609 г. Смит и Мор были направлены в Рим, с тем, чтобы там лоббировать назначение епископа для Англии. Разрешения на выезд из Англии, подписанные членами Тайного Совета, и в том числе архиепископом Кентерберийским Банкрофтом, были получены благодаря усилиям Монтегю, который в данном случае выступал как представитель мирян-католиков, гарантировавший властям лояльность «своего» духовенства. Архиепископ заинтересовался миссией Смита и Мора, рассчитывая на то, что она вызовет серьезный раскол в среде английских католиков²¹⁶. Однако действия Смита и Мора в Риме не произвели желаемого эффекта: епископ не был назначен, раскола удалось избежать²¹⁷. И правительство, потеряв интерес к проекту, ответило преследованиями в адрес Монтегю (см. выше).

²¹²CRS. Vol. 41. P. 5—6.

²¹³Ibid. P. 6—7.

²¹⁴Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 6, 88.

²¹⁵Dodd's Church History. Vol. V. P. liii. Подробнее о письме см.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 353.

²¹⁶Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 6; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 346.

²¹⁷О миссии Смита в Риме и его столкновении с иезуитом Парсонсом см.: *Crosignani G. Richard Smith versus Robert Persons, S.J. A double denunciation of "The*

Давление правительства, впрочем, не ослабили интереса виконта к проекту восстановления католического епископата. Он продолжал направлять в Рим письма, адресуя их как Смиуту (июль и август 1609 г.), так и вице-протектору английских католиков, кардиналу Лоренцо Бьянкетти²¹⁸.

Роль виконта Монтегю как патрона сторонников восстановления епископата признавалась английскими католиками. Об этом, в частности, свидетельствует еще одно «частное» письмо, копии которого циркулировали в Англии и даже в Риме. Это — послание, направленное герцогиней Ферия своему родственнику Монтегю. В нем герцогиня, выступая в качестве патронессы английских иезуитов, предлагала племяннику вместе с ней направить усилия на примирение двух конфликтующих групп католического духовенства. Здесь миряне — аристократы-католики — были представлены как покровители и посредники, находящиеся вне схватки и над ней, то есть, обладали властью в рамках католического сообщества²¹⁹.

Виконт был бы только рад считаться лидером сообщества, однако беспристрастности в его действиях было немного. В 1611 г. при помощи его шурина, Томаса Сэквила, и финансовой поддержке его жены Джейн, в Париже была основана коллегия Аррас, предназначенная для английских священников-католиков²²⁰. Они должны были стать конкурентами иезуитов в области полемического богословия, отдав все силы «войне пера», то есть, богословской полемике с английскими протестантами.

Священники, впрочем, далеко не всегда разделяли взгляды своего патрона на то, кто именно руководит английскими католиками, и не всегда готовы были выполнять его пожелания. На деле виконт гораздо чаще оказывался объектом их манипуляций, нежели они — его распорядителей. Так, в 1612 г. Монтегю пожелал, чтобы его бывший капеллан Ричард Смит вернулся в Англию и вновь занял свой пост. Однако Смит, находившийся в Париже (он был в числе первых обитателей коллегии Аррас) отказался вернуться, найдя более влиятельного покровителя. Им оказался епископ Люсонский, Арман дю Плесси де Ришелье, будущий кардинал. Виконту же пришлось довольствоваться пустыми отговорками²²¹.

Тем не менее, Монтегю продолжал выступать в роли патрона священников-семинаристов. В 1613 г. он был вызван новым архиепископом Кентерберийским Эбботом для объяснений по поводу своих

Judgement of a Catholic English-Man" at the Holy Office // Archivum Historicum Societatis Jesu. 2008. Vol. 76. P. 115—190; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 345—350.

²¹⁸*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 354.

²¹⁹*Ibid.* P. 354—355.

²²⁰*Ibid.* P. 374.

²²¹*Allison A.F. Richard Smith, Richelieu and the French Marriage: the Political Context of Smith's Appointment as Bishop for England in 1624* // *RH*. 1964. Vol. 7. P. 148—211, особ. P. 168—169; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 378—379.

действий в их поддержку и обосновывал перед ним мысль о том, что подчиненное епископу католическое духовенство окажется более лояльным к королю, нежели раньше, а поэтому режим должен смотреть на эту идею благосклонно²²².

В 1623 г., когда во главе английского католического духовенства, наконец, был поставлен епископ — Уильям Бишоп — его постоянной резиденцией стал дом тетки виконта, леди Дормер, а первое богослужение, после которого присутствовавшие на нем многочисленные католики прошли через таинство конфирмации, состоялось 1 августа 1623 г. в Каудрее, поместье виконта, тем самым подчеркнув его особый статус в рамках католического сообщества²²³.

Сменивший в 1625 г. скончавшегося Бишопа Ричард Смит (обязанный своим избранием Ришелье — как гарант благожелательного отношения английских католиков к готовившемуся браку принца Карла и Генриетты-Марии Французской)²²⁴ также нанес визит виконту, своему старому патрону. Смит многократно служил торжественную мессу в большой часовне, выстроенной виконтом незадолго до этого в Каудрее (явно в предвкушении возвращения епископа) и совершал там таинство конфирмации. Замок в Каудрее и лондонская резиденция виконта на Друри-лейн стали местами частого пребывания Смита, хотя епископ посещал и дома других аристократов-католиков, в том числе и многих родственников и друзей Монтегю — леди Мордаунт (воспитательницы его дочери Фрэнсис), Дормеров, Роуперов и Эренделлов²²⁵.

Гостеприимство и покровительство, оказанное епископу, повышало статус виконта в рамках католического сообщества, но одновременно и налагало обязательства. Покровительство предполагало защиту подопечных в случае необходимости. Именно с такой ситуацией виконту пришлось столкнуться в конце 1620-х гг., когда епископ Смит вступил в конфликт с представителями монашеских орденов и даже патронами-мирянами. Их недовольство было вызвано тем, что Смит толковал свои полномочия в соответствии с духом Тридентского собора, отказываясь соотноситься с условиями миссионерской деятельности. Он настаивал на том, чтобы все представители монашеских орденов получали у него разрешение на право принимать исповедь и совершение прочих таинств, стремился перераспределять средства, пожалованные патронами на нужды миссии, по собственному усмотрению, и желал утверждать завещания католиков, что по мнению многих мирян должно было неминуемо столкнуться их со светскими судами королевства и вызвать волну преследований²²⁶.

²²²Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 276; *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 380.

²²³Stuart Dynastic Policy. P. 225.

²²⁴Allison A.F. Richard Smith, Richelieu and the French Marriage. P. 158—159

²²⁵Questier M.C. Catholicism and Community. P. 426—427.

²²⁶Подробнее о конфликте см.: Allison A.F. A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcedon, and the Catholic Laity, 1625—1631 // *RH*. 1982. Vol. 16. P. 111—145; *Idem*. Richard Smith's Gallican Bakers and Jesuit Opponents // *RH*. 1987. Vol. 18.

Виконт выступил в поддержку позиции Смита (1627—1628 гг.). Он отстаивал ее в личных беседах с представителями монашеских орденов — бенедиктинцами и иезуитами²²⁷, в многочисленных посланиях, адресованных в Рим кардиналам Инквизиции, кардиналу Франческо Барберини, генералу ордена иезуитов Муцио Вителлески и самому папе Урбану VIII²²⁸. Наследник Монтегю Фрэнсис Браун также присоединился к кампании, направив свои послания Барберини и другому кардиналу, Лоренцо Магалотти²²⁹.

Виконт также представил обоснование своих взглядов и историю конфликта в большом трактате «Апологетический ответ», составленном в 1628 г. Ричард Смит показывал его своим сторонникам и оппонентам, хотя вопрос о том, являлся ли он столь убедительной благодаря его содержанию, или же тому факту, что она была написана виконтом Монтегю, остается открытым²³⁰.

И хотя кампания в поддержку епископа в конечном итоге оказалась безуспешной: в декабре 1628 г. Карл I в ответ на жалобы дворян-католиков подписал ордер на арест Смита, и тому пришлось скрываться во французском посольстве, а в 1631 г. он уехал во Францию, сложив с себя сан, — она немало способствовала тому, что виконт и в самом деле стал восприниматься как один из лидеров католического сообщества, по крайней мере, в глазах священников-семинаристов, поддерживавших Смита.

Триумфом виконта стал визит в английскую коллегия Дуэ, состоявшийся в последний год его жизни (осенью 1629 г.) — первое и последнее путешествие второго виконта за пределы Англии. Монтегю приветствовали в коллегии так, как принимали именитых гостей и монархов. 11 сентября 1629 г. его приветствовали глава коллегии Мэтью Келлисон и профессора, а также и студенты. В его честь прозвучала приветственная речь, а на следующий день в его присутствии состоялся публичный диспут, а затем — театральное представление. Монтегю провел в коллегии неделю, а перед отъездом, 18 сентября, один из преподавателей, Уильям Харгрейв, произнес похвалу виконту и его славным предкам (в особенности деду, первому виконту Монтегю). Глава коллегии затем сопровождал виконта в Брюссель, откуда тот вернулся на родину²³¹.

Таким образом, избранная виконтом модель поведения предполагала уход от национальной политики в мир католического сообщества. Не стоит, впрочем, считать этот мир замкнутым и незначительным: взятая Монтегю на себя роль лидера католического сообщества застав-

Р. 329—401; 1989. Vol. 19. P. 234—285; 1990. Vol. 20. P. 164—206; *Questier M.C. Catholicism and Community*. Ch. 13; *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков. С. 58—63

²²⁷*Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 443—445.

²²⁸*Ibid.* P. 451, 460—462.

²²⁹*Ibid.* P. 451.

²³⁰Содержание трактата проанализировано Майклом Кестье. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 454—460.

²³¹*The Douay College Diaries. Part I // CRS*. 1911. Vol. 10. P. 278—279.

ляла его контактировать с монархом и английской политической элитой, с одной стороны, и с Римом и католическими державами, с другой. Такое поле деятельности должно было представляться достаточно широким для аристократа²³².

§ 11. Женщины семьи Монтегю на политической сцене

В исследованиях последних десятилетий подчеркивались важные политические роли, исполнявшиеся женщинами, в особенности теми, кто принадлежал к дворянским и аристократическим семействам. Хотя, будучи женщинами, они и не занимали никаких официальных постов, их влияние, как правило, неформальное, основывавшееся на близости к правящим лицам, например, родственникам — членам правительства, или же в случае с придворными дамами и фрейлинами — к особе правящей королевы, могло быть и было весьма значительным. При этом женщины вмешивались не только в вопросы покровительства, обретения должностей и наделения имуществом, но и в области престолонаследия и дипломатии — порой по поручению королевы или родственников, а порой и по собственной инициативе²³³.

Кроме того, женщины-аристократки уже в силу своего высокого социального статуса оказывались облеченными немалой властью по отношению к членам своей свиты, младшим родственникам, домочадцам и арендаторам. В условиях конфессионального конфликта эти власть и влияние зачастую вступали в противоречие с законом страны, по крайней мере, на первый взгляд. Каким же образом женщины из числа дворянок-католичек реализовывали свою власть, и в какой степени на нее влияло политическое неполноправие их конфессионального сообщества?²³⁴

Представительницы старшего поколения женщин из семьи Монтегю и родственников с ними кланов — Мэри Браун, леди Грей, Мейбл Браун,

²³²Серегина А.Ю. Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2010. Вып. 18. С. 119—138, особ. С. 136—137.

²³³О роли женщин в придворной политике см.: *Women and Politics in Early Modern England, 1450—1700* / Ed. by J. Daybell. Aldershot, 2004, особ.: *Mears N. Politics in the Elizabethan Privy Chamber: Lady Mary Sidney and Kat Ashley*. P. 21—50; *Robertson K. Negotiating Favours: Letters of Lady Raleigh*. P. 99—113; *Payne H. Aristocratic Women, Power, Patronage and Family Networks at the Jacobean Court, 1603—1625*. P. 164—180; *The Rule of Women in Early Modern Europe* / Ed. by A.J. Cruz, M. Suzuki. Miami, 2009; *Mears N. Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms*. Cambridge, 2005. Обзор историографии см. в: *The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting across Early Modern Europe* / Ed. by N. Akkerman and B. Houben. Leiden, 2014, особ.: *Akkerman N., Houben B. Introduction*. P. 1—27.

²³⁴Здесь не рассматривается вопрос о роли женского патроната в организации религиозной жизни католиков. Об этом речь пойдет в следующем разделе (см. часть III).

графиня Килдейр, леди Магделен Монтегю, Джейн Дормер и др. — начинали свою «политическую карьеру» в качестве фрейлин при дворе первой английской королевы — Марии I (а многие из них и выросли при дворе). В случае Джейн Дормер о политической карьере можно говорить без оговорок, ведь молодая женщина была доверенным лицом королевы²³⁵. Однако и для других женщин пребывание при дворе оказалось немаловажным. Все они успели познакомиться с принцессой Елизаветой; леди Магделен Монтегю и графиня Килдейр явно хорошо ее знали. Елизавета благоволила к ним и позднее; именно расположение королевы защищало их самих и их домочадцев от вмешательства местных властей, далеко не всегда доброжелательно настроенных по отношению католикам. Не менее важным было и покровительство графини Линкольн — мачехи первого виконта и подруги детства Елизаветы (и ее придворной дамы).

Таким образом, личные отношения с правительницей, сформированные за время пребывания молодых женщин при дворе, оказалось серьезным политическим фактором, влиявшим на положение их единоверцев в графствах Сассекс и Сарри. Узы дружбы и родства обеспечивали каналы коммуникации с правительством, двором и монархом, отделенным от аристократов-католиков конфессиональным барьером. Публичным проявлением — и подтверждением — такой коммуникации, как и в случае с мужчинами, оказывался обмен новогодними подарками с королевой Елизаветой. Свитки с перечнями подарков на протяжении всего царствования неизменно включали в себя имя леди Магделен Монтегю, даже после того, как она овдовела — случай исключительный для дам-католичек²³⁶. Кроме того, после смерти мужа именно она стала фактически представлять семью во взаимодействиях со двором: ее опальный внук отсутствовал в списках дарителей²³⁷, так же, как и его супруга Джейн (дочь лорда-казначей и дальняя родственница самой королевы, но одновременно и обращенная католичка!).

Начиная с 1571 г.²³⁸, в списках дарителей присутствовала и дочь первого виконта, Мэри Браун, графиня Саутхэмптон, и подобно леди Монтегю, она оставалась там на протяжении всех остальных лет царствования королевы, вне зависимости от того, как складывались отноше-

²³⁵О Джейн Дормер см.: *Crummé H.A. Jane Dormer's Recipe for Politics: A Refuge Household in Spain for Mary Tudor's Ladies-in-Waiting // The Politics of Female Households. P. 51—71; Серегина А.Ю. Английская аристократка на политической сцене: «Биография» Джейн Дормер // Средние века. М., 2016. Вып. 77 (3—4). С. 357—370.*

²³⁶*The Elizabethan New Year's Gift Exchanges. P. 408, 426, 446, 465, 484, 502.*

²³⁷Лишь однажды, в 1597 г., свиток указывает под его именем *nil*, что может указывать на представленный и отвергнутый дар. См.: *The Elizabethan New Year's Gift Exchanges. P. 425.*

²³⁸Графиня вышла замуж в 1566 г., когда ей было всего 13 лет. В 1571 г. ей исполнилось 18, и ее сочли достаточно взрослой для того, чтобы поднести свой дар королеве.

ния правительницы с мужчинами ее семьи (т.е. мужем и сыном)²³⁹. Более того, после второго замужества леди Мэри, ставшей в 1595 г. женой сэра Томаса Хинеджа, вице-камергера двора, характер ее подарков изменился: если ранее они представляли собой символическую сумму в 10 ф.с. золотом, то теперь королеве подносились предметы туалета: халат (1597 г.), накидку (1598, 1600 гг.), атласную нижнюю юбку (1599 г.), и юбку-котту (1603 г.)²⁴⁰, что указывало на принадлежность дарительницы к ближнему кругу Елизаветы.

Женский патронат не всегда был способом обрести материальные блага. Часто женщины выступали в традиционных ролях заступниц. Так, в 1554 г. Мэри, леди Грей успешно вымолила у королевы Марии помилование для мужа, участвовавшего в восстании Уайетта (см. выше, главу III). Леди Монтегю и ее племянницы пытались мобилизовать свои родственные и дружеские связи, чтобы добиться прощения брата и отца — сэра Фрэнсиса Дейкра (см. выше), задействовав при этом духовное родство (крестник виконтессы, сэр Джулиус Сизар) и родство/дружбу с другими придворными дамами из окружения Елизаветы.

Наконец, в 1601 г. дочь первого виконта, графиня Сауттхэмптон, на коленях молила королеву, когда-то присутствовавшую на ее свадьбе, пощадить ее сына, участника восстания Эссекса, и королева вняла ее мольбам и оставила графа Саутхэмптона в живых, заменив ему казнь пожизненным заключением (граф вышел на свободу после восшествия на английский престол Якова I)²⁴¹.

Дамы из семейства Монтегю оказывали заступничество не только членам своей семьи, но и католикам из числа слуг и домочадцев. Так, в 1573 г. виконтесса Монтегю и ее падчерица, графиня Саутхэмптон, направили сэру Уильяму Мору письма с просьбой освободить из-под ареста некую Паркинс, заключенную в тюрьму «Белый Лев» в Саутуорке по приказанию маркиза Винчестера, скорее всего, из-за ее вероисповедания²⁴².

Влиятельные аристократки-католички оказывались важным фактором местной политики, создавая в графствах, где располагались их поместья, благоприятную среду для католиков. Анонимное сообщение, отправленное в 1596 г. Сесилу из графства Сассекс, говорило о дружбе вдовствующей виконтессы Монтегю с мировым судьей графства, Эдмундом Пелэмом, который фактически закрывал глаза на противозаконные действия католиков, прежде всего, укрывательство католических священников, на подведомственной ему территории²⁴³.

²³⁹The Elizabethan New Year's Gift Exchanges. P. 152, 185, 207, 227, 248, 270, 293, 330, 349, 369, 388, 407.

²⁴⁰Ibid. P. 425, 446, 464, 484, 502.

²⁴¹Akrigg C. Shakespeare and the Earl of Southampton. P. 174.

²⁴²Loseley MSS. P. 626, письмо от 26 июля 1573 г. Тюрьма графства Сарри, в состав которого входил Саутуорк. В елизаветинские времена туда часто помещали арестованных католиков-рекузантов.

²⁴³BL, Lansdowe MS 82/49. F. 103.

Однако традиционным покровительством и заступничеством доступные женщинам-католичкам политические роли отнюдь не исчерпывались. Они активно действовали в поле политики католического сообщества, не ограниченной национальными рамками. Самым ярким примером здесь служит Джейн Дормер, герцогиня Ферия: не прекращавшаяся на протяжении всей ее жизни переписка с оставшимися в Англии родственниками — католиками Дормерами и Монтегю, и с придворным кланом Сидни делали ее источником информации об английских делах, важным для испанского правительства²⁴⁴. Отсюда и большие возможности герцогини оказывать покровительство своим соотечественникам. Кроме того, пребывание в Лувене (Испанские Нидерланды) ее бабушки и сестры и собственные контакты с происпанской партией среди фламандской и валлонской знати, установленными еще во время ее жизни здесь, а также и переписка с Марией Стюарт, расширяли ее сеть обмена информацией²⁴⁵.

Эта же сеть делала герцогиню Ферия важным звеном в цепи непубличных дипломатических контактов; как и другие аристократки раннего Нового времени, она могла быть задействована как посредник в переговорах, по разным причинам не выходящим на официальный уровень, или же как представитель интересов определенной группы. Так, в 1603 г., со сменой династии в Англии возник план отправить уже немолодую герцогиню домой в качестве дамы свиты королевы Анны, супруги Якова I. План преследовал сразу несколько целей: во-первых, он должен был сопровождаться назначением ее сына Лоренсо, герцога Ферии, послом в Англии. Это, по крайней мере, в глазах герцогини и ее окружения, сделало бы семью Ферия незаменимой для испанского правительства во всех английских делах. Во-вторых, для английского двора присутствие герцогини Ферия в женской свите облегчало бы контакты с Римом: в отличие от Елизаветы I, отношения Якова I с папским престолом не были враждебными, но официальные дипломатические контакты протестантского государя с понтификом были невозможны. Королева Анна Датская была католичкой и, соответственно, могла представлять своего супруга в контактах с Римом, внешне выступая только от своего лица²⁴⁶. Герцогиня Ферия была хорошо известна в Риме, в том числе и благодаря тому, что послами там служили ее сын и внук, и сама получала послания от понтификов²⁴⁷. Она вполне могла участвовать в непубличных дипломатических переговорах, что было тем более важно благодаря ее связям среди английской католической диаспоры и католиков внутри страны. Назначение, в конце концов, не состоялось, но тот факт, что оно рассматривалось

²⁴⁴Серегина А.Ю. Много шума из ничего. С. 52—71.

²⁴⁵Crummé H.L. Jane Dormer's Recipe for Politics. P. 60—62.

²⁴⁶Fry C. Perceptions of Influence: Catholic Diplomacy of Queen Anne and Her Ladies, 1601—1604 // The Politics of Female Households. P. 267—285.

²⁴⁷Crummé H.L. Jane Dormer's Recipe for Politics. P. 70—71.

всерьез, является свидетельством политического влияния герцогини Ферия.

Наконец, ее в политической жизни не ограничивалось только областью политических коммуникаций, но распространялось и на лоббирование определенных политических решений. Ферия был противником Елизаветы Английской уже с 1558 г. и сторонником жесткого политического курса по отношению к Англии, как среди про-испанской партии в Нидерландах, так и в Мадриде. В 1571 г. он должен был сменить герцога Альбу на посту правителя Нидерландов. Назначение не состоялось из-за смерти Ферии. В этот момент группа английских эмигрантов обратилась к королю Испании и в Рим с просьбой назначить правительницей его вдову, леди Джейн. Эту просьбу поддержала и Мария Стюарт. Назначение на публичную должность женщины, не принадлежавшей к династии, оказалось в итоге невозможным, но план отнюдь не был забыт: английские эмигранты (с согласия леди Джейн) обращались к нему еще дважды, в 1593 и 1596 гг. и каждый раз эти планы обсуждались на самом высоком уровне в Мадриде, Риме и Брюсселе²⁴⁸.

Каждый раз слухи о назначении Джейн Дормер правительницей Нидерландов, или даже отправке ее в Брюссель ко двору правителя (в не вполне ясном качестве) были тесно связаны с планами военных действий против Англии (в 1593 г. предполагалось, что герцогиня даже сможет убедить своего родственника Роберта Сидни сдать удерживаемые им в Нидерландах крепости испанцам, а в 1596 г. планировалась отправка новой Армады). В них получила отражение реальная позиция леди Джейн в отношении Англии, которую она разделяла с покойным мужем; в ее окружении присутствовали эмигранты — сторонники решения «английского вопроса» военным путем, и благодаря связям герцогини Ферия, в частности, дружбе с королевским секретарем Хуаном де Идиакесом эти люди получили доступ к королю Филиппу. В их числе были иезуит Роберт Парсонс, сэр Фрэнсис Инглфилд и сэр Томас Фицгерберт²⁴⁹. Влияние герцогини Ферия на «английские дела» в Испании сохранялось и после заключения мира в 1604 г., хотя бы в силу ее информированности, о чем свидетельствуют регулярные визиты к ней английских послов в Мадриде и их супруг²⁵⁰.

А в 1610 г. она, как мы видели, выступала в качестве представительницы английских иезуитов в ходе конфликта в рядах католического духовенства (см. выше). Дочь первого виконта Монтегю, леди Дормер, также участвовала в этом конфликте, но на другой стороне, поддерживая, как и ее племянник, священников, выступавших за восстановление в стране католического епископата. Выступала она и сторонницей испанского брака наследника престола, увязывая этот альянс с улучшением положения католиков и появлением в стране епископа. Поэтому

²⁴⁸Loomie A.L. *Spanish Elizabethans*. N.Y., 1964. P. 101, 115—119, 121—123

²⁴⁹Ibid. P. 107—108.

²⁵⁰Clifford H. *Life of Jane Dormer*. L., 1887. P. 194—197.

леди Дормер активно контактировала с испанским послом в Англии Гондомаром в период ведения переговоров.

У женщин Монтегю было куда меньше связей в про-французском клане, постепенно одержавшем верх среди приближенных королевы-католички Генриетты-Марии, и отчасти поэтому восстановление позиций семьи при дворе происходило так медленно и в целом не очень удачно. Однако и вхождением в орбиту влиятельного клана Сомерсетов (графов Вустеров) Фрэнсис Браун, третий виконт Монтегю был обязан своим сестрам, организовавшим его брак с Элизабет Сомерсет (см. главу I).

Позиции женщин-католичек из аристократических семейств на политической арене не слишком пострадали, несмотря даже на преследования, по сравнению с мужчинами из тех же семей. Ведь власть женщин не была связана с публичными должностями — они ее и не лишились — но определялась личными связями, дружескими и родственными. Именно эти связи, в конечном счете, и определяли положение того или иного католического клана в пост-реформационной Англии — степень его приближенности/отстраненности от политической власти, преследования или их отсутствие. Поэтому политическая роль женщин из семьи Монтегю, хотя и косвенная, оказывалась весьма важной как для их родственников, так и для всего католического сообщества в целом.

Не слишком удачная карьера второго виконта отчетливо демонстрирует существенные изменения параметров диалога между властью и католическими аристократами в конце XVI—начале XVII в., а также и то обстоятельства, что менялись они под воздействием обеих сторон. Представители младшего поколения, выросшего в условиях конфессионального противостояния и войны с Испанией, были менее склонны к поиску компромиссов. В 1590-х гг. правительство, с одной стороны, было в большей степени, чем раньше, склонно демонстрировать недоверие к католикам, выражавшееся в частых обысках в домах дворян-католиков и арестов глав семейств и их капелланов, а также и в многочисленных казнях. С другой стороны, сами католики, призывавшие к терпимости, стремились к компромиссу на своих условиях. Если ранее первый виконт Монтегю был «церковным папистом», соблюдавшим закон страны, то его внук отказался от этой практики, став рекузантом, но явно не считал при этом, что этот шаг может быть сочтен проявлением нелояльности и стоить ему политической карьеры, как в последние годы правления Елизаветы, так и при Якове I.

Стоит отметить, что немногие католики-аристократы были столь же бескомпромиссны, как второй виконт — лишь лорды Вокс и Эренделл. Кузен виконта, граф Вустер и его потомки, оставались «церковными папистами», так же, как и граф Норхэмптон. Граф Эренделл в 1615 г. тоже стал «церковным папистом», за что был в 1616 г. вознагражден членством в Тайном Совете и придворными должностями, а сэр Джордж Калверт (будущий лорд Балтимор) был государственным

секретарем. Таким образом, секрет успешной политической карьеры, как и раньше, заключался в готовности пойти на компромисс. Примечательно, однако, что часть придворных католиков предпочитала отказаться даже от успешной карьеры и выйти в отставку (граф Эрендел в 1641 г., Калверт в 1625 г.), признавая тем самым, что компромисс с властью угрожает спасению души. Таким образом, в первой четверти XVII в. *recusancy* воспринималось как норма поведения для католика — тем более что преследования уже не были столь интенсивными, как раньше, а у дворян появилась возможность откупиться от них, приобретя королевское прощение. Но то политическое поле, на котором действовали дворяне-католики, было ограничено рамками графств, где они располагали значительным влиянием как землевладельцы. Именно это качество и предопределяло их присутствие в комиссиях магистратов, несмотря на предпринимаемые время от времени чистки.

Отчасти видоизменились и те роли, которые играли на политической сцене аристократы-католики. Ранее их роли определялись их статусом мужчины-дворянина, которому надлежало быть политиком/магистратом и воином. Однако отказ от компромисса с властями лишал католиков возможность играть эту роль. Попыткой компенсировать эту потерю можно рассматривать стремление второго виконта Монтегю играть роль лидера католического сообщества, посредника между католиками, английским двором и римской курией. И здесь амбиции виконта были реализованы лишь отчасти: если английские клирики в целом их приняли и даже использовали их в собственных целях, то для католиков-мирян претензия Монтегю на лидерство осталась необоснованной ввиду отсутствия у виконта политического опыта, подобающего мужчине его статуса — т.е. опыта командования солдатами и участия в управлении государством. Такой опыт — а вместе с ним и отчасти утраченный гендерный статус — дворяне-католики обрели только в роды гражданской войны, сражаясь за короля.

Виконты Монтегю в английском политическом дискурсе

Политическая активность Монтегю и способы достижения компромисса с правительством во многом зависели от того, какую роль на национальной сцене и в рамках католического сообщества готовы были играть представители этой семьи, и какие роли им, в свою очередь, навязывались. Для понимания того, как Монтегю осмыслили свою политическую роль/роли, и кем они представляли в глазах современников, необходимо исследовать способы репрезентации представителей семейства в политическом дискурсе XVI в. — в текстах, составленных или заказанных членами семьи, а также в сочинениях современников — авторов XVI—начала XVII в. В данной главе анализируется конструирование семейной истории Монтегю и ее динамика, а также образы виконтов Монтегю в текстах рассматриваемого периода (преимущественно полемических).

§ 1. Представление о политической роли Монтегю в семейной истории

Вступление «молодого» аристократического рода на английскую политическую сцену, участие в управлении страной, а также и трансформация собственного политического и социального статуса в результате конфессионального конфликта XVI столетия предопределили осмысление членами семьи собственного положения и роли, какую они были призваны играть в обществе, и пере/интерпретации семейной истории.

Политические бури, захватившие Англию в XV столетии — Столетняя война и войны Алой и Белой Розы — привели к существенному обновлению состава английской знати. Наследники старых семей погибли в бою или на плахе, а титулы были переданы новым носителям. Многие из них не могли похвастаться особо длинной или выдающейся родословной. Но если благородства крови не было, его следовало придумать, или по крайней мере, подчеркнуть все имеющиеся, хотя бы отдаленные связи. Удревнение истории новых, формирующихся аристократических династий — общее место в истории тюдоровской знати.

В то же время ренессансная идеология подчеркивала другие аспекты благородства — личное достоинство, таланты и доблесть, проявленные на службе государю и стране. Благородство, конечно, выражалось и в христианских добродетелях ее носителя. Однако эта составляющая благородного статуса была существенно переосмыслена в эпоху Реформации. Теперь подлинное благородство знатного человека складывалось из нескольких компонентов — благородства крови, верной и доблестной службы королю и благочестия, выразившегося, во-первых, в правильном выборе «истинной» веры, а во-вторых, в готовности служить ей и приносить жертвы во имя нее.

Все три компонента — происхождение, личная доблесть и конфессиональная принадлежность — проявлялись при формировании исторической памяти небольшой социальной группы: семьи виконтов Монтегю. Поскольку виконты не озаботились составлением некоей семейной хроники или иного единого текста, приходится обращаться к другим формам бытования групповой памяти, представленным в изображениях, надгробных надписях, биографиях, речах¹.

За полтора столетия (конец XV—середина XVII в.) Брауны проделали большой путь от купцов и мелких дворян до придворных и титулованных аристократов, приобрели доверие монархов и вновь его лишились. Как и всякая знатная семья, обретшая титул относительно недавно, Монтегю были озабочены семейной историей и обоснованием собственного благородства. Однако способы подтверждения своего благородного статуса трансформировались под влиянием обстоятельств и, прежде всего, доминировавшего в истории столетия конфессионального конфликта.

Восприятие первым виконтом самого себя и своей семьи в качестве благородных дворян определялось двумя основными аспектами. Весьма важным для виконта было обоснование личных заслуг представителей его рода перед страной и королем, т.е. личного благородства. Об этом ясно говорил сам вид «родового гнезда» Монтегю — их замка Каудрея (Сассекс). Монтегю были относительно новыми людьми в Сассексе. Именно поэтому пришельцы стремились утвердить свое положение с размахом. Гостей Каудрей встречала целая серия картин, заказанных еще его первым владельцем, сэром Уильямом Фицуильямом, графом Саутхэмптоном. Цикл приписывался кисти Ганса Гольбейна-младшего² и отображал блестящие победы короля Генриха VIII над французами и другие важные события этого царствования, в которых участвовал владелец замка. В 1545—1548 гг. к этой серии картин были добавлен новый цикл

¹ Подробнее см.: *Серегина А.Ю.* Виконты Монтегю: семейная история в контексте конфессионального конфликта XVI в. // *Средние века.* М., 2010. Вып. 71 (1—2). С. 223—241; *Она же.* Семейная история виконтов Монтегю и формирование исторической памяти английского католического сообщества XVI—XVII вв. // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной.* М., 2012. С. 112—138.

² Так считали антиквары XVIII в. См.: *A Catalogue of the Pictures at Cowdray. Portsmouth, 1777.* P. 5—7. Авторство цикла не установлено.

исторических полотен, заказанных уже сэром Энтони Брауном³. Сами картины, к сожалению, не сохранились: они погибли в пожаре, уничтожившем резиденцию Монтегю в конце XVIII века. Однако сохранился изданный незадолго до пожара, в 1777 г., каталог картин, в котором указано, где именно висело каждое полотно. Кроме того, цикл 1545—1548 гг. был воспроизведен в гравюрах Джеймса Бейсайра в 1778 и 1788 гг.⁴

Исторический цикл картин располагался в парадных комнатах — столовой и большой гостиной, где принимали посетителей. Те имели возможность увидеть такие полотна, как «Взятие Брая и Мондидье королем Генрихом», «Победа под Теруаном», увековечившие победы английского оружия в Нормандии во время кампании 1513 г., в которых участвовал будущий граф Саутхэмптон⁵. На другой картине было изображено «Посольство к королю Франции» 1521 г.⁶, в котором также участвовал Уильям Фицуильям. Название полотна «Граф Саутхэмптон провожает императора Карла в Дувр»⁷ говорит само за себя: в нем отражены события 1522 г., когда император Карл V посетил Лондон.

Еще два полотна были посвящены победам герцога Саффолка во Франции в 1523 г.⁸ Чарльз Брендон, герцог Саффолк, в 1506—1511 гг. был мужем сестры сэра Энтони Брауна и графа Саутхэмптона Энн, так что его вполне можно было считать членом семьи.

А в северной галерее висело примечательное изображение: «Генрих VIII (sic!) берет в плен короля Франциска I в битве при Павии»⁹. Конечно, Генрих VIII был союзником императора Карла V, однако он не имел никакого отношения к победе при Павии. Однако Монтегю традиционно не любили французов и питали глубокое уважение к императору и его испанским потомкам; вероятно, поэтому, победа при Павии воспринималась ими и как отчасти их победа.

Цикл 1540-х гг. был связан с событиями из жизни сэра Энтони Брауна. Он состоял из пяти полотен, четыре из которых представляли собой сцены из истории военных кампаний 1544 и 1545 г. — «Выступление Генриха VIII из Кале 25 июня 1544 г.», «Лагерь Генриха VIII под Маркизоном, июль 1544 г.» и «Осада Булони, 1544 г.» На первом из этих полотен (илл. 4) сэр Энтони изображен приветствующим своего монарха; на двух других его невозможно идентифицировать, но там присутствует знамя семьи Браун.

На полотне «Лагерь английской армии под Портсмутом, с видом на английский и французский флот в начале сражения 19 июля 1545 г.»

³ Авторство цикла не установлено.

⁴ *Ayliffe J. An account of some ancient English historical paintings at Cowdry, in Sussex // Archaeologia. L., 1775. Vol. 3. P. 239—272; Nurse B. Caption to item 113 // Making History, Antiquaries in Britain 1707—2007, Exhibition Catalogue. Society of Antiquaries / Ed. by D. Gaimster, S. McCarthy, and B. Nurse. London. 2007. P. 156.*

⁵ *A Catalogue of the Pictures at Cowdray. Portsmouth, 1777. P. 5.*

⁶ *Ibid. P. 6.*

⁷ *Ibid. P. 5.*

⁸ *Ibid. P. 5—6.*

⁹ *Ibid. P. 7.*

сэр Энтони изображен в центре; вместе с Чарльзом Бренденом он сопровождает короля (илл. 5).

Наконец, последняя картина цикла изображала коронационную процессию Эдуарда VI (19 февраля 1547 г.), в которой сэр Энтони участвовал в роли королевского конюшего (илл. 6).

Виконт Монтегю явно гордился достижениями своих предков и родственников. Все они были обязаны своим положением службе королю и личным достоинствам. Однако было бы неверным предположить, что происхождение и благородство крови не имело для виконта значения. Напротив, он претендовал на родство со старой, до-тюдоровской знатью. Выбор титула в данном случае говорит о многом — по женской линии скромное семейство Браун происходило от Невиллов, одного из самых старых родов королевства. При этом выбор титула подчеркивал не только знатность рода нового виконта, но и его верность Марии Тюдор и католичеству — ведь именно за это в царствование Генриха VIII пострадал лорд Монтегю (см. главу III).

И в последующие десятилетия служение своим монархам и открыто провозглашенная верность католичеству определяла представление первого виконта о себе и собственной роли аристократа. Так, в речи, произнесенной им в парламенте 1559 г., он публично заявил о своей приверженности католической «вере, которую я исповедовал при моем крещении, когда я стал членом мистического Тела Христова, и поклялся верить в святую католическую церковь, возлюбленную невесту Христову; в единстве с ней я буду спасен или проклят»¹⁰. Однако, в целом, его выступление выдержано не в полемическом стиле; виконт выступал не в роли богослова, но как аристократ-политик, выполняющий свой долг перед государыней и страной во имя общего блага (подробнее см. выше, главу III).

«Это место — высший совет королевства Англия, а я вызван сюда предписанием для того, чтобы давать советы относительно важных дел, касающихся государя, церкви и королевства Англии. Господь поставил знатных людей над всеми прочими именно для того, чтобы они больше других заботились о чести и безопасности государя и страны и готовы были принести себя за них в жертву»¹¹.

¹⁰ “Religion ye wch I professed in my baptisme, wher I was made a member of Christs Misticall bodie, and vowed to beleeve the oly Catholique Churche, as the spowse and only beloved of Christe, by unities in the wch I am to be saved, or damned” // The Speach of the Lord Vicount Montacute in the p[ar]liament house primo Elizabethae Reginae / Ed. T. McCann // The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // Sussex Archaeological Collections. 1970. Vol. 108. P. 53.

¹¹ “ye place being the highest and supreme Councell of this Realme of England: and I being by wrytt summoned to be p[re]sent and to give counsaile in matters of waighte, touching the prynce, Church and Realme of England, wherfore nowe hath god placed Noble men to be in dignitie before others, but to this end that they shoulde be more carefull of the honour and safty of the Prynce and Coutrie, then others, and for any of theis to be ready and willing to sacrifice themselves” // Ibid. P. 55.

Речь виконта ясно указывала на то, что свою политическую роль он понимал как непосредственное участие в управлении страной. Его верность католицизму, от которого страна и королева официально отказались, не казалась ему препятствием к исполнению долга аристократа¹². В подобной же роли лояльного советника-католика виконт выступил и в 1563 г., в другой публичной речи (см. главу III).

Благородство крови и верность католицизму также объединялись в семейной легенде Монтегю, а порой и озвучивались публично. Так, в 1572 г. в Монтегю-Хаусе в Саутуорке (южный пригород Лондона) имело место театральное представление (маска), приуроченное к двойной свадьбе наследника виконта и его дочери. Сэр Энтони Браун женился на Мэри Дормер, а брат невесты Роберт Дормер вступил в брак с Элизабет Браун. Текст маски был написан известным поэтом Джорджем Гаскойном. В ходе представления перед публикой появлялись рыцари-венцианцы, принесшие вести о победе христианского (католического) оружия над турками в битве при Лепанто. Путешественник говорили о борьбе против турок, о стойкости христиан, причем политический корректный текст о сражении против турок можно было достаточно легко прочитать как аллюзию на подчинение католиков в Англии неверным — протестантам. Так, прибывший с венецианцами молодой человек заявляет:

«... Я — не иностранец,
но английский юноша, рожденный в Англии и возвращенный здесь.
Мой отец — рыцарь по имени Монтермер,
Моя мать — из славного рода Монтегю»¹³.

Далее он объясняет, что оказался в Средиземноморье, так как вместе с отцом отправился сражаться против турок. Чтобы сделать это, отец расстался со своими землями:

«Он купил свою свободу землями и расстался со своим имуществом,
Его ценой были две тысячи сверкающих золотых цехинов <...>
Я признаю: лучше продать земли, чем в рабстве прозябать.
Ведь земли можно приобрести снова, но однажды утраченной свободе
Нельзя найти равное ей возмещение.
Теперь я сам это знаю, ведь как и мой отец,
Я недавно утратил свободу»¹⁴.

¹² См.: *Сергина А.Ю.* Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI—начала XVII в. // Социальная идентичность средневекового человека / Под ред. А.А. Сванидзе и П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 218—219.

¹³ "I am no stranger I, / But english boy, in England borne, and bred but even hereby. / My father was a knight Mount Hermer was his name./My mother of the Montacutes, a house of worthy fame" // *Gascoigne G. A Hundreth Sundrie Flowres. L., 1573. P. 383.*

¹⁴ "He bought his libertie with lands and let his goodes ago. / Zechines of glittering golde, two thousand was his price/ <...> Yet I confesse them better solde, than like a slave to

Последние строки можно считать намеком на страдания плененных турками христиан, но у собравшихся в Саутуорке английских католиков могли возникнуть совсем другие аллюзии. Еще более очевидным намеком на положение католиков в Англии являются следующие строки:

«Отец (как я сказал) решил оставить свои земли
В залог родне жены за звонкую монету»¹⁵.

Английским католикам, покидавшим страну по религиозным мотивам, часто приходилось прибегать к подобным ухищрениям, чтобы предотвратить конфискацию имущества. Ведь отъезд из страны без разрешения приравнивался к государственной измене. Передача же владений в траст родственникам (с тем, чтобы они по прошествии времени передали земли наследникам доверителя) была распространенной уловкой, к которой прибегали католики. Таким образом, в тексте присутствует совершенно очевидное указание на конфессиональную принадлежность Монтегю.

Далее по ходу представления выяснилось, что лишившемуся отца (погибшего в битве при Лепанто) удалось встретить венецианцев, один из которых — представитель знатного рода Монтекки — признал его своим родственником:

«Суровый венецианец услышал, как звучит славное имя
Монтегю, давно прославившееся
В Италии, и он сам происходил от этого достойного рода,
Обратился ко мне с множеством учтивых слов, обнял меня
Поцеловал в щеку, обрадовав меня,
возблагодарившего Бога за все, что случилось,
И признал, что сам он — Монтегю,
И носит тот же герб, что на моем щите.
В подтвержденье он показал, что на его шляпе
Знак, который всегда носят Монтегю,
Чтобы их всегда можно было отличить от Капулетти»¹⁶.

pine. / For lands may come againe, but libertie one lost/ Can never finde suche recompence, as countrevailes the cost. / Meselfe now knowe the case, who like my fathers lot, / Was like of late for to have lost my libertie god wot" // Ibid. P. 384.

¹⁵ "My father (as I say) enforste to leave his lande / In mortgage to my mothers kinne, for ready coine in hande" // Ibid.

¹⁶ "This grave Venetian, who hearde the famous name / Of Mountacutes rehersed there, which long had ben of fame / In Italy, and he of selfe same worthie race, / Cam straight with many courteous words in armes me to embrace, / And kissed mee in my cheeke, and had me make good cheere, / And thanke the myghtie God for that whiche hapend there, / Confessing that he was himself a Mountacute, / And bare the selfe same armes that I did quarter in my scute: / And for a further prooffe, he shewed in his hat, / This token whiche the Mountacutes do beare always, for that / They covet to be knowne from Capels where they pass" // Ibid. P. 390. В XV—XVI вв. имя Монтегю по-английски часто писалось *Montacute* или *Mountacute*, созвучно итальянскому имени Монтекки.

Следует отметить и тот факт, что родословная виконта Монтегю в тексте маски удревняется: он претендует на происхождение от баронов Монтермеров — рыцарей нормандского происхождения, получивших титул в конце XIII в. Для англичан XVI в., разбиравшихся в родословных, была очевидна вся дерзость подобной претензии: Ральф де Монтермер получил титул барона только после того, как тайно женился на Джоанне Акрской — вдове Гилберта де Клера, графа Хартфорда и дочери короля Эдуарда I. Таким образом, льстец Гаскойн подчеркивал, что в жилах современных ему Монтегю текла кровь Плантагенетов.

А благодаря уподоблению Монтегю и Монтекки выстраивалась линия, связывавшая английских Браунов — виконтов Монтегю не только с древним английским родом, но и с европейской аристократией, причем аристократией католической, готовой сражаться и приносить жертвы во имя своей веры.

Тем не менее, для первого виконта верная служба католика своей правительнице, а не претензии на древность рода, составляла основу его представления о себе как об английском аристократе. Именно такой образ был представлен в памфлете 1591 г., посвященном визиту королевы Елизаветы в Каудрей (14—20 августа, см. выше, главу III).

Вечером 14 августа 1591 г. (в субботу) Елизавета прибыла в Каудрей, представлявший собой укрепленный манор¹⁷. У ворот ее встретили привратники, обратившиеся к ней с приветственной речью. В ней, помимо прочего, присутствовал прозрачный намек на то, что, несмотря на различие в религии, виконт является верным подданным королевы.

«Что же касается владельца этого дома, моего благородного лорда, то его язык — ключ к его сердцу, а его сердце — замок его души. Поэтому Вы можете сразу верить тому, что он говорит. А именно, что в понимании своего долга по отношению к Вашему Величеству и в служении Вам он превосходит всех, и ни уступит никому в молитвах о Вашем счастье»¹⁸.

Уподобление Монтекки и Монтегю и упоминание о вражде итальянских «Монтегю» с «Капеллами» — Капулетти в тексте Гаскойна вполне могло послужить источником для Шекспира, ведь его патроном долгое время был не кто иной, как граф Саутхэмптон — внук первого виконта, сын его дочери Мэри, родившийся в Каудрее. Сестра первого виконта, Мэри Браун, леди Грей, во втором браке стала женой сэра Генри Капелла из Рейн-Холла (Эссекс). Возможно, в использовании имен Монтегю и Капелл обыгрывается какой-то конфликт между двумя семьями, разрешенный браком. Капелл был родственником маркиза Винчестера, отношения которого с Монтегю в конце 1560-х гг. дошли до разрыва; возможно, будущий родственник виконта был каким-то образом вовлечен в ссору.

¹⁷ Подробнее о визите Елизаветы I в Каудрей см.: *Серегина А.Ю.* Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы I в Каудрей // *Мир Клио. Сборник статей в честь Л.П. Репиной / Под общ. ред. А.Г. Суприянович. М., 2007. Т. 1. С. 357—373.*

¹⁸ «As for the owner of this house, mine honourable Lord, his tongue is the keie of his heart; and his heart the locke of his soule. Therefore what he speakes you may certainlie believe; which is, that in duetie and service to your Majestie, he would be second to

В своей краткой ответной речи Елизавета отдала должное верности виконта. Она «сказала, что готова поклясться — нет более верного ей человека»¹⁹. После этого королеве были переданы ключи от дома, и она вошла внутрь, предварительно обняв встречавших ее у порога леди Монтегю и ее дочь, леди Дормер.

На следующий день (в воскресенье) после литургии, совершенной по англиканскому обряду, королева отдыхала, а в понедельник охотилась. Во вторник, после торжественного обеда королеву вновь развлекали речами и представлением, во время которого снова была затронута тема верности. Среди деревьев был разыгран диалог между Пилигримом (намек на католического священника — испанского шпиона)²⁰ и дикарем, сидевшим у подножия дуба. Пилигрим жаловался на то, что дикарь не дает ему пройти по парку. Дикарь же привлек внимание своей аудитории к дубу, на ветвях которого были размещены гербы всех дворянских семей графства. В своей речи дикарь сказал, что дуб и его ветви с гербами изображают силу и счастливое правление Ее Величества.

«Сила заключается в количестве и благородстве [дворян], счастье — в их верности и согласии <...> Стеной этого графства является море; укрепленное же верными сердцами, оно непобедимо...»²¹.

Далее он продолжал:

«От имени милорда [Монтегю — А.С.], а также всех благородных лордов и джентльменов, чье гербы видит здесь ее Величество, я могу сказать, что подобно тому, как кровеносные сосуды, распространяющиеся по всему телу, в ту минуту, когда сердце охвачено страстью, посылают ему всю кровь ради успокоения, так и эти живущие в разных местах люди, если только Ее

none; in praiesing for your happinesse, equall to anie” // The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. L., 1591. Variant A. P. 3.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Honourable entertainment. Variant A, P. 6. Элизабет Хил считает, что присутствие Пилигрима может указывать на стремление представить и католическое духовенство в свите Монтегю полностью лояльным королеве, а также предполагает, что одним из авторов текста маски мог быть иезуит Роберт Саутуэлл, однако это утверждение недоказуемо. См.: Heale E. Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague’s Entertainment at Cowdray, 1591 // The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I / Ed. by J.E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford, 2007. P. 189—206.

²¹ “The Oke, from whose bodie so many armes doe spread; and out of whose armes so many fingers spring; resembles in parte your strength & happinesse. Strength, in the number and the honour; happinesse, in the truth and consent <...> The wall of this shire is the sea, strong, but rampired with true hearts, invincible” // Honourable entertainment. Variant A. P. 6.

Величество окажется в опасности, отдадут ей свои тела, имущество и души. Ведь она — их сердце, глава и Повелительница. Здесь проход закрыт...»²²

Таким образом, Монтегю гарантировал королеве верность и готовность защищать пределы страны от имени местного дворянства. Фактически, он узурпировал право говорить от лица Сассекса.

Эта тема развивалась и на следующий день, хотя теперь речь шла уже не о дворянстве, а о простолюдинах. На этот раз королеву у рыбного пруда развлекали речью рыбаки. Они жаловались на притеснения со стороны нечестных купцов и лордов — и одновременно заявляли о своей верности.

«Верные сердца так же хороши, как и полные кошельки; они нерв войны, но первые — ее оружие»²³.

На следующий день королеву ожидали народные танцы. «В четверг королева обедала в саду вместе с лордами и леди, сидя за столом в 48 ярдов длиной. Вечером простые жители графства предстали перед Ее Величеством и исполнили танец под флейту и тамбурин. Среди них были и Лорд Монтегю и его супруга».²⁴

Примечательно, что на этот раз лорд и леди Монтегю не остались вместе со зрителями, а присоединились к танцующим крестьянам. Они были отделены от королевы визуально — большим столом, за которым сидели гости, и который Монтегю покинули для того, чтобы присоединиться к танцующим. Таким образом, создавалось противопоставление — королева/двор и Монтегю/Сассекс.

Именно этого эффекта, на мой взгляд, и добивался виконт. На время визита королевы он фактически присвоил себе право говорить от имени графства, выставляя себя в роли его естественного лидера. Перефразируя, его идею можно представить во фразе «Сассекс — это я». Соответственно, именно с ним и должна была иметь дело Елизавета, когда ей требовалось что-то от жителей графства. И, поскольку виконт представил себя в образе лидера и посредника, именно к нему должны были

²² “For himself, and all the honourable Lords, and Gentlemen, whose shieldes your Majestie doeth here beholde, I can say this, that as the veines are dispersed through all the bodie, yet when the heart feeleth any extreme passion, sende all their blod to the heart for comfort: so they being in divers places, when your Maiestie shall but stande in feare of any daunger, will bring their bodies, their purses, their soules, to your Highnesse, being their heart, their head, and their Sovereigne. This passage is kept straight...” // Ibid.

²³ “Yes, true hearts are as good as full purses, the one the sinewes of war, the other the armes” // Ibid. P. 11.

²⁴ “On Thursday she dined in the privie walkes in the garden, and the Lordes and Ladies at a table of 48 yardes long. In the evening the cuntrye people presented themselves to his Majestie in a pleasant daunce with Tiber and Pipe and the Lord Montague and his Lady among them” // Honourable entertainment. Variant B. P. 11.

обращаться и местные дворяне, желавшие добиться благосклонности королевы или же просто решить какой-то практический вопрос.

Текст речей, произнесенных в Каудрее, был опубликован уже осенью 1591 г. Сохранилось два экземпляра данного памфлета; оба они находятся сейчас в Британской библиотеке (Лондон)²⁵. Внешне они очень похожи; их выходные данные идентичны — оба экземпляра были отпечатаны Томасом Скарлетом по заказу лондонского книготорговца Уильяма Райта, имевшего лавку во дворе Собора Св. Павла в Лондоне²⁶. Гравюры на титульном листе также идентичны. Тем не менее, это два разных издания. Они слегка различаются правописанием — имя виконта Монтегю в них воспроизводится по-разному (*Montacute* и *Montecute*). Есть и текстологические различия.

Вариант А (BL C.33.d.11) содержит тексты речей и баллад, однако он короче, и его автор в конце объясняет, что не присутствовал лично в Каудрее. Вариант В (BL C.142.dd.23) длиннее, поскольку в нем приводятся практические детали увеселения — например, количество съеденных быков и гусей, оленей, убитых на охоте, и т.п. Подробнее описываются и действия королевы и хозяев поместья, а также их родственников и прочих гостей. Подобная информация могла исходить от очевидца — скорее всего, члена свиты виконта, непосредственно участвовавшего в подготовке королевского визита.

Кёртис Брейт опубликовал текст памфлетов в приложении к своей статье²⁷, однако в его публикации оба текста искусственно объединены, что затрудняет их анализ. Кроме того, Брейт даже не попытался объяснить существование двух вариантов издания.

Можно предположить, что тексты речей и баллад были отосланы в Лондон, где и были опубликованы (вариант А), а чуть позднее в рукопись были внесены добавления, вероятнее всего, кем-то из домочадцев виконта (вариант В). Возможно и другое объяснение существования двух вариантов текста. Благодаря наличию текста аудитория, способная узнать о том, какая честь была оказана виконту, расширилась, включая многих его соотечественников, а также единоверцев в Англии и за ее пределами. Вероятно, именно стремлением максимально увеличить эту аудиторию объясняется как решение опубликовать памфлет, посвященный королевскому визиту, так и появление двух версий. Вариант В, наполненный деталями организации приема, был скорее интересен местным джентльменам, или по крайней мере, тем, кто жил в Англии и постоянно ориентировался на хитросплетения

²⁵ The speeches and honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by <...> the Lord Montacute. London: printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591; The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. London: printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591.

²⁶ О Томасе Скарлете и Уильяме Райте см.: A Dictionary of Printers and Booksellers, 1557—1640. L., 1910. P. 236, 303.

²⁷ Bricht C. Caressing the Great. P. 160—163.

дружбы и родства. Вариант А мог предназначаться католикам за пределами страны.

Те же самые мотивы — верность католичеству и преданная служба королеве — были развиты виконтом и в его речи, произнесенной перед дворянами графства Сарри осенью 1591 г. и ставшей, вместе с памфлетом того же года, по сути, его политическим завещанием. В ней виконт подчеркивал, что его род вознесен за верную службу монархам-Тюдорам, и в благодарность ему — лояльному католику — дано право исповедовать католичество.

«Я, как вы знаете, джентльмен из замка Бичворт. Признаю это. Король был так добр и милостив к моему отцу, что вознес нас на почетное место. Я признаю, что это произошло по великой милости Божией, и смиренно благодарю его за это. С тех пор я всегда жил, как человек чести, и пусть кто-либо обвинит меня в том, что это ложь. Таким я и умру. Я не угнетал никого, ни держателя, ни кого другого. Я сослужил ее величеству хорошую службу за морями и повсюду. Я почитал ее (как она знает) в дни королевы Марии, когда я был королевским советником и лордом-лейтенантом графства, в котором я живу, но оставим это. Она знает мою совесть, знает худшее обо мне. <...> Она знает также, что мое сердце верно ей. Я нахожу ее милостивой государыней и получаю из рук ее величества необычайный дар, свободу моей совести. Ибо я признаю перед всеми вами, что я — католик в своей вере, которую держу при себе. Я не стремлюсь привести к этой религии никого, будь то ребенок или слуга, но позволяю им следовать совести, как Бог направит их ум»²⁸.

Речь виконта не была напечатана, однако циркулировала в рукописи. Сам виконт предназначал ее для такой публикации, отмечая: «Я знаю, мои речи разнесут далеко, и мое желание в том, чтобы стать известным за пределами страны так же, как я известен ее величеству»²⁹.

²⁸ "I am a gentleman as youe knowe borne in this sheare, comme of the younge house from Betchworth Castell I confess yt. In pleased the Kinge to be so good & gratyous to my father, & me, as to rayse us up to a place of hounnor, all thus I acknowledge & confesse to come of godes greate goodness, I humblye thanke him for yt. Ever sythens I have lyved lyke an honest man, let anye man chardge me with the contrarye, & so I will dye. I have oppressed no man tennaunt nor other; I have donne her maiestie good service bothe beyounde seas & else wheare. I stood her in somme steede (as she knoweth) in Quene maryes dayes when I was of the pryvye councell & Lyvetennaunt of the sheare where I dwelt but let that fall to the grownde. She knoweth my conscience she knoweth the worst of me <...> She knoweth also my faythfull & loyall harte. Towards her. I fynde her my gracious prynce & doo receive at her maiesties handes an extraordynarye favor, the freedom of my conscience. For I confesse before youe all that I am a Catholyque in my religion which I keepe to my self; I seeke to drawe no man to that religion, neather childe, nor servant, but let them doo theyr consciences therein as god shall putt in theyre myndes" // Woking. Surrey History Centre, Loseley MS.1856. P. 2. См.: *Questier M. Loyal to a fault*. P. 250—251

²⁹ "I knowe these speeches of myne will be bruted farre, and my desyer is to be aswell knowen abroade as I am to her maiestie her self" // *Ibid.* P. 3—4 [*Questier M. Loyal to a fault*. P. 253].

Таким образом, основной составляющей идентичности первого виконта была его государственная служба, верность стране и монарху, а католическая вера и знатное происхождение были хотя и весьма важными, но все же не первостепенными компонентами. Монтегю был, прежде всего, политиком, к чему его звал долг, определявшийся происхождением, и он предпочитал игнорировать тот факт, что конфессиональная принадлежность могла поставить его политическую карьеру и/или верность монарху под вопрос.

Сохранившиеся портреты первого виконта Монтегю доносят до зрителя именно этот образ государственного деятеля. На портрете кисти Ганса Эворта, написанном в 1569 г., виконт предстает перед нами с мечом — как-то подобает аристократу — и со знаками ордена Подвязки, указывавшими на его высокий статус³⁰ (см. илл. 8).

Подобным же образом — с цепью ордена Подвязки — он изображен и на посмертном портрете, который теперь находится в коллекции маркизов Экстер (Бёрли-хаус). Его акварельная копия 1848 г. кисти Джорджа Хардинга также хранится в Национальной портретной галерее (Лондон)³¹ (см. илл. 7).

Второй виконт, Энтони Мария Браун, весьма внимательно относился к своей знатности и своему статусу, а точнее, к тому, как она воспринималась окружающими. В 1595 г. он был вовлечен в конфликт относительно того, чей ранг выше — его, виконта Монтегю или Томаса Ховарда, младшего сына герцога Норфолка. В обстоятельствах дела пришлось разбираться комиссии, состоявшей из лорда Бёрли (лорда-казначей), лорда Ховарда из Эффингэма (лорда-адмирала) и лорда Хандсона (лорд-камергер), и в итоге виконт проиграл³².

Примерно тогда же виконт составил подробное описание своей свиты, с указанием должностных лиц и круга их обязанностей, явно следуя образцам таких описаний, относящихся к королевскому двору³³. Знатному дворянину следовало содержать большую свиту, и виконт уделил немало внимания тому, как должны выглядеть и держаться служащие ему джентльмены, и в каком порядке они рассаживаются за столом. В тексте детально расписывается порядок подачи блюд к столу виконта (вплоть до количества поклонов и места в зале, где их следовало делать)³⁴. Примечательно, что виконт отказался от старого порядка, согласно которому глава дома, его семья и свита собирались в большом зале для совместной трапезы. Виконт, его семья и гости принимали пищу отдельно, в своих покоях.

³⁰ Strong R. Tudor and Jacobean Portraits. L., 1969. Vol. I. National Portrait Gallery. P. 224—226.

³¹ Ibid. P. 226.

³² BL, Stowe MS 1047. F. 264v.

³³ A booke of orders and rules established by me Anthony Vizcount Mountague for the better direction and governemente of my howseholde. 1595 // *St. John Hope* W.H. Cowdray and Easebourne Priory. L., 1919. Appendix II. P. 119—134.

³⁴ Ibid. P. 133.

Немаловажным было и то, как свита виконта выглядела вне дома, сопровождая его в столицу, или во время поездок по стране. Так, гофмейстеру виконта предписывалось в таких случаях ехать или идти впереди торжественной процессии с непокрытой головой; однако в присутствии графа, маркиза или герцога ему надлежало покрыть голову³⁵. Свита должна была быть вооружена:

«Я желаю, чтобы, сопровождая меня по улицам Лондона, или прислуживая мне за столом, мои джентльмены всегда носили свои ливреи и имели на боку хорошие шпаги или рапиры. Я желаю, чтобы они поступали так же, когда же я нахожусь за пределами столицы, по всем большим праздникам, на Рождество, Пасху, Троицу, по случаю великих собраний и в другое время, согласно моему приказу»³⁶.

В отличие от своего деда, второй виконт не участвовал в делах управления страной в силу своей конфессиональной принадлежности. Возможно, именно поэтому он столь чувствительно относился к вопросам статуса — ведь его невозможно было подтвердить традиционным способом, через участие в управлении, военной и дипломатической службе.

Второй виконт был склонен подчеркивать благородство своего происхождения. В составленной в 1615 г. родословной были упомянуты все знатные предки леди Люси Невилл, вплоть до XI в., ее связи с семействами Монтермер, и де Клер, и даже с Плантагенетами. Знатные фамилии, с которыми Монтегю породнились в XVI в., да и младшие члены семьи не были указаны в родословной, так как целью составления этого документа было показать древность рода³⁷. Таким образом, происхождение стало более важной составляющей благородства для второго виконта, чем для его деда. Но доминирующей в семейной истории постепенно становится конфессиональный аспект.

Когда к 1604 г. молодому виконту и его единоверцам стало очевидно, что для них политическая карьера могла открыться только в результате компромисса с совестью, Монтегю выбрал для себя иную роль — лидера английских католиков. Его претензии были обнародованы в парламентской речи 1604 г. (см. выше).

Из текста речи отчетливо видно, что виконт противопоставляет себя всей палате. Он все время использует местоимения «вы» (лорды,

³⁵ Ibid. P. 125.

³⁶ “I will, that when they attende upon me in the streeetes att London or att my table there, they be allwayes in their lyveries with handsome swords or rapiers by their sides; and the like I will that they doe in the cuntrye, att all solempne feastes, as Christmas, Easter, Whitsontyde, great meetinges, and such other tymes, as I shall specyally apoynt” // Ibid. P. 131.

³⁷ BL, Harleian MS 1195. F. 1—4. Родословная не вполне точна: она показывает Монтермеров потомками нормандского рода де Клер, однако это неверно. Джоанна Акрская была вдовой Гилберта де Клер, а не его дочерью.

отождествляющиеся с гонителями-протестантами) и «мы» — католики. И хотя виконт, произнося свою речь, вроде бы тоже выполнял долг «по отношению к Богу и стране»³⁸ (не монарху!), по сути, он выполнял свой долг перед своими братьями-католиками и просил (довольно вызывающим образом) милости по отношению к ним: «Я говорю <...> из долга по отношению к моим братьям, которые вместе со мной являются членами одного тела»³⁹. И самого себя виконт представляет главным образом как католика, защищающего единоверцев: «Говори католик, говори смело и уверенно, и не бойся никакого противника <...> Не бойся никого из людей, но знай, что Бог готов помочь тебе, и бойся Его»⁴⁰.

Таким образом, виконт обращался не столько к членам палаты, сколько к католикам вне парламента. Его адресат — не парламент, но единоверцы; для них предназначен образ защитника веры. Фактически, парламентская речь виконта была его заявкой на роль лидера католического сообщества, готового говорить от его имени⁴¹.

Именно этот образ лидера католического сообщества, представляющего его перед монархами и папой, а также и третейского судьи в случае конфликтов в рядах католического духовенства, присутствует и на страницах посланий виконта, адресованных клирикам, кардиналам и папе (1605—1629 г.), и в его трактате «Апологетический ответ» 1628 г., обосновывавший позицию Монтегю в конфликте, касавшемся епископа Ричарда Смита (см. выше).

О доминировании конфессиональной компоненты в идентичности второго виконта говорит и надпись, выбитая по его приказу на надгробии деда, возведенном в церкви Мидхёрста (сейчас находится в Избурне).

«Здесь лежит тело благородного сэра Энтони Брауна, виконта Монтегю, главного знаменосца Англии, рыцаря Ордена Подвязки, старейшиной которого он являлся на момент смерти, члена благородного Тайного Совета королевы Марии. Он, происходивший по линии бабушки, леди Люси, дочери и наследницы, от Джона Невилла, маркиза Монтегю, был щедро одарен добродетелями истинной знати. Он закончил жизнь, будучи 66 лет от роду, в своем доме в Хорсли, что в Сарри, 19 октября 1592 г., на 34-м году правления нашей правительницы, королевы Елизаветы.

Этот благородный человек, в 1553 г., был отправлен королевой Марией в благородное посольство в Рим, вместе с доктором Тёрлби, епископом Илийским. Это поручение было выполнено к его великой чести и похвале.

³⁸ “the dutie that I owe both to God & my countrie” // Bodleian Library, MS Eng. TH.b.2. P. 845.

³⁹ “I speake <...> out of the dutie wch I owe unto all my brethern wch in one & the same bodie are with me fellowe members” // Ibid. P. 846.

⁴⁰ “Speake Catholique, speake boldly and counfydently & feare no adversarie: Feare nowe no man, knowing that god is ready to give assistance, & feare him” // Ibid. P. 845.

⁴¹ См.: *Серегина А.Ю.* Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // Диалог со временем. М., 2008. Вып. 25/2. С. 351.

Через два года после этого он служил королеве Марии в качестве лейтенанта Ее Величества в английской армии во время осады Сен-Кантена.

В 1559 г. королева Елизавета отправила его в посольство в Испанию, к королю Филиппу, и подобным же образом в 1565 и 1566 гг., к герцогине Пармской, бывшей тогда регентом Нидерландов. Все эти поручения он выполнил мудро и благородно, служа Богу, государю и стране»⁴².

В приведенном тексте присутствуют все составляющие благородства: знатное происхождение, личные достоинства, проявленные на службе государю, и верность религии. Однако последний компонент, не выраженный явно, на деле оказывается решающим. Ведь если посмотреть на перечисленные эпизоды карьеры виконта, оказывается, что достойна упоминания лишь служба католической королеве. Служба королю Эдуарду — протестанту, не упоминается вообще, а когда речь заходит о Елизавете, в списке оказываются лишь посольства к католическим государям, но не длительная служба в роли лорда-лейтенанта Сассекса (которой сам первый виконт гордился)⁴³.

Наконец, в 1627 г. была издана биография леди Монтегю — бабушки второго виконта. Оригинал представлял собой расширенную версию надгробной проповеди, произнесенной в 1608 г. Ричардом Смитом, капелланом покойной виконтессы. Этот вариант был издан на латыни в 1609 г. в Риме в типографии Джакомо Маскарди с посвящением кардиналу-протектору английских католиков Эдуардо Фарнезе⁴⁴. В 1611 г. текст был переведен на немецкий язык как «Зерцало женщин» и издан в Аугсбурге Хризостомом Даберцхофером с посвящением влиятельным дамам: Марии фон Шварценберг, жене Кристо-

⁴² "Here lyeth the bodie of the Right Honourable Sir Anthonie Browne, Viscount Mountague, Chief Standard Bearer of England, and Knight of the Honourable Order of the Garter, whereof he was ancient at his death, and one of the Honourable Privie Councill to Queen Marie, who as he was noblye descended from the Ladye Lucye, his grandmother, one of the daughters and cohayres of Lord Iohn Nevill, Marques Mountague; so he was perfectly adorned with all the virtues of the Nobilitye. And in the 66 yere of his age he ended his days at his Howse at Horsley in Surrey, the 19 of October, 1592; and in the 34 yere of the raiyne of oure most soveraigne Lady, Queen Elizabeth.

This honourable man, in the yere 1553, was emplyed by Queen Marie, in an honourable Ambassage to Rome, with Doctor Thyrlbye, Bissope of Elye, whiche performed to his great honor and commendation; and the second yere after he served Queen Marie, as Her majesties Livtenant of the English Forces, at the Siege of St Quentines.

In the yere 1559, Queen Elizabeth sent him Ambassador into Spain to Kinge Philipp, and likewise, 1565 and 1566, to the Duches of Parma, then Regent of the Lowe Countries, all which he effected both wyselye and honourablye to the service of God, his Prince, and Countrie" // *Scott S.D. Cowdray House and Its Possessions // SAC. 1857. Vol. 5. P. 189.*

⁴³ Должность лорда-лейтенанта упоминается в его речи 1591 г. См.: *Woking Surrey History Centre, Loseley MS.1856. P. 2 [Questier M. Loyal to a Fault. P. 251].*

⁴⁴ *Vita <...> Dominae Magdalenae Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissà. Apud J. Mascardum. Romæ, 1609.*

фа Фуггера, графа Вайсенхорна, и ее родственницам, Рене фон Шварценберг и Марии Фуггер⁴⁵.

Английский перевод был заказан самим виконтом автору — епископу Смиуту, который, в свою очередь перепоручил его капеллану виконта, монаху-бенедиктинцу Катберту Ферсдону (1602—1638)⁴⁶. «Жизнь леди Монтегю» была смоделирована по образцу житий свв. жен и вдов — Свв. Паулы, Марцеллы и Моники⁴⁷, что должно было указывать если не на святость, то на исключительное благочестие виконтессы. Оно отбрасывало свой отблеск и на внука, который «впитал истинный вкус ее добродетелей и сделался наследником ее благородных свойств»⁴⁸.

Одна из глав (4) посвящена мужу героини, т.е. первому виконту Монтегю. Поскольку текст относится к жанру благочестивых биографий естественно ожидать, что большая часть внимания будет уделена христианским добродетелям виконта. Однако мудрое управление — тоже добродетель, которая могла бы быть упомянутой. Но именно этого в тексте и не найти. Виконт Монтегю представлен здесь борцом за дело католичества в Англии. Он пострадал за верность ему при короле Эдуарде:

«Этот благочестивый юноша не пожелал запятнать себя этим ужасным преступлением [ересью — А.С.], но подобно новому Товию, стремился ходить на мессу, как это делали его родители, молиться частным образом и публично, и с должным почтением часто ходил к мессе. Отправленный за это в тюрьму, он не пришел в уныние, но украсил свою камеру гобеленами, тем самым показав своим тюремщикам, что он, как Даниил, скорее станет жить в тюрьме, нежели перестанет ходить на божественную литургию»⁴⁹.

Именно поэтому ему впоследствии была оказана величайшая честь:

⁴⁵ Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der <...> Frawen Magdalena Marggräfin zu Scharpffenberg <...> In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo <...> auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Bey Chrysostomo Dabertzhofer. Augspurg, [1611].

⁴⁶ McCann T.J. "The Known Style of a Dedication is Flattery": Anthony Browne, 2nd Viscount Montague of Cowdray andd His Sussex Flatterers // RH. 1988. Vol. 19. P. 396, 402—403.

⁴⁷ Smith R. The Life of the most honourable and virtuous Lady Magdalen, viscountesse Montague. St. Omer. 1627. Preface to the Reader (unpaginated). См.: Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI—XVII веков // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008. Вып. 15. С. 58—59.

⁴⁸ "your Lo[rds]h[ip] hath sucked the true tast of her Vertues, and made your selfe an heyre of her Honourable talents" // Ibid. Epistle dedicatory (unpaginated).

⁴⁹ "this pious youth would not stain himselfe with such haynous crime; but like an other Tobias sought out the service of God, practiced by his Parents, and both devoutly, and publicly, and with due reverence frequented the same. For which matter being committed to prison, he was so far from being deiected therewith, athat adorning his chamber with tapestry, he therby gave his persecutors assurance, that his purpose was, rather with Daniell to live in prison, then to abstaine from the divine service of God" // Smith R. The Life of Lady Montague. P. 10.

«Он был избран королевой для того, чтобы отправиться послом к папе и, в стремлении получить прощение за схизму прошлых лет, обещать повиновение в будущем от имени всего королевства. Он это выполнил, заслужив хвалу, к чести нации, во славу Божию и к радости всего христианского мира»⁵⁰.

Из всех достижений времен королевы Елизаветы упоминаются только выступления в парламенте (1559 и 1563 гг.) в ходе дебатов по религиозным вопросам⁵¹. Таким образом, первый виконт превратился в защитника интересов английских католиков, а в семейной истории закрепилось доминирование конфессиональной, католической компоненты⁵².

Эта трансформация отражается и в визуальном образе — портрете братьев Монтегю, написанный Исааком Оливером в 1598 г. (илл. 9). На нем изображены второй виконт (в центре) с братьями Джоном (слева) и Уильямом (справа). Они находятся в комнате — возможно, в большой галерее Каудрея⁵³. Братья стоят рядом, обнимая друг друга и сплетая руки. На заднем плане справа изображен слуга-джентльмен, член свиты виконта. Братья одеты довольно сдержанно (для людей своего положения) и вооружены лишь кинжалами. Их поза — определенная заказчиком — напоминает иконографию трех граций, и соответственно, прочитывается вполне традиционно — как аллюзия на согласие, единство и верность, в данном случае не только семье, но и католической вере⁵⁴.

Исследователи указывали на сходство иконографии портрета с портретом братьев Колиньи — гравюры 1579 г. работы Марка Дюваля. В данном случае речь идет о сознательной имитации: Оливер вполне мог видеть гравюру Дюваля. Тогда портрет может прочитываться как символ единства приверженцев гонимой религии, объединенных узлами родства, клиентскими отношениями (слуга) и общей верой. А отсутствие мечей может указывать на то, что английские католики, в отличие от французских гугенотов, не представляли военной угрозы

⁵⁰ «He especially was chosen of that Queen to goe Ambassador to the Pope, and desiring pardon of the schisme past, to promise future obedience in the name of the whole kingdome. Which he performed to his exceeding prayse, the honour of his nation, the glory of God, and the applause of the Christian World” // Ibid.

⁵¹ Ibid. P. 11. О речах первого виконта Монтегю см.: *McCann T. The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // SAC. 1970. Vol. 108. P. 50—57; Dodd’s Church History. Vol. II. P. ccli—ccliv; Серегина А.Ю. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI—начала XVII в. // Социальная идентичность средневекового человека / Под ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 231—225.*

⁵² О переосмыслении парламентских речей первого виконта Монтегю в контексте семейной истории см.: *Серегина А.Ю. Парламентская речь виконта Монтегю (1559 г.) и конструирование семейных историй // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2013. С. 201—226.*

⁵³ *Hearn K. Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England, 1530—1630. L., 1996. P. 134.*

⁵⁴ *Strong R. Artists of the Tudor Court. L., 1983. P. 272.*

для государства⁵⁵. Портрет можно рассматривать и просто как символ единства английских католиков — с семьей Монтегю во главе⁵⁶.

Таким образом, семейная история Монтегю и представление о том, какую роль призваны играть ее члены, подверглась существенной переработке на протяжении XVI—XVII вв. На протяжении жизни первого виконта Монтегю в ней безусловно доминировал образ аристократа — политика и воина, занимающего подобающее ему положение в иерархии власти. Однако эта интерпретация в конце XVI в. уступила место иной. В образе виконта Монтегю подчеркивалась преимущественно католическая составляющая; он был прежде всего, католиком, а уже потом английским дворянином. Представляя себя в качестве лидера английского католического сообщества⁵⁷, второй виконт Монтегю стремился оправдать свой выбор, переосмысливая и переписывая семейную, династическую историю.

§ 2. Виконты Монтегю: образ аристократов-католиков в полемической и религиозной литературе XVI—XVII вв.

Образы государственного деятеля и католического лидера представлялись широкой аудитории, включавшей в себя как единоверцев Монтегю в Англии и за ее пределами, а также и представителей английской политической элиты. Эти образы воспринимались, вызывали отклик и трансформировались; ими манипулировали в собственных политических целях, то есть, они превратились в фактор политической и религиозной полемики. Чтобы проанализировать этот процесс, необходимо обратиться к литературным произведениям, в которых фигурировали Монтегю — как «герои», мелькавшие в эпизодах, упомянутые в тексте, или же адресаты посвящений. Эти тексты показывают, какие аспекты рассмотренных выше образов воспринимались их аудиторией, и как именно они использовались⁵⁸.

Самым ранним произведением, обращенным к Монтегю, был опубликованный в 1557 г. в Лондоне сборник переводов с латыни. В него вошел созданный в предыдущее десятилетие перевод «Югуртинских войн» Саллюстия, автора которого — Александра Баркляя — уже не было в живых, а также и история заговора Катилины, принадлежавшая перу Томаса Пейнелла (ум. 1564 г.). Именно Пейнелл был состави-

⁵⁵ Trull M. Constructing Privacy: The Montague Family and the Performance of Household affect. Цит. по: Questier M.C. Catholicism and Community. P. 243.

⁵⁶ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 243.

⁵⁷ См.: Серегина А.Ю. Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2010. С. 136—137.

⁵⁸ Подробнее см.: Серегина А.Ю. Виконты Монтегю: репрезентации аристократов-католиков в полемической и религиозной литературе XVI—XVII вв. // Диалог со временем. М., 2014. Вып. 46. С. 260—279.

телем этого издания. В молодости — каноник августинского монастыря в Мертоне (Сарри), он хотя и остался по духу католиком, признал разрыв в Риме и позднее был настоятелем англиканского прихода и одним из капелланов Генриха VIII. В качестве последнего он познакомился со многими придворными, и явно был близок к ряду католиков в окружении короля, в том числе и отцу виконта, сэру Энтони Брауну. Последний упоминался в адресованном виконту посвящении как «превосходный и благородный человек, ваш отец, верный своему сеньору и королю и вернейший по отношению к нашему Господу Богу»⁵⁹.

Обращение воспроизводит все звания Монтегю, упоминая его титул, и принадлежность к рыцарям ордена Подвязки и членам Тайного Совета. Сам виконт прославляется в посвящении как идеальный аристократ — военачальник, разбирающийся в политике и тонкостях военного дела, дворянин, обладающий знанием о «титулах, степенях знатности или других вещах, подобающих благородному человеку», придворный, отличающийся «тонким умом», большими познаниями, начитанностью, прекрасными манерами, и покровитель ученых⁶⁰. Но еще более важной оказывается его верность католичеству — именно она определяет «славу» виконта:

«Ваше сиятельство <...> во все времена и вопреки всему сброду еретиков сохранял и постоянно и благочестиво поддерживал католическую веру нашего Спасителя и искупителя Иисуса Христа»⁶¹.

Таким образом, уже в середине XVI столетия виконт Монтегю воспринимался именно как аристократ-католик, конфессиональная составляющая образа которого не менее, а для кого-то и более, важна, чем его имидж политика и придворного.

Подобным же образом он представлен и в посвящении к другому сочинению, созданном в конце 1560-х гг., хотя в нем конфессиональная составляющая образа по необходимости выглядит более размытой.

Речь идет о написанной на латыни поэме, посвященной преследованию первых христиан в римские времена. Ее автор — Эдмунд Кэмптон (1540—1581), богослов и полемист-католик, один из первых английских иезуитов, и первый из них, казненный в Англии. Поэма, впрочем, была написана в тот период жизни, когда будущий мученик католической церкви, а тогда еще преподаватель Оксфордского университета, тщетно пытался примирить желание сделать карьеру в Англии — что было воз-

⁵⁹ “that excellent and noble man your father, faithfull I mean to his liege lord and Kynge, and to our Lorde his God, mose faithfull” // *The Conspiracie of Catilline* <...>, translated bi Thomas Paynell. L., 1557. Unpaginated. The Epistle Dedicatorie.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ “your lordship <...> hath at all tymes, and against all the rabblements of heretykes, sustained and mostee constantly and Christianly avauced the catholyke faith of our Saviour and redeemer Jesu Christ” // *Ibid.*

можно при покровительстве Сесила, Лестера и самой королевы Елизаветы — с угрызениями совести, вызванными отказом от католической веры. В конце концов, в борьбе победила совесть: в 1569 г. Кэмпцион покинул Оксфорд, уехав сначала в Ирландию, а в 1571 г. в Нидерланды, где публично объявил о своем возвращении к католицизму⁶².

Поэма внешне конфессионально нейтральна, но не стоит забывать о том, что католики, как и другие преследуемые христианские сообщества, любили уподоблять себя мученикам первых веков. Таким образом, в сочинении Кэмпциона, стилизованном под поэзию Вергилия, содержится очевидный намек на страдания католиков при протестантском режиме.

Поэма не печаталась в XVI столетии, и известна в двух рукописных копиях — British Library Add. MS 36529, f.69—78 и Holkham MS 437, f.2—17, причем во втором манускрипте посвящение и имя автора вымараны, и не читаются. Только в рукописи из Британской библиотеки есть посвящение «Энтони Брауну, виконту Монтегю, одаренному героическими добродетелями: Эдмунд Кэмпцион из Оксфорда молится о его вечном и истинном счастье»⁶³.

Исследовавший манускрипты Дж. Киллрой установил, что вторая рукопись — парадная копия первой или общего оригинала. Первая из них была изготовлена в 1567—1569 гг. и принадлежала сэру Джону Харингтону из Степни; ее вместе с коллекцией книг унаследовал его сын, сэр Джон Харингтон-младший, который позднее (в начале 1590-х гг.) заказал парадную копию поэмы, которая, вероятно, была подарена какому-то католику — причем новый владелец вымарал имя казненного иезуита и виконта Монтегю из соображений безопасности. Предположительно, эта рукопись была потом конфискована вместе с другими бумагами, как это часто случалось с католиками, и оказалась в коллекции владельца Холкхэм-холла — главного солиситора (1592—1594 гг.) и атторнея (1594—1606 гг.) сэра Эдварда Кока, преследовавшего рекузантов⁶⁴.

Не вполне ясно, каким образом оригинал поэмы оказался в руках Харингтона-старшего. Киллрой предполагает, что рукопись поэмы хранилась в Оксфорде, в колледже Св. Иоанна (Сент-Джонс), к которому принадлежал Кэмпцион, по крайней мере, до 1572 г. Затем в нем был проведен обыск с целью изъять и уничтожить католические сочинения, и некто — возможно, библиотекарь, стремясь спасти поэму, передал рукопись официальному проверяющему колледжа, католику сэру Уильяму Корделлу. Тот уже мог передать оригинал Харингтону, который его и скопировал для собственного пользования⁶⁵.

⁶² ODNB online <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>.

⁶³ BL, Add. MS 36529. F. 70. Текст поэмы издан Дж. Киллроем. См.: "Heroicis virtutibus ornatissimo viro D. Antonio Browneo Vicecomiti montis acuti Edmundus Campianus Oxoniensis aeternam et veram felicitatem praecatur" // Killroy G. Edmund Campion: Memory and Transcription. Aldershot, 2005. P. 155.

⁶⁴ Killroy G. Edmund Campion: Memory and Transcription. P. 56—57, 149—153.

⁶⁵ Ibid. P. 54—56.

Возможно и другое объяснение. Как уже упоминалось выше (в главе III), Корделл был близким другом Уильяма Роупера, свекра сестры Монтегю Люси Браун. Поэтому он вполне мог получить рукопись от самого Монтегю — или от его родственников — и затем показать ее Харингтону.

В посвящении Кэмптион отдавал дань учености виконта, как то и подобает в обращении к патрону. Он также подчеркнул «придворные» добродетели — достоинство и при этом милость виконта к нижестоящим, а главное — его благочестие: «Среди наших соотечественников твое великое достоинство, исключительная ученость, испытанное благочестие и твоя милость вызывает восхищение и гордость»⁶⁶.

Кэмптион не забыл упомянуть и о высоком звании виконта, пожелав в последней строке Монтегю сохранить его как можно дольше⁶⁷. Таким образом, и здесь образ сановника соединяется с образом аристократического патрона-католика.

Однако если для единоверцев виконта служение монарху и католическое благочестие оказывались равновеликими слагаемыми его образа, то в образе, созданном полемистами-протестантами, верность монарху доминировала. В опубликованном в 1588 г. памфлете, посвященном разгрому Армады, говорится следующее:

«Первым привел отряды к королеве знатный, добродетельный и благородный виконт Монтегю. Как бы люди не судили о нем из-за его религиозных взглядов, но, по правде, он, как сообщают, всегда заявлял, и в тот раз также торжественно провозгласил перед королевой и всем ее двором, принародно: он, будучи больным и старым, явился, полный решимости жить и умереть, защищая королеву и свою страну от всяких захватчиков, будь то папа, король или любой властитель. И за это он отдаст свою жизнь, детей, земли и имущество. Чтобы показать, что его ум в согласии со словами, он лично предстал перед королевой со своим отрядом, состоявшим из 200 всадников. Их вели его сыновья, а вместе с ними — ребенок, прекрасно державшийся в седле, а именно наследник его рода, то есть, старший сын его сына и наследника. Это обстоятельство отметили многие и, как я сам слышал, воздавали ему хвалы, видя деда, отца и сына, одновременно вскочивших в седло ради службы королеве»⁶⁸.

⁶⁶ *“summa semper in admiratione et gloria apud homines nostros fuerunt excellens dignitas, singularis erudition, spectata pietas, et mansuetudo tu” // Ibid. P. 155.*

⁶⁷ *“Tuam interea dignitatem (qua nihil habet haec aetas vel sanctius vel celebrius) clementissimus Deus incollumem ac illaesam diutissime teneri velit” // Ibid. P. 156.*

⁶⁸ *“The first that shewed his Bands to the Queene, was that noble, virtuous, honorable man, the Viscount Mountague, who howsoever men do iudge of him for opinion in Religion, yet to tell you the truth, he is reported alwayes to have professed, as now also at this time he did professe and protest solemnely, both to the Queene, and to all her Court, in open Assemblies, that he now came, though he was very sickly and in age, with a full resolution to live and die in defence of the Queene, and of his cuntrye, against all Invaders, whether it were Pope, King or Potentate whatsoever, and in that*

Благодаря этому рассказу виконт Монтегю и его семья в целом превратились в образец лояльных католиков, ставивших свою страну и монарха выше конфессиональных пристрастий. Превращение виконта в «лоялиста без страха и упрека» было обусловлено политическими обстоятельствами лета—осени 1588г.

Полное заглавие памфлета: «Копия письма дону Бернардино Мендосе, испанскому послу во Франции, повествующего о положении в Англии и обнаруженного в покоях некоего Ричарда Ли»⁶⁹. Бернардино де Мендоса был в 1578—1584 гг. испанским послом в Лондоне и создал обширную шпионскую сеть, которую продолжал контролировать и после того, как перебрался в Париж. Поэтому история об аресте католического священника — естественно, агента испанцев — и перехвате его письма, рассказывавшего о событиях, разворачивавшихся в Англии перед предполагаемым появлением Армады у ее берегов, выглядела вполне правдоподобно. На роль сочинителя письма был «избран» Ричард Ли⁷⁰ — католический священник, арестованный в июне 1588 г. и казненный 30 августа. Последнее обстоятельство было очень удобно для обнародовавшего текст лорда-казначей Уильяма Сесила, лорда Бёрли: издание появилось осенью, когда казненный Ли уже был не в состоянии оспорить приписывавшееся ему авторство. Трудно себе представить, что какое-либо письмо от Ли могло датироваться сентябрем 1588 г., как говорится в памфлете, ведь он тогда был уже мертв. И даже если предположить, что пресловутую дату проставил не он, а некий католический агент, собиравшийся переправить письмо адресату, все равно останется непонятным, откуда Ли, все лето находившийся в Тауэре, мог узнать детали происходившего в Тилбери.

Впрочем, у читателей «Копии» не возникало сомнений, т.к. в отличие от историков позднейших веков, они не могли узнать дату ареста и казни Ли. Поэтому вплоть до начала XX века письмо Ли считалось подлинником, хотя сам факт его публикации не оставлял никаких сомнений в намерениях английского правительства использовать его в качестве

quarrel he would hazard his life, his children, his lands and goods. And to shew his mind agreeably thereto, he came personally himself before the Queene, with his Band of horsemen being almost two hundred: the same being led by his owne sonnes, and with them a yong child, very comely seated on horseback, being the heire of his house, that is, the eldest sonne to his son and heire: a matter much noted of many, whom I heard to commend the same: to see a grandfather, father, and sonne, at one time on horseback afore a Queene for her service” // *The Copy of a Letter Sent out of England to Don Bernardin Mendoza*. L., 1588. P. 24—25.

⁶⁹ *The Copie of a Letter Sent out of England to Don Bernardin Mendoza, Ambassadour in France for the King of Spaine, declaring the state of England <...> Found in the chamber of one Richard Leigh*. L., 1588.

⁷⁰ Ричард Ли (1561—1588) — католический священник, уроженец Кембриджшира. Учился в английских коллегиях в Реймсе и Риме. Был рукоположен в феврале 1587 г. и отправлен в Англию. Там его арестовали и выслали из страны. В 1588 г. он вернулся, и в июне 1588 г. был вновь арестован и заключен в Тауэр. Казнен в Тайберне 30 августа 1588 г. Канонизирован католической церковью как мученик за веру в 1929 г.

пропаганды. Но в 1911 г. Дж. Поллен обнаружил в архивах рукопись памфлета, написанную рукой одного из секретарей лорда-казначея, с собственноручной правкой последнего. Таким образом, можно считать доказанным, что никакого письма Ли Мендосе не было, а публикация представляет собой образец эффективной пропаганды английского правительства. Сам текст же — порождение канцелярии Сесила⁷¹.

Выбор языка памфлета ограничивал его потенциальную аудиторию англоязычными читателями. Прежде всего, конечно, речь шла о жителях Британских островов, подданных Ее Величества — англичанах и — отчасти — ирландцах. Как и все полемические тексты, «Копия письма» четко очерчивала границу между своими и чужими, врагами, в данном случае, испанцами. Им был противопоставлен образ победоносной английской нации, объединенной в любви к стране и королеве. Важной частью этого образа были католики, ставившие верность Елизавете и Англии выше требований Рима⁷². Монтегю был отнюдь не единственным католиком, чье присутствие в Тилбери было отмечено в памфлете: там упомянуты также его двоюродный брат, граф Вустер⁷³, а также лорды Ламли⁷⁴, Стёртон⁷⁵, Дарси⁷⁶, Мордаунт⁷⁷, Скроуп⁷⁸ и Юр⁷⁹. Кроме того, в памфлете упоминались и многочисленные лорды-протестанты. Однако только Монтегю удостоился не просто упоминания, а небольшого рассказа; более того, согласно тексту памфлета, именно он первым прибыл в Тилбери.

Представляется, что Монтегю был избран в качестве образца не только — и не столько — потому, что был безупречно лоялен. Виконт Монтегю был для правительства предпочтительнее в качестве «образца» католика по целому ряду причин. Во отличие от многих единоверцев, он с самого начала царствования публично (в парламенте) заявлял о своих религиозных взглядах. Кроме того, он оказывал покровительство другим католикам. А узы родства связывали его с католическими семьями не только юга, но и севера Англии, а также и Ирландии⁸⁰. Таким образом, Монтегю был хорошо известен.

⁷¹ *Pollen J. Who Wrote the "Letter to Mendoza" of 1588? // The Month. 1911. Vol. 117. P. 300—304. См. также: Read C. William Cecil and Elizabethan Politics // Elizabethan Governments and Society / Ed. by S.T. Bindoff, J. Hurstfield and C.H. Williams. L., 1961. P. 45—47.*

⁷² В 1570 г. папа Пий V отлучил Елизавету I от церкви и провозгласил долгом католиков свергнуть ее.

⁷³ Уильям Сомерсет, граф Вустер (1527—1589), был сыном Элизабет Браун, тетки виконта Монтегю.

⁷⁴ Джон, лорд Ламли (1534—1609).

⁷⁵ Джон, лорд Стёртон (1552—1588).

⁷⁶ Томас, лорд Дарси из Чича (1565—1639), впоследствии — граф Риверс.

⁷⁷ Льюис, лорд Мордаунт из Тарви (1538—1601).

⁷⁸ Генри, лорд Скроуп из Болтона (1534—1592).

⁷⁹ Уильям, лорд Юр из Уиттона (1530—1594).

⁸⁰ Мейбл Браун, сестра виконта, была вдовой Джеральда Фицджеральда, графа Килдайра и хозяйкой обширных поместий на востоке Ирландии

Но одним только влиянием среди католиков в Англии дело не ограничивалось. Хотя памфлет и был написан по-английски, он предназначался не только для читателей в Англии, но и для католиков-эмигрантов, обитавших за пределами страны. Предполагаемым адресатом в данном случае были те католики, что жили в испанских владениях — в Нидерландах и в самой Испании. В таком случае выбор Монтегю в качестве «образцового католика», лояльного Елизавете, совершенно очевиден: Филипп II знал Монтегю еще с 1554 г., помнил его по посольству 1559 г. Кроме того, виконт был связан узами родства с покровителями английских католиков в Испании, стоявшими за подготовкой Армады (круг герцогини Ферия). Именно им — вполне способным читать по-английски — и предназначался памфлет Сесила. И именно для них в тексте появилась вставка о виконте Монтегю — их родственнике и убежденном католике. Если уж он верен английской королеве и готов сражаться за нее, испанцам не на что надеяться в Англии — таков был подтекст памфлета.

Нацеленность на испанскую аудиторию косвенно подтверждается и тем фактом, что памфлет был издан лондонским печатником Ричардом Филдом (1561—1624). В 1588 г. Филд, только что закончивший свое ученичество, вступил в деловое партнерство с вдовой покойного мастера, гугенота Тома Вотрулье, Жаклин. «Копия письма» стала первым изданием, на котором значится имя Филда. От своего мастера Филд унаследовал не только типографию и жену (он женился на Жаклин в 1589 г., и впоследствии предприятие носило его имя), но и правительственные заказы. За «Копией письма» последовали другие тексты, причем специализацией Филда были полемические сочинения, адресованные испанцам (часть из них даже была написана по-испански)⁸¹.

Памфлет получил большую известность, а история о виконте Монтегю почти мгновенно была распознана как прекрасный инструмент, при помощи которого можно было добиться своих целей. Католики освоили его первыми. Уже в 1589г. некий Рэнделл, арестованный католик из Оксфордшира, заявил на допросе, что хотя он и католик, но «так же готов сражаться против испанцев, как милорд Монтегю»⁸².

Более того, сам виконт при случае был готов воспользоваться сочиненной о нем историей. В своей речи 1592 г. он произнес:

«Я заявляю также, что если папа, или король Испании, или любой другой иностранный правитель решит вторгнуться в наше королевство, по любой причине, я одним из первых с оружием в руках встану на защиту моего государя и страны, насколько хватит сил»⁸³.

⁸¹ Kirkwood A.E. M. Richard Field, Printer, 1589—1624 // The Library. 1931. Vol. 12. P. 1—35.

⁸² “As redye [a] man to fyghte agaynste the Spanyards as my Lord Mowntague was” // Questier M.C. Catholicism and Community. P. 125.

⁸³ “I protest that yf the Pope or the Kinge of Spayne or anye other forreyne Potentate shoulde offer to invade this realme, for any cawse whatsoever, I woulde be one of the

В данной фразе образ защитника отечества, одним из первых взявшегося за оружие — явно напоминающий о памфлете 1588 г. — соединяется с намеком на циркулировавшие среди английских католиков рукописи, обосновывавшие правомочность сопротивления испанцам, хотя тех и послал в Англию папа. Аргументы их авторов сводились к следующему: объявляя Елизавету I смещенной в 1570 г., папа Пий V руководствовался неверными или неполными сведениями, а поскольку в делах, касающихся политики, понтифик не является непогрешимым, буллу исполнять необязательно. Испанцы же хоть и провозглашают себя защитниками веры, на самом деле руководствуются собственными интересами, и сопротивляться им можно и нужно. Более того, даже папе можно сопротивляться с оружием в руках, если он решит высадиться в Англии, т.к. он в данном случае поведет себя как светский правитель, с которым можно воевать⁸⁴.

Речь виконта, в свою очередь, использовали другие католики. Священник Уильям Уотсон, полемизируя с английскими иезуитами, которых он обвинял в «подрывной деятельности», стремился противопоставить им лояльное большинство католиков во главе со знатными дворянами. В одном из своих памфлетов (1602 г.) Уотсон использовал речь виконта, о которой, скорее всего, узнал от друга, сассекского дворянина Энтони Копли⁸⁵, расширив цитировавшийся выше пассаж и переиначив его:

«Достопамятный старый лорд Монтегю <...> сказал следующее: если сам папа придет с крестом, ключами и Евангелием в руках, он в числе первых готов будет бежать к Его Святейшеству с тем, чтобы простершись у его ног, со всем сердечным смирением предложить ему свои услуги, чтобы выказать себя его послушным чадом. Но если же вместо того, чтобы прийти с торжественной процессией, с крестом, книгой, молитвами и проповедями, он появится под звуки королевского марша, с герольдами, с военными знаменами напоказ, с трубами, барабанами, пиками, аркебузами и солдатами, выстроившимися в боевом порядке, тогда он первым выйдет сражаться против него, вооруженный до зубов»⁸⁶.

fyrst that shoulde beare armes agenst him of them for my prynce & cowntrye, to the uttermost of my power” // *Questier M.C. Loyal to a Fault*. P. 252.

⁸⁴ Речь идет о трактатах Томаса Райта и Джона Бишопа. См.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 123—129.

⁸⁵ Серегина А.Ю. Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI—XVII вв. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С.195—207, особ. С. 198—199.

⁸⁶ “the old Lord Mountacute of worthie memorie <...> saying to this effect: that is the pope himselfe should come in with crosse, key and gospel in his hand, he would be readie with the first to run unto his Holines to cast himselfe downe at his feete to offer his service unto him in all humbleness of hart, and what not to shew himselfe a dutifull childe. But if, in teede of comming in solemne procession with crosse, booke, praiers and preaching, he should come in a sounding royall march with heralds of armes, with banners of blood displaid, with trumpets, alarum, pikes, harquebuse and

Приведенная Уотсоном речь была полной фикцией, но она довела до совершенства образ Монтегю-лоялиста. Позднее он был заимствован многими полемистами в их собственных целях. Так, в 1621 г. протестант Томас Гейнсфорд использовал его в своем памфлете *Vox spiritus*, изданном в контексте полемики вокруг предполагавшегося брака принца Уэльского (будущего Карла I) и испанской инфанты. В памфлете испанскому послу Гондомару (одному из главных «авторов» идеи испанского брака) во сне является дух сэра Уолтера Рэли и убеждает его, что все англичане — даже католики — против этого союза. Одним из аргументов стало упоминание о речи виконта Монтегю (в версии Уотсона)⁸⁷.

Обе выдуманные речи Монтегю (из памфлетов 1588 и 1602 гг.), обычно воспринимаемые как версии одной и той же речи, часто фигурировали и в сочинениях историков позднейших эпох, о чем уже шла речь выше. Но если историки-протестанты XIX и XX вв. просто некритически отнеслись к текстам историков и биографов-католиков, то у последних были веские причины вновь и вновь упоминать виконта-лоялиста. Памфлеты Уотсона и близких ему авторов — противников иезуитов привлекали большое внимание католических историков и публицистов в конце XVIII—начале XIX в., в контексте полемики вокруг возвращения английским католикам политических прав. Католики-либералы, зачастую находившиеся в состоянии конфликта с Римом, стремились убедить правительство и английское общество в том, что их единоверцы не представляют никакой опасности и верны стране и государю⁸⁸. В этой ситуации виконт с его речами был просто подарком судьбы. Таким образом, на протяжении почти четырехсот лет история о Монтегю неизменно была незаменимым инструментом политической полемики. Благодаря не слишком критическому подходу историков XIX—XX вв. к своим источникам, образ Монтегю-лоялиста прочно укоренился на страницах исторических сочинений, посвященных его семье, католикам юга Англии — графства Сассекс,⁸⁹ — а также и в общих трудах, например, в «Истории Англии» Л. фон Ранке⁹⁰. А после того, как этот сюжет был фактически канонизирован включени-

men of armes all amrshald in rankes set in battell array, then would he be the first men in the field armed at all points, to resist him...” // *Watson W. A Decacordon of Ten Quodlibeticall Questions*. L., 1602. P. 176—177.

⁸⁷ *Gainsford T. Vox Spiritus, or Sir Walter Rawleighs Ghost [1620] Facsimile edition*. Exeter, 1983. P. 25. О Гейнсфорде и его произведении подробнее см.: *Adams S.L. Captain Thomas Gainsford, the “vox spiritus” and the vox populi* // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 1976. Vol. 49. P. 141—144.

⁸⁸ *Серегина А.Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI—начала XVII в. в истории английской политической мысли* // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 34. С. 61—73; *O’Day R. The Debate on the English Reformation*. L., 1986. P. 54—83.

⁸⁹ *Scott S.D. “A Book of Orders and Rules” of Anthony Viscount Montague* // *SAC*. 1854. Vol. 7. P. 180—181; *Roundell J. Cowdray*. P. 25—26.

⁹⁰ *von Ranke L. A History of England, Principally in the Seventeenth Century*. L., 1875. Vol. 1. P. 323.

ем в «Словарь национальной биографии» (1886 г., статья, посвященная виконту Монтегю)⁹¹, он появлялся практически во всех трудах, посвященных английским католикам и/или политической истории Англии XVI в., вплоть до последних десятилетий⁹².

Второй виконт Монтегю унаследовал от деда репутацию лояльного католика, однако он к середине 1590-х гг. имел все основания причислять себя к единоверцам, несправедливо обиженным режимом, несмотря на верность королеве. Многие из «обиженных» группировались вокруг графа Эссекса, представавшего в образе непримиримого врага испанцев и связанных с ними заговорщиков и одновременно — патрона всех лояльных католиков, к которому правительству следовало бы проявить терпимость.

Среди таких лоялистов было немало эмигрантов, разочарованных годами службы испанскому королю и стремившихся вернуться на родину и занять там подобающее, как они полагали, место. Одним из них был, как мы уже видели, сэр Фрэнсис Дейкр. О нем и его бедствиях в Испании упомянул вернувшийся в начале 1590-х гг. в Англию Льюис Льюкнор в своем «Рассуждении о приеме, оказанном испанцем английским беглецам» (1595 г.)⁹³. Представление родственников Монтегю как верных королеве — и за то претерпевавших от испанцев — эмигрантов не прошло незамеченным: в 1597 г. Льюкнор был избран в палату общин от боро Мидхёрст, которым распоряжался виконт (см. выше).

Но включение Льюкнора в состав правящей элиты отнюдь не было легким или безоблачным, и вскоре недовольный оказанным ему приемом — а он рассчитывал на придворную должность — сэр Льюис примкнул к кругу недовольных, формировавшемуся вокруг графа Эссекса. Показателем может служить изданный им в 1599 г. перевод с латыни трактата кардинала-венецианца Гаспаро Контарини «О республике и правительстве Венеции» (1543 г.)⁹⁴. В политическом контексте того времени произведение, восхвалявшее республиканское устройство Венеции и правление там знати, прочитывалось как завуалированная критика коррумпированного правительства стареющей королевы Елизаветы⁹⁵. Перевод был посвящен родственнице Монтегю — вдовству-

⁹¹ Dictionary of National Biography. L., 1886. Vol. 7. P. 40. В новом издании (2004 г.) эта ошибка изначально тоже присутствовала (статья Х. Элсинги), однако позднее была исправлена. См.: ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/3667>.

⁹² См., например: Manning R.B. Religion and Society in Elizabethan Sussex. L., 1969. P. 236; Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill NC, 1979. P. 44; Sharpe J.A. Remember, Remember: a Cultural History of Guy Fawkes Day. L., 2005. P. 27. Подробнее см.: Серегина А.Ю. «С оружием в руках»: английские католики и политическая пропаганда XVI—XVII вв. // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 257—282.

⁹³ Lewkenor L. A Discours of the Usage of the English Fugitives by the Spaniard. L., 1595.

⁹⁴ Lewkenor L. The Commonwealth and Government of Venice. L., 1599.

⁹⁵ Norbrook D. Poetry and Politics in the English Renaissance. 2nd edition. L., 2002.

ющей графине Уорик (вдове Эмброза Дадли, кузена первого виконта), урожденной Энн Рассел. Она была дочерью графа Бедфорда, друга первого виконта и одной из влиятельных дам королевской опочивальни. Графиня, будучи бездетной вдовой, воспитывала Эдварда Рассела, молодого графа Бедфорда — сына своего племянника, принадлежавшего к числу друзей графа Эссекса.

Примерно в то же время и сам виконт Монтегю причисляется современниками к числу католических сторонников Эссекса. В изданной в 1596 г. политической сатире сэра Джона Харингтона (протестанта, принадлежавшего к кругу Эссекса) «Метаморфозы Аякса» упоминается виконт, следующий путями своего деда — т.е. лояльного католика, верно служившего своей правительнице⁹⁶. Более того, маргиналии автора, сохранившиеся в двух экземплярах сатиры, призывающей к очищению правительства и двора от пятнающей их грязи, в том числе и жестокости по отношению к лояльным католикам, указывают на то, что затронутые в сочинении вопросы обсуждались в замке Уардур, принадлежавшем католику — лорду Эренделлу, а в числе присутствовавших были сам владелец замка, сэр Мэтью Эренделл, его старший сын Томас, носивший титул графа Священной Римской империи (дарованный ему императором Рудольфом II), супруга Томаса Мэри (Ризли) и ее брат, граф Саутхэмптон — кузены Монтегю⁹⁷. Достоинства же предмета должны были обсуждать присяжные из числа титулованных дворян и джентри. Упомянутые Харингтоном аристократы — граф Нортумберленд, виконт Монтегю, граф Вустер и лорд Ламли, были католиками, а также друзьями и/или родственниками Эссекса⁹⁸.

Таким образом, в середине 1590-х гг. виконт Монтегю воспринимался, с одной стороны, как незаслуженно обиженный аристократ, верный монарху — образ, обязанный своим возникновением первому виконту и пере-интерпретации его имиджа политика в 1588 г и позднее — а с другой, как член круга влиятельных придворных, способный в силу этого оказывать покровительство. Такая репрезентация виконта была важна для тех католиков рубежа XVI—XVII вв., которые в ходе конфликта внутри английского католического сообщества стремились представить себя в роли идеальных подданных (апеллянты), противостоящих нелояльным заговорщикам (иезуиты), пытаясь договориться с правительством о терпимости (к собственной фракции). Для священников-апеллянтов и связанных с ними мирян-католиков виконт Монтегю был идеальным патроном. Поэтому неудивительно, что именно

P. 87—88; *Peltonen M. Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570—1640. Cambridge, 1995. P. 105—118.*

⁹⁶ “the lord I heare does partisare, or rather I should say avisare” // Sir John Harington’s *A New Discourse of a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax* / Ed. by E.S. Donno. L., 1962. P. 224.

⁹⁷ *Killroy G. Edmund Campion: Memory and Transcription. P. 90.*

⁹⁸ *Ibid. P. 91.*

ему в 1596 г. была посвящена поэма, написанная его дальним родственником, Энтони Копли (*Fig for Fortune*)⁹⁹.

Поэма представляла собой католическую интерпретацию «Королевы Фей», в которой Копли в аллегорической форме провозглашал верность католиков Елизавете. Историки английской литературы обычно интерпретируют ее как «мольбу о терпимости к лояльным католикам»¹⁰⁰. Вместе с тем в поэме присутствует и утверждение истинности католической веры, подкрепляемой благодатью, сообщенной католическими таинствами. Благодать дает католикам силы отказаться от мести, предпочтя ей мученичество¹⁰¹.

Виконт Монтегю — влиятельный католик из семьи лоялистов, успевший как прославиться благочестием, так и пострадать за веру — прекрасно подходил к этой схеме. Поэтому в посвящении речь идет о добродетелях (подразумеваем: католических) виконта:

«Великий Монтегю, трижды великий в сиянии добродетелей
И потому трижды великий в моей привязанности...»¹⁰²

В тексте, впрочем, Копли упоминает и о высоком положении молодого аристократа:

«... Изобилие твоего высокого положения,
Почетное рождение, твой богатый доход,
Одобрение и уважение всей страны...»¹⁰³

Однако именно католическая добродетель виконта оказывается причиной посвящения. Копли не добивался покровительства виконта. Его целью было представить его как символ католического сообщества, верного как своей религии, так и монарху. Этот образ был частью полемического арсенала католического духовенства, применявшего его в ходе внутренних конфликтов. Именно католические клирики-апеллянты и связанные с их кругом миряне (Э. Копли) впервые начали представлять виконта Монтегю в качестве лидера католического сообщества. И вероятно, именно они в первые годы XVII столетия побудили Монтегю отправить слугу (клирика) в Рим — предположительно, с посланием, ка-

⁹⁹ Copley A. A Fig for Fortune [L., 1596] // Publications of the Spencer Society. Manchester, 1883. Vol. 35.

¹⁰⁰ Shell A. Catholicism, Controversy, and the English Literary Imagination, 1558—1660. Cambridge, 1999. P. 133—137, сообр. P. 134; Voss P. The Catholic Presence in English Renaissance Literature // The Ben Jonson Journal. 2000. Vol. 7. P. 1—26; Knapp J. An Empire Nowhere: England, America and Literature from “Utopia” to “The Tempest”. Berkeley, 1992. P. 85—86.

¹⁰¹ Briez Monta S. Martyrdom and Literature in Early Modern England. Cambridge, 2005. P. 100—111.

¹⁰² Copley A. A Fig for Fortune, 3.

¹⁰³ Ibid. P. 64.

савшимся вопроса о наследовании престола Яковом Шотландским и терпимости к католикам. Посланный представил виконта понтифику в роли благочестивого католика, пострадавшего за веру. В ответ Климент VIII издал бреве (5 февраля 1603 г.), в котором восхвалялось религиозное рвение Монтегю; последнего призывали содействовать сохранению единства и мира среди английских католиков. Другое бреве (13 февраля 1603 г.) даровало общую индульгенцию любому католику, кто, исповедавшись и причастившись, посетил бы капеллу в его доме и помолился бы там в праздник Тела Христова и все богородичные праздники и их октавы¹⁰⁴. Виконт Монтегю и его поместье, таким образом, приобретали особый статус в рамках английского католического сообщества, превращаясь в его лидера и духовный центр соответственно.

Клирики-апеллянты, впрочем, отдавали себе отчет в том, что отнюдь не все миряне-католики воспримут молодого виконта в таком качестве. По сообщению правительственного агента, в апреле 1603 г. в одной из лондонских тюрем, в помещении, отведенном арестованному священнику Томасу Блюету, состоялась беседа нескольких клириков с неназванным мирянином-католиком. Предметом обсуждения были способы оказать давление на нового монарха с тем, чтобы он даровал английским католикам свободу исповедать свою веру и политические права. Присутствовавшие сошлись на том, что таким средством стало бы объединение всех дворян-католиков под руководством одного лидера-аристократа. На роль последнего выдвигались графы Вустер или Нортумберленд. Кандидатура виконта Монтегю рассматривалась и была отклонена, несмотря на то, что участники беседы отметили его рвение в деле католичества, а также и известность в стране. Но молодой виконт «не был обучен военному делу, и славится лишь ученостью»¹⁰⁵, поэтому он вряд ли мог приемлемым лидером, в отличие от Нортумберленда, воевавшего в Нидерландах в 1580-х гг., и Вустера — королевского конюшего и члена Тайного Совета.

Таким образом, образ лидера католического сообщества — знатного аристократа, стоически претерпевающего гонения за веру, имела существенный недостаток. В нем не хватало «политической компоненты» — служения стране и государю, военного и управленческого опыта, которые всегда подчеркивал дед виконта. Заявка на лидерство, окрашенная исключительно в тона благочестия и мученичества, вряд ли могла в самом деле сделать Монтегю неформальной главой английского католического дворянства, однако она была незаменимой для полемистов из числа духовенства. Образ виконта становился аргументом во фракционных спорах; представлявшие его клирики конструировали «идеального патрона», знатного, безусловно лояльного и столь же безусловно

¹⁰⁴Цит. по: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 264—265. Октава (отдание праздника) — особая литургия, посвященная празднику, которую служат через неделю после него.

¹⁰⁵PRO, SP 14/1/7. F. 18—19.

ерного Риму, и при этом оказывавшего поддержку определенной группе внутри духовенства.

Сам виконт, похоже, поддался этому внушению. Его парламентская речь 1604 г. говорила именно о таком лидерстве. Представляется, что она была своего рода примеркой на себя той роли, которую группировавшиеся вокруг Монтегю клирики фактически навязывали ему; а молодой виконт явно поддавался внушению своих капелланов в куда большей степени, нежели его дед.

Отклик на речь виконта показывает, в каком качестве его воспринимали единоверцы. В письме сэру Томасу Чэлонеру (воспитателю принца Генри) сообщалось следующее:

«Наши изменники-паписты немало сожалеют об аресте лорда Монтегю. Они утверждают: он достоин того, чтобы молиться за него конца мира, и его нужно внести в поминальный свиток, потому что он заявил — как они говорят: мои честь, земли и жизнь мне дороги, но моя душа — дороже, и я никогда не подчинюсь этому биллю (произнес он), подразумевающему, что за жен-паписток нужно будет платить штраф так же, как и за мужей»¹⁰⁶.

Из приведенного письма явствует, во-первых, что недовольство дворян-католиков вызвало подтверждение Яковом I в 1604 г. предписания мужьям платить штрафы за жен-рекузантов (впервые введенное статутом 1593 г.). Во-вторых, виконт здесь воспринимается как образец благочестия и негибаемой стойкости перед лицом преследований — т.е. на него проецируются желаемые, идеальные качества — но не как реальный политический лидер гонимой общины.

Можно предположить, что записи речи виконта циркулировали в католической среде. На данный момент известна лишь одна, включенная в подготовленный в первые годы XVII столетия рукописный сборник, заслуживающий подробного анализа. Вплоть до 1968 г. он принадлежал семейству Браденелл из Норхемптоншира, потомкам известного католического рода, а потом был продан на аукционе Сотби¹⁰⁷ и теперь хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфорда (MS Engl. Th. B. 1—2)¹⁰⁸. Два тома *in folio* представляют собой своего рода «католическую энциклопедию», или пособие по полемическому богословию. Ее разделы, организованные в алфавитном порядке, посвящены богословским во-

¹⁰⁶“my Lord Montagues commyttment yt is muche lamented amonge our trrayterous papists whoe affirme that he is worthy to be prayed fo to the worldes end and that he shalbe enrolled for yt; I meane the spec he used as they saym viz: my honor, landes and lyfe are deere but my sowle deerer and I will never yeldde to this bill (quothe he) meaning againtes papistes to be payde for by a penal statute aswell as the husbände” // PRO, SP 14/8/83. F. 167r.

¹⁰⁷O’Leary J.G. A Recusant Manuscript of Great Importance // Essex Recusant. 1968. Vol. 10. P. 79.

¹⁰⁸Подробнее о рукописи см.: Серегина А.Ю. «Католическая энциклопедия» начала XVII в.: формирование исторической памяти английского католического сообщества // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 40. С. 51—63.

просам, вызывавшим ожесточенные споры католиков и протестантов (например, «месса», «святые» и т.п.). Материал каждого раздела выстроен по одной формуле: сначала следуют цитаты из Библии, затем — ссылки на постановления соборов, и в конце — цитаты из трудов св. Отцов и авторитетных богословов, в том числе и авторов XVI—начала XVII в. Судя по времени публикаций данных трудов, а также упоминаемых событиях, работа над рукописью велась в 1604—1609 гг. Она была переписана по заказу кого-то из членов семьи Браденелл или их родственников, Трешэмов: том II содержит экслибрис сэра Томаса Трешэма, чья дочь Мэри была замужем за Томасом Браденеллом, и так и не завершена: часть инициалов, украшающих начало каждого раздела, отсутствует, часть разделов (например, о спасении, II, f. 600—669) не завершена, а некоторые (искупление греха, II, f. 670—672) оставлены пустыми.

Автор скрывается за псевдонимом «Томас Джолет». Дж. Киллрой — единственный исследователь рукописи — считает составителем энциклопедии сэра Томаса Трешэма, известного своими богословскими познаниями. Но Трешэм умер в 1605 г., и его кончина упоминается на страницах рукописи¹⁰⁹, поэтому если он и был автором сборника, то, безусловно, не единственным. Киллрой предполагает, что после смерти Трешэма его дочь Мэри или зять Томас Браденелл собрали вместе оставленные им материалы и завершили работу¹¹⁰. Однако внимательное прочтение рукописи позволяет предложить еще одного возможного автора-составителя, который завершил работу над «энциклопедией», вероятно, по просьбе наследников Трешэма, а также и точнее датировать сборник.

Так, в разделе, посвященном отцам церкви, упоминается книга английского богослова Теофила Хиггонса, посвященная обстоятельствам его обращения в католичество. Она была напечатана в 1609 г.¹¹¹ Чуть выше в том же разделе богослов-иезуит Роберт Парсонс упоминается как еще живущий автор. Роберт Парсонс скончался летом 1610 г. Таким образом, «католическая энциклопедия» Трешэма могла быть завершена в течение относительно небольшого периода 1609—начала 1610 г.

А в разделе, посвященном заслугам¹¹², среди современных богословов упоминается и книга «автора», датированная 1608 г.¹¹³. В каталоге сочинений английских католиков этого периода можно найти не так много трудов, подходящих к этой краткой ссылке. Однако там упоминается вышедший в Париже в 1608 г. английский перевод «Диалогов» папы Григория Великого, к которому был присоединен «Краткий трактат о различных чуде-

¹⁰⁹Bodleian Library, MS Engl.Th.b1. F. 571; b2. F. 404.

¹¹⁰Killroy G. Edmund Campion: Memory and Transcription, 13—14.

¹¹¹Bodleian Library, MS Engl.Th.b1. F. 581. Речь идет об издании: *Higgon's T. The Apology of Theophilus Higgon's, Lately Minister, now Catholique. Rouen, 1609.*

¹¹²Bodleian Library, MS Engl.Th.b2. F. 185—206

¹¹³Ibid. F. 202.

сах, из трудов Св. Августина»¹¹⁴. Это издание вполне может иметь отношение к нашей ссылке поскольку способность святых творить чудеса в католической традиции объясняется действием — и проявлением — благодати, дарованной им Богом в ответ на их заслуги. Автором сочинения был памфлетист и переводчик Филипп Вудворд (1557—1610). Уроженец Саффолка он родился в семье дворян-католиков и учился в Кембридже. В 1580 г. он эмигрировал и продолжил свое образование в английских коллегиях в Реймсе и Риме. В 1587 г. он был рукоположен в священники и отправлен в качестве миссионера в Англию. В начале 1590-х гг. Вудворд вернулся в Рим и оставался там в качестве секретаря кардинала Уильяма Аллена до смерти последнего в 1594 г., а затем уехал в Англию. Следующие 10 лет он провел в миссионерской работе, но в 1604 г. был арестован и выслан из Англии. До 1606 г. он преподавал в Дуэ, но затем опять вернулся в Англию. Новому аресту он подвергся в мае 1610 г., а в июле был снова выслан из страны. Ненадолго остановившись в Дуэ, 3 сентября 1610 г. Вудворд отправился в Рим, но по дороге заболел, и умер в Лионе¹¹⁵.

Из приведенный биографических сведений очевидно, что Вудворд был в Англии в 1607—начале 1610 гг. и мог работать над собранным Трешэмом материалом по поручению Мэри Брэдэнелл. А внезапный арест и вынужденный отъезд Вудворда из страны объясняет, почему сборник остался незаконченным.

Семья Монтегю упоминается в сборнике несколько раз (во 2-м томе). В разделе о преследованиях составитель проследил историю гонений на христиан, завершив ее преследованиями католиков при Елизавете и в начале царствования Якова I, тем самым уподобив последних первым¹¹⁶. Список подвергшихся преследованиям католиков выстроен таким образом, чтобы охватить все католическое сообщество. Он выстроен по сословиям: в нем присутствуют епископы¹¹⁷, священники¹¹⁸, монарх (Мария Стюарт), титулованные аристократы¹¹⁹, рыцари¹²⁰ и эсквайры¹²¹; последними идут женщины-дворянки¹²².

В списке присутствуют почти все аристократы, пострадавшие за веру: умерший в Тауэре в 1595 г. граф Эрендел, изгнанник граф Уэстморленд,

¹¹⁴The Dialogues of S. Gregorie the Pope and A Shorte Treatise of Sundry Miracles out of S. Augustine. Paris, 1608; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. Aldershot, 1994. Vol. II: Works in English. P. 167. No. 838.

¹¹⁵Russell G.H. Philip Woodward: Elizabethan Pamphleteer and Translator // The Library. 1950. Vol. 5. P. 14—24; Ansruther G. The Seminary Priests. Vol. I: Elizabethan, 1558—1603. P. 386.

¹¹⁶Bodleian Library, MS Engl.Th.b2. F. 375—426.

¹¹⁷Ibid. F. 395—400.

¹¹⁸Ibid. F. 401—402

¹¹⁹Ibid. F. 403—404.

¹²⁰Ibid. F. 404.

¹²¹Ibid. F. 405—408.

¹²²Ibid. F. 413.

подвергавшиеся арестам граф Саутхэмптон и Десмонд, виконт Монтегю, лорд Вокс и другие. За его пределами остался лишь казненный как изменник в 1572 г. граф Нортумберленд (лидер Северного восстания 1569 г.). А в числе рыцарей и эсквайров немало общих родственников Монтегю, лорда Вокса и сэра Томаса Трешэма — лорд Эрденделл, Уильям Кейтсби, Александр Калперер, Уильям Роупер, Фрэнсис, Джордж и Генри Брауны, Фрэнсис Инглфилд, Томас Фицгерберт, Роберт Тируит и др.

Таким образом, мы видим, что составители сборника стремились прославить семью Трешэмов и их родственников в качестве «столпов», духовных лидеров английского католического сообщества — мучеников за веру и богословов. Именно в последнем качестве Монтегю — дед и внук — представлены в одном из заключительных разделов (*of things contingent*)¹²³. В нем сведены речи, проповеди и отрывки текстов, нацеленных против протестантов. В раздел включены речи сэра Томаса Трешэма и лорда Вокса, арестованных в 1580 г. по подозрению в укрывательстве иезуита Кэмпiona и принужденных защищать свою веру и практику *recusancy* от протестантских проповедников¹²⁴, и другие сочинения Трешэма. За ними следуют речи обоих виконтов Монтегю¹²⁵, затем речь аббата Фекенхэма (произнесена в палате лордов в 1559 г.)¹²⁶, а за ними — подборка из полемических сочинений Стивена Гарднера, епископа Винчестерского и другие документы¹²⁷.

Из контекста, в который включены речи виконтов Монтегю, явствует, что оба они в данном случае воспринимались лишь в качестве символов, «идеальных образов» благочестивых католиков, стоически встречавших несправедливые гонения, а отнюдь не в качестве государственных деятелей и/или политических лидеров английских католиков, причем имидж старшего виконта был здесь переосмыслен; он не соответствовал параметрам того образа, который пытался создать он сам, но отвечал потребностям полемистов.

Превращение образа второго виконта Монтегю в аргумент внутриконфессиональной полемики обусловило частоту его появления на страницах полуофициальной корреспонденции английского католического духовенства. Оно постоянно присутствовало в переписке архипресвитеров — Джорджа Бёркхеда и его преемников — с представителями английских секулярных священников в Риме, символизируя поддержку католического дворянства планам по воссозданию в Англии епископата, особенно в 1610—1611 гг и в начале 1620-х гг.)¹²⁸. Примерно тогда же — в 1610 г. — Ричард Смит использовал имя Монтегю в своей кампании в

¹²³Ibid. F. 821—898.

¹²⁴Ibid. F. 822—839.

¹²⁵Ibid. F. 840—843, 845—847.

¹²⁶Ibid. F. 851—853.

¹²⁷Ibid. F. 860—878

¹²⁸The Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 41, 43, 59—61, 77, 88, 93, 109, 113, 131, 143, 144, 193, 282; Stuart Dynastic Policy. P.143, 144, 191, 225, 303.

Риме, издав латинскую биографию леди Монтегю (см. выше). А участие самого виконта в кампании в назначения епископа вкупе с его принципиальным отказом приносить присягу на верность королю (в редакции 1606 г.) вновь привлекло к нему внимание единоверцев.

Католические авторы посвящали виконту и членам его семьи свои труды, причем из посвящений явствует, что они рассматривали его как «идеальный образ» католика-страдальца за веру. Соответственно, и посвящаемые им тексты носили, в основном, характер наставлений, а другие (наряду с Монтегю) адресаты посвящений указывали на то, что они предназначались «столпам благочестия» английского католического сообщества и покровителям единоверцев, способных защитить членов своей свиты и оказать финансовую помощь католическим общинам на континенте.

Так, в 1604 г. эмигрировавший в Дуэ печатник и книготорговец Джон Хейэм (1568—1632)¹²⁹ составил сборник наставительных текстов (посвященных подготовке христианина к исповеди, мессе и принятию причастия, молитве, добродетельной жизни и духовному созерцанию), переведя с испанского и итальянского отрывки из сочинений богословов XVI столетия (в частности, Карло Борromeо)¹³⁰. В 1610 г. Хейэм переиздал свой труд, расширив его — добавив к нему перевод трактата о христианской жизни Луиса де Гранады и переработку «Псалтири Иисуса» (наставительного труда монаха-картузианца из Сиона Ричарда Уитфорда, ум. 1542 г.)¹³¹. Именно это издание и было посвящено виконту Монтегю (тогда как первое было адресовано всем преследуемым католикам). Среди других адресатов были дамы — основательницы и аббатисы английских монастырей на континенте — Джоан Беркли (1555—1616) и (в переиздании 1618 г.) Мэри Перси (1570—1642), первые настоятельницы бенедиктинской обители в Брюсселе, к которой присоединись родственницы виконта (Эренделлы из Уардурра)¹³², а также Мэри Гоф, аббатиса конвента клариссинок из Гравелина¹³³.

Сочинения сходных жанров посвящались и другим представителям семейства Монтегю, и их родственникам¹³⁴. Третьему виконту, Фрэн-

¹²⁹О Хейэме см.: Allison A.F. John Heigham of S. Omer (c.1568—c.1632) // RH. 1957—1958. Vol. 4. P. 226—242.

¹³⁰Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1604. Тимоти Мак Канн ошибочно полагал, что первое издание сборника было напечатано самим Хейэмом и посвящено Монтегю (McCann T. “The Known Style of Dedication is Flatter” P. 404). Первое издание было отпечатано в типографии Пьера Оруа. См.: Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 84. № 425.

¹³¹Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1611; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 85. № 426, 427, 428.

¹³²Neville A. English Benedictine nuns in Flanders, 1598—1687 // CRS. 1909. Vol. 6. P. 1—72.

¹³³Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines, 1608—1837 // CRS. 1914. Vol. 14. P. 173.

¹³⁴О посвящениях см.: Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI—первой половины XVII вв. // Диалог со временем. М., 2010. Вып. 32. С. 22—44, особ. С. 38—41.

сису Брауну, был посвящен изданный в 1635 г. перевод с итальянского парафраза 7 покаянных псалмов (принадлежавшего перу Пьетро Аретино, 1534 г.¹³⁵) Генри Хокинса¹³⁶. Еще целый ряд текстов был посвящен родственницам Монтегю — сестре второго виконта Джейн, леди Инглфилд¹³⁷, его дочери Мэри, леди Петер¹³⁸ и леди Эренделл (урожденной Энн Филипсон)¹³⁹.

Такое количество посвящений указывали на восприятие Монтегю в качестве патронов католического духовенства. Порой посвящения отражали и благодарность за оказанные благодеяния. Так, изданный в 1616 г. «Толковый словарь» английского языка сассекского рекузанта Джона Буллакера¹⁴⁰ был посвящен Джейн (Сэквил), виконтессе Монтегю в благодарность за прошлые благодеяния (предположительно, за защиту от преследований в Сассексе, а возможно, и за помощь в финансировании его занятий медициной в университете Кана)¹⁴¹.

Еще одно посвящение выпадает из общего ряда. Оно было обращено ко второму виконту не единоверцем, а сассекским священником—протестантом, богословом и автором популярного бестиария Эдвардом Топселлом¹⁴². Его наставительное сочинение «Домовладелец, или совершенный человек» (1610 г.) было адресовано сассекским дворянам — Ричарду Сэквилу, графу Дорсету, виконту Монтегю, Сэпмсону Леннард и Ричарду Блаунту. Трое из адресатов — Дорсет, Леннард и Блаунт — в разные моменты были патронами Топселла, предоставлявшими в его распоряжение принадлежавшие им приходы¹⁴³. Присутствие в списке виконта Монтегю объяснить труднее. Будучи влиятельным землевладельцем, виконт, конечно, имел право распоряжаться целой группой приходов. Но Топселл не имел никакого отношения ни к одному из них; таким образом, Монтегю не был его патроном в прямом

¹³⁵См.: *Boillet E. L'Arétin et la Bible. Genève, 2007. P. 227—277.*

¹³⁶*Aretino P. A Paraphrase upon the 7 Penitentiall Psalmes / Transl. by H. Hawkins. Doway, 1635; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 79. № 397.*

¹³⁷*Matthieu P. The History of S. Elizabeth / Transl. by Sir Thomas Hawkins. Bruxelles, 1633; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 81. № 405.*

¹³⁸*de Molina A. A Treatise of the Holy Sacrifice of the Masse / Transl. by J. Floyd. S. Omer, 1623; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 63. № 307.*

¹³⁹*Drexelius H. The Angel-Guardian's Clock / Transl. by Sir Thomas Hawkins. Rouen, 1630; Binet E. The Admirable Life of S. Aldegond / Transl. by H. Hawkins. S. Omer, 1632; Camus J.P. A Draught of Eternitie / Transl. by M. Pinckney. Doway, 1632; Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature. Vol. II. P. 81. № 408.5; P. 77. № 390; P. 127. № 643.*

¹⁴⁰*Bullaker J. The English Expositor. L., 1616.*

¹⁴¹*McCann T. J. The Catholic Recusancy of Dr. John Bullaker of Chichester, 1574—1627 // RH. 1971. Vol. 11. P. 75—86.*

¹⁴²ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27557>

¹⁴³*McCann T.J. "The Known Style of a Dedication is Flattery". P. 403—405.*

смысле, хотя он мог искать потенциального покровителя, как считает исследовавший посвящение Тимоти МакКанн¹⁴⁴.

Однако анализ текста посвящения позволяет усмотреть и другую возможную мотивацию автора, а именно, попытку Топселла если не обратить виконта — благочестивого, но заблуждающегося христианина — в истинную веру, то хотя бы вернуть его к практике «церковного папизма», которой придерживался его дед и, по всей видимости, и жена (особенно в периоды конфликта с правительством, какими и были для семьи Монтегю 1610—11 гг.). Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют и сожаления о том, что «христианский труд таких рук будет утерян и не получит вознаграждения из-за отсутствия истинной любви, или любви к истине»¹⁴⁵, и молитва Топселла о том, чтобы «эта благородная леди [жена виконта] не изменяла своей религии»¹⁴⁶. Виконтесса Монтегю была обращенной католичкой, однако она, по всей видимости, являлась «церковной паписткой», т.е. присутствовала на протестантских службах в приходской церкви, как предписывал закон страны; поэтому Топселл формально мог записать ее в свои единоверцы. И, наконец, в посвящении проводилась четкая параллель с первым виконтом:

«Вы рождены в величии и благородстве и происходите от деда, во всем похожего на вас, справедливого, умеренного, мудрого, щедрого, доброжелательного и благоразумного, любившего свою страну, но не ее религию»¹⁴⁷.

В этом образе уподобление внука и деда перевернуто по сравнению с католическими интерпретациями. В последних оба рассматриваются как идеальные, бескомпромиссные католики, тогда как у Топселла, как и в других протестантских текстах, внук сравнивается с дедом — благородным аристократом, служившим своей стране, несмотря на профессиональные противоречия. Эти два образа — католический герой и католик-лоялист — воспроизводились на протяжении столетий. Протестанты и католики, стремившиеся так или иначе наладить отношения с правительством, склонны были использовать второй из них. Первый же перекочевал на страницы многочисленных исторических сочинений, посвященных католикам-рекузантам, и стал одной из составляющих мифа о героическом прошлом английского католицизма.

¹⁴⁴Ibid. P. 405.

¹⁴⁵“the Christian worke of such a hande, be lost and unrewarded, for the want of true love, or the love of truth” // *Topsell E. The House-Holder: or, Perfect Man. Preached in three Sermons. L., 1610. Dedication* (unpaginated).

¹⁴⁶“nor that Noble Lady change her religion” // Ibid.

¹⁴⁷“You are great and nobly born discended of a Grand-father, in all things like yourself, iust, temperat, wise, liberal, merciful and provident, a louer of his country, but not of his Countries religion” // Ibid.

Заключение

В первой половине—середине XVI в. принадлежность к английской политической элите определялась происхождением и близостью к государю, причем последнее было определяющим фактором в выдвижении новой, тюдоровской аристократии, представителями которой были члены семейства Браун. В условиях компромиссной Реформации Генриха VIII партии знати не отстранялись от власти — частично или полностью — по религиозным мотивам, прежде всего, потому, что догматические формулировки, отделявшие католиков от протестантов, а также и различные группы внутри последней, вырабатывались на протяжении нескольких десятилетий. Соответственно, и принадлежность к «католической» и «протестантской» партиям при дворе Генриха VIII и Эдуарда VI определялась не только религиозными взглядами — в этом отношении обе группы были довольно аморфными, но также и родственными и клиентскими связями.

Даже в середине XVI столетия религиозный мотив еще не имел решающего значения, хотя его значение, несомненно, усилилось в годы правления Эдуарда VI. Попытка отстранить от наследования престола Марию Тюдор провалилась, но к власти ее привели отнюдь не только католики, и аристократы, склонявшиеся к протестантизму, не лишались возможности участвовать в управлении страной при условии лояльности королеве и периодического присутствия на мессе.

Такой же была и ситуация в начале правления протестантки Елизаветы, хотя параметры диалога католического дворянства с властью менялись в зависимости от обстоятельств — заговоров внутри страны, внешнеполитических альянсов и войн. И хотя часть аристократов-католиков лишилась своих постов при дворе и Тайном Совете, их влияние оставалось по-прежнему сильным в других сферах управления и, прежде всего, в управлении графствами. Там влияние местных магнатов — землевладельцев оказалось практически неискоренимым. Еще в первой трети XVII в. они и их люди по-прежнему заправляли делами в графствах: были лордами-лейтенантами (но только «церковные паписты», соблюдавшие закон страны и появлявшиеся порой на англиканских службах) и заседали в многочисленных комиссиях.

В первые десятилетия правления Елизаветы магнаты-католики, считавшиеся лояльными и полагавшиеся на личную привязанность королевы и влиятельных родственников, фактически жили в режиме ограниченной веротерпимости. Семья Монтегю в 1560—1570-х гг. практически не подвергалась преследованиям, и власти не вмешивались в дела семейства, несмотря на то, что в резиденциях виконта, практически не скрываясь, регулярно служили запрещенную мессу.

Однако с середины 1580-х гг. положение дворян-католиков значительно изменилось. Война с Испанией была при этом важным, но все же внешним фактором. Решающее значение имело то обстоятельство, что на сцену вышло новое поколение политиков, воспитанных в ус-

ловиях конфессионального противостояния и воспринявших логику конфликта. Они в гораздо меньшей степени были готовы к компромиссу, поскольку для них война «истинной веры» с «ересью» или «идолопоклонством» была нормой. Поэтому в конце правления Елизаветы с одной стороны, католиков пытаются вытеснить и из местного управления (они лишаются постов лордов-лейтенантов), а с другой, — сами католики склонны были отказываться от главного условия компромисса, позволявшего их родителям оставаться у власти — от «церковного папизма». Воспитанный в духе Католической реформы, второй виконт Монтегю стал рекузантом, продемонстрировав иное понимание лояльности. Для правительства оно подразумевало соблюдение закона (в том числе и о посещении церковных служб), но для виконта и многих католиков его поколения лояльность означала верность королеве и отказ браться за оружие против нее, и одновременно — верность католическому учению.

На рубеже XVI—XVII вв. английские католики попытались резко изменить параметры диалога с властью, добиваясь от Якова Шотландского свободы исповедания и возможности участвовать в управлении страной, не идя на компромисс с официально признанной в стране церковью. Неудача переговоров заставила многих католиков вернуться к практике «церковного папизма». Однако в конце XVI столетия, в годы войны с католической Испанией «церковный папизм» был не только критерием включения в состав политической элиты, но и просто способом выжить и защититься от преследований, и поэтому мог быть оправдан с точки зрения канонического права. В правление же Якова I и его сына Карла I католики находились в куда более благоприятном положении. У них появилась возможность приобрести (за внушительную сумму) королевское прощение, фактически предоставлявшее им свободу исповедовать католичество частным образом, не платя при этом разорительные штрафы за *recusancy*. Наличие в столице часовни королевы Генриетты-Марии позволяло им присутствовать на мессе, не скрываясь и не подвергаясь при этом преследованиям. Таким образом, католики оказывались перед выбором между политической карьерой и безупречной верностью католичеству, а практика «церковного папизма» теперь оказывалась неоправданной с моральной точки зрения.

Часть католической элиты принимала компромисс, оставаясь (или становясь) «церковными папистами», но он уже не воспринимался в качестве нормы, какой он был для поколения первого виконта Монтегю, но скорее, как грех, в котором надлежало каяться. Так, граф Эрендел, вознагражденный за конформизм членством в Тайном Совете, в конце жизни вновь от него отказался, выйдя в отставку. Таким же образом поступали и другие высокопоставленные католики (Джордж Калверт, лорд Балтимор).

Те же из католиков, кто — как второй виконт Монтегю и его родственники Эренделлы, Петеры и др. — отказывались от компромисса,

должны были искать себе иные политические роли, поскольку активное участие в управлении страной (за исключением уровня графств, да и то в ограниченном объеме) было для них закрыто. Одной из возможных ролей была роль лидера национального католического сообщества, неофициального посредника между католическим дворянством, монархом и Римской курией. Именно такую роль пытался играть второй виконт Монтегю в годы правления Стюартов.

В царствование Карла I условия диалога власти и католического дворянства вновь изменились. Теперь католики-рекузанты, хотя и не занимавшие официальных постов, могли находиться при дворе, порой выполняя частные поручения монарха, а их политическое влияние определялось степенью близости к королевской чете. И хотя их реальный политический вес мог оказаться небольшим, сам факт присутствия католиков в окружении короля был в глазах протестантов, привыкших уже мыслить конфессиональными категориями, источником угрозы. Соответственно, существование католиков-придворных оказывалось важным политическим фактором, вне зависимости от того, какой возможностью влиять на политические решения они обладали.

Сами католики эту ситуацию — объективно гораздо более благоприятную, нежели в 1580—1603 гг. — также воспринимали как аномалию, и стремились (в 1603—1604, начале 1620-х гг. и позднее, во второй половине XVII в.) к обретению четкого политического статуса, подобного статусу французских гугенотов, несмотря на то, что к 1630-м гг. они существовали фактически в режиме веротерпимости.

Причину возникновения кажущейся на первый взгляд парадоксальной ситуации можно обнаружить в том, каким именно образом воспринимали сами католики свой статус аристократов. Если в первой половине—середине XVI в. он определялся древним происхождением рода и служении королю и стране в качестве воинов и государственных деятелей, то к концу XVI столетия конфессиональная составляющая — защита «истинной веры» — стала важной, если не основополагающей. Она предполагала отказ от компромисса с властью в вопросах вероучения («церковного папизма») и, как следствие, значительно сужала спектр доступных католическим дворянам гендерных ролей. Безусловно достойной аристократа-католика была роль стойкого мученика за веру, но ее по очевидным причинам выбирали немногие. Для остальных оставалась лишь возможность послужить шпагой другим монархам-католикам (например, Томас Эренделл воевал против турок в составе императорской армии и был вознагражден титулом графа Священной Римской империи, не признававшимся в Англии), или же претензии на лидерство в рамках католического сообщества, причем и они оказывались «виртуальными» — человек без управленческого и военного опыта, подобный второму виконту Монтегю, не мог всерьез рассчитывать на то, чтобы возглавить дворян-католиков. Более того, оставшиеся в распоряжении католиков-аристократов возможности ре-

ализовать свою власть оказывались непрямыми, определялись семейными, дружескими и клиентскими связями — т.е., по сути, уподоблялись женским.

А мужчины, лишённые возможности проявлять свою власть традиционным способом, как магистраты и воины, более того, разоружённые приказом правительства, воспринимались феминизированными (*effeminate*). Именно такой термин часто употреблялся в английских антикатолических памфлетах XVII в.¹⁴⁸ Аномальная ситуация компенсировалась различными способами — через службу другим правителям (Эренделл), отъезд в колонии (лорд Балтимор), наконец, через временный компромисс с правительством.

Католическое духовенство в Англии — священники и (потенциальные) мученики — играло, несомненно, мужские роли, поэтому попытку второго виконта Монтегю стать патроном духовенства можно рассматривать как стремление восстановить свой «правильный» гендерный статус, которого виконт, фактически вытолкнутый за пределы политической элиты, разоружённый рыцарь, лишился.

Женщины-аристократки также играли в католическом сообществе роли, далекие от тех, что предписывались им традиционной гендерной идеологией. Власть женщин, неформальная и основанная на родственных связях и личных контактах, не пострадала в эпоху Реформации, поскольку не являлась публичной. Она, напротив, возросла, во-первых, потому, что влияние женщин, имевших прямой доступ к особе монарха в правление Марии и Елизаветы Тюдор или к королеве Генриетте-Марии в 1630-х гг. в целом было значительным. Кроме того, способность реализовывать свою власть непрямыми способами, через сеть родственных и дружеских связей — традиционная женская сфера — теперь стала особенно важной для сохранения политического влияния католических семейств, а порой и просто для их выживания. Юридическая же неполноправность замужних женщин защищала их от преследований и тем самым давала им возможность для маневра.

Вызов, бросаемый женщинами-католичками патриархальной власти монарха-протестанта, не прошёл незамеченным. В протестантских памфлетах английские католики обычно представлены феминизированными, подчинившимися женщинам, не признающим над собой власти государя, мужа и официально признанной церкви. Гендерные роли в рамках католического сообщества оказывались безнадежно перепутанными.

¹⁴⁸См.: *Marotti A.F. Alienating Catholics in Early Modern England: Recusant Women, Jesuits and Ideological Fantasies // Catholicism and Anti-Catholicism in Early Modern English Texts / Ed. by A.F. Marotti. Basingstoke, 1999. P. 1—34* и *Milton A. A Qualified Intolerance: the Limits and Ambiguities of Early Stuart Anti-Catholicism // Ibid. P. 85—115*; *Dolan F.E. Whores of Babylon: Catholicism, Gender and Seventeenth-Century Print Culture. Ithaca, N.Y., 1999. Ch.1.*

При всей необходимости «матриархата» для выживания и относительно нормального функционирования английского католического сообщества как религиозного меньшинства¹⁴⁹ он все же не воспринимался как норма. Подобная ситуация была исправлена в годы гражданской войны, когда Карл I разрешил дворянам-католикам занимать офицерские посты в своей армии, не принося присягу, в которой речь шла о королевской супрематии. И католики немедленно превратились в рыцарей, проливавших кровь за короля. Во второй половине XVII в. их верность династии, доказанная кровью, была основным аргументом сторонников возвращения католикам политических прав. Добившись этого в 1680-х гг., в годы правления Якова II, католики ненадолго вернули себе то положение, которое сами считали нормальным. Именно тогда лорд Эренделл будет заседать в Тайном Совете, а виконт Монтегю вновь, как и его предок, станет лордом-лейтенантом Сассекса — как то и подобает мужчине-аристократу.

¹⁴⁹Подробнее об этом см. часть III.

Часть II

Границы конфессии?
католики внутри
и вне прихода

Религиозный ландшафт раннего Нового времени обычно описывается в категориях конфессий. Такая «конфессиональная» картина предполагает наличие религиозных сообществ с очевидными и легко определяемыми границами. В их рамках догматы учения, теологические представления их членов четко соотносятся с религиозными практиками, а также и практиками социальными, формирующими механизмы отделения, «конфессионализации».

Подобный взгляд на религиозную историю XVI—XVII вв. исключительно как на историю отделения конфессиональных сообществ друг от друга до сих пор определяется влиянием полемики времени Реформации. Ведь одной из основных функций полемических произведений является определение границ между «своим», правильно устроенным, упорядоченным миром/религиозной общиной и «чужим», хаотичным миром за его пределами. Поиск историками позднейших эпох четких критериев определения конфессиональной принадлежности, и многочисленные исследования, посвященные различным конфессиональным группам по отдельности, отражают данный подход.

Конечно, вряд ли можно отрицать процесс отделения конфессий в рамках ранее единого западноевропейского христианского сообщества. Тем не менее, этот процесс — выделение конфессиональных групп и их социальная сегрегация — был растянут во времени, и по всей видимости, захватывал гораздо больший его период, чем принято считать, растянувшись на десятилетия, а возможно, и на столетия.

В Англии этот процесс охватил, как минимум, столетие. Точкой отсчета при этом является елизаветинская Реформация 1559—1563 гг., когда страна стала официально протестантской, и был принят символ веры новой церкви. Однако образовавшаяся в результате английская церковь была намеренно аморфной, включавшей в себя целый спектр религиозных мнений и практик, и скреплявшейся конформизмом — т.е. внешним подчинением предписанным правилам в сфере религии. Они подразумевали внешнее же признание власти монарха как главы церкви и присутствие на воскресных службах в приходской церкви, обозначавшее как подчинение монарху и закону страны, так и единство с местным сообществом — приходом.

Многочисленные исследования последних десятилетий, посвященные различным группам и, прежде всего, пуританам, показывают, что данное религиозное течение в XVI—XVII вв. не представляло собой единого сообщества, хотя его представителей и объединяло кальвинистское по духу богословие, находившееся под влиянием Женевы. Не стремились они и конституироваться как отдельная церковь, но существовали внутри английской церкви, до периода религиозных экспериментов времени Гражданской войны и Республики, а затем и Реставрации, вытолкнувшей большинство из них за пределы англиканской церкви, и породившей феномен диссентеров-протестантов¹.

¹ О пуританах см.: *George C.H., George K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. Princeton, 1961; New J.F.H. Anglican and Puritan: the Basis of their*

Оппоненты «пуритан», со своей стороны, также представляли собой крайне аморфную группу/ы. Богословие, которое впоследствии станут называть англиканским — в отличие от лютеранского и кальвинистского — начало формироваться в конце XVI в., с появлением трудов Ричарда Хукера², испытало влияние анти-кальвинистской мысли конца XVI—начала XVII в. и лодианской литургической реформы³ и окончательно сложилось лишь в годы Реставрации. Формирование анти-кальвинистского, анти-«пуританского» течения в рамках английской церкви⁴ нашло поддержку на приходском уровне уже в XVI в., однако выделение «анти-пуритан» в некие четко очерченные группы весьма проблематично. У них нет единого, принятого обозначения: их именуют то «приходскими англиканами» (Кристофер Хейг), то «протестантами Книги Общих молитв» (Джудит Малтби), а вопрос о том, как именно следует отделять эти группы от других групп английских протестантов и католиков, по-прежнему остается дискуссионным⁵.

- Opposition 1558—1640. L., 1964; *Hall B.* Puritanism: the Problem of Definition // *Studies in Church History*. Leiden, 1965. Vol. III. P. 283—296; *Greaves R.L.* Society and Religion in Elizabethan England. Minneapolis, 1981; *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. L., 1967; *Idem.* Archbishop Grindal, 1519—1583: The Struggle for a Reformed Church. L., 1980; *Idem.* The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559—1625. Oxford, 1982; *Idem.* Godly People. L., 1983; *Idem.* The Birthpangs of Protestant England: Religious and Cultural Change in Sixteenth and Seventeenth Centuries. L., 1988; *Idem.* Ecclesiastical Vitriol: Religious Satire in the 1590s and the Invention of Puritanism // *The Reign of Elizabeth I. Court and Culture in the Last Decade* / Ed. by J. Guy. Cambridge, 1995. P. 150—170; *Idem.* Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // *The Culture of English Puritanism* / Ed. by C. Durston, J. Eales. Basingstoke, 1996; *Lake P.* Matthew Hutton: a Puritan Bishop? // *History*. 1979. Vol. 64; *Idem.* Moderate Puritans and the Elizabethan Church. Cambridge, 1982; *Idem.* Calvinism and the English Church, 1570—1635 // *Past and Present*. 1987. Vol. 114. P. 32—76; *Idem.* Anglicans and Puritans? Presbyterian and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. L., 1988; *Idem.* Defining Puritanism — Again? // *Puritanism: Transatlantic Perspectives on a Seventeenth-Century Anglo-American Faith* / Ed. by F.J. Bremer. Boston. 1993. P. 3—29; *Protestant Identities: Religion, Society, and Self-Fashioning in Post-Reformation England* / Ed. by M.C. McCendon, J.P. Ward, M. McDonald. Stanford, 1999.
- ² *MacCulloch D.* Richard Hooker's Reputation // *EHR*. 2002. Vol. 117. P. 773—812; *Voak N.* Richard Hooker and Reformed Theology: a Study of Reason, Will, and Grace. Oxford, 2003.
- ³ *Carlton C.* Archbishop William Laud. L.; N.Y., 1987; *Tyacke N.* Archbishop Laud // *The Early Stuart Church, 1603—1642* / Ed. by K. Fincham. Basingstoke, 1993. P. 51—70; *Lake P.* The Laudian Style: Order, Uniformity and the Pursuit of the Beauty of Holiness in the 1630s // *Ibid.* P. 161—185.
- ⁴ *Tyacke N.* Anti-Calvinists: the Rise of English Arminianism, c.1590—1640. Oxford, 1987; *Lake P.* Lancelot Andrewes, John Buckeridge and Avant Garde Conformity at the Court of James I // *The Mental World of the Jacobean Court* / Ed. by L. Levy Peck. Cambridge, 1991. P. 113—133; *Milton A.* The Church of England, Rome, and the True Church: The Demise of a Jacobean Consensus // *The Early Stuart Church*. P. 187—210; *Idem.* Catholic and Reformed: the Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. Cambridge, 1995.
- ⁵ *Haigh C.* The Church of England, the Catholics and the People // *The Reign of Elizabeth I* / Ed. by C. Haigh. L., 1984. P. 169—194; *Idem.* English Reformations: Religion, Politics,

Другая сторона спектра, английские католики, порождает не меньше проблем, когда речь заходит об определении границ сообщества и их динамике. С одной стороны, католики, отказывавшиеся подчиняться елизаветинскому религиозному законодательству — принести присягу на верность королеве как главе церкви и присутствовать на протестантских богослужениях — оказываются первой «конфессиональной» группой, выделяющейся на английском религиозном ландшафте уже в 1570-х гг. По крайней мере, именно такое мнение доминировало в исторических сочинениях, посвященных английским католикам, в течение долгого времени, начиная с Реформации и вплоть до последних десятилетий.

Историография английского католического сообщества была (и до определенной степени остается) крайне конфессиональной: столетиями ее писали историки-католики. Их исследовательские подходы определялись параметрами полемической и агиографической литературы. История английских католиков XVI—XVII вв. писалась как история героев и мучеников, история преследуемой религиозной общины, стоически претерпевавшей гонения. Соответственно, все работы были посвящены католикам-рекузантам, т.е. тем, кто отказывался от присутствия на протестантских службах в приходских церквях, невзирая на аресты и разорительные штрафы⁶. Фактически, и на протяжении большей части XX в. история католического сообщества в Англии мыслилась как история рекузантов, членов как полностью отделившегося от протестантов конфессионального сообщества. Об этом свидетельствуют, в частности, и публикации *Catholic Record Society* — многотомная серия переизданий католических текстов XVI—XVII вв. под общим заголовком *English Recusant Prose* (1970-е гг.)⁷, и журнал *Recusant History*⁸.

and Society under the Tudors. Oxford, 1993; *Maltby J.* “By This Book”: Parishioners, the Prayer Book and the Established Church // *The Early Stuart Church*. P. 115—137; *Idem.* *Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England*. Cambridge, 1998; *Walsham A.* *The Parochial Roots of Laudianism Revisited: Catholics, Anti-Calvinists, and “Parish Anglicans” in Early Stuart England* // *JEH*. 1998. Vol. 96. P. 620—651.

⁶ *Meyer A.O.* *England and the Catholic Church Under Queen Elizabeth I*. 1st edition. Rome, 1911. 2nd ed. L., 1967; *Pollen J.H.* *The English Catholics in the Reign of Queen Elizabeth I: a Study of Their Politics, Civil Life, and Government*. L., 1920; *Magee B.* *The English Recusants: a Study of the Post-Reformation Catholic Survival and the Operation of the Recusancy Laws*. L., 1938; *Dickens A.G.* *The First Stages of Romanist Recusancy in Yorkshire, 1560—1590* // *Yorkshire Archaeological Journal*. 1941. Vol. 35. P. 157—181; *Idem.* *The Extent and Character of Recusancy in Yorkshire, 1604* // *Yorkshire Archaeological Journal*. 1948. Vol. 37. P. 24—48; *Mathew D.* *Catholicism in England: the Portrait of a Minority: Its Culture and Its Traditions*. L., 1949; *Southern A.C.* *Elizabethan Recusant Prose, 1559—1582*. London—Glasgow, 1950; *Trimble W.R.* *The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603*. Cambridge, Mass., 1964; *Aveling J.C.* *The Handle and the Axe: the Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. L., 1976.

⁷ *English Recusant Literature, 1558—1640*. 394 Vols. / Ed. by D.M. Rogers. L., 1968—1979.

⁸ До 1956 г. он назывался *Biographical Studies*.

Известный исследователь социальной истории религии Джон Босси под английскими католиками также понимал рекузантов. Их история рассматривалась как история отдельного конфессионального сообщества и писалась «изнутри», без попыток увидеть католиков в их взаимоотношениях с другими группами английского общества⁹.

Этот подход, как и многие другие, был оспорен в конце 1970—1980-х гг. историками-ревизионистами, и в частности, Кристофером Хейгом. Он одним из первых усомнился в том, что английская Реформация сверху была быстрым и успешным процессом, и подчеркнул: в первые десятилетия правления Елизаветы I (1560—1570-е гг.) большинство англичан представляли собой не протестантов, или рекузантов, а конформистов, принявших новые законы, но не новое учение, и, по сути, оставшихся католиками. Их враждебные им источники именовали «церковными папистами», полу-католиками, протестантами внешне и католиками внутри¹⁰.

Однако хотя подход Хейга и сделал «церковных папистов» заметными для глаза исследователя, сам он рассматривал историю английского католического сообщества в духе Босси, т.е. как историю рекузантов. Соответственно, «церковные паписты» для него были не самостоятельным явлением, требовавшим объяснения, а результатом недостаточной миссионерской деятельности как католиков, так и протестантов. Впоследствии часть из них (заведомо небольшая) превратилась в полноценных католиков (читай: рекузантов), а остальные стали протестантами-конформистами. Самого Хейга занимала именно последняя группа конформистов и ее взаимоотношение с зарождавшимися в рамках английской церкви анти-пуританскими настроениями.

«Церковные паписты» по-настоящему попали в исследовательское поле только в начале 1990-х гг., с выходом в свет работ Александры Уолшем. Она исследовала представления о «церковных папистах» в религиозной полемике XVI—XVII вв., и пришла к выводу: хотя в полемических текстах лидеры английских католиков конструировали идеальный образ героя-рекузанта, в пастырской практике они признавали «церковный папизм» как необходимый компромисс. Она показала также, что «церковные паписты» составляли большинство сообщества, что крайне

⁹ *Bossey J.* The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975; *Idem.* The Character of Elizabethan Catholicism // Past and Present. 1962. Vol. 21. P. 39—59; *Idem.* The English Catholic Community, 1603—1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by A.G.R. Smith. L., 1973. P. 91—105.

¹⁰ *Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. Cambridge, 1975; *Idem.* The Church of England, the Catholics and the People; *Idem.* The Fall of a Church, or a Rise of a Sect? Post-Reformation Catholicism in England // Historical Journal. 1978. Vol. 21. P. 181—186; *Idem.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England // TRHS. 5th series. 1981. Vol. 31. P. 129—147; *Idem.* The Continuity of Catholicism in the English Reformation // Past and Present. 1981. Vol. 93. P. 37—69, reprinted in: The English Reformation Revised. P. 176—208; *Idem.* Revisionism, the Reformation and the History of English Catholicism // JEH. 1985. Vol. 36. P. 394—405.

затрудняет определение его границ, но при этом зачастую не были ни беспринципными карьеристами, ни невежами, а, напротив, глубоко верующими и прекрасно образованными католиками. Главы семейств демонстрировали таким образом свою лояльность режиму и обеспечивали выживание и функционирование своей религиозной группы¹¹.

Уже в начале XXI в. Майкл Кестье подчеркнул, что «церковный папизм» и *recusancy* не являлись взаимоисключающими социальными практиками, а английское католическое сообщество несводимо к одной из них. Одни католики постоянно переходили из одной категории в другую, в зависимости от обстоятельств и личного выбора, другие никогда не преследовались как рекузанты, а третьи — конформисты в строгом смысле термина — порой рассматривались как нелояльные подданные. По мнению Кестье, выбор между «церковным папизмом» и *recusancy* определялся постоянно происходившим диалогом между властями и католиками, а параметры этого диалога менялись в пространстве и времени¹².

Английское католическое сообщество, таким образом, оказывается гораздо более аморфным, чем было принято считать раньше, а определение его границ и степени отделения от протестантов становится весьма проблематичным. Осмысление характера английского католического сообщества, а, возможно, и истории религии в Англии в пост-реформационный период, требует смещения исследовательского ракурса. Изучение проблемы конформизма/нонконформизма в их традиционном виде, т.е. сконцентрированные на проблеме литургической сегрегации, посещения или непосещения церковных служб, по всей видимости, себя исчерпало. Чтобы понять соотношение между католическим сообществом и окружавшими его протестантами, соседями, друзьями и врагами, необходимо добавить и другие вопросы. Исследовательским фокусом в таком случае становится приход — община соседей и братьев-христиан, а точнее, включение в его жизнь католиков или же, наоборот, исключение из нее.

В данном разделе внимание сконцентрировано на взаимодействии между семьей виконтов Монтегю, а также католиков из их свиты и маноров в Сассексе и Сарри, со своими приходами. Ответ на вопрос о степени конфессиональной сегрегации английского католического сообщества может быть дан только после анализа взаимоотношений католиков с их «ближними». Из предыдущих глав явствует, что невозможно говорить об эндогамности католического сообщества в

¹¹ Walsham A. *Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England*, 1st edition. L., 1993. 2nd ed. Woodbridge, 1999; *Idem*. "Yealding to the Extremitie of the Tyme": Conformity, Orthodoxy, and the Post-Reformation Catholic Community // *Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560—1660* / Ed. by P. Lake and M. Questier. Woodbridge, 2000. P. 211—236.

¹² Questier M. *Conformity, Catholicism and the Law* // *Conformity and Orthodoxy in the English Church*. P. 237—261.

XVI—первой половине XVII в., а политическая деятельность католиков (в графствах, парламенте) требовала эффективного сотрудничества с протестантами.

В части II проанализированы проблемы конформизма и неконформизма Монтегю и их слуг и арендаторов, практика причащения по протестантскому обряду; «обряды перехода» — крещение, брак и погребальная служба; деятельность виконтов Монтегю в качестве патронов церковных приходов. Рассмотрен также вопрос об отношениях Монтегю и «его людей» с прихожанами — не-католиками: деловое сотрудничество, родство и дружба, причем целью было установить, в какой степени религиозные предпочтения Монтегю определяли отношения с окружающим их протестантским миром.

Литургическая сегрегация: католики и Книга Общих Молитв

Представление о раннем Новом времени как об эпохе конфессий основывается на идее формирования четко очерченных конфессиональных групп, как правило (но не обязательно) совпадающих с политическими нациями тех или иных государств. Начало такого процесса маркируется принятием церковью вероисповедных документов, а дальнейшие его стадии ведут к литургической и социальной сегрегации ее членов, т.е. их отделение от представителей конфессий в богослужениях и социальной практике¹.

Однако подход к проблеме многим исследователям представлялся слишком прямолинейным, а главное, отвлекающим внимание от того, как

¹ О конфессиональном периоде см.: *Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Archiv für Reformationsgeschichte. 1977. Bd. 68. S. 226—51; Idem. Konfession und Konfessionalisierung in Europa // Bekenntnis und Geschichte. Die Confessio Augustana im historischen Zusammenhang / Hrsg. von W. Reinhard. München, 1981. S. 165—189; Idem. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Zeitschrift für historische Forschung. 1983. Bd. 10. S. 257—277; Schilling H. Konfessioniskonflikt und Staatsbildung. Eine Fallstudie über das Verhältnis von religiösen und sozialen Wandel in der Frühneuzeit an Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh, 1981; Idem. Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // Historische Zeitschrift. 1988. Bd. 246. S. 1—45; Idem. Reformation, Counter-Reformation and the Early Modern State: A Reassessment // Catholic Historical Review. 1989. Vol. 75. P. 383—404; Idem. Confessional Europe // Handbook of European History in the Late Middle Ages, Renaissance, and Reformation, 1400—1600. Leiden, 1995. Vol. 2 / Ed. by T. Brady, H. Oberman, J. Tracy. P. 641—675; Zeeden E.W. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // Historische Zeitschrift. 1958. Bd. 185. S. 249—299; Idem. Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München—Wien. 1965; Idem. Konfessionsbildung. Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholischen Reform. Stuttgart, 1985; Venard M. Histoire du christianisme des origines à nos jours. Paris, 1987. T. VIII. Le temps des confessions, 1530—1620; Brady T.A. Jr. Confessionalization — The Career of a Concept // Confessionalization in Europe, 1550—1700: Essays in Honor and memory of Bodo Nischan / Ed. by J.M. Headley, H.J. Hillebrand, A.J. Papalas. Aldershot, 2004. P. 1—20; Schilling H. Confessionalization: Historical and Scholarly Perspectives of a Comparative and Interdisciplinary Paradigm // Ibid. P. 21—35.*

именно европейские христиане XVI—XVII вв. понимали религиозные и социальные практики, и как именно выражали свои религиозные чувства².

В главе исследуются представления английских католиков, членов семьи Монтегю и их окружения, о допустимости присутствия на протестантских богослужениях и степени участия в них (от совместного моления до принятия причастия) в соотношении их с социальной практикой данной группы, а также анализируется ее динамика на протяжении второй половины XVI—первой трети XVII в.

§ 1. Позиция католической миссии

Присутствие всех англичан на воскресных службах в приходе предписывалось парламентским статутом 1559 г., и, соответственно, являлось требованием закона страны. Поэтому с самого начала царствования королевы Елизаветы католики — клирики и миряне — задавались вопросом о том, как именно им надлежит поступать: можно ли им посещать эти службы и принимать причастие, или же нет. В 1562 г. группа дворян-католиков обратилась к португальскому представителю на Тридентском соборе с просьбой поставить этот вопрос перед отцами собора. Была образована особая комиссия из богословов и канонистов, и по ее рекомендации папа Пий IV провозгласил практику посещения протестантских церквей греховной. Однако на основании этого решения не было принято никакого официального декрета или канона, и обнародовано оно не было, поскольку предполагалось, что подобное решение поставит под угрозу жизни католиков в Англии. Ряд католических священников, впрочем, знали об этом решении и пытались проповедовать полный отказ от посещения приходских церквей (*recusancy*) уже в конце 1560—начале 1570-х гг. (Уильям Аллен и Лоренс Вокс)³

Систематическая пропаганда *recusancy* началась с появлением на английской сцене священников-миссионеров в 1570-х гг. Первым появился трактат Грегори Мартина (1578 г.)⁴; за ним последовали памфлеты иезуита Роберта Парсонса (1580 г.)⁵ и множество других (около 25 сочинений, опубликованных в 1580—1610-х гг.)⁶.

В этих текстах формулировался образ, который английское католическое сообщество должно было являть миру, и этот образ был, безусловно, неконформистским. Католики-конформисты именовались в них схиз-

² Критику теории конфессионализации с данных позиций см.: O'Malley J.W., S.J. *Trent and All That: Renaming Catholicism in the Early Modern Era*. Cambridge, Mass., 2000. P. 137—140.

³ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 22—26.

⁴ Martin G. *A Treatise of Schisme*. Douai, 1578.

⁵ Persons R. *A Brief Discours Contayning Certaine Reasons why Catholiques Refuse to Goe to Church* ([London], 1580); *Idem*. "Against Going to Churche". BL, Add. MS 39830. F. 14—20.

⁶ Перечень работ см.: Walsham A. *Church Papists*. P. 25. № 13.

матиками — пусть и не такими страшными грешниками, как еретики, но все же далекими от христианского совершенства. Джон Босси видел в пропаганде *recusancy* борьбу духовенства с растущей независимостью английского католического дворянства, обреченную на провал попытку капелланов контролировать свою паству, в Тридентском духе⁷. Мне представляется, однако, что права Александра Уолшем, усматривавшая здесь не столько тенденцию к контролю, сколько религиозную полемику, очерчивавшую границы общины и устанавливавшую модель добродетельного христианского поведения. В первом качестве памфлеты миссионеров противопоставляли «порядок» истинной церкви «хаосу» ереси; в их четком, диалогическом мышлении не было места опасно сближавшему эти понятия «церковному папизму». Кроме того, памфлеты священников-миссионеров, в особенности иезуитов, относились к жанру наставительной литературы, призванной распространять идеи нового благочестия, подразумевавшие тщательное исследование собственных побуждений и мыслей, внутреннее благочестие и строгий самоконтроль. Католики, посещавшие протестантские церкви, были вынуждены лгать и притворяться, скрывая собственные взгляды из трусости. Такое поведение было несовместимо с пропагандируемым идеалом морального совершенства, который в данном контексте подразумевал безусловный отказ от присутствия в приходской церкви (*recusancy*) и стоическое принятие любых наказаний со стороны правительства. Таким образом, практика *recusancy* превратилась в «золотой стандарт» истинно католического поведения, причем правило это в теории распространялось и на клириков, и на мирян⁸.

Но хотя *recusancy* и оказалась признанной моделью поведения благочестивого католика, далеко не все священники считали такую модель приемлемой для всех их подопечных. Многие миссионеры считали такое поведение необходимым и обязательным только для духовенства, и полагали, что для мирян оно является непосильным, да и ненужным. Имевшие широкое хождение рукописные трактаты католиков против практики *recusancy* исследовались Питером Холмсом и Александрой Уолшем⁹. Здесь будет рассмотрен только один подобный текст, имевший непосредственное отношение к семье Монтегю.

Рукопись Альбана Лэнгдейла (?), ок. 1580 г.

Копия рукописи сохранилась в Национальном архиве¹⁰, и существующее заглавие — «Доводы, доказывающие, что католик может законно посещать протестантские службы» — было дано ему правительственным клерком, аннотировавшим ее в 1580 г., когда она была конфискована.

⁷ Bossy J. The English Catholic Community. P. 35.

⁸ О пропаганде *recusancy* см.: Walsham A. Church Papists. P. 26—49.

⁹ Holmes P. Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982. P. 81—124; Walsham A. Church Papists. P. 50—72.

¹⁰ PRO, SP/12/144/69.

Авторство данного сочинения приписывается капеллану виконта Монтегю Альбану Лэнгдейлу на том основании, что в 1580 г. Парсонс, работая в библиотеке Лэнгдейла в Саутуорке (Монтегю-хаус), обнаружил там книги с аннотированными цитатами — теми самыми, которые были использованы в рукописи¹¹, хотя не все исследователи соглашались с такой атрибуцией¹².

Для нас важно не авторство Лэнгдейла как таковое, а тот факт, что рукопись была связана с домом Монтегю, и его капелланами — Лэнгдейлом, который ее, как минимум, читал (ведь аннотированные отрывки из книг могут свидетельствовать не только о подготовке текста, но просто и о знакомстве с ним и желании свериться с источником) и Ричардом Греем, имевшем в своем распоряжении экземпляр рукописи (он был арестован с ним в 1593 г.). Как мы увидим, содержание текста свидетельствует о том, что его автор при составлении текста явно имел в виду католического магната и то, каким образом ему следует вести себя при дворе.

Альбан Лэнгдейл (ум. после 1584 г.) был уроженцем Йоркшира и получил богословское образование в Кембридже (колледж Св. Иоанна). Лэнгдейл был убежденным католиком и хорошим полемистом и проповедником, поэтому его не раз приглашали участвовать в диспутах с протестантами. В 1549 г. он был одним из католических богословов, защищавших учение о трансубстанциации во время диспута в Кембридже. В 1551 г. из-за своих взглядов ему пришлось покинуть университет. Вернулся он туда с восшествием на престол Марии Тюдор (1553 г.), но уже в следующем году, после получения степени доктора богословия, перебрался в Оксфорд, где участвовал в публичном диспуте с арестованными протестантскими епископами — Кранмером, Ридли и Лэтимером. В 1555 г. он оставил университетскую жизнь, став архидиакономом в Чичестере (Сассекс) благодаря покровительству виконта Монтегю. Последний ценил образованность и проповеднический талант Лэнгдейла и даже брал его с собой в поездки по графству, чтобы тот проповедовал перед местными жителями (1558 г., подробнее см. главу III). С восшествием на престол Елизаветы Лэнгдейл лишился своего бенефиция, а вскоре (1561 г.) стал рекузантом. Его передали на поруки Монтегю, и оставшиеся годы жизни он провел в его доме, занимая должность наставника детей виконта, а фактически — его капеллана¹³.

В тексте своего сочинения Лэнгдейл утверждал, что «простое хождение и телесное присутствие» в протестантской церкви «по своей природе» не является грехом и относится к числу *things indifferent*, предметов, не опре-

¹¹ Letter and memoirs of Father R. Persons // CRS. 1901. Vol. 2. P. 3—6.

¹² П. Холмс принимал его (*Holmes P. Resistance and Compromise. P. 90—93*), тогда как Э. Роуз предпочитал рассматривать текст как работу анонимного автора (*Rose E. Cases of Conscience: Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. L., 1975. P. 75—78*). А. Уолшем принимает авторство Лэнгдейла с оговорками (*Walsham A. Church Papists. P. 51*).

¹³ ODNB online: <http://www.oxforddnb.com/view/article/16008>.

деленных божественным законом и подлежащих регулированию законно человеческих. Тем не менее, присутствие католиков на протестантских службах может быть неверно истолковано и ввести других христиан в искушение. Чтобы избежать этого, католик должен был публично заявить о своих религиозных взглядах, а, находясь в церкви во время протестантского богослужения, не присоединяться к конгрегации в молитве устно и жестом — т.е. не преклонять колен вместе с остальными по ходу службы, и не принимать причастия по «еретическому обряду»¹⁴.

Для мирян этого, по мнению Лэнгдейла, было достаточно. Свидетельствовать о своей вере жестом ритуального отделения — *recusancy* — и готовностью принять его последствия, вплоть до ареста и мученичества, он считал обязанностью католического духовенства. Для мирян же практика *recusancy* в его глазах была идеалом христианской добродетели, достижимой лишь немногими. Большая же часть его паствы не была обязана ему следовать: претендовать на непосильное рядовому человеку совершенство попахивало грехом гордыни, и было неразумным.

«Ведь когда внешняя сторона религии Господним поущением отнята у нас светской властью за наши грехи, человеку глупо пытаться превзойти то, что он не в силах исцелить, и не каждому дан удел очистить церковь от грязи. В том же, что касается дел неопределенных, поднимать шум — не лучший способ добиться покоя. Живущий среди грешников должен сокрушаться своим состоянием и с помощью провидения избегать опасного искушения, он должен по мере сил избегать раздоров как мирный сын церкви, не стремясь без нужды вызывать гнев»¹⁵.

Лэнгдейл утверждал, что английские католики вправе проигнорировать запрет на посещение приходских церквей, наложенный папой (если даже таковой существовал). Ведь согласно естественному праву, человек имеет право проигнорировать вполне законные требования, охваченный «справедливым страхом» лишиться жизни, свободы и имущества; особенно это касалось людей старых, слабых, а также тех, кто должен был поддерживать семью, т.е. практически все католики-главы семейств¹⁶.

Библейские примеры, использовавшиеся Лэнгдейлом, весьма красноречивы: они отчетливо показывают, какую именно категорию католиков он имел в виду. Он упоминает Иосифа Аримафейского, «знамени-

¹⁴ “the bare goinge and naked corporall presence” // PRO, SP/12/144/69, unpaginated.

¹⁵ “for seing the owtwarde face of religion&c is through goddess permission for our synns taken away by the Civill magistrate, folly yt were for a man to seeke to exulcerat that which he cannot heale, and yt is not every manns lott to purge the Churche of chaffe: And for a matter which might be made indifferent, to sterr troble is not the best corse to quietness. A man which dwellethe amonge the wiched muste lament the state and providently avoyde the peril of tentacion, and as muche as he may muste withdrae hym sefle from troble as a peaceable childe of the churche, not sekinge unnecessarily to provoke Ire” // Ibid.

¹⁶ Ibid.

того члена совета»¹⁷, и другого тайного ученика Христа, «приходившего к Нему ночью», «одного из начальников Иудейских» Никодима¹⁸, фарисея Гамалиила, заступавшегося за апостолов¹⁹, придворного царя Ахава, Авдия, «начальствовавшего над дворцом»²⁰, и Неемана, военачальника царя Сирийского²¹. Все примеры указывают на высокопоставленных католиков, титулованных дворян и джентри, и прежде всего, придворных, как явствует из последнего случая, и явным образом применимы к виконту Монтегю.

Лэнгдейл объяснял, что сохранение дворян-католиков на позициях влияния важны для их единоверцев; ведь они «просто присутствуют [в церквях], чтобы избежать дальнейших бедствий, смягчить ярость врагов и тем самым помочь множеству народа обрести спокойствие»²².

Впрочем, Лэнгдейл распространял правило, установленное перечисленными библейскими примерами, на всех католиков-мирян, что отличало его от оппонентов-сторонников практики *recusancy*, которые склонны были считать пример Неемана действенным только по отношению к высокопоставленным католикам-придворным, в чьи обязанности входило сопровождать монарха в церковь.²³

¹⁷ Лк 23:50—53; Мк 15:43.

¹⁸ Ин 3:1—10, 7:50 19:39. Никодима, тайного ученика Христа, часто вспоминали протестантские богословы, обосновывавшие законность внешнего конформизма своих преследуемых единоверцев в Италии, Франции, да и в самой Англии. См.: Ginzburg C. Il Nicodemismo: simulazione e dissimulazione religiosa nel' Europe del' 500. Torino, 1970. P. 1; Eire C.M.N. Calvin and Nicodemism: a Reappraisal // Sixteenth Century Journal. 1979. Vol. 10. P. 45—69; Idem. War Against the Idols: the Reformation of Worship from Erasmus to Calvin. Cambridge, 1986. Ch. 7; Zagorin P. Ways of Lying: Dissimulation, Persecution, and Conformity in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 1990. Ch. 4—6; Collinson P. The Cohabitation of the Faithful with the Unfaithful // From Persecution to Toleration: the Glorious Revolution in England / Ed. by O.P. Grell, N. Tyacke. Oxford, 1991; Pettegree A. Nicodemism and the English Reformation // Marian Protestantism: Six Studies. Aldershot, 1996. О католиках см. также: Walsham A. England's Nicodemites: Crypto-Catholicism, and Religious Pluralism in the Post-Reformation Context // The Adventure of Religious Pluralism in Early Modern France / Ed. by K. Cameron, M. Greengrass, P. Roberts. Oxford—Bonn, 2000.

¹⁹ Деян 5:34—40.

²⁰ В православной традиции 3 Цар 18:3—4: «Авдий же был человек весьма богобоязненный, и когда Иезавель истребляла пророков Господних. Авдий взял сто пророков, и скрывал их, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою».

²¹ В православной традиции 4 Цар 5, особ. 5:17—19: «и сказал Нееман: <...> не будет впредь раб твой приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа; только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то, за мое поклонение в доме Риммона, да простит Господь раба твоего в случае сем. И сказал ему: иди с миром».

²² “only gave their bare presence for avoydyng farther mischeffe to qualify the indignation of the adversarye, and thereby to be a meane for the people to purchase a calme to the multitude” // PRO, SP/12/144/69.

²³ Таких взглядов, в частности, придерживались Грегори Мартин, Роберт Парсонс и Генри Гарнет. См.: Holmes P. Resistance and Compromise. P. 91—92. См. также: Walsham A. Church Papists. P. 50—53.

Католические казуисты о посещении протестантских церквей

В своей пастырской практике католические богословы, превращавшие рекузантов в образец для подражания для всех единоверцев в Англии, однако, сближались с Лэнгдейлом и другими защитниками практики «церковного папизма». Об этом свидетельствуют рукописные пособия по моральной теологии, анализировавшие сложные казусы церковного права применительно к англичанам-католикам²⁴. Одно такое пособие было составлено на основе подборки казусов, изучавшихся студентами и преподавателями Английской коллегии Дуэ (позднее перенесена в Реймс) в 1578—1579 гг. Составителями, скорее всего, были преподаватели канонического права Ричард Бристоу и Лоренс Уэбб; в нем также участвовал Уильям Аллен. Этот сборник известен в двух рукописях, хранящихся в Оксфорде и Дуэ соответственно²⁵.

Второе пособие было составлено несколько позже (в начале 1580-х гг.) в Реймсе Алленом, Парсонсом и Г. Мартином. Единственная сохранившаяся рукопись сейчас находится в Ламбетском дворце (Лондон)²⁶. Оба сборника изданы Питером Холмсом²⁷.

Первый из сборников появился до принятия английским парламентом статута 1581 г., поднявшего штраф за *resuscancy* до разорительных 20 фунтов в месяц, поэтому в нем отношение к католикам-конформистам оставалось достаточно строгим. Тем не менее, его авторы допускали католиков-конформистов (схизматиков с точки зрения канонического права) к мессе²⁸. Они считали также, что главы семейств не несут ответственность за решение взрослых детей и слуг присутствовать на церковной службе в приходской церкви²⁹, допуская тем самым существование конфессионально неоднородных домохозяйств.

Это толкование было воспроизведено в Реймском сборнике 1580-х гг.³⁰ В нем также особо оговаривались случаи, когда католики, покаявшиеся в грехе схизмы и примирившиеся (*reconciled*) с римской церковью, могли посетить службу в протестантской церкви. Слуги, дети (даже взрослые) и домочадцы могли иногда посещать службы и проповеди, если их к этому принуждали давление вышестоящих и угроза ареста, и если они готовы были не прислушиваться к тому, что говорят там «еретики»³¹.

²⁴ Об этом подробнее см.: *Holmes P. Resistance and Compromise. P. 101—108; Walsham A. Church Papists. P. 64—69.*

²⁵ Bodleian Library, Rawlinson MS D 1351. F. 4—23v и Bibliothèque Municipale (Douai), MS 484, P. 408—426. См.: *Holmes P. Elizabethan Casuistry // CRS. 1981. Vol. 67. P. 6—7.*

²⁶ Lambeth Palace Library, MS 565. F. 16—55v. См.: *Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 7—9.*

²⁷ *Holmes P. Elizabethan Casuistry.*

²⁸ *Ibid.* P. 20—21.

²⁹ *Ibid.* P. 21.

³⁰ *Ibid.* P. 103—105.

³¹ *Ibid.* P. 120.

Кроме того, придворным разрешалось иногда сопровождать королеву в церковь: «Согласно естественному праву законно знатым дворянам и дворянкам сопровождать их королеву в церковь и оставаться там, если они не считают, что их вера подвергается опасности»³².

И, наконец, католики могли получить папскую диспенсацию, разрешавшую им ходить на протестантские службы, в том случае, если они подвергались постоянному давлению и не желали открыто признать себя католиками.

Главная причина такого разрешения была вполне практического свойства — необходимость сохранить католическое дворянство и уберечь его от преследований.

«Это особенно справедливо в таком королевстве, как Англия, где важно сохранить знатные и богатые семейства в их прежнем положении, облеченном почетом и достоинством, так что после смерти королевы они своей властью смогут постоять за веру и защитить ее от дерзости еретиков. Более того, католической религии наносится огромный вред каждый раз, когда знатного дворянина уличают в том, что он — католик, и наказывают. Ведь часто в результате его падения какой-нибудь еретик возвышается, и почти все достоинство и почетные титулы католика переходят к еретикам, к большой пагубе для церкви»³³.

Казуисты признавали даже, что в случае прямой угрозы для жизни и имущества католик мог обойтись и без диспенсации (фактически, это довод Лэнгдейла), при соблюдении ряда условий: во-первых, посещения церкви должны были быть редкими (лишь при необходимости), во-вторых, католику перед этим надлежало молиться об избавлении от искушения; в-третьих, ему не стоило обращать внимание на все то, что произносится в церкви. И, наконец, в случае возникновения у него позднее религиозных сомнений он должен был немедленно обратиться за духовным советом к католическому священнику³⁴.

Кажется, что большинство этих случаев анализировались с учетом положения (и мнений) знатных католиков, подобных виконту Монтегю. Порой именно так и было. Так, более поздний сборник право-

³² “it is lawful by natural law for noblemen and noble-women to accompany their queen and remain in church, provided they do not feel that their faith is endangered by doing so” // *Ibid.* P. 121.

³³ Lambeth Palace Library, MS 565. F. 24; “This is especially the case in a kingdom like England where it is important to keep noble and rich families in their former positions of honour and dignity, so that, after the death of the Queen, they can stand up for the faith with their full authority and protect it with their strength and power against the audacity of heretics. Moreover, it is incredible how bad it is for the Catholic religion when a noble is discovered to be a Catholic and is punished; for often as a result of his ruin some heretic is advanced and nearly all the Catholic’s dignities and titles of honour pass to heretics, to the great detriment of the Church” // *Holmes P. Resistance and Compromise.* P. 103—104.

³⁴ Lambeth Palace Library, MS 565. F. 24—26.

вых казусов (датируемый приблизительно концом 1580—началом 1590-х гг.) был почти полностью посвящен проблеме посещения приходских церквей. В нем, как и в других коллекциях, эпизодическое посещение церквей допускалось. Для нас более важен, однако тот факт, что в числе примеров, призванных демонстрировать допустимое для католика поведение фигурировал уже не только библейский Нееман, но и виконт Монтегю, сопровождавший королеву Елизавету в церковь на службу³⁵. Они очевидным образом указывают на восприятие его именно в качестве католика-конформиста, «церковного паписта». Именно такой образ первого виконта Монтегю воспринят и историками.

Однако конформизм виконта на поверку оказывается не лишенным проблем. Как он сам и его современники воспринимали его присутствие на церковных службах? И как часто это случалось? Появлялся ли он в церкви регулярно, или же от случая к случаю (*occasional conformist*), и если да, то в каких именно? И где для виконта-католика — пролегла граница допустимого и недопустимого?

§ 2. Первый виконт Монтегю — идеальный «конформист»?

Проблема посещения приходской церкви оставалась значимой для английских католиков на протяжении столетий, начиная с первого поколения, столкнувшегося с ней — а именно, поколения виконта Монтегю. Хотя нет прямых свидетельств тому, что он входил в число аристократов, апеллировавших к Тридентскому собору с просьбой разъяснить, допустимо ли посещение служб, и в каких случаях, в таком выводе нет ничего невероятного. На него указывает все последующее поведение виконта. Ведь оно, как показывает внимательный анализ, строилось в соответствии с теми критериями допустимого «конформизма», которые выстраивались в полемическом сочинении Лэнгдейла и сборниках казуистов.

Для того, чтобы присутствие католика на протестантской службе не было воспринято как согласие с новым вероучением, от него требовалось сделать ряд жестов, которые продемонстрировали бы его политическое единство с общиной (выражаемые его физическим присутствием в храме) и одновременно — отделение от протестантов в молитве (см. выше). Порой эти жесты оказывались весьма провокационными, что привлекало к ним недоброжелательное внимание властей — например, затыкание ушей шерстью во время произнесения священником проповеди, чтение латинского молитвенника (сидя), в то время как остальная конгрегация преклоняла колени в молитве, громкое пение латинских псалмов, произнесение молитвы розария и т.п.³⁶

³⁵ Bodleian Library, Jones MS 53. F. 193—211; см.: Holmes P. Resistance and Compromise. P. 105.

³⁶ Walsham A. Church Papists. P. 90.

Все эти действия были призваны публично обозначить совершающего их человека как католика, т.е. являлись своего рода маркером. Виконт Монтегю не был замечен в подобного рода жестах. Но он и не нуждался в маркерах, публично заявив о своей приверженности католичеству в Палате Лордов дважды в начале царствования королевы Елизаветы (1559 и 1563 гг.), под конец жизни (осенью 1592 г.), а, возможно, и в других случаях, о которых нам неизвестно. Таким образом, его религиозные взгляды вряд ли были тайной для его современников.

Присутствие виконта Монтегю на протестантских службах при дворе, или в собственных резиденциях, но в обществе королевы Елизаветы, как, несомненно, произошло в августе 1591 г., во время визита последней в Каудрее, несомненно, подпадает под описание ситуаций, приведенных в сборниках казусов. Монтегю здесь выступает в качестве придворного и/или аристократа, выполняющего свой долг перед правительницей. Невозможно точно определить, как часто виконт сопровождал королеву на службу. Известно, впрочем, что порой он избегал этого. В частности, периодически (как, например, в 1572 г.) виконт просил освободить его от присутствия на ежегодном празднике Св. Георгия в Виндзорском замке, где ему полагалось бы быть в качестве кавалера Ордена Подвязки³⁷.

Виконт, несомненно, присутствовал порой на протестантских богослужениях в качестве лорда-лейтенанта Сассекса, а также и в других ситуациях, когда ему приходилось принимать у себя гостей — местных дворян. В большинстве случаев такие ситуации были настолько тривиальными, что даже не фиксировались. Ни католикам, не протестантам в XVI в. не приходило в голову удивляться тому, что ставит в тупик нынешних историков: подчинение законам страны и публичная демонстрация лояльности властям, в конце концов, также относилось к обязанностям благочестивого христианина и магистрата. Если такие ситуации и описываются, то это происходит из-за какого-то конфликта, связанного с ними — и тогда документы, скорее всего, окажутся в судебных архивах, или же из-за иной нестандартной ситуации. Присутствие виконта Монтегю в церкви обходилось без конфликтов, по крайней мере, их следы не сохранились. Мы располагаем описанием другого рода, донесенным до нас в «Хронике» Рафаэля Холиншеда (отнесенным к лету 1586 г.):

«В это самое время <...> в доме виконта Монтегю праздновали пышную свадьбу (а епископ Чичестерский произнес проповедь в капелле). Там присутствовали граф Вустер, графиня Саутхэмптон, леди Мэри Эренделл, леди Грей, сестра покойного лорда Монтегю, и другие рыцари, леди, джентльмены и дамы с многочисленными свитами; число их было столь велико, что во всем Сассексе не насчитать было и десяти джентльменов с землями, приносящими двести фунтов дохода в год, которые бы не приехали туда»³⁸.

³⁷ CSP Domestic, 1572. Vol. LXXXVIII, P. 11.

³⁸ «At the same time <...> a great marriage (whereat the bishop of Chichester made a sermon in the chapel) was solemnized at the lord Mountagues house; whereat the earle of

Из текста явствует, что протестантское богослужение проходило не просто в присутствии виконта Монтегю, но непосредственно в его доме (в капелле). Автора, впрочем, интересовало не оно, а совсем другие обстоятельства, а именно, слухи о приближении испанской Армады, которые дошли до собравшихся на свадьбу гостей и вызвавшие немалый переполох³⁹.

Для нас же здесь важен тот факт, что богослужение было частью большого публичного действия — свадьбы, призванной укрепить связи семейства Монтегю с собратьями-дворянами, причем отнюдь не только католиками. В такой ситуации виконт — глава семьи и магистрат — вновь выполнял свой долг.

Каким же образом поступал виконт в иных обстоятельствах, когда ему не нужно было демонстрировать свое публичное лицо, и он оказывался в круг семьи, с родственниками и домочадцами? Мы не располагаем статистическими данными, позволяющими сделать заключение о том, что виконт посещал приходскую церковь часто (или наоборот, редко). В елизаветинскую эпоху титулованных дворян редко преследовали за *recusancy*, и уж тем более за нечастое посещение служб. Ведь обязанность доносить на рекузантов вменялась церковным старостам — людям гораздо более низкого положения, чем виконт Монтегю. Кроме того, виконт, как и другие аристократы, являлись патронами церковных приходов (подробнее см. главу III); в такой ситуации даже приходские священники вряд ли с легкостью пошли бы на конфликт с местным лордом. И, наконец, аристократу вовсе не требовалось отпраиваться в приходскую церковь каждое воскресенье: они имели домашних капелланов, и литургия служилась у них дома. Соответственно, любой лорд мог в случае возникновения вопросов заявить, что отсутствовал в церкви, так как был в это время на домашнем богослужении. Капелланы же, находившиеся в полной зависимости от патрона, не оспаривали подобных заявлений.

Виконт Монтегю, как и прочие люди его ранга, имел в свите даже не одного, а нескольких капелланов, причем, как католиков, так и протестантов. По сообщению иезуита Роберта Парсонса, католический

Worcester, the countesse of Southampton, at the time of the ladie Marie Arundell, the ladie Greie sister to the late lord Mountague, with divers other knights, ladies, gentlemen and gentlewomen of great traine and attendance were present; insomuch that the number was so great, as it was thought there were not ten gentlemen of Sussex, which might dispend two hundred pounds lands by yeare, that were absent” // Holinshed’s Chronicle of England, Scotland and Ireland. L., 1808. Vol. IV. P. 901. Среди поименованных в тексте людей — родственники Монтегю: его племянник, Уильям Сомерсет, граф Вустер, дочь Мэри, вдовствующая графиня Саутхэмптон, внучка Мэри, леди Эренделл, и сестра Мэри, леди Грей (вдова сэра Генри Капелла). Издание, из которого была взята цитата, было составлено А. Флемингом после смерти Холиншеда и несколько раз перерабатывалось в 1590-х гг., с добавлением нового материала. Поэтому в тексте первый виконт Монтегю назван покойным, хотя в 1586 г. он был жив.

³⁹ Ibid.

капеллан виконта, уже упоминавшийся Альбан Лэнгдейл, позволял своему патрону «устраивать в доме английскую службу для слуг, хотя он сам [виконт — А.С.] ходил к мессе»⁴⁰. Таким образом, у него была возможность сослаться на регулярные домашние богослужения и тем самым избежать преследований. Подобная уловка была распространена среди английских католиков⁴¹. Она же давала виконту возможность оказывать покровительство родственникам-католикам. Так, в 1573 г. его опальному зятю, графу Саутхэмптону было разрешено перебраться под домашний арест в Каудрей (см. часть I, главу III) на том основании, что в доме виконта регулярно служат протестантскую службу, и граф, которого после ареста в 1572 г. принудили к конформизму, сможет жить, как верный подданный королевы, то есть, посещать протестантскую литургию по воскресеньям. На самом же деле, ее, скорее всего не посещал ни граф, ни сам виконт.

Можно предположить, что присутствие виконта Монтегю на протестантских богослужениях было довольно редким и ограничивалось ситуациями, в которых он оказывался в церкви «как публичное лицо», демонстрируя тем самым свою лояльность.

Виконт явно не усматривал в таких действиях противоречия со своими католическими взглядами. Ведь он следовал предписаниям, выдвинутым его духовником, а также и нормам канонического права, и при этом выполнял свой долг подданного и магистрата. Кроме того, он, во всей видимости, никогда не принимал протестантского причастия.

Англичане должны были причащаться четыре раза в год, однако на практике пастыри и прихожане следовали средневековому обычаю причащаться раз в год, на Пасху. Те из них, кто не желал причащаться в «еретической» церкви, могли избегать этого годами, под тем или иным предлогом. У виконта — аристократа, содержащего в своей свите капелланов — возможностей избежать причастия в церкви было достаточно. В 1565 г. он сам говорит испанскому послу в Лондоне (Диего Гусману де Сильве) о том, что ему всегда удавалось избегать причастия различными способами⁴².

Католическим полемистам последующих десятилетий, отстаивавшим *recusancy* как идеал поведения для всех католиков, трудно было примириться с подобными взглядами, человека, которого при других обстоятельствах легко было превратить в образцового католика. Неудивительно поэтому, что уже в начале XVII в. возникла легенда о том, как первый виконт Монтегю стал рекузантом. Ее автором стал капеллан леди Маргарет Монтегю, Ричард Смит, автор ее биографии (см. выше, часть I, главу V). В этом сочинении описывается драматичная сцена «обращения» виконта.

⁴⁰ Letter and memoirs of Father R. Persons // CRS. 1901. Vol. 2. P. 180.

⁴¹ Questier M. Conformity, Catholicism and the Law. P. 256.

⁴² Kervyn de Lettenhove C.B. Relations politiques des Pays Bas et de l'Angleterre sous le regne de Philippe II. Brussels, 1886. Vol. IV. P. 189.

«И если он иногда впоследствии ходил в церкви еретиков, это стоило бы приписать не столько ему, сколько его священнику, человеку поистине ученому и благочестивому, но слишком боязливому. Он считал уместным порой подчиняться требованиям времени и не смел назвать такой поступок грехом. Ведь когда этот священник скончался, он [виконт — А.С.] принял к себе другого, который с подобающей священнику храбростью сказал ему что присутствовать на протестантской службе есть тяжкий грех, ненавистный Богу и церкви, и губительный для его души. Он [виконт — А.С.] был далек от того, чтобы оправдывать свой поступок, но, напротив (как я слышал из уст присутствовавшего при этом человека), немедленно снял шляпу и, опустившись на колени, движением всего тела и словами, сходящими с языка, выразил свое смирение перед суждением католической церкви и благочестиво обещал впредь никогда не присутствовать на еретических службах, и он соблюдал это до конца своей жизни»⁴³.

Эффектную историю, правда, невозможно подтвердить другими источниками. Виконта Монтегю никогда не преследовали за *recusancy*, что свидетельствует либо о его исключительной осторожности и изворотливости, либо о том, что вся эта сцена выдумана Смитом. Сам он появился в доме Монтегю лишь в 1603 г., более чем через 10 лет после смерти виконта, поэтому ему и приходится ссылаться на свидетельство другого человека, которого он предусмотрительно не называет.

Совершенно непонятно, кто тот принципиальный священник, что обратил его. Помимо Лэнгдейла, скончавшегося между 1584 и 1589 гг., в свите виконта присутствовали и другие католические капелланы — Энтони Гарнет, Ричард Грей, Уильям Пёрфетт и Фрэнсис Райделл. Однако все они были рукоположены еще при королеве Марии, и не относились к числу священников-миссионеров, которых обязывали проповедовать *recusancy*.

Майкл Кестье склонен считать эту сцену выдумкой Смита⁴⁴. С ним, безусловно, стоит согласиться еще и потому, что отношения виконта и его капелланов вряд ли описывается в терминах смирения и покорности (подробнее об этом, ниже, часть III, главу I). Первый виконт Монтегю

⁴³ "And if sometime afterward he went to hereticall Churches, it was not so much to be imputed to him, as to his Priest, e larned and pious man indeed, but too fearfull, who supposing it expedient something to give to the tyme, durst not determine, such a fact to be sinne. For when that Priest being dead, he had entertayned another, who with Priestlt courage told him that it was a grievous offence and hatefull to God and to the Church, & pernicious to his soule, to be present at hereticall service, he was so far from defending his fact, that (as I received from the mouth of one that was present) instantly putting of his hat, & falling on his knees, both with getsure of his whole body, & with his tinge, he most humbly submitted himself to the censure of the catholike Church, and piously promised never thence forward to be present at hereticall service, which with all the rest of his lyfe he exactly observed" // *Smith R. Life of Lady Montague*. P. 11—12.

⁴⁴ *Questier M. Catholicism and Community*. P. 163.

никогда не позволял священникам навязывать ему свою волю. Скорее наоборот: его влияние прочитывается в трактате Лэгдейла о посещении церкви. Поэтому изображение виконта, снимающего шляпу и преклоняющего колени перед капелланом, относится к числу образов, при помощи которых Смит — будущий епископ Халкедонский — описывал идеальные отношения между священником и членами его паствы. Этот идеал был продиктован Тридентскими нормами, но был весьма далек от реалий жизни английской католической общины, в чем, на свою беду, Смиту пришлось убедиться лично (см. часть III, главу I).

§ 3. Виконтесса Монтегю: гендерные стратегии нонконформизма.

Историки, исследовавшие английское католическое сообщество, не раз отмечали заметный гендерный перекося в его структуре применительно к XVI—XVII вв.: среди католиков-рекузантов было много женщин, замужних и незамужних, причем до 1593 г. списки рекузантов включали только последнюю категорию, позволяя замужним дамам уходить от ответственности. Этот перекося с легкой руки Джона Босси даже стали именовать «католическим матриархатом», хотя историки позднейших поколений, в частности, Александра Уолшем, усомнились в том, что речь идет о женском доминировании в рамках католического сообщества. Она предпочитает говорить о гендерной «специализации», когда мужчины-конформисты благодаря своему внешнему подчинению законам страны обеспечивали семье защиту от преследований и сохраняли ее статус, тогда как женщины, не подвергавшиеся преследованиям, более строго соблюдали принцип литургического отделения от «еретиков» и воспитывали детей в католическом духе (и тоже как рекузантов, за исключением старших сыновей и наследников)⁴⁵.

Однако подобные стратегии поведения были возможны в тех случаях, когда супруги были согласны между собой относительно их выбора. Если же супруг не поддерживал решения жены, то ситуация могла дойти до открытого конфликта, или же его жена оказывалась вынужденной отказываться от *recusancy*, добровольно или под давлением родственников⁴⁶.

⁴⁵ Walsham A. Church Papists. P. 80—81

⁴⁶ Отказ графини Эрндел и ее золовки, Маргарет Сэквил (урожденной Ховард) посещать церковные службы в 1580-х гг. не вызвал возражений их супругов. Граф Эрндел и сам вскоре выбрал *recusancy*. Дороти Лаусон после свадьбы столкнулась с конформизмом семьи мужа, и ей пришлось отстаивать своей выбор — *recusancy*. А обращение в католичество виконтессы Фолкленд привело к ее разрыву с мужем. См.: Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008. Вып. 15. С. 53—99.

Возможен был и третий вариант, когда жена сама была «церковной паписткой» в течение какого-то периода времени, или же на протяжении всей жизни. Именно таков был выбор леди Монтегю. При жизни мужа она периодически посещала протестантские службы, по всей видимости, вместе с мужем. Причем, как и ее супруг, виконтесса Монтегю, публично демонстрировала свою приверженности католической вере. Она не делала заявлений об этом, но сам ее облик свидетельствовал именно об этом:

«Когда она выходила из дома, она объявляла себя католичкой при посредстве своих четок и креста, который она носила на шее»⁴⁷.

Трудно сказать, насколько часто леди Монтегю появлялась на протестантских службах. Но в ее доме регулярно служили мессу, а поскольку до 1593 г. мужа не были обязаны платить штрафы за *recusancy* за жен, у властей не было ни возможности, ни особого стремления проконтролировать ее действия. Скорее всего, посещения виконтессой протестантских служб ограничивалось ситуациями, когда она обязана была сопровождать мужа — в публичном контексте — оказывая гостеприимство королеве или представителям властей (1591 г.), или же во время публичных семейных праздников (крестин и свадеб, подробнее см. ниже, главу II), и было крайне редким. А от преследований леди Монтегю защищали как связи мужа, так и особенности антикатолического законодательства.

Однако позднее, по свидетельству ее капеллана, она перестала посещать протестантские службы — и, соответственно, устраивать их в своих резиденциях.

«И если в начале царствования королевы Елизаветы она иногда ходила в еретические церкви, то это стоит, скорее, приписать недостатку наставлений, нежели отсутствию рвения. Ибо когда она поняла, что это противоречит закону [католической церкви — А.С.], она постоянно избегала ее. И хотя при королеве Елизавете она не испытала других преследований за религию, кроме того, что ее однажды обвинили перед мнимым епископом Кентерберийский, дважды обыскали ее дом, а ее священника однажды схватили и посадили в тюрьму, она, однако, была готова претерпеть все, что Богу будет угодно, и не скрывалась от угрозы»⁴⁸.

⁴⁷ “when she walked abroad, by her Beads, or Crosse which she used to weare about her neck, she professed herself to be a Catholicke” // *Smith R. Life of Lady Montague*. P. 29.

⁴⁸ “And if in the beginning of the raigne of Q. Elizabeth she went sometimes to hereticall Churches, that may rather be imputed to the defect of instruction, then want of zeale. For when she understood it to be unlawfull, she did most constantly abhorre it. And albeit that under Q. Elizabeth she endured no other persecution for matter of religion, then that she was once accused to the pretended Bishop of Canterbury, her house twice searched, and her Priest once taken, and improsonned; yet was she prepared to suffer whatsoever it should please God, and did expose herselfe to the perill therof” // *Ibid*. P. 27.

Из приведенного отрывка из биографии леди Магдален следует, что в какой-то момент она перестала посещать протестантские службы, однако невозможно определить, когда именно это произошло: при жизни мужа, или уже после смерти виконта (конец 1592 г.), когда у вдовы появилась свобода следовать собственным предпочтениям в вопросах религии. Точно ответить на этот вопрос невозможно, но можно предположить, что перемена в поведении виконтессы была связана с появлением в ее доме в 1594 г. нового капеллана, Томаса Мора (1565—1625) — внука знаменитого гуманиста, почитавшегося католиками как мученик. Он был связан с Монтегю узами родства: его двоюродный брат, Томас Рупер, женился на сестре виконта, Люси Браун. Выпускник Английской коллегии, Томас Мор, вероятно, склонен был строже относиться к отклонениям от «идеальной модели» *recusancy*, так что отказ леди Магдален от посещения протестантских служб можно приписать его влиянию.

Приведенная выше фраза Р. Смита свидетельствует и о том, что леди Монтегю не преследовали за *recusancy* при Елизавете, даже после смерти мужа. Защитой ей служило расположение королевы. И при Якове I ситуация изменилась не сразу, а лишь после 1606 г.: только после того, как правительство установило связь между заговорщиками (Гаем Фоксом) и свитой Монтегю, против леди Монтегю — первой среди титулованных аристократок — выдвинули обвинение в *recusancy* (1607 г.). Но и оно, впрочем, не имело слишком серьезных последствий. Смит цитирует письмо Тайного Совета Якова (от 5 апреля 1607 г.), в котором генеральному атторнею предписывалось не доводить дело до приговора, принимая во внимание пол и преклонный возраст виконтессы, а также и ее неоспоримую верность покойной королеве⁴⁹. Таким образом, выбор *recusancy* в случае виконтессы Монтегю остался безнаказанным.

Однако образ благочестивой католички, неуклонно совершенствовавшейся в благочестии и восходившей от одной степени совершенства к другой, рисуемый на страницах биографии леди Монтегю, выглядит слишком уж безупречным — если, конечно, рассматривать *recusancy* как критерий этого совершенства. И у нас есть основания в нем усомниться.

Как и ее супруг, виконтесса Монтегю, скорее всего, избегала причащения по протестантскому обряду. Однако как минимум однажды она нарушила это табу, причем произошло это уже после смерти мужа, в 1593 г. В лондонском приходе Спасителя (Саутуорк), к которому относилась столичная резиденция Монтегю, велась книга учета значков, выдававшихся каждому причащавшемуся прихожанину и прихожанке. В 1593 г. там указана «леди Монтегю»⁵⁰. Майкл Кестье считает, что эта запись может относиться к молодой жене второго виконта, леди Джейн

⁴⁹ Ibid. P. 37. За виконтессу заступились и ее родственники, в том числе двоюродный племянник Гилберт Тэлбот, граф Шрусбери См.: Salisbury MSS. Vol. XIX. P. 97.

⁵⁰ “Ladye Mountekew” // London Metropolitan Archvies (далее — LMA), P92/SAV/187. P. 19.

Монтегю (урожденной Сэквил)⁵¹. Но такой вывод противоречит структуре источника. В нем не перечислены поименно все причащавшиеся, но указаны только имена глав домовладений, и количество выданных на каждое домовладение значков (по числу причащавшихся из этого дома), обозначенное черточками. Жена второго виконта не являлась главой семьи, и поэтому вряд ли могла появиться на страницах этого документа. Напротив, вдовствующая виконтесса Монтегю была независимой женщиной, и ее имя должно было быть упомянуто, наряду с другими незамужними женщинами и вдовами — главами домовладений.

Таким образом, леди Монтегю не только продолжала бывать в приходской церкви, но даже причастилась по «еретическому» обряду — грех куда более серьезный, нежели простое присутствие на службе! Вероятно, виконтесса сочла нужным поступить так, когда на семью после смерти мужа обрушились преследования — обыски и арест слуг (см. выше, часть I, главу IV). Тогда этот шаг стоит истолковывать как беспрецедентный жест лояльности.

Непонятно, как этот поступок виконтессы соотносится с ее отказом от «церковного папизма», так как точную хронологию событий выстроить невозможно. Возможно, переход леди Монтегю к практике *recusancy* после смерти мужа и стал фактором, спровоцировавшим гонения, и в таком случае мы имеем дело с перемещением виконтессы из одной категории (церковные паписты) в другую (рекузанты) и обратно (к конформистам, принимавшим протестантское причастие) в течение относительно небольшого промежутка времени. Это подтверждает тезис А. Уошем и М. Кестье о подвижности и проницаемости границ между различными группами католиков.

Возможны и иные истолкования. Виконтесса могла поддаться давлению и согласиться на причастие, что вызвало затем духовный кризис, усугубленный увещаниями нового капеллана (Т. Мора), приведший к покаению и, в результате, к отказу от практики посещения церкви. В таком случае переход леди Монтегю к практике *recusancy* следовал за ее причастием в Саутворке, а не предшествовал ему. И наконец, вполне вероятно, что виконтесса отказалась от посещений церкви не около 1593 г., а намного позже (хотя и в царствование Елизаветы, т.е. до 1603 г.). И тогда казус с ее причастием может быть продолжением обычной для нее практики.

§ 4. Семья первого виконта Монтегю и посещение церковных служб: колебания курса

Младшие члены семейства Монтегю демонстрировали такие же, если не более масштабные колебания между «церковным папизмом» и *recusancy*, обусловленные степенью их участия в управлении графства-

⁵¹ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 215. N. 20.

ми (Сарри и Сассекс), а также и личными религиозными взглядами, и представлениями о допустимости компромисса.

Старший сын виконта, сэр Энтони Браун, должен был со временем занять место отца и проходил подобающее его рангу сына пэра «политическое ученичество» (см. часть I, главу IV). А будущему политику полагалось быть конформистом, иначе его участие в делах управления оказалось бы невозможным. Поэтому вряд ли может удивить отсутствие сообщений о практике *recusancy* применительно к сэру Энтони или его супруге. Они, как и его родители, были «безупречными конформистами», несмотря даже на то, что в отличие от отца, сэр Энтони не избегал контактов ни с семинарскими священниками, ни с иезуитами.

Однако ситуация с представителями младших линий семейства Браун была иной. Конформизм их представителей был в большей степени ответом на давление со стороны властей, а возможно, и главы клана. Так, младший брат виконта, сэр Фрэнсис Браун, стал рекузантом уже в начале 1580-х гг. Не случайно именно в его владениях (Саутуорк) в 1580 г. собрался синод католического духовенства, где обсуждался именно этот вопрос. Но в 1586 г., в опасной обстановке начала войны с Испанией и раскрытия заговора Бабингтона, ставившего своей целью убийство Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт, сэр Фрэнсис счел за благо подчиниться законам страны⁵².

Один из сыновей виконта, сэр Генри Браун, в 1581 г. был рекузантом, но вскоре отказался от этой практики⁵³ и вновь стал «церковным папистом», по крайней мере, в годы правления королевы Елизаветы. В начале царствования Якова I он вернулся к *recusancy*, правда, когда после Порохового заговора семья Монтегю вновь оказалась под подозрением, он счел необходимым публично объявить о своем подчинении законам страны в ходе Сассекских ассиз 1607 г.⁵⁴ Конформистом в царствование Елизаветы I был и другой сын виконта, сэр Джордж Браун⁵⁵.

Как и в случае с виконтессой Монтегю, сэр Фрэнсис, и сэр Генри Брауны в 1580—1590-х гг. не только посещали протестантские службы, но иногда и принимали там причастие⁵⁶. Таким образом, их представление о допустимых границах конформизма отличалось от того, что допускалось католическими казуистами.

Католики использовали конформизм в его различных вариантах в ходе диалога с властью, в ходе которого постоянно переопределялось само понятие «лояльности» подданных⁵⁷. Кроме того, им манипулировали для достижения различных целей, порой весьма далеких от политики и религии. Так, в 1581 г. дочь виконта Монтегю, Мэри Ризли, графиня

⁵² Hyland S.J.K. A Century of Persecution. L., 1920. P. 188, 306.

⁵³ Ibid. P. 387; Looseley MS. P. 636, Surrey Historical Centre, LM 6779/8/83.

⁵⁴ Cockburn J. Sussex Assizes: James I. N. 90, 91.

⁵⁵ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 193. N. 64.

⁵⁶ LMA, P92/SAV/184. P. 19; P92/SAV/187. P. 19; P92/SAV/190. P. 23; P92/SAV/191. P. 11.

⁵⁷ Questier M. Catholics and the Law.

Саутхэмптон, использовала собственный «церковный папизм» в качестве аргумента, оспаривая завещание мужа. Последние годы их брака были омрачены ревностью мужа и постоянными конфликтами, в которые были вовлечены родственники супругов, их друзья, высокопоставленные придворные, и, наконец, сама королева⁵⁸. Так и не примирившись с женой, граф Саутхэмптон в своем завещании оговорил, что его вдова не должна заниматься воспитанием детей. Сын Генри был передан на попечение управляющего графа (и злейшего врага его жены) Томаса Даймока, а дочь Мэри следовало отправить к тетке — двоюродной сестре графа, Кэтрин Корнуоллис. Оба они были рекузантами, тогда как графиня Саутхэмптон (как и ее семья) оставались конформистами.

Явно решив, что в борьбе за детей все средства хороши, графиня обратилась за помощью к влиятельному родственнику, графу Лестеру. В своем письме она подчеркнула: оказавшийся без материнского присмотра (в последний год жизни мужа) Генри Ризли-младший, наследник титул, воспитывался как рекузант⁵⁹. Манипулирование страхом правительства перед католическим нонконформизмом принесло ожидаемые плоды: опекуном молодого графа Саутхэмптона стал лорд Бёрли, и юноше было позволено проводить много времени в доме матери. Получила графиня и право воспитывать дочь Мэри⁶⁰.

Впрочем, не все члены семейства Монтегю демонстрировали такой прагматический подход к конформизму. Были среди них и те, кто выбирал *recusancy* и готов был принять последствия этого опасного решения.

§ 5. Второй виконт Монтегю и переход к *recusancy*

Внук первого виконта воспитывался в духе конформизма. Во всяком случае, мы не располагаем никакими данными об отказе юноши посещать приходские церкви до середины 1590-х гг. Выбор «церковного папизма» полностью соотносится с избранной семьей стратегией, в соответствии с которой глава семьи должен был демонстрировать уважение к законам страны и подчинение им.

До начала 1590-х гг. молодой виконт не оспаривал данного выбора, видимо, считая его само собой разумеющимся. Однако в 1593 г. ему суждено было пережить глубокий духовный кризис. Летом 1593 г. молодой виконт стал отцом — жена родила ему первенца, сына и наследника. Его предполагалось крестить по протестантскому обряду, в присутствии

⁵⁸ Подробнее об этом см.: *Stopes C.C. The Life of Henry, Third Earl of Southampton, Shakespeare's Patron. Cambridge, 1922. P. 524—528; Akrigg C. Shakespeare and the Earl of Southampton. P. 7—22; Серегина А.Ю. Семейная драма и политика: письмо графини Саутхэмптон отцу // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2009. Вып. 17. С. 243—258.*

⁵⁹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 162.*

⁶⁰ *Серегина А.Ю. Семейная драма и политика. С. 249—250.*

родственников и соседей (подробнее об этом см. ниже, главу II), однако младенец заболел и умер в тот самый день, какой бал назначен для крестин. Отец тяжело переживал трагедию и решил, что смерть сына была наказанием ему за слабость — отказ вести жизнь благочестивого христианина, не подразумевавшую компромиссы в вопросах веры. Он поклялся, что если Бог даст ему еще детей, они не будут крещены по протестантскому обряду. В результате родившуюся весной 1594 г. дочь Мэри виконт крестил сам (подробнее см. главу II), что привело к его аресту⁶¹.

В ходе последовавшего за арестом допроса у виконта пытались выяснить, не получал ли он папской диспенсации, разрешавшей ему посещение протестантских служб⁶². Такой вопрос подразумевает, что, по крайней мере, до мая 1594 г. виконт периодически присутствовал на протестантской литургии. Однако позднее он отказался от этой практики и стал рекузантом. Это произошло в середине 1590-х гг., между 1594 и 1597 г.: в датированном 1597 г. рукописном «Наставлении» виконта дочери (той самой Мэри) упоминается, что автор защищал основные положения веры в полемике с протестантами⁶³. Такого рода диспуты обычно проводились, если мужчину или женщину обвиняли в *recusancy*⁶⁴. Соответственно, виконт должен был стать рекузантом в середине 1590-х гг., до 1597 г., и, вероятнее всего, его за это арестовали (см. выше, часть I, главу IV) и принуждали вести дебаты с протестантскими богословами.

Однако Монтегю выстоял, несмотря на оказанное на него давление, и остался рекузантом. Как пэра Англии, его не преследовали за *recusancy* частыми арестами, хотя в 1626г. он оказался в списке местных магистратов-рекузантов Сассекса (см. выше, часть I, главу IV). Позднее, при Карле I он получил прощение за свои преступления (т.е. за *recusancy*)⁶⁵. Королевское прощение подразумевало свободу от дальнейших преследований за *recusancy* в обмен на большую разовую выплату штрафа. Благодаря такому «выкупу» после 1628 г. виконта и его семью не беспокоили преследованиями за отказ присутствовать на церковных службах.

Примеру виконта-рекузанта в начале XVII в. последовали и другие члены его семьи. Рекузантами в начале царствования Якова I стали его дяди, сэр Джордж и сэр Генри Брауны. Рекузантами были и его братья. Сэр Джон Браун отказался от присутствия на протестантских службах, подвергаясь из-за этого штрафам⁶⁶. А имущество младшего из трех братьев, Уильяма

⁶¹ О крещении Мэри Браун см.: Серегина А.Ю. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // Средние века. М., 2007. Вып. 68/2. С. 5—32.

⁶² British Library, Harleian MS 6889. F. 142. Опубликовано: Серегина А.Ю. Верность королеве и долг католика. Приложение. С. 25 (транскрипция). С. 29 (русский перевод).

⁶³ Instruction to my daughter Marie Browne. Downside Abbey, Gillow Library MS. P. 96—97. О тексте см.: Серегина А.Ю. Религиозное образование мирян-католиков в Англии конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.) // Диалог со временем. М., 2010. Вып. 31. С. 186—200.

⁶⁴ Questier M.C. Conversion, Politics and Religion. P. 154—156.

⁶⁵ CSP Domestic, 1626—28. P. 585.

⁶⁶ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 184.

Брауна, будущего иезуита, было конфисковано за *recusancy* в мае 1609 г.⁶⁷ Дети виконта также были воспитаны в духе строгого нонконформизма.

О выборе женщин нам мало что известно. Супруга второго виконта Монтегю, Джейн Сэквил, происходила из семьи конформистов. Ее отец, лорд Бакхёрст (впоследствии граф Дорсет), был конформистом, и возможно, даже крипто-католиком, мать Сесили Бейкер — католичкой-конформисткой. Брат Роберт (будущий граф Сэквил) был умеренным протестантом, женатым на католичке — нон-конформистке (Маргарет Ховард) а другой брат, Томас — католиком (рекузантом, потом конформистом). Согласно сообщению некоего Нэммонда, адресованному лорду Бёрли (ноябрь 1591 г.), «дочь лорда Бакхёрста полностью вверилась наставлениям сына Энтони Брауна [будущего виконта] в делах веры»⁶⁸, что, вероятно, свидетельствует о том, что Джейн Сэквил обратилась в католичество. Однако в 1591 г. ее жених и сам был «церковным папистом». Перешла ли виконтесса Монтегю к практике *recusancy* вслед за мужем, сказать трудно. В пользу этого предположения говорит строгое католическое воспитание, данное ею детям.

Однако никакие строгости воспитания не могли предотвратить привычного манипулирования понятиями *recusancy* и конформизма во имя достижения собственных целей. Уже отмечалось, как в первые десятилетия XVII в. признание законов страны и посещение протестантской службы, оставленные с максимальной публичностью, должны были подчеркнуть безупречную лояльность младших членов семьи в опасной ситуации. И, как и раньше, подобное манипулирование рассматривалось дамами-католичками как способ разрешения семейных проблем.

Дочь второго виконта Монтегю, та самая Мэри Браун, крещение которой в 1594 г. ознаменовалось скандалом, была в конце 1613 г. выдана замуж за Уильяма Полета, лорда Сент-Джона, сына и наследника маркиза Винчестера. Брак был заключен по настоянию отца и вопреки желанию самой Мэри, избранником которой был другой молодой человек — Томас Сомерсет, второй сын графа Вустера. В данном случае семейные амбиции встали на пути личного счастья: Мэри была старшей дочерью, и в качестве таковой, ей полагалось выйти замуж за равного по рангу, т.е. наследника титула. И наследник этот должен был быть богатым — ведь за Мэри в приданое давали 10000 фунтов. Томас Сомерсет (1579—1649) хотя и принадлежал к хорошей католической семье, не был наследником, и в качестве подходящего жениха для Мэри его не рассматривали. Зато он был блестящим придворным кавалером, несомненно, вскружившим голову девушке, только начавшей появляться на придворных балах.

Брак Мэри и Уильяма Полета оказался неудачным. Молодые супруги рано начали ссориться, и об этих ссорах сплетничали придворные⁶⁹. А в 1616 г. по столице ходили слухи, что Мэри готова подчиниться законам

⁶⁷ CSP Domestic, 1603—10. P. 511.

⁶⁸ “the Lo: Buck: daughter whollie committed to the direc[i]on of Mr Anthonie Browns sonne for matters of conscience” // BL, Lanwdowne MS, 99. F. 163.

⁶⁹ The Letters of John Chamberlain / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1939. Vol. I. P. 512.

и посещать церковь, а то и вовсе оставить католичество и стать старшей леди опочивальни королевы Анны Датской (вместо Джейн Драммонд⁷⁰), если ей предоставят возможность аннулировать брак (под предлогом импотенции супруга) и вернуть ее приданое⁷¹. Однако этого не произошло, и не в последнюю очередь потому, что Томас Сомерсет в 1616 г. женился на богатой вдове, принесшей ему в приданое поместья в Ирландии. После этого о расторжении брака Мэри — или о ее конформизме — речи уже не шло. А после того, как лорд Сент-Джон умер в 1621 г., его вдова вышла замуж за своего троюродного брата и убежденного католика-рекузанта Уильяма Эренделла. Совершенно очевидно, что ни о каком серьезном обращении в протестантизм и речи не было. Мэри Браун лишь пыталась использовать карту «церковного папизма» в борьбе за личное счастье⁷².

§ 6. Католики — конформисты и рекузанты в окружении Монтегю

Окружение виконтов Монтегю — члены их свиты и арендаторы, проживавшие в их манорах — также демонстрировали целый спектр стратегий поведения, так или иначе затрагивавшего посещения протестантских служб, причем их поведение менялось в зависимости от внешних обстоятельств и личного выбора. Однако можно выделить ряд тенденций в выборе таких стратегий.

В 1560—1570-х гг. свита первого виконта Монтегю, как и подавляющее большинство английских католиков, была конформистской. Впрочем, за внешним конформизмом могли скрываться как умеренные протестанты, к услугам которых в резиденциях виконта был капеллан-протестант, так и «церковные паписты». До конца 1570-х гг. не было принято сколько-нибудь серьезных мер по обнаружению рекузантов в приходах, и даже после этого у католиков оставалось достаточно лазеек, чтобы избежать обвинений. Таким образом, католики становились «заметными» для правительства не только из-за отсутствия на церковных службах в приходской церкви, и даже не обязательно из-за этого, но, скорее, из-за высказанных вслух взглядов, о которых становилось известно из отчетов агентов, или из доносов соседей.

Такие католики, несомненно, присутствовали в свите обоих виконтов Монтегю, заметные из-за того, что они сами, или кто-то из их родственников и близких друзей, подозревались (или обвинялись) в «нелояльности», или оказывали помощь объявленным вне закона свя-

⁷⁰ Шотландская аристократка-католичка, Джейн Драммонд, заведовала королевским гардеробом. В феврале 1614 г. она вышла замуж за Роберта Керра, лорда (с 1616 г. — графа Роксбурга).

⁷¹ The Letters of John Chamberlain. Vol. II. P. 45.

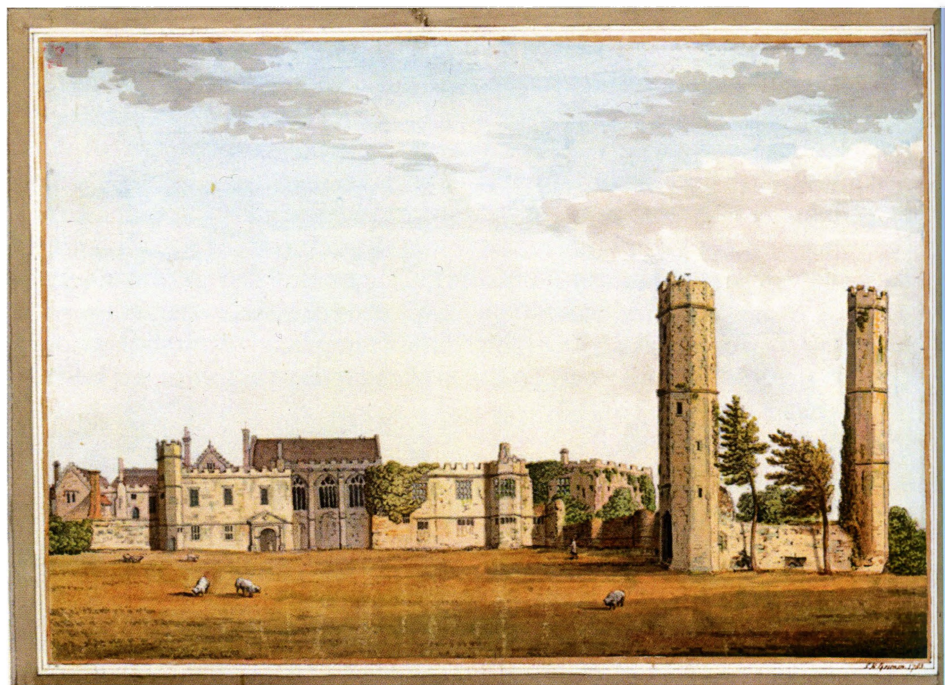
⁷² Подробнее об этом см.: Серегина А.Ю. Развод и выбор конфессии: брачные стратегии английских аристократок начала XVII в. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2014—2016. М., 2016. С. 309—324.

Илл. 1. Каудрей. Мидхёрст. С.И. Гримм. 1783 г.

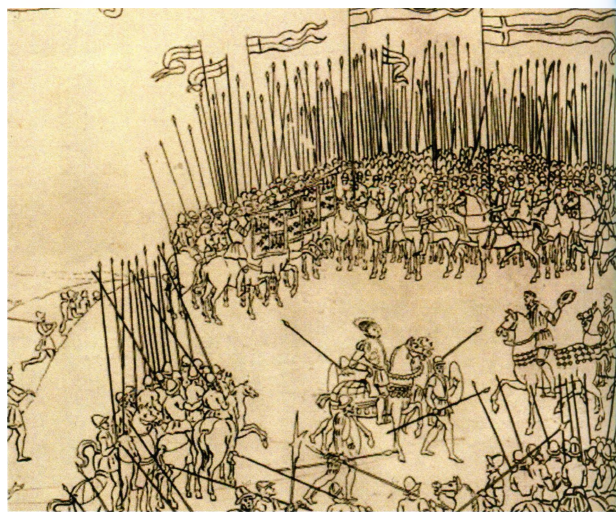

Илл. 2. Замок Каудрей. Сассекс. Август 2015г.

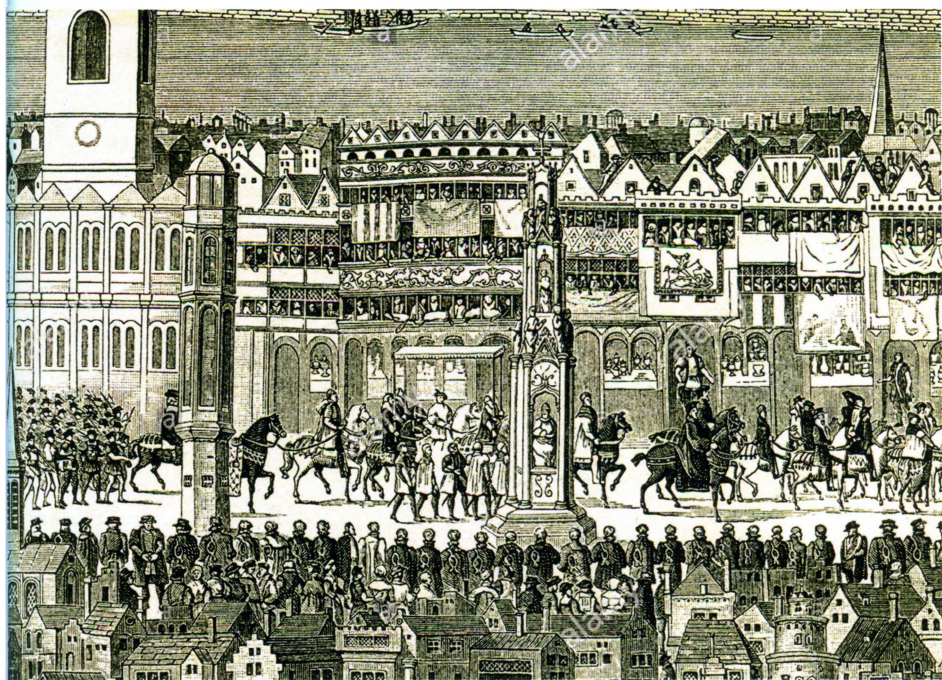
Илл. 3. Резиденция Монтегю в перестроенном аббатстве Бэттл. С.И. Гримм. 1783.

Илл. 4. Сэр Энтони Браун приветствует короля Генриха VIII близ Кале. Деталь гравюры «Выступление Генриха VIII из Кале 25 июня 1544 г.» Дж. Бейсайра. 1788 г. Верхний правый угол.

Илл. 5. Сэр Энтони Браун сопровождает Генриха VIII в лагере под Портсмутом. Деталь гравюры «Лагерь английской армии под Портсмутом» Дж. Бейсайра. 1778. Центр.

Илл. 6. Коронационная процессия Эдуарда VI. 1547 г. Деталь гравюры Дж. Бейсайра. 1778. Центр.

Илл. 7. Джордж Гардинг. Копия портрета виконта Монтегю кисти неизвестного художника. Национальная Портретная Галерея. Лондон.

Илл. 8. Ганс Эворт. Портрет Энтони Брауна, виконта Монтегю. 1569 г. Национальная Портретная Галерея, Лондон.

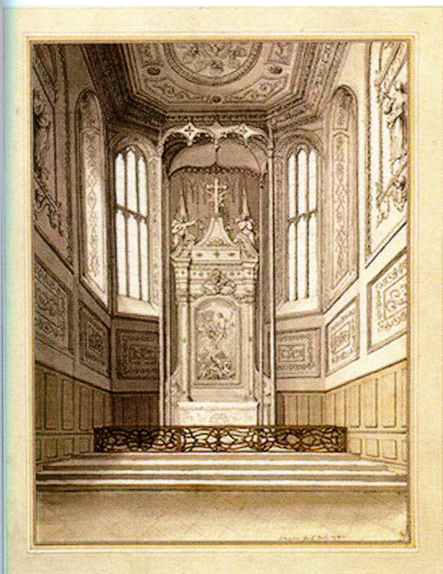
Илл. 9. Братья Брауны. Исаак Оливер. 1598(?) г. Бёрли-хаус траст. Музей Фиц-вильям, Кембридж.

Илл. 10. Надгробие первого виконта Монтегю в церкви Мидхёрста. С.И. Гримм. 1780.

Илл. 11. Бэтл-хаус. Бывший dormitorio. С.И. Гримм. 1783 г.

Илл. 12. Капелла в замке Каудрей. С.И. Гримм. 1786 г.

Илл. 13. Капелла замка Каудрей, Сассекс. Август 2015 г.

Илл. 14. Стена капеллы замка Каудрей с остатками лепных украшений и статуи святого. Август 2015 г.

щенникам-миссионерам. Необходимо отдавать себе отчет в том, что эти католики, сведения о которых сохранились благодаря недоброжелательному вниманию правительства, составляют лишь верхушку айсберга. О молчаливом присутствии других католиков, связанных со свитой Монтегю, приходится лишь догадываться.

В конце 1550—начале 1560-х гг. свита виконта Монтегю, очевидно, была полностью католической. После официального возвращения страны к протестантизму в 1559 г. большая часть членов свиты подчинилась закону страны (в отношении посещения церквей), однако в протестантов не превратилась.

Католиками оставались члены парламента от Мидхёрста — слуга виконта Монтегю Генри Хейгес (1558—1559), сопровождавший его в посольстве в Испанию в 1560 г., Уильям Дентон (1558—1559 и 1563 гг.) — дворецкий отца первого виконта, а позднее управляющий своего манора Стедэм (Сассекс), а также земель в Саутуорке, и Эдвард Банистер (1563 г.) — джентльмен-арендатор виконта, державший от него 1/3 манора Рашингтон. Позднее от Мидхёрста неизменно (1584, 1586, 1588—89, 1593 гг.) избирался Томас Чёрчер, управляющий виконта и его поверенный в делах⁷³.

Хейгес и Дентон умерли в начале 1560-х гг., так что позднейшие определения к ним неприменимы. Чёрчер, как и сам виконт Монтегю, оставался «церковным папистом» на протяжении всей своей жизни. Банистер же впоследствии стал рекузантом, а его семейные связи включали в себя считавшихся изменниками иезуитов, а также и самые известные католические семьи юга Англии: его женой была Мэри Саутуэлл, сестра казненного в 1595 г. иезуита Роберта Саутуэлла⁷⁴, а дети породнились с сассекскими католиками, семействами Дормер и Гейдж⁷⁵.

Другие католики из свиты Монтегю также оказывались в фокусе внимания властей из-за связей с католической оппозицией (реальных и мнимых). Среди них был Джордж Чемберлен, джентльмен из свиты первого виконта, которого в 1562 г. арестовали за переписку с герцогиней Ферия⁷⁶. После освобождения Чемберлен продолжал служить виконту как минимум до 1570 г.⁷⁷, а позднее эмигрировал на континент. В начале 1580-х гг. он оказал помощь в переправке первых английских иезуитов, Парсонса и Кэмпiona, в Англию⁷⁸.

⁷³ См. часть I, глава III.

⁷⁴ *Devlin C. The Life of Robert Southwell. L., 1956. P. 5—15.*

⁷⁵ Сын и тезка Банистера женился на Мэри Гейдж, а его дочь Мэри вышла замуж за Роберта Дормера, внука первого виконта Монтегю.

⁷⁶ *Bindoff. Vol. I. P. 615—616; CSP Spanish, 1558—1567. P. 241.* Джордж Чемберлен приходился герцогине двоюродным дядей — ее бабушка Джейн (Ньюдигейт) была старшей сестрой его матери Дороти (Ньюдигейт), супруги сэра Леонарда Чемберлена. Брат Джорджа, Уильям Чемберлен, служил другому католическому магнату, графу Саутхэмптону

⁷⁷ Он фигурирует в счетах управляющего виконта Монтегю, Энтони Гарнета: *VL, Add. MS 33508. F. 32r.*

⁷⁸ *CRS. Vol. 39. 1942. P. xv.*

Еще один католик из свиты первого виконта, Джон Холл, перебрался к нему из свиты графа Шрусбери в марте 1568 г. Он покинул своего прежнего патрона после того, как тот вступил в брак с Бесс Хардвик (1567 г.)⁷⁹, вероятно, не сойдясь характером с этой дамой.

В 1570-х гг. к свите виконта присоединились и Уильям Фицгерберт и его сын Томас, которого уже в 1572 г. арестовывали за *recusancy*. Спустя десять лет (1582 г.) он эмигрировал на континент и впоследствии стал иезуитом⁸⁰.

На смену одним «подозрительным» католикам появлялись новые. В 1580-х гг. в свите виконта Монтегю появился Эдвард Уайборн. Он приходился младшим братом рекузанту Уильяму Уайборну из Пембери, который в 1586 г. был отправлен в Тауэр за укрывательство католических священников. Отец Уильяма и Эдварда, Джон Уайборн, был известным в Сассексе владельцем железоплавильной мастерской и приобрел манор у виконта Монтегю. Эдвард Уайборн оставался в свите второго виконта и после смерти его деда (по крайней мере, до 1593 г.), а его жена жила в Монтегю-хаусе (Саутуорк) в 1606 г.⁸¹

В конце 1580-х—начале 1590-х гг. управляющим виконта был еще один известный правительству католик, Уильям Спенсер, уроженец одного из маноров Монтегю — Оксенфорда (Сарри)⁸².

Среди его слуг был также Энтони Флетчер. В 1593 г. его предполагалось арестовать за укрывательство священников (см. часть I, главу IV). После смерти первого виконта Флетчер какое-то время служил у вдовы его сына, Мэри (Дормер) в Ривер-Парке, а затем вернулся в свиту второго виконта Монтегю в качестве управляющего. После смерти жены в 1609 г. Флетчер покинул Англию, чтобы исполнить свое давнее желание — стать католическим священником⁸³.

Помимо Флетчера, еще целая группа католиков, служивших Монтегю в 1580-х гг., перешла из свиты первого виконта «по наследству» к его внуку после 1592 г. В их числе Уильям Конингсби — ревностный католик, убеждавший других отказаться от «схизмы» церковного папизма и примириться с церковью (т.е. стать рекузантом). В 1595 г. он таким образом обратил другого слугу виконта, Генри Лэнмена, до этого бывшего «церковным папистом»⁸⁴. Сам Конингсби, как и Флетчер, Спенсер и Уайборн, никогда не преследовался за *recusancy*. Соответственно, они либо уклонялись от преследований под различными предлогами, либо периодически все же посещали приходские церкви (*occasional conformists* в терминологии английского права).

Другие католики все же попадали в поле зрения властей из-за *recusancy*. Так, в январе 1593 г. был арестован рекузант Роберт Голдсмит, повар пер-

⁷⁹ Salisbury MSS. Vol. I. P. 499—501.

⁸⁰ Hasler. Vol. II. P. 125—126.

⁸¹ Questier M. C. Catholicism and Community. P. 197.

⁸² WSRO, SAS/BA. F. 66, 67.

⁸³ Anstruther G. Seminary Priests. Vol. II. P. 113; APC, 1596. P. 481, 500.

⁸⁴ CRS. 1962—63. Vol. 54. P. 87—88.

вого виконта и его арендатор (державший от него копигольд в Бэттле). На допросе он показал, что два года тому назад (т.е. в начале 1591 г.) покаялся в грехе «схизмы» и получил отпущение католического священника (имя которого и место, где все происходило — скорее всего, Бэттл — верный слуга не назвал), и после этого больше не посещал протестантских служб⁸⁵.

Несколько имен рекузантов из свиты Монтегю упоминается в протоколе допроса второго виконта, составленного после его ареста в 1594 г. Согласно его показаниям, ему служили Роберт Гейдж, церемониймейстер, конюший Уильям Денби, сборщик рент Кристофер Уайтхейр (или Уайтхью), джентльмен его опочивальни Джон Уэбб, и Николас Ригби, джентльмен, заведовавший его гардеробом. Кроме того, виконт упомянул также Гарри Уотсона и его жену, свою бывшую кормилицу (в приложении к протоколу списку рекузантов из свиты Монтегю они поименованы как Генри Уильямсон, клерк кухни, и его жена Элизабет), а также смотрителя охотничьего парка Джона Ардерна, который был рекузантом раньше, но недавно подчинился законам страны и стал ходить в церковь, и паж Энтони Лэмб⁸⁶. Упомянут в протоколе и Роберт Барнс — джентльмен из свиты первого виконта и друг и наставник его внука⁸⁷.

Роберт Гейдж принадлежал к семье, немало пострадавшей за *recusancy*, однако местом в свите первого и второго виконтов он был обязан не этим, а своему родству с последними. Уильям Денби, был, по всей видимости, родственником капеллана Монтегю Денби (см. часть I, главу IV) Помимо этого, о нем известно немного. Джон Уэбб принадлежал к семье католиков-арендаторов Монтегю из Мидхёрста, которая впоследствии, в царствование Якова I, неоднократно упоминалась в списках рекузантов⁸⁸.

О других слугах Монтегю, перечисленных в протоколе, нам известно больше. Генри Уильямсон и его жена (из Мидхёрста) неоднократно попадали в списки рекузантов и донесения церковных старост, составлявшиеся в ходе регулярных визитаций. В 1586 г. церковные старосты Мидхёрста сообщали, что оба супруга не причащаются в церкви⁸⁹. В 1592 г. они оба значатся в казначейском списке рекузантов (уже представших перед судом и приговоренных к штрафу)⁹⁰. Но в позднейших списках их нет, так что они либо скончались, либо вернулись к практике «церковного папизма». В позднейших списках рекузантов из Избурна (соседний с Мидхёрстом приход, принадлежавший Монтегю) (1620-е гг.) не раз упоминаются Энтони Уильямсон и его жена — возможно, сын первой четы⁹¹.

Джон Ардерн также демонстрирует свободное пересечение границы между *recusancy* и «церковным папизмом». Он принадлежал к семье

⁸⁵ CRS. 1968. Vol. 60. P. 50.

⁸⁶ BL, Harleian MS 6889. F.142, 144. См. также: Серегина А.Ю. Верность королеве и долг католика. С. 30, 32.

⁸⁷ Ibid. BL, Harleian MS 6889. F. 144.

⁸⁸ WSRO, Ep I/23/5. F. 2v; Ep 1/17/19. F. 14, 18, 20, 26.

⁸⁹ WSRO, Ep I/23/7. F. 11.

⁹⁰ CRS. 1916. Vol. 18. P. 336, 338—339.

⁹¹ WSRO, Ep I/23/8. F. 3, 18, 26, 30, 34.

арендаторов Монтегю, связанных с ними тесными узами отношений патроната и родства (дальнего). Его старший брат Уильям в 1591 г. женился на Элинор Колдэм — дочери Уильяма Колдэма, мелкого сквайра и арендатора Монтегю (державшего от них земли в Мидхёрсте, Стедэме и Уэверли). Сын Уильяма Ричард (брат Элинор) позднее женился на Мэри Гейдж, дальней родственнице Монтегю⁹². Оба брата, Уильям и Джон Ардерны, в какой-то момент становились рекузантами, но отказывались от этой практики под давлением и возвращались к церковному папизму, так же, как и их отец, Джон Ардерн из Избурна. Отец был осужден как рекузант и приговорен к выплате штрафа судом ассиз в июле 1597 г.⁹³ Уильям Ардерн был конформистом, затем рекузантом (в начале царствования Якова I) и подчинился законам страны в присутствии епископа Чичестерского Сэмюэла Харснетта (1609—1619)⁹⁴. Сам Джон Ардерн-младший и его жена были обвинены церковными старостами Избурна в *recusancy* в 1586 г.⁹⁵, а в 1593—94 гг. его имя упоминается в списке приговоренных к штрафам рекузантов⁹⁶ Элизабет Ардерн (возможно, вдова Джона-младшего) значилась в списках рекузантов из Избурна в 1621—1623 гг.⁹⁷.

Другая ветвь семьи Ардернов жила в Чичестере. В ее рядах был иезуит Роберт Ардерн, рекузант (и правительственный агент) Джон Ардерн и католик-конформист и магистрат Джордж Ардерн, гроза местных пуритан⁹⁸.

Кристофер Уайтхейр покинул свиту виконта в 1594 г. по распоряжению властей, и был вознагражден за верную службу держаниями в маноре Каудрей⁹⁹. Однако в 1605 г. Уайтхейр жил в Саутуорке рядом с домом Монтегю, и, возможно, вновь был у него на службе. Тогда Уайтхейр был «церковным папистом», о чем свидетельствуют приходские документы¹⁰⁰. Но в 1613 г. ему было предписано предстать перед архиепископом Кентерберийским, вероятнее всего, из-за возвращения к практике *recusancy*¹⁰¹.

Энтони Лэмб — паж второго виконта, позднее ставший иезуитом, был сыном слуги первого виконта, католика-конформиста Ричарда Лэмба, перебравшегося с севера, из Йоркшира, чтобы служить Монтегю¹⁰². Его семья арендовала земли Монтегю вокруг Мидхёрста, а ее члены не раз упоминались в списках рекузантов 1620-х гг.¹⁰³

⁹² *Berry W. County Genealogies: Pedigrees of the Families in the County of Sussex. L., 1830. P. 2.*

⁹³ *Cockburne J. Sussex Assizes: Elizabeth. No. 1720.*

⁹⁴ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 203. N. 111.*

⁹⁵ *WSRO, Ep I/23/7. F. 39.*

⁹⁶ *CRS. 1968. Vol. 60. P. 234.*

⁹⁷ *WSRO, Ep I/23/8. F. 6, 18, 20, 24, 26, 34.*

⁹⁸ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 203. N. 112.*

⁹⁹ *WSRO, SAS/BA. F. 69.*

¹⁰⁰ *LMA, P92/SAV/197. P. 22.*

¹⁰¹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 316. N. 11.*

¹⁰² *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. II. P. 78.*

¹⁰³ *WSRO, Ep I/23/8. F. 6, 20, 30, 34.*

Наконец, Ричард Барнс, известный властям и друзьям как ревностный католик, сам в течение долгого времени был конформистом. В 1592—1593 гг. он был внесен в списки «злостных» рекузантов, имущество которых подлежало конфискации¹⁰⁴. Однако дальнейших действий против него при Елизавете не последовало, из чего следует, что он пошел за благо подчиниться закону и появиться на протестантской службе. Лишь в 1609 г. часть его земель (в графстве Сарри) была конфискована¹⁰⁵.

Виконтесса Монтегю после смерти мужа в 1592 г. сама перешла к *recusancy*, а в ее резиденциях перестали служить протестантскую литургию. Это должно было сделать состав ее свиты более однородно католическим. Однако среди ее слуг на удивление мало известных рекузантов, или даже их родственников. Так, в 1597 г. в счетах леди Монтегю из Бэттла упомянута миссис Голдуайер, которой была вверена раздача милостыни от имени виконтессы. Эта дама была женой Эдварда Голдуайера — местного католика-рекузанта, неоднократно подвергавшегося за это штрафам и конфискациям в правление Якова I¹⁰⁶.

Бейлиф и сборщик рент в Бэттле, Джеймс Гилдридж¹⁰⁷, принадлежал к семье известных в Восточном Сассексе католиков Гилдриджей из Беддинхэма. Члены этой семьи обвинялись в *recusancy* уже в 1580-х гг.¹⁰⁸, хотя Джеймс Гилдридж, похоже, рекузантом не был.

Некоторых известных правительству католиков из свиты виконтессы Монтегю подвергли преследованиям после ее смерти. Среди них был Дэвид Ломар¹⁰⁹. Он принадлежал к семье арендаторов Монтегю, и происходил из Мидхёрста. Его родственники жили там и позднее, и среди них в 1620-х гг. было немало рекузантов.

Еще одним «пострадавшим» был клерк кухни, Джон Кейп — один из членов семьи, служившей Монтегю¹¹⁰. И, наконец, уже известный нам Эдвард Уайборн, который после смерти первого виконта служил его вдове, многократно привлекал внимание властей в 1608—1610 гг. из-за своих религиозных взглядов и *recusancy*¹¹¹.

Небольшое число рекузантов среди слуг леди Монтегю можно объяснить либо тем, что благодаря покровительству старой дамы, которую не желали трогать даже представители Тайного Совета, прочие неконформисты могли избежать преследований, либо же тем, что они избирали иной способ от них уклониться — *occasional conformity* — которым порой не брезговала и сама виконтесса.

В 1590-х гг. и в начале царствования Якова I то же самое было, пожалуй, верно, и по отношению к свите второго виконта Монтегю. Однако

¹⁰⁴CRS. 1916. Vol. 18. P. 288.

¹⁰⁵Questier M. C. Catholicism and Community. P. 204. N. 115.

¹⁰⁶ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 26.

¹⁰⁷ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 1.

¹⁰⁸CRS. 1986. Vol. 71. P. 68.

¹⁰⁹The Newsletters from the Archprebyterate of George Birkhead. P. 104, 108.

¹¹⁰Ibid. P. 104.

¹¹¹Ibid. P. 92.

постепенно число нонконформистов среди его слуг увеличивалось, в том числе и за счет тех, кто занимал незначительные посты.

Помимо тех католиков, которые уже упоминались выше, второму виконту Монтегю служил Дэвид Рингстид — привратник в Монтегю-Хаусе (тот самый, что задержал явившихся туда с обыском и помог священникам сбежать в 1606 г.). Он происходил из известной в Хэмпшире семьи рекузантов¹¹².

Бейлиф Монтегю в Саутуорке, Мэтью Вудвард, был уроженцем Лонсворта (Сассекс)¹¹³. Его жену еще в 1601 г. отлучили от церкви за *recusancy*¹¹⁴. Сам Вудвард и тогда, и позднее, уже перебравшись в Саутуорк (Монтегю-Хаус), оставался конформистом, однако в 1609 г. церковные старосты прихода Спасителя объявили его рекузантом¹¹⁵, а в 1610 г. сообщили об его отказе от протестантского причастия¹¹⁶. В 1612 г., впрочем, он опять стал конформистом¹¹⁷.

Еще одним известными католиками среди слуг второго виконта были Уильям Кейп и Джон Лоан. Уильям Кейп — сын Джона Кейпа, служившего виконтессе Монтегю. Он был бескомпромиссным католиком, вслед за своим господином отказавшимся от присяги на верность королю как не вполне теологически приемлемой, и был за это арестован в 1614 г.¹¹⁸ Уильям Кейп был доверенным слугой виконта; в 1622 г. именно он сопровождал его наследника в Испанию¹¹⁹.

Джон Лоан, один из управляющих Монтегю, был известным в Сассексе рекузантом, часть имущества которого была конфискована в 1611 г. Его семья входила в число арендаторов виконта¹²⁰.

Таким образом, в непосредственном окружении второго виконта Монтегю в первые десятилетия XVII в. появлялось больше рекузантов, но и они, как мы видим, не принадлежали этой категории постоянно, балансируя между *recusancy* и *occasional conformity*.

Подобные же тенденции демонстрировали арендаторы Монтегю и прочие католики, жившие рядом с их поместьями. В Сассексе католики всегда были многочисленными, как в XVI, так и в XVII вв., однако к 1620-м гг. количество осужденных и приговоренных к штрафам рекузантов там превышало показатели многих других графств, за исключением Хэмпшира, Миддлсекса, Монмутшира и Уорикшира¹²¹. Конечно, количество католиков не равнялось количеству осужденных рекузантов, о чем

¹¹²Questier M.C. Catholicism and Community. P. 316.

¹¹³Ibid.

¹¹⁴CRS. 1968. Vol. 60. P. 117.

¹¹⁵LMA, P92/SAV/199. P. 31.

¹¹⁶LMA, P92/SAV/200. P. 31.

¹¹⁷LMA, P92/SAV/201. P. 30.

¹¹⁸Questier M.C. Catholicism and Community. P. 317.

¹¹⁹Stuart Dynastic Policy. P. 191.

¹²⁰CSP Domestic, 1603—1610. P. 383; The Newsletters from the Archprebyterate of George Birkhead. P. 222.

¹²¹Fletcher A. A County Community in Peace and War: Sussex, 1600—1660. L., 1975. P. 102.

свидетельствуют более скромные показатели осуждений за *recusancy* в северных графствах — Ланкашире и Йоркшире, с их многочисленными католическими семьями. Рост показателей *recusancy* на юге, в Сассексе, следовательно, должен объясняться как изменениями в поведении католиков, так и особенностями местных антикатолических кампаний.

В царствование Елизаветы обнаружение рекузантов вменялось в обязанности церковным старостам, которые сообщали об этом правонарушении во время визитаций (и тогда эти дела рассматривались церковными судами), а также — с 1591 г. — местными комиссиями по поиску и обнаружению рекузантов (состоявшие из мировых судей). Кроме того, местные констебли должны были доносить о рекузантах мировым судьям, рассматривавшим их дела во время квартальных сессий мировых судов. С 1603 г. церковных старост обязали докладывать о рекузантах также и мировым судьям, а к концу царствования Якова I учет рекузантов стал более строгим, хотя не столько из политических, сколько из фискальных соображений¹²².

Тем не менее, в Сассексе, как и в прочих графствах, никогда не применялись систематические, регулярные меры по обнаружению и осуждению рекузантов. Здесь имели место непродолжительные, эпизодические кампании, целиком зависевшие от политической конъюнктуры и приступов рвения мировых судей. На эффективность доносчиков полагаться не приходилось, даже при наличии выплат в 2 фунта за каждого осужденного рекузанта. Ведь, будучи, как правило, лицами более низкого социального статуса, церковные старосты и констебли опасались доносить на своих лордов и работодателей, и связанных с ними лиц¹²³. Далеко не всегда они стремились доносить на своих соседей и друзей, соединенных с ними множеством уз.

Это, в частности, проявлялось в крайне узком определении *recusancy*, каким на практике пользовались церковные старосты. Чаще всего они сообщали властям о тех соседях-католиках, которые непосредственно отказывались от посещения церковных служб, или не появлялись там годами, причем подобная практика сохранялась как в XVI, так и в XVII в.

Тем не менее, показатели *recusancy* оставались высокими. Так, только в благочинии Чичестера во второй половине 1620-х гг. было осуждено около 500 рекузантов. Рекузанты, как правило, концентрировались вокруг поместий дворян-католиков, поэтому неудивительно, что самыми крупными центрами *recusancy* были приходы вокруг резиденций католических магнатов — Монтегю — т.е. вокруг Бэттла и Каудрея. В конце 1620-х гг. располагавшиеся рядом с Каудреем приходы Мидхёрст и Избурн были крупнейшими центрами *recusancy*. Только в Мидхёрсте, например, в 1625 г. было обнаружено 123 рекузанта¹²⁴.

Чтобы объяснить причины и механизм складывания подобной ситуации, необходимо подробнее проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении источники, а именно, материалы визитаций по Чиче-

¹²²Rose E. Cases of Conscience. P. 15—37.

¹²³Fletcher A. A County Community. P. 95—97.

¹²⁴Ibid. P. 99.

стерскому диоцезу. К сожалению, данных по Бэттлу не сохранилось, так как местный приход был изъят из юрисдикции епископа Чичестерского: ведь до роспуска монастырей он принадлежал бенедиктинскому аббатству, подчинявшемуся непосредственно папе.

Материалы визитаций по Чичестерскому благочинию (куда входили приходы Мидхёрст, Избурн и другие из числа принадлежавший Монтегю в Западном Сассексе), сохранились в архивах Западного Сассекса (Чичестер). До 1579 г. в них отсутствуют сведения о рекузантах, что и неудивительно: лишь в 1578 г. церковных старост обязали вести соответствующие списки.

Но и в 1579 г. список рекузантов был составлен только в Мидхёрсте, и включал всего 5 имен. Кроме того, там появились наши знакомые, Генри и Элизабет Уильямсон, которые не причащались на Пасху в том году¹²⁵. Чета Уильямсон была, вероятно, не единственной семьей в приходе, оказывавшейся от причастия: в 1584 г. выяснилось, что в приходе вообще не ведется учет причастников (в отличие от более «продвинутых» и жестче контролировавшихся лондонских приходов)¹²⁶. Поэтому попадание Уильямсонов в отчет должно объясняться тем, что они каким-либо образом выпадали из общего ряда. Возможно, они, в отличие от остальных прихожан, не причащались в течение многих лет. Это подтверждает и появление Уильямсонов на страницах отчета в 1586 г. («вообще не ходят к причастию»)¹²⁷. Позднее супругов осудили за *recusancy* (см. выше).

Но в любом случае, число рекузантов и тех, кто не причащался, было крайне низким: счет шел на единицы. Остается предположить, что соседи с большой неохотой доносили на местных католиков, а те, в свою очередь, порой поддавались давлению (или убеждению) и появлялись на службах в церкви (*occasional conformity*). Подобную ситуацию (попытки убеждения, оказавшуюся, впрочем, неудачной) можно найти в сообщении из Бэттла от 20 октября 1593 г.: настоятель церкви Джон Уитенс и церковные старосты увещевали жену бывшего школьного учителя и рекузанта Эдварда Тервита (или Терри), находившегося на тот момент в тюрьме, стараясь убедить ее пойти на службу.

«Но она говорит: идти в церковь противоречит ее совести. Но если ее все же убедят [в обратном], она это сделает»¹²⁸.

Убедить Терри и его жену оказалось невозможным, но в других случаях, по всей видимости, католики соглашались на временный компромисс и тем самым избегали попадания в списки рекузантов (и нашего взгляда).

Остальные случаи оказывались исключениями, за которыми практически всегда стояли конфликтные ситуации. Так, например, в 1579 г.

¹²⁵WSRO, Ep I/23/5. F. 2

¹²⁶WSRO, Ep I/23/6. F. 11.

¹²⁷“Henry Wyllyamson and hys wyfe doth not receyve the communion at all” // WSRO, Ep I/23/7. F. 11.

¹²⁸“she saythe yt ys againste her conscience to goe unto the churche nowe. But yf she can be persuaded in her minde she will doe yt” // WSRO, Ep I/3/72. F. 2.

викарий Ап-Мардена Ричард Бервик (родственник местного дворянина Джона Бервика) сообщил о том, что мировой судья Томас Льюкнор появляется в церкви всего четыре раза в год, и причащается на Пасху¹²⁹. Строго говоря, такое поведение соответствовало правительственным критериям конформиста и не преследовалось; решение Бервика донести о нем говорит о некоем конфликте с Льюкнором, а возможно, и со стоявшим за ним патроном юриста, виконтом Монтегю.

К 1620-м гг. ситуация изменилась значительно. Списки рекузантов теперь составлялись четыре раза в год (для каждой квартальной сессии), и применительно к Мидхёрсту и Избурну они включали десятки имен, при сохранившемся нежелании трактовать термин *recusancy* расширительно. Например, в 1625 г. церковный староста прихода Стедэм информировал епископа о действиях уже известного нам Уильяма Колдэма: «Он не принимал причастия в течение пяти лет. Я оставляю вам рассудить, является ли он рекузантом, или нет»¹³⁰.

Подобное сообщение было составлено через двадцать с лишним лет после того, как король Яков парламентским статутом распространил действие статутов о *recusancy* и на католиков, не причащавшихся по официально признанному обряду (*non-communicants*).

В целом же, большая часть католиков, представленных в списках, были именно рекузантами. Число тех, кто отказывался принимать причастие, было сравнительно невелико, что заставляет предположить: данная практика в чистом виде была менее распространенной. Она чаще всего соединялась с *occasional conformity* и таким образом избегала внимания властей.

Хотя в списках рекузантов присутствуют вдовы, в них все же доминируют женатые мужчины — главы домовладений и их жены. Среди них много представителей т.н. приходского джентри — мелких землевладельцев, арендовавших земли у Монтегю. Многие представители этих семей служили в свите виконта. Так, среди рекузантов Мидхёрста и Избурна в 1620-х гг. встречаются Уильямсоны¹³¹, Ардерны¹³², Лэмбы¹³³, Уэббы¹³⁴, Уайтхэйры¹³⁵, Ломары¹³⁶, Хиты¹³⁷, Кафолды¹³⁸ и др. Таким образом, можно констатировать практическое слияние католиков свиты Монтегю с местной католической общиной Мидхёрста.

¹²⁹WSRO, Ep I/23/5. F. 2.

¹³⁰“He hath not received the sacrament for five eyars, whether a recusant or not I refer it to your judgement” // WSRO, Ep II/14/1. Цит. по: Fletcher A. A County Community. P. 95.

¹³¹WSRO, Ep I/23/8. F. 3, 14, 18, 26, 30, 34.

¹³²WSRO, Ep I/23/8. F. 6, 20, 24.

¹³³WSRO, Ep I/23/8. F. 4, 18, 20, 24, 30, 34.

¹³⁴WSRO, Ep I/23/8. F. 14, 18, 20, 26, 34.

¹³⁵WSRO, Ep I/23/8. F. 26.

¹³⁶WSRO, Ep I/23/8. F. 30.

¹³⁷WSRO, Ep I/23/8. F. 26.

¹³⁸WSRO, Ep I/23/8. F. 30. Упомянувшийся выше Ричард Лэмб женился на Констансе Кафолд.

Исследования, посвященные католикам из северных приходов (Йоркшир), показывают, что соседи порой предпочитали не доносить на глав домовладений как на рекузантов, поскольку в противном случае эти люди исключались из приходской жизни, а оставшихся домовладельцев было слишком мало для того, чтобы заполнить местные должности и заплатить налоги на поддержание церкви и помощь бедным¹³⁹. В Мидхёрсте подобной картины не наблюдается; следовательно, можно заключить, что вокруг было достаточно протестантов или, по крайней мере, католиков-конформистов, чтобы заполнить ими приходские должности, а само графство Сассекс было более смешанным в конфессиональном отношении.

Как можно объяснить рост числа рекузантов среди арендаторов и соседей Монтегю? Можно выделить несколько факторов, оказавших воздействие на ситуацию. Во-первых, гонения на католиков в царствование Якова I перестали быть столь интенсивными, как в 1580—1590-х гг. Попасть в список рекузантов теперь стало безопаснее, хотя вряд ли дешевле: штрафы стали взиматься более регулярно, поскольку при новом короле из средства устрашения и принуждения католика к подчинению законам страны они превратились в способ пополнения казны. Соответственно, и учет стал более внимательным, что отчасти объясняет удлинение списков.

Кроме того, прекращение серьезных преследований означало и более благоприятные возможности для работы священников-миссионеров, которые уже с 1580—1590-х гг. проповедовали своей пастве превосходство *recusancy* над *occasional conformity*. Несомненно, рост числа рекузантов вокруг Мидхёрста стоит отнести на счет успеха их пастырских усилий.

Однако необходимым условием для такого успеха было наличие католического поместья, вокруг которого могли группироваться рекузанты. В Сассексе эту функцию выполняли, прежде всего, поместья Монтегю. Наличие там постоянных капелланов и организация регулярных проповедей (см. часть III, главу I), а также уже отмеченная связь между свитой виконтов и католическими семьями округа обеспечивало доступ католиков к проповеди *recusancy*. А присутствие влиятельных магнатов обеспечивало местным католикам покровительство. Речь здесь идет не столько о прямой защите от преследований (хотя и она была важна), сколько о карьере. Католики-рекузанты в силу своего выбора оказывались лишенными возможности делать обычную карьеру в качестве местных магистратов; далеко не все протестанты желали брать католиков в услужение. Соответственно, католические магнаты оказывались для них главными работодателями: представители мелкого дворянства становились членами свиты, а католики-простолюдины — слугами более низкого ранга. Исчезновение католи-

¹³⁹Sheils W.J. Catholics and Their Neighbours in a Rural Community: Egton Chapelry, 1590—1780 // Northern History. 1998. Vol. 34. P. 109—133; *Idem*. Household, Age and Gender Among Jacobean Yorkshire Recusants // Catholics of Parish and Town, 1558—1778 / Ed. by M. Rowlands. Wolverhampton, 1999. P. 131—153; *Idem*. “Getting On” and “Getting Along” in Parich and Town: Catholics and Their Neighbours in England // Catholic Communities in Protestant States. P. 67—83, оsob. P. 69—71.

ческого поместья немедленно сказывалось на числе рекузантов. Так, после смерти леди Магдален Монтегю в 1608 г. ее внук практически не бывал в Бэттле. В результате к 1626 г. в городке, который раньше именовали «Малым Римом», осталось всего 6 рекузантов¹⁴⁰. Остальные же вернулись к практике «церковного папизма», тем самым вновь показав, какой подвижной и проницаемой была граница между двумя этими состояниями.

Обращение к религиозным и социальным практикам католиков из семьи Монтегю, их свиты и арендаторов позволяет прийти к заключению, что граница между *recusancy* и церковным папизмом/конформизмом оставалась проницаемой на всем протяжении рассматриваемого периода, т.е. второй половины XVI—первой трети XVII в. Католики переходили от одной практики к другой, и обратно, под влиянием множества факторов, составлявших уникальное сочетание побудительных мотивов в каждом отдельном случае. При этом и рекузанты, и «церковные паписты» считали себя католиками, и воспринимались другими в качестве таковых. Поскольку практика *recusancy* была принята далеко не всеми католиками, а конформисты составляли аморфную группу, в которой порой трудно бывает отличить католиков от протестантов, обе эти практики не способны стать критериями определения конфессиональной принадлежности. Более того, даже отказ от причащения по протестантскому обряду таким критерием быть не может: хотя порой католики и пытались последовательно придерживаться этого правила (как первый виконт Монтегю), в большинстве случаев мы имеем дело с эпизодами в сложной траектории движения католиков от конформизма к *recusancy* и обратно. Довольно часто, как мы видели, конформизм был полным, т.е. включал в себя и причащение по протестантскому обряду.

Таким образом, критерии определения конфессиональной принадлежности, исходящие из определений, рожденных в контексте права или религиозной полемики, не являются эффективными. В конечном итоге, принадлежность человека к конфессиональной группе, будучи внешним проявлением его/ее религиозных чувств, требует декларации или жеста, т.е. демонстрации. Такой демонстрацией должно было быть участие в таинствах католической церкви. Парадоксом истории английских католиков — и других преследуемых меньшинств — являлось то обстоятельство, что подобная демонстрация, публичная по сути, могла иметь место лишь в приватном пространстве (доме католика) и должна была скрываться (подробнее об этом см. часть III).

Отчетливо проявилась и другая тенденция — рост числа рекузантов в XVII в., особенно в конце царствования Якова I и в правление его сына, Карла I. В этот период преследования католиков перестали быть такими интенсивными, как в XVI столетии, к тому же проявились плоды пастырской деятельности двух поколений священников-миссионеров. В начале XVII в. отношение к *recusancy* было переосмыслено, причем как властями, так и самими католиками. В правление Елизаветы

¹⁴⁰Fletcher A. A County Community. P. 98.

ты граница между *recusancy* и «церковным папизмом» была, по сути, границей между лояльностью и изменой королеве. Неудивительно, что большинство католиков предпочитало демонстрировать лояльность хотя бы эпизодическими появлениями в церкви. При первых Стюартах такое толкование *recusancy* оказывалось возможным в краткие периоды кризисов (например, в 1606—1610 гг.), и тогда многие католики, в том числе и представители семейства Монтегю, предпочитали проявлять лояльность через присутствие на службах. Постепенно конформизм переставал быть защитой от преследований (они и так сходили на нет), превращаясь в критерий «допуска» к власти — выборным должностям в графстве, придворным должностям, т.е. возможности карьеры.

Как и прежде, практика *recusancy* понималась как более совершенный образ жизни для христианина-католика. Но если в XVI в. эпизодическое присутствие в церкви могло объясняться страхом перед преследованиями (и имело под собой каноническое обоснование), то теперь ситуация изменилась. Выбор «церковного папизма» в условиях, когда дворяне за определенную сумму могли достичь прекращения преследований (получить королевское прощение) подразумевал выбор между христианской добродетелью и соображениями карьеры.

Для католиков-простолюдинов выбор *recusancy* объяснялся наличием рядом с ними поместий, или хотя бы ферм других католиков, обеспечивавших им присутствие католических проповедников, объяснявших им важность добродетельной жизни, а также и трудоустройство. Для католиков-фермеров и мелких дворян, не претендовавших на публичную карьеру, такой выбор также оказывался возможным при наличии рядом католиков-покровителей, или хотя бы отсутствии слишком рьяных лордов-протестантов по соседству.

Но для дворян выбор *recusancy* означал отказ от политической карьеры. Большинство мужчин-глав семейств скорее оказывались конформистами. А дань добродетели при этом отдавала жена, не посещавшая церковные службы и не водившая в церковь детей. Глава семейства при этом «жертвовал» своей добродетелью во имя сохранения статуса семьи. Примеру второго виконта Монтегю, избравшего путь *recusancy*, дворяне-католики следовали не слишком часто. Особенно это касается титулованных дворян, которым полагалось управлять страной. Подавляющее большинство католиков среди дворян-аристократов и в первой половине XVII в. оставались конформистами и возвращались к практике *recusancy*, выйдя в отставку (Калверт, барон Балтимор), или перед смертью (Томас Ховард, граф Эрендел), когда пора было и «о душе подумать».

Филипп Ховард, граф Эрендел, выбрал *recusancy* в 1585 г. и поплатился за это свободой, а, в конечном счете, и жизнью (он умер в тюрьме). И хотя его биография, составленная капелланом его вдовы в 1630 г., представляла его в качестве образца добродетели, почти никто среди пэров-католиков, не желал следовать его примеру. Кроме Монтегю, рекузантами в палате лордов были только лорд Вокс из Хэрроудена и лорд Петер. Оба они, как и сам второй виконт, поставили личную добродетель выше карьеры.

Жизненные циклы и религиозные ритуалы

Каждая стадия жизненного цикла в традиционном обществе, каковым являлась Англия раннего Нового времени, сопровождалась ритуальными действиями, социальными и религиозными. За рождением ребенка следовало его крещение, брак заключался в ходе церковной церемонии, а уход из земной жизни завершался заупокойной службой. Все эти церемонии были призваны объединить членов местного сообщества (прихода), одновременно пере/определив их место внутри его рамок¹.

В конце XVI—XVII вв. католики, как и другие религиозные меньшинства, оказывались в двусмысленном положении: с одной стороны, они являлись членами Католической церкви, и участие в ее ритуалах — крещении, венчании и заупокойной службе — были призваны продемонстрировать это. Но с другой стороны, они же являлись и членами местных сообществ — приходов, связи с которыми через узы кровного и духовного родства, дружбы и соседства, строились на протяжении десятилетий.

¹ van Gennep A. *The Rites of Passage*. Chicago, 1960. (French edition — 1908). О ритуалах жизненного цикла (*rites of passage*) в Европе раннего Нового времени см.: Ariès P. *L'Homme devant la mort*. Paris, 1977 (русский перевод — Арвес Ф. *Человек перед лицом смерти*. М., 1992); Bossy J. *Blood and Baptism: Kinship, Community and Christianity in Western Europe From the Fourteenth to the Seventeenth Centuries // Sanctity and Secularity: The Church and the World / Ed. by D. Baker*. Oxford, 1973. P. 129—143; *Idem*. *Christianity in the West, 1300—1700*. Oxford, 1985; Coster W. *Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England*. Aldershot, 2002; Cressy D. *Birth, Marriage & Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England*. Oxford, 1997; Gitting C. *Death, Burial, and the Individual in Early Modern England*. L., 1984; *Essays on the Ritual of Social Relations / Ed. by M. Gluckman*. Manchester, 1962; *The Place of the Dead: Death and Commemoration in early Modern Europe / Ed. by B. Gordon and P. Marshall*. Cambridge, 2001; *Death, Ritual and Bereavement / Ed. by R. Houlbrooke*. Oxford, 1989; Karant-Nunn S.C. *The Reformation of Ritual: An Interpretation of Early Modern Germany*. L., 1997; Klapisch-Zuber C. *Women, Family and Ritual in Renaissance Italy*. Chicago, 1985; Koslofsky C. *The Reformation of the Dead: Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450—1700*. N.Y., 2000; Marshall P. *Beliefs and the Dead in Reformation England*. Oxford, 2002; Muir E. *Ritual in Early Modern Europe*. Cambridge, 2005; Roper L. *Going to Church and Street: Weddings in Reformation Augsburg // Past and Present*. 1985. Vol. 106. P. 62—101; Strocchia S.T. *Death and Ritual in Renaissance Florence*. Baltimore, 1992; Tarlow S. *Ritual, Belief, and the Dead in Early Modern Britain and Ireland*. Cambridge, 2011.

Каким образом принадлежность к иной конфессии сказывалась на взаимодействии с местным сообществом, выраженным в основных ритуалах жизненного цикла²? В своем масштабном исследовании, посвященном ритуалам в жизни Англии XVI—XVII вв. Дэвид Кресси, встраиваясь в давнюю академическую традицию³, утверждал: ритуалы обнажают нервы сообщества, обнажают скрытые трещины и являются потенциальной, а порой и вполне реальной ареной для проявления разногласий и конфликтов⁴. В какой степени данное утверждение верно применительно к английским католикам, находившимся одновременно и внутри, и вне прихода? Ответу на этот вопрос и посвящен данный раздел. В нем проанализированы стратегии взаимодействия католиков — членов семьи и свиты виконтов Монтегю и их арендаторов — и приходской общины, проявленные в их отношении к религиозным ритуалам, окружавшим крещение детей, заключение браков и похороны во второй половине XVI—первой трети XVII в. в сопоставлении с данными исследований, посвященных другим регионам Англии, где проживали большие католические общины.

§ 1. Крещение детей

Крещение позволяло детям войти в сообщество христиан и одновременно делало их членами местного сообщества — прихода, игравшего важнейшую роль практически во всех сферах жизни: через приход собирали налоги и ополчение, оказывалась помощь нуждающимся, приход во многом определял идентичность человека раннего Нового времени.

Согласно закону, крещение младенца должно было совершаться публично, в приходской церкви, не позднее чем в ближайшее воскресенье или праздничный день после его рождения (если обстоятельства не требовали немедленного крещения, подробнее см. ниже). В елизаветинский период детей обычно крестили через два-три дня после рождения, однако к концу XVII в. цезура между родами и крестинами составляла в среднем восемь дней⁵.

С 1538 г. имена всех детей, крещенных в приходе, должны были вноситься в приходский регистр. Отсутствие подобной записи означало, что человек в глазах закона просто не существовал и не мог унаследо-

² Ритуалы жизненного цикла, перехода от одного возраста и социального состояния в другой, не исчерпываются, конечно, теми, что связаны с рождением, браком и похоронами. Однако данная глава исследует те из них, которые предполагали церемонии, совершавшиеся в церкви, побуждая тем самым католиков вступать во взаимодействие с приходом и как с сообществом соседей и родственников, и как с общиной верующих.

³ См., например: *Gluckman M. Les rites de passage // Essays on the Ritual of Social Relations / Ed. by M. Gluckman. Manchester, 1962. P. 1—52.*

⁴ *Cressy D. Birth, Marriage and Death. P. 1—4*

⁵ *Cressy D. Birth, Marriage and Death. P. 101; Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 51—57.*

вать имущество. В 1606 г. был введен штраф в размере 100 фунтов, который должен был взиматься с родителей ребенка в том случае, если последнего не крестил в церкви законный (т.е. протестантский) священник. Штрафы могли заменяться конфискацией 2/3 движимого и недвижимого имущества, по желанию короля⁶.

Таким образом, страх перед преследованиями, утратой имущества и статуса, должен был подвигнуть католиков к подчинению закону. Существовали и мотивы иного рода: нарушение закона страны, предписанного парламентским статутом, превращало католиков в мятежников, что непросто было совместить с христианской добродетелью смирения и подчинения власти. К тому же главным требованием к жизни христианина была любовь к ближнему, проявлением которой в социальной жизни являлось сохранение мира в рамках локального сообщества (=прихода) и помощь его членам. Разрыв же связей с приходским сообществом, выразившийся в отказе крестить детей в церкви означал бы, помимо прочего, и демонстрацию враждебности по отношению к соседям, родственникам и друзьям.

С другой стороны, крещение ребенка по протестантскому (англиканскому) обряду создавало сложности иного рода: для католиков обряд был «еретическим», и возникали вопросы относительно его действительности. Англиканский обряд не включает в себя молитву запрещения злых духов (ее опустили как «суеверие»), поэтому многие родители опасались, что их дети были крещены «не полностью», или не крещены вовсе. Таким образом, родители-католики сталкивались с серьезной проблемой каждый раз, как им приходилось крестить своих детей.

Английские католики и крещение детей: варианты социальных стратегий.

Закон предписывал крещение детей в приходской церкви, совершенное приходским священником. В начале царствования Елизаветы I, в 1560—начале 1570-х гг., среди приходских священников было немало таких, кто, формально приняв протестантизм, склонялся к «старой вере». Таких священников было относительно несложно убедить совершить католический обряд, или даже подкупить для этого⁷. Однако с течением времени старшее поколение священников естественным путем исчезло, уступив свои места в приходах выпускникам университетов, являвшихся протестантами по убеждению. С их появлением в приходах (в 1570-х гг.) крещение в церкви подразумевало исключительно протестантский обряд.

Как уже отмечалось, католики имели большие сомнения относительно каноничности такого обряда. Католические священники, нелегально

⁶ Statutes of the Realm. Vol. IV. P. 1074—1075; Русский перевод: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. Приложение III. С. 289—293.

⁷ Haigh C. English Reformations. P. 256.

выполнявшие свои пастырские функции в Англии, обязаны были отговаривать католиков от подобных действий. Вместе с тем даже среди католического духовенства не было единого мнения относительно допустимости протестантского обряда. Так, в пособии по моральной теологии 1580-х гг. приводятся два варианта ответа на соответствующий вопрос. Один из них гласит, что если при совершении протестантского обряда не было зачитано некоего расширенного символа веры, включавшего в себя отрицание ряда положений католического учения (чего обычно не происходило), то в таком случае согласие родителей-католиков на крещение ребенка по протестантскому обряду не являлось грехом, хотя могло и вызвать скандал и соблазн в рядах католиков. Подразумевалось, что опущенные в протестантском обряде части (вышеупомянутая молитва запрещения злых духов) должна была быть восполнена католическим священником⁸. Однако мнение лидера миссии кардинала Аллена было иным: позволить крестить ребенка по «еретическому» обряду значило совершить тяжкий грех⁹.

На практике, впрочем, католические священники занимали более гибкую позицию, хорошо осознавая невозможное положение, в котором оказались миряне-католики. Так, в довольно распространенных ситуациях, когда женщина-католичка рожала ребенка в доме родственников-протестантов (женщины, особенно дворянки и богатые горожанки, предпочитали рожать детей, чаще всего первенцев, в родительском доме, окруженные заботой матери и/или сестер и других родственниц), допускалась возможность протестантского крещения, поскольку в таком случае родители не могли полностью контролировать ситуацию. Но подобное допущение подразумевало грех, хотя и простибельный, и в нем надлежало каяться; ребенок же должен был быть как минимум представлен католическому священнику, который читал над ним опущенные в протестантском обряде молитвы¹⁰.

Руководства по моральной теологии, представляющие собой сборники ответов на вполне реальные вопросы, задававшиеся мирянами своим духовным наставникам, косвенным образом указывают и на другие варианты поведенческих стратегий. Так, в уже процитированном сборнике приводится вопрос: может ли католик позволить крестить своих детей сначала дома, по католическому обряду, а потом отнести его в церковь еретиков с тем, чтобы над ним внешне совершили еретическую церемонию?¹¹ Речь, таким образом, идет о двойном крещении. Оно было возможно в двух вариантах; в первом случае католическое крещение дома предшествовало публичному совершению протестантского обряда, во втором же католическое крещение совершалось после протестантского, причем священник обязан был доба-

⁸ *Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 99.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Bossy J. English Catholic Community. P. 134—135.*

¹¹ *Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 99.*

вить формулу: «в случае, если ты не крещен [правильно], я крещу тебя <...> во имя Отца, и Сына, и Святого духа». Подобная практика была известна еще со времен правления Марии Тюдор, когда в Англии впервые возник вопрос о том, каноничны ли крещения, совершенные по протестантскому обряду¹².

В условиях преследований сведения о том, как именно совершались запрещенные законом католические крещения, фиксировались редко; они отрывочны, и по ним практически невозможно производить подсчеты. Тем не менее, можно предположить, что первый вариант — католическое крещение дома и публично совершенный протестантский обряд — был особенно распространен в знатных католических семьях. Они, как правило, обладали достаточным влиянием для того, чтобы держать в доме католических капелланов (замаскированных под секретарей, наставников детей и т.п.). Наличие священников подразумевало возможность совершить католический обряд «по требованию». Вместе с тем для дворян и в особенности титулованных аристократов крестины являлись одним из способов утверждения высокого социального статуса семьи, через включение ее нового члена не только в христианское сообщество, но и в круг пэров Англии. Необходимо было продумать состав гостей и крестных родителей ребенка, в число которых обычно включали влиятельных родственников (невзирая на их конфессиональную принадлежность), и даже королеву.¹³ А уж ее присутствие на церемонии подразумевало обязательное совершение протестантского обряда.

Практика двойного крещения, впрочем, была доступна далеко не всем католикам; она оказывалась неприемлемой для простолюдинов, которые в силу своего статуса вряд ли могли позволить себе содержать капеллана. В условиях гонений католики порой не видели священника месяцами, и быстрое совершение таинства крещения зачастую оказывалось невозможным¹⁴.

Кроме того, каноничность двойного крещения изначально ставилась под сомнение католическими богословами. Официальной политикой миссии было поощрять крещения, совершенные в частных домах католическими священниками¹⁵. Родители при этом должны были столкнуться с последствиями своих действий: подвергнуться преследованиям, уплатить большие штрафы, а то и побывать в тюрьме. Кроме того, им надлежало еще изыскать возможность внести имена детей в приходский регистр, если они не желали лишить их наследства.

Столкновение с законом в таких случаях делало католиков «видимыми» для историков, поскольку конфликты подобного рода рассматри-

¹² Ibid. P. 32.

¹³ Cressy D. Birth, Marriage and Death. P. 149—161; Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 195—221.

¹⁴ Bossy J. English Catholic Community. P. 135.

¹⁵ Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 35.

вались в суде и документировались. В данном разделе сопоставлялись сведения о наиболее «католических» районах Англии — Йоркшира, исследованного Х. Эвелингом, и Сассекса. Такие случаи действительно имеются. Так, в 1580 г. Хью Мэнуэлл был арестован в Йорке за то, что его ребенок был крещен в частном доме и, как подозревали власти, католическим священником. В том же году беременную католичку Энн Кук, содержащуюся под стражей в городской тюрьме, выпустили из заключения на время родов, и взяли с ее семьи большой залог как гарантию в том, что она вернется в тюрьму, а новорожденный будет крещен в церкви. В 1584 г. аналогичное обязательство в отношении своего еще нерожденного ребенка был вынужден дать суконщик Джордж Холл. В 1599 г. Томас Баркер и его жена Томазина отказались крестить ребенка в приходской церкви. Тогда же в тюрьму была отправлена известная католичка Энн Пул, ребенок которой не был крещен по англиканскому обряду. А в 1640 г. в ходе визитации архиепископа выяснилось, что дети Джона Редмана не были крещены в его приходской церкви, так же, как и ребенок Джона Хемсуорта¹⁶. Примеров из Сассекса, а точнее, из приходов, патроном которых являлись Монтегю, и того меньше. Осенью 1621 г. церковные старосты прихода Мидхёрст сообщали, что дети Ричарда Шеперда, а также Николаса Данкелла не были крещены в церкви¹⁷. А в 1622 г. представителям епископа было сообщено о Томасе и Агнес Смит из прихода Кокинг — известных католиках, несколько раз уже представивших перед судом за отказ от причастия (в приходской церкви). Они не крестили своего новорожденного ребенка в церкви, и соседи подозревали, что крещение совершил католический священник¹⁸.

Удивляет не само наличие подобных случаев, а, скорее, тот факт, что их было так мало. Ведь после принятия статута 1606 г., введившего штраф за тайное крещение, епископы в своих инструкциях для визитаций предписывали своим представителям особо расспрашивать обо всех случаях крещений, совершавшихся вне церкви (Кентербери, 1605 г.; Йорк, 1607, 1628—1629 гг.; Лондон, 1605, 1612, 1640 гг.; Бат и Уэллс, 1606 г.; Линкольн, 1607, 1634 гг.; Дарэм, 1607 г.; Лестер, 1613 г.; Норич, 1619 г.; Глостер, 1612, 1622 гг.; Солсбери, 1635 г.; Оксфорд, 1619 г.; Чичестер, 1628 г.; Бристоль, 1631 г.; Бангор, 1634 г.; Херефорд, 1635 г.; Сент-Асаф, 1637 г.)¹⁹. И тем не менее, случаи крещения вне церкви единичны, тогда как списки католиков, отказывавшихся присутствовать на протестантской литургии и готовых платить за это имуществом и свободой, состояли из сотен, если не тысяч имен. Но имена их

¹⁶ *Aveling H., O.S.B. Catholic Recusancy in York, 1558—1791. St. Albans, 1970. Vol. 2. P. 193—198, 214, 241.*

¹⁷ WSRO, Ep I/23/8. F. 14.

¹⁸ *Ibid.* F. 18, 22

¹⁹ *Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church / Ed. by K. Fincham. Woodbridge, 1994. Vol. I. P. 4, 26, 39, 55, 70, 100, 122, 137, 157, 188, 204; Woodbridge, 1998. Vol. II. P. 24, 35, 56, 85, 116.*

детей в подавляющем большинстве случаев оказывались включенными в приходские регистры в разделе крещений. Как они туда попадали?

Кому-то удавалось добиться внесения имен детей в регистр, подкупив приходского священника и церковных старост²⁰. Но подобный вариант действий требовал как минимум наличия значительных средств и влияния в приходе и поэтому был недоступен католикам-простолыдинам. Кроме того, подобные ситуации вызывали подозрения соседей, поэтому шансы на то, что кто-либо из них донесет властям, также были весьма высоки.

Однако существовал и еще один путь, открытый для всех: крещение, совершенное мирянами. Учение католической церкви утверждало необходимость крещения для спасения души, т.к. они смывает первородный грех. Поэтому в средние века детей предпочитали крестить вскоре после рождения (Флорентийский собор, канон от 4 февраля 1442 г.). Это же правило сохранялось и в пост-Тридентскую эпоху. Совершить таинство в случае необходимости мог любой — священник, если таковой оказывался в пределах досягаемости, повитуха, один из родителей (отец), посторонний, даже еретик или нехристианин (Тридентский собор, сессия 7 (3 марта 1547 г.), декрет 1 о таинствах). Главным в данном случае оказывалась не личность совершавшего таинство, а его/ее намерение «сделать то, что делает церковь» и произнесение правильной формулы: «Я крещу тебя <...> во имя Отца, Сына, и Св. Духа». Если ребенок выживал, повитуха или крестные приносили ребенка в церковь, где священник читал молитву запрещения злых духов.

Англиканская церковь признавала практику совершения обряда крещения мирянами, а традиционная формула крещения вошла в Книгу Общих Молитв. В случае крещения ребенка дома (мирянином) повитуха должна была принести затем младенца в церковь и, стоя на пороге, дать клятву в том, что ребенок был крещен ею (или кем-либо еще в ее присутствии) дома, т.к. имелась угроза для его жизни. После этого застор благословлял ребенка и вносил имя в приходский регистр²¹.

Отношение церкви — и католической, и англиканской — к подобной практике оставалось двойственным. Протестантские богословы-англичане могут быть поделены на несколько групп, в зависимости от их принадлежности к тому или иному течению богословской мысли. Те из них, кто считал крещение необходимым условием спасения души, были склонны допускать совершение таинства мирянами в крайних обстоятельствах, однако многие из них возражали против того, чтобы таинство совершалось женщинами. Другие же считали крещение лишь внешним знаком вхождения младенца в общество верующих и настаивали на публичной церемонии, которая обязательно должна была совершаться в церкви. Несмотря на продолжительные споры, практика крещения мирянами сохранялась в Англии до XIX в.²²

⁰ Bossy J. English Catholic Community. P. 134.

¹ Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 68—70.

² Cressy D. Birth, Marriage, and Death. P. 117—123.

Католическое духовенство также неоднозначно относилось к данной практике. У канонистов-католиков возникало два вопроса: один, как и у многих протестантов, касался факта совершения таинства женщинами. Второй же затрагивал другой аспект проблемы. Что именно можно было считать крайними обстоятельствами? Случай, когда ребенок рождался слабым, и возникали опасения за его жизнь, был достаточно очевидным. Но можно ли было считать крайним обстоятельством угрозу для души ребенка — а именно, перспективу претерпеть протестантское крещение? В руководствах по моральной теологии, предназначенных для студентов английских семинарий говорилось, что миряне могут совершить крещение, только если ребенку угрожает смерть. Во всех остальных случаях родители были обязаны обеспечить ему католическое крещение и смириться с последствиями²³. На практике, однако, подход католических священников оказывался более гибким. А крещения, совершенные мирянами, стали весьма распространенным способом выхода из ситуации.

Джон Босси утверждал, что мирянам до XVIII в. было неизвестно правило, допускавшее крещения, совершенные любым мирянином (в том числе отцом), а не только повитухой²⁴. Это утверждение некорректно. Известен ряд подобных случаев (хотя Босси, возможно, о них и не знал). Один из них (виконт Монтегю, 1594 г.) будет подробно рассмотрен ниже. Тем не менее, таких эпизодов немного. Причиной тому не только, и не столько, незнание канонического права, сколько вполне прагматические соображения. Мирянин должен был совершить крещение быстро, практически сразу после рождения ребенка. Ведь если рождение и крещение отстояли друг от друга по времени, совершавшему обряд трудно было утверждать, что ребенок был крайне слаб и мог умереть. А сразу после рождения ребенок был окружен женщинами — повитухами, родственницами и подругами (или даже патронессами) матери, пришедшими помогать принимать роды (обычная для Средних веков практика благотворительности)²⁵. Мужчине в первое время практически не было доступа в этот женский мир, а его попытка вмешательство немедленно вызывала нежелательный интерес властей.

Поэтому в большинстве случаев крещения мирянами обряд выполняли повитухи или другие женщины из числа присутствовавших при родах. Власти осознали, как трудно контролировать такие крещения. Ведь не было никакой возможности проверить, на самом ли деле ребенок находился при смерти, и как именно протекал обряд крещения (не произносились ли католические молитвы). Поэтому всех английских повитух обязали получать лицензию у епископа и приносить клятву в том, что они будут крестить детей в соответствии с предписаниями Книги Общих Молитв, и только в случае крайности. На практике же подавляющее большинство повитух работало без лицензии, что выяви-

²³ *Holmes P. Elizabethan Casuistry.* P. 35.

²⁴ *Bossey J. English Catholic Community.* P. 135.

²⁵ *Cressy D. Birth, Marriage, and Death.* P. 55—79.

ла, например, епископская визитация 1579 г. в Сассексе (Чичестерская епархия)²⁶. Часть из них не желала приносить клятву, содержащую отрицание католического учения. И практически все они не желали платить довольно большой взнос за лицензию.

Что же касается женщин, оказывавших помощь при родах, то поскольку они не зарабатывали этим на жизнь, то и не нуждались в лицензиях. Таким образом, контролировать их было совершенно невозможно. Биографии женщин-католичек свидетельствуют о том, что оказание помощи при родах было распространенной практикой. Примечательно, впрочем, что, говоря об этом, биографы — католические священники — не упоминают о совершении обряда крещения. О совершенных ими крещениях мы, как правило, узнаем из других источников²⁷.

Крещения, совершенные женщинами-католичками, были, по всей видимости, широко распространены. Однако провести точные подсчеты трудно из-за особенностей источников. Упоминаний о подобных крещениях много, но они рассыпаны по различным текстам и порой случайны. Официальные документы не учитывали подобные случаи (собственно, в этом и был весь смысл практики), приходские регистры, как правило, не делали различия между детьми, крещеными в церкви или дома²⁸. Лишь иногда (после 1606 г., и то далеко не всегда) подобные ситуации упоминаются в материалах визитаций. В силу этого обстоятельства ряд историков (Костер, Босси) считали случаи крещения женщинами редкими и нетипичными²⁹. Подобная оценка, как представляется, некорректна. Ведь сведения, предоставляемые материалами визитаций — лишь верхушка айсберга; большая же часть крещений, совершенных женщинами, не фиксировались.

Католические источники (клерикального характера) тоже не спешили описывать подобные случаи. Причиной тому — как сомнения в каноничности таких крещений, так и часто раздававшийся в адрес религиозных меньшинств упрек в том, что они подрывают общественный порядок и семейные устои, а женщины в их общинах выходят из-под контроля. Поэтому католические полемисты в своих сочинениях предпочитали рисовать идеальную картину отношений мирянок и клириков, где первые во всем подчиняются последним и уж точно не вторгаются в область сакрального — совершения таинств³⁰. Тексты же, не предназначенные для публикации и не носившие полемического характера (например, хроники английский женский монастырей на кон-

²⁶ Ibid. P. 67—68.

²⁷ Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI—начала XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. Вып. 12. С. 118—144, особ. С. 143—144.

²⁸ Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 68.

²⁹ Bossy J. English Catholic Community. P. 135; Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 69.

³⁰ Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008. Вып. 15. С. 52—99.

тиненте, обычно содержавшие сведения о происхождении монахинь и об их семьях) подробно рассказывают о подобных случаях, более того, описывают ситуации, когда повивальные бабки стараются обратить рожающую женщину в католичество, а потом крестят ребенка³¹. На практике подобная «аномалия» поощрялась католическим духовенством, поскольку она обеспечивала жизнеспособность католического сообщества в условиях преследований. Крещение, совершенное женщиной, оставляло родителям пространство для маневра. Ведь формула крещения, совершавшегося мирянином/мирянкой, была, по сути, неконфессиональной, приемлемой и для католиков, и для протестантов. Впоследствии такое крещение могло по желанию родителей быть дополненным молитвами запрещения злым духам, так что ребенка можно было считать настоящим католиком. Одновременно этот ребенок без затруднений вписывался в приходский регистр и таким образом становился членом местного сообщества — прихода³².

Семья Монтегю и практика католических крещений

Первый виконт Монтегю и его братья и сестры родились до изменения официально принятого богослужения и были крещены по католическому обряду. То же самое применимо и к его детям, родившимся до 1559 г. Первенца, Энтони, и его сестру-близнеца Мэри, тоже, по сути, крестили по католическому обряду: Книга Общих Молитв 1549 г. фактически представляла собой перевод католической службы на английский, а дети родились и были крещены летом 1552 г., т.е. до вступления в силу новой редакции служебника, переделанного в протестантском духе.

Сведения о том, как происходили крещения членов семьи Монтегю позднее, практически отсутствуют, за редкими исключениями, о которых пойдет речь ниже. Но само отсутствие этих сведений указывает, скорее, на «обыкновенность» этих крещений; иначе они попали бы в поле зрения соседей, мировых судей, правительственных агентов, или же враждебно настроенных соседей. Такая «обыкновенность» предполагает обязательное публичное крещение детей и внуков первого виконта в приходской церкви, которое сопровождалось частной церемонией крещения по католическому обряду в доме самого виконта, где присутствовали только члены семьи и свиты.

Практика двойного крещения, протестантского и католического, в семье Монтегю подтверждается тем фактом, что и он сам, и его наслед-

³¹ Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2011. Вып. 19. С. 119—147.

³² О практике крещений, совершенных женщинами-католичками в Англии см.: Серегина А.Ю. Фигура умолчания: женщины и таинство крещения в Англии XVI—первой четверти XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2015. Вып. 23. С. 64—98.

ники — сын и внук — устраивали из крестин публичные празднества, подтверждавшие их статус аристократов и лидеров сассекского дворянства. На празднества приглашались местные дворяне, католики и протестанты. А приглашение последних, в том числе друзей и влиятельных родственников, в качестве гостей и даже крестных родителей, подразумевало публичную протестантскую церемонию. Так, сэр Энтони Браун — сын первого виконта — писал сэру Уильяму Морю:

«Добрый сэр Уильям, Господу было угодно послать моей жене и мне дочь после ее долгих и трудных родов. Поэтому я, считая вас добрым соседом и верным другом, желаю пригласить вас взглянуть на нее и также, приехав завтра дней, помочь сделать ее христианкой»³³.

Подобное послание явно подразумевало приглашение стать крестным отцом. К сожалению, письмо не датировано, поэтому неизвестно, к которой из дочерей сэра Энтони — Дороти, Джейн или Кэтрин — оно относилось.

А в 1593 г. второй виконт пригласил в крестные первенца своего двоюродного дядю, Генри Рэдклифа, графа Сассекса (протестанта). Поскольку граф был немолод и тяжело болен, замещать его на церемонии должен был все тот же сэр Уильям Мор³⁴. Впрочем, младенец умер, срочно окрещенный перед смертью повитухой, и запланированная церемония не состоялась.

Католические крещения тоже имели место. В 1597 г. второй виконт Монтегю заявлял, что был крещен капелланом деда, Альбаном Лэнгдейлом³⁵. Неясно, правда, предшествовала ли католическая церемония протестантской, или же следовала ей. Второй вариант представляется более вероятным, если принять во внимание обстоятельства смерти первенца второго виконта: если бы мальчик был уже окрещен по католическому обряду, не потребовалось бы крещения повитухой, когда возникла угроза для его жизни.

Смерть первенца привела к тяжелому духовному кризису виконта, вынудив его усомниться в правильности избранной его семьей практики.

Крещение Мэри Браун (1594 г.)

В собрании Харли (Британская Библиотека) сохранился протокол допроса виконта от 22 мая 1594 г., на основании которого и реконструируются события. В вину арестованному виконту вменялось то, что он незадолго до этого лично совершил обряд крещения над своей дочерью Мэри, вместо того, чтобы крестить ее в приходской церкви.³⁶

³³ “Good syr William, it hath pleased god to send my wife and me after her long and dangeroug travail a daughter. Wherefre I accounting of you as my good neighbour and assured friend, do desire you to take a piece of her, and also to come tomorrow in the afternoon, to help to make a christian soul of her” // Loseley MS 6729/3/8. F. 121.

³⁴ См. письмо лорда Бакхёрста к сэру Уильяму Морю от 30 июня 1593 г.: Loseley MSS. P. 651.

³⁵ *McCann T.* “The Known Style of a Dedication is Flattery”. P. 397.

³⁶ BL, Harleian MSS, 6998. F. 141—143.

Допрос проводился архиепископом Кентерберийским (Джоном Уитгифтом) и лордом хранителем печати (Джоном Пакерингом). Смерть первенца и наследника вызвала глубокие переживания отца. Виконт счел, что Господь покарал его за слабость. Подобные настроения виконта поддерживал и его друг, член его свиты, и, по всей видимости, авторитет в вопросах веры, сассекский джентльмен Роберт Барнс (известный католик, изрядно пострадавший за свою веру). Тогда же виконт принял решение крестить других детей (если они будут) по католическому обряду.

Однако воплотить это решение на практике оказалось не так-то просто. Следующий ребенок, дочь, родился в мае 1594 г. в Лондоне, в доме Томаса Сэквила, лорда Бакхёрста, отца леди Монтагю (по обычаю, она отправилась рожать в дом родителей), а ее муж находился в родовом маноре Каудрей и прибыл в Лондон лишь спустя почти неделю после родов. Таким образом, о крещении повитухой речь уже не шла. К тому моменту виконт явно уже решил совершить обряд сам, если это потребует, хотя для этого ему потребовались советы друзей, воспоминания о том, как по совету духовника поступала его бабушка, а также изыскания в трудах знатоков канонического права и богословов (виконт назвал труды Роберто Беллармино и Наваррца³⁷).

Примечательно, однако, что, прибыв в Лондон и встретившись с тестем, виконт все-таки попытался уговорить того закрыть глаза на появление в доме женщины-католички, которая совершила бы обряд. И только после решительного отказа тестя (чей кулак в ходе этого разговора оказался в опасной близости от физиономии зятя), виконт окончательно решил совершить обряд сам (закрывать мужу доступ к жене и новорожденной дочери лорд Бакхёрст не счел нужным, да это вряд ли было возможным).

По словам виконта, он крестообразно полил водой лицо девочки и произнес формулу «Я крещу тебя, Мэри, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Читал ли виконт еще какие-нибудь молитвы, или же использовал при совершении обряда какие-либо запрещенные «элементы» (миро, например), неизвестно. Даже если дело обстояло так, виконт на допросе об этом предпочел умолчать, воспроизведя лишь краткую формулу, которая должна была оказаться приемлемой и протестантам. Тем самым, кстати, он подчеркивал, что крещение дочери прошло по правильному обряду, и устранял опасность повторного крещения в англиканской церкви, чему он, будучи под арестом, не смог бы помешать.

Из действий виконта следует, что он, стремясь во что бы то ни стало воспрепятствовать совершению над его дочерью протестантского

³⁷ Речь идет о третьем томе *Disputationes de Controversiis Christianae Fidei adversus hujus temporis Haereticos* (Ингольштадт, 1581—1593) итальянского иезуита Роберто Беллармино, где говорилось о таинствах, а также о трудах испанского канониста Мартина де Аспилкуэты (Наваррца), полное собрание которых было опубликовано в Риме и Лионе в 1590 г.

обряда, счел выходом из положения крещение, совершенное мирянином. Сначала он пытался следовать распространенной среди католиков практике — т.е. побудить женщину (повитуху) совершить обряд. И только когда это оказалось невозможным, он крестил дочь сам, предварительно удостоверившись благодаря чтению книг и консультациям со знающими католиками, что его действия являются законными с точки зрения канонического права.

Но такое крещение делало невозможным публичное крещение в церкви, что, собственно, и вызвало ссору виконта с тестем и привлекло внимание властей к ситуации: ведь трудно было замаять скандал, когда семье виконта пришлось спешно отменять церемонию крестин.

Крещение Мэри Браун попало в исследовательский фокус из-за этого скандала. Но ничего подобного не происходило в связи с крещениями других детей второго виконта, при том, что он и в последние годы царствования Елизаветы I, и позднее находился под наблюдением властей. Остается предположить, что наученный горьким опытом виконт предпочел вернуться к практике двойного крещения, которой придерживались его дед и отец. Возможно также, что виконт раньше, чем многие современники равного с ним статуса перешел к практике домашнего крещения, когда церемония совершалась в доме родителей ребенка и не сопровождалась пышным празднеством, но была ограничена рамками семьи и домочадцев. В такой ситуации виконту было бы легко организовать католическое крещение, ведь в его доме практически всегда были капелланы, а затем, уговорив или подкупив приходского священника, добиться внесения имен детей в приходский регистр.

Члены свиты Монтегю, принадлежавшие к числу католиков, в принципе могли выбирать те же практики. За исключением упомянутых выше случаев, католики, проживавшие в округе Мидхёрста, были в состоянии внести имена своих детей в приходский регистр, так что вопроса о том, где крестили их детей, не возникало. Наличие в резиденциях Монтегю капелланов обеспечивало тем из них, кто имел связи со свитой виконта, возможность двойного крещения детей — публичного в церкви и частного в их домах.

Открытым оставался и вариант крещения детей католиков повитухами, или другими женщинами, помогавшими при родах. В Мидхёрсте были повитухи-католички, способные помочь родителям избежать протестантской церемонии³⁸. Кроме того, леди Магдален Монтегю, супруга первого виконта, оказывала помощь при родах служанкам и дамам своей свиты и совершала обряд крещения в случае необходимости, с благословения своего духовника, Альбана Лэнгдейла. Об этом упоминал на допросе в 1594 г. ее внук³⁹.

Однако и в случае крещения повитухой предполагалась публичная церемония в приходской церкви, в данном случае на ее пороге, в ходе

³⁸ *McCann T.* "The Known Style of a Dedication is Flattery". P. 398.

³⁹ BL, Harleian MS 6998. F. 143.

которой младенец получал благословение священника, а его имя вносили в регистр. Таким образом, можно констатировать: социальные практики, связанные с рождением ребенка в семьях английских католиков, не предполагали их отделения от приходского сообщества, несмотря на конфессиональные различия.

§ 2. Брак

Заключение браков католиков, как и остальных англичан, колебалось между двумя полюсами, определявшимися требованиями властей — церковных и светских, католических и протестантских — сделать церковную церемонию обязательной и публичной, запретом тайных браков, и вековыми традициями браков, заключавшихся в соответствии с общим правом и признававшихся законными.

От средневекового канонического права в Англии XVI в. сохранились два типа брачного обязательства — *verba de futuro* и *verba de praesenti*. В первом случае стороны давали обещание вступить в брак в будущем, т.е. церемония представляла собой обручение. Во втором случае стороны давали обязательства друг другу как муж и жена. Подкрепленный консумацией, такой союз считался нерасторжимым и законным, даже если не было свидетелей принесения брачного обещания⁴⁰.

В конце XVI—XVII вв. европейские правительства боролись с практикой тайных браков, заключенных без согласия родителей. Повсеместно вводились законы, требовавшие обязательного заключения браков в церкви, вне зависимости от того, признавался ли в этой стране брак таинством, или же нет⁴¹.

В елизаветинской Англии желавшие вступить в брак должны были за 3 недели до назначенного для венчания дня объявить в приходской церкви (обычно это был приход невесты) о своем намерении, с тем, чтобы за оставшееся время можно было объявить о канонических препятствиях к заключению союза. Желавшие обвенчаться не в приходской церкви, или же быстрее, чем через три недели, должны были приобрести у архиепископа, епископа или архидиакона специальную лицензию. Брачные лицензии были дорогими, и люди с небольшим доходом не могли себе их позволить⁴².

Что же касается тех, кто по различным причинам заключал брак вне прихода, то им предписывалось получать подтверждение законности брачного союза в церковном суде, причем как при отсутствии свидетелей церемонии, так и при их наличии. В противном случае брак считался не имевшим места, и дети, рожденные в таком союзе, считались незаконнорожденными, и не могли унаследовать имя и имущество ро-

⁴⁰ Aveling H. The Marriage of Catholic Recusants, 1559—1642 // JEH. 1963. Vol. 14. P. 68—83, особ. P. 68—71.

⁴¹ Muir E. Ritual in Early Modern Europe. P. 37—50.

⁴² Cressy D. Birth, Marriage and Death. P. 305—311; 31—329.

дителей. А в 1604 г. был принят статут, предписывавший штрафовать тех, кто вступал в тайный брак (прежде всего, католиков, венчавшихся у католического священника) на 100 фунтов⁴³.

Со своей стороны, руководство Английской миссии предписывало католикам страны избегать заключения брака в приходской церкви. В упомянутом выше руководстве по моральному богословию кардинал Аллен и иезуит Роберт Парсонс советовали католикам венчаться дома, у католических священников:

«Они легко могут избежать неприятностей, связанных с подозрением в совершении прелюбодеяния, потому что всегда могут вызвать свидетелей, которые подтвердят — они поженились законно. Они рискуют лишь показать, что они католики, если так поступят, а этого можно избежать, получив разрешение вступить в брак, где они пожелают, без торжественной церемонии»⁴⁴.

Очевидно, что подобное решение было открыто только для состоятельных католиков. Обращение в суд тоже могло обойтись недешево. Поэтому многие католики-простолюдины либо ограничивались тайным браком — церемонией, совершенной католическим священником в частном доме, или же просто освященным обычаем взаимным обещанием супругов, либо венчались в приходской церкви. Католические миссионеры, несмотря на официальное неодобрение подобной практики, закрывали на нее глаза. В принципе, она не противоречила каноническому праву, поэтому союзы, заключенные в приходской церкви, признавались миссионерами законными.

Кроме того, венчание в приходской церкви избавляло католиков от необходимости нести расходы по судебному разбирательству, и подвергать себя риску, заявляя о том, что их венчал священник-миссионер, чье пребывание в стране само по себе было нарушением закона (так же, как и пособничество ему). За ним могло последовать и католическое венчание — при условии наличия католического священника в округе⁴⁵.

Все эти соображения оказывали воздействие на выбор католиков-простолюдинов. По свидетельству епископа Ричарда Чэлонера, многие из них венчались в приходской церкви даже в 1760-х гг.⁴⁶

У дворян-католиков оказывалось больше возможностей избежать венчания в церкви: они могли позволить себе брачную лицензию, и они зачастую имели в доме капелланов. Однако это совершенно не означает, что все они автоматически выбирали именно этот вариант. Кто-то обходился и вовсе без лицензии, предпочитая католическое бракосоче-

⁴³ *Aveling H. The Marriage.* P. 70.

⁴⁴ “they can easily avoid the unpleasantness of being suspected of adultery because they can easily call witnesses to testify that they have been legitimately married. They only risk showing themselves to be Catholics if they follow this course, and may avoid this by seeking a licence to be married where they wish without solemnity” // *Holmes P. Elizabethan Casuistry.* P. 118.

⁴⁵ *Bossy J. The English Catholic Community.* P. 136.

⁴⁶ *Rowlands M. 1767— Religious Life // Catholics of Parish and Town.* P. 271.

тание дома; об этом, в частности, свидетельствуют исследования Хью Эвелинга, анализировавшего судебные разбирательства в отношении законности тайных браков католиков Йоркшира⁴⁷.

Однако в дворянской среде заключение брака подразумевало альянс между двумя знатными семьями, подтверждавший и укреплявший их аристократический статус и положение при дворе. И в таком случае заключение брака требовалось обставить максимально публично⁴⁸. Свадьбы в дворянских семьях XVI в. подразумевали большие праздники, на которые приглашали все графство, а если речь шла о титулованных особах — весь двор и самого монарха (и его семью). Церковная служба была важной частью этого праздника. И даже если эта служба проходила не в приходской церкви, а в капелле замка, это должна была быть церемония официально признанной церкви. В противном случае о большом празднике пришлось бы забыть. Дворянам-католикам, в том числе и Монтегю, приходилось делать выбор между конфессиональной «чистотой» и подтверждением статуса.

В данном разделе анализируются стратегии поведения членов семьи Монтегю в том, что касалось порядка заключения браков: выявлены практики, которым оказывалось предпочтение, а также показано, как эти практики сменяли друг друга на протяжении XVI—первой половины XVII в.

Семья Монтегю и церемонии венчания в XVI—XVII вв.

Возвышение династии Тюдоров превратило младшую ветвь не слишком знатного рода в придворных. Однако новоиспеченные аристократы нуждались в подтверждении своего статуса. Одним из способов утвердиться на придворной сцене были династические браки (см. часть I, главу I), сопровождавшиеся пышными свадебными празднествами, на которые зачастую приглашались монархи. Так, на свадьбе сводного брата сэра Энтони Брауна, сэра Уильяма Фицуильяма и Мейбл Клиффорд присутствовали Генрих VIII и Екатерина Арагонская (см. выше, часть I, главу II). Менее пышная церемония сопровождала венчание их старшей сводной сестры Энн Браун и Чарльза Брендона в 1507 г. Молодые люди поженились еще в 1506 г., но брак был тайным, и позднее жених попытался его расторгнуть. Но родственникам молодой — и уже беременной — жены удалось доказать законность брака. Чтобы избежать кривотолков, и была организована свадьба, на которую пригласили придворных. Они должны были засвидетельствовать, что молодые венчались в церкви, как подобает (см. выше, часть I, главу II).

Не сохранилось подробной информации о других свадьбах в семье Браун в первой половине XVI столетия. Но учитывая высокий статус брачных партнеров, не приходится сомневаться в том, что эти события превраща-

⁴⁷ Aveling H. The Marriage. P. 64.

⁴⁸ Cressy D. Birth, Marriage, and Death. P. 336—376.

лись в придворные празднества: бракосочетания Элизабет Браун и графа Вустера, сэра Энтони Брауна и Элис Гейдж [1526 г.], сэра Энтони Брауна и Элизабет Фицджеральд [1540 г.], Мэри Браун и лорда Джона Грея из Пирго [1546 г.], сэра Энтони Брауна-младшего и Джейн Рэдклиф [1551 г.].

Все эти празднества, впрочем, имели место еще до радикального изменения порядка богослужения. Ведь даже Книга Общих молитв 1547 г. фактически предлагала лишь английский перевод привычного католического чина венчания. А в конце 1552—начале 1553 г., когда в силе была вторая редакция Книги, протестантская по духу, никто в семье Браун в брак не вступал.

Пик придворной карьеры Монтегю пришелся на правление Марии Тюдор. Именно тогда сэр Энтони Браун получил титул виконта. Королева оказала честь новому члену Тайного совета. Бракосочетание виконта и фрейлины королевы, Магдален Дейкр, состоялось 15 июля 1554 г. в капелле Сент-Джеймского дворца, в присутствии Марии I, ее супруга Филиппа и всего двора⁴⁹. В том же году состоялась и еще одна придворная свадьба — другой фрейлины королевы, Мейбл Браун (сестры виконта) и подопечного Марии Тюдор, молодого графа Килдейра⁵⁰.

Смена официального исповедания в 1559 г. не изменила отношения виконта Монтегю и членов его семьи к свадебным празднествам. Как и прежде, устраивались пышные церемонии, ключевым моментом которых являлась церковная служба, совершавшаяся либо в приходской церкви, либо в капелле одной из резиденций Монтегю. Однако и в последнем случае служба была англиканской, как то и предполагала публичность праздника, и статус приглашенных на него лиц. Так, 19 февраля 1566 г. в лондонской резиденции виконта в Саутуорке (Монтегю-хаус) отпраздновали свадьбу его старшей дочери, Мэри Браун, и молодого графа Саутхэмптона⁵¹. Хотя обе семьи были католическими, они считались лояльными, и праздник почтила своим присутствием королева Елизавета I, что автоматически предполагает протестантскую службу венчания.

Аналогичным образом в присутствии королевы праздновали и двойную свадьбу наследника виконта, сэра Энтони Брауна, и Мэри Дормер, и старшей дочери от второго брака, Элизабет Браун и Роберта Дормера. Дормеры, как и Монтегю, считались лояльными католиками, и свадьба в их семействе предполагала придворное торжество⁵².

И позднее, когда влияние виконта ограничивалось рамками графства, бракосочетания в семье происходили с размахом. Упомянутая выше свадьба 1586 г. была бракосочетанием младшей дочери виконта Джейн с Фрэнсисом Лейконом. Но и для нее отец устроил пышное тор-

⁴⁹ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 8.*

⁵⁰ *Carey V. Surviving the Tudors: the "Wizard" Earl of Kildare and the English Rule in Ireland, 1537—1586. L., 2002. P. 65.*

⁵¹ *Stopes C.C. The Life of Henry, Third Earl of Southampton. P. 501.*

⁵² *Gascoigne G. A Hundreth Sundrie Flowers. L., 1573. P. 380—390.*

жество, пригласив местных дворян, родственников (в том числе и католиков), и епископа Чичестерского, который, по всей видимости, венчал молодых, а затем произнес проповедь⁵³.

Среди приглашенных была сестра виконта, леди Грей, которая в 1570 г. вступила в брак с сэром Генри Капеллом. Второй супруг был конформистом, и венчание, таким образом, было протестантским. Присутствовала на празднике в Каудрей и старшая дочь виконта, графиня Саутхэмптон. Она сама еще дважды вступала в брак, и как минимум одно венчание — с сэром Томасом Хинеджем — состоялось 2 мая 1594 г. в Сауойском дворце, в присутствии всего двора и, вероятно, самой королевы⁵⁴. Ни Хинедж, ни третий муж графини, сэр Уильям Харви, лорд Росс, не были католиками, так что обе церемонии были протестантскими.

По контрасту, внучка виконта, леди Мэри Ризли (дочь графа Саутхэмптона) вышла замуж за лорда Томаса Эренделла из Уардура, получив лицензию (датирована 18 июня 1585 г.), что предполагает католическую церемонию в частном доме, в окружении близких родственников и друзей, а не пышное публичное празднество.

Монтегю, однако, выбирали последнее, предпочитая не соблюдать строгие конфессиональные требования, причем этой практики придерживались и последующие поколения семейства. Сын виконта, сэр Энтони Браун, организовал пышные празднества с венчаниями в приходской церкви для всех своих детей. Правда, к устройству брака старшего сына, Энтони Мария (будущего второго виконта) приложил руку дед. Точно неизвестны детали бракосочетания юноши с Джейн Сэвил, однако можно предположить, что венчание было протестантским, учитывая конформизм семьи невесты и статус ее отца — лорда-лейтенанта графства Сассекс. Брачные церемонии дочерей сэра Энтони имели место в приходских церквях. Так, Дороти Браун в 1590 г. была обвенчана с Эдвардом Ли в церкви Всех душ в Рейвенстоне (Бекингэмшир); венчание Джейн Браун с сэром Фрэнсисом Инглфилдом состоялось 12 мая 1593 г. в церкви Сент-Мэри Сомерсет, в Лондоне. И наконец, Кэтрин Браун обвенчалась с Джоном Трегонуэллом в 1602 г. в церкви Сент-Мэри в Милтон Аббас (Дорсет). Во всех трех случаях девушки выходили замуж за католиков-конформистов, а бракосочетания имели место в поместьях женихов (и детали церемоний, вероятно, были продуманы их семьями).

Мы не располагаем сведениями о том, что перечисленным протестантским церемониям предшествовали или сопутствовали католические венчания, однако учитывая наличие в семьях католических капелланов, это представляется весьма вероятным.

Труднее сделать вывод о том, какой практики придерживался второй виконт. Учитывая его более радикально католические взгляды, можно было бы предположить, что он следовал примеру своих кузенов

⁵³ Holinshed's Chronicle of England, Scotland and Ireland. L., 1808. Vol. IV. P. 901.

⁵⁴ Stopes C.C. The Life of Henry, Third Earl of Southampton. P. 520.

Эренделлов и устраивал частные католические церемонии. Впрочем, такое утверждение представляется не вполне убедительным, по крайней мере, применительно к первым десятилетиям XVII в. Огромные расходы, на которые виконт пошел, представляя ко двору и вывозя в свет старших дочерей Мэри и Кэтрин, указывают на его ожидания «хороших» придворных браков. Обе девушки в 1613 г. вышли замуж за католиков-конформистов, причем муж старшей, Уильям Полет, лорд Сент-Джон, наследник маркиза Винчестера, был именно придворной партией. Скорее всего, это бракосочетание праздновалось при дворе, или, по крайней мере, с множеством гостей-придворных, а такая свадьба, как уже отмечалось, предполагала протестантскую церемонию. Вскоре после свадьбы ходили слухи о том, что леди Сент-Джон может быть назначена хранительницей гардероба королевы Анны вместо другой придворной католички, Джейн Драммонд. Слухи не кажутся такими уж невероятными, учитывая присутствие в свите королевы родственницы, леди Бланш Эренделл. Однако Анна Датская сама была католичкой-конформисткой, и привечала в своем кругу дам-католичек при условии их подчинения законам страны. Одним из признаков, указывавших на возможный конформизм Мэри, леди Сент-Джон, могла быть ее свадьба с венчанием по протестантскому обряду.

Кэтрин Браун вышла замуж за католика-конформиста Уильяма Тирюита из Кеттлби и, вероятно, тоже венчалась по протестантскому обряду, который сопровождался частной католической церемонией.

Католики-конформисты из числа придворных стали чаще прибегать к уловке с приобретением лицензий в 1620-х гг., когда в связи с готовившимся испанским браком наследника престола гонения на них фактически прекратились. Так, второй сын маркиза Винчестера (впоследствии унаследовавший титул), женился в декабре 1622 г. на католичке Джейн Севедж. Пара приобрела лицензию, и церемония бракосочетания была частной — и католической⁵⁵.

Если допустить, что виконт руководствовался подобными же соображениями, то можно предположить — браки его дочерей в 1620-е гг. тоже сопровождалось приобретением лицензий и не предполагали публичных празднеств, а церемонии были католическими (второй брак Мэри Браун, леди Сент-Джон, и Уильяма Эренделла [1621 г.]; венчание Мэри Браун-младшей и лорда Роберта Петера из Риттла [1624 г.] и Фрэнсис Браун и Джона Бломера [1628 г.]). Учитывая то, что все браки предполагали союзы с бескомпромиссными католиками, это представляется вполне вероятным.

Достоверное свидетельство о приобретении брачной лицензии сохранилось лишь в одном случае. В 1637 г. третий виконт Монтегю, Фрэнсис Браун, приобрел лицензию у епископа Лондонского⁵⁶. Церемония его венчания с Элизабет Сомерсет, дочерью маркиза Вустера, со-

⁵⁵ London Marriage Licences, 1521—1869 / Ed. by J. Foster. L., 1887. P. 1069.

⁵⁶ Ibid. P. 196.

стоялась 6 июля 1637 г. и, безусловно, была католической. Но вот частной и ограниченной семейным кругом она никак не была. Пару венчал представитель папы Римского при дворе английской королевы Генриетты-Марии Джордж Кон, а сама церемония имела место в капелле королевы⁵⁷, т.е. по сути являлась придворным праздником, чуть более скромным повторением венчания первого виконта в королевской капелле в 1554 г.

Очевидно, что в случае с брачными празднествами и первый виконт, и его внук, предпочитали оперировать не идеями конфессиональной сегрегации, но категориями социального статуса. Отчасти подобный подход определяется и отношением к браку как таковому. В «Наставлении», обращенном к дочери, второй виконт писал в 1597 г., что таинство венчания не является обязательным для спасения⁵⁸. Возможно, именно поэтому Монтегю с легкостью допускали компромисс в вопросе о венчаниях членов семьи.

§ 3. Похороны

Обряды, связанные со смертью, — заупокойная служба и церемонии, сопровождавшие погребение, — претерпели наибольшие изменения в ходе английской Реформации, в отличие от обрядов крещения и венчания. Признанные английской церковью после 1559 г. церемонии не сильно отличались от католических, вызывая тем самым недовольство радикальных протестантов, но одновременно оказываясь приемлемыми для многих католиков. Однако с похоронами дело обстояло иначе. Реформация отвергла господствовавшие в позднесредневековой религиозной культуре представления о чистилище. Согласно взглядам протестантов, принятым церковью Англии, после смерти души умерших пребывают в своеобразном сне, ожидая Страшного суда, на котором и определится их судьба — рай или ад. Поскольку это решение являлось божественной prerogative, люди никоим образом не могли воздействовать на посмертную судьбу родственников и соседей; молитвы за умерших теряли всякий смысл. Соответственно, погребальная служба была отредактирована таким образом, чтобы убрать из нее все намеки на молитву об усопших⁵⁹.

Для многих католиков поэтому погребальная служба в приходской церкви оказывалась более чем неудовлетворительной. Соответственно, они в гораздо большей степени были склонны избегать протестантской службы, и хоронить своих покойников после заупокойной мессы.

В первое десятилетие правления королевы Елизаветы I достичь этой цели было относительно несложно: священники в большинстве приходов были консерваторами, внешне принявшими требования офи-

⁵⁷ *Albion G. Charles I and the Court of Rome. L., 1935. P. 163.*

⁵⁸ *Instruction to my daughter. Downside Abbey. Gillow Library MS. P. 39—40.*

⁵⁹ *Marshall P. Beliefs and the Dead in Reformation England. Oxford, 2002. P. 124—128.*

циальной церкви. Их можно было убедить (или заставить) хоронить покойников по католическому обряду. В некоторых случаях особого принуждения не требовалось, а священники переходили от католической заупокойной мессы к протестантской церемонии в зависимости от личных предпочтений конкретных прихожан⁶⁰.

К концу 1570-х гг. ситуация изменилась с появлением на исторической сцене нового поколения приходских священников, воспитанных в протестантском духе. Теперь католикам приходилось прибегать к другим способам решения проблемы. Эти способы различались, и зависели от формы компромисса, которого сумели достигнуть жители отдельных приходов. В некоторых случаях, когда соседи следовали принципу *laisser faire*, местные протестанты могли просто закрыть глаза на присутствие католического священника на похоронах. Так, в биографии Дороти Лаусон описываются ее похороны, в ходе которых приходский священник просто уступил свое место католическому капеллану покойной, который и отслужил по ней мессу⁶¹.

В других случаях похороны католиков проходили ночью. В отсутствие приходского священника и местных протестантов дома, или прямо на кладбище, служили заупокойную мессу, после чего тело покойного предавали земле. Порой такие церемонии проходили мирно, а порой протестантов и приходского священника приходилось удерживать за пределами кладбища силой⁶².

И, наконец, еще одним выходом была двойная церемония; в таком случае католическую мессу служили в доме покойного (порой ночью), а затем в приходской церкви проходила протестантская церемония, после чего тело предавали земле по протестантскому обряду, иногда с католическими отступлениями. Такой вариант предпочитали многие состоятельные католики, которые желали устроить своим покойниками торжественные публичные (=протестантские) похороны, но при этом либо держали в доме католического капеллана, либо могли его найти.

Для католиков-простолюдинов такой вариант был не всегда доступен, поэтому им оставалось согласиться на протестантский обряд. При этом католический характер похорон обозначался не во время службы, хотя и это порой случалось, например, в виде отказа от протестантской проповеди, а в ходе процессии, следовавшей к кладбищу. Так, например, процессия могла останавливаться у придорожных крестов, где ее участники молились за душу усопшего/усопшей.

Но какое бы решение католики не принимали, они в любом случае стремились хоронить своих покойников в освященной земле, что означало либо приходское кладбище, либо саму церковь. При этом до

⁶⁰ Ibid. P. 126.

⁶¹ Life of Mrs Dorothy Lawson, 61—62. См. также: McClain L. Lest We be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559—1642. L., 2004. P. 162.

⁶² Bossy J. The English Catholic Community. P. 141—143.

XVII в. в Англии не существовало отдельных католических кладбищ. Во-первых, подобная практика была запрещена законом, а во-вторых, и сами католики не стремились отделить «своих» покойников от «чужих». В XVII в. появились свидетельства о первых отдельных кладбищах. Однако такие свидетельства ограничиваются севером Англии. Там католический сквайр мог приобрести участок земли, ранее принадлежавшей монастырю (т.е. тоже освященной), и использовать его как кладбище. Но подобные действия преследовались властями⁶³.

Кроме того, на отдельных кладбищах чаще хоронили не местных католиков, а скончавшихся католических капелланов, которые в силу своего «подпольного» существования не являлись членами приходов. Похороны неизвестных чужаков, которых и быть-то в Англии не должно было, вызывало слишком много вопросов. Впрочем, в южных графствах такая практика не была распространена до XVIII в.⁶⁴

Соседи-протестанты в большинстве случаев не возражали против захоронения католиков на приходских кладбищах или даже в самой церкви. Ведь отказ в возможности похоронить покойника в освященной земле означал нарушение главного христианского принципа любви к ближнему. Конечно, конфликты оказывались неизбежными, если часть прихожан и/или местный vikarий возражали против похорон католиков, в особенности рекузантов, которые могли находиться под отлучением, и в таком случае согласно закону их не полагалось хоронить в освященной земле. Одним из самых известных случаев такого рода конфликта были похороны католички миссис Элизабет Хорсман в 1631 г. в Холтоне (Оксфордшир). Скончавшаяся вдова местного сквайра придерживалась практики *recusancy*, и находилась под отлучением местного церковного суда. Поэтому vikarий отказался позволить похоронить ее в церкви, рядом с другими членами семьи. Тогда группа прихожан-католиков ночью взломала двери церкви и похоронила тело миссис Хорсман на самом почетном месте — под алтарем. И хотя вряд ли возможно было провести такую операцию в полной тайне, никто из соседей-протестантов не выдал нарушителей закона, тем самым солидаризовавшись не с vikarием, а с местными католиками, явно воспринимавшимися как члены одной общины⁶⁵.

Немаловажной была и проблема социального статуса. Многие дворяне-католики являлись патронами приходских церквей. Ведь те зачастую были построены их предками, или же были приобретены семьей в ходе роспуска монастырей в 1530-х гг. А патрон имел право быть похороненным в «своей» церкви, вне зависимости от конфессиональной принадлежности своей семьи.

⁶³ *Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States. P. 112.*

⁶⁴ *Bossey J. The English Catholic Community. P. 208.*

⁶⁵ *Cressy D. Who Buried Mrs. Horseman? Excommunication, Accommodation, and Silence // Idem. Travesties and Transgressions in Tudor and Stuart England. Oxford, 2000. P. 116—137.*

Похороны в семье Монтегю

Устройство похорон и место захоронения усопших в семье Монтегю определялось его высоким социальным статусом. Аристократы и церковные патроны обретали последнее успокоение в принадлежавших им приходских храмах, а их надгробия указывали соседям на нерушимость общественного порядка, вне зависимости от любых социальных потрясений.

Сэр Энтони Браун-старший, получивший от Генриха VIII в дар бывшее аббатство Бэтл, явно намеревался устроить в приходской церкви, ранее принадлежавшей монастырю, семейную усыпальницу. Там похоронен он сам, и его первая жена Элис⁶⁶.

Однако виконты Монтегю избрали в качестве усыпальницы приходскую церковь Мидхёрста, расположенную рядом с другой семейной резиденцией — замком Каудрей. В этой церкви похоронены первый виконт Монтегю (и обе его жены), его старший сын, сэр Энтони Браун⁶⁷, второй и третий виконты Монтегю с супругами⁶⁸.

Брат виконта, сэр Уильям Браун, и его потомки похоронены в церкви Сент-Мэри в Элсинге (Норфолк), построенной предками его супруги, Энн Хастингс⁶⁹. Внук первого виконта, Джордж Браун, был похоронен в приходской церкви Уикамбрикса (Кент)⁷⁰ — приходе, принадлежавшем родственникам его матери. Джон Браун (брат второго виконта) покоится в Избурне, по соседству с Мидхёрстом. Эта церковь также принадлежала Монтегю⁷¹.

Женщины из рода Монтегю также похоронены в церквях, вне зависимости от конфессиональной принадлежности их мужей. Конформистка Мэри Браун, леди Грей (во втором браке — Капелл) покоится в церкви Всех Святых в Рейне (Эссекс)⁷², поместье, полученном ею от второго мужа в качестве вдовой доли. А Люси Браун, вышедшая замуж за католика Томаса Роупера, лежит в семейном склепе Роуперов, в крипте церкви Св. Данстана в Кентербери⁷³.

Старшая дочь первого виконта похоронена рядом с первым мужем, графом Саутхэмптоном в его родовой усыпальнице — церкви Св. Пе-

⁶⁶ Pevsner N. Buildings of England: Sussex. L., 1965. P. 408. Вторая супруга покоится рядом со вторым мужем, графом Линкольном.

⁶⁷ Его вдова еще дважды выходила замуж и покоится рядом с последним мужем, Эдмондом Ювдейлом, в церкви Уимборна (Дорсет). См.: Pevsner N. Buildings of England: Dorset. L., 1972. P. 465

⁶⁸ Pevsner N. Buildings of England: Sussex. P. 212, 271. В XIX в. надгробия первого и второго виконтов были перенесены в соседнюю церковь деревни Избурн.

⁶⁹ Pevsner N. Buildings of England: Norfolk. L., 1992. Vol. II. P. 331.

⁷⁰ Mason O. South-East England. L., 1971. P. 201.

⁷¹ Pevsner N. Buildings of England: Sussex. P. 212.

⁷² Pevsner N. Buildings of England: Essex. L., 2007. P. 650.

⁷³ Pevsner N. Buildings of England: North East and East Kent. P. 241.

тра в Тичфилде (Хэмпшир)⁷⁴. Дормеры хоронили своих покойников в церкви Всех Святых в Уинге (Бекингэмшир)⁷⁵, Инглфилды — в церкви Св. Марка в Инглфилде (Беркшир)⁷⁶, Трегонуэллы — в бывшей монастырской церкви Сент-Мэри в Милтон Аббас (Дорсет)⁷⁷, Петеры — в старой крипте приходской церкви в Ингейтстоне (Эссекс)⁷⁸, а Эренделлы — в церкви Св. Иоанна в Тисберри (Уилтшир)⁷⁹.

Конечно, не обходилось и без конфликтов. Так, в январе 1615 г. скончался сэр Джорж Браун. Его похоронили в приделе церкви Спасителя в Саутуорке, однако спустя три дня его гроб выкопали из могилы по распоряжению архиепископа Кентерберийского Джорджа Эббота, запретившего хоронить его где-либо в освященной земле в пределах его диоцеза и распорядившегося закопать его у дороги⁸⁰. Неясно, где именно, в конце концов, похоронили сэра Джорджа Брауна. Возможно, его тело покоится в приходе Уикамбрикс, где в местной церкви можно и сейчас рассмотреть герб его сына и тезки (см. выше). А возможно, его похоронили на землях Монтегю — например, в Бэттле, или во владениях семьи в Саутуорке, ранее являвшихся монастырскими. В биографии леди Магдален Монтегю сообщается о том, как в ее доме, там, где раньше была монастырская часовня, было обнаружено захоронение средневекового монаха⁸¹. Эта земля, соответственно, оставалась освященной, и при необходимости похоронить покойного можно было и там.

Необходимо, однако, отметить, что конфликт возник не на уровне прихода. Церковные старосты прихода Св. Спасителя не возражали против того, чтобы местного рыцаря-католика похоронили в церкви, хотя в данном случае Монтегю не являлись патронами прихода: тот был королевским. Но они оставались самыми влиятельными лендлордами в округе, и с ними не желали ссориться. Только вмешательство архиепископа Кентерберийского, «прославившегося» нетерпимостью к католикам, вызвало скандал.

Потенциально опасной могла быть и ситуация вокруг похорон католических капелланов Монтегю, особенно тех из них, что прибыли в Англию нелегально в конце XVI столетия. Тем не менее, подобные ситуации обходились без привлечения ненужного внимания властей. Многие капелланы Монтегю имели официальную должность в свите: Энтони Гарнет был управляющим первого виконта, а другие становились секретарями или наставниками детей (как Лэнгдейл). В данном качестве они были известны соседям и, соответственно, могли быть похоронены рядом с прихожанами. Так и произошло с одним из священ-

⁷⁴ Pevsner N. Buildings of England: Hampshire and the Isle of Wight. L., 1967. P. 624.

⁷⁵ Pevsner N. Buildings of England: Buckinghamshire. L., 1994. P. 751—752.

⁷⁶ Pevsner N. Buildings of England: Berkshire. L., 2010. P. 292.

⁷⁷ Pevsner N. Buildings of England: Dorset. P. 288.

⁷⁸ Pevsner N. Buildings of England: Essex. P. 502.

⁷⁹ Pevsner N. Buildings of England: Wiltshire. L., 1975. P. 522.

⁸⁰ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 385—386.

⁸¹ Smith R. Life of Lady Montague. P. 27—28.

ников Монтегю: Ричард Грей, скончавшийся в 1597 г., покоится в церкви Спасителя в Саутуорке⁸²

Возможен был и другой вариант. В некоторых случаях соседи не знали, где похоронен хорошо известный им капеллан Монтегю. Неизвестно, например, где похоронен Альбан Лэнгдейл. Вполне вероятным представляется, что их похоронили на территории бывшего аббатства Бэттл, в освященной земле, возможно там, где обнаружили останки монаха. Тот был в свое время похоронен под основанием алтаря часовни⁸³. Более почетного места для похорон католического священника трудно себе представить.

В XVI столетии похороны представителей семейства Монтегю проходили с подобающей лицам их ранга пышностью. Лондонский историк и мемуарист Генри Мейкин описал торжественные похороны Джейн, леди Браун, первой супруги будущего виконта Монтегю, состоявшиеся в Лондоне летом 1552 г.⁸⁴

Виконт не изменил своему обычаю и позднее. Похороны членов его семей подразумевали обязательную процессию плакальщиц, хотя в своем завещании он оговаривал потратить на нее, да и все публичные действия в целом, не более 100 дукатов⁸⁵.

В какой степени эта публичная церемония включала в себя протестантскую службу, или проповедь, неизвестно. Однако организаторов похорон графа Саутхэмптона в 1581 г. упрекали за то, что церемония была исключительно католической. Похороны членов семьи Монтегю в конце XVI в. не вызывали подобных нареканий; остается предположить, что они всегда включали в себя протестантские элементы, а если проходили без них, то всегда по договоренности с местным викарием. Избежать этого можно было только в исключительных случаях, когда место захоронения оказывалось вне контроля прихода. Например, графиня Эрденел в 1630 г. была похоронена по католическому обряду в ее семейной капелле в замке Эрденел (Сассекс), а точнее, в специально заказанной ею крипте под капеллой. Там к тому времени уже упокоились ее муж (ум. 1595 г.) и внук, сэр Джеймс Мальтраверс (ум. 1623 г.)⁸⁶

Публичной церемонии предшествовали католическая месса и проповедь. Так, в 1592 г. на похоронах сына и наследника виконта проповедовал католический священник Томас Симпсон⁸⁷. Известно, что на похоронах леди Монтегю в 1608 г. проповедовал ее капеллан Ричард Смит. Позднее эта проповедь легла в основу биографии виконтессы⁸⁸. Поскольку леди Магделен была похоронена в церкви Мидхёрста, рядом

⁸² Dolman F.T. The Priory of St Mary Overie, Southwark. L., 1881. P. 29.

⁸³ Smith R. Life of Lady Montague. P. 27—28.

⁸⁴ Diary of Henry Machyn // Camden Society Miscellany. L., 1848. Vol. 42. P. 39.

⁸⁵ PRO, PROB/11/81.

⁸⁶ Life of Anne Dacres, Countess of Arundel. L., 1857. P. 262.

⁸⁷ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 234.

⁸⁸ Smith R. Life of Lady Montague. Preface (unpaginated).

с мужем, понятно, что эта проповедь не могла состояться там, при всем попустительстве местных властей. Значит, она была произнесена дома, вероятно, в домашней капелле покойной леди в Бэттле.

В XVII столетии, начиная с правления короля Якова I, среди английской аристократии постепенно начала распространяться мода на ночные похороны — скромные церемонии при свете факелов, без многочисленных плакальщиков и огромной свиты, облаченной в черное, лишь в присутствии членов семьи и близких друзей. Похоронная служба в таком случае могла иметь место в домашней капелле семьи. Такая церемония обходилась гораздо дешевле, ведь не надо было тратиться на траурные облачения членов свиты и плакальщиков⁸⁹. Аристократам-католикам такая мода была только на руку. Гроб графини Эрендел, например, перевозившийся из Шифнела в Шропшире, где она скончалась, в Эрендел, сопровождали всего 14 человек из ее свиты⁹⁰.

Однако неизвестно, придерживались ли ее в семье Монтегю при втором виконте, хотя это вполне вероятно, в особенности учитывая финансовые затруднения главы семьи, вызванные штрафами (см. выше, часть I, главу IV).

Но как бы ни проходили похороны, виконт подчеркивал связь своей семьи с приходом, патроном которого он являлся. Именно он заказал в 1620-х гг. надгробие на могилу деда и двух его жен, оставив место и для собственного надгробия (илл. 10). Этот памятник представляет собой видимый знак присутствия Монтегю в приходе и сохранения незыблемого социального порядка, не поколебленного никакими конфессиональными конфликтами.

Анализ социальных стратегий, избранных представителями семейства Монтегю, демонстрирует, что конфликтный потенциал социальных практик, связанных с обрядами перехода, порой оказывается преувеличенным исследователями. Чаще вместо того, чтобы предоставлять площадку, на которой разыгрывались конфликты, и проявлялось конфессиональное противостояние, эти обряды выполняли именно свою первоначальную функцию, утверждая мир и порядок в сообществе. Конфессиональные различия далеко не всегда выставлялись на первое место. Порой, как в случае с Монтегю и другими католиками, выбиравшими практику двойных церемоний, обряды перехода становились способом продемонстрировать солидарность с местным сообществом.

Демонстрация оказывалась двусторонней: если католики выказывали желание быть включенным, то и их соседи-протестанты, со своей стороны, проявляли терпимость, продиктованную целым спектром мотивов — от малодушного нежелания ссориться с лордом и фискальных потребностей, требовавших максимально расширить число глав домовладений, плативших приходские налоги, до стремления к сохранению мира, почтения к вышестоящим и проявления христианской любви к ближнему.

⁸⁹ *Houlbrooke R. Death, Religion and the Family in England, 1480—1750. Oxford, 1998. P. 272—273.*

⁹⁰ *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel. P. 262—263.*

Проявление тенденций к отделению от прихода и конфессиональной сегрегации приходится лишь на XVII столетие, причем процесс этот нарастал постепенно к концу века. Примечательно, что в случае с Монтегю мы имеем лишь догадки, а свидетельства о стремлении отделиться от соседей-протестантов в проанализированных здесь практиках применительно ко второй половине XVI—первой трети XVII в. практически отсутствуют.

Стремление дворян-католиков к отделению от прихода нарастала параллельно аналогичной тенденции в среде дворян-протестантов, которые к концу XVII в. также предпочитали крестить детей, венчаться и хоронить покойников в узком кругу друзей. Соответствующие церковные службы проводились уже не в приходской церкви, как столетием раньше, а в домовых капелле⁹¹.

Отчасти эта тенденция объясняется развитием в XVII столетии представления о частной сфере и отнесением туда обрядов перехода из публичного домена. Тенденция эта в равной степени затрагивала католиков и протестантов. Однако конфессиональный конфликт оказывался и здесь немаловажным фактором.

Исследовавший социальные практики XVI—XVII вв. Дэвид Кресси пришел к выводу о том, что английские дворяне-протестанты приобрели вкус к частным, домашним церемониям под влиянием преследований. Когда в годы гражданской войны и Республики англиканские богослужения были запрещены, а священники, не признавшие отказ от епископального устройства церкви, изгнаны из приходов, многим их единоверцам пришлось проводить обряды крещения, венчания и похорон, в соответствии с запрещенной в 1640—1650-х гг. Книгой Общих молитв, у себя дома. Эта практика пережила Республику и закрепилась в конце XVII в.⁹²

Параллели с опытом католиков здесь совершенно очевидны, тем более что в годы гражданской войны и гонений на роялистов (а католики, как правило, сражались именно на стороне короля) им сложнее было добиться компромисса с приходским священником, ведь им тогда, скорее всего, оказывался радикальный протестант, ненавидевший папистов.

Тем не менее, завершение процесса конфессиональной сегрегации приходится лишь на середину XVIII в., когда в соответствии со статутом 1753 г. появлялись отдельные регистры рождений, браков и смертей для католиков, а также и отдельные кладбища для последних. *De facto* в это время существовали уже и католические приходы.

Однако признаки начала этого процесса приходится лишь на 1620—1630-е гг., т.е. на самый конец рассматриваемого в этой книге периода. У первых поколений семьи Монтегю еще не возникало никакого желания противопоставить себя местному сообществу, хотя большая его часть не разделяла их религиозных взглядов.

⁹¹ Cressy D. Birth, Marriage, and Death. P. 480—481.

⁹² Ibid. P. 173—180, 188—194; 332—335; 449—455.

Светский патронат: аристократы-католики и духовенство протестантских приходов

Унаследованное от средневековья право патроната, т.е. право светского лица — патрона, зачастую потомка основателя церкви или монастыря — выдвигать кандидатуру нового приходского священника при образовавшейся вакансии, сохранялось в Западной Европе в течение долгого времени. Поскольку право поставления на приход было связано с землей, на которой была построена церковь, или же с той, что давала доход на содержание священника, оно рассматривалось большинством национальных правовых систем как право собственности и регулировалось не только (и не столько) церковным, но и светским правом. В XVI столетии эта система вступила в сложное взаимодействие с политикой, продиктованной приоритетами церковной реформы, в ее католическом и протестантском вариантах. Реформаторы, вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности, стремились дисциплинировать и в целом изменить облик приходского духовенства, заполнив вакансии образованными клириками, проповедниками и пастырями безупречной морали. Для достижения идеала на практике епископам или другим церковным властям требовалось получить контроль над назначением новых приходских священников. Хотя в теории кандидатов утверждал епископ, право определять личность кандидата оставалось за патроном — монархом, знатным дворянином или корпорацией (духовной или светской). Воля патрона могла как содействовать распространению реформы церкви, так и препятствовать ей. Поэтому история реформирования церкви в XVI в. в значительной части представляет собой завоевание сердец и умов патронов, без помощи которых пастыри оказывались не в состоянии добраться до своей паствы¹.

В Англии первые шаги Реформации парадоксальным образом привели к усилению светского патроната. Как и в большинстве стран Се-

¹ Исследования роли светского патроната в истории Реформации и Католической Реформы, как правило, входят составной частью в локальные или национальные истории Реформации. О светском патронате и Католической Реформе см.: *Po-Chia Hsia R. The World of Catholic Renewal, 1540—1770. Cambridge, 1998. P. 106—121, обзор библиографии см.: P. 220—221.*

верной Европы, английские приходы были большими, и с ростом населения потребовалось и строительство дополнительных церквей. В течение столетий такие дополнительные приходы создавались монастырями, которые и являлись их владельцами — патронами. После роспуска монастырей в 1530-х гг. все имущество монастырей, включая и некогда основанные ими приходские церкви, были переданы короне, а затем проданы или пожалованы дворянам. Теперь они получили право представлять кандидатов на освобождавшиеся в таких приходах вакансии (*advowson*). В английской традиции оно регулировалось общим правом и могло продаваться и жаловаться отдельно от земли (манора), с которым изначально было связано².

Поскольку *advowsons* являлись собственностью патронов и регулировались светским правом, на их статус никак не влияла конфессиональная принадлежность владельцев. Поэтому во второй половине XVI в. сложилась парадоксальная ситуация: значительная группа приходов официальной протестантской церкви оказались в распоряжении дворян-католиков. В данном разделе представлены результаты первого исследования реализации права патроната католиков по отношению к протестантским приходам³.

Владение бывшим монастырским имуществом и право поставления священников в церквях иной конфессии, несомненно, должны были породить немало проблем практического, юридического и идеологического свойства. Виконты Монтегю, получившие большую часть земель в виде королевских пожалований как раз из фонда монастырских владений, также столкнулись с ними. В данной главе проанализированы избранные этим католическим кланом способов разрешения противоречий. Здесь представлены результаты реконструкции сети приходов, принадлежавших Монтегю, и просопографического исследования протестантских клириков, занимавших их. Кроме того, сделана попытка понять, насколько ответственность патрона за приходскую церковь как корпорацию и физический объект, нуждающийся в поддержании, осознавалась Монтегю как патронами-католиками. Присутствие патронов в приходе подтверждалось самым наглядным образом — через семейные надгробия в церкви. Но каким образом внешнее подтверждение этого права соотносилось с его практической реализацией, то есть, отбором кандидатов в священники? И прослеживается ли последовательная политика членов семьи Монтегю по отношению к подобным назначениям?

² О светском патронате в Англии XVI—XVII вв. см.: *Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church* / Ed. by C. Cross. York, 1996.

³ См. также: *Серегина А.Ю.* Английские католики и светский церковный патронат // *Средние века.* М., 2013. Вып. 74 (1—2). С. 104—123.

§ 1. Семья Монтегю как светские патроны

Первый виконт Монтегю унаследовал от отца и приобрел сам внушительное число *advowsons* в графствах Сассекс и Сарри. Все они группировались вокруг нескольких центров. Первым из них были приходы в манорах Западного Сассекса, расположенных вокруг Мидхёрста — городка, рядом с которым располагалась главная семейная резиденция, манор и замок Каудрей. Все эти приходы в свое время принадлежали обителю канонисс-августинков в Избурне, основанной в XIII в. Конвент был распущен в 1536 г., а его имущество было пожаловано лорду-казначею, сэру Уильяму Фицуильяму. После его смерти в 1542 г. имущество унаследовал его сводный брат, сэр Энтони Браун⁴. В данный комплекс маноров и *advowsons* входили Избурн (церковь Св. Марии) с капеллами — церквями Св. Петра в Лодсуорте и Св. Маргариты в Фернхёрсте, Мидхёрст (церковь Свв. Марии Магдалины и Дионисия) и Комптон (церковь Св. Марии)⁵. Соседствовавший с Мидхёрстом манор (и *advowson*) Стедэм (церковь Св. Якова) некогда принадлежал конвенту францисканцев в Льюисе (Восточный Сассекс), а в 1538 г., после роспуска обители, земли и права патроната были пожалованы Томасу Кромвелю. После его казни манор Стедэм достался Уильяму Фицуильяму и был им включен в состав вдовьей доли его супруги. После ее смерти в 1542 г. манор вернулся короне, а в 1557 г. был пожалован королевой Марией Уильяму Дентону — бывшему управляющему сэра Энтони Брауна. Первый виконт приобрел манор (и *advowson*) у его потомков в 1592 г., однако уже в 1611 г. его внук продал манор арендатору-католику, сквайру Уильяму Колдэму⁶. Манор/*advowson* Бептон (церковь Св. Марии) был приобретен первым виконтом Монтегю в 1568 г. у Генри Джоселина⁷.

Манор Пойнингс (с церковью Св. Троицы) был королевским, и в 1537 г. сэр Энтони Браун получил право распоряжения им⁸. Ему также были дарована королем и земли конвента Св. Троицы каноников-августинцев в Хастингсе, вместе с правом поставления на приход в городской церкви Всех Святых⁹.

Однако основанная масса маноров/*advowsons* Монтегю концентрировалась вокруг Бэттла — бывшего бенедиктинского монастыря, владения которого были пожалованы сэру Энтони Брауну Генрихом VIII в 1538 г. Полученные таким образом приходы включали в себя сам Бэттл (церковь Девы Марии)¹⁰, а также Холлингтон (церковь Св. Иоанна Крестителя), Уотлингтон (церковь Св. Марии Магдалины), Бекли (церковь Всех Святых),

⁴ Victoria County History (далее — VCH). Sussex. L., 1907. Vol. II. P. 84—85.

⁵ VCH. Sussex. L., 1953. Vol. IV. P. 57, 78, 93.

⁶ Ibid. P. 84.

⁷ Ibid. P. 42.

⁸ VCH. Sussex. L., 1940. Vol. VII. P. 212.

⁹ VCH. Sussex. L., 1937. Vol. IX. P. 26.

¹⁰ Ibid. P.111.

Пизмарш (церковь Свв. Петра и Павла; манор продан в 1583 г.), Айден (церковь Всех Святых), Плейден (церковь Св. Михаила), Брид (церковь Св. Георгия), Брайтлинг (церковь Св. Фомы), Бодем (церковь Св. Эгидия), Юхёрст (церковь Св. Якова Старшего), Уортлинг (церковь Св. Марии Магдалины), Хои (церковь Св. Освальда) и Нортэм (церковь Св. Марии)¹¹.

Кроме того, сэру Энтони Брауну в 1544 г. были пожалованы маноры/*advowsons* в графстве Сарри: Сенд с церковью Девы Марии (бывшие владения каноников-августинцев из Ньюарка, продан Монтегю в 1603 г.)¹² и Уэст Хорсли (церковь Св. Марии). Последний был включен в состав вдовьей доли, выделенной его второй жене (в повторном браке — графине Линкольн). Первый виконт получил его в 1589 г., после смерти графини¹³. А принадлежавший некогда цистерцианскому аббатству Уэйверли манор/*advowson* Уонборо (с церковью Св. Варфоломея) был пожалован сэру Уильяму Фицуильяму и унаследован позднее его братом¹⁴.

§ 2. Виконт Монтегю как светский ректор в середине — конце 1550-х гг.: сторонник Католической Реформы

Количество бенефициев, находившихся в распоряжении Монтегю, отражает тот факт, что благосостояние семьи основывалось на владении бывшими монастырскими землями. Большинство английских дворян-католиков не усматривало в этом никакого противоречия своим религиозным взглядам, тем более, что папа разрешил им сохранить владения за собой. Но королева Мария считала должным вернуть отнятое имущество церкви. Она сама передавала оставшиеся в распоряжении короны приходы вместе с доходами от них в распоряжение епископам, и поощряла такие или аналогичные им действия со стороны английских дворян. Эта тенденция проявилась лишь в последние два года царствования Марии, и так и не успела набрать силу¹⁵. Примечательно, однако, что среди немногочисленных дворян, вознамерившихся вернуть часть имущества церкви, оказался и виконт Монтегю.

Согласно действовавшим в Англии правовым нормам, приходский священник — ректор — получал большую десятину (зерном) и часто также получал доход с приписанного к приходу земельного надела. В том случае, если церковь возводилась на земле монастыря и на его средства, монашеская община становилась коллективным ректором прихода, получавшим большую десятину и доход с земли, а обязанно-

¹¹ Ibid. P. 85, 114, 147, 156, 160, 162, 232, 264, 268, 276.

¹² VCH. Surrey. L., 1911. Vol. III. P. 367.

¹³ Ibid. P. 356.

¹⁴ Ibid. P. 375.

¹⁵ Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984. P. 134.

сти священника выполнял викарий. В распоряжении последнего оказывалась лишь малая десятина (плодов). Кроме того, и ректоры, и викарии могли нанимать помощников (*curates*). Им десятина вообще не полагалась, а вместо нее выплачивалась стипендия.

После роспуска монастырей новые владельцы бывших монастырских приходов получили принадлежавшие монахам права ректорства, то есть, стали светскими ректорами и получали соответствующие доходы. Соответственно, священники, ставившиеся ими на приход, имели статус викариев или *curates*.

В июле 1557 г. виконт Монтегю получил королевскую лицензию, позволявшую ему отказаться от светского ректорства в приходах Мидхёрст, Изборн, Уортлинг, Пизмарш, Св. Климента в Хастингсе. Викарии этих приходов должны были стать ректорами — получить и большую десятину, причем виконт обязывался позаботиться о еще большем увеличении их доходов. При этом право предлагать кандидатуры новых священников оставалось в руках виконта и его наследников¹⁶.

Возвращение духовным лицам доходов от части оказавшихся в распоряжении виконта приходов призвано было облегчить его совесть и одновременно служить возвеличению семьи. Не случайно в том же документе говорилось о создании в приходских церквях Бэттла и Мидхёрста (близ двух резиденций Монтегю) капелл. Там назначенные Монтегю священники должны были молиться за души усопших членов семьи. Этим капелланов предполагалось наделить доходом от земель и рент на сумму в 40 фунтов в год¹⁷.

Увеличение доходов священников в упомянутых приходах могло привлечь в приходы Монтегю образованных клириков, способных проповедовать католическое учение. Интерес виконта к проповеди проявился в 1558 г., когда он в качестве лорда-лейтенанта Сассекса объезжал прибрежные районы вверенного ему графства в сопровождении католического богослова Альбана Лэнгдейла, архидиакона и пребендаря Чичестерского собора, проповедовавшего перед народом и обличавшего заблуждения протестантов¹⁸. Лэнгдейл был давно знаком Монтегю, ценившим образованного клирика, обладателя кембриджской степени доктора богословия. В 1555 г. благодаря покровительству виконта Лэнгдейл стал архидиаконом (см. часть I, главу III). Можно предположить, что виконт хотел получить проповедников такого калибра для «своих» приходов, так как разделял представления лидеров Католической Реформы, в том числе кардинала Пола, о важности проповеди для обновления церкви и распространения христианского учения среди простолюдинов. Несмотря на получение лицензии, виконт так и не предпринял никаких практических шагов до самой смерти королевы Марии, а затем стало уже слишком поздно.

¹⁶ Calendar of Patent Rolls, 1555—1557. P. 440.

¹⁷ Ibid. P. 441.

¹⁸ CSP Domestic, 1553—1558. P. 334—335.

Так и не реализовав больших планов, виконт, тем не менее, явно оставался сознательным патроном, отбиравшим кандидатов по их религиозным взглядам и пастырским качествам. За время царствования Марии Тюдор во всех приходах Монтегю, кроме Бэттла, сменились приходские священники, что заставляет предполагать своего рода кадровую чистку. Исключением стал лишь Элиас Эмброуз, настоятель коллегиальной церкви в Бэттле, занявший бенефиций еще в 1545 г., по представлению отца виконта. Эмброуз благополучно оставался на своем месте до самой смерти в 1564 г. Согласно хартии о роспуске монастыря, он, как и его преемники, получал от светского патрона (Монтегю) пожизненную ренту. Эмброуз, по всей видимости, был католиком-конформистом. К тому же он вряд ли сам выполнял пастырские обязанности, назначая помощников. А вот помощник — Роберт Робсон — занимал свой пост только до 1561 г., что заставляет предполагать возможное смещение из-за отказа принять возвращение официальной церкви к протестантизму¹⁹.

Из всех остальных приходских священников, выбранных Монтегю (в 18 приходах Сассекса) двое скончалось, по всей видимости, став жертвами эпидемии лихорадки 1558—1560 гг.: Томас Браун (Юхёрст) и Томас Бакленд (Бодэм). Из оставшихся 16 половина священников признала новые церковные установления, но половина отказалась признать подчиненную королеве церковь, и либо сама покинула приходы, либо была вынуждена это сделать. Среди 8 священников, лишенных приходов — *curate* Фернхёрста Томас Бриггс (покинул приход в 1561 г.), *curate* Изборна и ректор Нортэма Оуэн Модсли (отказался от прихода в 1558 г. и 1560 г. соответственно), ректор Брида Уильям Хорн (отказался от прихода в 1561 г.), викарии Айдена Уильям Сенден (лишен прихода в 1560 г.), Пойнингса Томас Коттсмор (лишен прихода в 1560 г.), Хои Эдвард Сарджент (лишен прихода в 1560 г.?), *curate* Мидхёрста Роберт Уилсон. К ним нужно прибавить и архидиакона Лэнгдейла, лишившегося своего поста в 1559 г., а с 1562 г. ставшего домашним капелланом Монтегю и (официально) наставником детей виконта²⁰.

Таким образом, все номинации виконта в 1550-х гг. привели в его приходы как минимум весьма консервативных священников, половина из которых отказалась от компромисса с протестантской церковью и предпочла лишиться бенефиция. Освободившиеся места были с согласия виконта заполнены конформистами, но отнюдь не протестантами.

¹⁹ Вся информация о священниках из приходов Монтегю здесь и далее (за исключением особо оговоренных случаев) приводится по данным, содержащимся в электронной базе данных «Духовенство церкви Англии» (*Clergy of the Church of England Database*, далее — *CCED*), созданной исследовательской группой Британской Академии. В нее входят ученые из университетов Кента, Рединга и Кингс-Колледжа, Лондон. Руководитель проекта — профессор Кеннет Финчэм (университет Кента, Кентербери).

²⁰ Данные по духовенству Сассекса на рубеже 1550—1560-х гг. см.: *McCain T. The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester. Appendix: Cathedral and Parochial Clergy in the Diocese of Chichester at the Accession of Elizabeth I // Studies in Sussex Church History / Ed. by M.J. Kitch. L., 1981. P. 116—123.*

§ 3. Католическая миссия и светский патронат католиков в протестантских приходах

Во второй половине XVI в. перед лидерами Католической миссии в Англии встало множество вопросов, порожденных аномальной ситуацией: католики в стране владели бывшей монастырской собственностью (землями и приходами) и сохраняли право патроната по отношению к бенефициям, теперь находившимся в руках протестантов.

Вопрос о в праве собственности на бывшие монастырские земли разрешился достаточно просто. Католикам позволялось владеть такими землями, предавать их по наследству и продавать, в том случае, если владельцы признавали их статус (монастырские) и выражали готовность либо вернуть их прежним владельцам в неопределенном будущем, либо подчиниться другому решению папы на этот счет. Владельцам также вменялось в обязанность передавать часть дохода от бывших монастырских земель на содержание католических семинарий и монастырей за границей, и на помощь нуждающимся католикам в самой Англии. А при перепродаже земли продающий не должен был брать с покупателя больше, чем исходная стоимость земли плюс его собственные вложения, т.е. не должен был получать прибыль от сделки с тем, что теоретически ему не принадлежало. На практике подобные ограничения игнорировались, и католики продавали и покупали бывшие монастырские земли так же свободно, как и их соседи-протестанты²¹.

Проблема светского патроната, однако, не имела простого решения. Согласно мнению канонистов, дворяне-католики не могли просто так пользоваться этим правом. Ведь обязанностью патрона было выбрать лучшего кандидата, т.е. католика. Но это было невозможным в елизаветинской Англии.

«Выдвигать кандидатуру на бенефиций сейчас в Англии значит благоприятствовать ереси, потому что это помогает еретикам, давая им священника, который станет поступать как еретик. Соответственно, любой, кто выдвигает кандидатуру, отлучен от церкви»²².

Сознательным католикам, фактически, оставался лишь один выход — продать оказавшиеся в их распоряжения *advowsons*, хотя бы и в нарушение канона Тридентского собора, что в данном случае считалось прощительным²³.

Тем не менее, сами канонисты допускали ряд лазеек, позволявших католикам не отказываться от прав патроната и даже использовать их. Во-первых, если протестанта ставил на приход кто-то другой (например, епископ-протестант, или магистрат), то сам католик мог со спокойной совестью выплачивать священнику-протестанту ту часть дохода бенефиция,

²¹ Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 43—44, 100—101, 111—114.

²² “To present to a benefice, therefore, in England at the moment is to favour heresy, because it helps heretics by giving them a minister who will act in a heretical manner. Consequently anyone who presents to a benefice is excommunicated” // Ibid. P. 47.

²³ Ibid. P. 114.

которая ему полагалась по закону²⁴. А такое допущение в соединении с разрешением продавать *advowsons* давало возможность выкрутиться, ведь общее право Англии разрешало пожалование (за вознаграждение) права следующей номинации приходского священника. Таким образом, католики сохраняли права семьи, получали доход и успокаивали свою совесть.

Кроме того, в своем комментарии Аллен и Парсонс фактически санкционировали назначение на приход католика-конформиста:

«Если католик просто желает, насколько это в его силах, исполнить свое обязательство и назначить католика на бенефиций, не размышляя о том, какую литургию служит священник, заняв его <...>, и если он не побуждает священника — схизматика согрешить никоим образом, и если он назначает священника с намерением, чтобы тот служил католическую литургию, и у священника такое же намерение, тогда, полагаю, он не слишком согрешит»²⁵.

Эта витиеватая формула допускала то, что на протяжении 1560—1570-х гг. с успехом практиковал виконт Монтегю, а именно, назначение священников-конформистов, скрытых католиков и явных консерваторов, и тем самым недопущение в приходы убежденных протестантов.

Назначение священников-конформистов оказывалось допустимым и в случае, когда патрону по договоренности с таким клириком удавалось удерживать часть полагавшегося последнему дохода и передавать его в помощь нуждающимся католикам²⁶.

Прихожане не только несли финансовые обязательства перед приходским священником, но и отвечали за поддержание в порядке здания церкви и церковной утвари. К патронам все это относилось в еще большей степени, т.к. они — светские ректоры — зачастую несли обязательства по починке нефа и алтарной части церковного здания. Католические канонисты подчеркивали, что патроны обязаны поддерживать здания церквей в порядке, и чинить их за свой счет по мере надобности «до тех пор, пока сохраняется малейшая надежда на то, что Англия вернется к своей изначальной вере и религии»²⁷.

Однако с конца 1570-х гг. и в начале 1580-х гг. ситуация в приходах начала меняться. Поколение старых священников-конформистов, рукоположенных еще при Марии Тюдор, т.е. те, кого католическое право считало настоящими священниками, постепенно вымирало, оставляя свои места для протестантов. Монтегю, как и другим патронам-католикам, нужно было приспособиться к новой ситуации.

²⁴ Ibid. P. 106.

²⁵ “if a Catholic simply wants, as far as he is able, to fulfil his obligation to present a Catholic to the church, without being concerned about what office the priest recites there once he has been appointed <...>, and if he appoints the priest intending that the priest should say the Catholic service, and the priest also has the same intention, then I think he does not sin greatly” // Ibid. P. 106—107.

²⁶ Ibid. P. 114—116.

²⁷ “as long as there is the slightest hope of England returning to its original faith and religion” // Ibid. P. 110.

§ 4. Семья Монтегю и церковный патронат после 1559 г.

Поверхностному взгляду может показаться, что после восшествия на престол королевы Елизаветы и возвращения страны к официальному протестантизму виконт Монтегю потерял интерес к принадлежавшим ему приходам, и теперь рассматривал их исключительно как источник дохода, продавая право поставления нового бенефициария тому, кто предлагал заплатить больше. Исследовавший духовенство Сассекса Джереми Горинг полагал, что именно благодаря этому равнодушию Монтегю к судьбе приходов в графство проникли первые пастыри пуританского толка²⁸.

Однако подобное толкование представляется слишком упрощенным. Как уже говорилось выше, лидеры католической миссии запрещали своим подопечным самим осуществлять право патроната. И в этом отношении действия виконта Монтегю вполне последовательны: на протяжении второй половины 1560-х—начала 1590-х гг. он регулярно продавал право номинации бенефициариев в своих приходах. Поскольку на практике ни продающий, ни покупающий не знали, когда именно придется воспользоваться этим правом (т.е. когда умрет священник данного прихода), приобретенное у виконта право порой перепродавалось или наследовалось, порождая весьма запутанные ситуации. Так, например, виконт в 1567 г. предоставил право поставления следующего ректора прихода Юхёрст некоему Джону Кину. Тот в июне 1570 г. передал это право Роберту Саймонсу, а последний в ноябре 1570 г. — Клименту Брейтеллу, который в 1571 г. и поставил свою кандидатуру — Стивена Батхёрста²⁹.

Очевидно, что помимо требований канонического права, рассмотренных в предыдущем разделе, виконтом двигало и стремление получить прибыль. Тем не менее, среди тех, кому виконт передавал право поставления на приход, довольно часто появлялись имена его арендаторов. Так, в 1575 г. виконт Монтегю передал это право по отношению к приходу Уортлинг своему арендатору из Бэттла Томасу Алфрею³⁰. Последний жил в Бэттле еще в 1597 г. (его имя фигурирует в счетах вдовы виконта). К числу арендаторов виконта принадлежала также семья Джеффри из Барнборна, Моррисы и Найты из Мидхёрста³¹. А это уже в свою очередь, вызывает вопрос: не являлись ли арендаторы, или хотя бы некоторые из них, подставными лицами, через которых виконт распоряжался своими приходами? В ряде случаев такую возможность явно нельзя сбрасывать со счетов.

Так, в 1575 г. Томас Алфрей поставил на приход Уортлинг Томаса Модсли³². Последний, судя по имени, был родственником хорошо

²⁸ Goring J. The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex // JEH. 1983. Vol. 34. P. 345—366. Майкл Кестье присоединяется к его мнению. См.: *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 192—193.

²⁹ WSRO, Ep I/88/1, 1/6/114.

³⁰ WSRO, Ep I/88/1, 1/6/136.

³¹ ESRO, Raper & Fovargue Box 3/4. F.24 (Alfrey, Jeffery); WSRO, Cowdray MS 306. F.16 (Knight), 93 (Alfrey), 100 (Morrays); WSRO, Ep I/88/1, 1/6/52—53, 1/6/188, 1/6/135.

³² WSRO, Ep I/88/1, 1/6/136.

известного виконту католического священника Оуэна Модсли (см. выше). Томас Модсли был образованным клириком, обладателем оксфордской степени доктора богословия. Однако он, скорее всего, был весьма умерен в своих религиозных взглядах. В противном случае виконт Монтегю вряд ли сделал бы его в 1575 г. своим капелланом. А в данном контексте действия Алфрея выглядят как вознаграждение капеллана патрона, осуществляемое через подставных лиц. В том же 1575 г. Томас Модсли стал и ректором прихода Айден. Согласно представленному еще в 1565 г. пожалованию, поставил его на приход Эмброуз Дигби³³. Но и это назначение выглядит как вознаграждение капеллана.

А в 1573 г. виконт Монтегю предоставил право поставления на приход Нортэм Роберту Уитенсу³⁴. Тот предоставил приход Джону Уитенсу — вероятно, родственнику. Но это был тот самый Джон Уитенс — богослов с оксфордским образованием — который с конца 1560-х гг. был настоятелем церкви в Бэтгле. Его взгляды опасно приближались к католическим. Еще в 1596 г. недовольные соседи-протестанты сообщали в Лондон:

«Доктора Уитенса подозревают в отсталости в делах веры. Ведь за последние два года, и даже больше, он не причащал людей, и сам не принимал причастия. Обычно подходит время причастия [Пасха — А.С.], он находит кого-нибудь еще, чтобы служить в церкви, а сам либо уезжает из города, либо остается дома. Его жена едва ли раз в году ходит в церковь и никогда не причащается. Его друзья — сплошь рекузанты...»³⁵.

В данном случае тоже возникает подозрение, что виконт вознаграждал «своего» клирика через подставное лицо.

Как явствует из этих примеров, виконт Монтегю вполне мог вмешиваться в ситуацию, и действовал при этом отнюдь не в пользу убежденных протестантов. Для того, чтобы оценить, как распоряжение правом патроната (прямое и косвенное) со- или противодействовало появлению священников-протестантов или даже пуритан в приходах Монтегю, необходимо, однако рассматривать всю эту совокупность бенефициев в целом.

Сведения о приходских священниках из Чичестерской епархии, основывающиеся на материалах архива диоцеза, были обобщены в базе данных проекта *CCED*³⁶. Дальнейший анализ биографий священников из прихо-

³³ WSRO, Ep I/88/1, 1/6/143.

³⁴ WSRO, Ep I/88/1, 1/6/148.

³⁵ "D. Withens <...> is suspected to be very backward in Religion. for this 2 years & mor he nether ministrthe the Comunion, nor receaveth it. But comonly if there be a Comunion he getteth some other to doe it & ether getteth himselfe out of the towne, or keepeth his house. his wife cometh scarce once a year to church, and receavethh not the Comunion; he hath a sonne & a daughter of mans estate, which never receaveth the Comunion. His company, wch he keepeth, is most with recusantes" // BL, Lansdown MS 82/49. F. 103.

³⁶ Электронная база данных «Духовенство церкви Англии» (*Clergy of the Church of England Database*, или *CCED*) <http://theclergydatabase.org.uk/>.

дов Монтегю в Сассексе основываются на этом материале (за исключением особо оговоренных случаев). Поскольку материалы архива содержат минимум информации о священниках, то установить их религиозные взгляды сложно. В качестве условного критерия автором данной работы избраны сведения об образовании клириков. Ведь с конца 1570-х гг. университеты Англии исправно выпускали из своих стен поколения священников — убежденных протестантов. Таким образом, наличие университетского образования говорит, скорее о том, что перед нами — протестант, а не католик-конформист³⁷.

Но наличие университетской степени само по себе не указывает на то, к какой части протестантского спектра — пуританам, их противникам, или же к умеренным кальвинистам — принадлежал данный священник. Здесь приходится обращаться к дополнительным источникам, а в случае их отсутствия — к другим косвенным данным. Например, получение клириком лицензии проповедника, как правило, означало его приверженность кальвинизму (представление о пастырской деятельности как о постоянной проповеди), хотя и не обязательно радикально-пуританские взгляды на церковное устройство. В приведенной ниже таблице сведены данные по приходам Монтегю. В ней указаны даты появления в них священников, которых можно на основании указанных выше критериев отнести к бесспорным протестантам.

Пастыри-протестанты в приходах Монтегю (по материалам CCED)

<i>приход</i>	<i>дата</i>	<i>патрон</i>	<i>священник</i>
Бептон	1564	Генри Джоселин ³⁸	Джон Изелден, ВД, проповедник
Комптон	1575?	1-й виконт Монтегю	Ричард Барвик ³⁹
Уортлинг	1581	1-й виконт Монтегю	Джейкоб Горсби ⁴⁰
Нортэм	1583	1-й виконт Монтегю	Джон Фрюен, DD, проповедник

³⁷ До того времени и Кембридж, и в особенности Оксфорд насчитывали среди своих студентов и преподавателей немало католиков, тайных и явных. Однако с конца 1570-х гг. студенты-католики чаще использовали уловки, позволявшие им не приносить присягу о признании королевской супрематии. Например, они записывались студентами холлов, а не колледжей (и в таком качестве не приносили присягу), или покидали университет, не получив степени. Наличие же степени обязательно предвлялось принесением присяги.

³⁸ Приход Бептон был приобретен Монтегю в 1568 г.

³⁹ Рукоположен в священники епископом Чичестерским Ричардом Кёртисом склонявшимся к пуританизму. Барвик, впрочем, не проповедовал в приходе регулярно, о чем свидетельствовали материалы визитаций 1579, 1586 и 1603 гг. и 1584 г. WSRO, Ep I/23/5. F.2, Ep I/23/7. F.5. F.6.

⁴⁰ Назначен постоянным викарием, но не вполне ясно, выполнял ли он пастырские обязанности в приходе. Его викарий Ричард Смит не был университетским выпускником.

<i>приход</i>	<i>дата</i>	<i>патрон</i>	<i>священник</i>
Пойнингс	1585/1610	1-й виконт Монтегю	Фрэнсис Кокс, МА, BD, DD ⁴¹
Стедэм	1587/1603	Уильям Дентон ⁴²	Джоэлл Уортон, ВА/Джон Уили, ВА ⁴³
Бодэм	1587	1-й виконт Монтегю	Джон Илленден ⁴⁴
Брайтлинг	1591	1-й виконт Монтегю	Томас Пай, DD ⁴⁵
Хой	1592	1-й виконт Монтегю	Джон Джессоп ⁴⁶
Плейден	1593	сэр Джордж Браун ⁴⁷	Ричард Гринвуд, BD
Кокинг	1595	2-й виконт Монтегю	Джоэлл Уортон, ВА
Всех Святых, Хастингс	1597	2-й виконт Монтегю	Уильям Паркер, МА
Бекли	1597	сэр Джордж Браун	Джон Баутри, МА ⁴⁸
Уотлингтон	1598	сэр Джордж Браун	Лоренс Чадертон, DD, проповедник ⁴⁹
Холлингтон	1601	сэр Джордж Браун	Томас Лардж, ВА, МА, проповедник
Юхёрст	1605	сэр Джордж Браун	Эдвард Маддл, МА
Фернхёрст	1606?	2-й виконт Монтегю	Джон Бенетт?
Изборн	1606?	2-й виконт Монтегю	Ричард Гай, ВА
Брид	1610	2-й виконт Монтегю	Джордж Петтар, МА
Айден	[1575]/1615	2-й виконт Монтегю	Томас Модсли ⁵⁰ / Ричард Мартин, ВА, DD
Бэттл	1615	2-й виконт Монтегю	Томас Байнбрайд
Мидхёрст	1617	2-й виконт Монтегю	Уильям Фезерстоун, ВА

* ВА — бакалавр свободных искусств; МА — магистр свободных искусств; BD — бакалавр богословия; DD — доктор богословия.

⁴¹ Фрэнсис Кокс был рукоположен в 1560 г. и принадлежит к старшему поколению священников, среди которых было много католиков-конформистов. Если не учитывать его, то следующим очевидным протестантом в приходе оказывается только ректор (с 1610 г.), Фрэнсис Киллинбек, учившийся в Кембридже (Тринити колледж, ВА, МА, BD).

⁴² Приход Стедэм был приобретен Монтегю в 1592 г.

⁴³ Джоэлл Уортон был помощником священника (*curate*). Первым ректором-протестантом был Джон Уили (1603—1606).

⁴⁴ Выпускник Кембриджа, рукоположен Ричардом Кёртисом

⁴⁵ Право на поставление было передано виконтом Монтегю епископу Чичестерскому Томасу Бикли.

⁴⁶ Назначен в приход проповедником, вероятно, самим епископом.

⁴⁷ Вдова первого виконта Монтегю, леди Магдален, передала все оказавшиеся в ее распоряжении после смерти мужа приходы (те, что раньше относились к владениям Бэттла, выделенного ей во вдовью долю) старшему сыну, сэру Джорджу Брауну.

⁴⁸ Выпускник Кембриджа, преподаватель Оксфорда. По всей видимости, не занимался пастырской деятельностью в приходе, но назначал помощников — протестантов из числа выпускников университетов.

⁴⁹ Известный богослов умеренно-пуританского толка, университетский преподаватель (Кембридж). По всей видимости, в приходе не жил.

⁵⁰ Капеллан виконта Монтегю (см. выше), доктор богословия (степень получена до 1575 г.). Вряд ли был убежденным протестантом.

Анализ приведенных в таблице данных показывает, что первый виконт Монтегю прямо или косвенно несет ответственность за назначения явного протестанта лишь в одном приходе Западного Сассекса (Комптон), находившегося в относительной близости от его резиденции, манора Каудрей в Мидхёрсте. Однако ректор прихода Ричард Барвик был не слишком ревностным пастырем и не усердствовал в проповеди, что обеспечивало относительно комфортное существование здесь католиков, по крайней мере, до 1619 г. (когда сменился священник).

Все остальные приходы, куда первый виконт «допустил» протестантов (Уортлинг, Нортэм, Пойнингс, Бодэм, Брайтлинг, Хой) располагались в Восточном Сассексе, и ни один из них не находился в непосредственной близости от Бэттла. Поскольку по времени назначения протестантов совпадают с активными приобретениями земель в Западном Сассексе и консолидацией тамошних владений вокруг Мидхёрста и Изборна (приобретение маноров Лангшелл, Линч, Кокинг, Стедэм), можно предположить, что все эти назначения диктовались финансовыми мотивами — необходимостью изыскать средства для покупки земли. Тем не менее, очевидно, что виконт старался оставить неприкосновенным «зону комфорта» вокруг собственных резиденций, не допуская в близкие к ним приходы слишком рьяных протестантов.

После смерти первого виконта его приходы в Западном Сассексе, а также Пойнингс и приходы в Хастингсе перешли в распоряжение его внука, а приходы вокруг Бэттла — его вдове. Леди Магдален Монтегю не стала сама заниматься делами приходов, возможно, руководствуясь при этом запретом католикам осуществлять свое право патроната (см. выше), и передоверила их старшему сыну, конформисту сэру Джорджу Брауну. В его действиях вряд ли можно усмотреть что-либо большее, нежели стремление получить от приходов прибыль. Именно благодаря ему в приход Уотлингтон, расположенный совсем рядом с Бэттлом был назначен пуританин Лоренс Чадертон. Впрочем, стоит отметить, что Чадертон едва ли проводил время в приходе, занимаясь преподаванием в Кембридже, так как с 1582 по 1622 гг. занимал пост главы колледжа Эммануэл.

Что же касается второго виконта, то он, следуя примеру деда, старался держать рьяных протестантов на расстоянии от семейных резиденций. Нет свидетельств тому, что священники в Фернхёрсте и Изборне были слишком ревностными проповедниками; и в любом случае, здесь, как и в Мидхёрсте, они имели все лишь статус *curates* и получали денежное содержание от светского ректора, то есть виконта Монтегю. Соответственно, виконт в большей степени контролировал духовенство этих «ближних» приходов. Появление очевидных протестантов в приходах Восточного Сассекса (Хастингс, Хои, Брид, Бэттл) совпадают по времени с периодами, когда виконт находился под большим давлением со стороны властей и нуждался в деньгах для выплаты больших штрафов, так что эти назначения, как и в случае с его дедом, диктовались финансовыми соображениями. Кроме того, после смерти леди

Монтегю в 1608 г. ее внук практически не бывал в Бэттле, поэтому его уже явно меньше заботило происходящее в данном приходе.

Среди приходских священников в приходах Монтегю был представлен целый спектр взглядов, от пуритан до их противников — арминиан. «Заповедником» для последних стал приход Кокинг, располагавшийся южнее Мидхёрста. Туда в 1606 г., явно оказав любезность главному противнику пуритан в графстве, епископу Ланселоту Эндюсу, назначили его брата Роджера, известного богослова и переводчика Библии, впоследствии — главу колледжа Иисуса (Кембридж). А с 1616 г. в том же приходе помощником преемника Эндрюса, vicария Уильяма Маттока, стал Джон Пелэм — член семьи, близкой к кругу Монтегю (подробнее см. ниже), которого рукоположил в священники еще один арминианин — епископ Чичестерский Сэмюэл Харснетт.

Обязанности патрона — светского ректора включали в себя также и содержание храма в порядке. Монтегю, в целом справлялись с этой задачей, хотя и не без нареканий. Церковные старосты прихода Мидхёрст в 1573 г. указывали во время визитации, что церковь не отремонтирована, но ситуацию вот-вот исправят⁵¹. Это, видимо, и произошло, т.к. во время повторной визитации в том же году никаких жалоб не было⁵². Однако в 1586 г. церковные старосты опять жаловались на отсутствие ремонта, а также и на то, что стены церкви не были выбелены в соответствии с новыми требованиями⁵³ (вероятно, на стенах сохранялись старые росписи). Ремонт требовался и в Изборне, но на этот раз виконт не спешил тратить деньги — в конце года ситуация не изменилась⁵⁴.

Но если с ремонтом церкви в конце концов дело наладилось, то вот с проповедями и наставлениями в протестантской вере дело обстояло неважно. В 1579 г. в Мидхёрсте не было даже обязательных квартальных проповедей (не говоря уже о проповедях более частых), а vicар Джаспер Хопкинс не наставлял в вере детей⁵⁵. В 1584 г. он провел всего 8 занятий с детьми, явно пренебрегая катехизацией⁵⁶. Ситуация не улучшилась и в 1586 г.: прихожане опять жаловались на отсутствие занятий с детьми⁵⁷. Кроме того, в церкви не было ни кафедры проповедника, ни аналоя для чтения Книги Общих Молитв⁵⁸. Католические канонисты подчеркивали: в обязанности патрона-католика входит поддержание здания церкви в хорошем состоянии, но не обеспечение

⁵¹ WSRO, Ep I/23/2. F. 3.

⁵² WSRO, Ep I/23/2. F. 26.

⁵³ WSRO, Ep I/23/7. F. 4.

⁵⁴ WSRO, Ep I/23/2. F. 39.

⁵⁵ WSRO, Ep I/23/52. F. 2.

⁵⁶ WSRO, Ep I/23/6. F. 2.

⁵⁷ WSRO, Ep I/23/7. F. 5.

⁵⁸ WSRO, Ep I/23/2. F. 39.

«еретических» богослужения и проповеди⁵⁹. Похоже, виконт Монтегю в данном случае воспринял рекомендацию буквально.

Таким образом, отношение Монтегю к «своим» приходам не может быть сведено лишь к простой погоне за деньгами. В годы правления Марии Тюдор первый виконт Монтегю проявил себя как католик-реформатор, заинтересованный в привлечении самых лучших кандидатов в «свои» приходы. Такой человек (да и его потомки) вряд ли мог в одночасье утратить интерес к происходящему в этих приходах после прихода к власти Елизаветы.

В действиях патронов из семьи Монтегю соединяются различные мотивы: забота об имущественных интересах семьи, заставлявшая их порой продавать *advowsons* (или приобретать новые), но также и стремление защитить свою семью, свиту и арендаторов-католиков от нежелательного внимания протестантских властей, и соседей, и от активной проповеди протестантизма. Это стремление проявлялось в различных формах: в манипулировании назначениями на приходы через подставных лиц с целью добиться комфортного существования с минимальным вмешательством клирика-протестанта в дела местных католиков, в нежелании финансировать проповедь протестантского учения, в стремлении поддерживать хорошие отношения с местными епископами, предоставляя освободившиеся бенефиции их друзьям и родственникам.

С другой стороны, виконты Монтегю обеспечивали прихожан-протестантов духовенством, выполняя свой долг патрона, и старались при этом получить пастырей, в целом приемлемых для всех. А слишком рьяный проповедник-пуританин мог оттолкнуть не только католиков, но и прихожан из числа умеренных протестантов⁶⁰. Поддерживали они и церковные здания, как то и подобало светским ректорам. Таким образом, деятельность Монтегю в качестве патронов приходов способствовала — через выполнение ими финансовых и правовых обязательств — сохранению местного сообщества, объединявшего всех жителей их маноров.

Почти полное отсутствие исследований, посвященных другим патронам-католикам, на данный момент не позволяет оценить, насколько распространенным был избранный Монтегю способ распоряжения приходами. Однако сведения, собранные историками, изучавшими деятельность английского епископата, рисуют похожую картину. Другие дворяне-католики в Сассексе стремились к налаживанию отношений с епископами Чичестерскими. Правительство шло им в этом навстречу, стараясь назначать на эту кафедру умеренных протестантов — Уильяма Барлоу (1559—1568), Томаса Бикли (1586—1596), Энтони Уотсона

⁵⁹ Holmes P. Elizabethan Casuistry P. 110.

⁶⁰ О конфликтах пуритан с прихожанами-протестантами, не разделявшими их взглядов, см.: Haigh C. The Plain man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England. Oxford, 2009. P. 101—141, особ. P. 131—141.

(1596—1605), или даже анти-кальвинистов (арминиан) Ланселота Эндрюса (1605—1609) и Сэмюэла Харснетта (1609—1619)⁶¹. Все они довольствовались внешними проявлениями подчинения католиков властям, то есть, эпизодическими появлениями глав семейств в церкви, и не настаивали на их обращении. В ответ епископы получали поддержку влиятельных в графстве дворян. Так, покровителем Энтони Уотсона, предоставившим в его распоряжение приход Чим (с титулом ректора) был католик, барон Джон Ламли, а протееже Сэмюэла Харснетта получил в свое распоряжение приход Хартинг, которым распоряжалась другая семья сассекских католиков-конформистов — Кариллы⁶². По всей видимости, здесь, как и в случае Монтегю, мотивами действий влиятельных католиков были стремление защитить себя от преследований и сохранить мир в местном сообществе, ведь именно они, лорды и мировые судьи, были призваны его охранять.

⁶¹ Назначение в 1570 г. епископом Чичестерским пуританина Ричарда Кёртиса вызвало к конфликту в диоцезе: против епископа объединились местные дворяне — католики и протестанты — и в 1579 г. Кёртису было запрещено исполнять свои обязанности. О конфликте сассекских дворян со своим епископом см.: *Manning R. Religion and Society in Elizabethan Sussex. L., 1969. P. 113—125.*

⁶² *Fincham K. Prelate as Pastor: the Episcopate of James I. Oxford, 1990. P. 159—160, 196; Questier M. Conformity, Catholicism and the Law. P. 259—260.*

Католики и протестанты в приходах: сегрегация или интеграция?

Существование любого конфессионального сообщества как отдельной группы во многом определяется имеющимся у этой группы представлениями о необходимости отделения «своих» от «чужих», истинно верующих от «еретиков» или «папистов». Причем отделение должно было касаться отнюдь не только религиозных практик, но и повседневного общения на различных уровнях, не говоря уже о семейных союзах.

В реальной жизни, однако, такое общение было трудно прервать, даже если существовало подобное стремление. В данном разделе анализируются социальные связи семейства Монтегю — родственные, деловые, сеньориальные и дружеские — с окружавшими их протестантами. Задачей исследования было выяснить, в какой степени социальные практики семейства Монтегю отражает тенденцию к сегрегации католиков в XVI и XVII вв.

§ 1. Смешанные браки и родственные связи с протестантами.

Католическое духовенство выступало против смешанных браков своих подопечных с протестантами — такие союзы считались однозначно греховными. Однако знатоки канонического права шли на уступки представителям знатных родов, для которых статус будущих родственников перевешивал все соображения о чистоте веры¹. Все же в таких случаях требовалась папская диспенсация, которую даровали лишь в определенных случаях:

«Только когда еретики простодушны, смиренны и умеренны и не станут ненавидеть и преследовать веру и когда католик тверд в своей вере, и потому нет опасности, что католик будет соблазнен еретиком, но, скорее, большая вероятность того, что еретик будет обращен католиком»².

Кардинал Аллен и отец Парсонс даже и этот вариант считали слишком опасным. Однако они допускали брак католика со «схизматиком», то есть, католиком-конформистом³.

¹ *Holmes P. Elizabethan Casuistry. P. 107.*

² “only when the heretic is very simple, humble and mild and will not hate and persecute the faith, and when the Catholic is very firm in the faith, and therefore there is no danger that the Catholic will be perverted by the heretic, but rather a great probability that the heretic will be converted by the Catholic” // *Ibid.*

³ *Ibid. P. 108.*

Выше уже говорилось о том, что конформисты составляли весьма аморфную группу, в которой протестантов порой трудно было отличить от католиков. Многие семьи конформистов за несколько поколений совершали путь от католиков к умеренным протестантам, хотя такой путь редко был прямым, и часто сопровождался колебаниями возвратными движениями. Так что брак с конформистом вполне мог означать родство с умеренно протестантским семейством (в недалеком будущем).

Выше уже отмечалось (см. часть I, главу I), что католический клан отнюдь не был эндогамным; в каждом поколении присутствовал как минимум один брак, нарушавший конфессиональные границы. Речь шла о наследнике титула и старшей дочери, которые по традиции должны были вступить в брак с равным (или близким) по статусу партнером. Важны были и влиятельные политические альянсы. Поэтому в 1546 г. сестра будущего виконта Монтегю Мэри Браун стала женой протестанта сэра Джона Грея из Пирго (сына маркиза Дорсета). Все ее дети были воспитаны протестантами, а благодаря их родственным союзам Монтегю оказались в родстве с пуританскими семействами Кук и Денни, а тем самым и с всесильным Уильямом Сесилом.

Такие родственные связи сказывались не только на контактах самого семейства со двором (о которых речь шла в первой части), но и непосредственно на жизни сассекских католиков и их соседей на уровне прихода. Ведь родственные связи патрона могли оказаться тем каналом, через который в приходы добиралось протестантское учение. Так, упоминавшийся в предыдущей главе пастор-протестант из прихода Бекли попал туда в 1587 г. благодаря тому, что сэр Джордж Браун оказал любезность своему кузену, сэру Томасу Грею, вознаградив бенефицием капеллана последнего.

Дочь виконта во втором браке стала женой члена Тайного Совета, сэра Томаса Хинеджа. Внук, второй виконт Монтегю женился в 1591 г. на дочери коллеги и друга своего деда, лорда Бакхёрста Джейн Сэквил. Ее отец, брат и племянники не раз помогали виконту выпутываться из сложных политических и финансовых ситуаций уже в XVII в. (см. часть I, главу IV). А его собственным детям, сыну и старшей дочери, были уготованы союзы с отпрысками семей католиков-конформистов (Полетов, маркизов Винчестеров, и Сомерсетов, графов Вустеров). Обе эти семьи к концу XVII столетия стали протестантскими; то же самое случилось с Сэквилами на два поколения раньше.

Благодаря родству с этими семьями в круг общения Монтегю (не говоря уже об их свите и деловых партнерах) попадало значительное число протестантов, общение с которыми было фактически ежедневным. Даже простое присутствие родственников-протестантов в доме могло серьезно влиять на жизнь свиты виконта. Например, когда племянник леди Монтегю, граф Камберленд, и его супруга, леди Энн, дочь протестанта и друга отца виконта, графа Бедфорда, проводили Рождество 1591 г. в поместье виконта Уэст Хорсли (Сарри), по требованию графини в доме регулярно

звучали протестантские проповеди⁴. Произносил их приходский священник Ричард Джошуа, убежденный протестант, обязанный своим бенефицием еще одной родственнице Монтегю — вдове его отца, во втором браке графине Линкольн⁵.

§ 2. Дружеские связи с протестантами

Многолетнее деловое сотрудничество с дворянами-протестантами предсказуемо приводило к формированию стойких альянсов, в которых финансовые и политические интересы сторон переплетались с личной привязанностью⁶. В случае с семейством Монтегю самым очевидным примером являются их отношения с Сэквилами. На протяжении десятилетия представителей двух семей сотрудничали, укрепляя свое положение в южных графствах. Политический альянс первого виконта, о котором подробно шла речь в части I, был, несомненно, выгоден обеим сторонам. Благодаря ему наследники лорда Бакхёрста (с 1604 г. — графа Дорсета) регулярно избирались в парламент от графства Сассекс. Монтегю же обретали влиятельных покровителей при дворе и в обеих палатах парламента (подробнее см. часть I, главы III и IV). Политический альянс был подкреплен родственным союзом, но регулярность общения родственников, вероятно, вызывалась не только самим фактом родства, но и общностью деловых и интеллектуальных интересов.

Еще более интересным примером соединения деловых и личных мотивов являются отношения между виконтами Монтегю и представителями семьи Моров из Лузли — влиятельных дворян и магистратов графства Сарри и убежденных протестантов. Архив Моров из Лузли хранит обширную переписку первого виконта Монтегю с сэром Уильямом Мором. В ней отражаются различные стороны их совместной деятельности как мировых судей и членов различных комиссий графства. В своих письмах виконт заступает за членов своей свиты и арендаторов, представших перед судом — по имущественным вопросам⁷, из-за своей веры⁸, или даже из-за драки и убийства⁹. Он благодарит сэра Уильяма за помощь в случаях обвинений в адрес его брата и сына в *recusancy* (рассмотрение которых входило в компетенцию мировых судей)¹⁰, а также за мягкое обращение с зятем, графом Саутхэмптоном, помещенным в 1572 г. под до-

⁴ Questier M.C. *Loyal to a Fault*. P. 251—252.

⁵ Уэст Хорсли входил во вдовью долю вдовы сэра Энтони Брауна и вернулся в распоряжение виконта после ее смерти в 1589 г.

⁶ Серегина А.Ю. Католики и протестанты в английских приходах XVI в.: сегрегация или интеграция? // *Universitas historiae*. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016 С. 329—336.

⁷ Loseley MS 6729/8. F. 54—55, 96, 111, 123.

⁸ Ibid. F. 77, 125.

⁹ Ibid. F. 38, 77.

¹⁰ Ibid. F. 83.

машинный арест в Лузли¹¹. В письмах обсуждаются также управление охотничьими угодьями в графстве¹², и выборы членов парламента¹³.

Однако порой в письмах появляются иные, более личные интонации. Так, летом 1564 г. Монтегю обсуждал с сэром Уильямом судьбу члена своей свиты, Джорджа Элиота. Последний приходился родственником Мору и был рекомендован им виконту. Однако молодой человек вел распутную жизнь, и виконт был вынужден его уволить. Причиной тому явно были «преступления плоти», т.к. в качестве лекарства виконт рекомендовал сэру Уильяму найти молодому родственнику жену¹⁴. Не отказал он ему и в протекции: позднее Элиот служил в доме Люси Рупер, сестры виконта, и «прославился» тем, что в 1581 г. выдал властям Эдмунда Кэмпiona — первого иезуита, казненного в Англии¹⁵.

А в конце 1572 г. виконт Монтегю разгневался на сына и наследника. Причиной оказался бунт в Гилфорде, спровоцированный, как считал виконт, буйством молодых дворян — его сына, сэра Энтони Брауна, и приятелей последнего. Сэр Уильям Мор, как мировой судья графства Сарри, был призван расследовать ситуацию. Он же и выступил в роли посредника и заступника сэра Энтони перед его отцом. В своем письме он убеждал виконта в том, что его наследник не только не был участником бунта, но еще и приложил усилия к тому, чтобы остановить его:

«Он побудил их [жителей Гилфорда — А.С.] спокойно разойтись по домам, и главным образом благодаря этому все успокоилось, хотя могло бы зайти гораздо дальше»¹⁶.

К письму сэр Уильям приложил показания мэра Гилфорда, подтверждавшие его слова¹⁷.

Виконт откликнулся на это послание с благодарностью, прося Мора обнародовать информацию, освобождавшую сына от обвинений:

«И если мой сын и вправду невиновен, я прошу вас как моего друга, сделать так, чтобы город узнал об этом, и о нем [Энтони Брауне — А.С.] не думали в графстве хуже, чем я бы того желал»¹⁸.

¹¹ Ibid. F. 45.

¹² Ibid. F. 54, 93.

¹³ Ibid. F. 107.

¹⁴ Ibid. F. 13.

¹⁵ *Questier M.C. Catholicism and Community*. P. 196.

¹⁶ “moving them to repair quietly to their houses upon there principaliter the matter was quieted, which otherwise might have grown soon further unconvenienced” // *Loseley MS 6729/8*. F. 40.

¹⁷ Ibid. F. 41.

¹⁸ “And if my son were in deed faultless I pray you, as my friend, procure that the town may know it so, and thereby he have no worse opinion of the county that I have care he should have” // Ibid. F. 42.

Сэр Уильям Мор и члены его семьи были гостями в поместьях Монтегю, их приглашали на охоту, и на крестины членов семьи (см. главу II). Ему виконт с радостью сообщал о рождении очередного внука, «здоровенького мальчика», сына дочери Элизабет и ее супруга, сэра Роберта Дормера¹⁹. И его же утешал весной 1591 г., когда скончалась дочь сэра Уильяма:

«Я надеюсь и прошу у Бога, чтобы вы перенесли посланное Им испытание с терпением, не ропща на Его волю, но усмотрите смысл в божественной благодати, победите телесные страдания и мирские привязанности»²⁰.

Такие слова ожидаешь увидеть в послании одного пуританина другому, однако их написал католик своему другу-протестанту, свидетельствуя о том, что и личные привязанности, и определенные типы религиозности с легкостью преодолевали конфессиональные барьеры.

После смерти первого виконта отношения между его семьей и Морами из Лузли сохранялись, хотя личная нотка в них была, скорее, утрачена. Тем не менее, взаимовыгодный политический и деловой альянс существовал на протяжении большей части XVII столетия (см. часть I, главы III и IV).

Первый виконт Монтегю, мысливший себя лидером дворянства Сассекса и Сарри, принимал у себя представителей всех семейств графства, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Выше уже отмечалось, что свадьба в Каудрее в 1586 г. собрала там всех местных дворян. Спустя пять лет визит королевы Елизаветы вновь привлек в Каудрей всех местных дворян. Среди них были и католики (например, Дормеры и Гейджи), и многочисленные протестанты (Коверты, Ширли, Горинги, Паркеры и др.)²¹

Но наиболее показательным в этом отношении является званый обед в Уэст Хорсли, устроенный виконтом Монтегю в январе 1592 г. Автор рукописи, записавший речь виконта, перечислил также и присутствовавших там гостей. Список весьма показателен, т.к. он четко отражает отношение виконта к «конфессиональному» миру вокруг него.

27 января 1592 г. на обеде в Уэст Хорсли (Сарри) присутствовали «сэр Генри Уэстон с женой, старая миссис Морган, мистер Лайфилд, мистер Джордж Мор, мистер Винсент, молодой мистер Морган с женой, мистер Ли с женой, мистер Стаутон, мистер Хоуден, молодой мистер Корнуоллис из Ист Хорсли, мистер Фрэнсис Браун, мистер Генри Браун — братья милорда <...>, сэр Джордж Браун и мистер Генри Браун, его ii сына, мистер Энтони Браун, сын его сына и наследник, леди Монтегю с невесткой, женой сэра Генри, <...>. Все дамы свиты, служанки <...> все слуги муж-

¹⁹ Ibid. F. 103.

²⁰ "I do hope, trust and instantly beg of god that you may receive gods sufferance with all patience and without murmuring at his will, but make reason by god's grace, conquer carnality and worldly affection" // Ibid. F. 114.

²¹ О визите Елизаветы в Каудрей см. часть I, главы III и V.

ского пола, джентльмены, йомены, проповедник, мистер Джошуа, пастор этого городка, некий мистер Грей, которого считают католическим священником, стюард милорда, подозреваемый в том же...»²².

Уже само присутствие за столом приходского священника Ричарда Джошуа (о нем см. выше) и католических капелланов виконта — Ричарда Грея и Фрэнсиса Райделла (выполнявшего также функции управляющего — стюарда) красноречиво говорит о том, что мир виконта Монтегю охватывал всех его соседей и подчиненных, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

О том же свидетельствует и список гостей. Среди них, естественно, были католики — братья виконта, Фрэнсис и Генри Брауны, его жена, сыновья, внук и наследник Энтони Мария, дочь Дороти с мужем, Эдмундом Ли, и невестка Мэри (урожденная Тируит).

Остальные приглашенные, однако, католиками не были, хотя среди них были и те, кто состоял в родстве с католическими семьями. Так, сэр Генри Уэстон был женат первым браком на католичке Дороти Эренделл. В этой семье вошла внучка виконта, Мэри Ризли (с 1585 г. — леди Эренделл). Однако на обеде присутствовала вторая жена сэра Генри, Элизабет (урожденная Ловелл). Роберт Корнуоллис — сын придворного Томаса Корнуоллиса, близкого друга сэра Энтони Брауна-младшего, был женат на Мэри Браун, младшей дочери виконта.

Остальные гости были явными протестантами. Это относилось и к соседям Монтегю в Сарри — Джейн Морган (урожденной Уинтершелл), и к ее пасынку Джону Моргану и его жене Джулиане, и Томасу Лайфилду и его зятю Томасу Винсенту, и к Джорджу Мору — сыну его друга, сэра Уильяма, и к Лоренсу Стаутону — юристу Морю и родственнику Ричарда Льюкнора, поверенного Монтегю (и католика-конформиста)²³.

Конечно, явных пуритан среди гостей не было, хотя религиозные взгляды семейства Мор были достаточно близки строгому кальвинизму. В мире, в котором обитали Монтегю, враждебность к соседям-католикам явно не считалась добродетелью.

²² "Syr Henrye Weston & his Ladye, olde Mrs Morgan, Mr Lyfeld, Mr george More, Mr Vincent, yongr Mr Morgan & his wyff, Mr Lee & his wyff, Mr Stwghton, MrHowden, yonge Mr Conrnnewallys of easte Horseley, Mr Frawmces Browne, & Henrye Browne my Lordes brothers, <...> Syr George Browne & Mr Henrye Browne his ii sonnes with Mr Anthonye Browne his sonnes sonne, & his heyre, the Ladye Montague, with her dowghter in lawe Syr george his wyff, <...> with all the rest of the gentlewomen of the house, the waightinge maydes, <...> all his men servantes, gentlemen, & yeomen, Mr Joshua, the preacher, pastor of that Towne, one Mr Greye suspected to be a masspreiste, & my Lordes Stuarde suspected to be the lyke" // *Questier M.C. Loyal to a Fault*. Appendix. P. 247—250.

²³ Ibid. P. 247—249.

§ 3. Деловые контакты

Дела административные, юридические и финансовые неизбежно приводили католиков к взаимодействию с протестантским окружением, формируя со временем стойкие деловые альянсы и партнерства. Представители семейства Монтегю отнюдь не ограничивали свои контакты единоверцами. Среди их постоянных деловых партнеров постоянно встречаются как католики — конформисты и рекузанты, так и протестанты.

Первый виконт Монтегю постоянно взаимодействовал с соседями-протестантами, заседая в многочисленных комиссиях, управлявших графствами Сассекс и Сарри. Выше уже шла речь о его политическом и дружеском альянсе с сэром Уильямом Мором. Помимо этого, у виконта сформировались устойчивые партнерские связи с дворянами-протестантами, принадлежавшими к «партии» виконта и лорда Бакхёрста (в пику столь же конфессионально неоднородной клиентеле графа Эрендела — тоже католика). К ней принадлежал Томас Ширли — бессменный партнер Ричарда Сэквела на выборах в парламент от Сассекса. В 1591 г. Ширли входил в число гостей, встречавших королеву Елизавету в замке Каудрей; там он успел поссориться с другим протестантом и своим вечным соперником на выборах, сэром Уильямом Ковертом. Последний не принадлежал к числу близких друзей виконта и Бакхёрста, однако все равно считал необходимым появляться на устраиваемых Монтегю приемах: ведь там бывал весь цвет местного дворянства. Еще один член «партии» Монтегю — сэр Генри Горинг — даже счел возможным породниться с католическим семейством (его сестра Энн стала женой брата виконта). Он, как и еще один дальний родственник семьи — Николас Паркер — получили рыцарское звание во время королевского визита, по всей видимости, по представлению виконта (см. часть I, главу III).

Выборы в парламент от боро, принадлежавших Монтегю, также отчетливо демонстрируют сложившиеся альянсы с протестантами (подробнее см. часть I, главу III). Так, боро Хейзелмир (Сарри) было фактически передано в распоряжение семейства Моров, тогда как в Мидхёрсте избирались либо люди Монтегю, представлявшие его интересы — например, его поверенный в делах Томас Чёрчер (католик-конформист), либо кандидаты, представленные посредником — другим поверенным первого и второго виконтов, сэром Ричардом Льюкнором (протестантом/конформистом, в семье которого были католики). Альянс с Льюкнорами и их родственниками, представлявшими интересы Монтегю в боро Мидхёрст, сохранялся на протяжении поколений и действовал до 1713 г.²⁴

Постоянное взаимодействие католиков и протестантов в деловых вопросах отражается в имущественных сделках виконта. Свидетели, подписывавшие акты купли-продажи земли, принадлежали к разным

²⁴ The Commons, 1660—1690 / Ed. by B.D. Henning, L., 1988. Vol. I. P. 424—425, 611; House of Commons, 1690—1715 / Ed. by E. Cruickshanks, S. Handley, D.W. Hayton. Cambridge, 2002. Vol. II. P. 611—613.

конфессиям. Так, свидетелями при покупке виконтом манора Кокинг в 1582 г. были управляющий виконта (по совместительству — католический священник) Энтони Гарнет, его родственники — зять, Роберт Дормер, и племянник, Уильям Роупер (оба — католики) — а также Роджер Бринкборн. Последний был протестантом и арендатором первого виконта, а также служил в его свите.

Бринкборн был также посредником виконта в делах с церковными бенефициями, о чем свидетельствуют пожалования права поставления на приход. Наряду с ним, такими посредниками были и другие арендаторы виконта из числа протестантов — Томас Алфрей, Ричард Джеффри, Томас и Генри Смиты, Майкл Хейдон и Джон Моррис²⁵.

Ту же тенденцию демонстрирует и завешание первого виконта Монтегю. В числе его душеприказчиков управляющие виконта Фрэнсис Райделл (католический священник) и Уильям Спенсер, его кузен Эдвард Гейдж²⁶ из Бентли (католик) и соседи Ричард и Джон Коттоны (все — католики), а также поверенные виконта — уже знакомые нам Томас Чёрчер, сэр Ричард Льюкнор, а также и сэр Эдмунд Пелэм²⁷.

Последний был соседом виконта и его вдовы, входил в число ее близких друзей. Анонимный «доброжелатель» доносил лорду Бёрли в 1596 г.:

«По другую сторону Бэтл Парка живет мистер Эдмунд Пелэм, главный мировой судья в этой сотне [имеется в виду сотня Хастингса] и всем там правяет. Он — человек отсталый в делах веры, редко ходит в церковь. Он не принимал причастия в течение последних 12 месяцев, и более. Его жена [Элинор, урожденная Даррелл — А.С.] была рекузанткой еще когда жила в Бэттле, и оставалась ею там, где он сейчас живут. Однако со времени последнего парламента [январь—апрель 1593 г. — А.С.] она была в церкви, и теперь ходит туда два или три раза в год, но никогда не причащается. У него есть две замужние дочери, которые никогда не причащались и ходят в церковь так же, как и их мать. Пелэм — главный советник леди Монтегю и большой друг настоятеля церкви в Бэттле. В его дом часто приходят рекузанты»²⁸.

Второй виконт Монтегю, как и его дед, не ограничивал свои деловые контакты единоверцами. Его долговые обязательства в 1599—1600 гг.

²⁵ О Бринкборне см. WSRO, Ep1/6/139. Об остальных см. главу III.

²⁶ Его собственным душеприказчиком был родственник-протестант — граф Саутхэмптон.

²⁷ WSRO, SAS/BA. P. 67.

²⁸ "On the other side of Battle Parke dwelleth Mr Edmond Pelham, the chiefest justice of peace in that rape & ruleth most: who is very backward in Religion himselfe, cometh to church but slackly: hath not this twelvemonth & more receaved the Comunion: his wife was a profest recusant both when she dwelt at Battle and when they now dwel: But since the last parliament, she hath bene at church; & now useth it twice or thrise a yeare: but she never receaveth the comunion: he hath two daughters maryed, who never receaved the comunion come to church as the mother doth. He is chiefe of my La: Montagues counsel: and a great man with the Deane of Battle. There are many recusantes frequent his house" // BL, Lansdown MS 82/49. F. 103.

гарантировали Майкл Хендон, арендатор из Бэттла, и лондонский торговец бакалейными товарами Хэмфри Уаймс²⁹. Среди засвидетельствовавших продажу земель (для погашения штрафов второго виконта) в 1609 г. был его родственник Эдвард Гейдж, а также Томас Уилмер (юрист из Линкольнс-Инна) и Томас Чёрчер³⁰. Томас Уилмер приобрел в 1608 г. часть владений виконта в Саутуорке³¹.

Наконец, в 1613 г. соглашение, по которому часть собственности Монтегю выделялась в траст (с целью обеспечить приданое дочерям и наследству сыну), гарантировали маркиз Винчестер (католик-конформист и свекор дочери виконта), сэр Ричард Уэстон (конформист), сэр Ричард Фермор (конформист из католической семьи) и сэр Энтони Мейн, протестант из Кента и друг Моров³². В 1624 г. он станет членом парламента от Мидхёрста (см. часть I, главу IV).

Среди арендаторов Монтегю в Бэттле и Мидхёрсте также были и католики, и протестанты. Например, счета виконтессы Монтегю за 1597 г. показывают, что в числе ее арендаторов в Бэттле были Эдвард Гейдж (католик), и немалое число протестантов — лорд Бакхёрст, сэр Томас Пелэм, Джон Чейни, сэр Мойл Финч, Ричард Хейес, Роберт Хант и Джон Моррис³³. И это только фригольдеры, религия которых поддается идентификации. О большей части копигольдеров ничего неизвестно. Их имена не встречаются в списках рекузантов и сообщениях церковных старост, поэтому можно считать, что они были, по крайней мере, конформистами, если не протестантами.

Поверенные Монтегю были протестантами или конформистами. Помимо Томаса Чёрчера, сэра Ричарда Льюкнора и сэра Эдмунда Пелэма, стоит упомянуть Адриана Стаутона — убежденного протестанта и родственника Ричарда Льюкнора, который в 1607 г. занимался, тем не менее, имущественными делами второго виконта Монтегю³⁴, а также и некоего мистера Фостера — поверенного леди Монтегю в 1597 г.³⁵

Свита Монтегю также не была однородной, по крайней мере, при первом виконте, о чем он сам заявлял с гордостью. Символом покровительства всем местным жителям, вне зависимости от их религиозных взглядов было присутствие в ней капеллана-протестанта — Томаса Модсли (см. выше, главу III), а также и стремление виконта приглашать к себе в резиденции местных приходских священников. Ему, по всей видимости, нравилось страивать неформальные диспуты на религиозные темы между протестантскими пасторами и своими капелланами-католиками. Именно так можно истолковать присутствие в Хорсли в 1591 г.

²⁹ *Dobben A.A. The Cowdray Archives: A Catalogue. Chichester, 1960. Vol. II. P. 243.*

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 360.*

³² *BL, Additional MS 16967. F. 23.*

³³ *ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 6—7.*

³⁴ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 45.*

³⁵ *ESRO, Raper & Fovargue, Box 3/4. F. 23.*

протестанта Ричарда Джошуа рядом с капелланами-католиками Фрэнсисом Райделлом и Ричардом Греем, а также и сообщение доносчика в 1596 г. о том, что друзьями настоятеля церкви в Бэттле Джона Уитенса, с которыми он неоднократно обедал в обществе покойного виконта, были тот же Ричард Грей и школьный учитель-католик Эдвард Терри³⁶.

Совершенно очевидно, таким образом, что католическое дворянство XVI—первой половины XVII в. не обитало в изолированных анклавах, своего рода католических «гетто», но активно взаимодействовало с соседями-протестантами: они вместе управляли графствами, вели дела, охотились, ездили в гости, крестили детей и хоронили друзей.

§ 4. Конфликты среди соседей.

Сосуществование католиков и протестантов отнюдь не было легким и бесконфликтным. Не все соседи Монтегю радовались присутствию рядом с ними католического магната, фактически пользовавшегося покровительством властей и защищенного тем самым от того, что они полагали справедливым наказанием за «идолопоклонничество», и к тому же препятствовавшего распространению в графстве «истинной веры». Однако на протяжении большей части XVI в. враждебность редко вырывалась на поверхность. Ведь вся титулованная знать Сассекса оставалась католической, а Монтегю к тому же пользовались благосклонностью двора и покровительством королевского фаворита, графа Лестера. С ними просто опасались связываться. При жизни первого виконта недовольство проявлялось исподволь, и его можно усмотреть в многочисленных доносах, направленных в Лондон, так или иначе касавшихся «изменнических» деяний Монтегю и членов их свиты (поддержка священников и т.п.).

После смерти первого виконта враждебность к сильному католическому клану вышла на поверхность и проявилась в цитированном выше доносе, направленном жителем/ями Бэттла лорду Бёрли³⁷. Примечательно, однако, что активные преследователи католиков в графстве Сассекс — сэр Уильям Коверт, Джон Шёрли, Томас Пелэм из Лаутона и его брат Эдвард, Джон Риверс и сэр Барнард Уэтстоунс — не трогали ни самих Монтегю, ни их родственников даже в годы активных антикатолических кампаний 1590-х гг. Скрытое недовольство могло проявляться и в браконьерстве в охотничьих угодьях Монтегю, от которых пострадали владения второго виконта в это время (см. часть I, главу IV).

Ситуация изменилась лишь после Порохового заговора, поставившего лояльность Монтегю под сомнение. В 1606 г. резиденции леди Монтегю в Лондоне и Бэттле были обысканы, причем в Сассексе обыском руководили ее соседи-протестанты, сэр Томас Мей и Джон Ри-

³⁶ BL, Lansdowne MS 82/49. F. 103.

³⁷ Ibid.

верс.³⁸ Еще один недовольный протестант из Бэттла, Николас Кобб, примерно в то же время попытался задержать капеллана виконтессы, направлявшегося в Лондон. Однако, как с торжеством отменил биограф леди Монтегю, Коббу не удалось не только нанять лошадь у своих соседей-протестантов, но даже и собрать толпу преследователей. Впоследствии Коббу пришлось униженно просить прощения у леди Монтегю³⁹.

Вдовствующая виконтесса дерзко выставляла напоказ знаки своей конфессиональной принадлежности — например, всегда нося при себе четки, и тем самым раздражала соседей-протестантов. Некоторые из них не ограничивались ворчанием или даже анонимными жалобами в Лондон, но доходили и до прямого обличения, граничившего с оскорблениями. Так, некий Бенет, житель Бэттла, в публичной коленопреклоненной молитве у ворот дома виконтессы, в базарный день, при большом скоплении народа, молил Бога ниспослать идолопоклоннице и ее семье кару⁴⁰.

Недовольство соседям-католиками проявлялись и в Лондоне. Там жители прихода Спасителя в Саутуорке даже замуrowали проход между домом виконта (Монтегю-хаус) и церковью в 1593 г., явно не желая видеть его вдову в числе прихожан. Однако позднее конфликт был так или иначе урегулирован, и в 1606 г. перегородка была убрана.

Хронология конфликтов указывает, что враждебность к католикам Монтегю выходила на поверхность во время общенациональных политических кризисов — в годы англо-испанской войны и после Порохового заговора. В остальное время доминировала практическая веротерпимость.

За рассматриваемый в работе период — 1550-е—1630-е гг. наличие двух и более конфессиональных групп постепенно становилось нормой для английских приходов. Соседство католиков и протестантов демонстрирует возможность и распространенность мирного сосуществования представителей разных конфессий.

В последние десятилетия исследователи отходят от традиционной модели, представлявшей движение от нетерпимого Средневековья к терпимому Новому времени, в которой период конфессионального конфликта описывается как временный откат назад, в целом преодоленный в XVII в.⁴¹ Историки подчеркивают присутствие обоих дискур-

³⁸ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 36—37*

³⁹ *Ibid. P. 39.*

⁴⁰ *Ibid. P. 36.*

⁴¹ См., например, ставшую классической работу о «нетерпимом Средневековье»: *Moore R.I. The Formation of a Persecuting Society. Oxford, 1987*, а также *Justifying Tolerance: Conceptual and Historical Perspectives / Ed. by S. Mendus. Cambridge, 1988; Jourdan W.K. The Development of Religious Toleration in England. 4 Vols. L., 1932—1940; Lecler J. Histoire de la Tolérance au siècle de la Réforme. Paris, 1955; Kamen H. The Rise of Toleration. L., 1967*. В том же ключе выстроены и относительно новые работы: *Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558—1689. Harlow, 2000; Zagorin P. How the Idea of Toleration Came to the West. Princeton, 2003*. Стоит отметить, что эти работы написаны историками идей, а не исследователями социальной практики.

сов — борьбы истинной веры с ложной, и соответственно, конфликта, преследований и сегрегации и христианского согласия, сохранения мира и порядка в обществе и любви к ближнему — как в Средние века, так и в Новое время. На практике же периоды религиозных преследований, актуализировавших дискурс противостояния и конфликта и обычно связанных с временами политических кризисов, чередовались с периодами мирного сосуществования, когда принципы согласия и мира в сообществе доминировали⁴². При этом конфессиональные общины в странах Европы не были сегрегированными, как показывают исследования, посвященные истории независимых Нидерландов или гугенотов во Франции⁴³.

Представленные в данной работе выводы, сделанные на основе анализа жизни католических семей из приходов Сассекса совпадают с выводами, сделанными исследователями на материалах других регионов, в частности, Биллом Шилдсом, изучавшим жизнь католиков на севере Англии — в деревнях Йоркшира и Ланкашира⁴⁴. Похожая картина вырисовывается и в городах, хотя они, и в особенности Лондон, были в большей степени подвержены политической конъюнктуре, и поэтому здесь спорадические конфликты и проявление антикатолических настроений случались чаще⁴⁵. Но и здесь в рассматриваемый период католики и протестанты сосуществовали внутри приходских сообществ, связанные узами родства, дружбы и делового партнерства, а конфессиональная сегрегация, выражавшаяся в сегрегации социальной, практически отсутствовала.

⁴² *Difference and Dissent: Theories of Toleration in Medieval and Early Modern Europe* / Ed. by C.J. Nederman and J.C. Laursen. N.Y., 1996; *Laursen J.C., Nederman C.J. Beyond the Persecuting Society: Religious Toleration before the Enlightenment*. Pennsylvania, 1998; *Religious Toleration: "the Variety of Rites" from Cyrus to Defoe* / Ed. by J.C. Laursen L., 1999; *Nederman C.J. Words of Difference: European Discourses of Toleration*, с. 110—1550. Pennsylvania, 2000; *Tolerance and Intolerance in the European Reformation* / Ed. by O.P. Grell and B. Scribner. Cambridge, 2002; *Walsham A. Charitable Hatred: Tolerance and Intolerance in England, 1500—1700*. Cambridge, 2006; *Kaplan B.J. Divided by Faith: Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe*. Cambridge, Mass., 2007.

⁴³ *Po-chia Hsia R., van Nierop H.F.K. Calvinism and Religious Toleration in the Dutch Golden Age*. Cambridge, 2002; *Luria K.P. Sacred Boundaries: Religious Coexistence and Conflict in the Early Modern France*. Washington, 2005.

⁴⁴ *Shields W.J. Catholics and Their Neighbours in a Rural Community: Egton Chapelry, 1590—1780* // *Northern History*. 1998. Vol. 34. P. 109—133; *Idem. Household, Age and Gender among Jacobean Yorkshire Recusants* // *Catholics of Parish and Town, 1558—1778*. P. 131—153; *Idem. "Getting On" and "Getting Along" in Parish and Town: Catholics and Their Neighbours in England* // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 67—83; *Watson E. "A Stiff-necked, Wilful and Obstinate People": the Catholic Community on the North York Moors, c.1559—1603* // *Yorkshire Archaeological Journal*. 2006. P. 181—204.

⁴⁵ *Gandy M. Ordinary Catholics in Mid-Seventeenth Century London* // *Catholics of Parish and Town*. P. 153—177.

Заключение

Проанализированный в части II материал отчетливо демонстрирует условность конфессиональных определений применительно к сфере социальной истории. Конфессиональная идентификация англичан XVI—XVII вв. требует от исследователей отказа от привычных критериев, основанных на категориях религиозной полемики и правовых формул, и внимания к жестам и словам, при помощи которых люди раннего Нового времени определяли свои идентичности в различных условиях.

Социальная сегрегация представителей разных конфессиональных групп применительно к рассматриваемому периоду при ближайшем рассмотрении также оказывается фантомом сознания исследователя. Даже такая, казалось бы, базовая единица конфессионального общества, как приход, демонстрирует присутствие внутри целого ряда групп с разными религиозными взглядами. Их объединяли как финансовые и правовые обязательства (поддержание здания церкви в порядке, патронат), так и общая литургическая жизнь (присутствие на службах, участие в таинствах). Английских католиков можно выделить в отдельную группу не потому, что они отделялись от приходов — напротив, они составляли их органическую часть — но потому, что они одновременно были членами еще одного религиозного сообщества (об этом пойдет речь в следующем разделе).

Такая ситуация оказывалась возможной благодаря стремлению английских католиков оставаться частью местных сообществ, а также и представлениям многих английских богословов-протестантов о том, что их церковь включает в себя не только избранных к спасению (как считали более строго кальвинистские церкви), но и всех остальных, даже идолопоклонников (читай: католиков)⁴⁶.

Все эти выводы, однако, ставят под вопрос применимость концепции «конфессионализации» к сфере социальной истории. Историки, прежде всего, исследователи социальной истории, уже высказывали сомнения на этот счет⁴⁷. Представляется, что использование этого термина следует ограничить областью формирования вероисповедных документов, а также и сферой политики (в частности, выработки мер по распространению определенных религиозных представлений и прак-

⁴⁶ Milton A. *Catholic and Reformed: the Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640*. Cambridge, 1995. P. 128—141.

⁴⁷ О полемике в отношении конфессионализации см.: Forster M.R. *With and Without Confessionalization* // *Journal of Early Modern History*. 1998. Vol. 1. P. 315—343; Heumann U. *The Concept of “Confessionalization”: a Historiographical Paradigm in Dispute* // *Memoria y Civilización*. 2001. Vol. 4. P. 93—114; Benedict P. *Confessionalization in France? Critical Reflections and New Evidence* // *Society and Culture in the Huguenot World, 1559—1685* / Ed. by R.A. Mentzer and A. Spicer. Cambridge, 2002. P. 44—61; Schilling H. *Confessionalization and the Rise of Religious and Cultural Frontiers in Early Modern Europe* // *Frontiers of Faith: Religious Exchange and the Constitution of Religious Identities, 1400—1750* / Ed. by E. Andor, I. Toth. Budapest, 2004. P. 21—35.

ти). Однако слишком прямолинейное использование данной концепции в сфере социальной истории религии приводит к излишним упрощениям. Ведь в Европе раннего Нового времени добродетели смирения и подчинения властям, а также любви к ближнему и поддержанию христианского согласия определяли поведение людей не в меньшей степени, чем стремление к сохранению чистоты веры и конфессиональной сегрегации.

Таким образом, корректнее будет рассуждать о многочисленных уровнях идентичности, создававших сложные системы. В их рамках конфессиональные соображения не доминировали, хотя и играли важную роль наряду с другими. Английский опыт здесь весьма показателен, но он не является уникальным. Различные формы и способы включения религиозных меньшинств в жизнь приходов и более широких общественных групп прослеживаются в исследованиях последних лет, посвященных гугенотам во Франции, или многочисленным конфессиональным группам (католикам и протестантам) в Голландской республике⁴⁸. Они показывают, что жизнь европейских стран в XVI—XVII вв. определялась сложным взаимодействием стремления к сегрегации и одновременно — к включению в сообщество.

Ситуация менялась постепенно, и очень медленно. Применительно к Англии говорить о конфессиональной сегрегации становится возможным лишь применительно к концу XVII—началу XVIII в. Рубежом здесь является Славная Революция 1688 г. и падение династии Стюартов. Английские католики считали, что приходские церкви принадлежат им, хотя и временно находятся в распоряжении «еретиков». До тех пор, пока сохранялась надежда на возвращение страны к католичеству, католическое духовенство весьма терпимо относилось к нежеланию католиков разрывать множественные связи с протестантским приходом. Приход к власти Стюартов в Англии способствовал этому. Ведь у английских католиков были основания считать, что обращение монарха, а затем и всей страны не за горами. Все английские королевы этой династии — Анна Датская, Генриетта-Мария, Екатерина Браганса и Мария Моденская — были католичками; Карла II, принявшего последнее причастие по католическому обряду (т.е. «примирившегося» с католической церковью), можно считать «церковным папистом» на троне. Его брат, Яков II, был обращенным католиком.

Славная Революция и смена династии разбили эти мечты. А после подавления якобитских мятежей конца XVII—начала XVIII вв. стало ясно, что Стюарты не вернуться, и рассчитывать на возвращение Англии к католичеству не приходится. Именно в этот период католики разрывают связь с приходами. На это время приходится значительный

⁴⁸ *Po-chia Hsia R., van Nierop H.F.K. Calvinism and Religious Toleration in the Dutch Golden Age. Cambridge, 2002; Luria K.P. Sacred Boundaries: Religious Coexistence and Conflict in the Early Modern France. Washington, 2005; Catholic Communities in Protestant States / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009.*

рост *recusancy* и практическое исчезновение «церковных папистов», которые либо становились рекузантами, либо окончательно принимали англиканство⁴⁹. В это же время английские католики отделились от приходских сообществ и в обрядах перехода, предпочитая крещения и венчания в частных домах, а хоронили их на отдельных кладбищах. Католическое сообщество в этот период практически эндогамным, заключая браки в своей среде, а участие дворян-католиков в политической жизни было сведено к минимуму⁵⁰.

Процесс удаления английских католиков с «национальной сцены» занял несколько десятилетий (конец XVII—первая половина XVIII в.). Однако этот период выходит далеко за хронологические рамки данного исследования.

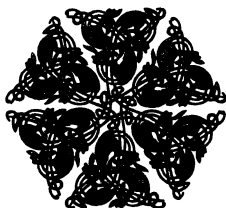
⁴⁹ *Bossy J. The English Catholic Community. P. 422.*

⁵⁰ Виконты Монтегю, например, практически перестали интересоваться выборами в парламент от своего боро после 1713 г. См.: *House of Commons, 1690—1715. P. 611.*

Часть III

Католики из окружения Монтегю
в контексте трансформации
европейского католицизма
раннего Нового времени

История конфессиональных сообществ и религиозных культур XVI—XVII столетий давно сформировали отдельную область исследовательских интересов ученых. Лидерство в этой области изначально принадлежало исследованиям, так или иначе связанным с протестантами. Работы, посвященные истории католиков и выходявшие при этом за рамки апологетики, появились лишь на рубеже XIX и XX вв., а труды по религиозной культуре — на много десятилетий позже, поскольку данное исследовательское поле даже сейчас не вполне избавилось от груза конфессиональных предрассудков, а также ожесточенных терминологических и концептуальных споров. Среди исследователей нет единства и относительно того, как следует именовать совершавшуюся в тот период трансформацию религиозной культуры. Как показал в своем историографическом исследовании Дж. О'Мэлли, каждый из популярных терминов — Конгрегация, Католическая Реформа, пост-Тридентский католицизм, эпоха конфессионализации и модернизации — опираются на определенные идеологии и существенно ограничивают взгляд историка, привлекая его лишь к определенному аспекту религиозной культуры. Сам О'Мэлли предпочитал использовать общий термин «католицизм раннего Нового времени», включающий в себя и другие понятия¹.

В данной работе мной используется этот термин, если речь идет об общих тенденциях католической религиозной культуры рассматриваемого периода, а также понятие «пост-Тридентский католицизм» применительно к набору требований к религиозной жизни, установленных собором и распространявшихся миссионерами в качестве идеальной модели.

Исследования католической религиозной культуры XVI—XVII вв. вплоть до 1980-х гг. представляли собой истории радикальной трансформации народной культуры, которая оказывалась либо пассивно принимающим, либо отчаянно сопротивляющимся объектом реформаторских усилий церковных и светских элит². Истории эти рассказывали о торжестве установленных Тридентских собором приоритетов религиозной культуры и о подчинении разных аспектов жизни рядовых христиан жестким требованиям морали и политического порядка — о социальном дисциплинировании. Реформы, проводимые церковной иерархией, поддерживались и реализовывались благодаря политическим мерам местных правительств, нацеленных на установление религиозного единообразия и порядка (конфессионализация)³.

¹ *O'Malley J. W., S.J. Trent and All That: Renaming Catholicism in the Early Modern Era* Cambridge, Mass., 2000.

² *Delumeau J. Catholicism between Luther and Voltaire. L., 1977; Muchembled R. Popular Culture and Elite Culture in France, 1400—1750. Baton Rouge, 1985 [French edition — Paris, 1978]; Bossy J. The Counter Reformation and the People of Catholic Europe // Past and Present. 1970. Vol. 47. P. 51—70; Idem. Christianity in the West, 1400—1700. Oxford, 1985.*

³ *Schilling H. Confessional Europe // Handbook of European History, 1400—1800. Leiden, 1995. Vol. II / Ed. T. A. Brady et al. P. 641—681; Reinhard W. Pressures To*

Однако исследования последних 15 лет заставили историков усомниться как в безоговорочной применимости модели конфессионализации, так и в уместности сохранения полярной картины противостояния элитарной и народной культуры. Сейчас трансформация религиозной культуры в раннее Новое время описывается как результат постоянного диалога, сложного взаимодействия и переплетения традиционных представлений и религиозных практик и измененной Тридентской модели⁴.

В английском контексте эта и без того сложная картина обретает новые детали. Исследовавший английское католическое сообщество в 1970-х гг. Джон Босси представил его в виде элитарной секты, которая усилиями священников-семинаристов, воспитанных в духе Тридентских норм, была оторвана от католиков-простолюдинов, оставшихся

wards Confessionalization? Prolegomena to a Theory of the Confessional Age // *The German Reformation* / Ed. by C. Scott Dixon. Oxford, 1999. P. 169—192; *Po-Chia Hsia R. Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550—1750*. L., 1989.

⁴ *Johnson T. The Recatholicisation of the Upper Palatinate (c. 1621—c. 1700)*. PhD dissertation. Cambridge, 1991; *Idem. Blood, Tears and Xavierwater: Jesuit Missionaries and Popular Religion in the Eighteenth-Century Upper Palatinate* // *Popular Religion in Germany and Central Europe, 1400—1800* / Ed. by B. Scribner and T. Johnson. Basingstoke, 1996. P. 183—202; *Idem. Magistrates, Madonnas and Miracles: The Counter Reformation in Upper Palatinate*. Farnham, 2009; *Soergel P.M. Wondrous in His Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria*. Berkeley, 1993; *Forster M.R. Catholic Revival in the Age of the Baroque: Religious Identity in Southwest Germany, 1550—1750*. Cambridge, 2001; *Nye J.K. Not Like Us: Catholic Identity as a Defence against Protestantism in Rottweil, 1560—1618* // *Religion and Superstition in Reformation Europe* / Ed. by H. Parish and W.G. Naphy. Manchester, 2002. P. 47—74; *Craciun M. Traditional Practices: Catholic Missionaries and Protestant Religious Practice in Transylvania* // *Ibid.* P. 75—93; *Gentilcore D. From Bishop to Witch: the System of the Sacred in Early Modern Terra d'Otranto*. Manchester, 1992; *Idem. "Adapt yourselves to the people's capabilities": Missionary Strategies, Methods and Impact in the Kingdom of Naples, 1600—1800* // *JEH*. 1994. Vol. 45. P. 269—294; *Chatellier L. The Religion of the Poor: Rural Missions in Europe and the Formation of Modern Catholicism, c. 1500—c. 1800*. Cambridge, 1997; *Idem. The Europe of the Devout: the Catholic Reformation and the Formation of a New Society*. Cambridge, 1989; *Hoffman P.T. Church and Community in the Diocese of Lyon*. New Haven, 1984. Ch. 2—3; *Luria K.P. Territories of Grace: Cultural Change in the Seventeenth-Century Diocese of Grenoble*. Berkeley, 1991; *Tingle E.C. The Sacred Space of Julien Maunoir: the Re-Christianising of the Landscape in Seventeenth-Century Brittany* // *Sacred Space in Early Modern Europe* / Ed. by W. Coster and A. Spicer. Cambridge, 2005. P. 237—258; *Kamen H. The Phoenix and the Flame: Catalonia and the Counter Reformation*. New Haven, 1993; *Christian W.A. Local Religion in Sixteenth-Century Spain*. Princeton, 1981; *Nalle S.T. God in La Mancha: Religious Reform and the People of Cuenca, 1500—1620*. Baltimore, 1992; *Parker C.H. Faith on the Margins: Catholics and Catholicism in the Dutch Golden Age*. Cambridge, 2008; *Po-Chia Hsia R. The World of Catholic Renewal 1540—1770*. Cambridge, 1998; *Mullett M. The Catholic Reformation*. L.;N.Y., 1999; *Bireley R. The Refashioning of Catholicism, 1450—1700: a Reassessment of the Counter Reformation*. Basingstoke, 1999; *Walsham A. Miracles and the Counter Reformation Mission to England* // *Historical Journal*. 2003. Vol. 46. P. 779—815.

в рамках понятной им традиционной религиозной культуры и постепенно дрейфовавших в сторону умеренного англиканства. Босси также обозначал разрыв между «традиционной» (= средневековой) католической церковью, которая в Англии XVI в. пребывала в состоянии стагнации и фактически скончалась к 1570-м гг., и новой церковью, созданной священниками-миссионерами и иезуитами, основанной на идеалах Тридентского собора⁵.

Такое представление об истории английского католического общества господствовало вплоть до середины 1990-х гг. Однако исследования последних лет оспорили многие аспекты этой картины. Были прослежены предшествовавшие идеалам Тридентского собора (и во многом создавшие их) реформаторские устремления и преобразования религиозной культуры в до-реформационной английской церкви конца XV—начала XVI в.⁶ В фокусе работ историков оказалась творческая переработка и «присвоение» миссионерами многочисленных элементов традиционной религиозности в ходе их пастырской деятельности, важная роль в ней мирян-католиков, мужчин и женщин, а также и католиков-простолюдинов. Во многом переосмысленной оказалась и роль самих священников, находившихся в тесном контакте с мирянами и одновременно в зависимости от них. Эти исследования заставили историков задаться вопросом о том, насколько английский католицизм XVI—XVII вв. вообще может быть описан в понятиях, определенных Тридентскими нормами⁷.

⁵ *Bossey J.* The English Catholic Community. P. 204—216.

⁶ *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England c.1400—c.1580. New Haven;L., 1992; *Idem.* Fires of Faith: Catholic England Under Mary Tudor. New Haven;L., 2009; *Mayer T.F.* Reginald Pole: Prince and Prophet. Cambridge, 2000; *Wooding L.E.C.* Rethinking Catholicism in Reformation England. Oxford, 2000; *Wizeman W.* Theology and Spirituality of Mary Tudor's Church. Aldershot, 2006; *The Church of Mary Tudor / Ed. by ed. D. Loades and E. Duffy.* Aldershot, 2005.

⁷ *Rowlands M.* Hidden People: Catholic Commoners 1558—1625 // *English Catholics of Parish and Town / Ed. by M. Rowlands.* P. 10—35; *Gandy M.* Ordinary Catholics in Mid-17th Century London // *Ibid.* P. 153—77; *Hilton J.A.* The Catholic Poor: Paupers and Vagabonds, 1580—1780 // *Ibid.* P. 115—128; *Wanklyn M.* Catholics in the Village Community: Madeley, Shropshire, 1630—1770 // *Ibid.* P. 210—36; *Sheils W.J.* Catholics and Their Neighbours in a Rural Community: Egton Chapelry 1590—1780. P. 109—133; *Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // *Past and Present.* 2000. Vol. 168. P. 72—123; *Idem.* Unclasping the Book? Post-Reformation English Catholicism and the Vernacular Bible // *Journal of British Studies.* 2003. Vol. 42. P. 141—166; *Idem.* Holywell: Contesting Sacred Space in Post-Reformation Wales // *Sacred Space in Early Modern Europe.* P. 211—236; *Idem.* Preaching Without Speaking: Script, Print and Religious Dissent // *The Uses of Script and Print, 1300—1700 / Ed. by J.C. Crick, A. Walsham.* Cambridge, 2004. P. 211—234; *Idem.* Angels and Idols in England's Long Reformation // *Angels in Early Modern World / Ed. by P. Parshall, A. Walsham.* Cambridge, 2006. P. 134—167; *Idem.* Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // *Catholic Communities in Protestant States.* P. 103—122; *Idem.*

Предлагаемая читателю книга сфокусирована на семействе Монтегю и католиках из их окружения. Ограниченные рамки этой группы позволяют попытаться создать целостную картину трансформации религиозной культуры с учетом последних разработок историков, при этом принимая во внимание максимально большое число факторов в их соотношении и многоуровневом взаимодействии. В отличие от исследований, имеющих своим фокусом приход, рассматриваемый здесь материал сложнее вписывать в исторический контекст: здесь отсутствует массив однотипных источников, напротив, находятся разрозненные сведения, выискиваемые по крупицам, причем подобная ситуация возникает применительно к любому английскому католическому клану. Однако исследований, посвященных другим католическим семьям Англии, в которых речь шла бы об их религиозной культуре, на данный момент не существует. Соответственно, сопоставление в рамках английского католического сообщества затруднено. Более плодотворным является сопоставление с материалом из континентальных католических стран.

В данном разделе представлена попытка понять, как именно происходили изменения религиозной культуры католиков в Англии — конфессиональной группы, подвергавшейся преследованиям и оказавшейся поэтому не в состоянии применить Тридентские реформы так, как они изначально задумывались их создателями, т.е. в рамках приходов и диоцезов. Другая цель состоит в том, чтобы оценить соотношение до-реформационной католической традиции — которая и сама по себе являлась неоднородной, сочетая элементы традиционной религиозности с началами реформы — с пост-тридентскими приоритетами, принесенными миссионерами. Рассматриваются различные аспекты религиозной культуры: взаимодействие капелланов Монтегю и их патронов, а также их паствы, трансформация литургических практик, личные благочестивые практики и религиозность католиков из окружения Монтегю, религиозные наставления и образование, а также роль мирян, мужчин и женщин, в религиозной жизни католического сообщества.

The Reformation of Landscape: Religion, Identity, and Memory in Early Modern Britain and Ireland. Oxford, 2011; *Crawford P.* Women and Religion in England. L., 1993; *Dolan F.* Whores of Babylon: Catholicism and Seventeenth-Century Print Culture. L., 1999; *Rowlands M.* Harbourers and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570—1720 // Catholic Communities in Protestant States. P. 103—122; *Dillon A.* The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535—1603. Ashgate, 2002; *Idem.* Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c. 1580—1700 // History. 2003. Vol. 88. P. 451—471; *McClain L.* Without Church, Cathedral or Shrine: the Search for Religious Space among Catholics in England, 1559—1625 // Sixteenth Century Journal. 2002. Vol. 33. P. 381—399; *Idem.* Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559—1642. Chicago, 2004. Обзор недавних исследований см. в: *Walsham A.* Translating Trent? English Catholicism and the Counter Reformation // Historical Research. 2005. Vol. 78. P. 288—310.

Католическое духовенство в свите Монтегю

Р оли духовенства в религиозных преобразованиях, охвативших Европу в XVI—XVII столетиях, уделяется огромное значение во всех исследованиях, посвященных религиозной культуре эпохи в целом, и католической культуры в частности. Работы о Тридентской реформе посвящают большие разделы реформированию духовенства в соответствии с новыми требованиями к образовательному и моральному уровню клириков, возникновению и распространению семинарий, предписанным соборными постановлениями, подготовке нового епископата, визитациям, проповеди и пастырской деятельности священников в приходах и миссиях, а также и реформаторской деятельности орденового духовенства (иезуитов, францисканцев, кармелитов и др.)¹. Порой возникает впечатление, что вся Католическая Реформа сводилась к реформированию духовенства и его деятельности, на которую паства каким-то образом реагировала.

В английском варианте фокус на духовенстве приобрел новые черты из-за свойственного национальной историографии внимания спорам о роли священников-миссионеров, подготовленных в континентальных семинариях (следовательно, носителей Тридентских норм) и священников, рукоположенных еще при Марии Тюдор (*Marian priests*). Джон Босси полагал, что до прибытия семинарских священников католицизм в стране медленно агонизировал, число католиков неуклонно сокращалось, и только миссия смогла прервать этот процесс и создала католическое сообщество².

На рубеже 1970—1980-х гг. эта точка зрения была подвергнута критике со стороны А. Райта и Кристофера Хэйга. Хэйг настаивал на континуитете католицизма до и после возникновения миссии, и считал, что основная заслуга в создании католического сообщества принадлежит именно священникам старшего поколения (*Marian priests*), а миссия лишь подхватила их дело³. Позиция Хэйга, в свою очередь, вызвала

См., например, обзоры: *Po-Chia Hsia R.* The World of Catholic Renewal. Ch. 2, 7. P. 26—41, 106—121; *Mullett M.A.* The Catholic Reformation. Ch. 2, 3. P. 29—110.

Bossey J. The English Catholic Community. P. 290.

Wright A.D. Catholic History, North and South; *Haigh C.* The Fall of a Church or the Rise of a Sect?; *Idem.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England; *Idem.* The Continuity of Catholicism in the English Reformation; *Idem.* Revisionism, the Reformation and the History of English Catholicism. Подробнее см.: Введение.

критику со стороны Патрика Мак Грота⁴ и А. Райта⁵, считавших что он недооценил роль миссии.

В последние десятилетия исследователи истории английских католиков предпочитают уходить от жесткого противопоставления *Marian priests* и священников-миссионеров, подчеркивая преемственность между ними и разделяемые обеими группами ценности Тридентской реформы. На первый план выдвигаются другие проблемы, связанные с их деятельностью в Англии. Священники-семинаристы и иезуиты, а позднее и представители других орденов — францисканцы и бенедиктинцы — находились в Англии нелегально. Их присутствие в стране и пастырская деятельность финансово и организационно обеспечивалась мирянами. Последние укрывали священников в своих домах, спасали от преследований (и смерти). Можно ли в таких условиях говорить о воспроизведении в Англии Тридентского идеала влиятельного и независимого от мирян духовенства, обладающего непререкаемым авторитетом в делах веры? Ведь о независимости английским католическим священникам не приходилось даже мечтать. И можно ли в таком случае считать английский вариант католицизма по-настоящему пост-Тридентским?⁶

Исследователи, склонные отвечать на эти вопросы положительно (в частности, Александра Уолшем) подчеркивают уникальные возможности, открывавшиеся перед католическими священниками. Ведь гонения превратили их в домашних капелланов, тем самым дав им возможность близко наблюдать и контролировать личные религиозные практики — что редко удавалось приходским священникам в такой же степени. А утрата независимости отчасти компенсировалась тем обстоятельством, что священников-миссионеров, которым в случае ареста грозили пытки и мучительная смерть, их паства зачастую почитала как живых святых; так что утрата финансовой независимости одновременно могла означать и обретение невиданного до той поры морального авторитета⁷.

В настоящей главе анализируются различные стороны взаимодействия католических священников и мирян в свите Монтегю. В ней рассмотрен персональный состав клириков и его изменения с течением времени и показано, как на практике происходила смена поколений

⁴ *MacGrath P. Elizabethan Catholicism: a Reconsideration; Idem. A Reply to Dr Haigh. Idem. The Elizabethan Priests: Their Harbourners and Helpers; Idem. The Bloody Questions Reconsidered; Idem. The Imprisonment of Catholics for Religion under Elizabeth I.*

⁵ *Wright A.D. Catholic History, North and South, Revisited.*

⁶ Сомнения в этом высказывал, например, Майкл Маллетт. См.: *Mullett M.A. "So They Become Contemptible": Clergy and Laity in a Mission Territory // Catholic Communities in Protestant States. P. 33—47.*

⁷ *Walsham A. Miracles and the Counter Reformation Mission to England // Historical Journal. 2003. Vol. 46. P. 779—815; Idem. Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States. P. 103—122.*

священников — *Marian priests* и миссионеров, каковы были образовательный уровень священников в свите Монтегю, каналы их проникновения в свиту и критерии отбора, а также соотношение постоянных капелланов и «странствующих» священников, передвигавшихся от одного католического дома к другому. Рассмотрено и соотношение между священниками-семинаристами и представителями орденского духовенства в свите Монтегю. Исследован также характера взаимоотношений между клириками и мирянами в их, различных аспектах: поддержка деятельности духовенства, в частности, формирование и функционирование целых сетей мирян-патронов, обеспечивавших священников безопасными убежищами и собиравшими для них средства, финансирование обучения клириков в континентальных семинариях, и восприятие пастырских наставлений патронами⁸.

§ 1. Первый виконт Монтегю и католическое духовенство, 1553–1592 гг.

Старшее поколение семейства Монтегю встретило елизаветинскую Реформацию, обладая уже сложившимися представлениями о том, каким должен быть католический священник. Эти представления сформировались в предшествовавшие десятилетия в результате личного общения с клириками-реформаторами.

Сэр Энтони Браун был тесно связан с кругом католиков-реформаторов начала XVI в., включавшего в себя епископа Рочестерского Джона Фишера, ученого клирика, одним из первых начавшего реформировать свой диоцез в соответствии с новыми представлениями о пастырском долге и христианской жизни⁹. Рукописи сочинений Фишера хранились в семье, и годы спустя его сын издаст перевод трактата Фишера о молитве (подробнее см. главу IV). Другом сэра Энтони, а позднее и его сына, был и епископ Винчестерский Стивен Гарднер — ученый гуманист, богослов и полемист¹⁰. Виконт Монтегю в 1554 г. был одним из душеприказчиков покойного епископа¹¹. Его другом был и еще один ученый клирик-реформатор, архиепископ Йоркский Николас Хит, лишившийся своей кафедры в 1559 г. и доживавший свой век под домаш-

⁸ См. также: *Серегина А.Ю.* Образование и пастырская деятельность клириков в английском католическом сообществе XVI—XVII вв.: духовенство в свите виконтов Монтегю // *Диалог со временем.* М., 2014. Вып. 49. С. 108—137.

⁹ О Джоне Фишере см.: *Humanism, Reform and the Reformation: the Career of Bishop John Fisher* / Ed. by B. Bradshaw, E. Duffy. Cambridge, 1989; *Rex R. The Theology of John Fisher.* Cambridge, 1991; *Dowling M. The Fisher of Men: A Life of John Fisher, 1469—1535.* Basingstoke, 1999.

¹⁰ О Гарднере см.: *Redworth G. In Defence of the Church Catholic: the Life of Stephen Gardiner.* Oxford, 1990.

¹¹ *Dollman F.T. The Priory of St. Mary Overie, Southwark.* P. 13.

ним арестом в маноре Чобэм в графстве Сарри, неподалеку от поместий Монтегю¹². В 1578 г. архиепископ завещал виконту свои книги¹³.

Кроме того, во время путешествия по Италии в 1555 г. Монтегю должен был встречаться с представителями первого, еще до-Тридентского поколения епископов-реформаторов. Хотя у нас нет прямых свидетельств этих встреч, дипломатический протокол того времени предполагал, что английское посольство во главе с епископом, направлявшееся в Рим (см. выше, часть I, главу III), должны были встречать главы диоцезов (или, по крайней мере, их администраторы). Соответственно, во Флоренции послов должен был встречать архиепископ-реформатор Антонио Альтовити¹⁴, а в Тренто (Триденте) — Лодовико Мадруццо¹⁵. Таким образом, благодаря общению с этими клириками, у виконта Монтегю вполне могло сформироваться представление о том, каким подобает быть священнику, и этот образ подразумевал соединение в себе богослова (или, по крайней мере, хорошо образованного в этой области человека), пастыря и проповедника.

Приоритеты Монтегю нашли отражение и в выборе священников для принадлежавших ему приходов в середине XVI в. Как уже отмечалось выше (часть II, глава III), половина из назначенных виконтом священников в 1559—начале 1560-х гг. лишилась бенефициев, что говорит, по крайней мере, об их преданности католическому учению.

Далеко не все священники середины XVI в. могли похвастаться университетским образованием. Само по себе это еще не означало плохой «профессиональной» подготовки. Среди представителей духовенства встречались целые «кружки» единомышленников, проявлявших живой интерес к знаниям. Примером может служить, например, завещание йоркширского священника Роберта Паркина (1568 г.), отражавшем его интеллектуальные запросы. В библиотеке Роберта Паркина было как минимум два издания Библии — на латыни и на английском языке, библейский конкорданс, а также семитомное издание комментариев к библейским текстам Дионисия Картузианца¹⁶ (вероятно, Кёльнское издание 1534—1540 гг.). Кроме того, там было издание сочинений отцов церкви — Св. Илария (возможно, издание Эразма, вышедшее в 1530 г. в Базеле) и Св. Августина (*Epitome Omnium Operum*, 1549 г.), библейские комментарии Йосса Ван Клихтове¹⁷, хроника Джона Хардинга (издание 1543 г.) и даже некое сочинение Кальвина. Кроме того, в завещании упомянуты также несколько рукописных

¹² ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/12840>

¹³ Loseley MSS. P. 632.

¹⁴ D'Addario A. *Aspetti della Controriforma a Firenze*. Roma, 1972.

¹⁵ Nubola C. *Conoscere per governare. La diocesi di Trento nella visita pastorale di Ludovico Madruzzo, 1579—1581*. Bologna, 1993.

¹⁶ Дионисий Картузианец (1402—1471) — голландский богослов и мистик.

¹⁷ Йосс ван Клихтове (1473—1543) — фламандский богослов, профессор богословия в Лувене и Париже. Полемист, автор сочинений, направленных против учения Лютера.

книг, содержащих, по всей видимости, наставления и комментарии к книгам Писания.¹⁸

Составленный Паркином сборник включает в себя несколько сочинений средневекового английского мистика Ричарда Ролла. За ними следует генеалогия царей Израильских (от Соломона до Вавилонского пленения), краткий обзор посланий Св. Павла (по главам), несколько молитв (на английском), составленных Томасом Мором, а также сочинения и компиляции самого священника.

Подобный подбор литературы свидетельствуют не только об учености и любознательности их владельца, но главным образом о том, что он регулярно обращался к своим прихожанам с проповедями, в отличие от многих других священников. Впрочем, он явно был в этом не одинок: завещание указывает на круг единомышленников, учившихся друг у друга и обменивавшихся книгами. Так, Паркин унаследовал книги от викария соседнего прихода Бродсуорт (4 мили к западу от Одвика) Джона Роджера в 1550 г., а потом завещал проповеди Клихтове преемнику Роджера Роберту Сколи. Близким другом Паркина был и другой его сосед-священник, викарий прихода Мелтон-апон-зе-хилл (теперь — Хай-Мелтон) Уильям Уотсон. В завещании Паркин именно Уотсону оставил несколько рукописных книг. Сколи и Уотсон стали душеприказчиками Паркина. Еще одним другом-клириком был Джон Хадсон, приходский священник из Донкастера¹⁹.

Таким образом, Роберт Паркин выглядит не как «консерватор», а как практически идеальный клирик эпохи реформы: образованный, знаток Писания, готовый проповедовать своим прихожанам и обсуждать богословские вопросы и исторические сочинения с коллегами, внимательно относящийся к внутренним религиозным переживаниям²⁰.

Подобный круг образованных клириков можно выделить и в Сассексе. Так, лишившийся в 1559 г. приходов Избурн и Нортэм Оуэн Модсли (кандидатура Монтегю) был в 1566 г. вместе с Альбаном Лэнгдейлом душеприказчиком Чичестерского каноника Энтони Клерка²¹. О нем и о Лэнгдейле еще будет сказано подробнее. Здесь же стоит отметить, что и сам Лэнгдейл обязан был своим бенефицием виконту Монтегю. Лишившись его, он и Клерк, не были оставлены на произвол судьбы, но продолжали пользоваться покровительством виконта.

¹⁸ Завещание Паркина: York Probate Registry. Vol. 19. F. 54—55. Здесь данные приводятся по: *Dickens A.G. Robert Parkyn's Narrative of the Reformation // English Historical Review. 1947. Vol. 62. P. 61—62.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Подробнее о Паркине см.: *Серегина А.Ю. История глазами проигравших? Роберт Паркин и его история Реформации в Англии (1550-е гг.) // Диалог со временем. М., 2011. Вып. 37. С. 315—350.*

²¹ *McCann T.J. The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester. P. 111.*

Капелланы первого виконта Монтегю

Из предшествующего обзора явствует, что капелланы первого виконта Монтегю, оказавшиеся в его свите в 1560-х гг., впервые обрели его покровительство раньше, в годы правления Марии Тюдор. Они были уже ему хороши известны. Каковы же были критерии, руководствуясь которыми виконт выбирал капелланов для своей семьи из числа «своих» священников? Ответ на этот вопрос требует обращения к биографиям его клириков. Наиболее известным из всех был *Альбан Лэнгдейл*, о котором уже шла речь (в части II, главе I). Уроженец Йоркшира, Лэнгдейл учился в Кэмбридже и сделал блестящую университетскую карьеру. Он был связан с колледжем Св. Иоанна (Сент-Джонс), и возможно, именно это обстоятельство изначально привлекло к нему внимание Монтегю: Сент-Джонс был также и колледжем его друга Гарднера. Университетская карьера Лэнгдейла складывалась удачно. К 1544 г. он был уже бакалавром богословия (степень, требовавшая предварительного получения степени магистра искусств), и готовился к докторату. Его карьера была прервана из-за участия в дебатах о сути евхаристии в 1549 г. Лэнгдейл поддерживал католическое толкование таинства (еще одна связь с Гарднером, тогда же попавшим в тюрьму по той же причине), и был вынужден поэтому покинуть университет. Вернувшись в университет в 1554 г., он продолжил ученые занятия (перебравшись в Оксфорд), одновременно получив ряд бенефициев. Лэнгдейл участвовал в диспутах с арестованными епископами-протестантами — Кранмером, Лэтимером и Ридли (1554 г.), что, видимо, и убедило Монтегю в его достоинствах проповедника. В 1555 г. виконт обеспечил Лэнгдейлу должность каноника Чичестерского собора. В 1557 г. он задействовал его в попытках обратить Ричарда Вудмена (см. часть I, главу III), а в 1558 г. отправил его проповедовать против еретиков в прибрежных районах Сассекса.

Лишившись в 1559 г. бенефициев и возможности продолжать ученую карьеру, Лэнгдейл нашел приют в свите Монтегю, который в 1561 г. фактически поручился за него перед властями. С тех пор и до смерти (1587 или 1589 гг.) Лэнгдейл оставался в доме Монтегю, официально — в статусе наставника его детей²². Он и в самом деле был учителем и наставником в вопросах веры, оказавшим влияние на два поколения семьи Монтегю (подробнее см. ниже, главу IV).

Вслед за Лэнгдейлом к свите Монтегю в 1562 г. примкнул и его друг *Энтони Клерк*, бывший каноник Чичестерского собора и бывший монах-картузианец, получивший в 1535 г. степень бакалавра богословия в Оксфорде. В Чичестере он был главой местной школы, а также читал богословские лекции местному духовенству. Он, по всей видимости, был уже довольно стар, и его пребывание в свите Монтегю можно назвать почетной пенсией. Скончался Клерк около 1566 г.²³

²² ODNB online: www.oxforddnb.com/view/article/16008.

²³ *McCann T.J.* The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester. P. 105—111.

Еще один капеллан виконта, *Энтони Гарнет*, также был университетским выпускником. В 1560—1563 гг. он занимал пост главы колледжа Бейлиол, славившегося своими католическими традициями²⁴. Смещенный с поста, он некоторое время был капелланом графини Нортумберленд — кузины виконта Монтегю, урожденной Энн Сомерсет, а после того, как она была вынуждена после разгрома Северного восстания покинуть Англию, Гарнет нашел себе место в Каудрее. Он занимал должность секретаря и управляющего первого виконта; сохранились составленные им по поручению Монтегю письма и счета²⁵. Но, помимо этого, он также занимался и своей «непосредственной» пастырской деятельностью.

Меньше сведений сохранилось о другом клирике из круга Монтегю — *Альбане Долмене*, бывшем преподавателе колледжа Всех Душ (Олл Соулз, Оксфорд). Он, тем не менее, пользовался большим авторитетом среди католического духовенства: его призывали в качестве арбитра для улаживания конфликтов в среде арестованных священников и иезуитов в замке Уисбеч в 1590-х гг. Он же пользовался уважением других католиков, в частности, был другом Уильяма Полета, лорда Сент-Джона (с 1598 г. — маркиза Винчестера), а до появления в свите Монтегю был капелланом лорда Морли²⁶.

Другими представителями «старшего поколения» *Marian priests* были некие *Джексон* и *Уилсон*. О Джексоне известно лишь, что он ранее был капелланом Майкла Хэйра из Саффолка²⁷. Уилсоном же вполне может оказаться Роберт Уилсон, бывший приходский священник из Мидхёрста, лишившийся прихода в 1560 г. В таком случае виконт оказал ему покровительство, приняв в число своих капелланов, хотя, по всей вероятности, Уилсон не находился в его свите постоянно. В 1586 г. он был капелланом вдовствующей графини Пемброк (Энн Тэлбот, тетки леди Магделен Монтегю), но после ее смерти (1588 г.), по всей видимости, вернулся к Монтегю. Известно, что он служил мессу в Саутуорке (Монтегю-Хаус) в 1592 г.²⁸

«Младшее поколение» *Marian priests* — т.е. те из них, кто был рукоположен в конце 1550-х гг., а не раньше — также было представлено в свите виконта Монтегю. Они сменили поколение Лэнгдейла, и их пребывание в качестве капелланов Монтегю пришлось на 1580—начало 1590-х гг. В их числе — *Роберт Грей*, получивший в 1557 г. степень бакалавра богословия²⁹. В первые десятилетия царствования Елизаветы

²⁴ *Kenny A. Reform and Reaction in Elizabethan Balliol // Balliol Studies / Ed. by J. Prest. Oxford, 1982. P. 20*

²⁵ BL, Add. MS 33503.

²⁶ *Gillow J. Biographical and Bibliographical Dictionary of English Catholics. L., 1885. Vol. 2. P. 85—87; Questier M.C. Catholicism and Community. P. 185—187.*

²⁷ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 185.*

²⁸ *Foley H. Records of the English Province of the Society of Jesus. Vol. I. P. 383.*

²⁹ Дж. Анструтер отождествлял Роберта Грея со священником-семинаристом (*Anstruther G. The Seminary Priests. Vol. I. P. 135*), однако, скорее всего, речь идет не о нем, а Роберте Грее, учившемся в Кембридже и рукоположенном в 1555 г. См.: *Peile J. Biographical Register of Christ's College, 1505—1905. Cambridge, 2010. P. 30.*

Грей был домашним учителем и капелланом в семьях дворян-католиков — сэра Томаса Фицгерберта, и его друзей Николаса Лэнгфорда и Уильяма Бассетта. Все они входили в состав свиты Джорджа Тэлбота, графа Шрусбери, кузена леди Монтегю, а Фицгерберт короткое время служил и самому виконту³⁰.

Фрэнсис Райделл был в последние годы жизни виконта его управляющим и капелланом. О нем известно немного, однако до появления в свите виконта он долгое время провел на севере Англии, возможно, вместе с Греем, так как пользовался покровительством Николаса Лэнгфорда и Уильяма Бассетта. Помимо них, в число патронов Райделла входили сэр Роберт Дормер и его жена Элизабет (Браун, дочь виконта), сэр Генри Констебл и его жена Маргарет (Дормер, сестра сэра Роберта), сэр Томас Ли, Эдвард Бентли (муж Кэтрин Роупер, племянницы виконта Монтегю), а также и другие члены свиты Генри, лорда Виндзора³¹.

Об остальных капелланах — почти никаких сведений. Уильям Дэнби, возможно, продолжал служить второму виконту Монтегю³², а об Уильяме Парфетте неизвестно ничего, кроме имени³³.

Сохранившиеся биографические сведения показывают, что все капелланы, «задержавшиеся» в свите Монтегю надолго — Лэнгдейл, Клерк, Гарнет, Долман, а позднее и Грей — имели университетское образование, причем именно «профильное», богословское, не ограничившись курсом искусств. Таким образом, виконт предпочитал иметь рядом с собой ученых клириков, способных проповедовать, наставлять, а в случае необходимости и вести полемику с оппонентами. Последний элемент — диспуты о вере — вероятно, для виконта представляли собой своеобразное развлечение, имитацию диспутов, организованных монархами (при Эдуарде, Марии и Елизавете в Англии, во времена регентства Екатерины Медичи во Франции). Неслучайно приближенные к Монтегю клирики-протестанты — его капеллан Томас Модсли (возможно, родственник уже упомянутого Оуэна Модсли) и настоятель церкви в Бэттле Джон Уитенс (см. часть II, главу III) — также были учеными богословами и постоянно общались с католическими священниками из свиты патрона. Нетрудно представить их рассуждающими на спорные богословские темы в присутствии виконта.

Все капелланы-католики имели должности в свите. Так, Лэнгдейл был наставником детей и внуков виконта, Гарнет и Райделл — его управляющими. Это соответствовало обычной практике: в аристократических семьях капелланы зачастую выполняли функции домашних учителей и/или секретарей и управляющих. Но это же обстоятельство позволяло придать

³⁰ CSP Domestic, 1591—1594. P. 379—381.

³¹ Ibid. P. 372.

³² М. Кестье отождествляет Уильяма Дэнби с конюшим второго виконта (*Questier* M.C. Catholicism and Community. P. 199), однако, вероятнее всего, речь идет о родственниках.

³³ *Questier* M.C. Catholicism and Community. P. 185.

капелланам, чья основная функция — служение мессы — была поставлена вне закона, официальный статус, который защитил бы их от преследований. Подобное положение, конечно, ставило капелланов в зависимость от прихотей патрона. Но оно и приближало их к нему, давало возможность влиять на его дела, а также на само формирование личности представителей молодого поколения. Альбан Лэнгдейл, в частности, пользовался большим авторитетом не только у виконта, но и у его потомков; его наставления будут вспоминать годы спустя внук, второй виконт Монтегю. Фактически, Лэнгдейл имел уникальную возможность направлять религиозную жизнь членов семьи Монтегю, и его влияние на формирование их личных религиозных предпочтений и практик сказывалось еще долго (не говоря уже об обосновании им практики «церковного папизма», предопределившей поступки целого поколения католиков в семье Монтегю и за ее пределами [см. часть II, главу I]). Об этом еще пойдет речь (см. главу IV).

Немалым влиянием пользовался и Альбан Долмен, чья выраженная анти-иезуитская позиция³⁴, вероятно, сыграла свою роль в нежелании первого виконта принимать у себя в доме представителей Общества Иисуса, и стремлением второго виконта поддерживать анти-иезуитскую партию католического духовенства. Таким образом, положение *Marian priests* в свите Монтегю не было однозначно подчиненным; личный авторитет высокообразованных клириков порой давал им большие возможности влиять на своих патронов.

Появление того или иного капеллана в свите Монтегю определялось как личными предпочтениями виконта (он давно знал и ценил Лэнгдейла, и в 1561 г. воспользовался возможностью, взяв его на поруки и тем самым заполучив себе на службу), так и семейными связями. Многие капелланы появлялись у него в свите после пребывания в домах родственников и, вероятно, по их рекомендации. Примечательно, что в данном случае важным оказывалось влияние женщин-патронесс: так, Гарнетт прибыл в Каудрей из свиты кухни виконта, графини Нортумберленд, Уилсон и Грей были связаны с родственниками леди Монтегю, а Райделл — с кругом дочери виконта, леди Дормер, и его племянницы, Кэтрин Бентли (урожденной Роупер).

Лишь нескольких из капелланов Монтегю — Лэнгдейла, Клерка и Гарнетта можно назвать вполне «оседлыми». Все остальные с той или иной частотой перемещались между домами разных патронов, связанных между собой узами дружбы и родства. Таким образом, противопоставление «оседлого» образа жизни капеллана знатного дворянина постоянным странствиям миссионеров на деле оказывается ложным. Более того, перемещения представителей младшего поколения *Marian priests* — Долмена, Грея и Райделла — представляют отчетливую параллель перемещениям священников-семинаристов и иезуитов. Согласно инструкциям, составленным для иезуитов (1583 г.), последние должны были объезжать дома патронов — обычно родственников и/или соседей, тем самым принимая

³⁴ Ibid. P. 186.

на себя ответственность за своеобразный «пастырский округ», представляя там в виде секретарей или управляющих, одетые как джентльмены, что позволяло им свободно общаться в кругу дворян³⁵. Это описание подходит и капелланам первого виконта Монтегю, хотя они и не учились в семинариях. Они тоже перемещались между домами дворян, тем самым связывая католиков южных графств, Лондона и центра страны (Дербишира и Стаффордшира), и так же маскировались под светских лиц. Альбан Долмен, например, был «представительной внешности, и когда одет как джентльмен из хорошего дома, как обычно, его можно принять за мирового судью»³⁶. Таким образом, противопоставление *Marian priests* и священников-семинаристов даже и в том, что касается организации их деятельности, выглядит преувеличенным историографией.

Капелланы других членов семьи Монтегю в конце XVI в.

Как явствует из предшествующего раздела, первый виконт Монтегю принимал исключительно священников, рукоположенных в Англии (*Marian priests*) в качестве домашних капелланов, поскольку клирики, учившиеся в семинариях, и уж тем более иезуиты, были поставлены вне закона статутами 1581 и 1585 г. Однако правило явным образом распространялось только на капелланов, которые проводили значительное время в его свите. Перемещавшиеся по Англии священники-семинаристы, в том числе и те, кто двигался от портов Сассекса вглубь страны, находили приют в Мидхёрсте и помощь членов свиты Монтегю, а порой и родственников самого виконта.

Согласно сообщению правительственного агента Томаса Додуэла, в феврале 1584 г. в Каудрее принимали священников-семинаристов Джона Лонга и Роберта Наттера. *Джон Лонг*, как и многие представители первого поколения семинаристов, учился в Оксфорде, а затем отправился в Английскую коллегию Реймса (до 1578 г — Дуэ), и в начале 1580-х гг., после рукоположения, вернулся в Англию. Известно о его пребывании в доме графини Эрендел (племянницы леди Монтегю), откуда он, видимо, и поехал в Каудрей. Позднее Лонг уехал из Англии и преподавал в Английских коллегиях Реймса и Рима³⁷.

Роберт Наттер был моложе Лонга и учился только в Реймсе. Оттуда он в 1581 г. приехал в Англию и до середины 1584 г. занимался миссионерской деятельностью в Хэмпшире и Оксфордшире (т.е. в графствах, где жило немало родственников Монтегю). Наттер подвергся аресту дважды — в 1584 и 1585 гг. — и провел 12 лет в заключении в замке Уис-

³⁵ *McCoog T.M., S.J. Sparrows on the Rooftop: "How We Live Where We Live" in Elizabethan England // Spirit, Style, Story: Essays Honouring John W. Padberg, S.J. / Ed. by T.M. Lucas, S.J. Chicago, 2002. P. 327—364, особ. P. 348.*

³⁶ "of comely personage, and when attired like a gentleman of good calling, as commonly, one would esteem him a justice of the peace" // *Salisbury MSS. Vol. III. P. 89.*

³⁷ *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. I. P. 213.*

беч, дважды высылался из страны и возвращался вновь. В 1600 г. он был арестован и казнен в Ланкашире³⁸. Неизвестно, кто именно из свиты Монтегю организовал визиты этих священников в Каудрей.

В 1586 г. в Бэттле был арестован еще один священник — *Джон Оуэн*. Он принадлежал к католической семье из Оксфорда, возможно, связанной узами родства с Джоном Шелли — джентльменом из свиты Монтегю. В 1585 г. Оуэн путешествовал из Хэмптон Корт-Парка в Гилфорд в компании слуги Монтегю (возможно, самого Шелли), а год спустя (после ареста, высылки и возвращения в Англию) оказался уже в непосредственной близости от резиденции виконта. Арестованный был отправлен в Тауэр, и в 1588 г. предстал перед судом по обвинению в измене, но предпочел смерти отречение от веры³⁹.

Джон Шелли привечал и другого католического священника — *Саймона Феннелла*. Последний в начале 1570-х гг. учился в Оксфорде, в колледже Бэйлиол, где его наставником был будущий иезуит Роберт Парсонс, а затем поступил на службу в свиту графа Саутхэмптона (зятя Монтегю). Отсюда, вероятно, и его связи с католическими семьями южных графств. После смерти графа (1581 г.) Феннелл уехал учиться в Реймс, и был рукоположен в 1583 г., а вскоре вернулся в Англию. Следующие 10 лет его жизни были посвящены миссионерской деятельности на юге Англии. Его принимали в домах Копли, Шелли, Тичборна, Фортескью и сэра Томаса Трешэма. А в 1593 г. Джон Шелли переправил Феннелла, облаченного в ливрею виконта Монтегю, через территорию Сассекса на запад. Священник направился в Ирландию, вероятно, к графине Килдейр (сестре первого виконта), и вернулся в Англию в 1602 г.⁴⁰

И наконец, гонитель католиков Топклифф был убежден, что в 1590 г. в Каудрее принимали *Роберта Саутуэлла*⁴¹ — знаменитого иезуита, писателя и миссионера. Нет других сведений, подтверждающих это предположение, однако это было вполне возможно, учитывая, что Саутуэлл был капелланом графини Эрндел (племянницы виконтессы), основная резиденция которой (замок Эрндел) находилась в Сассексе. Именно Саутуэлл организовал пути переправки священников из портов Сассекса вглубь страны через поместья «надежных» католиков. Одним из таких пунктов стал Каудрей⁴².

Такое количество священников-семинаристов вокруг резиденций Монтегю вызывает вопрос: в самом ли деле виконт не знал об их присутствии, или же предпочитал перекладывать ответственность на слуг?

Родственники первого виконта тоже не были склонны следовать его приоритетам в выборе капелланов. Особенно показательным в этом отношении является его младший брат, сэр Фрэнсис Браун. Он вхо-

³⁸ Ibid. P. 12.

³⁹ Ibid. P. 263.

⁴⁰ Ibid. P. 115.

⁴¹ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/26064>; *Delvin C. The Life of Robert Southwell*. L., 1956.

⁴² *Delvin C. The Life of Robert Southwell*. P. 219.

дил в число покровителей иезуитов практически с момента появления членов ордена в Англии. Так, в 1580 г. он предоставил свой дом в Саутуорке для работы Синода католических священников, созванного прибывшими в страну иезуитами *Робертом Парсонсом*⁴³ и *Эдмундом Кэмпнионом*⁴⁴. Потом он предоставил Парсонсу свой дом для развертывания деятельности подпольной типографии, а в 1581 г. принимал Парсонса — которого уже объявили изменником и разыскивали по всей стране — в своей поместье Хенли-парк (Оксфордшир).

Позднее сэр Фрэнсис Браун оказывал покровительство другим иезуитам, прибывшим в Англию — Роберту Саутуэллу и *Генри Гарнету*⁴⁵. А его капелланом (посещавшим также и брата — вероятно, Уильяма Брауна из Элсинга) был иезуит *Уильям Уэстон*. Выпускник Оксфорда, как и все первые английские иезуиты, он позднее учился в коллегии Дуэ, а в 1580-х гг. (до ареста в 1586 г.) активно проповедовал среди дворян (за ним числится обращение в католичество графа Эрендела). Уэстон был представлен сэру Фрэнсису в лондонском доме леди Джован Темпест, которая стала его второй женой. Уэстон также был хорошо знаком с Фрэнсисом Гауэром, слугой виконта Монтегю, и бывал поэтому в Монтегю-Хаусе⁴⁶. После своего ареста в 1586 г. Уэстон провел много лет в заключении в Уисбече, а после высылки из Англии в 1603 г. преподавал в Английской коллегии в Севилье (немаловажное обстоятельство для капелланов Монтегю, о чем пойдет речь ниже)⁴⁷.

Сэр Фрэнсис Браун также приглашал в качестве капеллана *Джона Боста* — бывшего преподавателя Оксфорда (колледж Королевы, Квинс) и англиканского священника, который в 1580 г. отправился в Реймс, а после рукоположения в 1581 г. вернулся в Англию. Бост некогда служил в свите Монтегю (до рукоположения), и его там хорошо знали, так что, когда в 1593 г. он был арестован, слуги «молодого виконта», совсем недавно служившие его деду, даже составили небольшой заговор с целью его освобождения⁴⁸. Из него, впрочем, ничего не вышло: Боста отправили в Тауэр, и в 1594 г. казнили в Тайберне (сейчас — Лондон)⁴⁹.

⁴³ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/21474>. См. также: *Parish J.* Robert Parsons and the English Counter Reformation. Houston, 1966; *Edwards F., S.J.* Robert Persons: A Biography of an Elizabethan Jesuit. St. Louis, 1995; *Houliston V.* Catholic Resistance in Elizabethan England: Robert Persons's Jesuit Polemic, 1580—1610. Aldershot, 2007; *Серегина А.Ю.* Введение // *Р. Делеман [Р. Парсонс]*. Рассуждение о наследовании английского престола / Введ., пер., комм. А.Ю. Серegiной. М., 2013.

⁴⁴ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>; *The Reckoned Expense: Edmund Campion and the Early English Jesuits* / Ed. by T. McCoog. Campion Hall; Oxford, 1996.

⁴⁵ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/10389>

⁴⁶ PRO/SP 12/188/37. F. 118.

⁴⁷ Dictionary of National Biography. L., 1899. Vol. 60. P. 378—379.

⁴⁸ Salisbury MSS. Vol. IV. P. 432.

⁴⁹ *Anstruther G.* Seminary Priests. Vol. I. P. 43—44; *Questier M.C.* Catholicism and Community. P. 237. N.17.

В Оксфорде учился и другой капеллан сэра Фрэнсиса — Джон Корнелиус, потомок ирландцев из Бодмина (Корнуолл). Он учился в Оксфорде благодаря щедрости сэра Джона Эренделла из Трерайса (родственника Эренделлов из Лэнхерна и замка Уардур, связанных с Монтегю брачными узами), а потом, как многие другие представители его поколения, уехал на континент. Он учился в коллегиях Дуэ и Рима, и в начале 1580-х гг. вернулся в Англию священником-миссионером. В 1580-х гг. Корнелиус был капелланом Эренделлов из Лэнхерна. Он изъявлял желание стать иезуитом, и дал соответствующий обет, но так и не успел формально вступить в орден. Его ждала та же судьба, что и Боста: в 1594 г. он был арестован и казнен в Дорчестере⁵⁰.

В доме сэра Фрэнсиса бывал также священник *Байард*⁵¹, о котором ничего неизвестно (вероятно, это псевдоним). Кроме того, сэр Фрэнсис помогал прибывавшим в страну священникам передвигаться по стране и обустроиваться в Лондоне. Эту работу он разделял с еще одним миссионером, *Ричардом Дэвисом*⁵².

Капелланом сэра Энтони Брауна, сына и наследника виконта, был иезуит *Джон Карри* — друг упомянутого выше Джона Корнелиуса, и тоже уроженец Бодмина. Карри учился в Дуэ и был рукоположен в священники, однако затем (1583 г.) вступил в орден иезуитов и лишь после этого вернулся в Англию⁵³. Помимо резиденции сэра Энтони (Ривер-парк), Карри посещал дома многих сассеских дворян, родственников и слуг Монтегю — Гейджей, Дареллов и Лейнов, а также Роберта Барнса — джентльмена из свиты первого виконта и близкого друга его сына и внука. Карри пользовался расположением и других членов семьи Монтегю, в частности, сэра Джорджа Брауна, младшего брата сэра Энтони, и их сестры, леди Дормер⁵⁴. Сэр Джордж держал и своего капеллана — священника-семинариста *Саймона Твайфорда* (с 1584 г.), обращавшего в католичество дворян Оксфордшира⁵⁵. С его домом был также связан и еще один священник-семинарист — *Томас Симпсон*. Он был рукоположен в начале 1580-х гг. и в течение более чем десяти лет проповедовал в Сассексе. Именно он в 1592 г. произнес проповедь на похоронах сэра Энтони (см. часть II, главу II). В 1593 г. он был арестован усилиями преследователя священников Ричарда Топклиффа и предпочел страшной смерти обращение. Симпсон стал приходским священником в Эссексе (Келведон), однако в убежденного протестанта так и не превратился: уже в новое царствование прихожане жаловались на него церковным властям, так как содержание его проповедей было католическим⁵⁶.

⁵⁰ *Challoner R. Memoirs of Missionary Priests. Philadelphia, 1839. Vol. I. P. 184—186.*

⁵¹ PRO/SP 12/152/54. F. 97.

⁵² *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. I. P. 98.*

⁵³ *Ibid. P. 95—96; McCoog T. English and Welsh Jesuits // CRS. 1994. Vol. 74. P. 152.*

⁵⁴ CSP Domestic, 1591—1594. P. 380.

⁵⁵ *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. I. P. 365.*

⁵⁶ *Ibid. P. 318.*

Капелланы женщин из семьи Монтегю сыграли важную роль в организации деятельности Английской миссии, поэтому их следует выделить особо. Выше уже упоминалось, что дочь виконта Элизабет, леди Дормер, в 1581 г. присутствовала на мессе, которую служил иезуит Эдмунд Кэмптон, а также оказывала последнему гостеприимство. Она же принимала у себя и другого иезуита, Джона Карри. Однако среди постоянных капелланов ее семьи иезуитов не было. В течение почти 20 лет (с начала 1580-х до 1602 г.) капелланом Дормеров был священник-семинарист *Уильям Харрис*. Как и все священники его поколения, он учился в Оксфорде, а затем предпочел перебраться на континент, закончив учебу в университете Лувена (1575 г.). Оттуда до Английской коллегии в Дуэ было уже рукой подать. Уже в конце 1570-х гг. Харрис вернулся в Англию в качестве священника-миссионера; его пастырская деятельность охватывала, в основном, Оксфордшир и Бекингэмшир, однако он появлялся и в Каудрее (1590 г.)⁵⁷.

В XVII столетии Дормеры, и прежде всего, сама леди Элизабет, были вовлечены во фракционную борьбу внутри католического духовенства, поддерживая систему архипресвитерства — независимое от вмешательства орденового духовенства управление священниками, и одновременно одобряя проект восстановления в Англии католического епископата (см. часть I). Выбор домашних капелланов отражает эту позицию. После 1609 г. капелланом Дормеров стал *Уильям Харрисон*. Выпускник Английской коллегии в Дуэ, он провел несколько лет в Англии в качестве миссионера (1581—1587), прежде чем вернуться на континент для продолжения образования. Он изучал гражданское и каноническое право в Париже, в 1597 г. получил степень доктора богословия в университете Дуэ, преподавал в Английских коллегиях Реймса, Дуэ и Рима, а также и в университете Дуэ. В 1609 г. Харрисон вернулся в Англию в качестве миссионера, и практически сразу оказался в свите Дормеров. Причиной тому — как репутация ученого клирика, так и узы родства: Харрисон приходился родственником Бентли, а именно с этой семьей породнилась племянница первого виконта (и кузина леди Дормер) Кэтрин Роупер. Совместными усилиями Роуперы и Дормеры способствовали назначению Харрисона в 1609 г. помощником главы католических священников в Англии, архипресвитера Джорджа Бёркхеда (задача, явно облегчавшаяся тем обстоятельством, что постоянными местами пребывания Бёркхеда были резиденции Монтегю; см. ниже). А в 1615 г. Харрисон при помощи тех же патронов неожиданно был назначен преемником Бёркхеда (ум. в 1621 г.)⁵⁸.

Помимо Харрисона, капелланом леди Дормер до самой ее смерти в 1626 г., пользовавшимся почти непререкаемым авторитетом в доме, был *Эдвард Беннетт* — выпускник коллегий Реймса и Рима и ярост-

⁵⁷ Ibid. P. 150.

⁵⁸ *Questier M.C. Introduction // Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 214*

ный противник иезуитов. Беннетт был также помощником Бёркхеда, а с 1615 по 1621 г. — его преемника Харрисона⁵⁹. Его имя называли в связи с назначением нового епископа для английских католиков в 1624 г., однако эта должность досталась не ему, а «человеку Монтегю» — Ричарду Смиуту (см. ниже). Еще одним капелланом был брат Эдварда *Джон Беннетт*, который в 1621 г. отправился в Рим в качестве представителя английского секулярного духовенства при папе⁶⁰. Джон Беннетт был также и неофициальным представителем английского короля Якова I, уполномоченным просить папу о предоставлении диспенсации, необходимой для заключения брака принца Уэльского и испанской инфанты⁶¹.

Капелланы вдовствующей виконтессы, леди Магдален Монтегю, сыграли не менее важную роль во внутри-церковных конфликтах эпохи. В ее резиденции в Лондоне (Монтегю-Хаус) в начале XVII в. (1603—1606 гг.) проживал некий священник *Сантон* или Самптон, о котором неизвестно практически ничего, кроме имени, упомянутого правительственными информаторами⁶². В Бэттле ее капелланом был *Томас Смит*, пожилой священник, отличавшийся ученостью (он был бакалавром богословия), благочестием и неустанными пастырскими трудами⁶³. Больше о нем сведений нет; скорее всего, Смит принадлежал к поколению *Marian priests*.

Два других капеллана леди Монтегю — гораздо более заметные персонажи. *Томас Мор*, правнук знаменитого гуманиста и мученика, присоединился к свите виконтессы в 1594 г. Он учился в коллегии Реймса, а затем — в недавно основанных коллегиях Вальядолида и Севильи. В ней преподавал бывший капеллан сэра Фрэнсиса Брауна Уильям Уэстон. Кроме того, коллегия находилась под покровительством герцогини Ферия, урожденной Джейн Дормер, родственницы Монтегю. Таким образом, выстраиваются отчетливые связи между свитой Монтегю и Английской коллегией в Севилье. Благодаря им не один священник будет пользоваться гостеприимством их лондонских и сассекских резиденций. Томас Мор, впрочем, мог обойтись и без этих рекомендаций, ведь он и сам состоял в родстве с Монтегю (через Роуперов). Он оставался в Бэттле до самой смерти леди Магдален (1608 г.), а затем его «унаследовал» второй виконт Монтегю. Но уже в 1609 г. Мор отправился в Рим в качестве представителя английского секулярного духовенства (до 1617 г.), потом представлял интересы коллегии Дуэ при испанском дворе (1617—1622 гг.); скончался он в Риме в 1625 г., так больше и не вернувшись на родину⁶⁴.

В 1603 г. к Морю присоединился другой капеллан, *Ричард Смит*. В отличие от Мора, он учился в Оксфорде и в Римской коллегии, а в Севилью попал уже в качестве преподавателя (1598—1602 гг.). Препо-

⁵⁹ *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. II. P. 46—47.*

⁶⁰ *Foley H. Records of the English Province of the Society of Jesus. Vol. II. P. 513—514.*

⁶¹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 391.*

⁶² *Ibid. P. 212.*

⁶³ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 28.*

⁶⁴ *St. Gregory's College, Seville, 1592—1767 // CRS. 1992. Vol. 73. P. 85.*

давал он и в других коллегиях — Вальядолиде и Дуэ. Однако проникновением в сферу «притяжения» Монтегю он был явно обязан своим севильским связям. Как и Мор, Ричард Смит оставался капелланом старой виконтессы до ее смерти (именно он произносил в 1608 г. проповедь на ее похоронах), а в 1609 г. отправился в Рим в качестве представителя английского католического духовенства. В 1612—1625 гг. он возглавлял основанную на средства Томаса Сэквила и его родственников коллегию Аррас. На родину вернулся уже в качестве епископа — главы всего английского духовенства⁶⁵. Но об этом речь пойдет позже.

§ 2. Капелланы второго виконта Монтегю (1590—1620-е гг.)

Молодой виконт Монтегю «унаследовал» капелланов — Симпсона, Райделла и других — от деда. Однако уже в 1593 г. резиденции Монтегю подверглись обыскам и арестам, а священники были арестованы или вынуждены его покинуть. Затем на виконта обрушились новые неприятности, связанные с крещением его дочери Мэри (подробнее см. часть I, главу IV и часть II, главу II), побудившие его временно расстаться с рекузантами — членами свиты. А позднее он, вероятно, подвергся аресту.

Согласно показаниям самого виконта, данным в 1594 г., тогда в его свите не было постоянных капелланов. Конечно, не в его интересах было бы признаваться в том, что в его резиденциях укрывают тех, кто официально стоял вне закона и становился изменником с момента высадки на английской земле. Но показания виконта косвенно подтверждаются другими источниками. Так, его слуга Генри Лэнмен рассказывал в 1600 г. ректору семинарии в Реймсе об обстоятельствах своего обращения в католичество (обычное правило, распространявшееся на всех будущих студентов). Он сообщил, что стал католиком в 1596 г. благодаря усилиям джентльмена из свиты виконта, однако ему пришлось отправляться в другое место, чтобы там принести покаяние за грех схизмы и причаститься. Это означает, что в доме Монтегю и в самом деле не было постоянных капелланов⁶⁶.

Лэнман назвал и имя совершившего таинства священника — Уинкфилд⁶⁷. Этим псевдонимом пользовался уже известный нам Ричард Дэвис, капеллан сэра Фрэнсиса Брауна. Таким образом, хотя из-за неблагоприятного внимания властей Монтегю в течение некоторого времени не мог держать в свите постоянных капелланов, к его услугам были капелланы его родственников — дяди, а также тетки, леди Дормер (ее капеллан, Уильям Харрис, бывал в Каудрее), и, конечно же, бабки виконта, леди Магдален Монтегю. Возможно, капелланы все же жили в резиденциях виконта, но были так хорошо «законспирирова-

⁶⁵ Ibid. P. 96.

⁶⁶ The Responsa Scholarum. Part I // CRS. 1962. Vol. 54. P. 84—88.

⁶⁷ Ibid. P. 88.

ы», что сумели ускользнуть от внимания правительственных агентов, а сведения которых зачастую вынуждены полагаться историки.

Положение виконта изменилось к лучшему с приходом к власти Якова Католики вернулись в его свиту, и имена капелланов Монтегю, живших него после 1603 г., известны гораздо лучше. В их числе сразу необходимо выделить группу священников, пребывание которых в резиденциях виконта напрямую связано с его стремлением стать лидером английских католиков. Одним из способов добиться этого было предоставление убежища главе секулярных священников — архипресвитеру, а затем и епископу.

Первый архипресвитер, *Джордж Блэкуэлл* (1545—1613), выпускник Оксфорда, а затем коллегии и университета Дуэ, не был изначально близок кругу Монтегю, хотя бы потому, что он, в отличие от своих предшественников, находился под сильным влиянием иезуитов. А от них первый виконт предпочитал держаться подалеже. Кроме того, хотя Блэкуэлл и был связан с Сассексом (его мать владела там манорами и железоплавильными мастерскими), семья входила в число клиентов графа Нормберленда, а не Монтегю⁶⁸. Внук не разделял предубеждений деда, и в 605—1608 гг. Монтегю-Хаус стал одним из лондонских убежищ Блэкуэлла. Впрочем, гостеприимство ему оказывал не сам виконт, а его управляющий Джон Лоан, возможно, по собственной инициативе⁶⁹. Ему не менее, трудно представить, чтобы виконт Монтегю, так интересовавшийся церковными делами, совсем не знал о пребывании главы английских католических священников в стенах его дома.

В 1607 г. Джордж Блэкуэлл (уже арестованный к тому времени и находившийся в тюрьме Клинк, в Саутворке, неподалеку от Монтегю-Хауса) потерял свой пост архипресвитера из-за готовности разрешить католикам приносить присягу 1606 г. на верность Якову I (см. часть I, главу IV). Преемником стал *Джордж Бёркхед* (ум. 1614 г.), капеллан Монтегю. Уроженец Дарэма, Бёркхед учился в Дуэ и Риме, и с 1580-х гг. находился в Англии. Его родственником был Ричард Лэмб — еще один северянин, переехавший в 1587 г. на юг и поступивший на службу к первому виконту Монтегю. По всей видимости, именно его стараниями Бёркхед оказался в свите виконта и провел там все оставшиеся ему годы⁷⁰.

Следующий архипресвитер, Уильям Харрисон (1614—1621 гг.), был капелланом леди Дормер (см. выше). После его смерти католические священники, поддержанные мирянами, и прежде всего, Монтегю и его родственниками, успешно лоббировали в Риме назначение епископа для Англии. Первым епископом стал человек с весьма уместной фамилией, Уильям Бишоп⁷¹. И хотя он не был «человеком» Монтегю, виконт после его назначения сделал все возможное, чтобы привлечь Бишопа в свои резиденции. В конце июля 1623 г. Бишоп сошел с корабля в Дувре, и его не-

Salisbury MSS. Vol. XIII. P. 109—110.

Ibid. Vol. XV. P. 217; Vol. XVII. P. 500—501.

Ibid. Vol. XVII. P. 500—501.

Бишоп [*Bishop*] — епископ (англ.).

медленно проводили в дом кузена Монтегю, сэра Уильяма Роупера (Кентерберри). Оттуда он направился в Лондон, а затем избрал своей главной резиденцией дом леди Дормер. Неудивительно, что ее племянник одним из первых в Англии узнал о прибытии епископа. Уже 1 августа он направил Бишопу письмо, поздравляя его с прибытием и приглашая посетить Каудрей. К письму присовокуплялась карета с сопровождающими, и епископ не мог сопротивляться такому давлению. Он провел несколько дней в Каудрее, совершив таинство конфирмации — впервые за 65 лет. Приняло таинство более 400 человек, а позднее — во второй визит Бишоп (за которым виконт Монтегю опять «послал») — еще 500⁷². Подробнее о таинстве конфирмации речь пойдет ниже (в главе II). Здесь же необходимо отметить, что оно впервые за десятилетия проводилось именно в резиденции Монтегю, тем самым подчеркивая его статус лидера католического сообщества, покровителя главы католической иерархии в стране.

Уильям Бишоп скончался в 1624г., и его преемником стал уже известный нам *Ричард Смит*. История повторилась, однако на этот раз виконт явно ждал возвращения «своего» священника в Каудрее, и посылать карет не потребовалось. Впрочем, будучи епископом, Смит не мог постоянно находиться лишь в резиденциях одного католического аристократа, так что он делил свое время между несколькими патронами. Он не любил бывать в Лондоне, обычно перемещаясь между Тёрви (Берфордшир), манором леди Мордаунт (урожденной Маргарет Комптон, дочери соседа Монтегю в Сассексе, сэра Генри Комптона), Уингом — главной резиденцией леди Дормер в Бакингэмшире и Миссенденом (то же графство), домом сэра Энтони Дормера, младшего сына последней. Из Бакингэмшира Смит отправлялся в Сассекс к Монтегю (в Каудрей), затем в Уардур (Уилтшир) к сэру Томасу Эренделлу (мужу кухни виконта Мэри Ризли), и в Графтон к Джону Тэлботу, графу Шрусбери и его супруге Мэри (Фортескью, уроженке Бакингэмшира, происходившей из семьи, близкой к Монтегю и Дормерам), затем в Мэдли (Шропшир), к сэру Бэзилу Бруку, и оттуда на север, в Ланкашир⁷³.

Но каким бы престижным ни было пребывание архипресвитера/епископа в резиденциях Монтегю, практические соображения требовали присутствия в них одного-двух, а то и большего числа постоянных капелланов. Вместе с Бёркхедом в свите Монтегю оказался и один из его помощников, *Эдвард Уэстон*. Выпускник коллегии Дуэ, Уэстон был известным полемистом. Однако в Каудрее он не прижился, по всей видимости, из-за конфликта с другими капелланами Монтегю, хотя его причина неясна. Уже в 1610 или 1611 г. Уэстон покинул Каудрей, перебравшись к другому патрону — Эдварду Гейджу из Бентли, а в 1612 г. уехал в Дуэ⁷⁴.

⁷² CRS. 1911. Vol. 10. P. 401—403.

⁷³ Papers Relating to the Personal History of Richard Smith, Bishop of Chalcedon // Camden Miscellany. L., 1853. Vol. II. P. 59—60.

⁷⁴ Об Уэстоне см.: Allison A.F. The Later Life and Writings of Joseph Creswell, S.J. (1556—1623) // RH. 1979. Vol. 15. P. 79—144, особ. P. 110—112.

Его пребывание в Каудрее и в коллегии Дуэ были омрачены сексуальными скандалами, слухи о которых циркулировали в католической среде и дошли до архиепископа Кентерберийского Эббота. Тот в 1613 г. сообщал в письме Уильяму Трембаллу, что Уэстон был «распутным человеком, как я узнал из допроса смазливового мальчика, который жил в том же доме, в каком имел резиденцию доктор. Из-за гнусности этого деяния хозяин дома пожелал его отъезда»⁷⁵. Эббот же сообщал, что в начале 1603 г. Уэстона изгнали из коллегии Дуэ, «обвинив в прелюбодеянии с прачкой»⁷⁶. Архиепископ Эббот — заведомо пристрастный источник, заинтересованный в компрометации католического священника, который был одним из самых непримиримых противников принесения католиками присяги Якову I. К тому же само содержание слухов противоречиво, представляя Уэстона крайне неразборчивым в своих сексуальных пристрастиях. Представляется, что слухи, на которые опирался Эббот, исходили от католических оппонентов Уэстона и должны были очернить его в глазах потенциальных патронов. Примечательно, что сам виконт Монтегю не верил этим слухам и продолжал воспринимать Уэстона в качестве духовного авторитета. В 1620-х гг. он даже консультировался с Уэстоном, тогда проживавшим в Брюгге, по поводу возникших у него вопросов, связанных с моральной теологией и каноническим правом⁷⁷.

Скандал с другим помощником Бёркхеда, его секретарем *Джоном Копли*, вышел еще более громким⁷⁸. Копли происходил из известной в Сассексе католической семьи, и даже состоял в отдаленном родстве с Монтегю (через Гейджей). До 1610 г. он был домашним капелланом своих родственников Коттонов, но после какого-то конфликта оказался в свите Монтегю⁷⁹. Там он в 1611 или 1612 г. был рекомендован другим членом свиты виконта, неким мистером Бёрдом, в качестве наставника для новообращенной католички, няни детей виконта по имени Ребекка Мун. Однако наставления привели к любовной связи⁸⁰. Другие капелланы винили женщину в соблазнении священника, который, поддавшись страсти, отказался от своей веры⁸¹. Вызванный отступничеством священника из хорошей католической семьи скандал получил огласку. Известный сплетник Джон Чемберлен ехидно информировал своего

⁷⁵ “a loose man of life, as I find by my examination of a pretty boy who remained in the house in England where the doctor resided, and for the foulness whereof he was willed by the master of the house to be gone” // Historical Manuscripts Commission. Manuscripts of the Marquess of Downshire. L., 1927. Vol. IV. P. 194.

⁷⁶ “fornication with his launderess” // Ibid. P. 114.

⁷⁷ Allison A.F. The Later Life... P. 117.

⁷⁸ Подробнее об этом см.: *Серегина А.Ю.* Привычка жениться: Браки духовенства и религиозная полемика в Англии XVI—начала XVII в. // Повседневные практики Средневековья и раннего Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2015. С. 92—106.

⁷⁹ The Newsletters of the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 137, 140, 150.

⁸⁰ Ibid. P. 137.

⁸¹ Ibid. P. 140.

корреспондента в конце января 1613 г., что Копли «влюбился в старую деву-католичку, <...> ухаживавшую за детьми. Они оба оставили свою веру и поженились»⁸².

Примерно в одно и то же время — в 1610-х гг. — в свите виконта появились и другие капелланы. *Роберт Петт*, по всей видимости, происходил из известной Монтегю местной семьи и приходился родственником Томасу Петту, школьному учителю-католику из Мидхёрста⁸³. Его в середине 1610-х гг. виконт отправил в Брюссель представлять интересы английско-го католического духовенства, а заодно и Монтегю, при дворе правителей Нидерландов⁸⁴. Уроженец Сомерсета *Эдвард Кенион* также учился в Дуэ. Он находился в Англии в качестве миссионера с 1599 г., и периодически появлялся в Каудрее с начала XVII в. В 1612 г. он был арестован, отказался принести присягу Якову I и отправился в изгнание. Именно он первым из числа клириков, связанных с Монтегю, перебрался во Францию и заручился там покровительством епископа Люсонского (будущего кардинала Ришелье), а потом переманил Ричарда Смита в свиту епископа. Однако позднее, в начале 1620-х гг., Кенион вернулся в Англию, к Монтегю, и к 1628 г. даже стал близким другом его наследника, Фрэнсиса Брауна⁸⁵.

Одновременно с Кенионом в 1612 г. был арестован и выслан из страны *Джозеф Хайнс*, обязанный своему посту капеллана Монтегю родственными связям: он приходился племянником капеллану леди Дормер Эдварду Беннетту. В начале 1620-х гг. он, как и Кенион, вернулся в Англию. Именно он описал упомянутое выше прибытие епископа Уильяма Бишопа в Каудрей и толпы католиков, собравшихся там ради таинства конфирмации⁸⁶.

В конце 1620—начале 1630-х гг. в Каудрее находился также еще один священник, *Ричард Райт*⁸⁷. Помимо него в резиденциях виконта периодически бывал *Беджамин Нортон*, покровительство которому оказывал джентльмен из свиты Монтегю Ричард Лэмб⁸⁸, а также *Ричард Брутон* — секретарь епископа Ричарда Смита⁸⁹.

В отличие от деда, капелланы второго виконта Монтегю не принадлежали исключительно к секулярному духовенству. Вернее, поначалу внук придерживался семейных традиций. Однако с середины 1610-х гг., когда виконт стал претендовать на лидерство в католическом сообществе, он распространил свое покровительство на представителей монашеских орденов. Первыми в его свите появились бенедиктинцы. *Эдвард Смит* был

⁸² “falling in love with an auncient Catholike maide <...> that attended the children, they have both left theyre profession and fallen to marriage” // The Letters of John Chamberlain. Vol. I. P. 331.

⁸³ *McCann T.J.* Catholic Schoolmasters in Sussex, 1558—1603 // RH. 1973—1974. Vol. 12. P. 236.

⁸⁴ The Newsletters of the Archpresbyterate of George Birkhead. Passim.

⁸⁵ *Anstruther G.* Seminary Priests. Vol. I. P. 196—197; CRS. 1908. Vol. 5. P. 397.

⁸⁶ *Anstruther G.* Seminary Priests. Vol. II. P. 153; CRS. Vol. 10. P. 401—403.

⁸⁷ *Questier M.C.* Catholicism and Community. P. 329.

⁸⁸ The Newsletters of the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 232.

⁸⁹ *Questier M.C.* Catholicism and Community. P. 284 passim.

уроженцем Ланкашира, и учился в коллегиях в Испании (в Вальядолиде и Севилье). Там же он и вступил в орден бенедиктинцев. Он не был лично связан с членами свиты Монтегю, поэтому рекомендация должна была поступить от кого-то из капелланов, некогда там учившихся (возможно, Ричарда Смита). Как бы там ни было, Эдвард Смит с 1616 г. стал капелланом Монтегю и наставником его сына и наследника. Именно Смит сопровождал Фрэнсиса Брауна в его путешествии в Испанию⁹⁰ (см. часть I, главу IV). В 1627 г. к Смицу в Каудрее присоединился еще один бенедиктинец — *Эдвард Эш*, который, как и Смит, учился в Испании (Севилья)⁹¹.

Второй виконт Монтегю оказывал покровительство не только бенедиктинцам, но и иезуитам, что порой вызывало недовольство других клириков из его свиты. *Лоренс Андертон* жил в новом лондонском доме виконта на Друри-лейн вплоть до 1627 г. и пользовался большим уважением и любовью хозяина⁹². Кроме него, в резиденциях Монтегю в 1620-х гг. регулярно принимали иезуитом *Томаса Фармера* (или *Баркера*)⁹³ и *Генри Оксенбриджа* (или *Уайта*)⁹⁴. А иезуит *Джон Хаддлстон* приходился виконту племянником (сыном его кузины Дороти, урожденной Дормер)⁹⁵.

Сохранившиеся сведения о капелланах Монтегю в XVII в. показывают изменения, произошедшие в системе патроната. Если раньше католические священники попадали в свиту виконтов и их родственников благодаря покровительству и рекомендации светских лиц — друзей и родственников Монтегю, то теперь важным стало и мнение клириков из их свиты. Благодаря этому фактору среди капелланов Монтегю появлялись не только их дальние родственники и друзья друзей, но и клирики, рекомендованные уважаемыми капелланами самих Монтегю или их родственников Дормеров (родственники, как в случае с Эдвардом Беннеттом и Джозефом Хайнсом, выпускники испанских семинарий и др.). Таким образом, применительно к XVII столетию можно говорить о возрождении своеобразного «церковного» патроната в рамках католического сообщества. Более того, Ричард Смит пытался в 1630-е гг. реализовать программу реформ, которая позволила бы ему как главе английского католического духовенства, определять, какого именно священника направить капелланом к тому или иному светскому лицу. Эта программа — по сути, попытка воссоздать систему приходов — провалилась из-за сопротивления светских патронов⁹⁶. Однако влияние духовенства на выбор капелланов мирянами-католиками не стоит недооценивать.

⁹⁰ St. Gregory's College, Seville, 1592—1767. P. 96.

⁹¹ Ibid. P. 50.

⁹² Questier M.C. Catholicism and Community. P. 445.

⁹³ Anstruther G. Seminary Priests. P. II. P. 98—99.

⁹⁴ Ibid. P. 235.

⁹⁵ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 333.

⁹⁶ Подробнее см.: Allison A.F. A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcodon and the Catholic Laity, 1625—1631 // RH. 1982. Vol. 16. P. 111—145; Questier M.C. Catholicism and Community. Ch. 13, 14; обзор см. в: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 61—63.

§ 3. Миряне и организация деятельности католической миссии

Рост влияния духовенства тем более примечателен, что это происходило в обстоятельствах, когда само функционирование католической миссии в Англии зависело от мирян. Аристократы-католики, подобные Монтегю, предоставляли капелланам кров над головой. Но участие их самих и членов их свиты в деятельности миссии не сводилось лишь к этому. Прибывавшим в Англию миссионерам необходимы были безопасные убежища, где они могли укрыться от преследований властей и встретиться при необходимости с другими клириками — руководителями миссии, отвечавшими за «распределение» священников по стране. Последним, зачастую оказывавшимся в незнакомых графствах, нужна была помощь в передвижении по стране и, прежде всего, деньги и сеть надежных контактов. Все это обеспечивалось католиками-мирянами.

Чтобы понять, как именно действовала эта система, необходимо обратиться к вкладу в ее работу виконтов Монтегю, их родственников и членов их свиты. Выше уже отмечалось, что в свите Монтегю обычно был не один, а несколько священников. Такое количество духовенства, на мой взгляд, определялось не только относительной безопасностью — защищенностью резиденций Монтегю от прямого вторжения представителей властей — но и тем, что обслуживаемый ими «приход» оказывался довольно многочисленным, и одного капеллана просто не хватало на всех (подробнее см. главу II). Некоторые резиденции Монтегю и членов их свиты, те, в которых хозяева бывали реже, порой превращались в настоящие убежища для священников, передвигавшихся по стране, своего рода безопасные укрытия. Таким убежищем стал в начале XVII в. Монтегю-Хаус, предоставленный вдове первого виконта в пожизненное владение. Ее биограф Ричард Смит сообщал:

«Она имела два прекрасных дома, один из которых стоял на южном берегу Темзы у Лондонского моста. Там, как только в царствование королевы Елизаветы начались преследования, она устроила приют для священников, прибывающих в Англию и уезжающих оттуда, а также убежище для тех, кто жил в Лондоне; там постоянно находился один священник, совершавший таинства для тех католиков, которые туда стекались»⁹⁷.

Таким же убежищем служила и лондонская резиденция внука и правнука леди Магдален на Друри-лейн в конце 1620-х—1630-х гг.⁹⁸, а также и дом джентльмена из свиты первого виконта, Джона Шелли, в Мейп-ларэме (на границе Оксфордшира и Беркшира). Там последний пре-

⁹⁷ “she had two goodly Mansion houses, the one upon the Tames side neere London-bridge. in which, from the first beginning of persecution by Queen Elizabeth was a common retire for Priests comming in, and going out of England; and also a refuge for such as resided in London; wherein also one Priest had his residence, to minister the sacraments to such Catholikes as resorted thither” // *Smith R. Life of Lady Montague. P. 27.*

⁹⁸ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 428.*

доставлял кров целой «коллегии священников»⁹⁹. Тот же самый Джон Шелли и другой слуга Монтегю, Роберт Барнс, занимались переправкой прибывавших в порты Сассекса священников вглубь страны¹⁰⁰.

Покровительство Монтегю в подобной нелегальной деятельности было бесценно. Так, в конце 1580-х гг. священник Саймон Феннелл путешествовал по графству Сассекс в ливрее виконта Монтегю в сопровождении Джона Шелли (см. выше). Покровительством его вдовы в 1590-х гг. пользовался и Генри Нортон из Уэстхэма (Восточный Сассекс). Этот владелец гостиницы, а также и пивоварни в Пивенси (небольшом порту Сассекса) помогал католическим священникам попасть в Англию и выехать из нее. Именно он, например, переправил в 1586 г. во Францию будущего иезуита Сильвестра Норриса, отправлявшегося учиться в коллегию Реймса¹⁰¹.

Обычно священники перемещались по стране в свите своих патронов, вместе с ними или их слугами. Такими были, например, перемещения Уильяма Харриса, ехавшего через Сассекс и на север страны (в Бакстон) в обществе лорда и леди Дормер, или иезуита Джона Карри, которого в 1593 г. сопровождал Роберта Барнс. В случае необходимости скрыться сами главы семейств, их домочадцы, слуги и арендаторы могли предоставлять священникам укрытие. Прекрасной иллюстрацией здесь служит история побега священника Фрэнсиса Райделла в 1593 г. Гонимый за ним по всей стране Ричард Топклифф информировал лорда Бёрли в письме от 19 сентября 1593 г. о том, что Райделл бежал со своей фермы, близ Уокинга, Сарри, расположенной на земле лорда Монтегю, (оставив имущество на 1000 ф.с.) к Уильяму Бассетту в Лэнгфорд (графство Дерби). Оттуда Райделл бежал в Бакстон, где встретил целую группу собравшихся на водах джентльменов-католиков с семьями. По странной случайности все они приходились Монтегю родственниками: сэр Роберт Дормер с супругой (Элизабет Браун, дочь первого виконта), сэр Генри Констебл из Холдернесса с супругой (Маргарет Дормер, сестра сэра Роберта), сэр Томаса Ли из Стоунли с женой (Дороти Браун, внучка первого виконта). Из Бакстона Райделл отправился в манор лорда Виндзора, арендованный Эдвардом Бентли (мужем Кэтрин Роупер, племянницы Монтегю). Там его укрывали слуги и арендаторы лорда Виндзора. Затем они же сопроводили его на север страны¹⁰².

Это сообщение показывает, как миряне-католики использовали связи между родственниками и между клиентами и патронами для оказания необходимой помощи священникам-миссионерам. А сведения об имуществе, которым Райделл располагал в Сассексе, показывает, каким образом могла финансироваться деятельность священников внутри страны. Поскольку капелланы обычно занимали какой-то официаль-

⁹⁹ Ibid. P. 204.

¹⁰⁰ CSP Domestic, 1591—1594. P. 510.

¹⁰¹ *Anstruther G. Seminary Priests. Vol. I. P. 254.*

¹⁰² CSP Domestic, 1591—1597. P. 372.

ный пост в свите — наставника детей, секретаря или управляющего — патрон имел возможность передать в его распоряжение землю, чтобы они могли жить на доход с нее. Указанная Топклиффом сумма (1000 ф.с.) чрезвычайно велика, пожалуй, даже слишком велика для одного клирика. Вероятно, ферма Райделла представляла собой еще одно убежище для священников.

Порой священникам просто вручались кошельки с деньгами, как это сделал в 1593 г. Уильям Бассетт, передавший его другому находившемуся в бегах капеллану Монтегю, Ричарду Грею. При аресте Грей имел с собой, помимо этих средств, также и письма (возможно, рекомендательные). Написаны они были Джейн Гудмен — дамой из свиты графини Саутхэмптон — а адресованы даме леди Монтегю, Энн Уигмор¹⁰³. Таким образом, в обеспечении нелегальной деятельности католической миссии были задействованы и женщины, как дамы-патронессы, так и их фрейлины из числа дворянок более низкого ранга.

Финансирование миссии осуществлялось на разных уровнях. Виконты Монтегю, как и другие богатые католики, жертвовали деньги на содержание Английской коллегии в Дуэ (не случайно, второго виконта принимали там в 1627 г. с таким размахом; см. часть I, главы 4 и 5), а также и коллегии католических священников в Аррасе. Среди патронов последней были сэр Томас Сэквил, и его сестра, супруга второго виконта Монтегю.

Порой помощь патронов принимала форму финансирования обучения отдельных священников в коллегиях. Эти «студенты» были так или иначе связаны со свитами знатных католиков и попадали в коллегии благодаря их связям (или просто за их счет). Помощью Монтегю воспользовалось несколько священников. В 1609 г. овдовевший управляющий виконта *Энтони Флетчер* отправился учиться в Рим. В 1610 г. его рукоположили в священники, а в 1612 г. направили обратно в Англию. Примеру отца последовал и сын, *Томас Флетчер*, родившийся в Каудрее. Он отправился в Рим уже в 1610 г., а в 1617 г. вернулся в Англию священником. Однако ни отец, ни сын не были приняты в число капелланов Монтегю, хотя старший Флетчер поначалу, вероятно, рассчитывал на это. Причиной охлаждения между ним и патроном стало решение Флетчера вступить в орден иезуитов (1613 г.) И хотя, вернувшись на родину, Флетчер привез своему лорду пожалованное папой распятие, знак признания заслуг Монтегю перед церковью, тот все же отказался сделать его семейным капелланом (позиция виконта в отношении иезуитов изменилась только в 1620-х гг., см. выше)¹⁰⁴.

Иезуитом стал и бывший паж виконта *Энтони Лэмб*, сын Ричарда Лэмба (слути его деда и известного католика). Энтони учился в иезуитской школе в Сент-Омере (так же, как и его старший брат Уильям), а затем в Риме. После рукоположения (1617 г.) он был отправлен во Фландрию, где и стал

¹⁰³Ibid. P.379.

¹⁰⁴Anstruther G. Seminary Priests. Vol. II. P. 43, 114.

иезуитом. Правда, в отличие от Флетчеров, в Англию он не возвращался. Его полем деятельности стала Шотландия, где он и скончался в 1668 г.¹⁰⁵

Стал иезуитом и уже упоминавшийся слуга виконта *Генри Лэнмен*. Сначала юноша воспитывался в свите сэра Кристофера Хаттона, но после смерти последнего в 1591 г. отец нашел Генри место в свите Монтегю. Там в 1596 г. состоялось его обращение в католичество. В 1600 г. Лэнмен отправился учиться в Дуэ (возможно, не без влияния своего патрона), однако став в 1606 г. иезуитом, он, как и другие, не вернулся в свиту Монтегю¹⁰⁶.

Второй виконт Монтегю взял на себя расходы по обучению *Энтони Уайтхейра*, сына его слуги и сборщика рент Кристофера Уайтхейра (см. выше, часть II, главу I). Его мать была уроженкой Мидхёрста и не раз появлялась в списках рекузантов графства Сассекс. Благодаря щедрости виконта Уайтхейр учился в Сент-Омере, а затем, не без влияния капелланов Монтегю, отправился в коллегию Вальядолида (1613 г.). В Англию он вернулся после рукоположения в 1620 г.; его пастырская деятельность охватывала Норхэмптоншир¹⁰⁷.

Таким образом, можно констатировать, что Монтегю не готовил священников «для себя»: ни один из отправившихся из владений на континент студентов не вернулся к нему в свиту. Скорее, здесь виконт, один из многих патронов, вносил свой вклад в общее дело подготовки священников для английских католиков.

§ 4. Влияние духовенства на светскую элиту католического сообщества

Приведенные выше сведения показывают, что организация деятельности католической миссии в различных своих аспектах зависела от позиции мирян различного социального статуса — от титулованных аристократов, финансировавших семинарии и миссионерскую работу до джентльменов и дам их свит и арендаторов, помогавших священникам и их каждодневной работе и укрывавших их от ареста. Понятно, что в подобной ситуации ни о какой независимости клира от светских патронов, провозглашенной Тридентским собором как идеал, не могли быть и речи. Однако проделанное здесь просопографическое исследование показывает, что для обретения «поста» капеллана важным оказывалось не только покровительство мирян, но и других священников, т.е. духовный патронат не исчез, а видоизменился в соответствии с обстоятельствами. Возникает вопрос: в какой мере финансово зависимые от патронов капелланы оказывали на них свое воздействие?

¹⁰⁵Ibid. P. 181.

¹⁰⁶Ibid. P. 183.

¹⁰⁷Ibid. P. 355.

Выше уже было отмечено, что на протяжении трех десятилетий (1560—1590 гг.) капелланы первого виконта Монтегю отличались высоким уровнем богословского образования. Как минимум один из них — Альбан Лэнгдейл — был уже известным проповедником до своего появления в свите Монтегю. Вряд ли он прекратил проповедовать, став капелланом виконта, хотя его аудитория была ограничена домочадцами Монтегю. А будучи домашним учителем, он должен был и наставлять младшее поколение в вере (традиционная роль капеллана в свите аристократа). Лэнгдейл учил основам католической веры два поколения семьи Монтегю — сына и внука первого виконта — причем последний годы спустя приводил его наставления в качестве обоснования своих религиозных практик (крещения дочери Мэри в 1594 г.)¹⁰⁸. Стоит также отметить, что именно ученики Лэнгдейла, второе и третье поколение семьи Монтегю, оказались наиболее восприимчивыми к изменениям религиозных практик, принесенным Католической реформой (см. ниже, главу IV). Таким образом, роль старшего поколения священников, рукоположенных до 1558 г., в формировании приоритетов у мирян-католиков очевидна.

Воздействие священников-семинаристов оказалось не менее важным. Выше уже отмечалось, что отказ леди Магдален Монтегю (а возможно, и ее внука) от практики «церковного папизма» проходил под влиянием нового капеллана виконтессы, Томаса Мора¹⁰⁹. Он же, вместе с другим капелланом, Ричардом Смитом, принес в дом Монтегю и ряд новых благочестивых практик (вопрошание совести и др., см. ниже), которые обычно связывают уже с пост-Триденским типом религиозности. Почитание виконтессы своих капелланов (из-за их сана) выражалось и в жестах. Так, ее капеллан Ричард Смит писал:

«Она выказывала уважение и почтение своим священникам во славу Божию и утром и вечером, смиренно опустившись на колени, просила их благословения. Этот обычай она соблюдала и в отношении других священников, когда они приезжали в ее дом или уезжали из него»¹¹⁰.

Порой совет священника требовался и во вполне мирских делах. Так, в 1593 г. Ричард Грей, и иезуит Джон Карри обсуждали с сэром Генри Брауном вопрос о браке последнего с Констанс Кафолд — дамой из свиты его матери, обрученной с другим джентльменом¹¹¹. Священникам удалось убедить сэра Генри в недопустимости нарушения данного

¹⁰⁸См. часть II, главу II, а также: *Серегина А.Ю.* Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.). Приложение // *Средние века.* Вып. 68 (2). С. 31.

¹⁰⁹См. выше, часть 2, глава I.

¹¹⁰“She shewed a respective reverence to her Priests, for the honour of God, and did most humbly on her knees, morning and evening aske their benediction, which she did also observe towards other Priests at their comming & going” // *Smith R.* Life of Lady Montague. P. 33.

¹¹¹CSP Domestic, 1591—1594. P. 380.

женщиной обета; впоследствии Констанс Кафолд стала женой Ричарда Лэмба¹¹², а ее сын Энтони также служил в свите Монтегю.

В вопросах церковной политики влияние капелланов тоже было весьма велико. Выше уже отмечалось, что политическая линия Дормеров — безоговорочная поддержка проектов восстановления католического епископата и лоббирование его в Риме — во многом определялось позицией капеллана леди Дормер, Эдварда Беннетта.

Подобное же можно сказать и о свите Монтегю, особенно о воздействии капеллана леди Магдален и ее внука, Ричарда Смита, в начале XVII в. и в 1625—1631 г. Особенно важной для Ричарда Смита была поддержка виконта в начавшемся вскоре после его приезда в Англию в качестве епископа конфликте вокруг полномочий епископа. Смит исходил из того, что папским бреве ему была дарована полная власть епископа, включая и право выдавать лицензии на исповедание и причащение мирян членам монашеских орденов (прежде всего, иезуитам и бенедиктинцам, а также францисканцам и кармелитам). В задачи данной работы не входит подробное рассмотрение всех перипетий конфликта, тем более, что они были проанализированы Майклом Кестье¹¹³. Здесь стоит отметить лишь, что участие виконта Монтегю в этом конфликте на стороне Ричарда Смита, которое Кестье истолковывает как попытку аристократа утвердиться в качестве негласного лидера католического сообщества¹¹⁴, может быть интерпретировано и иным образом. Виконт считал нужным обосновать свои действия, написав большой памфлет (по объему, впрочем, приближающийся к трактату)¹¹⁵, но из него не становится ясным, ни в какой момент в 1627 г. он решил поддержать епископа, ни каковы были его истинные мотивы. Однако описанная виконтом ключевая сцена, в которой его капелланы обратились к нему, выглядит хорошо отрепетированной инсценировкой.

Роль «застрельщика» выполнял Бенджамин Нортон, который, как уже говорилось выше, формально не был капелланом виконта. Именно он в марте 1627 г. начал кампанию, предъявив Монтегю папскую буллу 1570 г., *Romani Pontificis Providentia*, в которой Пий V подтверждал обязательность получения лицензии у епископа на право принимать исповеди и причащать¹¹⁶. В отсутствие лицензии исповедь признавалась

¹¹²Records of the English Province of the Society of Jesus. L., 1880. Vol. VI. P. 329.

¹¹³Questier M.C. Catholicism and Community. Ch. 13.

¹¹⁴Ibid. P. 446—447.

¹¹⁵An Apologetical Answer of the Vicount Montague unto Sundrie Important Aspersions in the Seven reasons, and some other partes of a Letter of a namelesse Author covered under the Letters A.B. Gillow Library MS. Текст памфлета подробно анализируется (с приведением больших цитат) в: Allison A.F. A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcedon and the Catholic Laity, 1625—1631 // RH. 1982. Vol. 16. P. 111—145; Questier M.C. Catholicism and Community. P. 442—462.

¹¹⁶Триденский собор (сессия 23, декрет о реформации, гл. 15; 1563 г.) предписал всем исповедникам, не являвшимся приходскими священниками (т.е. членам монашеских орденов) получать у местных епископов лицензию (разрешение) выслушивать исповеди и давать отпущение грехов. Однако исполнение этого декрета

недействительной. Виконт был уже немолод и болен¹¹⁷, и наверняка задумывался уже о том моменте, когда ему придется произнести свою последнюю исповедь. Поэтому он должен был быть особенно чувствительным к возможности исповедаться человеку, который не имеет права отпускать грехи (ведь именно в это время его «главным» капелланом был бенедиктинец Эдвард Эш).

Через несколько дней после этого разговора, который, несомненно, взволновал виконта, в Каудрее внезапно (и так кстати, что это вряд ли можно считать случайностью) появился сам Ричард Смит, который в ответ на вопрос Монтегю признался, что и сам весьма обеспокоен ситуацией, но опасается начинать конфликт, тем самым словно бы представляя инициативу своему патрону¹¹⁸.

Трудно избавиться от впечатления, что здесь речь шла не столько о желании Монтегю использовать ситуацию конфликта для реализации своих амбиций, но скорее о том, что он сам стал объектом манипуляций со стороны «своих» клириков. Они стремились как максимум заручиться его помощью в разгоравшемся конфликте, а как минимум — избавиться от конкурентов, бенедиктинцев и иезуитов в свите Монтегю. Особенную неприязнь вызывал Эдвард Эш, видимо, из-за близости к патрону, и к его сыну и наследнику.

Таким образом, влияние капелланов Монтегю на религиозные практики и порой на их политические действия совершенно очевидно. С другой стороны, у членов свиты виконта — и клириков, и мирян — явно существовали четкие представления о том, как должен быть представитель католического духовенства. С появлением английских коллегий на континенте образовательный уровень клириков соответствовал заданным критериям, однако и моральный облик должен был быть высок. Если в начале XVI в. на интрижку капеллана с няней детей виконта еще могли посмотреть сквозь пальцы, то спустя сто лет подобное поведение явно представлялось совершенно недопустимым — и Джон Копли был вынужден покинуть дом виконта. Эдвард Уэстон также был изгнан из свиты Монтегю, и хотя его отъезд, видимо, объясняется конфликтом среди духовенства круга Монтегю, примечательно, что для его компрометации были использованы именно слухи о недопустимых сексуальных связях, не соответствовавших требованиям, предъявляемым клирикам в пост-Тридентскую эпоху.

Об особом уважении к капеллану свидетельствовало и присутствие патрона на его похоронах. Сведения о том, где и как хоронили капелланов Монтегю, скончавшихся в Англии, в большинстве случаев не сохранились. Однако скончавшегося в 1625 г. в Риме Томаса Мора прово-

было отложено, и разрешения продолжали выдаваться главами орденов. Пий V в вышеупомянутой булле вернулся к правилу, подтвержденному собором.

¹¹⁷Виконт Монтегю заболел лихорадкой (*tertian ague*, т.е. малярией) еще в 1611 г. В апреле 1627 г. он испытал очередной приступ болезни.

¹¹⁸*Questier M.C. Catholicism and Community. P. 447.*

жал в последний путь сын виконта, Фрэнсис Браун и его кузен Томас Роупер¹¹⁹. Конечно, Томас Мор приходился родственником виконту, так что присутствие его наследника на похоронах можно представить и как дань уважения наставнику, и как проявление родственных чувств, но также и как желание подчеркнуть свою связь с почитаемым английскими католиками мучеником (через его правнука).

Уважение к представителям католического духовенства со стороны мирян объяснялось еще и тем, что священники-миссионеры уже своим присутствием в стране проявляли героизм и готовность к мученичеству. Капелланы Монтегю, впрочем, не подвергались серьезным преследованиям, за исключением краткого периода (1593—1594 гг.). Ведь при первом виконте в доме не принимали миссионеров, объявленных вне закона. А при его внуке капелланами в доме обычно были священники, принадлежавшие к анти-иезуитской группе, считавшихся правительством Якова I лояльными католиками.

Тем не менее, Монтегю проявлял особое уважение, граничившее с почитанием, по отношению к мученикам. К таковым он явно причислял тех священников, которые, как и он сам, отказались приносить присягу на верность Якову I (см. часть I, главу IV). 30 мая 1612 г. он присутствовал на казни бенедиктинца Уильяма Скотта, священника Ричарда Ньюпорта и мирянина Джона Маусона. Присутствие на казни единоверцев, с целью поддержать их и укрепить их решимость перед лицом страшных пыток стало к началу XVII в. одной из традиций, цементировавших солидарность католического сообщества. Чтобы избежать скопления католиков в Тайберне, на этот раз правительство отдало приказ казнить приговоренных на рассвете (в пять утра; обычным временем казни было восемь часов). Тем не менее, Монтегю прибыл к месту казни вовремя, чтобы засвидетельствовать потом стойкость приговоренных¹²⁰. Рассказы о мученической кончине Ньюпорта и Скотта начали немедленно распространяться как в Англии, так и за ее пределами, не без участия капелланов Монтегю¹²¹.

В условиях, когда миряне-католики финансировали миссионерскую работу священников в Англии и активно участвовали в ее организации, их голос в церковных делах оказывался весьма звучным. И уж во всяком случае, именно миряне принимали решение по кандидатурам капелланов (хоты и формирование сетей клириков также не стоит сбрасывать со счетов). Тем не менее, присутствие капелланов в свите, в непосредственной близости к своим подопечным, предоставляло им неограниченную возможность влиять на мирян, воздействуя на, а порой даже определяя их религиозные практики, поведение и политические шаги. При этом капелланы не могли опереться на церковные

¹¹⁹*Shanahan D. The Death of Thomas More, Secular Priest, Great-Grand-Son of St. Thomas More // RH. 1963—1964. Vol. 7. P. 26.*

¹²⁰*Challoner R. The Memoirs of Missionary Priests. P. 327.*

¹²¹*Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. P. 177.*

структуры или институты, принадлежность к которым придавала им авторитет в континентальной Европе. Уважение к священникам и несомненное почтение, выказываемое им, определялись не этим обстоятельством, но личным авторитетом конкретных миссионеров, который мог быть значительным. Не стоит забывать и то обстоятельство, что священников в Английских коллегиях специально готовили для работы в условиях миссии, а при отправке миссионеров на родину учитывали их личные качества. Тех, кому было бы трудно завоевать уважение светских патронов, просто оставляли в коллегиях — например, в качестве преподавателей.

Отношение патронов к клирикам колебалось в диапазоне от отчетливого осознания своего права выбирать себе капеллана до безусловного уважения к его сану. Это отчетливо проявилось в жесте виконта Монтегю, который в ноябре 1627 г., отчаявшись убедить строптивых бенедиктинцев подчиниться власти епископа, запретил одному из них. Дэвиду Коднору, впредь появляться в его доме. Но когда разгневанный монах покидал его, виконт не преминул склониться перед ним в поклоне, прося о благословении (которого не получил). Поклон может показаться почти издевательским, если учесть, что Монтегю только что выгнал миссионера из своего дома. Однако составленный виконтом памфлет (где и описывалась данная сцена)¹²² должен был создать у читателя образ справедливого покровителя и благочестивого католика. Соответственным образом выстроен и этот эпизод. В нем виконт предстает несомненным хозяином в доме, из которого он по праву изгоняет монаха, восставшего против законной власти. Но одновременно виконт подчеркивает свое смирение и почтение по отношению к носителю священнического сана, вполне в духе пост-Тридентского католицизма.

Таким образом, можно констатировать, что даже и в отсутствие «нормальной» приходской структуры, в рамках миссионерской церкви, всего за несколько десятилетий (к 1620-м гг.) сформировалось представление о священнике — пастыре и наставнике — вполне соответствовавшее представлениям реформаторов о роли и облике духовенства. В этом отношении английские католики-миссионеры преуспели больше (и уж во всяком случае, раньше), чем их собратья в континентальной Европе.

¹²²Questier M.C. Catholicism and Community. P. 449; Lunn D. The English Benedictines, 1540—1688. L., 1980. P. 157—158.

Богослужения и таинства

Участие в таинствах определяло принадлежность тех или иных англичан к католической церкви. Это — единственный надежный критерий конфессиональной принадлежности, которым не могут служить ни рожденные религиозной полемикой маркеры «рекузант»/церковный папист (конформист), ни жесты разной степени публичности, объявлявшие о религиозных взглядах (ведь далеко не все католики в условиях гонений отваживались на них).

Однако богослужения и связанные с ними религиозные практики, объединявшие английских католиков с их единоверцами за пределами страны, в значительной степени отличали их от других католиков. Пост-Триденский католицизм континентальной Европы отводил центральное место в религиозной жизни прихожан жертве Христа, а, следовательно, евхаристии. Таинство причастия должно было объединить всех верующих прихода и стать главным фокусом их религиозной жизни. На практике это предполагало не только почитание святых даров и Тела Христова, распространенных еще в позднее средневековье. Мирянам теперь предлагалось причащаться чаще, чем раз в год, и медитировать над таинством евхаристии и Страстями Христовыми. А коммунальный, объединяющий аспект причастия подчеркивался различными способами: словами проповедников, архитектурными и живописными средствами — пространственным выделением главного алтаря церкви и размещением за ним большого алтарного полотна, привлекающего взгляд — а также и запретом Триденского собора служить мессы в частных домах и других помещениях, для этого не приспособленных¹.

Английские католики вряд ли могли легко адаптироваться к таким требованиям. Они не располагали церквями, и даже в домах аристо-

¹ См., например: *Bossy J. The Counter-Reformation and the People of Catholic Europe // Past and Present. 1970. Vol. 47. P. 51—70; Idem. Holiness and Society // Past and Present. 1977. Vol. 75. P. 119—137; Maher M. W., S.J. Jesuits and Ritual in Early Modern Europe // Medieval and Early Modern Ritual: Formalized Behaviour in Europe, China and Japan / Ed. by J. Rollo-Koster. Leiden, 2002. P. 193—218; Baroque Art: Jesuit Contribution / Ed. by R. Wittkower, I.B. Jaffe. N.Y., 1972; Po-Chia-Hsia R. The World of Catholic Renewal. Cambridge, 1998. P. 152—164; Mullett M.A. The Catholic Reformation. L., 1999. P. 196—214; Muir E. Ritual in Early Modern Europe. Cambridge, 2005. P. 224—232.*

кратов часовни должны были после 1559 г. стать протестантскими. В XVI—первой трети XVII в. немногие католики решались строить в своих домах католические часовни. Ведь в случае обыска богослужбная утварь, распятия, изображения святых и облачения священников стали бы неопровержимыми уликами и вполне могли отправить мирян на плаху, или, по крайней мере, в тюрьму. Мессы служили в частных домах, в совершенно непригодных для этого помещениях, на переносных алтарях; при этом богослужения лишились и своей торжественности в отсутствие хора, диаконов и служек.

В то же самое время многочисленные наставительные сочинения, написанные английскими священниками, или переводные, разъясняли мирянам-католикам смысл таинства и его значение для их религиозной жизни точно так же, как это делалось в отношении других католиков на континенте. Таким образом, «теория» должна была столкнуться с практикой, адаптированной к условиям религиозных преследований.

В главе представлены результаты анализа способов адаптации пост-Тридентских норм к ситуации, в которой оказались английские католики, когда центр их литургической жизни сместился в частные резиденции, в данном случае — резиденции Монтегю. Речь идет, прежде всего, о таинствах причастия и покаяния и связанных с ними литургических и благочестивых практиках, а также и о других таинствах. В части II уже говорилось о крещении и о браке, а поскольку монография посвящена католикам-мирянам, рукоположение также не рассматривается по очевидным причинам. О других таинствах — конфирмации и миропомазании — речь будет идти в последнюю очередь, что объясняется как состоянием источников (малочисленностью и разрозненностью сведений о миропомазании), так и обстоятельствами (отсутствием в Англии католических епископов в 1559—1624 гг.), исключившими возможность для мирян получать конфирмацию в течение практически всего рассматриваемого периода.

В главе будут рассмотрены изменения, которые претерпело как сакральное пространство, так и литургические практики в католических общинах, связанных со свитой Монтегю под двусторонним воздействием преследований со стороны властей и приоритетов пост-Тридентского католицизма.

§ 1. Причастие

Литургия (месса) и таинство причастия находились в центре всей западноевропейской религиозности Средневековья и раннего Нового времени. Однако литургический опыт мирян значительно изменился по сравнению с до-реформационным периодом. До Реформации миряне обычно причащались раз в год, на Пасху, или еще два-три раза. В остальное же время регулярное присутствие на мессе обеспечивало им не вкушение Тела Христова, но его созерцание во время элевации — сразу после по-

святительных молитв. Именно здесь находился фокус религиозных переживаний, обозначавший как индивидуальное спасение и причастность Христу, так и соединение с общиной верующих/местным сообществом. Причащение обычно происходило на Пасху, вместе со всеми прихожанами, и таким образом, обретало четкие коммунальные коннотации, тогда как молитвенное созерцание гостии, происходившее так часто, как только этого желал верующий, вплоть до нескольких раз в день, относилось скорее к разряду личных религиозных практик².

Мессу служили на главном алтаре церкви, который обычно отделялся от нефа преградой. В храмах, как правило, присутствовали и многочисленные боковые капеллы со своими алтарями, где служили частные мессы.

Облик английских церквей значительно переменялся в XVI в., и даже в середине столетия, при Марии I Тюдор, возвращение католической литургии проходило в иной обстановке, значительно более скромной после десятилетий иконоборчества. В большинстве церквей исчезли алтари в боковых капеллах, а восстановление статуй и других изображений святых проходило в соответствии с новыми религиозными приоритетами. В соответствии с предписаниями епископов в приходских церквях восстанавливались распятия, появлялись изображения Страстей Христовых и различные образы Девы Марии. Таким образом, религиозные практики мирян сознательно фокусировались на искуплении грехов человечества — главной теме Тридентской религиозной культуры³.

Эта тенденция действовала и в последующие периоды, но уже в совсем иной обстановке. Ведь после 1559 г. католики лишились церкви, а католические богослужения были запрещены. Теперь они переместились в частные дома, в помещения, не приспособленные для богослужений, и перестали быть регулярными — по крайней мере, для большинства католиков-простолюдинов. Дворяне-католики — при условии наличия в их свите католических капелланов — сохраняли доступ к регулярным католическим богослужениям, но и они сильно отличались от прежних. Не избежали общей участи и члены семьи Монтегю.

Сакральное пространство

Возведенный в 1520—1542 гг. первым владельцем, сэром Дэвидом Оуэном, замок Каудрей (Западный Сассекс) изначально располагал капеллой. Другие семейные резиденции, Бэттл и Монтегю-Хаус в Саутворке, перестраивались из монастырских зданий в 1530-х гг. и не имели специально построенных капелл. Однако наличие до-реформационной капеллы в доме само по себе еще не предполагало, что в ней совершались католические богослужения. Единоверцы Монтегю приписывали честь

² Rubin M. *Corpus Christi: The Eucharist in Late Medieval Culture*. Cambridge, 1992. P. 49—82; Duffy E. *The Stripping of the Altars: Traditional religion in England, 1400—1580*. New Haven; L., 1992. P. 91—130.

³ Duffy E. *The Stripping of the Altars*. P. 563—564.

устройства католических капелл не первому виконту Монтегю, но его вдове и внуку. Это обстоятельство, а также и факт наличия в свите первого виконта капеллана-протестанта, регулярно служившего литургию в соответствии с Книгой Общих молитв, заставляет предположить, что в 1559—1592 гг. в капелле замка Каудрей, а также и в приспособленных для этого помещениях других семейных резиденций проходили протестантские богослужения. Католическое же богослужение, порой проходившее в то же самое время, имело место в других помещениях, возможно, в частных (а не парадных) комнатах, вмещавших в себя лишь членов семьи и немногих домочадцев. Вполне вероятно также, что католические богослужения проходили не только в главных резиденциях виконта, но и в других принадлежавших ему манорах (например, в Тодэме). Об этом подробнее пойдет речь ниже.

В любом случае, католическое богослужение совершалось в обычных помещениях⁴. В условиях гонений католические священники шли на нарушение канона Тридентского собора, запрещавшего проведение литургии вне церквей и часовен. Ведь в английских условиях соблюдать это было попросту невозможно. Многим английским католикам второй половины XVI столетия приходилось присутствовать на мессе, которую служили на фермах, в амбарах и сараях, а то и вовсе под открытым небом, посреди руин монастыря (на Севере или в Уэльсе)⁵. Католики из числа лондонцев собирались (несмотря на запреты) в капеллах посольств католических стран⁶, а также и в тюрьмах (особенно в тюрьме Клинк в Саутворке, где обычно содержали многих арестованных священников)⁷.

Поскольку семейство Монтегю при жизни первого виконта практически не подвергалось преследованиям, его членам не приходилось прибегать к подобным ухищрениям. Здесь богослужения, скорее всего, проходили в одних и тех же помещениях. Мы не располагаем сведениями о том, как именно они были устроены, но можно попытаться высказать ряд

⁴ *Williams R.L. Forbidden Sacred Spaces in Reformation England // Defining the Holy: Sacred Space in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by A. Spicer and S. Hamilton. Aldershot, 2005. P. 95—114.*

⁵ *Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States. P. 105.*

⁶ *Kaplan B.J. Diplomacy and Domestic Devotion: Embassy Chapels and the Toleration of Religious Dissent in Early Modern Europe // Journal of Early Modern History. 2002. Vol. 6. P. 341—361.*

⁷ Английские тюрьмы держались тюремщиками от короны как феодальные владения. В обязанности тюремщика входило предъявить арестованных по первому требованию властей. В одиночном заключении арестантов могли держать лишь по предписанию монарха. Во всех остальных случаях за деньги можно было добиться сносных условий содержания и возможности принимать посетителей. Арестованные священники в тюрьме нередко служили мессу при попустительстве, а иногда и при участии тюремщиков. На это богослужения собирались католики из числа посетителей. См.: *Lake P., Questier M. Prisons, Priests and People // England's Long Reformation, 1500—1800 / Ed. by N. Tyacke. L., 1998. P. 195—233; McClain L. Without Church, Cathedral, or Shrine. P. 381—399.*

предположений. Косвенные свидетельства, в частности, описание капеллы вдовствующей виконтессы (см. ниже), заставляют предположить, что постоянного алтаря в таких комнатах не было, а священники использовали переносной алтарь. В условиях гонений католики в XVI и начале XVII вв. редко украшали свои капеллы фресками и живописными полотнами (в том числе и алтарными). Однако это не означает полного отсутствия украшений. В соответствии со вкусами своего времени — а до XVII в. англичан вряд ли можно было отнести к числу ценителей живописи — капеллы и приспособленные под них помещения украшались дорогими тканями, расшитыми драгоценными нитями, или же расписанными (по шелку). Из таких же тканей могли шиться и облачения священников, а распятия и богослужebная утварь украшались драгоценными камнями⁸.

Именно такие вещи ожидал найти при обыске в Монтегю-Хаусе в ноябре 1605 г. агент правительства Джон Бёрд. В письме Роберту Сесилу от 3 ноября 1605 г. он перечислял то, что можно там обнаружить, подкупив слуг:

«...тайные молельни для месс, погреба и укрытия для их книг, дорогих церковных украшений тонкой работы, помещаемых в личных комнатах по всем праздникам, дням святых, воскресеньям и дням недели; бархат и шелка, расшитые золотом, потиры, серебряную утварь, золотые четки с драгоценными камнями»⁹.

Существует большой соблазн предположить, что хотя бы часть этого великолепия досталась второму виконту по наследству от деда. Ведь согласно его завещанию, внуку достались все книги и драгоценности, находившиеся в его личных покоях (*private chamber*). Выше уже шла речь о том, что именно в личных помещениях, скорее всего, и располагалась комната, служившая католической капеллой. Так что упомянутые книги и драгоценности вполне могли иметь отношение и к богослужению.

После смерти первого виконта из свиты Монтегю исчезли капелланы-протестанты (см. часть II, главу III), и на это время (после 1592—1594 гг., точная датировка не представляется возможной) приходится устройство католической капеллы в Бэттле и в Монтегю-Хаусе — резиденциях вдовствующей виконтессы, а также и перестройка капеллы в Каудрее для католических богослужений.

Дом Монтегю в Бэттле был построен в конце 1530-х—начале 1540-х гг.; в основе своей он представляет дом аббата и часть корпуса келий. Церковь аббатства была разобрана. Неизвестно, какое именно помещение приспособила леди Магдален под капеллу. Местные историки

⁸ Williams R.L. English Catholics and the Visual Arts // Catholic Communities in Protestant States. P. 230—248.

⁹ “secret oratories for massing, vaults and palces for all their books, church ornaments for closets and chambers for all festivals, saints’ days, Sundays and working days in costly workmanships of gold upon velvet and silks, chalices, silver implements, beads will stored with valuable stones and gold” // Salisbury MSS. Vol. XVII. P. 475.

склоняются к мысли, что она располагалась в бывшем dormitorio но-вициев монастыря, располагавшемся в южной части восточного (сохранившегося) крыла (илл. 11). Эту версию воспроизводит в своей монографии Майкл Кестье¹⁰. Биограф леди Магдален описывает капеллу следующим образом:

«Она построила в своем доме капеллу (что достойно восхищения во времена таких гонений) и поместила в ней прекрасный каменный алтарь, к которому нужно было подниматься по ступенькам, а перед ним находилась алтарная преграда»¹¹.

В католической традиции, подтвержденной Тридентским собором, алтари всегда делались каменными. По всей видимости, Ричард Смит желал подчеркнуть, что в капелле пользовались не переносными деревянными алтарями, а возвели постоянный, по всем правилам, причем ранее алтарь уже использовался в этом качестве в монастырской церкви¹². Таким образом подчеркивалась преемственность между старинной церковью, служившей местом совершения литургии с XII в., и домом виконтессы. Алтарного образа, по всей видимости, не было, или, по крайней мере, живописного образа. Возможно, там располагалось распятие.

Второй виконт Монтегю переоборудовал капеллу в Каудрее примерно в то же время. Во всяком случае, она уже была закончена к 1603 г., когда он получил папскую буллу (см. часть I, главу IV), в которой о капелле говорится как о факте. Упоминается также и ее посвящение Воскресению Христову и Непорочному зачатию Девы Марии. Не существует описания капеллы в это время, однако сохранилась акварель, написанная швейцарским художником С.Г. Гриммом в 1786 г. (илл.12). Там капелла предстает такой, какой она стала после перестройки в конце XVII в. (после Гражданской войны, во время которой и сам дом, и в особенности капелла пострадали от вандализма расквартированных в поместье парламентских войск).

Несмотря на позднейшие перестройки, капелла Каудрея выглядит похожей на капеллу Бэттла из описания Смита. Здесь также присутствует помещенный на возвышении алтарь, к которому ведут ступеньки, отделенный от пространства капеллы низкой оградой. Отличием является присутствие здесь алтарного образа, представляющего собой сцену Воскресения Христа в типичной барочной иконографии. Полотно принадлежит кисти итальянского художника Якопо Амикони (1682—1752), который работал в Англии в 1730-х гг. Оно было заказано Энтони Брауном, шестым виконтом Монтегю, и явно представляет со-

¹⁰ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 216.*

¹¹ “She built a chappell in her house (which in such a persecution was to be admired) and there placed a very faire Altar of stone, wherto she made an ascent with steps and enclosed it with rails” // *Smith R. Life of Lady Montague. P. 28—29.*

¹² *Ibid. P. 38—39.*

бой замену более старому полотну, вероятно, XVII в. Алтарь в капелле также выглядит барочным; вряд ли это оригинальный алтарь. Скорее всего, он был возведен здесь после перестройки 1660-х гг.

Современные фотографии капеллы замка Каудрей показывают сохранившиеся по сей день остатки лепных украшений и статуй святых на стенах (илл. 13, 14).

Алтари в капеллах Монтегю в конце XVI—начале XVII в. могли быть перенесены туда из монастырских церквей, тем самым соединив капеллы с древней традицией христианства в Англии, или же имитировали старые алтари.

Но даже и барочная переделка не изменила качественных отличий капеллы Каудрея от их континентальных собратьев. В отличие от континентальных католических церквей пространство капеллы очень просто украшено (орнамент из цветов и листьев в барочном стиле; остатки этого орнамента сохранились на стенах капеллы до сих пор), и в нем практически отсутствуют изображения на религиозные сюжеты, за исключением алтарного образа, фрески на потолке, и нескольких скульптурных изображений святых высоко на стенах. Соответственно, все внимание молящихся поневоле сосредотачивалось на алтаре и происходящем там таинстве.

Богослужение: адаптация к местным условиям

Каноны Тридентского собора предполагали повсеместную унификацию богослужения, замещая местные обряды литургией римского образца. В Англии она пришла на смену целой группе литургий — дарэмской, солсберийской (*Sarum*), йоркской и др.¹³ Выпускники континентальных семинарий должны были служить мессу (и проводить другие богослужения) по новому Римскому служебнику (1570 г.). На практике, однако, порой священники, как представители старшего поколения, так и семинаристы, вынуждены были использовать старые, до-Тридентские служебники (чаще всего — солсберийского обряда, наиболее распространенного в Англии до Реформации), вычеркнув в них те рубрики, которые были теперь сочтены проявлениями «суеверий»¹⁴.

В предыдущем разделе уже отмечалось, что обстановка, в которой подчас приходилось служить мессу, сильно отличалась от привычных до-реформационных богослужений. Упрощалось и само богослужение. Речь, конечно, не идет об изменении содержания обряда, но о ряде его внешних аспектов. Так, священники могли не надевать соответствующего облачения, если его не оказывалось под рукой, а утварь порой оказывалась оловянной¹⁵. Кроме того, в условиях преследований мессу зача-

¹³ Swanson R.N. Religion and Devotion in Europe, c.1215—c.1515. Cambridge, 1995. P. 93—98.

¹⁴ Holmes P. Eliuzabethan Casuistry. P. 18—25.

¹⁵ Ibid. P. 76—87.

стю служил один священник, в богослужении не участвовали диакон, субдиаконы и/или служки. Не было и хора, и все литургические ответы выпевали (или читали по молитвеннику) присутствовавшие на службе миряне, что предполагало хотя бы рудиментарное знание латыни. Порой даже такого импровизированного хора не было, и ответы приходилось подавать женщинам, что породило полемику по вопросу о том, допустимо ли вообще служить мессу в отсутствие прихожан-мужчин¹⁶.

Наконец, в условиях преследований, особенно в 1580—1590-х гг. католические богослужения в большинстве случаев оказывались нерегулярными, и католикам-мирянам приходилось изобретать способы восполнения этого вакуума. Католические писатели предлагали прихожанам в отсутствие священников и при невозможности причаститься медитировать, читая молитвы из соответствующих разделов молитвенника (последование к причастию), представляя себе каждую часть литургии и размышляя о смысле жертвоприношения. Таким образом, верующие, лишённые физической возможности причаститься, должны были получать духовные блага причастия, обретая благодать вне таинства, а благодаря мистическому опыту¹⁷.

Представители семьи и свиты Монтегю находились в лучшем положении, нежели многие их английские единоверцы, т.к. в их резиденциях мессу служили часто (если не регулярно). Биограф леди Монтегю дает возможность представить эти богослужения:

«Чтобы все было устроено удобно [для богослужения — А.С.], она построила хоры для певцов. <...> По большим праздникам таинство мессы совершалось с пением и музыкой, а иногда даже с диаконом и субдиаконом»¹⁸.

Из текста следует, что в доме вдовствующей виконтессы по праздникам служили мессу, следуя Римскому служебнику. Однако такие службы отмечали самые торжественные моменты литургического года. Обычные же службы — а в доме леди Магдален служили мессу по три раза в день — должны были выглядеть скромнее. Вероятнее всего, там отсутствовали диакон и субдиакон, а также и музыкальное сопровождение. Впрочем, вряд ли можно представить себе леди Магдален дающей литургические ответы во время службы, хотя она наверняка следовала за ее ходом по своему молитвеннику. Ведь в ее свите было достаточно мужчин, да и мальчиков, из которых можно было составить

¹⁶ Rowlands M. *Harbourers and Housekeepers*. P. 204.

¹⁷ Rhodes J.T. *The Body of Christ in English Eucharistic Devotion, c.1500—1620 // New Science out of Old Books: Studies in Manuscripts and Early Printed Books in Honour of A.I. Doyle / Ed. by R. Beadle and A.J. Piper. Aldershot, 1995. P. 388—419; McClain L. *Lest We Be Damned*. P. 136—137.*

¹⁸ “to have every thing conformable she built a Quire for singers <...> and on solemne feasts the sacrifice of Masse was celebrated with singing, and musicall instruments, and sometimes aslo with Deacon & subdeacon” // Smith R. *Life of Lady Montague*. P. 29.

хотя бы небольшой хор. Не сохранилось сведений о том, какими были богослужения при первом виконте Монтегю, а также и при его внуке. Однако можно предположить эволюцию от более скромных служб к полному воспроизведению римской литургии в 1620-х гг., после ослаблений преследований.

На протяжении рассматриваемого периода «полноценная» римская литургия служилась только в капеллах посольств католических стран, а с 1625 г. — и в капелле королевы Генриетты-Марии в Сент-Джеймском дворце. Примечательно, что свита Монтегю была связана с музыкантами-католиками: упоминавшийся выше Ричард Лэмб выдал свою дочь Энн замуж за Ричарда Мико¹⁹, которому предстояло в 1630 г. стать органистом королевы Генриетты-Марии в ее католической капелле. А предшественник Мико, Ричард Деринг, в 1617—1625 гг. был органистом конвента Успения Богородицы в Брюсселе — английской обители, основанной двоюродной племянницей виконта Монтегю Мэри Перси²⁰.

Неизвестно, какая именно музыка звучала в капеллах Монтегю. Лучший английский композитор этого времени, католик Уильям Бёрд, писал музыку для своих знатных патронов, включавших в себя родственников Монтегю — Генри Сомерсета, графа Вустера, и семьи Роуперов и Петеров, а его старший сын Кристофер был женат на Кэтрин Мор, сестре Томаса Мора, капеллана виконтессы Монтегю²¹. Заманчиво предположить, что эти произведения исполнялись во время торжественной мессы в резиденциях Монтегю.

Таким образом, можно допустить, что торжественная месса в капеллах Монтегю воспроизводила все драматическое великолепие барочного богослужения, хотя это происходило по большим праздникам, собиравшим многочисленную конгрегацию верующих (см. ниже).

В обычные же дни месса должна была быть скромнее. Наконец, в истории семьи Монтегю бывали периоды, когда месса в их резиденциях не звучала вовсе. Речь идет о 1594—1597 гг., когда второй виконт Монтегю находился под пристальным наблюдением правительства, а затем и под арестом, а также, по всей видимости, и в 1611 г., когда ему пришлось в предвкушении ареста распустить свиту (см. часть I, главу IV). В эти периоды виконт был вынужден временно расстаться со своими капелланами. Это вряд ли означало полную недоступность для него таинств: ведь для него был открыт вход в дома бабушки, леди Монтегю, и других родственников — например, леди Дормер — где богослужения не прерывались. Следовательно, виконт мог время от времени присутствовать на мессе и причащаться. Но присутствовать на мессе каждый день, или даже каждое воскресенье, ему уже не удавалось.

¹⁹ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 205.*

²⁰ *Wainwright J.P. Sounds of Piety and Devotion: Music in the Queen's Chapel // Henrietta Maria: Piety, Politics and Patronage / Ed. by E. Griffey. Aldershot, 2008. P. 196—197.*

²¹ *Harley J. The World of William Byrd: Musicians, Merchants and Magnates. Ashgate, 2010. P. 122, 181, 203.*

В своих показаниях архиепископу Кентерберийскому и лорду-хранителю печати весной 1594 г. виконт заявил, что в его доме не проходит богослужений, а он сам довольствуется тем, что каждый день читает Часы Богородицы и Римский бревиарий (служебник)²². И хотя могут возникнуть сомнения относительно хронологии: не существует других подтверждений отсутствию в Каудрее католических священников, кроме слов виконта, которому было выгодно утаить этот факт, сам способ разрешения возникшей проблемы, которым воспользовался Монтегю, кажется вполне реальным. Ведь чтение служебника, или даже молитвенника, в котором воспроизводился текст богослужения, и сопутствующая ему медитация предполагали обретение духовных благ причастия теми мирянами, что были лишены возможности присутствовать на мессе.

Таким образом, можно констатировать, что католики из семьи Монтегю и, вероятно, свиты, были хорошо знакомы с подобными медитативными техниками. Они вполне могли быть не просто замещением мессы в крайних ситуациях, но представляли собой часть религиозной культуры, ориентированной на глубоко личное, интимное переживание таинств и внутреннюю молитву (подробнее см. главу IV).

Миряне и практика причащения

В до-реформационной Англии причащение было относительно редким событием для мирян. Подавляющее их большинство принимало причастие раз в год, на Пасху (исповедавшись в Великий Четверг, подробнее см. ниже). Леди Маргарет, мать короля Генриха VII, или визионерка Марджери Кемпе, причащавшиеся раз в месяц, относились к числу немногих исключений²³. Католические реформаторы XVI—XVII вв., в особенности иезуиты, хотя и не только они, поощряли прихожан причащаться чаще, чем то предписывал подтвержденный Тридентским собором обязательный минимум (раз в год, на Пасху). Однако несмотря на усилия приходских священников и миссионеров, частое причащение вплоть до начала XVIII в. оставалось уделом благочестивой элиты. Исследования Луи Шателье показали, в частности, что в сельских приходах Иль-де-Франс, в окрестностях Парижа, при практически 100% причащении на Пасху, лишь от 10 до 50% прихожан причащались по большим праздникам. Совсем небольшая группа, состоявшая из членов религиозных братств, причащалась раз в два месяца, тогда как еженедельное причащение было крайне редким даже для них²⁴.

В резиденциях Монтегю, в которых постоянно находилось несколько католических капелланов, регулярно — т.е. ежедневно, за исключением оговоренных выше периодов в 1590-х и 1610-х гг. — служили мессу. У членов семьи и свиты, таким образом, была возможность причащать-

²² BL, Harleian MS. 6889. F. 143. Издание текста документа и его русский перевод см. в: *Серегина А.Ю.* Верность королеве и долг католика... С. 27 и 31.

²³ *Duffy E.* The Stripping of the Altars. P. 93.

²⁴ *Châtellier L.* The Europe of the Devout. P. 3—13.

ся чаще, чем раз в год. Можно предположить, что многие из них такой возможностью пользовались. Однако достоверные данные сохранились лишь в отношении одного члена семьи — леди Магдален Монтегю. Ее биограф, Ричард Смит, указывал, что она присутствовала на трёх мессах в день, и причащалась каждое воскресенье и по большим праздникам²⁵. Такое благочестие было исключительным и в его глазах и приводилось в тексте как обоснование святости его патронессы. Кроме того, описание относится к годам вдовства леди Магдален. Вполне вероятно, что жизнь замужней дамы подчинялась иному ритму и не оставляла достаточно времени для почти монашеских религиозных практик.

Оба виконта Монтегю также вряд ли следовали этой практике, хотя вполне могли присутствовать на мессе ежедневно. Скорее, они, как и многие другие миряне-католики, следовали другой практике, также описанной в биографии леди Монтегю. Ричард Смит указывает, что порой в капелле леди Монтегю собиралось до 120 человек, и одновременно причащалось до 60 человек²⁶. Чуть ниже сказано, что такое множество католиков собиралось там по праздникам — т.е. на торжественные мессы²⁷. Поскольку причащались не все присутствовавшие на службе, можно предположить, что речь шла не о Пасхе, но о других больших праздниках. Таким образом, до 50% католиков причащались по большим праздникам, что совпадает с данными, приведенными Шателье по Франции XVII в.

Но кто были эти 60 человек? Были ли они членами семьи и свиты Монтегю, или же в это число входили и местные католики — соседи и арендаторы Монтегю? Размер ее свиты оценивается Смитом в 80 человек; таким образом, праздничные богослужения в капелле явно собирали и местных католиков²⁸. Более того, доступ к католическим богослужениям и таинствам рассматривался леди Монтегю и ее биографом как самая важная часть благотворительности:

«В своей исполненной благочестия щедрости эта леди даровала не только деньги, но и пищу, кров, защиту от преследований, свободу исповедать веру и доступ к таинствам, а также и к видимой церкви, то есть, к общине собравшихся там католиков»²⁹.

Традиционный социальный патернализм знати здесь переосмыслен, и на первый план выходит новая роль аристократов-католиков как организаторов литургической жизни сообщества единоверцев и обеспечения им доступа к таинствам. В данном контексте важно и то, что присутствие на службе в домовый капелле аристократа теперь отно-

²⁵ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 33.*

²⁶ *Ibid. P. 29.*

²⁷ *Ibid. P. 30.*

²⁸ *Ibid. P. 25.*

²⁹ “in the pious liberality of this Lady, not only money is bestowed but meat, lodging, defence from persecution, the exercise of Religion, and the use of the sacraments, and a visible Church of Company of Catholikes is assembled, and conserved” // *Ibid. P. 26.*

сится не к проявлению гостеприимства, распространявшегося на лиц близкого социального статуса, но к благотворительности, применимой к тем, кто был заведомо ниже рангом.

В биографии подчеркивается, что леди Монтегю допускала в свою капеллу всех католиков, каких знала, в том числе и тех, кого в тексте Смит именует «бедными людьми»³⁰. Трудно сказать, о ком именно идет речь: о католиках-простолюдинах, которые жили в Бэттле, и которых виконтесса вполне могла знать лично, или же о католиках из числа мелких дворян-джентри. Возможно, и о тех, и о других. Однако католики в округе были довольно многочисленными; они вряд ли поместились бы в капелле. По всей видимости, в Бэттле и его окрестностях было больше одного центра богослужений. Во-первых, таковыми могли служить дома католиков-джентри из числа арендаторов и слуг Монтегю. Некоторые из них, например, Ричард Лэмб, принимали у себя священников или даже держали постоянных капелланов.

Кроме того, выше уже отмечалось, что в некоторых манорах (Тодэм, Монтегю-Хаус в Лондоне) существовали убежища для священников, служившие литургическими центрами для местных католиков. Наконец, такими центрами могли служить и более скромные резиденции, переданные в распоряжение клириков (например, ферма Фрэнсиса Райделла). Наличие у Монтегю нескольких постоянных капелланов (плюс регулярно появлявшихся временных «гостей») позволяло по большим праздникам вести не одно, а несколько богослужений, доступных для всех местных католиков. Там, вероятно, они и причащались. Однако богослужения в этих центрах вряд ли были ежедневными или даже еженедельными (возможно, за исключением Монтегю-Хауса). Следовательно, для местных католиков-простолюдинов, не имевших личных связей со свитой Монтегю, причащение не могло быть слишком частым событием. В лучшем случае такие католики причащались несколько раз в год, по большим праздникам, а большинство, по всей видимости, посещая службы так часто, как получится, причащались раз в год, в соответствии с обычной практикой.

Таким образом, свиты католических магнатов, подобных Монтегю, обеспечивали проникновение новых приоритетов реформированного католицизма в английскую религиозную культуру. Примечательно, что хронология усвоения новых практик в Англии не только не отличается от хронологии континентальных католических стран, но даже немного их опережает: французские материалы Шателье относятся ко второй половине—концу XVII в., а данные по семье Монтегю указывают на начало этого столетия в качестве периода, когда уже проявились результаты воздействия пост-Тридентской проповеди.

При этом воздействие новых идей не ограничивалось рамками собственно свиты, но достигало и католиков более скромного статуса. Это происходило отчасти благодаря миссионерским усилиям духовенства (о чем пойдет речь ниже), а отчасти — благодаря успешной деятельности светских патронов.

³⁰ Ibid. P. 30.

§ 2. Исповедь

Социальные практики, связанные с таинством исповеди, следовали тем же курсом, что и практики причащения, ведь с 1215 г. исповедь была обязательным условием причащения и должна была предшествовать ему. Позднее Средневековье и начало XVI в. стали свидетелями серьезных перемен в религиозной культуре мирян, выразившихся, в частности, в распространении представления о необходимости для благочестивого христианина исповедоваться и причащаться гораздо чаще, чем раз в год. Историки более-менее согласны в том, что водоразделом здесь служит XV в. Примерно с 1400 г. потребность мирян в частой исповеди причащении постепенно нарастала, подпитываемая распространением религиозных наставлений, в которых модели монашеского благочестия адаптировались для мирян. Эта тенденция оказала большое воздействие на трансформацию практики исповеди и покаяния, ведь именно в данный период складывается представление об исповеднике как о духовном наставнике, направляющем в большей или меньшей степени всю религиозную жизнь мирян.

Стремление сделать регулярную исповедь, предполагавшую постоянный самоанализ верующего, центром религиозной жизни только нарастало в эпоху ранних реформ католической церкви, поддержанное в середине XVI в. решениями Тридентского собора. К этому времени практика регулярного «вопросания совести», которое раньше было прерогативой священника, принимавшего исповедь, а теперь становилась задачей мирян, была успешно популяризована иезуитами и другими реформаторами в конце XVI—начале XVII в.³¹

Парадоксальным образом английские католики, с точки зрения реформаторов, оказывались в более благоприятном положении, нежели многие их единоверцы на континенте. Ведь сам факт пребывания капелланов в свите дворян-католиков предполагал существование прочных связей между исповедниками и мирянами, подчинявшимися их наставлениям, и уникальную возможность задавать тон религиозным практикам последних. Перемены, однако, и здесь требовали усилий и сталкивались с сопротивлением и непониманием. Не избежали конфликтов и домочадцы Монтегю.

Большая часть того, что нам известно о религиозных практиках Монтегю, восходит к одному источнику — биографии вдовы первого виконта. Форма и функции текста предопределили внимание к свите вдовствующей виконтессы, тем самым оставляя за рамками жизнь в доме ее супруга, а также религиозные практики в резиденциях ее внука. Тем не менее, биография виконтессы достаточно информативна для того, чтобы составить представление о практиках исповеди и покаяния, хотя информация в большинстве случаев носит косвенный характер.

³¹ *McLaughlin R.E. Truth, Tradition, and History: The Historiography of High/Late Medieval and Early Modern Penance // A New History of Penance / Ed. by A. Firey. Leiden, 2008. P. 19—71.*

Выше уже шла речь о том, что вдовствующая виконтесса причащалась каждое воскресенье и по большим праздникам, что предполагало еженедельную исповедь. По всей видимости, при жизни первого виконта семья Монтегю следовала менее строгому правилу, что, впрочем, совершенно не исключало регулярную исповедь, о чем упоминается в биографии виконтессы, в главе, посвященной ее мужу, а также серьезное и сознательное к ней отношение.

Об этом косвенным образом свидетельствует повествование Ричарда Смита. В нем он рассказывает о благочестивых практиках виконтессы:

«Каждый день она трижды прочитывала Часы — Часы Богородицы, Святого Духа и Святого Креста, добавляя к ним, по крайней мере, три розария, Иисусову Псалтирь, пятнадцать молитв Св. Бригитты, обычно называемые “пятнадцать О”, обычные литании, а иногда также и Заупокойную службу»³².

Перечисленные здесь молитвы весьма показательны. Все они вместе составляли часослов, помогавший мирянам выражать свои религиозные чувства задолго до эпохи церковной реформы. Исследование Э. Даффи показывает, что все молитвы из приведенного Смитом перечня были очень популярны в Англии в XV—первой половине XVI в. и входили в состав многих рукописных, а затем и печатных часословов³³. Более подробный анализ этих молитв будет представлен ниже (в главе IV). Здесь же необходимо задаться вопросом: каким именно часословом пользовалась леди Монтегю? В XVI в. были изданы десятки английских часословов, состав которых не был единообразным. Их текст различался, прежде всего, в том, какие дополнительные молитвы в них включались (чаще всего «переменными» оказывались молитвы святым, литании). Конечно, точно определить издание в данном случае невозможно, но указанные в списке молитвы («пятнадцать О») облегчают задачу. Эти молитвы были популярны в начале XVI в., однако входили отнюдь не во все часословы и молитвенники, изданные до 1559 г. Сопоставление содержания часословов 1490-х—1550-х гг. показывает, что самыми вероятными кандидатами являются издания, вышедшие в свет в правление Марии Тюдор: часослов 1555 г., изданный Джоном Уайлендом (*The Prymer in latin and Englishe after the use of Sarum*) и его переиздание 1556 г. В обоих изданиях присутствовали «пятнадцать О» (не включенные в большинство изданий 1520—30-х гг., а также и в часословы, напечатанные для английских католиков в конце XVI в.), а молитвы святым (кроме литаний) опущены, по контрасту с

³² “she did every day say three offices, that is of the Blessed Virgin, of the Holy Ghost, and of the Holy Cross, whereto she added at least three rosaries, the Jesus Psalter, the fifteen prayers of St. Brigit, which because they begin with O are commonly called the fifteenth Oes, and the common litanies, and finally, sometimes the Office of the Dead”
// Smith R. Life of Lady Montague. P. 47—48.

³³ Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 210—221; 233—266; 537—543.

до-реформационными часословами, но в соответствии с духом пост-Тридентского католицизма.

В часослове 1555 г. впервые (в английской практике³⁴) появилось пособие, призванное помочь мирянам подготовиться к исповеди. Оно было довольно простым и коротким, представляя собой простой перечень грехов. Тем не менее, он свидетельствовал о важном сдвиге в религиозной культуре — смещении фокуса практики покаяния с восстановления нарушенных грехами социальных (родственных и дружеских) связей к анализу внутренних побуждений верующего. Часослов был издан, когда леди Магдален была еще молодой женщиной, только что вышедшей замуж. Таким образом, можно предположить, что он задавал ритм религиозной жизни дома Монтегу, в том числе и практики покаяния. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные биографии виконтессы: ее религиозные практики и ритм ежедневных молитв определился еще в молодости, когда она была фрейлиной королевы Марии, и на него сильно повлияло благочестие правительницы³⁵.

Тем не менее, этот часослов и предписываемые им практики был несовершенным с точки зрения воспитанных в семинариях священников-миссионеров, поскольку предполагал недостаточно внимательный взгляд верующего на собственные поступки и мысли. А процесс перехода к новым практикам оказался болезненным, о чем свидетельствует одна из редких «проговорок» Смита, указывающая на конфликт между ним и его патронессой:

«Поскольку она избрала меня в качестве своего исповедника, я посоветовал ей некий метод вопрошания собственной совести, более подходящий ей (по моему мнению), нежели тот, которого она придерживалась раньше. Тут я, пожалуй, столь неудачно выразился, что благочестивая леди неправильно поняла меня, сочтя, что не открывает свои грехи искренне, но скрывает то, чему надлежит быть раскрытым»³⁶.

Смит здесь ссылается на распространенную на континенте практику католиков-реформаторов, восходившую к религиозной культуре *Devotio moderna* и позднесредневековой медитативной традиции, воспринятой

³⁴ The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum), printed by John Wayland. L., 1555.

³⁵ Мария Тюдор выделялась своим благочестием, соблюдала цикл ежедневных молитв, определяемый богослужениями и каноническими часами, часто исповедовалась и причащалась. См., в частности: Whitelock A. Mary Tudor: England's First Queen. L., 2009. P. 296.

³⁶ "Whereas she had made choice to use me in the sacrament of confession, I advised her of a certain method of discussing her conscience, more convenient for her (in mine opinion) than that she had formerly used; wherein I did perhaps so imperfectly express my meaning, that the pious lady understood me to suspect that she did not sincerely discover her sins, but did conceal something requisite to be opened" // Smith R. Life of Lady Montague. P. 27.

иезуитами³⁷. Английские клирики получали образование в континентальных семинариях, которыми управляли иезуиты, и были, несомненно, знакомы с этой техникой. Ричард Смит не был исключением, и, как следует из его текста, в один прекрасный момент решил применить ее в доме вдовствующей виконтессы. Хотя, по его словам, леди Монтегю в конце концов приняла новую практику и привыкла к ежедневному поиску греховных поступков и побуждений, текст биографии указывает на первоначальное удивление и обиду со стороны виконтессы, столкнувшейся с новым для нее явлением. Она просто не поняла, чего еще требует от нее духовник. Ричард Смит говорит даже, что она решила прояснить это и спросить: «почему я решил, что она что-то утаивала на исповеди»³⁸.

Виконтесса столкнулась с новой практикой уже в пожилом возрасте; стоит предположить, что для более молодых членов семьи и домочадцев процесс перехода к новой практике исповеди оказался менее болезненным. Биография не приводит точной даты, однако учитывая тот факт, что Смит появился в Бэттле в 1603 г., перемены в отношении к исповеди необходимо датировать началом XVII в., что соотносится с лучшими показателями континентальной Католической Реформы.

До Реформации ежегодная исповедь имела место в церкви. Священник и исповедующийся находились несколько в стороне от остальных прихожан, ожидавших своей очереди, однако не слишком далеко. Подобное расположение отражало отношение к таинству: смысл его виделся в восстановлении разрушенных грехами социальных связей, примирение с Богом и христианским сообществом в лице родных и соседей, присутствовавших здесь же.

Дворяне, в свите которых были капелланы, или же те, кто имел духовных наставников, возможно, в монастыре, исповедались вне прихода, в монастырской церкви, домашней капелле или даже в личных покоях. Такая исповедь предоставляла больше возможностей для подробного анализа собственных побуждений, мыслей и поступков, фокусируя, однако, внимание, на душе грешника, а не на его/ее социальных связях, де-социализируя исповедь³⁹.

Уединение, возможность сосредоточиться и поведать священнику о грехах в приватной обстановке, не позоря при этом семью — все это было принято во внимание архиепископом-реформатором Карло Борромео, который в 1576 г. предписал соорудить в церквях своего диоцеза исповедальни, отделявшие исповедующегося от остальных молящихся и предоставлявшего ему/ей возможность сохранить анонимность. В 1614 г. папа предписал соорудить исповедальни со всех церквей. Однако на практике этот процесс растянулся на десятилетия; раньше все-

³⁷ O'Malley J. W. *The First Jesuits*. Cambridge, Mass., 1993. P. 134—152.

³⁸ “to ask me for what cause I suspected that she had concealed something in confession” // Smith R. *Life of Lady Montague*. P. 28.

³⁹ Bossy J. *The Social History of Confession in the Age of Reformation* // TRHS. 5th series. 1975. Vol. 25. P. 21—38.

го — еще в XVI в. исповедальни появились в Италии, но в целом они стали постоянной частью церковного интерьера лишь в XVIII в.⁴⁰

Таким образом, в данном отношении опыт английских католиков не слишком сильно отличался от опыта большинства их континентальных единоверцев. Конечно, исповедь больше не могла иметь места в приходских церквях; она переместилась в частные дома и часовни и происходила в приватной обстановке. Это обстоятельство само по себе вызывало проблемы. Не случайно до-реформационные правила предписывали исповедникам не уединяться с грешниками, а оставаться в церкви: присутствие остальных прихожан защищало исповедующихся, прежде всего женщин, от сексуальных домогательств священников, а последних — от обвинений в недостойном поведении. Позднее той же цели должны были служить исповедальни, физически (решеткой) отделявшие священника от исповедующихся⁴¹.

В английских условиях это было невозможно; напротив, священники должны были жить бок о бок с мирянами и исповедовать их в приватной обстановке, склонявшей обе стороны к греху. Руководители миссии отдавали себе отчет, что в таких условиях священники-миссионеры окажутся крайне уязвимыми как для обвинений в нарушении обетов со стороны протестантов, так и для искушений. Важным «отягчающим» обстоятельством было то, что начиная с XV в. среди благочестивых верующих, каявшихся в грехах и причащавшихся чаще, чем остальные, было много женщин. В качестве объяснения этого феномена предлагались различные объяснения — давление культурных конструктов (представления о большей греховности женщин, которые, соответственно, больше мужчин нуждались в покаянии, а также и об их большем смирении и благочестии), распространение новых моделей женского благочестия, приближавших монастырский идеал созерцательности к жизни мирянок — но в любом случае, это движение имело важные последствия для религиозной культуры. Прежде всего, женщины в большей степени, нежели мужчины, нуждались в руководстве на своем пути к духовному совершенству. Соответственно, начиная с XV в. институт духовного наставничества получает большое распространение. Духовный наставник становился близким человеком, а положение, в котором оказались английские католики, делало эти отношения и пространственно более близкими, ведь теперь духовники стали одновременно и домочадцами⁴².

Подобная ситуация не могла не порождать проблем, и свита Монтегю не стала исключением. Выше уже приводилась история священника Джона Копли и Ребекки Мун (см. выше, главу I). Здесь необходимо отметить, что Ребекке, как новообращенной католичке, требовался духовный

⁴⁰ *de Boer W.* The Conquest of the Soul: Confession, Discipline and Public Order in Counter-Reformation Milan. Leiden, 2001. P. 43—126.

⁴¹ *Ibid.* P. 84—88.

⁴² *Bilinkoff J.* Related Lives: Confessors and Their Female Penitents, 1450—1750. Ithaca; N.Y., 2005. P. 12—31.

наставник, каковым и стал Копли. Это, в свою очередь, предполагало регулярное общение в приватной обстановке, призванное разрешить религиозные сомнения, но в данном случае оно привело к нежелательным результатам, а именно, к любовной связи и вероотступничеству обоих.

Подобные истории, естественно, активно использовались полемистами-протестантами, и в ответ на их обвинения возник целый жанр «благочестивых биографий» мирянок, написанных их исповедниками. Одной из первых биографий, фактически задавших параметры жанра, стала биография леди Монтегю⁴³. В них исповедники описывали идеальные взаимоотношения между ними и их духовными дочерьми, а также подчеркивали скромность и целомудрие последних. Есть соответствующий раздел и в биографии леди Монтегю. В нем Смит повествует о том, как его патронесса, тогда еще молодая фрейлина при дворе Марии I, отвергла заигрывания короля Филиппа, а выйдя замуж, дала обет в случае гибели мужа (отправлявшегося воевать во Францию) сохранять целомудрие и больше не выходить замуж⁴⁴.

С другой стороны, «благочестивые биографии» создавали модели женского поведения, которые должны были воспроизводиться другими католичками, а также и формировали образ их наставников — авторитетных фигур, способных оказывать большое влияние на патронов-аристократов. Все эти обстоятельства способствовали распространению подобных биографий⁴⁵.

Оборотной стороной повышенного внимания к женщинам стало относительное «пренебрежение» исповедями мужчин, которые гораздо реже упоминаются в источниках. У нас нет описаний религиозных практик первого или второго виконтов Монтегю. Тем не менее, даже если оба они и исповедовались реже, чем леди Монтегю, наличие капелланов и очевидное влияние некоторых из них на патронов (см. выше, главу I) предполагает стабильные отношения духовных наставников и их подопечных.

Таким образом, развитие практики исповеди в католических домах Англии в XVI—XVII вв. происходило параллельно ее развитию в католических странах на континенте. Очевидно, что распространение частой исповеди способствовало усвоению приоритетов пост-Тридентской католической культуры в течение относительно короткого периода, даже раньше, чем это произошло на континенте. Этому, несомненно, способствовали более тесные отношения исповедников и их подопечных. У нас

⁴³ Хронологически первым было «Житие Маргарет Клитрое» (конец XVI в.), составленное ее исповедником Джоном Мушем, но оно представляет собой комбинацию жанров — биографии и мартирию. Подробнее см.: *Lake P., Questier M. The Trials of Margaret Clitherow: Persecution, Martyrdom and the Politics of Sanctity in Elizabethan England. L., 2011; Серегина А.Ю. Сбой системы: применение формулы *peine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI века // Право в средневековом мире. М., 2008. С. 224—249.*

⁴⁴ *Smith R. Life of Lady Montague. Ch. 7. P. 19—22*

⁴⁵ *Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения. С. 53—99.*

гораздо меньше сведений о том, как практика частной исповеди была воспринята рядовыми католиками. Однако можно сделать ряд предположений. Члены свиты Монтегю имели перед глазами пример своих патронов, который наверняка побуждал многих из них к действию. Что же касается простолюдинов, к их услугам было несколько священников, которые вполне могли призывать своих прихожан к более частой исповеди. Тем не менее, такая частая исповедь здесь, как и на континенте, должна была оставаться уделом представителей элит, имевших в своем распоряжении наставников и постоянных исповедников.

В какой степени изменилось содержание исповеди? Если раньше, как уже отмечалось выше, главным фокусом вопросов и наставлений исповедника были грехи, направленные против христианского сообщества, в пост-Тридентскую эпоху, с переходом к более индивидуальной и тонкой с психологической точки зрения исповеди, это фокус, по мнению ряда исследователей, сместился в сторону грехов плоти, сексуальных отношений⁴⁶. Но насколько эта перемена коснулась английских католиков? Обращение к руководствам для исповедников, составленным специально для Англии, вроде бы не дают оснований для подобного вывода, так как в них отсутствуют разделы, посвященные сексуальным отношениям. Необходимо помнить, однако, что эти руководства были составлены как ответ на постоянные запросы самих католиков, поэтому они сконцентрированы вокруг вопросов, касавшихся посещения приходских церквей, крещения и браков детей, управления бывшим церковным имуществом — т.е. тех, что затрагивали взаимоотношения католиков и протестантов в рамках местных сообществ (см. часть II, главы I—III). Таким образом, мы можем заключить, что, по крайней мере, в конце XVIв. внимание мирян не было еще сфокусировано на прегрешениях сексуального характера.

Однако биография виконтессы Монтегю, составленная в первое десятилетие XVII в., демонстрирует внимание исповедников к проблемам сексуальности. Целая глава биографии, как уже отмечалось выше, посвящена целомудрию леди Магдален. Еще более примечательно, что тема целомудрия постоянно звучит и в главе, посвященной жизни ее супруга, виконта Монтегю, хотя целомудрие — не та добродетель, которая немедленно приходит на ум применительно к влиятельному магнату-мужчине. Тем не менее, в описании Ричарда Смита виконт Монтегю на коленях умоляет овдовевшего отца отказаться от сожителства с любовницей и жениться⁴⁷. Далее в биографии приводится красочная история о том, как виконт, оказавшийся в 1559 г. в Испании с посольством (без жены), тяжело заболел. Призванные на помощь врачи посоветовали ему для восстановления здоровья пригласить к себе женщину, и услужливые друзья немедленно нашли ему «англичанку». Благочестивый виконт отказался подвергать свою душу опасности, несмотря на все старания женщины⁴⁸.

⁴⁶ См., например: *Bossy J. The Social History of Confession. P. 33.*

⁴⁷ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 8.*

⁴⁸ *Ibid. P. 9.*

Ричард Смит стал капелланом семьи Монтегю через 10 лет после смерти первого виконта и вряд ли мог услышать эту историю; ее, скорее, стоит считать благочестивым вымыслом. Впрочем, она свидетельствует об изменении приоритетов исповедников. Степень их влияния на подопечных оценить труднее. Примечательно, однако, что никто из многочисленных членов семьи Монтегю ни в XV, ни в начале XVI в. не давал обетов целомудрия и не присоединялся к монашеским общинам. Но в XVII в. ситуация изменилась — монахинями стали дочери второго виконта Монтегю, а его брат вступил в орден иезуитов (подробнее см. ниже, главу V). Здесь явно прослеживается влияние пост-Тридентских приоритетов, и, как и в других аспектах, хронология перемен совпадает с общеевропейской, если не опережает континентальных католиков.

Простое сопоставление объема материала, посвященного целомудрию и другим аспектам религиозной жизни, показывает, что гораздо больше внимания уделялось не грехам плоти, но сохранению католической веры. Такой акцент объясняется условиями, в которых существовали английские католики — протестантское окружение и периодические волны преследований ставили на их пути серьезные искушения, а у католических миссионеров не было возможности жестко контролировать поведение мирян.

§ 3. Другие таинства

В пост-Реформационной Англии таинство конфирмации почти на 60 лет вышло из обихода английских католиков. До 1530-х гг. таинство конфирмации совершал епископ во время объездов своей епархии, но мы не располагаем надежными данными о том, с какой регулярностью это происходило. Средний возраст проходивших таинство составлял 5—7 лет, но поскольку конфирмация не сообщала верующему никакого нового духовного «капитала», часть прихожан, по всей видимости, вообще им пренебрегала. А количество верующих, приводивших детей на конфирмацию, порой определялось сотнями и тысячами, что явно указывает на нерегулярность совершения таинства⁴⁹.

Таким образом, конфирмацию вряд ли можно считать важной частью религиозной жизни английских католиков. А после 1559 г. и до 1624 г. в отсутствие в стране католических епископов предопределило и полное отсутствие этого таинства в их религиозной культуре. Оно не воспринималось как большая потеря: в своем катехизисе, обращенном к дочери, второй виконт Монтегю объяснял в 1597 г., что конфирмация не является таинством, обязательным для спасения, поэтому христиане вполне могут обойтись без него⁵⁰.

⁴⁹ Swanson R. Religion and Devotion. P. 32.

⁵⁰ Instruction to my daughter. P. 36.

Тем не менее, когда после длительного перерыва в Англии опять появился католический епископ (Уильям Бишоп), одним из первых его действий стало проведение таинства конфирмации в резиденции Монтегю (Каудрей). В одном случае таинство прошли 400 человек, в другой — 500 (см. выше, главу I). Подобного рода массовые конфирмации устраивал и Ричард Смит после своего возвращения в Англию в качестве епископа в 1625 г. Примечательно, что в данном случае конфирмацию проходили не дети, для которых это таинство обозначало подготовку к приему первого причастия, но вполне взрослые католики. Представляется, что в 1620-х гг. конфирмация представляла собой квази-публичное подтверждение принадлежности к католическому обществу, адресованное не вовне — т.е. правительству и соотечественникам-протестантам, а своим единоверцам в Англии и за ее пределами.

Миропомазание, как и до Реформации, оставалось частью «последних обрядов», с которыми имели дело тяжело больные и умирающие. Миропомазание сообщало последним благодать, дававшую силы либо справиться с болезнью, либо достойно умереть, покаявшись в грехах и причастившись. Практика миропомазания сохранялась и после 1559 г. (хотя теперь она была поставлена вне закона), хотя в условиях отсутствия священников порой больным приходилось обходиться без них. Поскольку в резиденциях Монтегю и их родственников всегда присутствовали несколько священников, их домочадцы оказывались в более выгодном положении: в случае тяжелой болезни над ними обязательно совершали миропомазание. Однако сведения об этом таинстве крайне разрозненны; даже в рассказах о «благой смерти» о нем редко упоминают, так как все внимание, в соответствии с предпочтениями пост-Триденсткой эпохи, фокусируется на последнем причастии. В биографии леди Монтегю отдельная глава посвящена ее последней болезни и смерти, но в ней просто упоминаются «таинства, подобающие такому случаю»⁵¹, без расшифровки.

Более подробно о миропомазании говорится в биографии ее племянницы, графини Эрендел. По словам капеллана графини, она многократно изъявляла желание получить миропомазание во время последней болезни, считая его средством исцеления души и тела (если это возможно). Однако ей пришлось подчиниться решению священника, откладывая совершение таинства на последний момент, когда уже не осталось никаких надежд на ее выздоровление. Во время совершения таинства графиня держала в руке свечу, много лет назад привезенную в подарок ей неким паломником от Гроба Господня⁵².

В этом описании прослеживается изменение отношения к таинству среди мирян. Согласно исследованиям Э. Даффи, в до-реформационный период миряне откладывали миропомазание до самого последнего момента, в силу распространенного поверья — миропомазанный умирает для мирской жизни, и даже если болезнь отступает, он должен отказать-

⁵¹ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 39—40.*

⁵² *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel. P. 256—257.*

ся от мира и удалиться в монастырь. Леди Эрендел демонстрирует теологически корректное понимание таинства, так же, как и составленный вторым виконтом Монтегю в 1597 г. катехизис⁵³.

Изучение литургической жизни семьи Монтегю показывает, что, несмотря на условия, в которые были поставлены английские католики, их религиозная культура развивалась в том же направлении, что и в континентальных католических странах, и даже порой опережала последних в быстроте усвоения мирянами новых установок реформированного католицизма.

Вместе с тем, особый опыт английских католиков не мог не оказывать влияния на их религиозную культуру. Сама обстановка, в которой католики из окружения Монтегю переживали главный религиозный опыт — присутствие на мессе и причащение — существенно видоизменилась. Убранство импровизированных, а затем и постоянных часовен, было гораздо более скромным, нежели в пред-реформационных церквях; минимализм украшений, порой отсутствие музыки и отсутствие боковых алтарей фокусировали внимание верующих на том, что происходило на главном алтаре. А необходимость давать литургические ответы по ходу службы требовали хорошего знания службы, или в крайнем случае — наличия у прихожан молитвенников, в которых разъяснялась (и переводилась на английский) вся служба. Таким образом, религиозный опыт становился индивидуальным и фокусировался на Слове Божиим.

Этому же способствовало и распространение частой исповеди, и установление тесных отношений с исповедниками — духовными наставниками. Важно отметить, однако, что католические священники-миссионеры не располагали авторитетом церковных судов и зависели от своих патронов финансово, а, следовательно, не могли полагаться на принуждение в своем стремлении к поддержанию дисциплины. Таким образом, раннее по сравнению с католическими странами Европы распространение идеалов Католической Реформы обеспечивалось здесь не навязыванием новых идей и правил силой, но благодаря успешному диалогу духовенства и светской элиты.

⁵³ Instructions to my daughter. P. 37.

Религиозное образование

Религиозные реформы раннего Нового времени имели своей целью обеспечить глубокое усвоение прихожанами истин христианского вероучения и норм морали. Религиозное образование различных уровней играло решающую роль в распространении идеалов реформированного католицизма в XVII—XVIII столетиях. В исследованиях, посвященных истории католической церкви и религиозного образования в пост-Тридентскую эпоху, зачастую подчеркивалось, что духовенство — секулярное и орденское — доминировало в сфере религиозного образования, занимаясь им непосредственно или контролируя деятельность мирян. Тридентская модель предполагала наличие в приходах воскресных школ или классов катехизиса, в рамках которых приходские священники или миряне под их руководством (например, члены братства Христианского обучения) наставляли детей. Другим каналом распространения знаний о вероучении были школы, открывавшиеся в городах и зачастую основывавшиеся представителями монашеских орденов (в том числе и тех, что рассматривали образование как главную сферу своей деятельности)¹.

В протестантских странах, в частности, в Англии, распространение религиозных наставлений шло параллельным путем. Эдвардианское, а затем и елизаветинское религиозное законодательство предписывало приходским священникам по воскресеньям и праздникам, перед вечерней службой, давать наставления детям своих прихожан. Впрочем, как и в других странах Европы, потребовалось довольно много времени для того, чтобы эти занятия стали проводиться так часто, как это предписывалось. Даже в конце XVI в. многие приходы все еще придерживались старой, до-реформационной традиции проводить подобные «уроки» только во время Великого поста. Классы катехизиса могли иметь место и в школах. В целом, элементарные религиозные наставления в Англии были нацелены на возрастную группу от семи до приблизительно семнадцати—восемнадцати лет².

¹ Обзор историографии см. в: Туррини М. Катехизисы и школы христианского вероучения в Италии XVI в. // Религиозное образование в России и Европе в XVI веке / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2010. С. 60—80; Тантурри А. Ордена и конгрегации эпохи Контрреформации, занимавшиеся образованием: варнавиты, сомаски, сколопы // Там же. С. 100—141.

² Green I. The Christian's ABC: Catechisms and Catechising in England c.1530—1740. Oxford, 1996. P. 94.

Тем не менее, идея о безусловном доминировании духовенства в сфере религиозного образования в Европе раннего Нового времени слишком упрощает наши представления о нем. В тех странах, где католики или протестанты составляли меньшинство (пусть и значительное) и подвергались религиозным преследованиям, подобная система не могла быть воспроизведена применительно к данной конфессиональной группе. Одной из таких стран была Англия. Здесь с 1559 г. и до середины XVIII в. не существовало системы католических приходов, а католические школы были вне закона. Таким образом, перед английскими католиками, как лидерами католической миссии, так и мирянами, стояла задача адаптировать распространенную на континенте «нормальную» модель к аномальной ситуации. В XVII столетии английские католики уже расстались с надеждами на возвращение страны к католичеству путем государственного переворота, однако многие из них полагали — и небезосновательно — что католическая реставрация возможна мирным путем, через обращение в католичество элиты страны и членов правящей фамилии³. Поэтому наставления в вере и их доступность имели огромное значение.

Особенности подготовки католических священников для Англии были рассмотрены в главе I. Здесь речь пойдет об особенности и динамике религиозного образования мирян-католиков в свите Монтегю XVI—XVII вв. в соотнесении их с распространенной в континентальной моделью католического образования, а также о роли, какую играли клирики и светские лица (мужчины и женщины) в создании и функционировании системы религиозного образования.

§ 1. Духовенство и религиозное образование

Лишившись возможности наставлять детей непосредственно в приходах, католические священники задействовали другие модели образования, и прежде всего, школьное обучение. В 1593 г. в Сент-Омере (до 1678 г. принадлежавшем Испанским Нидерландам, а затем — Франции) была основана школа ордена иезуитов для мальчиков-мирян из Англии. В последующие столетия она не раз меняла свое местоположение, но существует до сих пор (в Стоунхёрсте, Ланкашир). Коллегия Сент-Омера стала одним из важнейших образовательных и издательских центров английского католического сообщества.

Практически с первых десятилетий своего существования коллегия Сент-Омера оказалась связанной со свитой Монтегю: ее члены отправляли туда своих сыновей с согласия, а порой и при финансовой поддержке своих патронов. Энтони Уайтхейр обучался на средства ви-

³ Среди обращенных в католичество в XVII столетии — королева Анна Датская (жена Якова I), Яков II, а также многочисленные придворные, включая жену, мать и сестру фаворита Якова I и Карла I, герцога Бекингема.

конта Монтегю в Сент-Омере, а затем отправился продолжать образование в Вальядолид. Там же учился будущий иезуит Энтони Лэмб, и его старший брат Уильям (который, впрочем, так и не стал священником; см. главу I). Коллегия в Сент-Омере, впрочем, обычно функционировала как подготовительная ступень к семинарии; ее ученики с детства предназначались к священству, а выпускники отправлялись в одну из английских семинарий.

Другие английские монастыри на континенте также обучали детей католиков, хотя учеников в них было не так много, как в иезуитских коллегиях. Большая их часть открылась в XVII в. — например, школы при францисканском монастыре в Брюгге (1660-е гг.), коллегии при доминиканском монастыре в Антверпене (1660 г.) и бенедиктинском монастыре Св. Григория в Дуэ (1620 г.)⁴. В последней в начале XVII в. получал образование Фрэнсис Лэмб, младший брат Энтони и Уильяма⁵.

При английских женских монастырях в Нидерландах, Испании, Португалии и Франции также обучали девочек из католических семей, особенно в середине—второй половине XVII в., хотя число учениц-пансионерок в таких школах было, как правило, невелико⁶.

Часть девочек впоследствии оставались в обителях, принеся монашеские обеты, но некоторые возвращались домой и выходили замуж. Так, дочери второго виконта Монтегю Люси и Энн были отосланы в обитель бригеттинок в Лиссабоне, где позднее приняли монашеские обеты⁷. Другие девочки из семьи Монтегю (ее младших ветвей) учились в бенедиктинских монастырях Фландрии (Гент, Камбре), а также у клариссинок (подробнее об этом см. главу V). Некоторые, впрочем, отправились учиться в школу совсем иного рода.

В 1609 г. в Сент-Омере возник основанный Мэри Уорд Институт Благословенной Девы Марии. Он объединял женщин-католичек (англичанок), живших в бедности и целомудрии, но не приносивших монашеских обетов. Основная деятельность Института была образовательной: он представлял собой школу для девочек из английских католических семей, желавших, чтобы их дочери получили хорошее образование и наставления в католической вере. Учебный курс был выстроен на основе

⁴ *Beales A.C.F. Education Under Penalty: English Catholic Education from the Reformation to the Fall of James II, 1547—1688.* L., 1963. P. 166—167, 178—179.

⁵ *Questier M.C. Catholicism and Community.* P. 315.

⁶ *Bowden C. "For the Glory of God": a Study of Education of English Catholic Women in Convents in Flanders and France in the First Half of the Seventeenth Century // Faiths and Education: Historical and Comparative Perspectives / Ed. by J. Coolahan, R. Aldrich and F. Simon.* Ghent, 1999. P. 77—95; *Idem. Community Space and Cultural Transmission: Formation and Schooling in English Enclosed Convents in the Seventeenth Century // History of Education. Vol. 34.* P. 365—386; *Серегина А.Ю. Религиозное образование английских католиков в XVII в.: адаптация Тридентской модели // Религиозное образование в России и Европе в XVII веке / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота.* СПб., 2011. С. 201—211.

⁷ *Questier M.C. Catholicism and Community.* P. 333.

адаптированной для женщин программе иезуитских школ. В 1615 г. в школе было уже 15 учителей, а в 1615—1628 гг. сеть школ охватила города Нидерландов, Германии и Италии и перестала быть собственно английской, ведь теперь среди учениц доминировали девочки из местных семей, а преподавание велось на их родных языках. В 1631 г. Институт был распущен (из-за желания Мэри Уорд превратить Институт в своеобразный женский аналог ордена иезуитов и призыв к активной миссионерской работе женщин), а большинство школ закрыто⁸.

Родственники Монтегю поддерживали Институт с момента его основания и отправляли туда дочерей. Так, Джейн Браун, кузина второго виконта (дочь сэра Джорджа Брауна), входила в число сестер-основательниц (с 1609 г.). Среди сестер были и другие родственницы Монтегю — представительницы семейств Бабторп, Констебл, Гейдж, Мор и др.⁹ В 1610-х гг. к ним присоединилась и Мэри Браун (младшая дочь виконта с таким именем). Предполагалось, что Мэри тоже станет монахиней, однако капелланы ее отца решительно выступили против «иезуитесс» Мэри Уорд, и в 1616 г. Мэри отозвали домой. Впоследствии она вышла замуж за лорда Петера¹⁰.

Однако большая часть мирян-католиков получала религиозные наставления дома. В дворянских семьях еще с XVI в. установилась практика, согласно которой католический капеллан маскировался под домашнего учителя (это традиционная роль капеллана в знатной семье еще с эпохи Средних веков). Капелланы и в самом деле выполняли обязанности учителей и наставляли детей своих патронов, а также и членов их свиты, в католической вере. В свите Монтегю такими учителями были Альбан Лэнгдейл, наставлявший два поколения семьи в вопросах веры, и Эдвард Эш — наставник Фрэнсиса Брауна, наследника второго виконта (подробнее см. главу I). Другие священники из свиты Монтегю также могли выполнять функции учителей, однако об этой их деятельности не сохранилось прямых упоминаний.

Перечисленные выше формы религиозного образования страдали от общего недостатка: они могли охватить только верхушку католического сообщества, детей из дворянских семей, в которых были семейные капелланы, или же воспитывавшихся в резиденциях католических магнатов, подобных Монтегю. Для того, чтобы охватить наставлениями в вере остальных католиков, требовались другие средства.

⁸ О Мэри Уорд см.: *Peters H. Mary Word: a World in Contemplation. L., 1994; Littlehales M.M. Mary Ward: Pilgrim and Mystic, 1585—1645. L., 1998; Chambers M.C. The Life of Mary Ward. 2 Vols. L., 1882—1885; Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения. С. 118—123; Она же. Репрезентации женской религиозности и эпистолярные практики в XVII веке (Луиса де Карвахаль и Мэри Уорд) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2013. Вып. 21. С. 69—91.*

⁹ См. далее, главу V.

¹⁰ *Questier M.C. Catholicism and Community. P. 333.*

Одним из них было общение духовника и исповедующегося, в ходе которого священник имел возможность разъяснять вопросы доктрины и церковного права. Как явствует из главы II, причастие и предшествовавшая ей исповедь стали относительно частым явлением в жизни английских католиков конца XVI—первой половины XVII в., но и в этом случае частая исповедь оставалась уделом относительно небольшого числа «благочестивых», группы которых, во всей видимости, концентрировались вокруг резиденций дворян-католиков.

Еще одним способом донести наставления в вере до мирян оставались проповеди. В резиденциях Монтегю они стали регулярными уже в XVI в. (особенно в последнее десятилетие). Известно, что леди Монтегю возвела в своей капелле в Бэттле кафедру для проповедников, поскольку, согласно ее биографу, проповеди звучали там «почти каждую неделю»¹¹. Такое внимание к проповедям говорит о том, что к моменту построения капеллы они уже стали постоянной частью религиозной жизни в ее доме. Поскольку капелла была построена в последнее десятилетие XVI в., можно заключить, что проповеди в доме Монтегю стали регулярными еще при жизни первого виконта. Это вполне согласуется с тем интересом, какой он выказывал к проповедям и проповедникам еще в правление Марии Тюдор, и с его желанием видеть образованных богословов в роли своих капелланов (см. глава I).

Среди их слушателей как минимум по большим праздникам оказывались не только домочадцы Монтегю, но и местные католики более низкого социального статуса. Допуск их в дом для участия в богослужении и присутствия на проповеди рассматривалась как важная форма благотворительности в рамках католического сообщества¹².

Кроме того, начиная с 1590-х гг. фиксируются случаи, когда католические священники (чаще — иезуиты) организовывали паломничества верующих к святым колодцам (в Сассексе в 1597 г.¹³, в 1605 г. к колодцу Св. Унифриды в Уэльсе¹⁴) и проповедовали там перед ними. Эти паломничества напоминают распространенную в XVII в. практику проповеднических «миссий» во Франции, Италии или Германии, обращенных к мирянам в сельской местности¹⁵. Здесь проповедь также была нацелена на простолюдинов (скорее всего, неграмотных), а произ-

¹¹ *Smith R.* Life of Lady Monague. P. 29.

¹² *Ibid.* P. 26.

¹³ BL, Lansdowne MS 82. F. 103r—v.

¹⁴ *Walsham A.* Holywell: Contesting Sacred Space in Early Modern Wales. P. 211—236. См. также: *Idem.* The Reformation of the Landscape. P. 156—165.

¹⁵ О миссиях в католической Европе см.: *Châtellier L.* La religion des pauvres: les missions rurales en Europe et la formation du catholicisme moderne, XVIe—XIXe siècle. P., 1993; *Gentilcore D.* Adapt Yourself to the People's Capabilities: Missionary Strategies, Methods and Impact in the Kingdom of Naples, 1600—1800 // JEH. 1994. Vol. 45. P. 269—296; *Johnson T.* Blood, Tears and Xavier-Water. P. 183—202; *Soerleg P.M.* Wondrous in His Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria. Berkeley, 1993.

носится она в традиционно почитаемом месте. Однако английские паломничества опередили континентальные почти на полвека и, вполне вероятно, стали примером для подражания (подробнее см. главу VI).

Образовательная деятельность священников, впрочем, была ограничена в условиях преследований. Поэтому значительная доля обязанностей, которые в континентальных католических странах возлагались на духовенство, в Англии переходили в руки мирян.

§ 2. Окружение Монтегю и религиозное образование

В конце XVI—начале XVII в. существовали еще светские школы, в которых учителя были католиками и учили детей (не только дворянских) в соответствующем духе. Количество таких школ определяется с трудом, так как сведения о них основываются на правительственных данных — т.е. сведениях об обнаруженных школах. Существование подобных школ полностью зависело от покровительства местных дворян-католиков, вернее, от их способности защитить учителей от преследования.

Присутствие многочисленного католического дворянства в Сассексе притягивало сюда и учителей-католиков. Так, в 1580-х гг. в Чичестере преподавал католик-рекузант Уильям Буллакер. Его сын Джон позднее перебрался в Мидхёрст, где учительствовал так же, как и его отец. Его имя четырежды попадало в списки местных рекузантов (в 1599, 1600, 1602 и 1604 гг.). После раскрытия Порохового заговора семья Монтегю, по всей видимости, оказалась не в состоянии защищать его от давления властей, и он уехал из Англии изучать медицину в университете Кана (Нормандия). Буллакер был в это время арендатором (фригольдером) Монтегю (в Мидхёрсте) и вернулся туда в 1612 г., по большому счету уже не преподавал, а занимался медицинской практикой в Чичестере. Сын Уильяма Буллакера Томас позднее стал священником и вступил в орден францисканцев (казнен в 1642 г.)¹⁶.

Другим учителем-католиком в Мидхёрсте был Томас Петт (около 1602 г.). Его сын Роберт в 1610-х гг. был одним из капелланов Монтегю, так что и в данном случае прослеживается связь со свитой виконта¹⁷.

В Бэтле учительствовал Эдвард Терри — рекузант, подвергшийся за это аресту в 1593 г., после смерти первого виконта. К 1596 г. он был на свободе и продолжал преподавать. Согласно донесению анонимного информатора, в его школе получали образование сыновья местных дворян¹⁸.

Школы и школьные учителя оказывались, впрочем, слишком уязвимыми, так как быстро обращали на себя недоброжелательное внимание

¹⁶ *McCann T.J. Catholic Schoolmasters in Sussex. P. 235; Idem. The Catholic Recusancy of Dr. John Bullaker of Chichester, 1574—1627 // RH. 1971—1972. Vol. 11. P. 75—86.*

¹⁷ *McCann T.J. Catholic Schoolmasters in Sussex. P. 236.*

¹⁸ *Ibid. P. 236—237; WSRO, Ep.I/3/72. F. 2; BL, Lansdowne MS 82. F. 103*

местных властей. Поэтому ответственность за религиозные наставления, адресованные как детям, так и взрослым, ложилась на плечи мирян. Среди домочадцев Монтегю были наставники, способные привести друзей и соседей к обращению в католическую веру. Так, Генри Лэнмен был обращен в католичество стараниями другого слуги Монтегю, Уильяма Конингсби (см. часть II, главу I). Последний, не ограничиваясь беседами и собственными увещаниями, призвал на помощь книги: именно он вручил молодому человеку полемические сочинения католических богословов Хардинга и Растелла, опровергавшие положения вероучения английской церкви. Окончательно убедив Лэнмена, он представил его священнику, принявшему исповедь юноши¹⁹.

История его обращения показывает, какую важную роль в этом процессе играли книги. Руководство английской католической миссии осознавало их необходимость, свидетельством чего являются англоязычные катехизисы, изданные миссионерами в качестве руководств для мирян, наставлявших своих детей или домочадцев. Множество вариантов катехизисов, как специально написанных для Англии, так и переводных, было издано уже в XVI в., а в XVII в. к ним прибавились новые издания (например, катехизис Беллармино, Римский катехизис и др.) Однако одним из самых популярных катехизисов в XVII в. оставался изданный еще в 1575 г. катехизис Лоренса Вокса²⁰. В изданиях XVII в. присутствуют иллюстрации — «катехизис для неграмотных», по выражению современника. Иллюстрации, впрочем, требовали толкования; они не могли восприниматься до тех пор, пока кто-то не объяснял владельцу их смысл. Такими толкователями зачастую становились миряне-католики. Им в помощь издавались многочисленные наставительные сочинения, а также сборники (английские и переводные, печатные и рукописные), представлявшие собой пособия по полемическому богословию²¹.

Знания богословия и способность полемизировать с протестантским пасторами была необходима в силу практики английских церковных судов, порой принуждавших католиков, и мужчин, и женщин, к подобным полемическим «дуэлям»²². Миряне не ограничивались печатными изданиями и порой заказывали или составляли сами своего рода справочники по полемическому богословию. Один такой справочник был составлен Томасом Трешэмом для дочери Мэри (Браденелл); о нем уже шла речь выше (часть I, глава V). Другой был составлен вторым ви-контом Монтегю.

¹⁹ *Responsa Scholarum, Part I* // CRS. 1962. Vol. 54. P.84—85.

²⁰ *Серегина А.Ю.* Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI—первой половины XVII вв. // Диалог со временем. М., 2010. Вып. 32. С. 22—44.

²¹ *Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // *Past and Present*. 2000. Vol. 168. P. 72—123.

²² *Questier M.C.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. Cambridge, 1996. P. 154—156

Катехизис виконта Монтегю (1597 г.)

«Наставление моей дочери Мэри Браун касательно основных положений учения католической церкви» было написано в 1597 г. виконтом Монтегю и получившее одобрение главы английских секулярных священников, Джорджа Блэкуэлла, в 1598 г.

Рукопись «Наставления» представляет собой небольшую книгу формата 8vo, в кожаном переплете. Написанная мелким, но четким курсивом, она явно представляет собой работу профессионального писца. Сейчас манускрипт хранится в библиотеке бенедиктинского монастыря Св. Григория Великого (Аббатство Даунсайд) в Страттоне-он-Фосс близ Бата. Эта бенедиктинская община была изначально основана в Дуэ, а ее первый приор, Св. Джон Робертс, ранее был членом английской конгрегации, существовавшей в Вальядолиде, и пользовался покровительством виконта Монтегю (возможно, благодаря посредничеству его испанских родственников). Эта связь может объяснить, каким образом «Наставления» могли оказаться в аббатстве. Вероятно, кто-то из членов семьи Монтегю (например, одна из младших дочерей, ставших монахинями), вывезли ее на континент и/или завещали ее монахам.

«Наставление» принадлежит к жанру катехизисов, однако типичным его представителем это сочинение назвать трудно. Собственно катехизисом является только первая часть текста (50 из 150 страниц). Здесь виконт, следуя традиционной схеме, кратко излагает для дочери основы вероучения, следуя Символу веры. Сам его текст в собственном переводе с латыни приведен в приложении. Виконт советовал своей дочери «прочитать один из одобренных католических катехизисов, или же стремиться к тому, чтобы получить устное наставление людей ученых, и наделенных властью в церкви Господней»²³. Тем не менее, он и сам предоставил своей дочери наставления, видимо, считая себя в достаточной степени ученым. Он объяснял своей дочери, что она должна верить в Бога-Творца всего сущего²⁴, Иисуса Христа, обладавшего божественной и человеческой природами, говорил ей о таинстве Воплощения²⁵, об Адаме и Еве, первородном грехе и его последствиях для всего человечества²⁶, о ветхозаветных пророчествах о пришествии Христа²⁷, о земной жизни Спасителя²⁸, об установлении Им таинства мессы (с пресуществлением хлеба и вина в Тело и кровь Христовы)²⁹, о Страстях Христо-

²³ “to reade some approved Catholique Catechismes, and otherwise to endeavor to get instruction by wordē of mouthe from those that are learned and of auctoritie in the Church of God” // Instruction to my daughter. P. 7.

²⁴ Ibid. P. 7.

²⁵ Ibid. P. 8.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 9.

²⁸ Ibid. P. 10—11.

²⁹ Ibid. P. 11.

вых, схождении Христа в лимб и Его воскресении³⁰; о пребывании Христа на земле после воскресения³¹, о Его вознесении³², сопровождая рассказ ссылками на соответствующие места Писания (на полях). Далее следовал рассказ о Св. Духе, и нисхождении Св. Духа на апостолов³³, о католической церкви, вне которой нет спасения³⁴. Потом виконт упомянул таинства крещения и покаяния (оставления грехов)³⁵ и закончил изложение содержания Символа веры рассуждениями о Страшном суде³⁶.

Следующий (более обширный) раздел был посвящен таинствам. Виконт перечислил все таинства католической церкви: крещение³⁷, конфирмация³⁸, причастие (ему посвящен самый большой раздел, в котором подробно рассматривалось учение о пресуществлении)³⁹, покаяние (с исповедью)⁴⁰, миропомазание⁴¹, рукоположение⁴² и брак⁴³. В адресованном женщине-мирянке «наставлении» о рукоположении, естественно, было сказано немного. Кроме того, виконт оговорил, что таинства конфирмации и брака не являются необходимыми для спасения души. Говоря о конфирмации, он подчеркивает: «Человек может прийти ко всем другим таинствам без него»⁴⁴. Для английских католиков такая оговорка была существенна: как уже отмечалось, в обстановке преследований и отсутствия «нормальной» католической иерархии шансы юных мирян встретить католического епископа, не выезжая из страны, были равны нулю. Кроме того, виконт Монтегю подчеркивал, что и брак не является необходимым для спасения, а «девственность более совершенна»⁴⁵.

Следующие разделы посвящены объяснению 10 заповедей⁴⁶, 5 принципов христианской жизни, заключающихся в соблюдении праздничных дней (т.е. в отказе от работы), регулярном присутствии на мессе, соблюдении постов, исповеди и причащении по крайней мере раз в год, на Пасху (а лучше — как можно чаще)⁴⁷, запрете вступать в брак в определенные дни и уплате десятины⁴⁸.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P. 12.

³² Ibid. P. 13.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 14—17.

³⁵ Ibid. P. 18—19.

³⁶ Ibid. P. 20.

³⁷ Ibid. P. 22—26.

³⁸ Ibid. P. 26—27.

³⁹ Ibid. P. 27—34.

⁴⁰ Ibid. P. 34—37.

⁴¹ Ibid. P. 37.

⁴² Ibid. P. 38.

⁴³ Ibid. P. 39—40.

⁴⁴ “one can receive all other sacraments without it” // Ibid. P. 27.

⁴⁵ “Virginity is more perfect” // Ibid. P. 40.

⁴⁶ Ibid. P. 43—45.

⁴⁷ Ibid. P. 33.

⁴⁸ Ibid. P. 46.

Наконец, последняя часть данного раздела посвящена семи смертным грехам⁴⁹. Раздела, посвященного христианским добродетелям, присутствующего во многих катехизисах, в «Наставлениях» нет.

Остальной текст сочинения — т.е. две его трети — посвящен тому, что должна знать мирянка для «понимания [своей веры] против всех ересей нашего времени»⁵⁰. В этой части виконт кратко суммировал то, что, как правило, не входило в состав катехизисов, но относилось к курсу полемического богословия, изучавшегося будущими священниками в семинариях и университетах. Монтегю, правда, воздерживается от подробного рассмотрения вопроса о власти Римского престола над церковью, отговариваясь недостаточными знаниями⁵¹. Однако дело тут отнюдь не в невежественности виконта. Обоснование власти Римского престола и духовной власти папы для англичанина в конце XVI столетия было бы поистине самоубийственным. Это противоречило бы законам страны (статуту 1559 г.) и неминуемо привело бы виконта в тюрьму (в лучшем случае), т.к. означало отрицание прерогативы королевы, а значит было посягательством на ее власть. По этой причине виконт на всем протяжении «Наставления» избегает говорить о папе и вообще упоминать главу Католической церкви; он предпочитает говорить о церкви в целом.

Начинается раздел с упоминаний о Страшном суде и телесном воскресении мертвых, а также о непорочной Деве Марии, единственной из людей вознесенной на небеса телесно⁵². Виконт Монтегю разделял представления многих католиков своего времени о непорочном зачатии Девы Марии, а построенная в его поместье Каудрей (Сассекс) капелла была посвящена именно Непорочному Зачатию (первая в Англии)⁵³. Однако в «Наставлении» о непорочном зачатии не говорится.

Далее виконт вновь говорит о таинстве мессы⁵⁴. В данном месте упомянута месса довольно кратко, однако в первой части — в катехизисе — мессе посвящен большие разделы, и часть приведенного там материала носит отчетливо выраженный полемический характер. Так, в разделе о таинствах, Монтегю говорит о католическом учении о мессе и о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, когда субстанции меняют свой характер, а формы (хлеб и вино) остаются прежними (трансубстанциация)⁵⁵. Там же виконт касается и другого вопроса, дискутировавшегося между католиками и протестантами. Он

⁴⁹ Ibid. P. 47—49.

⁵⁰ “understanding against all heresies of this tyme” // Ibid. P. 50.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. P. 51—52.

⁵³ Тревор Джонсон датировал появление первой в Англии капеллы Непорочного Зачатия 1625 г. (*Johnson T. Mary in Counter Reformation Europe. Paper given at the Reformations Studies Colloquium. Exeter, 2002*), однако ему не было известно о посвящении капеллы в Каудрее.

⁵⁴ Instruction to my daughter. P. 53.

⁵⁵ Ibid. P. 28—29.

подчеркивает, что, причащаясь под одним видом, католики-миряне тем не менее приобщаются и Телу, и Крови Христовой⁵⁶.

Затем виконт Монтегю говорит о существовании чистилища⁵⁷ и об индульгенциях (приобретение которых представляет собой пожертвование на доброе дело, необходимое для спасения)⁵⁸.

Далее речь идет о почитании святых, их икон и мощей⁵⁹, причем Монтегю рассказывает дочери о различиях между почитанием и поклонением⁶⁰ (в чем обвиняли католиков протестанты). Еще один раздел посвящен добрым делам и необходимости их совершения ради спасения⁶¹. Монтегю подчеркивает: «Все люди имеют полную власть и свободную волю, чтобы либо принять благодать Господню, в изобилии даруемую всем, и с ее помощью через добрые дела обрести заслуги, либо же отказаться от нее, закоснев в грехах»⁶², подтверждая тем самым католическое учение о свободе воли и отвергая учение Кальвина о предопределении, распространенное в англиканской церкви того времени.

И наконец, завершает этот раздел рассуждение об истинности католической церкви, «святой и непорочной»⁶³. Монтегю подчеркивает достоинство католической традиции и указывает, что в делах веры «вся церковь (в Святом Духе) не может ошибаться»⁶⁴. А Англия некогда получила ту самую веру, что исповедуют в Риме. Ведь можно проследить апостольское преемство от Св. Петра до папы Элевтерия, который во II веке отправил в Британию миссионеров Фагана и Дувиана, и до папы Григория Великого, пославшего в Англию св. Августина, первого архиепископа Кентерберийского⁶⁵.

В «Наставлении» виконт указывает дочери и на важность созерцательного элемента в духовной жизни, рекомендуя ей прочесть английский перевод трактата «О презрении к миру» испанского францисканца Диего де Эстеллы. Говорит он и об идеале христианской жизни для нее — это благочестивые христианки первых веков, матери отцов церкви⁶⁶. Исследовавший текст «Наставления» Майкл Кестье считает, что указание на подобные идеалы свидетельствовало о желании отца видеть свою дочь монахиней⁶⁷. Однако это явное преувеличение. Образ

⁵⁶ Ibid. P. 31.

⁵⁷ Ibid. P. 54—55.

⁵⁸ Ibid. P. 55.

⁵⁹ Ibid. P. 56—61.

⁶⁰ Ibid. P. 57—58.

⁶¹ Ibid. P. 62.

⁶² “all men have full power and coise (freewill) either to take houlde of Gods grace sufficiently offered unto all, and by helpe thereof through good workes to worke meritte unto themselves or else obstinately to forsake it” // Ibid. P. 63.

⁶³ Ibid. P. 67—80; “holie and immaculate” // Ibid. P.78.

⁶⁴ “all Church (in holy spirit) cannot erre” // Ibid. P. 80.

⁶⁵ Ibid. P. 107.

⁶⁶ Ibid. P. 127—129.

⁶⁷ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 333.

первых христианок — например, Св. Моники, матери Св. Августина — был едва ли не общим местом в «благочестивых биографиях» английских католичек XVI—начала XVII в. и предназначался он для женщин-мирянок, жен и матерей, которым надлежало строить жизнь в доме в соответствии с требованиями веры и воспитывать детей в католическом духе⁶⁸.

А начиналось это воспитание со способности отстоять основы веры от нападков «еретиков». Поэтому виконт и счел необходимым преподавать своей дочери краткий курс полемического богословия. Он, впрочем, этим не ограничился, но привел в «Наставлениях» и наиболее распространенные «уловки» протестантских проповедников, стремившихся обратить католиков в свою веру. Монтегю утверждал, что протестантские проповедники начнут указывать на сходство между их учением и учением католиков и преуменьшать различия, стараясь тем самым подтолкнуть ее к обращению⁶⁹. Сам виконт с гордостью заявлял: «Я сам (Божьей милостью) пока был в состоянии защитить основные положения (от которых зависит вся моя вера — та же, что и у всей Католической церкви)»⁷⁰.

Последний раздел четко указывает на обстоятельства и цели создания «Наставлений». Объяснение заключается в практике английских церковных судов. Они обладали правом вызвать любого совершеннолетнего католика, мужчину или женщину, и потребовать от них участия в диспуте с протестантским священником. Поэтому представление о догматических различиях между концессиями, а также об основах полемического богословия было немаловажным и для мирян⁷¹. Самому виконту Монтегю пришлось вступить в диспут с протестантскими проповедниками в середине 1590-х гг., о чем он сам говорит на страницах «Наставлений»⁷². Таким образом, данная часть текста опиралась на личный опыт автора.

Уже указывалось (часть I, глава IV), что превращение виконта Монтегю в 1590-х гг. в бескомпромиссного католика-рекузанта сопровождалось давлением властей. Виконт опасался ареста и тюремного заключения и не был уверен, что его детей воспитают в католическом духе. Поэтому он, написав «Наставления», возложил ответственность за религиозное образование детей на старшую дочь⁷³. При этом Мэри Браун указывали на пример некоей христианки, обратившей в истинную веру своих детей⁷⁴. Однако на момент написания «Наставлений»

⁶⁸ Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения. С. 118—144; Она же. Религиозная полемика и модели женского поведения. С. 53—99.

⁶⁹ Instruction to my daughter. P. 81—96.

⁷⁰ "I am (by Gods grace) soe farre fourth able to defende certaine principall axioms (whereupon all the rest of my faith, being the same with the whole Catholque Church, dependeth)" // Ibid. P. 96—97.

⁷¹ Questier M.C. Conversion, Politics and Religion. P. 154—156.

⁷² Instruction to my daughter. P. 95—96.

⁷³ Ibid. P. 144.

⁷⁴ Ibid. P. 148.

Мэри было всего четыре года, а ее сестрам-погодкам Кэтрин, Энн и Люси, которых ей надлежало наставлять, и того меньше. Да и в примере, приведенном самим виконтом, речь шла все-таки не о сестре, а о матери. Но семейные обстоятельства не позволяли виконту полностью доверить религиозное образование дочерей жене. Виконтесса Монтегю, урожденная Джейн Сэквил, происходила из протестантской семьи. Существуют свидетельства о том, что она обратилась в католичество перед своей свадьбой, или вскоре после нее⁷⁵. Однако ревностной католичкой виконтесса, по всей видимости, так и не стала. Существовало и еще одно немаловажное обстоятельство: в случае ареста и/или казни отца несовершеннолетние дети неминуемо оказывались под опекой короны. На практике это означало приобретение права опеки кем-либо из придворных. В лучшем случае опекунами девочек стал бы их дед по матери, лорд Бакхёрст — человек терпимый, но придерживавшийся протестантских взглядов. В худшем они, как и двоюродный брат самого виконта, юный граф Саутхэмптон, могли оказаться под опекой ревностного протестанта — например, лорда Бёрли и быть воспитанными в протестантском духе. На родственников, таким образом, рассчитывать не приходилось, и виконт, рассматривая худший сценарий, вынужден был обращать свои «Наставления» к четырехлетней девочке, в надежде, что она со временем сможет ими воспользоваться. Возможно также, что виконт руководствовался примером своего деда, который в свое время тоже составил наставления в вопросах веры для своих детей. Судя по комментариям внука, в наставлениях деда также присутствовал элемент полемики с «еретиками»⁷⁶.

Женщины и религиозное образование

История рассмотренных выше текстов — «энциклопедии» и катехизиса, обращенных к дочерям, указывает на ту важную роль, какую женщины играли в сфере религиозного образования. Хотя женщинам никогда не возбранялось давать наставления в вопросах веры, традиционно их аудитория ограничивалась детьми, слугами и домочадцами. В идеале благочестивые мирянки должны были помогать младшим членам своей семьи усвоить основы катехизиса, а также повторять для них отрывки из проповедей и наставлений, произнесенных священниками. Но на самом деле женщины делали куда больше⁷⁷.

В Англии XVII в. именно женщины-дворянки оказывались основательницами религиозных братств, прежде всего, братств розария (подробнее см. главу IV). В Англии братства розария создавались для тех

⁷⁵ BL, Lansdowne MS 99. F. 163.

⁷⁶ Instruction to my daughter. P. 130—131.

⁷⁷ Серегина А.Ю. Женщины-католички в Англии XVI—XVII вв.: публичная роль в частной сфере? // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2012. Вып. 20. С. 83—115.

католиков, которые в условиях гонений не имели регулярного доступа к священникам. В отсутствие регулярных мессы и таинств необходимо было дать им наставления в вере и возможность участвовать в совместном ритуале, так, чтобы они чувствовали принадлежность как к местному католическому сообществу (братству), так и через его посредство — к Вселенской церкви⁷⁸. И здесь роль женщин трудно переоценить.

Существовало ли братство розария в резиденции Монтегю, неизвестно, хотя из биографии леди Монтегю явствует, что молитвы розария были частью ее ежедневного молитвенного цикла, который вполне могли воспроизводить и другие дамы из ее свиты. Сведения о ее родственницах дают больше определенности. Например, Дороти Лаусон создала в своем поместье братство Непорочного Зачатия, в которое входили ее дети, слуги и соседи. Членом аналогичного братства была графиня Эрдендел; она же входила и в братство розария⁷⁹.

Кроме того, женщины наставляли в вере домочадцев и родственников, в том числе взрослых мужчин-протестантов, то есть, фактически занимались миссионерской деятельностью. Так, из биографий женщин-католичек XVII в. мы знаем, что графиня Эрдендел обращала в католичество домочадцев и соседей — она стремилась обратить тех бедняков, которым оказывала медицинскую помощь. Объектами «миссионерской деятельности» Дороти Лаусон стали ее дети и родственника, муж, слуги и соседи. Причем в последнем случае биограф подчеркивает, что Дороти выполняла всю подготовительную работу, включая чтение и обсуждение богословских книг, в том числе полемических⁸⁰.

Таким образом, книги, о которых шла речь выше, оказывались поистине незаменимыми. Стоит отметить, что миряне и мирянки в своих наставлениях использовали не только переводы на английский, но и латинские тексты, что непосредственно связано с распространением грамотности (в том числе латинской) среди элиты. Женщины-дворянки во многих случаях также оказывались способными читать на латыни. Во всяком случае, хроники английских женских монастырей на континенте (в частности, хроника конвента Св. Моники, Лувен) пестрят сообщениями о том, что отцы и братья монахинь позаботились о том, чтобы научить их латыни⁸¹. Знание латыни женщинами имело немалое

⁷⁸ *Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580—1700 // History. 2003. Vol. 88. P. 451—471, ообщ. P. 464.*

⁷⁹ *Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения. С. 130—132.*

⁸⁰ Там же. С. 137—138. См. также: *Rowlands M. Recusant Women 1560—1640 // Women in English Society 1500—1800 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 149—180; Idem. Harbourers and Housekeepers. P. 200—215.*

⁸¹ О хронике конвента Св. Моники см.: *The Chronicle of the English Augustinian Canonesses Regular of the Lateran at St Monica's in Louvain / Ed. by A. Hamilton. Edinburgh, 1904—1906. Vol. 1—2; Grundy I. Women's History? Writing by English Nuns // Women, Writing, History, 1640—1740 / Ed. by I. Grundy and S. Wiseman. L., 1992. P. 126—138; Latz D.L. Neglected Writings by Recusant Women. Part II: English Recusants. Elizabeth Shirley, Winifred Thimelby and Catherine Holland: Building in*

практические значение для католических семей, и не только потому, что расширяло их возможности в области наставлений, но и потому, что парадоксальным образом освобождало от ответственности перед законом. Согласно принятым английскими юристами в XVII в. толкованиям антикатолических статутов, мировым судьям не рекомендовалось конфисковать и жечь богословские сочинения, принадлежавшие католикам-конформистам (тем, кто иногда присутствовал на протестантских богослужениях), даже если их жены-католички упорствовали в отказе посещать англиканские церкви. Причина заключалась в том, что книги, не относившиеся к агиографии и простым наставлениям, по своему содержанию или языку (латыни) не были понятны женщинам⁸². Но здесь правовая теория далеко отстояла от практики. Женщины-католички были активными читательницами, наставницами, переводчицами и порой даже писательницами (среди них — родственницы Монтегю Агнес и Гертруда Мор, Мэри и Энн Перси, Энн Дормер, Барбара Констебл)⁸³. Они же играли важную роль в качестве переписчиков, хранителей, импортеров, продавцов и распространителей католических текстов⁸⁴.

Важная роль женщин (особенно замужних) в религиозном образовании, да и в других сферах жизни английского католического общества во многом объяснялась их юридической неполноправностью в глазах закона. Замужняя женщина не несла ответственности за свои действия (если она не совершала при этом тяжкого уголовного преступления). Она же считалась и интеллектуально неполноценной. Такая «неполноценность» защищала семью от преследований и давала женщинам возможность действовать на благо гонимой общины, поэтому активность женщин-католичек, в том числе и образовательная, в XVI и XVII вв. постоянно поощрялась католическим духовенством.

Система католического религиозного образования в Англии, по своему содержанию не отличавшегося от континентальных систем⁸⁵, при-

Medieval Mystics in the 17th c. // *Neglected English Literature: Recusant Writings of the 16th — 17th centuries*. Salzburg, 1997; Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях. С. 124—137.

⁸² Dolan F.E. Reading, Work, and Catholic Women's Biographies // *English Literary Renaissance*. 2003. Vol. 33. P. 328—357.

⁸³ Rowlands M. Harbours and Housekeepers. P. 201, 205.

⁸⁴ Brown N.P. Paperchase: The Dissemination of Catholic Texts in Elizabethan Period // *English Manuscript Studies, 1100—1700*. Oxford, 1989. P. 120—143; Rostenberg L. The Minority Press and the English Crown: A Study in Repression, 1558—1625. Nieuwkoop, 1971.

⁸⁵ За исключением католической церкви в Голландии: она, как и английская, представляла собой не систему приходов и диоцезов, но миссионерскую церковь. Там религиозное образование, как и в Англии, было, по сути, передоверено мирянам, и прежде всего, женщинам. См.: Spaans J. Orphans and Students: Recruiting Boys and Girls for the Holland Mission // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 183—199; Parker C. Faith on the Margins: Catholics and Catholicism in the Dutch Golden Age. Harvard, 2008. P. 149—189.

нимала иные, более гибкие формы, возможные в отсутствие системы приходов. Она была максимально приспособлена к потребностям подвергавшегося преследованиям католического сообщества, а активная роль мирян не только не подавлялась, но напротив, поощрялась, поскольку это было необходимо для выживания и расширения католической общины. Об этом свидетельствуют тексты справочников, наставлений и катехизисов, адресованные мирянам и составленные при участии и по заказам последних.

В условиях религиозных преследований и постоянного давления с целью заставить католиков отречься от своей веры простого наставления в основах вероучения оказывалось недостаточно. Необходимо было адаптировать полемическое богословие для нужд мирян. Руководство миссии отозвалось на это изданием переводов руководств по полемическому богословию, приспособленных к восприятию мирян⁸⁶. Как свидетельствует «Наставление» виконта Монтегю, эти книги были востребованы, усваивались и адаптировались для своих нужд.

Текст «Наставления» свидетельствует и об успехах Тридентской программы религиозного образования для мирян, адаптированной к английским условиям уже на ранних ее этапах, то есть, в конце XVI в. Призывая дочь к частому причащению, концентрируя ее внимание на таинствах покаяния и причастия, указывая ей на необходимость строить духовную жизнь в соответствии с созерцательной моделью, предложенной мистиками XVI в., виконт демонстрировал усвоение принципов и приоритетов Тридентской реформы, а также готовность распространять их вместе с клириками, а порой и вместо них.

⁸⁶ Серегина А.Ю. Переводы католической литературы. С. 28—29.

Религиозная культура английских католиков: благочестивые практики

Европа раннего Нового времени стала свидетельницей радикальной трансформации религиозной культуры, имевшей место как в протестантских, так и в католических странах. Данное утверждение давно уже стало общим местом исторических монографий. Однако согласие историков на этом и заканчивается, особенно в том, что касается исследований католической религиозной культуры. На вопрос: какова была суть трансформации католической культуры, не существует общепринятого ответа. Отчасти это объясняется тем, что интерес к католической религиозности у историков по-настоящему проявился только в последние два десятилетия.

Появление на сцене исторической антропологии предопределило внимание историков к «народной религиозности» в противоположность религии социальной и интеллектуальной элиты. Соответственно, исследования, посвященные религиозным практикам раннего Нового времени, концентрировались на религиозных практиках и верованиях, распространенных в среде мирян (преимущественно, но не исключительно простолюдинов).

Кейт Томас в своей знаменитой монографии «Религия и упадок магии» (1971 г.) показал присутствие в до-реформационной, «традиционной религии», большого языческого, магического субстрата, постепенно исчезавшего в результате наступления реформаторов-протестантов на народную культуру¹. Жан Делюмо развил этот тезис дальше, применив его к католикам-реформаторам. Он пришел к выводу, что сельское население Европы XVI—XVII вв. практически не представляло себе основные положения христианского вероучения, а его религиозные практики были проникнуты языческим духом. Соответственно, усилия реформаторов фактически равнялись повторной христианизации Европы².

Эти выводы определили позицию историков последующего десятилетия, описывавших эволюцию народной культуры в терминах проти-

¹ Thomas K. Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. L., 1971.

² Delumeau J. Le Catholicisme entre Luther et Voltaire. P., 1971.

востояния «народной» — полуязыческой религиозности и религиозной культуры элит, постепенно навязываемой населению Европы. Применительно к английским католикам эта концепция отразилась в процитированной выше работе Джона Босси³, в которой была представлена картина постепенного отмирания в протестантской среде того, что он именовал «христианством неграмотных», проникнутым «фольклорными элементами», и замена его другой, пост-Тридентской католической культурой, принесенной в Англию священниками-миссионерами.

Исследования 1990-х—2000-х гг. существенно скорректировали представления историков о католической религиозности раннего Нового времени (см. введение к части III), в частности, в тех их аспектах, что касаются наследия средневековой религиозной культуры. Фундаментальный труд Э. Даффи, посвященный католической религиозной культуре в Англии XV—XVI вв., продемонстрировал взаимное переплетение «элитарной» и «народной» религиозных культур в рамках того, что он предпочел именовать «христианством мирян»⁴. Он также показал, что при несомненном наличии фольклорных элементов религиозная культура мирян уже к началу XVI в. испытала значительное влияние благочестивых практик, родившихся в монашеской среде.

В последнее десятилетие Александра Уолшем опубликовала серию работ, посвященных религиозной культуре английских католиков в пост-Реформационный период (см. введение к части III). В них показано, как в условиях гонений пост-Тридентская католическая культура была адаптирована к английским условиям усилиями миссионеров и самих мирян.

Тем не менее, остается и немало неясностей. Так, до сих пор не было предпринято попытки проанализировать, каким образом в религиозной культуре английского католического сообщества переплетались элементы до-реформационного католичества с новыми элементами, принесенными с континента священниками-миссионерами. Необходимо также учитывать и фактор наличия бок о бок с католиками других, протестантских религиозных культур и типов религиозности (например, пуритан и тех, кого впоследствии назовут англиканами), которые не могли не оказывать влияния на то, как сами католики выражали свои религиозные чувства.

Данная глава и следующие за ней разделы посвящены исследованию религиозных практик семьи и членов свиты Монтегю. Здесь речь пойдет о благочестивых практиках мирян. В задачи главы входит проследить эволюцию этих практик (в семье Монтегю) и оценить удельный вес в них «средневекового» элемента; рассмотреть, каким образом в религиозных практиках сочетались индивидуальное благочестие, усиливавшееся индивидуализацией религиозной культуры раннего Нового времени, и объединение верующий общими ритуалами; воздействие реформированных религиозных культур (католических и протестант-

³ *Bossey J. The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975.*

⁴ *Duffy E. The Stripping of the Altars. L., 1992.*

ских) на содержание и форму благочестивых практик английских католиков, в частности, роль книг и чтения в их религиозной культуре⁵.

§ 1. Молитвы и медитации

Выше (в главе II) уже шла речь о том, что ежедневные молитвы леди Магдален Монтегю — а именно о ее благочестивых практиках мы знаем больше всего благодаря ее биографу — основывались на молитвенном цикле, предписанном часословом.

Средневековые (и более поздние) часословы представляли собой цикл ежедневных молитв и чтений (из Евангелий и Псалтири), возникших в монашеской (бенедиктинской) среде к XII в., и позднее принятому мирянами как основа для их собственных благочестивых практик. В состав позднесредневекового часослова обычно входили календарь церковных праздников, отрывки из Евангелий, которые полагалось зачитывать во время службы, Часы Богородицы, псалмы восхождения (119—130), покаянные псалмы, литанию всем святым, Часы Святого Креста и заупокойная служба.

Часословы были самым популярным жанром благочестивой литературы XV—XVI вв., как до изобретения книгопечатания, так и позднее. Первые часословы предназначались для женщин, не вступавших в монашеский орден, но приносивших обет целомудрия (отшельниц), быстро обрели популярность у других мирянок, в том числе и замужних дам⁶. В XVI в. популярность часословов не уменьшилась, хотя в пост-Триденский период они подверглись редактированию, главным образом за счет сокращения литаний святым и некоторых других популярных молитв, о которых еще пойдет речь. Основными принципами здесь были, во-первых, унификация — ведь до Триденского собора содержание часословов значительно варьировалось, определяясь вкусами составителей и заказчиков — а во-вторых, очищение часословов от «суеверий», т.е. любых намеков на благочестивые практики, которые могли показаться сомнительными с богословской точки зрения.

Леди Магдален в своих ежедневных молитвах, скорее всего, использовала часословы времен своей юности — издания 1555 или 1556 г. (см. главу II). По своему составу они отличались от пост-Триденских версий, какие, по всей видимости, использовали родственники виконтессы, принадлежавшие к более молодому поколению. Так, ее племянница, графиня Эрндел, также молилась по часослову⁷. Однако в био-

⁵ Серегина А.Ю. Книги и чтение в религиозной культуре английских католиков XVI—XVII вв. // Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 97—158.

⁶ Duffy E. *Marking the Hours: English People and Their Prayers, 1240—1570*. New Haven; L., 2006. P. 3—23.

⁷ *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel*. P. 203—205.

графии последней ее молитвы теснее связаны с циклом ежедневного богослужения (а не часов, соблюдавшихся в монастырях). Кроме того, там отсутствует цикл молитв, упомянутый в биографии виконтессы Монтегю, а именно, «Пятнадцать О».

Этот молитвенный цикл был популярен в Европе в XIV—XVI вв., и в частности, в Англии. Согласно легенде, Св. Бригитта имела видение, в котором Иисус сообщил ей, каким образом она может прославить нанесенные Ему (во время бичевания и на кресте) раны. Таким способом было ежедневно прочитывать 15 «Отче Наш», 15 «Богородиц» и 15 молитв, посвященных ранам Христовым.

Сами молитвы опираются на богословскую традицию медитации о Страстях Христовых и восходят к патристике, а также и к более поздней традиции, в частности, сочинениям английского мистика XIV в. Ричарда Ролле, и в целом, аффективной традицией медитаций⁸. Э. Даффи считает, что, вопреки легенде, цикл молитв родился в Англии в конце XIV в. среди последователей Ролле или монахинь-бригеттинок. Довольно рано появилось два английских перевода. В 1491 г. один из них был издан Какстоном, и после этого стал обязательной частью всех английских часословов, изданных до 1530-х гг., и ряда более поздних изданий⁹.

По своей сути «Пятнадцать О» — цикл молитв, связанный с медитациями о Страстях Христовых и культом Ран Христовых — не противоречил духу пост-Тридентской религиозной культуры. Однако католические реформаторы с подозрением относились к этому циклу. Он был изъят из английских часословов конца XVI в. Причиной тому были не молитвы как таковые, а связанные с ними верования. В XV—начале XVI в. распространено было представление о том, что, если читать молитвы этого цикла каждый день, это избавит 15 родственников молящегося от мук чистилища и поможет 15 живущим родственникам обрести необходимую для покаяния благодать. Существовали и основывавшиеся на этом веровании индульгенции. Огромная популярность «Пятнадцати О» в Позднем Средневековье отчасти объясняется именно этим обстоятельством.

Реформаторы не нашли никаких обоснований для данной легенды. Соответственно, из часословов изымались все упоминания о связанных с циклом индульгенциях, а порой, на всякий случай — и сами молитвы, чтобы не вводить в искушение верующих.

Таким образом, присутствие данного цикла в числе ежедневных молитв виконтессы Монтегю свидетельствовали о том, что ее благочестивые практики во многом определялись приоритетами до-Тридентской религиозной культуры.

Внук леди Монтегю, второй виконт, также выстраивал свои благочестивые практики в соответствии с монашескими циклами молитв

⁸ Богословская традиция, предполагающая задействовать воображение верующего, который должен был мысленно представлять себе сцены из Писания и при посредстве этих образов приближаться к Богу.

⁹ *Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 248.*

и богослужений (в частности, Часы Богородицы). Однако, как он сам свидетельствовал в 1594 г., основой его молитв был Римский бревиарий¹⁰ — цикл ежедневных богослужений, призванный унифицировать церковные службы и благочестивые практики в Католической Европе. Виконт мог пользоваться Римским бревиарием издания 1568 или 1588 г. Ежедневные молитвы графини Эрендел также выходили за рамки часослова и, как уже отмечалось, были тесно связаны с циклом ежедневных богослужений, что скорее предполагает ориентацию на бревиарий. Он, правда, не упомянут в ее биографии, но здесь мог сыграть свою роль гендерный фактор: поскольку бревиарий был связан с богослужением (и был издан на латыни), он предназначался для мужской аудитории — клириков и мирян. Часословы же относились к жанру, который, как считалось, был доступен для женщин.

Важной частью благочестивых практик семейства Монтегю были молитвы розария. Эта благочестивая практика распространилась в Англии в XV—начале XVI в., однако претерпела существенные изменения в пост-реформационный период. До Реформации розарий — т.е. цикл из пятидесяти молитв, соотносящихся с эпизодами из жизни Христа и Девы Марии, — был известен в Англии в двух редакциях: доминиканской и картузианской, и представлял собой часто встречающуюся форму приходской благочестивой практики. Распространение розария в католическом сообществе конца XVI в. и позднейших эпох напрямую связано с деятельностью священников-миссионеров и, прежде всего, иезуитов. Именно они стали создавать братства розария при каждой своей коллегии. Братства объединяли преподавателей и учеников, а также и горожан в совместном почитании Девы Марии. Они использовали унифицированный доминиканский вариант розария.

Братства розария, создававшиеся иезуитами в Англии, были приспособлены к местным условиям. Так, из специально написанного иезуитом Генри Гарнетом руководства «Общество розария» (1593 г.) явствует, что если в континентальных католических странах братство розария должно было иметь свою часовню или алтарь, то в Англии такой часовней становился просто дом католиков¹¹, а членом братств мог стать любой католик, богатый или бедный, — членского взноса не существовало, а членство было пожизненным. Из соображений безопасности списки членов братств уничтожались сразу по составлении (эта практика существовала до середины XVIII в.)¹².

Леди Монтегю прочитывала молитвы розария трижды в день¹³, как это и предписывалось членам братства розария; ее примеру вполне могли следовать дамы ее свиты и домочадцы. Известно, что братства

¹⁰ BL, Harleian MS. 6889. F.143.

¹¹ Garnet H. The Societe of the Rosary. L., 1593.

¹² Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580—1700 // History. 2003. Vol. 88. P. 451—471.

¹³ Smith R. Life of Lady Montague. P. 32.

розария существовали в домах ее родственниц (Дороти Лаусон, графиня Эрендел)¹⁴.

Братства розария были призваны наставлять верующих, и через их посредство до английских католиков доносились нормы пост-Тридентского благочестия. Так, сочинение Гарнета предоставляет читателям доступное изложение учения о непорочном зачатии Девы Марии, а также признанное собором толкование Воплощения и Искупления и ее роли в нем. Кроме того, Дева Мария предстает здесь не только как милосердная мать-заступница (что типично для Средневековья), но, скорее, как Победительница, торжествующая над ересью. Этот образ появился после того, как Пий V, призвав к крестовому походу против турок, обратился к заступничеству Богородицы. После победы над турками при Лепанто (1571 г.) образ Марии-победительницы широко распространился по Европе. Розарий в его пост-тридентском виде непосредственно апеллировал к этой идее. Так, Генри Гарнет именовал его «древним средством <...> искоренения ереси»¹⁵. Неслучайно в иезуитских коллегиях в братства объединялись будущие миссионеры, призванные противостоять ей. Так, братства розария соединяли в себе общинный ритуал, наставление в вере и проповедь истинной веры против ереси¹⁶.

Медитации и безмолвные молитвы, практиковавшиеся семейством Монтегю, по всей видимости, не ограничивались медитациями, связанными с циклом розария, но ориентировались на традицию *Devotio Moderna*. В 1560 г. виконт Монтегю издал свой перевод латинского «Трактата о молитве», принадлежавшего перу католического богослова и реформатора, кардинала Джона Фишера¹⁷. Трактат был написан между 1521 и 1527 гг. Не вполне понятно, почему он не был опубликован сразу; возможно, в конце 1520-х гг. Фишер был слишком занят богословскими и правовыми аспектами развода Генриха VIII и Екатерины Арагонской, будучи советником королевы. Выбор языка предполагает, что трактат предназначался для европейской аудитории¹⁸. Поскольку в 1535 г. кардинал Фишер был казнен за измену, публиковать его сочинения было опасно. Издание 1560 г. вышло без указания имени автора и переводчика. Его издателем был Джон Кавуд — печатник королевы Марии I, и известный католик. В 1577 г. трактат был переиздан Генри Биннеманом для Генри Кавуда — сына Джона, лондонского книготорговца-католика¹⁹.

В своем трактате Фишер приводит четыре довода, подтверждающие необходимость молитвы: 1) молитва показывает, что христианин полагается на Бога и Его благодать; 2) молитва является средством дости-

¹⁴ Серегина А.Ю. «Смирение и покорность». С. 130—132.

¹⁵ Garnet H. *The Societie of the Rosary*. P. 8. См. также: Dillon A. *Praying by Number*. P. 465—466.

¹⁶ McClain L. *Using What's at Hand: English Catholic Reinterpretations of the Rosary, 1559—1642* // *Journal of Religious History*. 2005. Vol. 27. P. 161—176.

¹⁷ *A Godlie Treatise Declaring the Benefites, Fruites, and Great Commodities of Prayer, and also the Trut Use therof*. L., 1560.

¹⁸ Dowling M. *Fisher of Men: the Life of John Fisher, 1469—1535*. N.Y., 1999. P. 120—122.

¹⁹ Plomer H.R. *Dictionary of Printers, 1557—1640*. L., 1910. P. 59—60, 65, 109—112.

жения главной цели христианина — небесного блаженства; 3) Христос предписал верующим непрерывно молиться; 4) в ответ на молитвы христианин обретает благодать, которая помогает ему избегать греха. Затем Фишер переходит к плодам молитвы: обретение заслуг, обретение того, о чем молились, и, главное, божественной благодати.

Говоря о молитве, Фишер подчеркивал, что самое важное в ней — стремление души к Богу. Поэтому для него внутренняя, духовная молитва является более важной, нежели литургическая молитва, разделенная со всем сообществом верующих, хотя оба вида молитвы не противопоставляются друг другу²⁰.

Примечательно, что виконт Монтегю имел в своем распоряжении рукопись трактата Фишера; она, вероятно, была приобретена его отцом. Более того, виконт предпочел не издавать текст в оригинальном виде, но подготовить английский перевод, сделав его тем самым доступным для широкой аудитории благочестивых читателей. Этот факт, во-первых, указывает на приоритеты религиозной жизни самого виконта: внутренняя молитва, должно быть, играла важную роль в его благочестивых практиках, а во-вторых, демонстрирует, что виконт считал себя как минимум отчасти ответственным за наставления мирян-католиков в вере. Кроме того, издание 1560 г. позволяет составить представление о богословских познаниях виконта Монтегю.

Послание к читателю, написанное виконтом, показывает, какое глубокое влияние на него оказал Фишер, и, шире, эразмианская традиция богословия. Оно отчетливо проявляется в том, как виконт понимал роль благодати и прочесе спасения души. Он писал:

«Если человек всего лишь попросит Его милости, прощения, благодати, благоволения и помощи, Он не только дарует все это, но и подвинет наши сердца обратиться к нему; и если мы бесцеремонно и своевольно откажемся следовать его святому вдохновению, ибо по милости своей Он использует все средства, чтобы привлечь человека к себе, если тот пытается и сам приложить усилия. Если же тот человек не следует [призыву], то обратит неизмеримую благодать Господню, отвергнутую таким образом, в умножение собственных грехов»²¹.

Эти выводы напрямую связаны с эразмианской интерпретацией свободной воли и благодати, которую разделял Фишер. Последний упоминает стадии процесса оправдания христианина: наделение его первоначальной благодатью, дарованной Богом, чтобы помочь грешнику

²⁰ Dowling M. Fisher of Men. P. 125—126.

²¹ “yf man do but faythfully crane his mercy, pardon, grace, favour, and assistaunce, he both lovingly graunt the same, yea he doth preoccupate and prepare our hartes to call on him, yf we forwardly and wylfully put not away and refuse to folowe his holy inspiration, so as, of his only mercie, he leaveth no meane to drowe man unto hym, yf he lyste to applie his own endeavour: which yf he folowe not, than doth man turne the unmeasurable goodnesse of God, so reiected and refused, to the multiplying of his owne synnes” // A Godlie Treatisse, The Translator to the Reader, Sig.A4.

покаяться; принятие (или отвержение) спасительной благодати свободной волей (эти две стадии упомянуты в предисловии Монтегю); принятие спасительной благодати через таинства крещения и покаяния; и, наконец, пребывание в состоянии благодати через содействие свободной воли и благодати в молитве и добрых делах²². Монтегю также упоминает последнюю стадию оправдания, когда говорит, что цель молитвы — «вооружить [человека] силой и стойкостью благодати Господней»²³.

Невозможно точно определить, когда именно виконт Монтегю работал над переводом трактата Фишера. Вероятно, перевод был подготовлен в последние годы правления Марии Тюдор. Таким образом, благочестивые практики виконта Монтегю явно были продуктом религиозной культуры середины XVI в. Однако не стоит противопоставлять их религиозной культуре пост-Тридентского периода, ведь она была наследницей ранней Католической реформы, и во многих своих аспектах — подходах к созерцательной жизни и медитации, в частности — воспроизводила ее. Пример трактата Фишера весьма показателен в данном отношении: следующее поколение английских католиков сочло трактат Фишера важным текстом, и в 1640 г. в Париже был издан новый перевод трактата на английский язык (бенедиктинца Роберта Андертона)²⁴.

§ 2. Чтение благочестивой литературы

Циклы молитв и медитаций, задававших ритм религиозной жизни семейства Монтегю, во многом определялись книгами, которые читали его представители. Биография виконтессы Монтегю упоминает чтение благочестивой литературы, однако не называет ни одной книги. Реконструировать весь круг чтения семейства Монтегю, конечно, не представляется возможным, но ряд источников все же указывают тексты, несомненно, оказавшие на его членов большое влияние. В упомянутом выше (см. предыдущую главу) «Наставлении дочери» второй виконт Монтегю приводит список сочинений, посвященных созерцательной жизни христианина; эти труды он рекомендовал дочери в качестве некоего духовного компаса.

Список открывают труды Бл. Августина²⁵. Виконт не уточнил, о каких именно произведениях идет речь. К концу XVI в. в Европе появились сотни изданий сочинений Св. Августина, в том числе и несколь-

²² *Rex R. The Theology of John Fisher*. Cambridge, 1991. P. 127—128.

²³ “to arme them selfe with strength and constancie of the grace of God” // *A Godlie Treatisse*. Sig.A5.

²⁴ *A treatise of prayer, and of the fruits and manner of prayer*. By the most Reuerend Father in God Iohn Fisher Bishop of Rochestre, Preist and most eminent Cardinall of the most holy Catholike Church, of the title of S. Vitalis. Translated into English by R.A.B. Paris, 1640.

²⁵ *Instruction to my daughter*. P. 74.

ко вариантов полного их собрания. Эти издания, естественно, были латинскими. Кроме того, появилось и довольно много переводов — в том числе и английских — отдельных сочинений или проповедей Св. Августина, а также составленных католическими и протестантскими богословами сборников наставлений, в которые входили проповеди и отдельные послания.

Невозможно точно сказать, какие именно издания виконт рекомендовал своей дочери. Многих девушек из католических семей учили латыни, так что отец мог иметь в виду любое латинское издание²⁶. Однако в рукописи его «Наставлений» дочери рекомендуется английский перевод другого сочинения (о котором пойдет речь ниже). Кроме того, на момент составления рукописи виконт ожидал ареста и не мог быть уверен в том, какое именно образование получит его дочь. Поэтому вполне можно предположить, что он ориентировал Мэри Браун на английские переводы наставлений Св. Августина. Но какие именно? К 1597 г. в свет вышло немало сборников, составленных и переведенных протестантами — Томасом Бэконом (1558, 1560, 1577, 1585, 1586 гг.)²⁷, Уильямом Придом (1585 г.)²⁸, Эдмундом Фриком (1574 г.)²⁹ и Томасом Роджерсом (1581, 1591, 1597, 1600 гг.)³⁰. Возможно, в библиотеке Монтегю были какие-то из этих изданий. Ведь наставительные сочинения, в особенности те, что предлагали руководство в молитвах и медитациях, а также призывали христианина к более насыщенной духовной жизни, с легкостью преодолевали конфессиональный барьер; их читали и католики, и протестанты.

Католические переводы Св. Августина на английский язык появились уже в XVII в.³¹ Однако существовал еще один перевод, который, вполне вероятно, нашел себе место среди книг Монтегю. Это перевод избранных проповедей Св. Августина, вышедший в Лондоне в 1557 г.³² Автором перевода был Томас Пейнелл — тот самый, что некогда посвятил первому виконту Монтегю историю заговора Катилины (см. часть I, главу V). А издателем книги был уже известный нам Джон Кавуд. То, что именно ему в 1560 г. виконт предложит издать свою рукопись, подразумевает наличие связи, вероятнее всего — клиента и патрона. Так что вполне можно предположить, что данное издание, к которому имели отношения два «клиента» Монтегю, нашло путь в библиотеку виконта.

Внимание, уделенное Св. Августину в доме Монтегю, косвенно подтверждается и тем фактом, что в качестве образца для жизни благоче-

²⁶ Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях. С. 131—132.

²⁷ Certain Godlie meditations Made in the Forme of Prayer by St. Augustine. L., 1558; 1560; Certain Godlie meditations Made in the Forme of Prayer by St Augustine <...> and also His Manuall. L., 1574, 1575, 1585, 1586.

²⁸ The Glasse of Vaine-glorie; The Complaint of a Sorrowfull Soule. L., 1585.

²⁹ An Introduction to the Love of God. L., 1574.

³⁰ A Pretious Booke of heavenlie meditations. L., 1581, 1597, 1600; A Right Christian Treatise. L., 1581, 1591, 1597, 1600; A manuall. L., 1591, 1597.

³¹ Серегина А.Ю. Переводы католической литературы. С. 36.

³² Certaine Sermons of St. Augustines. L., 1557.

стивой христианки исповедники виконтессы избрали мать святого, Св. Монику — именно ей уподоблена леди Монтегю в биографии, написанной Ричардом Смитом³³.

Вторым текстом, рекомендованным виконтом дочери, был трактат «О презрении к миру» испанского францисканца Диего де Эстеллы. Последний был одним из самых влиятельных мистиков своего времени, оказавшим воздействие на многих богословов XVII в., в том числе Фенелона, Франциска Сальского и Блеза Паскаля, и сам в свою очередь подвергался влиянию традиции «Нового благочестия»³⁴. Трактат — руководство к созерцательной жизни — был впервые опубликован в Толедо в 1562 г. и переиздан в 1574 г. в Саламанке³⁵. Он сразу же приобрел большую популярность и был быстро переведен на другие языки, в том числе французский и итальянский. Итальянская версия и послужила основой для английского перевода, выполненного в конце 1570-х гг. католиком-рекузантом Джорджем Коттоном, заполнявшим таким образом часы вынужденного досуга: он был арестован за отказ посещать приходскую церковь, и провел несколько месяцев в лондонской тюрьме Флит. Рукопись перевода была вывезена из Англии и в 1584 г. издана в Руане при посредничестве иезуита Роберта Парсонса³⁶.

Семейство Коттонов было связано с семейством Монтегю. Сестра сэра Джорджа, Мэри, вышла замуж за Эдварда Банистера, отец которого служил первому виконту Монтегю и его отцу (см. часть I, главу III). Сам сэр Джордж принадлежал к группе католиков, близких зятю первого виконта, графу Саутхэмптону. Состоял он также в родстве и с иезуитом Робертом Саутуэллом³⁷ (вероятно, именно благодаря этому каналу его рукопись оказалась в распоряжении Парсонса). Благодаря этим связям семейство Монтегю, вероятно, одними из первых среди английских католиков получило в свое распоряжение перевод трактата.

Еще один текст, который явно присутствовал в библиотеке Монтегю и оказал влияние на религиозную жизнь семьи, был типичен для своего времени. Речь идет о «Подражании Христу» Фомы Кемпийского, по популярности уступавшему только Библии. Это сочинение стало основой наставительных сочинений для европейских христиан XV—XVII вв.; к 1600 г. вышли сотни его изданий на множестве языков помимо оригинальной латыни. Уже в XVI в. существовало несколько английских переводов этого труда. Самый первый был сделан в 1502 г., а впервые на-

³³ Smith R. *Life of Lady Montague*. Preface; см. также: *Instructions to my daughter*. P. 115—126.

³⁴ *de Bujando J.M. Diego de Estella*. Roma, 1971; *Sagües Azcona P. Fray Diego de Estella*. Madrid, 1980.

³⁵ *Tratado de la vanidad del mundo dividido en tres libros*. Toledo, 1562; второе издание — Salamanca, 1574.

³⁶ *The contempte of the world, and the vanitie thereof*. Rouen, 1584.

³⁷ *Pilarz S.R. Robert Southwell and the Mission of Literature, 1561—1595: Writing Reconciliation*. Aldershot, 2004. P. 42—43.

печатан был перевод монаха-бригеттинца Роберта Уитфорда³⁸ (1531 г.). Этот перевод эмигранты-католики переиздали в 1575 и 1585 гг., а в XVII веке появился новый перевод иезуита Энтони Хоскинса, издававшийся в 1613, 1615, 1616, 1620, 1624, 1633 и 1636 гг.³⁹

Особую любовь к этому сочинению выказывал младший брат виконта Монтегю, Уильям Браун (1578—1637), ставший в начале XVII в. членом ордена иезуитов. По свидетельству его орденского начальства, он не расставался с книгой ни днем, ни ночью, и даже составил свое собственное наставительное сочинение, опираясь на труд Фомы Кемпийского⁴⁰. Рукопись его трактата сейчас находится в библиотеке колледжа Стоунихёрст (MS iv.55).

Необходимо отметить, что все упомянутые тексты вызывали интерес как католиков, так и протестантов. О переводах проповедей Св. Августина уже шла речь выше. «Подражание Христу» было классическим наставительным сочинением и для протестантов, причем весьма популярным⁴¹.

Популярностью пользовались и два других текста. Трактат Парсонса «Первая книга христианских упражнений» (1584 г.), опиравшийся на труды Диего де Эстеллы и дополнявший его, был переделан для протестантской аудитории Эдмундом Банни и многократно переиздавался в обеих версиях⁴². Сочинение испанского мистика также привлекло внимание протестантов: в 1608 г. его протестантская версия вышла в свет в Лондоне стараниями уже упомянутого издателя переводов Св. Августина, Томаса Роджерса, к тому времени ставшего капелланом архиепископа Кентерберийского Банкрофта⁴³.

Можно приписать литературные пристрастия семейства Монтегю влиянию их протестантского окружения. Но те же самые сочинения являлись «классикой» католической наставительной литературы в пост-Тридентскую эпоху. Таким образом, приходится констатировать скорее общность целей и приоритетов реформаторов разных конфессий в том, что касалось организации духовной жизни христианина. Все сочинения предполагали внимание к внутреннему миру христианина, его/ее

³⁸ Роберт Уитфорд — монах бригеттинской обители Сион близ Лондона, автор популярных наставительных сочинений и переводчик.

³⁹ Серегина А.Ю. Переводы католической литературы. С. 30.

⁴⁰ Records of the English Province of the Society of Jesus. L., 1875. Vol. 2. P. 434, 436, 439—441.

⁴¹ Sears McGee J. Conversion and the Imitation of Christ in Anglican and Puritan Writing // Journal of British Studies. 1976. Vol. 15. P. 21—39; Perry N. The Imitation of Christ in the English Reformation Writing // Literary Compass. 2011. Vol. 8. P. 195—205.

⁴² Серегина А.Ю. Английская благочестивая литература рубежа XVI—XVII вв., религиозная полемика и обращения в «истинную веру» // Книга в культуре Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2002. С. 118—128, особ. С. 119.

⁴³ A Methode unto Mortification: called heretofore, The contempt of the world, and the vanitie thereof. Written at the first in the Spanish [by D. de Estella], afterward translated into the Italian, English, and Latine tongues: now last of all <...> reformed and published by T. Rogers. L., 1608.

поискам Бога и удалению (хотя бы частичному, мысленному и эмоциональному) от мира.

Помимо наставительных сочинений, члены семейства и свиты Монтегю отдавали должное и полемической литературе. Так, в допросе виконта (1594 г.) упоминается, что он читал сочинения итальянского богослова Роберто Беллармино⁴⁴. Его же он рекомендует и своей дочери в 1597 г. для прояснения сложных вопросов вероучения⁴⁵.

Знаком был виконт и с англоязычной полемикой. Так, в своей парламентской речи 1604 г. он ссылаясь на имевшую большой резонанс полемику относительно обстоятельств крещения Англии. Средневековые английские хроники сообщали о том, что Англия была крещена несколько раз — Иосифом Аримафейским в I в. н.э., миссионерами Фаганом и Дувианом, посланными папой Элевтерием к королю бриттов Луцию во II в., и, наконец, Св. Августином, посланным папой Григорием I в конце VI в. В 1598—1604 гг. вопрос о том, кем и когда была крещена Англия, обсуждался в полемических сочинениях протестантов Фрэнсиса Хастингса⁴⁶, Мэтью Сатклифа⁴⁷, и их католических оппонентов Томаса Фицгерберта⁴⁸ и Роберта Парсонса⁴⁹. Протестантские богословы настаивали на том, что Англия впервые приняла христианское учение не из Рима, а с Востока, поэтому они предпочитали использовать легенду об Иосифе Аримафейском. Католические авторы, напротив, подчеркивали связь английской церкви с Римом и говорили о мифической миссии Фагана и Дувиана, а также, естественно, о Св. Августине. Виконт Монтегю явно следовал их примеру⁵⁰.

Гораздо меньше нам известно о практике чтения Библии в семействе Монтегю. Она крайне редко упоминается в источниках. В биографии леди Монтегю лишь однажды говорится о том, что виконтесса, уже смертельно больная, находила утешение в чтении глав Евангелия, посвященных Страстям Христовым⁵¹. Это упоминание увязывается с тем, какое важное место размышления о жертве Христа занимали в религиозной жизни католиков XVI в. в целом и Монтегю — в частности. Кроме того,

⁴⁴ BL, Harleian MS. 6889. F. 143.

⁴⁵ Instructions to my daughter. P. 46

⁴⁶ Hastings F. A Watchword to all religious and trye hearted English-men. L., 1598; *Idem*. An Apologie or Defence of the Watch-word. L., 1600.

⁴⁷ Sutcliffe M. A Briefe Replie. L., 1600; *Idem*. A New Challenge. L., 1600.

⁴⁸ Fitzherbert T. A Defence of the Catholyke Cause. L., 1602.

⁴⁹ Persons R. A Temperate Ward-word, 1599; The Warn-word to Sir Francis Hastings' Wast-word. St. Omer, 1602; A Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion. St. Omer, 1603—1604.

⁵⁰ Подробнее о полемике см.: Серегина А.Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI в. // Диалог со временем. М., 2004. Вып. 12. С. 144—155; Она же. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная/конфессиональная идентичность в XVI—начале XVII веков // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 21. С. 389—411.

⁵¹ Smith R. Life of Lady Montague. P. 40.

образ христианина, читающего Библию, к концу XVI в. стало прочно ассоциироваться с протестантом, благодаря стараниям нескольких поколений полемистов. Поэтому рассуждая о благочестии своих героев, авторы-католики предпочитали оставлять их знание библейских текстов словно бы «за кадром». Однако можно предположить, что как минимум некоторые члены семейства Монтегю хорошо знали Библию. Так, уже упомянутая речь виконта Монтегю, произнесенная им в палате Лордов в 1604 г., насыщена цитатами из Писания — из Евангелий и посланий апостолов, а также и из пророческих книг Ветхого Завета⁵². К 1604 г. уже существовал католический перевод Нового Завета на английский язык. Однако виконт предпочитал цитировать Библию на латыни, так что он при чтении Писания, по всей видимости, предпочитал Вульгату.

Приведенный выше материал свидетельствует о том, какую важную роль играли книги в религиозной жизни семейства Монтегю. Его члены выступали в роли читателей, переводчиков и сочинителей; их духовая жизнь, и прежде всего, цикл ежедневных молитв и медитаций, строилась по книжным образцам и подразумевала регулярное чтение как ее неотъемлемую часть. Таким образом, можно подтвердить сделанный А. Уолшем вывод о том, что религиозная культура английских католиков в пост-Тридентский период была «культурой книги» в той же степени, в какой этот термин применим к религиозной культуре их современников-протестантов⁵³. Необходимо, однако, подчеркнуть, что воздействие «культуры книги» на духовную жизнь английских католиков было неоднозначным. С одной стороны, чтение руководств в медитации и внутренней молитв не могло не способствовать интериоризации религиозных переживаний, что многими исследователями выделяется как один из основных характеристик религиозности конца XV в. и раннего Нового времени⁵⁴.

Но с другой стороны, чтение в этот период далеко не всегда подразумевало уединение. Книги — особенно наставления — читали вслух, для большой аудитории слуг и домочадцев, тем самым делая их содержание доступным для неграмотных. Таким образом, чтение становилось практикой, связывавшей членов католического сообщества. Это понимал виконт Монтегю, издавший в 1560 г. трактат Фишера. Хотя молитва, о которой шла речь в тексте трактата, и была безмолвной и внутренней, но чтение этого текста должно было объединить верующих. Такую же функцию, как уже отмечалось, имели и братства розария; ведь их деятельность предполагала соединение благочестивых практик и наставлений в вере, как минимум часть которых вполне могла состоять в совместном чтении. Таким образом, «культура книги» предоставляла английским католикам

⁵² Bodleian Library, MS Engl. TH.b.2. F. 845—846; *Серегина А.Ю.* Католик или политик? С. 356—357, 359, 364—365, 367.

⁵³ *Walsham A.* “Domme Preachers”? P. 122.

⁵⁴ *Richmond C.* Religion and the Fifteenth-Century English Gentleman // *The Church, Patronage and Politics in the Fifteenth Century* / Ed. by B. Dobson. Gloucester; N.Y., 1984. P. 193—208.

XVI—XVII вв. возможность замещения исчезнувших практик коммунального христианства новыми, тем самым поддерживая их представления о единстве между собой и с единоверцами за пределами Англии.

§ 3. Посты

Аскетические традиции, связанные с постами, менялись гораздо медленнее, по сравнению с благочестивыми практиками. Биограф леди Монтегю сообщает, что она придерживалась строгих правил соблюдения постов, распространенных в Англии в средние века. Они подразумевали большое количество постных дней в году — Рождественский пост (адвент), Великий пост перед Пасхой, пепельные дни (среда, пятница и суббота пепельных недель — четвертой недели адвента, второй недели Великого Поста, недели после Троицы и третьей недели сентября, после Воздвижения Креста), дни молебнов (25 апреля и три дня после Вознесения), кануны праздников (Троицы, дня Всех Святых, Рождества, дня Непорочного зачатия и Успения), а также пятницы и среды в течение всего года. В эти дни верующим предписывалось воздерживаться от мяса, молока и яиц и есть всего один раз в день.

Виконтесса Монтегю придерживалась старых правил, которые ее капеллан вежливо назвал «благочестивым обычаем страны»⁵⁵. Однако описание постов создает впечатление напряженности между виконтессой и ее духовником, в глазах которого, как и других миссионеров, подобные аскетические практики были излишними, внешними достижениями, отвлекавшими верующего от дела обращения души к Богу. В лучшем случае, строгость поста могла служить проявлением действия благодати, но заслугой как таковой не являлась. Ричарду Смиту пришлось потрудиться, убеждая леди Монтегю в том, что строгое соблюдение постов — отнюдь не главная часть ее религиозной жизни. Используя предписание врача, он заставил пожилую даму есть мясо в постные дни, причем виконтесса сопротивлялась, опасаясь подать дурной пример внукам, которые не страдали слабым здоровьем и могли, соответственно, поститься по всем правилам⁵⁶.

Эти правила соблюдались и десятилетия спустя, так что влияние виконтессы на детей и родственников неоспоримо. Ее племянница, графиня Эрендел постилась так же, во время постов воздерживаясь от мяса и вкушая пищу раз в день. Только настояния врача и капеллана-иезуита заставили ее отказаться от строгих правил, и то лишь когда дама достигла почтенного возраста 72 лет⁵⁷.

Таким образом, в период до начала Гражданской войны, несмотря на все усилия миссионеров, католические семейства продолжали при-

⁵⁵ “pious custome of the country” // *Smith R. Life of Lady Montague*. P. 32.

⁵⁶ *Ibid.* P. 24—25, 33.

⁵⁷ *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel*. P. 206—207.

держиваться обычаев предков в том, что касалось постов. Сведения о Монтегю в данном случае подтверждают выводы, сделанные Джоном Босси на другом материале⁵⁸. Однако не стоит считать, что речь здесь идет исключительно об упрямом желании цепляться за старину. Практики и ритуалы, связанные с постами, служили важными маркерами религиозной жизни католиков. Они служили способом ритуальной сегрегации католиков, отделяя их от протестантского окружения,⁵⁹ но также и объединяли католиков между собой. Посты были коммунальной практикой, ведь их придерживались все члены семьи (как в случае Монтегю); эти же правила соблюдались и другими католиками, тем самым объединяя их в масштабах всей страны и связывая с поколениями умерших католиков. Так конструировалась община верующих.

§ 4. Смерть и поминовение

Благочестивые практики, связанные с идеей благой смерти, и с повиновением умерших также служили важным средством конструирования английского католического сообщества как общины верующих.

Столетия, предшествовавшие Реформации, стали временем формирования представлений о «благой смерти», в которой соединялся индивидуальный опыт христианина перед лицом ухода в мир иной, и коллективный опыт общины, утверждавшей свои ценности через примеры благочестивого поведения, которые следовало воспроизводить. В XV столетии сочинения, посвященные *ars moriendi* (искусству умирать), стали одним из распространенных жанров благочестивой литературы, как на континенте, так и в Англии⁶⁰.

Сцены благой смерти присутствуют и в биографиях католиков XVI—XVII вв., в том числе виконтессы Монтегю и ее родственниц. Однако они несколько модифицированы по сравнению с до-реформационными текстами. Раньше «благая смерть» подразумевала «спокойную смерть», отсутствие физических страданий, которое позволяло христианину уладить мирские дела, распорядиться имуществом, примириться с ближними, и хотя бы попытаться исправить причиненный им ущерб, покаяться в грехах и получить отпущение, а также и миропомазание и последнее причастие.

Биографии леди Монтегю и ее племянницы, графини Эрендел, однако, описывают болезни и физические страдания. Виконтесса Монтегю страдала от инсульта, и была частично парализована; ее супруг также умер после затяжной болезни, хотя ее природа не описывается подробно⁶¹. Графиня Эрендел также страдала несколько месяцев, испытывая

⁵⁸ Bossy J. English Catholic Community. P. 109—115.

⁵⁹ McClain L. Lest We Be Damned. P. 61.

⁶⁰ Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 301—338.

⁶¹ Smith R. Life of Lady Montague. P. 12, 38—43.

нарастающие боли⁶². Тем не менее, для их биографов болезнь и физические страдания, переносимые с терпением и смирением, являлись свидетельством действия благодати, дававшей их патронам возможность испытать на земле муки чистилища и, соответственно, улучшить их посмертную судьбу. Знаком избранничества становится теперь не отсутствие страдания как такового, а способность его переносить, выполняя при этом все, что ожидалось от доброго христианина. Виконтесса Монтегю продолжала молиться, хотя ее роль стала из-за болезни более пассивной: инсульт, по всей видимости, сказался на ее речевых функциях (по крайней мере, поначалу), поэтому дневные молитвы произносились членами ее свиты. Они же читали виконтессе евангельское повествование о Страстях Христовых и благочестивые наставления⁶³.

Виконтесса также нашла время распорядиться своим имуществом и попрощаться с домочадцами и друзьями. Отнюдь не все они были католиками, о чем свидетельствует рассказ биографа: на смертном одре виконтесса пыталась обратить своих друзей-протестантов в «истинную веру». Наконец, она исповедалась и причащалась каждый день во время болезни, причем перед ее лицом держали украшенное драгоценностями старинное распятие, принадлежавшее бабке виконтессы, Энн Тэлбот (урожденной Хастингс), графине Шрусбери⁶⁴.

Таким образом, «благая смерть» в пост-реформационный период подразумевала период интенсивных религиозных переживаний для всех домочадцев. Совместные молитвы умирающей и других католиков объединяли членов общины верующих в отсутствие прихода, а пример благочестия умиравшей дамы должен был служить наставлению других. Поэтому смерть оказывалась делом публичным: рядом с умиравшей виконтессой Монтегю находились отнюдь не только члены семьи и капелланы, но и другие члены свиты; кроме того, пока позволяло физическое состояние, она принимала посетителей. А после ее кончины рассказ о «благой смерти» прозвучал во время надгробной проповеди, и позднее был опубликован, чтобы служить наставлением остальным католикам страны и примером для прочих писателей, в частности, автора биографии племянницы виконтессы, графини Эрендел.

Смерть католика не разрывала его связей с общиной верующих, так как родственники и друзья продолжали молиться за душу усопшего. Виконтесса Монтегю «не пренебрегала попечением о душе мужа. Она приказала служить по нему мессу дважды в неделю, и сама читала заупокойную службу. Каждый год она торжественно отмечала [молебном] годовщину его кончины, и сама поминала его до последнего дня своей жизни»⁶⁵.

⁶² Life of Anne Dacres, Countess of Arudel. P. 252—262.

⁶³ Smith R. Life of Lady Montague. P. 38—40.

⁶⁴ Ibid. P. 40, 42.

⁶⁵ “Neither yet did she neglect the care of her husbands soule, for whome she twice every weeke caused Masse to be sayd, and herselfe sayd the office of the dead; every year she

Такое описание вполне соответствует до-реформационной традиции поминовения усопших. Важно отметить, что поминовение виконта Монтегю стало делом членов его семьи и свиты, а молитвы за него — частью благочестивых практик отдельных родственников и домочадцев в той же мере, что и объединявших их небольшой общины верующих. В этом смысле поминовение усопших было ограничено рамками семейной капеллы, а в ее отсутствие — усилиями родственников умершего. Виконтесса могла приказать капелланам, зависевшим от нее финансово, молиться за ее покойного супруга. Однако она уже не могла рассчитывать на молитвы прихожан, ведь протестанты не верили в действенность молитвы за умерших. Не был для нее доступен и другой вариант поминовения — основание капеллы (не обязательно подразумевавшее строительство здания или структуры внутри существующей церкви, но скорее, наем священника, обязанностью которого было регулярно служить заупокойные мессы). Семейные капелланы, несомненно, служили такие мессы, но лишь при благоприятных обстоятельствах. В условиях преследований и арестов цикл регулярных поминальных служб прерывался.

Богатые католики, подобные Монтегю, могли полагаться на молитвы преподавателей и учеников коллегий, которые они помогали финансировать, а также и на молитвы монахинь в континентальных монастырях, куда они вносили пожертвования (см. след. главу). Тем не менее, вклады в монастыри и коллегии были обычно связаны с поступлением туда родственников или слуг семьи. Таким образом, и в данном случае, поминальная молитва оставалась связывалась с семьей и домочадцами. Однако в таких ограниченных рамках поминовение усопших, подобно другим благочестивым практикам, способствовало конструкции сообщества верующих, объединенных не принадлежностью к приходу, но участием в таинствах и ритуалах.

Религиозная культура, господствовавшая в семье Монтегю на протяжении XVI в. определялась предпочтениями религиозной культуры пред-реформационного периода и времени правления Марии Тюдор. Лишь в XVII в. некоторые ее аспекты начали меняться, хотя в данном случае изменения пришли позже и было гораздо менее значительными, нежели в сфере литургических практик, подвергшихся унификации на рубеже XVI—XVII вв. Эта ситуация определялась внутренним единством двум религиозных культур, присущим им стремлением научить христианина «понимающей вере» и подчинить поведение требованиям христианской этики. Поэтому до- и пост-Тридентские католические культуры в данном отношении оказываются невозможно противопоставлять друг другу; речь идет лишь о смене интонации, а не об изменении содержания. Особенно это очевидно, когда речь заходит о текстах, распространявшихся и потреблявшихся католиками круга Монтегю. Все они составляли неотъемлемую часть религиозной культуры пост-

procured a solemn Anniversary on the day of his departure, <...> and often other-times, even to the last day of her life" // Ibid. P. 14.

Тридентского периода, но при этом половину из них составляли средневековые тексты.

Невозможно переоценить роль книги и чтения в религиозной культуре английских католиков. Такая ситуация сближала католиков с радикальными протестантами (пуританами, «людьми книги»). Однако ее нельзя приписать лишь попытке католиков имитировать действия своих соседей-протестантов. Конечно, воздействие протестантского окружения не стоит отрицать. Постоянное общение с протестантами и попытки обращения (обращенные как на католиков, так и на протестантов) требовали от католиков как минимум знакомства с Писанием и полемической литературой. А отсутствие доступа к священникам и таинствам в условиях преследований также повышали значение книги в религиозной культуре, замещая чтением отсутствующие ритуалы. Но, как и в предыдущем случае, ориентация английской католической культуры XVI в. на книги и чтение отчасти объясняется ее общими с протестантской корнями — а именно, христианским гуманизмом XVв. и традицией *Devotio Moderna*.

Благочестивые практики английских католиков XVI—XVII вв. явно свидетельствовали о значительной степени интериоризации ими религии. Однако в отличие от многих континентальных стран, те же самые практики, которые там оставались в большей степени индивидуальными, в Англии были переосмыслены и — хотя бы в некоторых аспектах — превратились в способы замещения утраченной культуры коммунального христианства, и конструированием новой общины верующих, границы которой определялись не столько принадлежностью к местной общине (=приходу), сколько объединенных общим литургическим опытом и благочестивыми практиками.

Жизнь созерцательная: монахи и монахини из окружения Монтегю

Традиции созерцательной жизни оказали большое влияние на благочестивые практики семейства Монтегю и их родственников. Все они, в конечном счете, восходят к традициям позднесредневекового мужского и женского монашества, унаследованным эпохой Католической Реформы. Но на протяжении XVI в. английская монашеская традиция претерпела радикальную трансформацию, по сравнению как с предшествующим периодом, так и другими странами.

Роспуск монастырей в 1530-х гг. прервал существование английских монашеских обителей, многие из которых были основаны еще в англосаксонский период. За время краткого правления Марии Тюдор лишь шесть из них были восстановлены¹, а с приходом к власти протестантки Елизаветы их насельникам пришлось либо вернуться домой, либо эмигрировать, переместив общину за пределы страны. Таким образом, монашеский образ жизни оказывался доступным лишь для тех католиков, которые решались на отъезд из Англии. Кроме того, покинув страну, им приходилось отрываться от привычной обстановки и от корней: ведь выбор монашеской жизни означал вступление англичан — славившихся незнанием языков — в общину, говорившую на чужом языке, и приспособление к новым обычаям. На такой шаг отваживались немногие; как правило, монахи распущенных монастырей, не желавшие возвращаться к светскому образу жизни.

Ситуация несколько изменилась с появлением на континенте английских семинарий и иезуитских коллегий, а затем, в самом конце XVI в., и монастырей других орденов. Английские католики вновь обратились к монашескому образу жизни. Однако облик монахов претерпел существенные изменения за прошедшие десятилетия, затронув их социальный и гендерный статус. Во-первых, вступление в монашеский орден теперь не обязательно открывало англичанам возможность церковной карьеры, хотя бы потому, что в стране до 1624 г. отсутствовала католическая ие-

¹ Конвент монахинь-доминиканок в Кингс-Лэнгли (1558 г.), францисканцев-обсервантов в Гринвиче (1555 г.), доминиканцев в Гринвиче (1557 г.) и Смит-филде (1558 г.), бригеттинок в аббатстве Сион (1553 г.; община вернулась из Нидерландов), бенедиктинцев в Вестминстере (1555 г.).

рархия. Во-вторых, не только священники-семинаристы и иезуиты, но и представители других орденов были активно вовлечены в миссионерскую деятельность. Соответственно, вступление в орден необязательно предполагало созерцательную жизнь, но, наоборот, обычно означало возвращение в мир в новой и опасной роли священника-миссионера.

Таким образом, созерцательное монашество стало почти исключительно уделом женщин, особенно после введения Тридентского правила строгого затвора для женских обителей. Первые английские конвенты на континенте появились одновременно с мужскими в 1590-х гг. а к середине XVII в. число их значительно возросло. Оно, впрочем, не означало, что конвенты были полностью изолированы от окружавшего их мира, а их обитательницы никак не участвовали в жизни английского католического сообщества.

Исследователи уже в XIX в. активно публиковали документы из архивов этих обителей — мужских и женских, однако их интерес вызывали, как правило, материалы, связанные с историей их героически единоверцев в Англии, в особенности мучеников за веру². Лишь в последние десятилетия наметился интерес к английским монахам и в особенности монахиням на континенте как к особому феномену. Однако первопроходцами здесь были не историки религии, а историки богословия и литературы, исследовавшие сочинения, возникшие в стенах английских монастырей³. Социальной истории английских женских

² Allison A.F. *The English Augustinian Convent of Our Lady of Syon at Paris: Its Foundation and Struggle for Survival during the First Eighty Years, 1634—1713* // RH. 1992—1993. Vol. 21. P. 451—496; *Registers of the English Benedictine Nuns of Pontoise OSB etc. contr. by the Lady Abbess of Teignmouth* // CRS. 1915. Vol. 17; *Collins Rev. H. Life of Dame Gertrude More, Order of St. Benedict (from Ancient Manuscripts)*. L., 1907—1909; *A History of the Benedictine Nuns of Dunkirk*. L., 1958; *Fletcher J.R. The Story of the English Bridgettines of Syon Abbey*. South Brent, Devon, 1933; *Forster A.C.M. The Chronicles of the English Poor Clares of Rouen* // RH. 1986—1987. Vol. 18. P. 59—102; *Records of the English Benedictine Nuns at Cambrai 1620—1793* // CRS. 1913. Vol. 13; *Registers of the English Poor Clares Gravelines* // CRS. 1914. Vol. 14; *Guilday P. The English Catholic Refugees on the Continent, 1558—1795*. L., 1914; *Hamilton A. The Chronicle of the English Augustinian Canonesses Regular of the Lateran, at St. Monica' in Louvain: 1548 to 1644*. Edinburgh: Sands, 1904; *Idem. The English Benedictine Nun of Brussels and Winchester 1598—1856* // CRS. 1914. Vol. 14; *Registers of the English Benedictine Nuns, Brussels... 1598—1856, contr. by the Lady Abbess of East Berghol* // *Ibid. The Writings of Dame Gertrude More*. 2 Vols. / Ed. by D.B. Weld-Blundell. L. 1910—1911; *Abbess Neville's Annals of Five Communities of English Benedictine Nun in Flanders 1598—1687* // CRS. 1909. Vol. 6; *Franciscana: The English Franciscan Nuns 1619—1821 and the Friars Minor of the Same Province 1618—1761* // CRS. 1922. Vol. 24

³ *Bainbridge V.R. Syon Abbey: Women and Learning c.1415—1600* // *Syon Abbey and its Books: Reading, Writing and Religion, c.1400—1700* / Ed. by E.A. Jones and Alexandra Walsham. Woodbridge, 2010. P. 82—104; *Idem. Women and the Transmission of Religious Culture: Benefactresses of three Bridgettine Convents c.1400—1600 / Birgittiana*. 1997. Vol. III. P. 55—76; *St. Benedict's Rule*, transl. by Augustine Baker. Ed. by J. Clark // *Analecta Cartusiana*. Salzburg, 2005; *Fr. Augustine Baker OSB: Fiv*

монастырей на континенте посвящены публикации Клер Уокер⁴ и Кэролайн Бауден⁵. Последняя также возглавляет исследовательский про-

Treatises / Ed. by J. Hogg // *Analecta Cartusiana*. Salzburg, 2006. Vol. 119; *Cramer A., OSB, "The Librarie of this Howse": Augustine Baker's Community and their Books // "Stand up to Godwards": Essays in Mystical and Monastic Theology in Honour of the Reverend John Clark on His Sixty-Fifth Birthday / Ed. by J. Hogg // Analecta Cartusiana*. Salzburg, 2002. Vol. 204. P. 103—110; *De Hamel C.* Syon Abbey: The Library of the Bridgettine Nuns and their Peregrinations after the Reformation. Roxburghe Club, 1991; *Dolan F.* Reading, Writing and Other Crimes // *Feminist Readings of Early Modern Culture / Ed. by V. Traub, M.L. Kaplan, and D. Callaghan*. Cambridge, 1996. P. 142—167; *Ellis R.* Syon Abbey: The Spirituality of the English Bridgettines // *Analecta Cartusiana*. Salzburg, 1984. Vol. 68 [The Contemplative Life in Great Britain: Carthusians, Benedictines, Bridgettines. Vol. 2]; *The Declarations and Ordinances Made upon the Rule of our Holy Mother S. Clare / Transl. by E. Evelinge // The Early Modern English Woman: A Facsimilie Library of Essential Works. Series I, Printed Writings, 1500—1640. Aldershot, 2002. Vol. 5. Part 3; Hogg J.* Brigittine Manuscripts Preserved at Syon Abbey // *Studies in St. Birgitta and the Brigittine Order*. Salzburg, 1993. Vol. 2 / Ed. by J. Hogg. P. 228—242; *The Building of Divine Love, as Translated by Agnes More; Transcribed from the 17th century Manuscript / Ed. by D.L. Latz*. Salzburg, 1992; *Latz D.L.* "Glow—worm light": Writings of 17th Century English Recusant Women from Original Manuscripts. Salzburg, 1989; *Idem.* Neglected English literature: Recusant Writings of the 16th—17th Centuries. Papers from the Recusant Sessions of the International Medieval Congresses at Western Michigan University, Kalamazoo, Michigan (USA), 1990—1994. Salzburg, 1997; *Rhodes J.T.* Syon Abbey and its Religious Publications in the Sixteenth Century // *JEH*. 1993. Vol. 44. P. 11—25; *Idem.* Dom Augustine Baker's Reading Lists // *The Downside Review*. July. 1993.

⁴ *Walker C.* Combining Martha and Mary: Gender and Work in Seventeenth-Century English Cloisters // *The Sixteenth Century Journal*. 1999. Vol. 30. P. 397—418; *Idem.* Continuity and Isolation: The Bridgettines of Syon in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Syon Abbey and its Books*. P. 155—176; *Idem.* "Doe not Suppose me a Well Mortified Nun Dead to the World": Letter-Writing in Early Modern English Convents // *Early Modern Women's Letter Writing 1450—1700 / Ed. by J. Daybell*. Basingstoke, 2001. P. 159—176; *Idem.* Gender and Politics in Seventeenth-Century English Convents: English Convents in France and the Low Countries. Basingstoke; N.Y., 2003; *Idem.* Loyal and Dutifull Subjects: English Nuns and Stuart Politics // *Women and Politics in Early Modern England, 1450—1700 / Ed. by J. Daybell*. Aldershot, 2004. P. 228—242; *Idem.* Prayer, Patronage, and Political Conspiracy: English Nuns and the Restoration // *The Historical Journal*. 2000. Vol. 43. P. 1—23; *Idem.* Priests, Nuns, Presses and Prayers: The Southern Netherlands and the Contours of English Catholicism // *Catholic Communities in Protestant States*. P. 139—155; *Recusants, Daughters and Sisters in Christ: English Nuns and their Communities in the Seventeenth Century // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / Ed. by S. Tarbin and S. Broomhall*. Aldershot, 2008. P. 61—78; *Idem.* Securing Souls or Telling Tales? The Politics of Cloistered Life in an English Convent // *Female Monasticism in Early Modern Europe: An Interdisciplinary View / Ed. by C. van Wyhe*. L., 2008. P. 227—244.

⁵ *Bowden C.* The Abbess and Mrs Brown: Lady Mary Knatchbull and Royalist Politics in Flanders in the late 1650s // *RH*. 1999. Vol. 24. P. 288—308; *Idem.* Books and Reading at Syon Abbey, Lisbon in the Seventeenth Century // *Syon Abbey and its Books*. P. 177—201; *Idem.* Collecting the Lives of Early Modern Women Religious: Obituary Writing and the Development of Collective Memory and Corporate Identity // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19. P. 7—20; *Idem.* Community Space and Cultural

ект *Who were the nuns (Queen's Mary College, London)*, подготовивший биографическую базу данных по всем английским монахиням XVI—XIX вв. Материалы этой базы легли в основу настоящего исследования.

Глава призвана выявить связь между жизнью английских монахинь и деятельностью католической миссии, а также католической диаспорой за пределами Англии и единоверцами внутри страны. Анализируются биографии монахов из числа родственников и домочадцев Монтегю; предполагается установить, чем определялся выбор тех или иных монашеских орденов и обителей, возраст и социальный статус монахов и монахинь, их происхождение и степень включенности в порожденные системой патроната связи, охватывавшие английских католиков в стране и за ее пределами⁶.

§ 1. Дореформационные традиции

Хранившаяся в семье Монтегю рукопись трактата Фишера о молитве подразумевала, как минимум, интерес к традиции религиозного созерцания. Тем не менее, в до-реформационный период никто из семейства Браунов или их родственников (в том числе тех, с кем им еще предстояло породниться) не избирали ни церковной карьеры, ни созерцательной жизни в монастыре. Единственным исключением являются представители семейства Ньюдигейт: брат и сестры Джейн Ньюдигейт, бабки второго виконта Монтегю (по материнской линии). Себастиан Ньюдигейт, о котором подробно рассказывается в биографии его племянницы, Джейн Дормер, герцогини Ферия, играл важную роль в репрезентации католического семейства, ведь он был одним из первых английских мучеников за веру XVI столетия. Его судьба и в самом деле была необычной.

Как и другие представители круга Браунов в начале XVI в. он был придворным, входившим в ближайшее окружение Генриха VIII, и к 1524 г. уже входил в состав Тайного Совета. Однако в тот год жизнь Ньюдигейта полностью изменилась. Его любимая жена и дочь умерли, и он предпочел отказаться от мира и блестящей светской карьеры.

Transmission: Formation and Schooling in English Enclosed Convents in the Seventeenth Century // *History of Education*. 2005. Vol. 34. P. 365—386; *Idem*. The English Convents in Exile and Questions of National Identity, 1600—1688 // *Emigrants and Exiles from the Three Kingdoms in Europe, 1603—1688* / Ed. by D. Worthington. Amsterdam, 2010. P. 297—314; *Idem*. "For the Glory of God": a Study of the Education of English Catholic Women in Convents in Flanders and France in the First Half of the Seventeenth Century // *Paedagogica Historica*. Supplementary Series. 1999. Vol. V. P. 55—77; *Idem*. The Role of Mary Knatchbull in the English Benedictine Foundations of the Seventeenth Century // *Magistra*. 2002. Vol. 8.

⁶ Серегина А.Ю. Между Лондоном, Мадридом и Брюсселем: женские монастыри, аристократический патронат и английское католическое сообщество XVI—XVII вв. // *Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени* / Под ред. Е.Н. Кирилловой. М., 2015. С. 97—128.

Избранный им монастырь — обитель картузианцев в Лондоне — славилась как строгостью своей жизни, так и интеллектуальными традициями, и своим аристократическим составом: в число его монахов входили дворяне и представители лондонского патрициата. Именно туда удалялся Томас Мор чтобы вести жизнь религиозного созерцания. Как и другие картузианцы, Себастиан Ньюдигейт отказался признать королевскую супрематию, признан виновным в измене и казнен в Тайберне 19 июня 1535 г. В католическом сообществе он почитался как мученик уже в XVI в., хотя канонизировали его только в 1886 г.⁷

Сестра Ньюдигейта стала монахиней конвента канонисс-августинок в Халиуэлле (Шоредич, Лондон), а другая, Мэри, вступила в обитель бригеттинок в Сионе⁸. Основанный в 1415 г., этот монастырь во многом представлял собой женскую параллель картузианцам — как по составу монахинь, большинство которых происходило из семей придворный или лондонской элиты, так и по строгости устава, и благодаря вкладу монахинь в интеллектуальную жизнь Англии. Монастырь Сиона был важным центром раннего книгопечатания, и именно оттуда распространялись многочисленные благочестивые и наставительные сочинения. Монахини Сиона располагали коллекцией рукописей, включавшей в себя «классику» английской средневековой мистики — сочинения Уильяма Хилтона и Ричарда Ролле, «Откровения» Юлианы Нориджской и др., и именно эти рукописи легли в основу первых их публикаций уже в XVII в.⁹

Круг Монтегю был связан с монастырем в Сионе; к числу его благотворителей относились Уильям Роупер и Томас Мор, а также семейство Ньюдигейт. Сестра Марии, Джейн Ньюдигейт, в замужестве леди Дормер, оказывала монахиням покровительство после официального роспуска монастыря в 1539 г. Ее внучка и тезка, Джейн Дормер, фрейлина Марии Тюдор, стала в 1558 г. супругой испанского посла, герцога Ферри. В 1559 г. с его помощью община монахинь Сиона получила разрешение покинуть страну и отправилась в Нидерланды. Покровительство монахиням стало семейным делом, важность которого преодолевала конфессиональный барьер: ее двоюродный племянник, сэр Филипп Сидни, защищал общину от кальвинистов в 1570-х гг., когда монахини находились в Мехельне¹⁰.

Община бригеттинок сыграла важную роль как в истории английского монашества в целом, так и в формировании благочестивых практик многих католиков, в том числе и представителей семейства Монтегю, о чем пойдет речь ниже.

⁷ Детали биографии Себастиана Ньюдигейта приводятся в: *Clifford H. Life of Jane Dormer, Duchess of Feria. L., 1887. P. 18—37.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Bainbridge V.R. Syon Abbey: Women and Learning, 1450—1600. P. 82—103.*

¹⁰ *Ibid. P. 99—100.*

§ 2. Мужское монашество

Английская Реформация радикально изменила социальный и гендерный состав католического монашества, а также представления о церковной карьере. В начале XVI в. представители дворянских семейств порой предназначали свой сыновей для церковной карьеры. Подразумевалось, что их отпрыски со временем займут высокое положение в церковной иерархии. Однако их число резко упало по сравнению со средневековым периодом: большинство английских епископов XV—начала XVI в., в отличие от континента, не были дворянами по происхождению. Например, лишь один из епископов Винчестерских, самых богатых прелатов страны, конца XV в. мог похвастаться высоким происхождением — Питер Кортни, внук графа Девона. К началу Реформации большинство епископов происходило из семей мелкого джентри (в лучшем случае) или йоменов.

Реформация, роспуск монастырей и лишение епископов значительной доли их доходов в пользу короны сделала церковную карьеру еще менее привлекательной, что отразилось как в спаде числе рукоположений в середине столетия¹¹, так и в снижении статуса клириков в целом. Теперь статус епископов, формально стоявших выше баронов в парламентской иерархии, фактически оказался ниже, чем статус титулованного и просто богатого дворянина, что отчасти отражалось в нежелании сыновей джентри выбирать церковную карьеру, так и в отказе дворян выдавать своих дочерей замуж за клириков¹².

Церковная карьера для католиков оказывалась еще более затруднительной. Последним прелатом-аристократом был кардинал Пол, скончавшийся в 1558 г. После него кардиналом в 1585 г. стал Уильям Аллен, происходивший из незнатной дворянской семьи Ланкашира. После него, и до эмансипации католиков в Англии в 1829 г. кардинальскую шапку получили лишь два аристократа-католика — Филипп Ховард, младший сын графа Эрендела (1675 г.) и Генри Бенедикт Стюарт, внук Якова II (1747 г.). Хотя оба случая выходят далеко за хронологические рамки данного исследования, они демонстрируют важную тенденцию: к концу XVII в. церковная карьера вновь оказывается привлекательной для представителей дворянства. Епископы XVII—XVIII вв. также были дворянами по происхождению, причем если в 1620-х гг. и Уильям Бишоп, и Ричард Смит происходили из семей мелкого джентри, то уже в конце столетия генеральный викарий Джон Лейберн принадлежал к куда более известной семье. А в XVIII в. мы находим среди викариев внуков барона Петера и графа Шрусбери.

¹¹ Haigh C. *English Reformations*. P. 182

¹² Prior M. *Reveled and Crucified Marriages: the Position of Tudor Bishops' Wives // Women in English Society, 1500—1800* / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 89—111. Браки клириков — даже епископов — с титулованными дамами в XVI столетии были редкостью. См.: Ibid. P. 101—102.

Эта тенденция прослеживается и в истории английского католического духовенства в целом. Первое поколение пост-реформационных католических священников, как правило, не могло похвастаться высоким происхождением. Среди первого поколения священников-семинаристов, бывших университетских преподавателей, которые предпочли эмиграцию смене веры, также было немало «простолюдинов». Но уже с 1580-х гг. студенты английских семинарий на континенте оказываются преимущественно, хотя и не исключительно, дворянами. Здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что хотя само обучение было бесплатным, стоимость проживания за границей требовала постоянной финансовой поддержки, то есть, наличия состоятельного «спонсора», в роли которого обычно выступали родственники. А значительными средствами, как правило, располагали именно дворяне.

С другой стороны, престиж священников — миссионеров, следовавших Христу в проповеди и (весьма вероятной) мученической кончине — резко вырос в конце XVI в., что побуждало ревностных католиков выбрать именно этот путь служения Богу. Из приведенного выше материала явствует, что среди родственников Монтегю было немало священников (как секулярных, так и членов монашеских орденов, чаще всего иезуитов). Среди них были Томас Мор и Джон Копли, Генри и Фрэнсис Гейджи, Генри Ли, Роберт Руквуд, Энтони Лэмб и многие другие (см. главу I).

Необходимо, однако, отметить, что в данном случае речь не шла о традиционном созерцательном идеале монашеской жизни, ведь миссионеры, даже принадлежавшие к традиционным орденам, например, бенедиктинцы, вели активную жизнь миссионеров в миру. Имена такая — активная — жизнь клирика соответствовала избранной ими роли «солдата Христа», который вел войну с грехом и ересью не шпагой, но пером и проповедью.

Таким образом, идеал созерцательной жизни фактически оказывался женским идеалом, а выбор созерцательной жизни мужчинами был относительно редким. Так, монастырь картузианцев, эмигрировавших из Шина (Сарри) в Нидерланды и обосновавшихся в 1626 г. в Ньюпорте, насчитывал около десяти монахов¹³. Да и сами обители, не связанные с активной миссионерской деятельностью, были немногочисленными. Желавшим уединения и молитвы необходимо было либо присоединиться к неанглийской общине, либо избрать другой путь.

Одним из тех, кто выбрал второй вариант, оказался младший брат второго виконта Монтегю, Уильям Браун. Он покинул Англию в 1614 г. и вскоре стал коадьютором иезуитов английской коллегии в Льеже, основание которой было частично профинансировано его семейством. Дата отъезда весьма примечательна: именно в это время из Англии уехали его племянницы, дочери виконта, также предназначавшиеся для монастырей (подробнее см. ниже).

¹³ *Guilday P. The English Catholic Refugees on the Continent 1558—1795. L., 1914. Vol. 1. P. 50.*

Выше уже отмечалось, что изначально негативное отношение виконта Монтегю к иезуитам значительно смягчилось в первые десятилетия XVII в., поэтому он и другие представители семьи, вероятно, согласились с желанием брата стать иезуитом. Однако Уильям Браун оказался от жизни миссионера, так и не став полноценным членом ордена (профессом). Он не стремился к рукоположению, избрав вместо этого роль коадьютора, на долю которых в иезуитской коллегии приходился физический труд. Согласно посланию, составленному в Льеже иезуитом Джорджем Дакеттом 22 сентября 1637 г., после смерти Уильяма Брауна, последний работал на кухне, моя посуду и убирая двор и служебные постройки¹⁴. Такой выбор вряд ли был обусловлен неспособностью Уильяма Брауна к более интеллектуальным занятиям: во время пребывания в коллегии он составил наставление в благочестивой жизни, основывавшееся на «Подражании Христа» Фомы Кемпийского (см. главу IV)¹⁵. Скорее, то было осознанное стремление к полному смирению, которого У. Браун предполагал достигнуть через физический труд. Подобная работа не соответствовала его статусу аристократа, поэтому родственники, особенно мать и сестры Уильяма, пришли в негодование, узнав, какую жизнь он ведет в Льеже, и сочли, что он пятнает честь семьи. Это, впрочем, не заставило Уильяма отказаться от жизни смирения, труда и молитвы¹⁶. По словам его исповедника, он проводил почти все время, не занятое работой и церковными службами, в постоянной внутренней молитве¹⁷, в полном соответствии с идеалом созерцательной жизни.

Таким образом, данный вариант монашеской жизни был возможен даже в иезуитских коллегиях, однако он оказывался не вполне привлекательным для мужчины-дворянина (а именно они составляли большинство в английских монашеских общинах на континенте).

§ 3. Женское монашество

Путь созерцательной жизни в английском католическом сообществе конца XVI—начала XVII в. предназначался, в основном, для женщин, причем женщин из состоятельных семей: содержание монашеских общин за границей ложилось на плечи их родственников, поскольку только что возникшие монастыри не располагали никакими источниками дохода, кроме тех средств, которые выплачивались родственниками или патронами монахинь, единовременно при принесении монашеского обета, или в качестве ежегодных выплат.

В данном разделе рассматриваются биографии монахинь из семьи Монтегю, их родственников и членов свиты. Исследование охватывает

¹⁴ Records of the English Province of the Society of Jesus. Vol. 2. P. 433—434

¹⁵ Ibid. P. 434—437.

¹⁶ Ibid. P. 434.

¹⁷ Ibid.

три поколения монахинь; младшее из них — это поколение правнучек первого виконта Монтегю, принесших обеты в 1640-е гг. Биографические сведения, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по базе данных *Who were the Nuns?* (Колледж Королевы Марии [Queen's Mary College] Лондонского университета, 2008 — 2013; руководители проекта — профессор Майкл Кестье и доктор Кэролайн Бауден)¹⁸.

За рассматриваемый период — 1600—1640-е гг. — 48 монахинь из семейства Монтегю и их родственницы присоединялись к 10 разным общинам. Наибольшее их число пришлось на монастыри бенедиктинок (см. таблицу 1) в Брюсселе, Камбре и Генте.

Обитель бенедиктинок [аббатство Славного Вознесения], основанная в Брюсселе в 1598 г., стала первой из новых, пост-реформационных английских монастырей¹⁹. Ее основательницей стала леди *Мэри Перси*, дочь графа Нортумберленда, казненного за участие в Северном восстании. По женской линии она приходилась двоюродной племянницей первому виконту Монтегю (ее матерью была кузина виконта, Энн Сомерсет). Первой аббатисой Брюссельской обители стала леди Джоан Беркли, до этого — монахиня старинного бенедиктинского монастыря Св. Петра в Реймсе (с 1581 г.). Аббатисой там была Рене де Гиз — тетка Марии Стюарт и представительница семейства, оказывавшего покровительство английским изгнанникам во Франции (в Реймсе и Руане).

Основательница монастыря в Брюсселе, Мэри Перси, сама стала монахиней своей обители в 1600 г., и в 1616 г. сменила Джоан Беркли на посту аббатисы. В первые десятилетия XVII в. монастырь в Брюсселе привлек немало представительниц католической аристократии, да и позднее бенедиктинские монастыри были самыми аристократическими заведениями для английских леди. К середине столетия в Нидерландах и Франции существовало 8 бенедиктинских обителей, на которые приходилась большая часть английских монахинь. Нас в данном случае интересуют лишь две из новых обителей. Одна из них — монастырь в Камбре — была основана в 1623 г. как дочерняя обитель Брюссельского аббатства на средства 9 патронов, главным из которых было семейство Моров.

Вторая обитель обязана своим возникновением кризису в Брюссельском монастыре в начале 1620-х гг., связанному с выбором духовника: Мэри Перси отказалась принять исповедника-иезуита, но не все монахини поддержали ее решение. Некоторые из них покинули монастырь вместе со своим наставником-иезуитом и основали новую обитель в Генте (Аббатство Непорочного Зачатия) в 1624 г.

На эти три обители приходится треть всех монахинь из числа родственниц Монтегю. Как уже отмечалось, первой из них стала Мэри Пер-

¹⁸ *Who were the Nuns? A Prosopographical Study of the English Convents in Exile 1600—1800.* <http://www.history.qmul.ac.uk/wwtn/index.html>

¹⁹ О монастыре см.: *Arblaster P. The Monastery of Our Lady of the Assumption in Brussels (1599—1794) // English Benedictine Congregation History Symposium. 1999. Vol. 25. P. 54—76.*

си (1570—1642), принеся свой монашеский обет в Брюсселе в тридцатилетнем возрасте. Тогда же — в 1600 г. — в монастырь вступили две сестры *Эренделл*, *Дороти* (1560—1613) и *Гертруда* (1571—1636). Они были дочерьми сэра Джона Эренделла из Ланхерна. С этим семейством Монтегю породнились благодаря браку внучки первого виконта, Мэри Ризли, с лордом Эренделлом из Уардура. В 1608 г. к общине присоединилась леди *Джейн Ловелл* (урожденная Роупер, 1564—1628), вдова сэра Роберта Ловелла. Она, впрочем, покинула Брюссельскую обитель уже в 1609 г. и впоследствии основала монастырь кармелиток в Антверпене. Однако ее дочь, *Фрэнсис Ловелл* (1597—1639) последовала за матерью именно в Брюссельский монастырь, где и принесла обеты в 1616 г.

В 1608 г. в Брюссельском монастыре принесла свой обет и *Мэри Гейдж* (1586—1614) — дальняя родственница Монтегю, дочь Эдварда Гейджа из Бентли. Ее родственницы — сестра *Барбара Гейдж* (1595—1654) и *Элизабет Гейдж* (1565—1641), дочь Роберта Гейджа из Хейлинга, джентльмена из свиты Монтегю, стали монахинями в Брюсселе в 1617 г. В 1615 г. в той же обители принесла обет *Элизабет Руквуд* (1582—1621) внучка сэра Уильяма Брауна из Элсинга, брата первого виконта Монтегю. Монахинями той же обители стали (1618 г.) *Мэри Роупер* (1598—1650), дочь Кристофера Роупера, барона Тейнэма, (1614 г.) *Джоан Мор* (ум. 1634 г.), дочь Эдварда Мора из Хаддона, и (1620 г.) *Мэри Винтур* (1605—1630), дочь сэра Эдварда Винтура и Энн Сомерсет (кузины второго виконта).

Мэри Роупер вошла в число монахинь, покинувших Брюссельскую обитель в 1624 г. в ходе конфликта из-за духовника и стала одной из основательниц бенедиктинского аббатства в Генте. В 1642 г. она стала настоятельницей этой обители. В 1627 г. к этой общине присоединилась ее младшая сестра *Маргарет Роупер* (1608—1641). В 1634 г. в Генте принесла свои обеты *Мэри Невилл* (1606—1689), племянница виконтессы Монтегю, дочь Генри Невилла, лорда Абергавенни, и Мэри Сэквил. Мэри Невилл оставалась в Генте до 1652 г., уже в качестве приорессы, а затем в числе сестер-основательниц отправилась в дочернюю общину — Булонь (1652—1658). В 1658 г. аббатство переехало из Булони в Понтуаз, но Мэри Невилл некоторое время находилась в другом дочернем монастыре Гентского аббатства, в Дюнкерке, прежде чем вернуться в Понтуаз. В 1667 г. она и была избрана там аббатисой и пребывала в этом качестве до 1687 г.

К Гентской общине присоединились и две правнучки первого виконта Монтегю (по женской линии) — *Маргарет Бедингфилд* (1624—1642), дочь Мэтью Бедингфилда и Хелен Лейкон в 1642 г., и ее младшая сестра *Мэри Бедингфилд* (1630—1685). Последняя в 1661 г. была переведена в Брюссель, где позднее стала приорессой.

Обитель бенедиктинок в Камбре, основанная в 1623 г. на средства Кресейкра Мора, стала, что неудивительно, «семейным» монастырем. Там в 1625 г. принесла свои обеты его дочь *Хелен Мор* (1606—1633, в монашестве — *Гертруда*), а в 1629 г. ее младшая сестра *Бриджет Мор* (1609—1692). Последняя в 1652 г. отправилась в дочернюю обитель, в

Париж и впоследствии стала там сублиприорессой. Кроме того, монахинями в обители Камбре были две их кузины — *Энн* (1600—1662, монахиня с 1625 г.) и *Грейс Мор* (1591—1656, монахиня с 1623 г.), сестры Джоан Мор из Брюссельской обители. Наконец, в Камбре в 1629 г. принесла свои обеты *Фрэнсис Браун* (1609—1631), внучка первого виконта Монтегю, дочь сэра Генри Брауна из Кидлингтона и Мэри Хангейт, и единственная бенедиктинка из всего семейства Браун.

Все остальные монахини из этой семьи — 11 из 12 — предпочли другие монашеские ордена. Их предпочтения определялись различными факторами, и одним из самых важных здесь оказывались семейные связи, а также традиции почитания святых. Как уже отмечалось выше, семейство Дормеров по женской линии было связано с бригеттинским монастырем в Сионе²⁰. Не случайно поэтому, что многие их родственницы избрали именно этот монастырь. Он, строго говоря, не был новой английской обителью, так как эмигрировавшая в 1559 г. община представляла собой связующее звено между до-реформационным английским монашеством и новой английской обителью, которая в 1594 г. обрела, наконец, постоянное пристанище в Лиссабоне. Впрочем, еще до завершения его странствий некоторые представительницы клана Монтегю предпочли вступить именно в общину английских бригеттинок, когда те пребывали в Руане. Такой выбор сделала *Сесили Эренделл* (ум. 1623 г.), младшая сестра уже упоминавшихся бенедиктинок Дороти и Гертруды Эренделл, а также *Энн Руквуд*, дочь Роберта Руквуда из Стеннингфилда (Саффолк) и его первой супруги Бриджет Кемпе. В 1604 г. к обители присоединилась *Мэри Барнс* (ум. 1625 г.), родственница Роберта Барнса — джентльмена из свиты виконта Монтегю.

Таким образом, связи между конвентом бригеттинок и свитой Монтегю были уже установлены к 1614 г., когда виконт Монтегю отправил в Лиссабон двух дочерей — *Энн* (в монашестве Бриджет, 1596?—1658) и *Люси Браун* (1597?—1653), которые и приняли монашеский обет в этой обители. Младшая дочь, Мэри, тогда же была отправлена в Сент-Омер, в школу Института Мэри Уорд (см. главу III). К этому времени обе старшие дочери виконта Монтегю были уже замужем, и он, таким образом, вполне мог решить таким образом избежать расходов, связанных с поиском подходящих женихов, свадьбами и приданым для остальных.

Кроме того, у виконта были и другие побудительные мотивы. Как уже отмечалось выше, в том же 1614 г. за границу — поначалу с целью

²⁰ Об английских бригеттинках см.: *Bainbridge V. The Bridgettines and Major Trends in Religious Devotion c.1400—1600: with reference to Syon Abbey, Mariatroun and Marienbaum // Birgittiana. 2005. Vol. 19. P. 225—240; Idem. Syon Abbey: Women and Learning c.1415—1600; Idem. Women and the Transmission of Religious Culture: Benefactresses of three Bridgettine Convents c1400—1600 // Birgittiana. 1997. Vol. 3. P. 55—76; Walker C. Continuity and Isolation: The Bridgettines of Syon in the Sixteenth and Seventeenth Centuries.*

предпринять паломничество в Лорето — отправился и младший брат виконта, Уильям Браун. И его, и его племянниц в Португалии сопровождала свита из слуг Монтегю, в задачу которых входило лоббировать назначение католического епископа в Англию перед испанской короной и правительницей Нидерландов, инфантой Изабеллой (подробнее см. часть I, главу IV). Таким образом, действие, казалось бы, продиктованное исключительно личным благочестием, было тесно связано с семейными интересами — финансовыми и политическими.

Немалое число дам из клана Монтегю оказалась связанными с Институтом Мэри Уорд. Среди сестер-основательниц Института, принесших обет в 1609 г., были *Сьюзен Руквуд* (1583—1624), дочь Эдварда Руквуда из Юстона и *Элизабет Браун*, внучка Уильяма Брауна из Элсинга и сестра бенедиктинки *Элизабет Руквуд*, и *Джейн Браун* (1581—1631), дочь сэра Джорджа Брауна и Мэри Тируит, кузина второго виконта Монтегю.

Обе они сыграли важную роль в становлении нового ордена. Сьюзен Руквуд оставалась в Сент-Омере и Льеже до 1618 г., когда ей пришлось сменить Энн Гейдж (см. ниже) в качестве главы небольшой общины в Лондоне; там она пять раз подвергалась аресту. Отозванная в 1621 г. из Англии, она сопровождала Мэри Уорд в Рим в качестве ее секретаря, а в 1623 г. была назначена главой только что основанного Института в Неаполе.

Джейн Браун также сопровождала Мэри Уорд и Сьюзен Руквуд в Рим, и в 1623 г. оказалась в общине в Неаполе в качестве *procuratrix*. В 1628 г. она была переведена в новый Институт ордена, открывшийся в Мюнхене.

Уже упомянутая *Энн Гейдж* (род. 1580 г.), дочь Эдварда Гейджа из Бентли — душеприказчика первого виконта, и сестра бенедиктинок Мэри и Барбары Гейдж, присоединилась к ордену в 1610 г., и в 1615—1618 гг. возглавляла лондонскую общину, а в 1618—1630 гг. — материнскую общину в Льеже. В 1610 г. к общине присоединилась и другая родственница Монтегю — *Джойс Вокс* (ум. 1667 г.), дочь Джорджа Вокса из Хэрроудена и Элизабет Роупер. Она вместе с Джейн Браун и Сюзанной Руквуд отправилась в Рим в 1623 г., а позднее помогала управлять общиной в Перудже (1624—1625 гг.). Их сопровождала *Элизабет Коттон* (ум. 1651 г.), дочь сэра Джорджа Коттона и Мэри Шелли, родственники которых служили в свите Монтегю. Она также помогала Мэри Уорд в качестве секретаря в 1623—1637 гг., а также работала в Перудже (1624 г.), Прессбурге (Братислава, 1628 г.), Мюнхене (1626—1632) и Риме (1632—1651).

Наконец, в 1615 г. к общине присоединилась младшая сестра Сюзанны *Дороти Руквуд* (ум. 1624 г.). Она также сопровождала основательницу ордена и сестру в Рим, где и скончалась.

Мэри Браун появилась в материнской общине ордена почти одновременно, но вскоре вернулась в Англию. Причиной тому могло быть недовольство капелланов Монтегю, оказывавших влияние на ее отца, тем обстоятельством, что сестры Института вели активный образ жиз-

ни по образцу иезуитов, как отмечает М. Кестье²¹. Однако вполне возможно и другое объяснение: Мэри Браун просто не проявила склонности к созерцательной монашеской жизни, и/или способностей к активной пастырской миссии «иезуитесс» Мэри Уорд и по прошествии испытательного срока, предписывавшегося каждой послушнице, вернулась домой и впоследствии вышла замуж.

Клан Монтегю был связан и с другими монастырями, в частности, с конвентами августинок. Англичанки еще в XVI в. уезжали в Лувен, в августинский конвент Св. Урсулы, приорессой которого в 1569—1606 гг. была англичанка Маргарет Клемент (дочь Маргарет Гиггс, приемной дочери Томаса Мора). Среди монахинь конвента Св. Урсулы были сестры Энн и Дороти Руквуд (сводные сестры бригеттинки Энн Руквуд), присоединившиеся к общине в 1595 и 1596 гг. соответственно. В 1609 г. возникла обитель английских августинок — конвент Св. Моники в Лувене²². Здесь в 1622 г. принесла свои обеты Мэри Пол (1582—1640) — внучатая племянница кардинала Пола, родственники которой служили в свите Монтегю. В 1629 г. она с группой монахинь перебралась в дочернюю обитель августинок в Брюгге и в 1635—1640 гг. была там приорессой.

В 1623 г. к общине Св. Моники присоединилась Мэри Лэмб (1598—1675) — дочь джентльмена из свиты виконта Монтегю, Ричарда Лэмба и сестра иезуита Энтони Лэмба (см. главу I).

Наконец, в 1648 г. к другой дочерней обители августинок, в Париже²³, в 1648 г. присоединились Уинифрид (1629—1695) и Элизабет Браун (1631—1691), правнучки первого виконта Монтегю (по линии его сына Джорджа).

Однако большая часть девушек из семьи Браун предпочла связать свою судьбу с монашескими орденами, так или иначе вдохновленными идеей апостольского служения Св. Франциска. Самым популярным был основанный в 1609 г. Мэри Уорд конвент клариссинок в Гравлине. Именно там в 1610 г. приняла постриг Сьюзен Гейдж (1592—1615), родственница Гейджей из Бентли. В 1613—1615 гг. она была аббатисой этого конвента. В 1619 г. монахиней здесь стала Магдален Браун (1603—1659), дочь сэра Генри Брауна и Энн Кейтсби, внучка первого виконта, а в 1621 г. — ее старшая сестра Энн Браун (1602—1665). Обе они впоследствии перебрались в дочерние обители ордена: Магдален — в Руан (1644—1659), а Энн — в Дюнкерк (1652—1665), где была избрана аббатисой. В 1622 г. в конвент в Гравлине вступила еще одна монахиня — Констанс Кафолд (1600—1664), кузина Мэри Пол и Мэри Лэмб, родители которой состояли на службе в свите Монтегю. Наконец, в 1655 г. в Руанском конvente клариссинок приняла постриг правнучка первого

²¹ Questier M.C. Catholicism and Community. P. 315.

²² Подробнее о возникновении монастыря см.: Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях. С. 124—131.

²³ О парижских августинках см.: Allison A.F. The English Augustinian Convent of Our Lady of Syon at Paris. P. 451—496.

виконта Монтегю Энн Браун (1638—1725), дочь сэра Питера Брауна из Кидлингтона.

В 1621 г. в Брюсселе был основан конвент английских францисканок, в 1637 г. переведенный в Ньюпорт. Монахиней этой обители в 1633 г. стала *Кэтрин Браун* — дочь Джона Брауна из Избурна, племянница второго виконта (род. 1613 г.), а в 1648 г. *Фрэнсис Браун* (1627—1660), правнучка первого виконта и старшая сестра парижских августинок Унифрид и Элизабет Браун.

Наконец, небольшая группа монахинь из клана Монтегю предпочла вступить в основанный Джейн Роупер в 1669 г. конвент кармелиток в Антверпене. В 1640г. в общину вступили внучки первого виконта, сводные сестры *Хелен Милдмей* (1620—1676) и *Энн Бедингфилд* (1623—1658, сестра бенедиктинок Мэри и Маргарет Бедингфилд). В 1643 г. к ним присоединилась *Энн Сомерсет* (1613—1651), дочь маркиза Вустера.

Таблица 1.

Распределение монахинь по орденам

Монастырь	1600— 1609	1610— 1619	1620— 1629	1630— 1639	1640—1649 и позже	Общее число
Бенедиктинки, Брюссель 1598	6	5	1			12 (25%)
Бенедиктинки, Камбре 1623			5			5 (10,4%)
Бенедиктинки, Гент 1624			1	1	2	4 (8,3%)
Бригеттинки, Лиссабон 1594	2	2				4 (8,3%)
Институт Мэри Уорд 1609	2	4				6 (12,5%)
Кармелитки, Ант- верпен 1619					3	3 (6,25%)
Клариссинки, Гравлин/Руан 1609/1644		2	2		3	7 (14,5%)
Францисканки, Ньюпорт и Брюс- сель 1621				1	1	2 (4,1%)
Августинки, Лу- вен и Париж 1609/1638			2		2	4 (8,3%)
	10	13	11	2	11	

Большая часть монахинь из числа родственниц Монтегю (43,7 %) выбирали бенедиктинские монастыри, которые соответствовали высокому статусу их семей. Соответственно, и вклад («приданое»), которое выплачивали их семьи, было довольно значительным. К сожалению, не

сохранились данные по всем монастырям, однако старейшее и самое престижное аббатство в Брюсселе дает возможность представить себе размер вкладов. Обычным была выплата в 4000—5000 флоринов (все расчеты велись в местной монете). Так, по 4000 флоринов внесли семьи Элизабет Руквуд (1615 г.) и Барбары Гейдж (1617 г.), по 5000 — семьи Мэри Перси, Дороти и Гертруды Эренделл (1600 г.), Фрэнсис Ловелл (1616 г.). Вклад Мэри Роупер (1618 г.) изначально должен был составлять 10000 флоринов, но всего было выплачено 5000 и еще 1500 флоринов. Порой семьи оказывались не в состоянии выплачивать такие суммы, особенно если с монастырь отправлялось несколько дочерей. Так, сестра Барбары Гейдж Мэри в 1608 г. получила только 1100 флоринов, а их родственница Элизабет Гейдж в 1617 г. — 2000 флоринов и еще 100 флоринов годового дохода.

Такие расходы были по карману далеко не всем католическим семействам; кроме того, стиль жизни бенедиктинских аббатств также привлекал отнюдь не всех будущих монахинь. 33,1% монахинь из рассматриваемой группы вступило в один из нищенствующих орденов, причем больше половины из них (18,6% от общего числа) приходилась на орден, связанные с традицией Св. Франциска — клариссинок и францисканок. Данное обстоятельство связано с целым рядом причин: во-первых, вклады в эти конвенты были меньше, и семьи монахинь, ответственное, несли меньше расходов. Во-вторых, важным фактором было почитание Св. Франциска среди английских католиков. И, наконец, эти конвенты пользовались особым покровительством правительницы Нидерландов инфанты Изабеллы (см. ниже).

Бригеттинки, казалось бы, должны были привлечь большее число монахинь, хотя бы потому, что в начале XVI в. в Англии их община была патрицианской по своему составу. Но в XVII в. ситуация изменилась: немногочисленная община состояла из монахинь более скромного происхождения, в основном из числа джентри. Дочери виконта Монтегю должны были сильно выделяться на этом фоне. Относительная непривлекательность бригеттинок (8,3% от общего числа) объяснялась и географическим фактором — лиссабонский монастырь был слишком удален от Англии, в отличие от конвентов, расположенных в Нидерландах и Северной Франции.

И, наконец, часть монахинь (12,5%) предпочитала вести более активную жизнь. «Английские сестры» (Институт Мэри Уорд) не принимали правила затвора, постоянно путешествовали, основывая по всей Европе школы для девочек по образцу иезуитских школы, и в идеале стремились к проповеди католического учения и обращению протестантов. Они выбирали не созерцательное монашество, но активное миссионерство — подобно мужчинам, и были за это наказаны: в 1632 г. орден был расформирован.

Если сопоставить эти данные с данными по самой семье Браун и по членам свиты Монтегю (см. таблицу 2), по можно отметить очевидные семейные предпочтения. За одним исключением (Фрэнсис Браун, 1629 г.), здесь не было бенедиктинок. Если в первые десятиле-

тия XVIIв. девушки из семьи виконтов Монтегю выбирали либо обители, связанные с семейными традициями, коренившимися еще в до-реформационном прошлом (бригеттинки), либо активную миссионерскую деятельность (Институт Мэри Уорд), то начиная с 1610-х гг. центр тяжести сместился в сторону нищенствующих орденов: клариссинок, францисканок и августинок. Это обстоятельство явно связано как с относительной «дешевизной» вкладов в конвентах этих орденов, так и с новыми традициями благочестия — особым почитанием Св. Франциска членами семьи Монтегю (подробнее — в следующей главе).

Таблица 2.

Монахини из семьи Браун

Монастырь	1600—1609	1610—1619	1620—1629	1630—1639	1640—1649 и позже	Общее количество
Бенедиктинки, Камбре 1623			1			1
Бригеттинки, Лиссабон 1594	2	2				4
Институт Мэри Уорд 1609	2					2
Клариссинки, Гравлин, Руан 1609/1644		2	2		1	5
Францисканки, Ньюпорт и Брюссель 1621				1	1	2
Августинки, Лувен и Париж 1609/1638			2		2	4
	4	4	5	1	4	

Выбор того или иного монастыря обычно определялся семейными связями. Как явствует из приведенных выше биографических данных, во многих случаях сестры и кузины оказывались монахинями одной обители (как, например, дамы из семейства Мор), порой даже принимая постриг одновременно. Тем не менее, «семейственность» не исключала и возможности личного выбора. Так, младшие сестры францисканки Фрэнсис Браун, Унифрид и Элизабет, приняли постриг в конvente августинок в Париже, из трех сестер Эренделл две стали бенедиктинками, а одна предпочла бригеттинский монастырь в Лиссабоне, а сестры Гейдж также разделились — старшая стала одной из «иезуитесс» Мэри Уорд, а две младшие приняли обет в бенедиктинском аббатстве в Брюсселе.

Отъезд в монастырь сам по себе еще не означал обязательность пострига. Девушки из знатных семей получали там католическое образование и приобщались к монашескому образу жизни. Но большая их

часть все же возвращалась домой, чтобы выйти замуж, как это сделала Мэри Браун в 1616 г. Даже принесение обета не обязательно удерживало монахиню в обители. Так, Хелен Гейдж, дочь Джона Гейджа из Хейлинга и Маргарет Копли, — родственница джентльменов из свиты Монтегю, в 1624 г. принесла обет во францисканском монастыре в Брюсселе, но уже спустя несколько месяцев вернулась в Англию, так как жизнь в монашеской общине оказалась не по ней.

Таблица 3.

Возраст монахинь на момент принесения обетов (если известен)

Возраст/дата	1600— 1609	1610— 1619	1620— 1629	1630— 1639	1640—1649 и позже	Всего
16—20 лет		7	3	1	7	18
21—30 лет	4	3	3	1	2	13
31—40 лет и больше	3	1	2			6

В первое десятилетие возрождения английского женского монашества на континенте все монахини из рассматриваемой группы были зрелыми, или, по крайней мере, совершеннолетними женщинами. Как правило, они уже давно приняли решение отказаться от брака и вести жизнь религиозного созерцания. Основание английских монастырей за границей дало им возможность вести настоящую монашескую жизнь, не скрываясь. Так, например, Дороти Эренделл еще в начале 1590-х гг. принесла обет целомудрия и обещала принять постриг в обители бригеттинок²⁴, хотя обстоятельства сложились иначе — она в 1600 г. стала монахиней в бенедиктинском аббатстве в Брюсселе, а бригеттинкой стала ее младшая сестра.

Особым случаем был Институт Мэри Уорд. Поскольку основной его задачей было преподавание, а школы открывались по всей Европе, орден вряд ли мог принять слишком молодых членов — ведь им не хватало бы как образования, так и житейского опыта. Поэтому средний возраст «английских сестер» составлял 24—29 лет.

Однако начиная со второго десятилетия XVII в. возраст монахинь, принимавших обет, изменился. В этот период и позднее монахини принимали обет в возрасте 16—23 лет. Многие из этих девушек руководствовались искренним религиозным чувством; часть из них получила образование в монастырях. Тем не менее, представляется немаловажным тот момент, что все они находились в «брачном» возрасте и, уходя в монастырь, таким образом, отказывались от брака. Решение принести обет, как правило, диктовалось комбинацией религиозных и прагматических соображений. Так, чаще всего в монастыре оказывались дети эмигрантов, лишившихся своего имущества во имя веры или короля (в

²⁴ *Challoner R. Memoirs of Missionary Priests. Manchester, 1803. Vol. 1. P. 169.*

1640-е гг.). Так, дальняя родственница Монтегю (по линии Дормеров), леди Грейс Бабторп (1563—1635) и ее супруг, сэр Ральф (1561—1618) эмигрировали в 1613 г. в Лувен. Их наследник, сэр Уильям Бабторп, в конце концов, потерял свои владения из-за невыплаченных штрафов за recusancy, и в 1638 г. стал офицером Английского полка на испанской службе. Из трех его братьев один (Роберт) стал бенедиктинцем, а два других (Ральф и Томас) — иезуитами. Их сестра Барбара Бабторп принесла обет в Брюссельском монастыре бенедиктинок в 1608 г., но вскоре покинула обитель, стал в 1609 г. одной из первых «английских сестер» Мэри Уорд. Впоследствии она сменила последнюю на посту главы ордена. Сама леди Бабторп после смерти мужа принесла монашеский обет в обители августинок в Лувене вместе со своей внучкой Фрэнсис.

А Энн Браун, дочь сэра Питера Брауна из Кидлингтона, была отправлена за границу после того, как ее отец — офицер-роялист — погиб в сражении при Нейсби в 1645 г. Она получила образование среди родственниц, в монастыре клариссинок в Гравлине, и позднее, в 1655 г., стала там монахиней. Имущество ее семьи было конфисковано, и возвращаться домой ей было просто некуда.

Но семьи эмигрантов, рискнувших всем ради веры, явно были более ревностными католиками, чем многие их собратья в Англии. Соответственно, стремление к монашеской жизни диктовалось и религиозным чувством, а не было исключительно результатом стесненных обстоятельств.

Впрочем, большая часть девушек из рассматриваемой группы не относились к числу эмигрантов. Мотивы, определявшие их решение, также были многослойными. Помимо искреннего религиозного чувства, наличие которого вряд ли можно отрицать, их семьи и они сами руководствовались практическими соображениями. Даже большой вклад в монастырь был меньше, чем приданое, которое подобало дочери титулованного аристократа, так что оправляя одну или нескольких дочерей в монастырь, католические семьи экономили средства.

Для самих девушек монастырь оказывался альтернативой браку, в который далеко не все горели желанием вступить — как из-за строгого религиозного воспитания, так и из-за страха перед родами, смертность от которых оставалась очень высокой. И, наконец, женские монашеские общины давали женщинам возможность реализации своих амбиций, властных и/или интеллектуальных в сотрудничестве с мужчинами, но и в относительной независимости от них. Многие монахини из клана Монтегю проявляли свои управленческие способности в жизни монашеских общин. Выше уже шла речь об активной деятельности «английских сестер», служение которых предполагало, помимо преподавания, постоянное общение с патронами-мужчинами и женщинами из числа европейских аристократов, городского патрициата и прелатов.

Кроме них, ответственные должности в общинах, соблюдавших правило затвора, занимали и другие. Барбара Гейдж была в 1650 г. сестрой-привратницей (ответственной за безопасность монастыря) у бе-

недиктинок в Брюсселе. Бриджет Мор была наставницей послушниц в парижском монастыре бенедиктинок, а позднее стала там приорессой (1652—1655) и субприорессой (1665—1692). Мэри Роупер в Гентском монастыре была келарем, потом — смотрительницей церковной утвари, наставницей послушник, приорессой, и наконец, аббатисой в 1642—1650 гг. Ее преемницей на посту наставницы послушниц стала младшая сестра, Маргарет Роупер. Мэри Бедингфилд была приорессой бенедиктинок в 1661—1685 гг. Энн Браун в 1652—1665 гг. была аббатисой клариссинок в Дюнкерке, а ее сестра Магдален отвечала за раздачу милостыни и заведовала больницей в конvente в Гравлине, а потом стала привратницей в Руане. Их кузина Мэри Невилл была наставницей послушниц, *procuratrix* (управляющей имуществом обители) и приорессой бенедиктинского монастыря в Генте, а потом стала аббатисой монастыря в Понтуазе (1667—1687). Мэри Пол была в 1635—1640 гг. приорессой августинок в Брюгге, и наконец, Мэри Перси в 1616—1642 гг. была аббатисой брюссельских бенедиктинок.

Проявление талантов монахинь не ограничивались монастырскими стенами, ведь несмотря на правило затвора, обители были связаны множеством нитей с окружающим миром — как с патронами и собратьями-эмигрантами на континенте, так и с единоверцами на родине. Само возникновение и существование монастырей за границей требовало постоянного взаимодействия с патронами из числа представителей местных элит — знати и высокопоставленных клириков, а также англичан-эмигрантов с хорошими связями.

Самыми щедрыми и влиятельными покровителями английских конventов были правители Нидерландов эрцгерцог Альберт и инфанта Изабелла (1598—1633). Оба они поддерживали политику реформирования католической церкви в своих владениях и оказывали помощь католикам из протестантских стран Северной Европы — Англии, Шотландии, Ирландии и Северных провинций Нидерландов. Инфанта финансировала основание многих английских конventов, включая даже Институт Мэри Уорд, дарила им богослужебную утварь, побуждала придворных делать пожертвования, порой вмешивалась в дела управления обителями и регулярно их посещала. Одной из любимых ее обителей был бенедиктинский монастырь в Брюсселе. Инфанта оказывала финансовую помощь монахиням, вступавшим в орден, регулярно посещала монастырь и общалась с сестрами²⁵.

Исповедник инфанты, Андрес де Сото, управлял провинцией английских францисканцев, и именно под его руководством в Брюсселе возник английский конvent францисканок — в 1621 г., когда после смерти мужа сама инфанта решила принести обет терциария этого

²⁵ *Arblaster P.* The Infanta and the English Benedictine Nuns: Mary Percy's Memories in 1634 // *RH.* 1997. Vol. 23. P. 508—527; *Idem.* The Archdukes and the Northern Counter-Reformation // *Albert and Isabella, 1598—1621: Essays* / Ed. by W. Thomas and L. Duerloo. Turnhout, 1998. P. 87—92.

ордена. Конвент был посвящен Св. Елизавете, покровительнице инфанты²⁶.

«Хроника» августинского конвента Св. Моники показывает, как монахини обретали высокое покровительство. Когда в 1606—1609 гг. монахини-англичанки конвента Св. Урсулы в Лувене добивались основания отдельного английского конвента, сестры задействовали своих влиятельных родственников. Маргарет Клемент заручилась поддержкой племянника, Сезара Клемента, генерального vicария армии Испанских Нидерландов и настоятеля собора Св. Гудулы в Брюсселе, который фактически представлял общину в ее переговорах с церковными властями всех уровней²⁷. При этом монахини представляли собой связующее звено между влиятельными патронами в Нидерландах и английскими аристократами-католиками. Так, жизнь общины поддерживали своими вкладами леди Элинор Бруксби (урожденная Вокс), леди Петер (Кэтрин Сомерсет) и графиня Эрндел (Энн Дейкр)²⁸.

В свою очередь, монахини, имея не прямой доступ к брюссельскому двору, могли оказывать помощь своим родственникам и единоверцам в случае необходимости. Не чуждались они и политической деятельности, хотя она по большей части пришлась на конец 1640-х—1650-е гг., когда английский королевский двор в изгнании проживал во Франции и Голландии²⁹. Данные события находятся за рамками нашего исследования.

Хотя и находясь за пределами Англии, монахини играли важную роль в жизни католического сообщества. Как уже отмечалось выше (в главе III), в английских конвентах существовали школы для девочек-мирянок и послушниц, не все из которых становились впоследствии монахинями. Таким образом, они готовили новое поколение жен и матерей-католичек. В образовательной деятельности непосредственно участвовали монахини из рассматриваемой здесь группы (Бриджет Мор, Мэри и Маргарет Роупер, Мэри Невилл).

Монастыри, кроме того, оказывали гостеприимство своим соотечественникам. Они предоставляли убежище дамам-католичкам — вдовам, желавшим приобщиться к монашеской жизни (например, Грейс Бабторп), или женщинам, желавшим временного уединения в молитве. Таким образом, они приобщали их к пост-Тридентскому монашескому благочестию, тем самым способствуя распространению его норм в Англии. Наконец, монастыри оказывали гостеприимство эмигрантам (особенно в период Гражданской войны, вытолкнувшей многих католи-

²⁶ *van Wyhe C. Court and Convent: the Infanta Isabella and her Franciscan Confessor Andres de Soto // Sixteenth-Century Journal. 2004. Vol. 35. P. 420—423.*

²⁷ *Chronica of the Convent of St Monica / Ed. by A. Hamilton. Edinburgh, 1904. Vol. I. P. 66.*

²⁸ *Ibid. P. 78*

²⁹ *Bowden C. The Abbess and Mrs Brown: Lady Mary Knatchbull. P. 288—308; Walker C. Loyal and Dutifull Subjects. P. 228—242; Idem. Prayer, Patronage, and Political Conspiracy. P. 1—23.*

ков из страны) и путешественникам. Среди последних были как католики, зачастую родственники монахинь, так и протестанты. В данном случае монахини пытались (порой успешно) обратить своих гостей в католичество, беря на себя роль миссионеров (хотя такие ситуации в основном относятся ко второй половине XVII в. и потому не будут здесь рассмотрены подробно)³⁰.

Наконец, монахини воздействовали на своих единоверцев и другими способами. Английские конвенты на континенте служили образцами благочестивой жизни для католических семей, а сами монахини активно помогали распространению новых форм благочестия. Примером здесь могут служить братства розария, о которых уже шла речь выше (в главе IV). Такие братства существовали во многих конвентах — например, в бенедиктинских монастырях в Камбре и Генте, в конvente Св. Моники и др. Монахини воспитывали учениц своих школ в соответствующем духе, а также поощряли создание братств розария в Англии, порой даже посылая своим родственникам четки³¹.

Новые формы благочестия пропагандировались и в письменной форме. И здесь роль монахинь была велика. Они были патронессами, порой заказывавшими переводы наставительных сочинений, а порой получавших посвященные им труды в дар. При этом аудитория таких сочинений не ограничивалась стенами монастырей, хотя бы потому, что сами монахини распространяли эти тексты среди друзей и родственников³².

Обычно подобные опубликованные переводы посвящались главам монашеских общин — аббатисам клариссинок из Гравлина Маргарет (1582/5—1654) и Элизабет Рэдклиф, и Элизабет Тилдсли (1586—1654), приорессе дочерней обители в Сент-Омере Мэри Гоф, настоятельнице обители Св. Моники в Лувене Дороти Клемент; аббатисам бригеттинского монастыря Сион, Кэтрин Палмер и Барбаре Уайзмен (ум. 1649 г.); аббатисам английских бенедиктинок в Брюсселе Джоан Беркли (1555—1616) и Мэри Перси (1570—1642), и настоятельницам английских аббатств в Камбре и Генте леди Фрэнсис Гауэн (ум. 1629 г.) и Люси Натчулл (1584—1629), а также леди Ловелл соответственно³³.

Однако многие монахини сами были авторами и переводчиками. В последнем случае переводы благочестивых сочинений, как правило, издавались, так как они предназначались для католиков-мирян в Англии. Таким переводчиком была аббатиса Мэри Перси. Ею был переведен в 1612 г. сборник сочинений итальянской визионерки Изабеллы Кристины Беллинзаги. Этот перевод обрел большую популярность и выдержал 4 переиздания (1625, 1628 и 1632 гг. [дважды])³⁴.

³⁰ Walker C. *Priests, Nuns, Presses and Prayers*. P. 144—146.

³¹ *Ibid.* P. 151.

³² Rowlands M. *Harbourers and Housekeepers*. P. 201—202.

³³ Серегина А.Ю. Переводы католической литературы. С. 39—40.

³⁴ Там же. С. 37.

Писателями и переводчиками были и сестры Мор в бенедиктинских обителях Парижа и Камбре. Гертруда Мор была автором трактата о божественной любви (*Confessio Amantis*), а также и других наставительных сочинений, известных в рукописных фрагментах. Они послужили основой сочинений ее исповедника, отца Серена Кресси, посвященных ей самой и ее благочестивым практикам. Отец Кресси издал также *Confessio Amantis* (Париж, 1658 г.), посвятив текст сестре автора Бриджет Мор. Наконец, Грейс Мор (Камбре) перевела трактат о божественной любви французской августинки Жанны де Камбре.

Мэри Перси также составляла благочестивые наставления (*Innocenry Justified and Insolence repressed*), оставшиеся в рукописи.

Монахини распространяли также сочинения средневековых английских мистиков, в частности, «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской. Текст «Откровения» был известен в рукописях, средневековых и копиях XVII в., изготовленных либо монахинями, либо их родственницами в Англии. Первое печатное издание «Откровения» появилось в 1670 г.; оно было сделано монахом-бенедиктинцем Сереном Кресси, капелланом монастыря английских бенедиктинок в Париже. Аудитория рукописей была более ограниченной по сравнению с печатными изданиями, однако существуют свидетельства, подтверждающие факт циркуляции рукописей между родственницами — монахинями разных монастырей (и орденов) и мирянами в Англии. Так, «Хроника» конвента Св. Моники свидетельствует о знакомстве ее составительницы с «Откровением» до 1660 г., т.е. задолго до издания этого сочинения. Однако глава парижского аббатства, Бриджет Мор — одна из потомков Томаса Мора — была связана узами родства с монахинями Св. Моники (прежде всего, с Маргарет Клемент), так что вполне возможно предположить, что монахини из Лувена могли получать рукописи от своих родственниц и знакомых из Парижа³⁵. А рукопись наставлений Мэри Перси нашла свой путь в Англию (сейчас она хранится в Британской библиотеке в Лондоне).

Наконец, монахини были и историографами, авторами отдельных биографических сочинений и хроник. Так, Дороти Эренделл составила Житие мученика, отца Корнелиуса — священника, пользовавшегося покровительством многих ее родственников, включая членов семьи Монтегю (см. главу I). А Мэри Невилл стала автором «Анналов пяти общин английских бенедиктинок», повествовавшим о первых годах существования воссозданных бенедиктинских монастырей за границей.

Женские монастырские хроники трудно отнести к одному жанру, поскольку эти произведения были эклектичными, соединяя в себе несколько жанров. В них переплетались биографии (*sisterbooks*), религиозные наставления, повествования о чудесах (например, обретении мощей), *memoria*, истории института (монашеской общины), с вкраплениями текстов документов, и др.

³⁵ Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях. С. 133—134.

«Анналы» Мэри Невилл в большей степени представляли собой историю собственно монашеской общины в Нидерландах, поскольку регистр монахинь в бенедиктинских обителях велся отдельно. Однако в последнем всегда предоставлялись сведения о семьях монахинь (с разной степенью подробности), обозначая тем самым связь монашеской общины с единоверцами на родине. А «Хроника» конвента Св. Моники предоставляет гораздо больше места рассказу о родственниках и друзьях монахинь (не обязательно патронах монастыря), словно бы встраивая их историю в историю английского католического сообщества. Таким образом, «Хроника» является и *memoria*, но не по отношению только к общине и патронам, но и ко всем английским католикам, а конвент Св. Моники — хранителем памяти обо всех единоверцах на родине.

Подчеркивание связи монастыря с Англией было принципиально важным для авторов «Хроники». В конце концов, основной функцией текста было формирование идентичности конвента, который и возникло как английская обитель (в противопоставлении фламандской). Обстоятельства его возникновения, а также тот факт, что община была вынуждена существовать за границей, в иноязычной среде, делала связи с английской католической общиной жизненно важными. Были они важны и для престижа самой обители у единоверцев на родине. Ведь конвент Св. Моники, а также и другие обители, где составлялись хроники или анналы, т.е. все английские монастыри — были не только духовными центрами английского католического сообщества, но и хранили память о нем³⁶.

Английские монастыри за границей — прежде всего женские — выполняли в рамках английского католического сообщества важную посредническую роль. Они представляли собой живую нить, соединявшую английское католичество с его средневековым прошлым и традициями, и одновременно являли собой поле, на котором традиции сталкивались и соединялись с новыми фирмами и практиками пост-Тридентского благочестия. Монахи и монахини распространяли эти синтетические формы благочестия среди своих родственников в Англии. Таким образом, они являлись связующим звеном между европейскими католиками — клириками и мирянами, английскими эмигрантами и миссионерами и мирянами-католиками дома. Их посредничество не ограничивалось религиозной сферой, но включало в себя и лоббирование в сфере конфессиональной политики (вспомним, например, участие дочерей виконта Монтегю в продвижении проекта восстановления в Англии католического епископата), и политики национальной (с конца 1640-х гг.), а также и покровительство англичанам-католикам со стороны их собратьев за границей.

³⁶ Об историописании и монастырях как хранилищах исторической памяти см.: Bowden C. Books and Reading at Syon Abbey, Lisbon in the Seventeenth Century; *Idem*. The English Convents in Exile and Questions of National Identity, 1600—1688; Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях...

Монахини из числа родственниц Монтегю и дам их свиты участвовали в этой деятельности наравне с мужчинами, несмотря на правило затвора, навязанное женским обителям каноном Тридентского собора. Но в силу последнего обстоятельства их участие принимало специфические формы и, как правило, проявлялось через сферу семьи — через общение, обмен книгами, рукописями и предметами культа с родственниками и, прежде всего, женщинами. А учитывая уже отмеченную важную роль женщин в религиозном образовании мирян-католиков, можно констатировать, что многие формы пост-Тридентского благочестия достигали Англии и распространялись в окружении католических вельмож, в частности, Монтегю, через женщин (монахинь и мирянок) и благодаря их наставлениям. Подобная деятельность не только не ограничивалась, но, напротив, поощрялась руководством Английской миссии. Мужчины-клирики здесь работали в тесном сотрудничестве с женщинами.

Адаптация традиционной религиозности в культуре английских католиков

Изучение «народной» или традиционной религиозности, как предпочитают ее именовать историки в последние десятилетия, давно уже стали признанным исследовательским полем в области социальной истории религии вообще и религиозной истории раннего Нового времени в частности. Многочисленные труды посвящены различным аспектам изменения традиционной религиозной культуры под воздействием протестантских Реформаций различного толка и Католической реформы¹.

Применительно к Англии трансформация традиционной религиозной культуры чаще всего рассматривалась как постепенный переход от средневековой католической культуры к некоей условно протестантской культуре/культурам. Католическая культура пост-реформационного периода выпадала из этой картины, так как она рассматривалась как сугубо элитарная, принадлежавшая исключительно католическому дворянству и, соответственно, противостоявшая традиционной религиозной культуре.

¹ О традиционной религиозной культуре и Католической Реформе см. библиографию в примечаниях в начале части III. Литература, посвященная воздействию протестантской Реформации на традиционную культуру в различных европейских странах, огромна. О Реформации и традиционной религиозности в Англии см.: *Thomas K. Religion and the Decline of Magic*. L., 1971; *Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525—1700*. L., 1979; *Collinson P. The Religion of Protestants*. Oxford, 1982; *Scarisbrick J. The Reformation and the English People*. L., 1984; *The English Reformation Revised* / Ed. by C. Haigh. L., 1987; *Parish, Church and People: Local Studies in Lay Religion, 1350—1750* / Ed. by S.J. Wright. L., 1988; *Whiting R. The Blind Devotion of the People*. Cambridge, 1989; *Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550—1640*. Cambridge, 1991; *Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400—1580*. New Haven; L., 1992; *Kümin B. The Late Medieval English Parish, 1400—1560*. Cambridge, 1992; *Hutton R. The Rise and Fall of Merry England*. Oxford, 1994; *Ingram M. From Reformation to Toleration: Popular Religious Cultures in England, 1540—1690* // *Popular Culture in England, c.1500—1850* / Ed. by T. Harris. Basingstoke, 1995; *Cressy D. Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion and the Life-Circle in Tudor and Stuart England*. Oxford, 1997; *Marsh C. Popular Religion in Sixteenth-Century England*. Basingstoke, 1998; *Jones N. The English Reformation: Religion and Cultural Adaptation*. Oxford, 2002; *Haigh C. The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England*. Oxford, 2007.

Лишь в последнее десятилетие усилиями нескольких историков, прежде всего, А. Уолшем, соотношение традиционного и пост-Тридентского компонентов в религиозной культуре английских католиков конца XVI—XVII вв. стало предметом анализа, и здесь еще остается немало неисследованных сюжетов. Серьезные затруднения возникают и в силу особенностей источников: практически все сведения о религиозной культуре и благочестивых практиках католиков этого периода исходят от миссионеров и их патронов, поэтому в них все упоминания о «народных» традициях благочестия так или иначе отредактированы.

Данная глава предлагает версию ответа на вопрос: каким образом элементы традиционной религиозной культуры соединялись с элементами Католической реформы? Существовали ли они на разных уровнях, взаимодействовали или представляли возможности адаптации для новых идей и понятий? В главе, сфокусированной на жизни семейства Монтегю и его свиты, рассмотрены элементы чудесного в религиозной культуре: почитание святых, распространении новых культов и сохранении старых, формы почитания — поклонения мощам и святым реликвиям, обретение мощей «новых» святых и связанные с ними чудеса, паломничества и их функции в религиозной культуре, истории о «чудесном избавлении», божественном и дьявольском вмешательстве в обыденную жизнь (истории одержимости и вредоносного колдовства).

§ 1. Почитание святых

Почитание святых было традиционной формой проявления религиозных чувств, одобренной католической церковью после Тридентского собора, хотя при этом лидеры Католической реформы стремились к устранению эксцессов почитания и настаивали на проведении четкой грани между допустимым почитанием и суеверным поклонением святым, граничившим с языческими культами и подлежащими искоренению. В XVII столетии отнюдь не только протестантские страны оказались свидетельницами кампаний против фальшивых реликвий, поддельных чудес и т.п.

В 1980-е гг. историки отмечали, что канонизированные в эпоху Католической реформы святые представляли собой скорее, героические фигуры, нежели чудотворцев-целителей, что отражало желание клириков-реформаторов представить их, прежде всего, в качестве примеров для подражания — крайних, идеальных моделей следования Христу. В этом же духе перетолковывались и уже существовавшие культы популярных святых. Вместе с тем, большинство католиков продолжало воспринимать святых как целителей и чудотворцев, и к концу XVIII в. официальной церкви пришлось с этим смириться².

² *Burke P. How to Be a Counter-Reformation Saint // Idem. The Historical Anthropology of Early Modern Italy. Cambridge, 1987. P. 48—62; Po-Chia-Hsia R. The World of Catholic Renewal, 1540—1770. Cambridge, 1998. Ch. 8. P. 122—137.*

Позднейшие исследования, однако, заставили отказаться от упрощенного противопоставления реформированных святых «героев» чудотворцам «народной религии». В работах, посвященных Католической реформе XVII—XVIII вв. и, в частности, сельским проповедническим миссиям во Франции, Италии и Германии, показано, как традиционные культы святых чудотворцев не только не отвергались католиками-реформаторами, но, напротив, инкорпорировались в их проповедь и конфессиональную пропаганду³.

«Традиционные» культы святых-чудотворцев, однако, не просто использовались реформаторами из-за прагматических соображений. И миссионеры, и местная светская элита разделяли верования «простых» католиков, таким образом, речь идет не о противостоянии «двух культур», а о некоем сплаве, различные элементы которого задействовались в разных ситуациях. Анализ культов святых, разделявшихся семьей и свитой Монтегю, позволяет понять, каким образом эти элементы соединялись и актуализировались.

Семья Монтегю и культ Св. Франциска

Особое почитание Св. Франциска стало отличительной чертой семейного благочестия Монтегю с начала XVI в. Стоит отметить, что хотя Св. Франциск был одним из самых популярных святых европейского Средневековья и был весьма почитаем в Англии, отнюдь не все англичане имели подобную семейную традицию. Так, например, племянница виконтессы Монтегю, графиня Эрендел, особо почитала свою патронессу, Св. Анну, Иоанна Крестителя, и Св. Луцию⁴, а Дороти Лаусон — Св. Михаила и Св. Антония⁵.

Возникновение традиции особого почитания Св. Франциска в семье Монтегю можно датировать достаточно точно. Ведь несмотря на почитание святого в Англии, его имя не так часто давалось детям. Оно не входило в число самых популярных имен, и очень редко встречалось в семьях титулованной знати в XV в. Ситуация, однако, изменилась в 1510—1520-х гг.: во многих придворных семьях появились мальчики, носившие имя этого святого. Примечательно, что все эти семьи были так или иначе связаны с двором королевы Екатерины Арагонской, прославившейся почитанием Св. Франциска и даже носившей под платьем рясу францисканцев-терциариев. Так, имя Фрэнсис получил сын леди Маргарет Брайан (1468—1552) — фрейлины королевы и первой

³ Soergel P.M. *Wondrous in His Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria*. Berkeley, 1993; Forster M.R. *Catholic Revival in the Age of the Baroque: Religious Identity in Southwest Germany, 1550—1750*. Cambridge, 2001; Chatellier L. *The Religion of the Poor: Rural Missions in Europe and the Formation of Modern Catholicism, c.1500—c.1800*. Cambridge, 1997; *Idem*. *The Europe of the Devout: the Catholic Reformation and the Formation of a New Society*. Cambridge, 1989.

⁴ *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel*. P. 300.

⁵ *Life of Mrs. Dorothy Lawson*. P. 30.

губернантки принцессы Марии, а также граф Хантингдон — сын Энн Хастингс (урожденной Стаффорд), граф Бедфорд — сын Энн Рассел (Сапкот), в свите которой воспитывалась Магдален Дейкр (будущая виконтесса Монтегю), сэр Фрэнсис Сомерсет — сын Элизабет Браун, графини Вустер, тетки первого виконта, Фрэнсис Блаунт, сын лорда Маунтджоя — управляющего двора королевы, и многие другие. В части I уже шла речь о том, что сэр Энтони Браун и его сводный брат, сэр Уильям Фицуильям, были блики к кругу королевы Екатерины Арагонской. Поэтому вполне возможно влияние этого круга и на благочестие семьи Монтегю. Видимо, именно этим влиянием объясняется выбор имени Фрэнсис для младшего сына сэра Энтони. Ведь все остальные имена вполне традиционные и относятся к числу семейных. Имя же Фрэнсис в роду не встречалось до 1520-х гг.

Традиция почитания Св. Франциска не исчезла и позднее; ее подхватили младшие поколения семьи. Как уже отмечалось в предыдущей главе, большая часть монахинь из семьи Браун выбрала обители клариссинок или францисканок-терциариев, связанных с традицией Св. Франциска. А второй виконт даже изменил семейную традицию, согласно которой наследник титула носил имя Энтони, назвав своего долгожданного сына Фрэнсис.

Традиция почитания Св. Франциска в семье Монтегю имела и интеллектуальное измерение: в начале XVII в. второй виконт Монтегю перевел с латыни и издал для просвещения своих единоверцев Житие Св. Франциска. Первое издание перевода было выполнено в типографии Лоренса Келлема в Дуэ в 1610 г.⁶ В нем по неизвестным причинам было опущено предисловие переводчика. Оно появилось во втором издании перевода, выпущенном там же в 1635 г. Мартином Богардом⁷.

Перевод отчетливо демонстрирует изменения, произошедшие со вполне традиционным культом под влиянием Католической реформы. Показателен уже выбор текста для перевода: существует несколько житий Св. Франциска, но виконт Монтегю предпочел переводить не самое первое житие, составленное Фомой Челанским, к которому восходят все рассказы о посмертных чудесах святого, но *Legenda Major* Св. Бонавентуры, которая выстроена в соответствии с идеей восхождения души святого к Богу.

В предисловии к изданию виконт Монтегю проявляет свое представление о святости Франциска. Для него она является идеальным примером подражания Христу на том пути, по которому должны следовать и все остальные верующие. По мнению виконта, святость Франциска выражалась в его совершенном подчинении, крайнем смирении, об-

⁶ The Life of the Most Holy Father S. Francis. Doway, 1610.

⁷ The Life of the Most Holy Father S. Francis. Doway, 1635. Второе издание имело, помимо составленного виконтом Монтегю посвящения всем англичанам-католикам, новое посвящение леди Уинифрид Инглфилд (жене его племянника, сэра Фрэнсиса Инглфилда).

ращении жизни к Богу и благочестивом почитании Богородицы⁸. Св. Франциск «полностью подчинил в себе беспорядочные привязанности к тварному миру и определил окончательной целью всей своей любви и привязанности единственный объект — Бога, Творца всего сущего. Таким способом он в пределах своего бедного и глупого тела достиг благородного триумфа над самыми опасными и распространенными врагами: миром, плотью и дьяволом. Он заслужил и обрел в этой жизни, чудесным божественным изволением почет и награду в виде точного подобия победоносных царских ран, которые всемогущий Искупитель наш и Спаситель Иисус получил во время страшного Крестного мучения, чтобы спасти и избавить нас от вечного рабства и гибели».⁹

Таким образом, почитание Св. Франциска, по сути, оказывается формой почитания ран Христовых, т.е. христологическим культом. Св. Франциск при этом оказывается идеальным примером подражания Христа и одновременно покровителем, помогающим христианам следовать этим путем. Виконт обращает к своим соотечественникам следующие слова:

«Под его [Св. Франциска — А.С.] благословенным покровительством мы можем в своей жизни настолько уподобиться его святой жизни, что воспламенные искрами его ревностной добродетели, которая горела в нем, что в конце концов через него станем соучастниками бесценной награды, которой он бесконечно наслаждается в благословенной Троице в царстве небесном»¹⁰.

Таким образом, Св. Франциск почитается здесь не просто как заступник и помощник в земной жизни, но как путь к Христу. В данном случае мы имеем дело с примером пост-Тридентского истолкования жизни популярного святого, воспринятого мирянами и транслируемого ими в своей среде.

Другие культы, практиковавшиеся в доме Монтегю, также христоцентричны. Так, послание папы Убрана VIII второму виконту (от 17 апреля

⁸ The Life of the Most Holy Father S. Francis. Doway, 1635. The Epistle Dedicatory (unpaginated).

⁹ “who utterly subduing in himself all disordinate affection to creatures; and setting the whole scope and finall end of his love and affection, upon the only obiect thereof, God, the Creator & maker of all things, and having by that meanes, in his poore and silly body, atcheived a most noble, & triumphant victorie, over our most dangerous and common enemies: the world, the flesh, and the divell, hath merited and obtayned to be marveilously by God, in this very life, honoured and adorned with the exact and lively resemblance of those victorious triumphant and most royall wounds, wherby our almighty redeemer, and most B. Saviour Iesus, hath mercifully vouchsafed in his most bitter passion, to ransom and redeeme us, from endlesse thraldome and perdition” // Ibid.

¹⁰ “wee may, under his Blessed Patronage, so farre imitate in this life, his holy conversation, that being set on fire with the sperkles of tha zeale of vertue, wherewith he was wholly inflamed, we may finally be by him brought to be partakers of those inestimable rewards which he in present fruituon of the most Blessed Trinity iniioeth in the kingdom of heaven everlastingly” // Ibid.

1625 г.) упоминает построенную им в Каудрее капеллу, «посвященную Святому таинству [евхаристии; т.е. Телу Христову — А.С.] и Благословенной деве Марии [Непорочному Зачатию Девы Марии — А.С.]»¹¹.

Последний культ был генетически связан с орденом францисканцев, и таким образом органично сочетается с семейной традицией почитания Св. Франциска, о которой уже шла речь. Капелла Монтегю, посвященная Непорочному зачатию Девы Марии, стала первой в Англии с таким посвящением¹². Культ Непорочного Зачатия, указывая на чистоту Марии, подчеркивал ее духовное родство с Иисусом, а не физическое материнство, и единство воли и любви¹³. Таким образом, даже и почитание Марии оказывалось здесь христоцентричным, вполне в духе пост-Тридентского католицизма.

В таком же духе был истолкован в конце XVI в. культ Богоматери Лоретской¹⁴, который также был не чужд свите Монтегю: ведь именно в Лорето собирался отправиться с паломничеством брат второго виконта, будущий иезуит Уильям Браун (см. предыдущую главу).

Традиционная религиозность: мощи и реликвии

Приоритеты пост-Тридентской религиозной культуры, таким образом, явно разделялись католиками из свиты Монтегю. Это, впрочем, совершенно не подразумевает исчезновения элементов традиционной культуры чудес и святых-заступников. Их присутствие подтверждается, в частности, рассказом о чуде, вставленном в биографию леди Монтегю ее капелланом Ричардом Смитом.

«Когда в капелле этого дома, некогда принадлежавшего каноникам-августинцам [Монтегю-хаус в Саутворке — А.С.], начали копать в том месте, где раньше стоял алтарь, или около него, обнаружили свинцовый гроб, а в нем — тело монаха, завернутое в ткань и туго затянутое веревками. Оно было похоронено много лет назад, но когда его нашли, оно было подвижным и по цвету напоминало живого человека. Леди Магдален, как она сама мне рассказывала, засунула пальцы ему в рот и немного потянула язык — розовый и сухой, а другой человек сделал надрез в теле: оно казалось нормальным и сохранившим жир, без всяких следов бальзама или других

¹¹ Records of the English Province of the Society of Jesus. Vol. VI. P. 537.

¹² Johnson T. The Development of the Doctrine of Mary's Immaculate Conception // Mary: the Complete Resource / Ed. by S.J. Boss. L., 2007. P. 207—237.

¹³ Johnson T. The Development of the Doctrine of Mary's Immaculate Conception; Boss S.J. Empress and Handmaid: On Nature and Gender in the Cult of Virgin Mary. L.; N.Y., 2000. P. 140—146; Ellington D.S. From Sacred Body to Angelic Soul: Understanding Mary in Late Medieval and Early Modern Europe. Washington, 2001.

¹⁴ Johnson T. Magistrates, Madonnas and Miracles: the Counter-Reformation in the Upper Palatinate. Farnham, 2009. P. 239—240.

субстанций, которые могли бы предохранить тело от тления. Многие достойные доверия свидетели этого события еще живы»¹⁵.

Автор биографии рассказывает историю об обнаружении нетленного тела предположительно святого монаха в качестве подтверждения твердой веры и исключительного благочестия своей патронессы. Но значит ли это, что сама виконтесса и ее свита восприняли это событие именно таким образом? Обнаружение нетленного тела святого, хотя бы местночтимого, под алтарем капеллы обозначало непрерывную связь с до-реформационным прошлым и словно подтверждало право мирян Монтегю обладать тем, что когда-то принадлежало монахам. Некий неизвестный святой вполне мог восприниматься и как посланный Богом заступник.

Кроме того, слова рассказа свидетельствуют о «телесном» восприятии чуда виконтессой и ее окружением и отчетливо демонстрируют вкус к странному, поразительному, и одновременно зрелищному/«дивному», свойственному, скорее позднесредневековым повествованиям о чудесах святых¹⁶. Здесь этот вкус разделяют как миряне, так и рассказчик-клирик.

Подобные мощи, происходившие из разоренных монастырей, их перемещение и связанные с ними культы практически невозможно было контролировать как в силу их многочисленности, так и из-за неистребимой привязанности к ним католиков-мирян. Миссионеры использовали их в своей деятельности, как *exempla* в обращенных к католикам проповедях. Об этом свидетельствует и биография леди Монтегю: в конце концов, она и возникла из проповеди. Тем не менее, использование в данном случае не подразумевает излишней критичности со стороны духовенства. Смит явно рассказывал историю о чуде, веру в которое он разделял.

Преследование священников-миссионеров и иезуитов породило в Англии множество мощей «новых мучеников», почитавшихся святыми сразу после смерти (хотя официально их канонизировали только в XX в.). Возник настоящий рынок мощей, почитавшихся целительными и укреплявшими в вере. Они, как правило, были «вторичными», т.е. представляли собой предметы, принадлежавшие казненным священникам, или же капли их крови, сохраненные на различных поверхностях. Самые известные чудеса были связаны с мощами отца

¹⁵ "When in the chappell of this house (which sometime appertayned to the Canons Regular) some persons did dig in the place where the High Altar had formerly stood, under the same altar, or neere therunto they found a leaden coffin, & within it the body of a Religious man lapped in linnen, and bound hard with cords, there buried many yeares before, so found, flexible and of so lively a colour, as it seemed alive. The La. Magdalen, as her selfe told me, putting her fingers into his mouth, did a little pulled out his tongue, which was fleshly red and dry; & another with a knife cut a flash in the flesh, which within seemed very sound and fatty, no signe appearing either of Balme or any other thing that could conserve that body from corruption. And of this matter many eyewitnesses worthy of credit are yet living" // *Smith R. Life of Lady Montague. P. 28.*

¹⁶ *Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 170—171.*

Гарнета — иезуита, казненного в 1606 г. По сообщениям католиков, его отсеченная голова, выставленная на всеобщее обозрение на Лондонском мосту, демонстрировала отсутствие признаков разложения.

А на соломинке, на которую попала капля крови Гарнета во время самой казни, чудесным образом проявилось изображение его лица. Эта «соломинка отца Гарнета» была принесена с места казни охотником за реликвиями Джоном Уилкинсоном и впоследствии передана им католичке миссис Гриффин, хранившей ее в реликварии. Считалось, что соломинка обладала целительными свойствами: она помогала женщинам разрешиться от родов и излечивала болезни. Уже в 1607 г. история о соломинке циркулировала в Брюсселе. Вскоре на континенте были отпечатаны изображения чудотворной соломинки, контрабандой ввозившиеся в Англию¹⁷.

Мощи в более привычном смысле, т.е. тела или части тел казненных мучеников за веру также существовали, но охота за ними была сопряжена с большими трудностями. Правительство стремилось по возможности лишить католиков возможности получить доступ к телам казненных. Их, как правило, закапывали в общих могилах вместе с другими преступниками, причем тела казненных священников старались закапывать в самом нижнем слое, затрудняя доступ к ним, а у могил выставляли караул. Тем не менее, католики устраивали настоящие ночные рейды, раскапывая общие могилы и извлекая оттуда тела казненных. Подобные операции были делом рискованным, и на них отваживались лишь те, кто мог рассчитывать на покровительство влиятельных лиц при дворе, или иностранных послов.

Одним из организаторов тайных поисков тел мучеников была жившая в Лондоне в начале XVII в. испанка Луиса де Карвахаль-и-Мендоса. Принадлежность к одной из знатнейших семей Испании, родственные и дружеские связи с испанскими и нидерландскими аристократами и иезуитами в Испании и Англии обеспечили ей необходимое покровительство и контакты, нужные для проведения ее незаконных действий. В своих посланиях Луиса описывала подобные экспедиции. Так, 30 мая 1612 г. собранная ею группа друзей и слуг (в основном, из испанского посольства) извлекла из общей могилы тела священников Уильяма Скотта и Ричарда Ньюпорта — тех самых, на казни которых утром того дня присутствовал виконт Монтегю (см. главу I). Операция была рискованной, хотя бы потому, что в это время года темнело поздно, и рано рассветало, так что у заговорщиков оставалось всего несколько часов на то, чтобы выполнить работу.

Выкопанные тела священников были завернуты в предоставленные Луисой де Карвахаль льняные простыни и доставлены в условленное место в седельных мешках (тела были расчленены при казни), а оттуда в карете — в дом Луисы. Там их встречала процессия клириков и мирян, мужчин и женщин, торжественно доставивших тела в капеллу и укрывших их дорогими покрывалами и цветами. Впоследствии тела казненных бальзамировались (в течение нескольких месяцев), а затем

¹⁷ McClain L. Lest We Be Damned. P. 155—156.

по частям вывозились из Англии на континент, как правило, при помощи сотрудников испанского посольства¹⁸.

Луиса де Карвахаль была самой известной, но отнюдь не единственной «охотницей за мощами». Виконт Монтегю также в ней участвовал: в том же 1612 г., в декабре, отряд джентльменов и слуг, посланный им в Тайберн, чтобы доставить тело священника Джона Олмонда, столкнулся с другой группой католиков, посланных Луисой, и дело дошло до выстрелов. Впрочем, победоносные противники виконта не склонны были слишком сильно жаловаться: по словам Луисы де Карвахаль, причиной инцидента стала «ярость, происходившая от слишком большого почитания мученика»¹⁹.

Вполне возможно, что виконт Монтегю организовал извлечение останков и других казненных католиков, тем более, что он также располагал хорошими связями в Испании и Нидерландах, однако других сообщений об этом пока не обнаружено.

Тем не менее, уже и из этого эпизода явствует стремление к обретению мощей. «Интеллектуального» почитания — переводов книг и даже молитв оказывалось недостаточно. Семье Монтегю, особенно в непростой для нее период 1610-х гг., в обстановке возобновившихся преследований, нужен был осязаемый заступник, телесное присутствие которого (в виде мощей) защитило бы ее членов от бед и болезней.

Паломничества

Другой традиционной формой почитания святых оставались паломничества. Хотя поток паломников из Англии существенно сократился после начала Реформации, он все же не иссяк совсем, несмотря на запреты правительства. Английские католики продолжали посещать Рим, где к концу XVI в. уже сформировалась устойчивая «программа» для паломников, которую регулировали преподаватели и студенты Английской коллегии. Вместе с ними английские паломники посещали четыре великие базилики — Св. Петра, и Св. Павла за стеной (Сан-Паоло фуори ле мура), Св. Иоанна в Латеране и Санта-Мария Маджоре — а также базилики Св. Креста в Иерусалиме (Санта-Кроче ин Джерусалемме), Св. Лаврентия за стеной (Сан-Лоренцо фуори ле мура) и Св. Себастиана за стеной (Сан-Себастьяно фуори ле мура), т.е. семь паломнических церквей. Помимо этого, соотечественники-миссионеры сопровождали англичан в базилику Св. Панкратия и в располагавшиеся за ней катакомбы, и в базилику Св. Приски²⁰.

¹⁸ О Луисе де Карвахаль и ее деятельности в Англии см.: *Серегина А.Ю.* Защитник веры и уличный проповедник: Луиса де Карвахаль в Лондоне начала XVII в. // *Одиссей* 2013. М., 2014. С. 57—89.

¹⁹ *de Carvajal y Mendoza L.* Epistolario y Poesias. Madrid, 1965. P. 388—389. Цит. по: *Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal. Oxford, 2008. P. 210.

²⁰ *Munday A.* The English Romayne Lyfe. L., 1582. P. 41—65.

Популярными у англичан местами паломничества, кроме того, являлись дом Богородицы в Лорето (см. выше), могила св. Клары из Монтефалько — визионерки и настоятельницы августинского конвента Св. Креста в этом городе, Турин, где хранилась плащаница, могила Св. Якова в Сантьяго де Компостела, аббатство Сен-Дени под Парижем, церкви Пуатье²¹.

Путешествие в Святую Землю было более сложным предприятием, требовавшим как значительных средств, так и удачи: военные действия между Венецией и Османской империей, а также эпидемии могли долго отложить отправку галер с паломниками. Тем не менее, паломничества все же совершались, и, как и прежде, возвращавшиеся паломники везли свечи, елей, распятия и т.п. от Гроба Господня. Такую свечу держала в руке находившаяся на смертном одре графиня Эрндел, некогда получившая ее в подарок от джентльмена, совершившего это путешествие в начале XVII в.²²

Для большинства английских католиков подобные паломничества оказывались недоступными, так как они не могли позволить себе заграничный вояж. Традиционные же места паломничества в Англии стали объектом иконоборческой политики протестантов еще в 1530-х гг. Это, впрочем, не означало конца паломничества. На протяжении XVI и XVII вв. католики продолжали стекаться к местам, где некогда находились святыни, хотя церкви и алтари там были разрушены, а порой полностью разобраны, а мощи вывезены или уничтожены. Тем не менее, люди продолжали молиться у руин церквей, а если их не было — рядом с заметными точками местного пейзажа (источниками, островами, скалами или валунами и т.п.), которые невозможно было уничтожить вместе с монастырями²³.

Католики севера Англии продолжали совершать паломничества на Святой остров Линдисфарн²⁴, а также на холм, где до роспуска монастырей находился картузианский монастырь Маунт-Грейс (Ист-Харсли, Северный Йоркшир)²⁵, молились у источника Богородицы рядом с разрушенной часовней в Фернихэле (Ланкашир)²⁶. А жители Западной Англии и Уэльса отправлялись в паломничества к холму Тор в Гластонбери²⁷, а также к многочисленным капеллам, возведенным рядом со святыми источниками, к горе Св. Михаила в Абергавенни и др.²⁸ Подобного же рода паломничества к руинам монастырей и расположенным

²¹ Ibid. P. 68—72.

²² Life of Anne Dacres, Countess of Arundel. P. 257.

²³ Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England. P. 113—114. О воздействии Реформации на пейзаж см.: *Idem*. The Reformation of Landscape: Religion, Identity and Memory in Early Modern Britain and Ireland. Oxford, 2011.

²⁴ Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England. P. 113.

²⁵ Storey A.J. Mount Grace Lady Chapel: an Historical Enquiry. Beverley, 2001.

²⁶ Blundell F.O. Old Catholic Lancashire. L., 1925. Vol. I. Appendix I. P. 169—172.

²⁷ Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England. P.113.

²⁸ Lewis M.R. The Pilgrimage to St. Michael's Mount: Catholic Community in Wales // The Journal of Welsh Ecclesiastical History. 1991. Vol. 8. P. 51—54.

рядом почитаемым местам (источникам и т.п.) наблюдались повсюду на Британских островах — в Шотландии (особенно в Хайленде)²⁹, Ирландии (Чистилище Св. Патрика, Лох-Дерг³⁰ и др.), а также и в Нидерландах, где католики также подвергались преследованию³¹.

Одним из самых популярных, и хорошо исследованных, мест паломничества был Источник Св. Унифриды (*Holywell*) во Флинтшире (Северный Уэльс). Целительный источник, бивший на том месте, где по легенде была обезглавлена Св. Унифрида (VII в.) был местом паломничества на протяжении всего Средневековья, а в конце XV в., благодаря покровительству первых Тюдоров приобрел особую популярность и статус династической святыни, указывавшей на связь правителей страны со своими британскими корнями³².

В эпоху Реформации капелла рядом с источником не была полностью разрушена, и в ней до начала XVII в. сохранялись статуи Богородицы и Св. Унифриды, а в 1612 г. там еще оставались нетронутыми виражи с изображениями сцен из жития святой. Паломничества к источнику продолжались на протяжении XVI—XVIII вв., привлекая католиков из разных частей страны и разных социальных групп, в том числе и аристократов. Самой знаменитой группой паломников стали будущие организаторы Порохового заговора, побывавшие у источника летом 1605 г. Среди них были и родственники Монтегю — Кейтсби и Руквуды. Для удобства паломников-джентльменов в 1640 г. местный землевладелец Джордж Петер (брат лорда Роберта Петера, зятя второго виконта Монтегю) построил в городе дом для размещения паломников³³.

В течение долгого времени историки были склонны рассматривать традицию паломничества к Источнику Св. Унифриды как признак глубоко укоренившихся в Уэльсе языческих суеверий, которые оказались неспособными победить ни протестанты, ни миссионеры-католики³⁴. Однако исследования последних лет, посвященные паломничествам в католической Европе раннего Нового времени, а также работы А. Уолшем убедительно показывают, что миссионеры-католики успешно

²⁹ Sanderson M.B. Catholic Recusancy in Scotland in the Sixteenth Century // Innes Review. 1959. Vol. 10. P. 87—107

³⁰ Cunnigham B., Gillespie R. The Lough Derg Pilgrimage in the Age of the Counter Reformation // Éire-Ireland. 2004. Vol. 39. P. 167—179.

³¹ Frijhoff W. The Holy Shrine of Hasselt: Forms, Values and Functions of a Revived Pilgromage // Idem. Embodied Belief: Ten Essays on Religious Culture in Dutch History. Hilversum, 2002. P. 235—273.

³² Webb D. Pilgrimage in Medieval England. L., 2000. P. 198.

³³ Walsham A. Holywell: Conesting Sacred Space in early Modern Wales // Sacred Space in Early Modern Europe. P. 227—230.

³⁴ Williams G. Renewal and Reformation Wales, c.1415—1642. Oxford, 1993. Ch. 13, oco6. P. 313; Bradshaw B. The English Reformation and Identity Formation in Wales and Ireland // British Consciousness and Identity: the Making of Britain, 1533—1707 / Ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 1998. P. 100—110; Mullett M. Catholics in Britain and Ireland, 1558—1829. Basingstoke, 1998. P. 29, 97.

адаптировали местные традиции почитания святых и паломничеств к святым местам, организуя их и используя как возможность проповедовать перед сельским населением. Паломничества, таким образом, не только не противостояли пост-Тридентской религиозной культуре, но стали способом трансляции ее ценностей. Более того, в странах, где разные конфессии сосуществовали друг с другом — например, в Германии — паломничества стали символом обновленного католицизма³⁵.

Но если в других странах Европы возрождение паломничеств происходило во второй половине XVII, а то и в XVIII вв., в Англии оно пришлось на рубеж XVI—XVII вв. Рядом с местами паломничеств существовали «базы» миссионеров, проповедовавших для паломников. В Холиуэлле, например, такую роль выполнял Гринфилд-Эбби, манор католиков Мостинов. Священники составляли рассказы о чудесах исцеления, которые в данном случае служили также и подтверждению истинности католического учения (в полемике с протестантами), публиковали их и распространяли среди католиков, тем самым поощряя дальнейшие паломничества. Таким образом, английский миссионерский опыт предшествовал развертыванию сельских миссий в странах католической Европы³⁶.

Источник Св. Унифриды славился на всю страну, но центры локальных паломничеств существовали и во многих других районах Англии. Один из них, до сих пор не привлекавший внимание исследователей, был связан с семьей Монтегю. В 1596 г. недовольный протестант сообщал в Лондон, что Ричард Грей, капеллан виконтессы Монтегю устраивал неподалеку от ее резиденции в Бэттле паломничества:

«Недавно он обнаружил в Бэттл-Парке святой источник, к которому стекаются многие, особенно женщины, как в паломничество, и называют его источником доктора Грея. Я слышал, что в одно воскресенье, во время вечерни там собралось более 20 человек»³⁷.

Неясно, существовала ли в Бэттле какая-то местная традиция почитания святого источника. Вполне вероятно, что паломничества к источнику в Бэттл-парке были призваны заместить собой ставшие невозможными паломничества в само аббатство Бэттл. Как мы видим, и здесь была налицо «миссионерская база», капелланы, работавшие под покровительством Монтегю в их доме и по соседству. А само паломничество представляло собой, прежде всего, возможность проповедовать католикам-простолюдинам. Паломничества в Бэттл-парке также имели «исторический» аспект. Они воссоздавали традицию паломничеств

³⁵ *Soergel P.M. Wondrous in His Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria. Ch. 6. P. 159—216; Forster M.R. Catholic Revival in the Age of the Baroque: Religious Identity in South-West Germany, 1550—1750. Ch. 2. P. 65—105; Johnson T. Magistrates, Madonnas and Miracles. Ch. 10. P. 271—290.*

³⁶ *Walsham A. Holywell: Contesting Sacred Space in Early Modern Wales. P. 229—232.*

³⁷ “of late he hath found an holy wel in Battle Parke, whither many, especially women, resort, like a young pilgrimage; called it D. Grayes wel. I have heard yt ther hath bene above a score together there at evening prayer time on a Sunday” // BL, Lansdowne MS 82. F. 103.

в аббатство Бэтл, возникшее в 1070 г. по приказу папы Александра II, призвавшего Вильгельма Завоевателя к покаянию за многочисленные убийства, совершенные при покорении Англии. Таким образом, аббатство Бэтл самим своим существованием свидетельствовало о подчинении английских монархов власти Рима.

Паломничества в Англии, таким образом, были не только проявлением традиционной религиозности, но способом распространения приоритетов реформированного католичества, и конфессиональным символом. Помимо этого, места паломничеств, как правило, связанные с историей христианства на Британских островах, помогали конструировать историю католического сообщества, корнями уходившего в раннехристианскую традицию и, соответственно, являвшегося носителем истинной веры³⁸.

Наряду со старыми местами паломничеств возникали новые. Большая часть их была связана с новыми мучениками — священниками и иезуитами. Местами паломничеств быстро стали места казней, например, Тайберн неподалеку от Лондона. К началу XVII в. католики перед казнью священников украшали виселицу гирляндами цветов и усыпали землю под ней охапками душистых трав (на них оставалась кровь мучеников, поэтому потом их тщательно собирали). К месту казни совершали паломничества — тайные или явные, как королева Генриетта-Мария, которая в 1626 г. преклонила там колени, к ярости лондонских протестантов. Видом таких паломничеств можно считать и присутствие католиков на казни, как это сделал второй виконт Монтегю в мае 1612 г. Поскольку рисковавшие жизнью миссионеры почитались своей паствой как живые святые, неудивительно, что связанные с их жизнью места также становились местом паломничеств — например, тюрьмы, или тайники, в которых священники укрывались от ареста³⁹.

Наконец, местом импровизированных паломничеств становились дома католиков. Иезуит Роберт Саутуэлл советовал мирянам посвящать святым или эпизодам из жизни Христа и Богородицы отдельные помещения в доме и вокруг него — например, в саду. Таким образом, простое перемещение по дому, сопровождаемое молитвой и медитациями, превращалось в паломничество, которое в данном случае рассматривалось как способ приближения верующего к Христу⁴⁰.

Этому совету следовали и родственники Монтегю. Так, Дороти Ласон посвятила свой дом Св. Михаилу и Св. Антонию, а на фронтоне приказала поместить аббревиатуру «IHS» — знак Святого имени. Оно должно было указывать морякам-католикам (дом находился на мор-

³⁸ Об истории христианства в Британии и формировании конфессиональных идентичностей см.: Серегина А.Ю. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная/конфессиональная идентичность в XVI—начале XVII веков С. 389—411.

³⁹ *Walsham A. Catholic Ritual Life in Protestant England. P. 116—117.*

⁴⁰ *Ibid. P. 117; Southwell R. Short Rule of Good Life. L., 1596.*

ском берегу), что поместье принадлежит католикам, т.е. являлось свидетельством веры и одновременно обозначением места паломничества. Кроме того, оно было призвано защищать обитателей дома, т.е. творить чудеса⁴¹.

§ 2. Чудеса в религиозной культуре английских католиков.

Сакральные места, связанные с паломничествами, и мощи святых свидетельствовали чудеса исцеления и защиты верующих от болезней и прочих бед, прежде всего, тех, что могли быть вызваны их конфессиональной принадлежностью. Совершались чудеса и благодаря прямому божественному вмешательству. Однако истории о чудесах дошли до нас только в рассказах, составленных священниками-миссионерами, и в этих историях чудеса имеют определенные функции, определенные полемическими целями. Такое использование историй о чудесах было свойственно и католической, и протестантской культуре того времени, когда чудеса и предзнаменования истолковывались как знаки, подтверждавшие истинность той или иной веры⁴². Оно чаще всего проявлялось в проповедях и/или в наставительных сочинениях, обращенных мирянам. В биографии леди Монтегю, соединявшей оба эти жанра, присутствует целая глава (13) посвященная «восхитительному Провидению Бога о леди Магдален»⁴³.

Чудеса, о которых идет речь в сочинении Ричарда Смита, распадается на несколько групп. Во-первых, это чудо исцеления, связанное с явленным леди Магдален видением. Последние воспринимались церковными властями с подозрением, тем более, если речь шла о женщине, да еще и о мирянке, поэтому автор осторожно назвал его «сном».

«Будучи замужней женщиной, она впала в глубокую и постоянную печаль и душевную болезнь из-за бедствий ее семьи, вызванных тем (как она сама говорила), на кого она возлагала надежды на избавление от этой напасти. Ее меланхолия не поддавалась искусству врачей, и советам и утешениям ее друзей, и Господь всемогущий, в конце концов, сжалился над своей служанкой и решил исцелить ее другим способом. Во сне (как она мне рассказывала) ей было открыто, что ей нужно сделать, чтобы освободиться от своей душевной скорби. Когда она это сделала (то было весьма благочестивое деяние), то немедленно излечилась от душевной скорби, ко-

⁴¹ *Life of Mrs Dorothy Lawson*, 31.

⁴² О роли чудес и чудесного в католической и протестантской культуре Англии и Нидерландов см.: *Frijhoff W. The Function of the Miracle in a Catholic Minority: the United Provinces in the Seventeenth Century // Idem. Embodied Belief: Ten Essays on Religious Culture in Dutch History. P. 111—136; Walsham A. Providence in Early Modern England. Oxford, 2001.*

⁴³ “of the admirable Providence of God, towards the La. Magdalen” // *Smith R. Life of Lady Montague. P. 34.*

торая не поддавалась никакому человеческому искусству, медицине или увещанию»⁴⁴.

Данное чудо исцеления, одновременно укреплявшее ее в вере, и устранявшее сомнения, было типичной пост-Тридентской интерпретацией знакомого мотива.

Другие чудеса были связаны с защитой от преследований протестантов. В одних говорится о предотвращенной беде: в 1606 г. священники — капелланы виконтессы, жившие в ее лондонской резиденции, и в Бэттле, избежали ареста. В первом случае священника чудесным образом, благодаря вмешательству божественного Провидения, не заметил выставленный у дверей ее дома стражник, а во втором — врагу семьи Монтегю, протестанту Николасу Коббу не удалось ни нанять лошадь, чтобы пуститься в погоню за священником, ни уговорить других⁴⁵. Яркий пример местной солидарности в устах Ричарда Смита превратился в свидетельство божественного покровительства носителям истинной веры.

Другие чудеса свидетельствуют о каре, постигшей «еретиков», преследовавших семью Монтегю. Так, мировой судья-протестант, сэр Томас Мей был позорным образом арестован за долги и лишился своего звания, а с ним и возможности нанести Монтегю ущерб. Николас Кобб, о котором уже шла речь, пострадал от рук собственной жены, воткнувшей нож ему в живот. Но самая худшая участь ожидала некоего Бенета — того самого, что стоя на коленях у ворот дома Монтегю в Бэттле, молится об аресте виконтессы и ее родственников. Он покончил с собой, утопившись в реке, и как самоубийца, был похоронен на перекрестке, «как собака»⁴⁶. Все эти случаи приводятся Ричардом Смитом как свидетельства божественной защиты, даруемой «верным». Более того, он истолковывал эти чудеса, а также и послание Тайного Совета генеральному атторнею от 19 апреля 1607 г., в котором виконтессу запрещалось преследовать за непосещение приходской церкви, как знак того, что следование практики *recusancy* не только не так уж опасно, как считают многие католики, но влечет за собой прямое божественное покровительство и защиту от гонений. Таким образом, повествование о чуде использовалось в целях пропаганды определенного поведения членов католического сообщества.

⁴⁴ “Whiles she was a married woman she fell into an extreme, and continuall grieffe & affliction of mind, upon the ruine of her family procured (as she sometimes sayd) by him in whome she placed the hope of best reliefe theorf; which melancholy affliction being such as exceeded the art of all phisitians, and the counsale and comfort of her best friends, almighty God at length compassionating his servant vouchsafed to cure her by another meanes. For in a dreame (as she particularly related to me) it was clearly and manifestly demonstrated unto her, what she should do to be freed of her inward grieffe. Which when she had perfoemed (it being a very pious action) she was instantly cured of all that affliction of mind, which no humane art, medicine, or counsaile could prevail in” // Ibid.

⁴⁵ Ibid. P. 37—38.

⁴⁶ Ibid. P. 36.

Наконец, еще одна история о чуде утверждала особый статус виконтессы Монтегю, дом которой отмечен особым благочестием и, как следствие — благодатью Божией, а также и устанавливала его связь с католическим прошлым Бэттла — бенедиктинской обители, используя при этом мотив, типичный для средневековой агиографии.

«К стене был прислонен большой кусок мрамора, который в католические времена служил в качестве алтаря для богослужений. Одна женщина, из любопытства пожелав взглянуть на ту сторону камня, что прилежала к стене, потянула его на себя, и он повалился на нее. И хотя камень был таким большим и тяжелым, что восемь мужчин при помощи рычагов едва перемещали его с одного места на другое, а между ним и женщиной не было ничего, что могло бы спасти ее. Однако когда камень подняли, оказалось, что женщине не нанесено никакого вреда, словно на нее упала перина, а не огромный камень. После этого камень по приказу леди Магдален был перенесен в капеллу, снова освящен для богослужений и вернулся к своей прежней жизни»⁴⁷.

В тексте биографии чудесные истории использовались как инструменты, при помощи которых приоритеты Католической Реформы доносились до верующих. Подобное же использование традиционных для средневековой агиографии мотивов характерно и для других ситуаций и донесших их до нас текстов.

Так, упоминавшийся выше иезуит Джон Корнелиус, исповедник Эренделлов из Лэнхерна и сэра Фрэнсиса Брауна, также удостоивался видений. Одно из них, по рассказам свидетеля, служки Патрика Сэлмона, имело место во время мессы. Ее служили в замке Чидиок, в капелле леди Эренделл (урожденной Энн Стенли), по душе ее покойного сына от первого брака, лорда Джона Стертона, который скончался, «не примирившись» с церковью, то есть, будучи церковным папистом, не успев раскаяться в грехе схизмы и получить отпущения грехов. Священник и прислуживавший ему Патрик Сэлмон после посвящения и вознесения чаши — т.е. в самый торжественный момент мессы — увидели душу лорда Джона в чистилище. Он обратился к ним с просьбой молиться за него и передать его матери просьбу заказывать за него мессы⁴⁸.

В данном случае традиционный сюжет — видение души в чистилище во время мессы, просьба молиться за покойного — имеет массу

⁴⁷ “There stood upright agaynst a wall a great marble stone, which in Catholie tymes had byn an Alter-stone for the s ervice of almighty God; and a woman of curiosity desirous to see that side therof which rested agaynst the wall, se drew the stone towards her, as it fell upon her. And albeit the stone was of that huge greatnes and weight, as eight men could hardly with whatsoever leavers remove it from one place to another, and nothing lay betweene it and the woman that might save her from the fall of it, yet was it so taken up without the least hurt of the woman, as if a bed of fethers, not so huge a stone, had fallen upon her. Whereupon the stone was by commandement of the Lady Magdalen removed into the Chappell, consecrated agayne to divine service, and applayed to his former use” // Ibid. P. 38—39.

⁴⁸ *Challoner R. Memoirs of Missionary Priests. Vol. 1. P. 166.*

средневековых параллелей⁴⁹. Однако здесь он приобрел полемический оттенок, специфический для английских католиков, ведь нераскаянным грехом лорда Стертона называется «церковный папизм». Таким образом, иезуит Джон Корнелиус использовал этот рассказ, тиражировавшийся другими католиками, как священниками, так и мирянами, как способ пропаганды *recusancy*.

Наконец, распространенными были рассказы о чудесах исцеления — а точнее, благополучного разрешения от родов — по молитве Богородице, с которой обращались к ней женщины, помогавшие при родах. Таких историй бытовало много, они имели давние корни, и вполне вероятно рассказывались и самой виконтессой Монтегю, которая, как уже говорилось выше, помогала принимать роды у жен своих слуг. В конце XVI столетия у таких историй появился и новый аспект: они зачастую оказывались историями обращения матери-протестантки, спасенной благодаря чудесному вмешательству Богородицы, в католичество. Таким образом, и здесь переплетаются черты традиционной и пост-Тридентской религиозности. Однако истории по чудесам, совершенных при родах, по понятным причинам бытовали в женской среде, по всей видимости, в устной форме, и записывались тоже женщинами — например, монахинями конвента Св. Моники в Лувене, подробно рассказывавшими в своей Хронике о семьях и родственницах своих сестер⁵⁰ (см. предыдущую главу). Они поэтому подверглись редактированию со стороны клириков в меньшей степени, и в них встречаются нетипичные для «корректных» версий черты — чудо здесь совершается по молитве мирянки, а не священника.

§ 3. Одержимость бесами и ведовство

Важную роль в религиозной культуре англичан, как до, так и после Реформации, играли чудеса, связанные с защитой от злых сил и сопротивлением им, и прежде всего, изгнанием бесов и излечением одержимых.

Практика экзорцизма существовала с первых веков христианства, подкрепляясь евангельской историей: ведь бесов из одержимых изгнал сам Христос. И с самого начала эта практика была связана с верой, а точнее, с силой веры как самого одержимого, так и экзорциста, и ее истинностью. Способность изгонять бесов описывалась как одно из важных свидетельств истинности христианской веры.

Эпоха Реформации принесла с собой споры относительно действительности обрядов экзорцизма. В Англии протестанты первого поколения

⁴⁹ См., например, легенду о видении папы Григория Великого и связанные с ней циклы месс о душах чистилища: *Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 70—371.*

⁵⁰ О Хронике конвента Св. Моники и истории помощи Богородицы при тяжелых родах см.: *Chronicle of St. Monica. Vol. I. P. 103.* См. также: *Серегина А.Ю. Историческое описание в английских монастырях. С. 142—143.*

сочли, что экзорцизм оттает идолопоклонничеством и не имеет библейского обоснования, поэтому его изъяли из числа ритуалов Английской церкви в начале 1550-х гг. Однако само явление вовсе не исчезло. Поскольку экзорцизм по-прежнему воспринимался как способ демонстрации истинности веры, эта практика была взята на вооружение католическими миссионерами в 1580-х гг. Уже в 1590-х гг. экзорцизм стали практиковать и их оппоненты — пуританские проповедники, для которых он стал способом продемонстрировать силу и истинность своей веры и подтвердить принадлежность к числу избранных⁵¹.

Первыми католическими экзорцистами пост-Тридентского поколения в Англии стали иезуиты, а самыми известными из них — Уильям Уэстон и Джон Корнелиус, связанные с окружением Монтегю (см. выше, главу I), и другие священники — Ричард Дибдейл и Ричард Якли. В 1584—1586 гг. они провели серию изгнаний бесов из одержимых в домах джентльменов-католиков. Первым из них стало исцеление Николаса Марвуда, слуги Энтони Бабингтона. За ним последовало изгнание бесов из служанок Энн Смит, Элизабет Калторп и Сары Уильямс, а также из молодого кентского дворянина Ричарда Мейни. Обряды проводились в доме лорда Вокса в Хэкни (сейчас — район на севере Лондона) и в Денэме — маноре Эдварда Пекема в Бакингэмшире. Один из них — изгнание бесов из Элизабет Калторп — имел место в доме графа Линкольна, второго супруга мачехи виконта Монтегю⁵².

Красочное описание происходившего во время этих обрядов — например, рассказ о том, как отец Дибдейл извлекал изо рта Энн Смит металлические предметы — передавалось католиками из уст в уста, а также было записано в нескольких версиях. Одна из таких версий была записана в 1626 г. отцом Дэвисом, который в 1580-х гг. был капелланом сэра Фрэнсиса Брауна. Тот сообщал потомкам:

«Я встречался с ним [Ричардом Дибдейлом — А.С.] в доме сэра Джорджа Пекема в Денэме, неподалеку от Аксбриджа, где он выполнял обязанности экзорциста, ибо там было трое околдованных и одержимых, две девушки и один мужчина. Из одной из девушек он извлек большую иглу, вышедшую через щеку, два ржавых гвоздя и куски свинца; ее имя — Энн Смит»⁵³.

Такой рассказ фиксировал лишь элементы чудесного, присутствовавшие в этой истории; несомненно, именно они в первую очередь интересовали

⁵¹ Об этом см.: *Almond. P.C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England. Cambridge, 2004.* Обзор источников и литературы, посвященных полемике об экзорцизме в Англии конца XVI—начала XVII в., см.: *Игина Ю.Ф. Водовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009. С. 270—285.*

⁵² *Brownlow F.W. Shakespeare, Harsnett and the Devils of Denham. L., 1993. P. 24—26.*

⁵³ “I met him once, at Sir George Peckam’s, of Denham, bedies Uxbridge, where he practised the office of an exorcist: for there were three persons bewitched and possessed, two maids and one man. Out of one of the maids he brought forth a great needle out of her cheek, and two rusty nails, and pieces of lead: her name was Ann Smith” // *Chaloner R. Memoirs of Missionary Priests. Vol. 1. P. 199.*

читателей/слушателей. Еще одна такая рукопись, представлявшая собой компиляцию рассказов о случаях изгнания бесов католическими священниками, была составлена Робертом Барнсом — джентльменом из свиты Монтегю (см. выше, часть II, главу I), что свидетельствует о проявленном членами свиты интересе. Сама рукопись, к сожалению, не сохранилась, или, по крайней мере, неизвестна исследователям. Сведениями о ней мы располагаем из пересказа и цитат известного оппонента — протестанта Сэмюэла Харснетта (будущего архиепископа Йоркского), приведенных в его памфлете, направленном против практики экзорцизма⁵⁴. Но уже само существование такой рукописи указывает на то, что миряне из свиты Монтегю тиражировали истории об экзорцизме. Во время допроса после своего ареста (1594 г.) Барнс утверждал, что всего лишь переписал текст, составленный другим, и даже не слишком им заинтересовался⁵⁵. Даже если принять его слова за чистую монету — а обстоятельства, в которых они были произнесены, заставляют усомниться в их искренности — можно предположить лишь, что некоторые католики, как и часть протестантов, склонны были проявлять скепсис, тогда как другие зачитывались чудесными историями.

Однако версии данной истории были широко растиражированы и получили известность далеко за пределами Англии. В повествовании, посвященном истории гонений на английских католиков Диего де Йепес описывал этот эпизод иначе.

«Удивительные дела совершались во время изгнания бесов из одержимых, совершенного священником Дибдейлом, который позднее встретил мученическую кончину, и другими, в доме одного католика, где собрались многие знатные люди, чтобы с большой пользой для своих душ увидеть и услышать вещи, намного превосходящие силы человеческой природы. Это побудило их почтить труды Бога, а также добродетель и власть, какие Господь наш Христос завещал священникам своей церкви. Мученик Дибдейл заставил демона вытолкнуть изо рта одной из одержимых комья волос, куски металла и другие предметы, которым невозможно было бы естественным путем оказаться внутри, а потом выйти наружу из человеческого тела. Демоны также тогда сказали, какие мощи святые тайно имел с собой каждый, и подчинились молитвам церкви, признав и объявив, к собственному смущению, какую силу против них имеют знак креста, святая вода, и мощи, как древних святых, так и тех, кто в наши дни умирает в Англию за католическую веру. И хотя некоторые недоверчивые и закоренелые еретики презрели это, другие, не столь предубежденные, но более разумные, были убеждены увиденным и впоследствии отреклись от своих заблуждений»⁵⁶.

⁵⁴ Harsnett S. Declaration of Popish Impostures. L., 1599. Подробнее об этом тексте см.: Серегина А.Ю. Одержимость и гендерные репрезентации в английской религиозной полемике конца XVI в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2014. Вып. 22. С. 168—182.

⁵⁵ Brownlow F.W. Shakespeare, Harsnett and the Devils of Denham. P. 21—22.

⁵⁶ “Prodigiosas cosas fueron las que sucedieron en los exorcismos de ciertas personas endemoniadas hechas por el Sacerdote Dibdal, que despues fue martyr, y por otros en la casa cierto Catolico, adonde concurrieron muchas personas principales con mucha aprouve-

В данной версии истории рассказ о чуде подчинен полемическим целям: он призван показать превосходство католической веры, продемонстрировать власть священников, а также служит и инструментом обращения протестантов. Причем обращенными оказывались не только зрители, но и одержимые. Так, в этом случае обратилась в католичество одержимая служанка-протестантка Сара Уильямс, а ее духовником стал уже упоминавшийся выше экзорцист Ричард Якли⁵⁷.

Невозможно, однако, определить, в какой степени этот конфессиональный, полемический аспект усваивался мирянами, читавшими и тиражировавшими подобные тексты, или же отбрасывался аудиторией, сжаденностью поглощавшей странные, удивительные детали историй о чудесах.

Представление католиков о ведовстве также оставалось вполне традиционным на протяжении XVI—начала XVII столетия. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод из биографии леди Монтегю. Желая подчеркнуть особое благочестие ее супруга, автор сочинения, Ричард Смит, рассказывает следующую историю.

«Когда Господу было угодно очистить ржавчину его грехов в этой жизни, Он дал ему испытать изматывающую, тяжелую и долгую болезнь, от которой виконт и умер. По мнению многих, она случилась с ним из-за ведовства (он сам, похоже, был согласен с этим мнением). Но хотя некие колдуны обещали излечить его, если бы только он согласился, он не только не дал согласие на этот грех, но, гнушаясь любой помощи со стороны слуг Сатаны, строго-настрого запретил своим друзьям использовать такие отвратительные средства ради восстановления его здоровья»⁵⁸.

cha miento desus almas, por ver, y oyr cosas tan sobre las fuerças de naturaleza humana, que les obligavan a revenciar las obras de Dios, y la virtud y potestad que Christo nuestro Señor ha dexado a los ministros de su Iglesia. Hizo el Martyr Dibdal al demonio facar por la boca de una persona endemoniada, ouillos de pelos, y pezados de hierro, y otras cosas se mejantes que humanamenteera impossible que huuiessen entrado, ni despues podido falir deaqueel cuerpo. Dezian alli los demonios las reliquias de los Santos quedada uno trahia secretamente, y obedicean a las oraciones y exorcismos de la Iglesia, confesando y mostrando a su pesar la fuerça tienen contra ellos la señal de Santa Cruz, el agua bendita, las reliquias, assi de los Samtos antiguos, como de los que aora mueren por la Fè Catolica en Inglaterra: lo quan aunque algunos hereges incredulos, y duros de coraçon, echaron por alto, con todo esse otros menos apassionados, y mas llegados a razon, se convencian con la evidencia de lo que vian, y dexavan la heregia” // *De Yepes D. Historia particular de la persecucion de Inglaterra. Madrid, 1599. P. 97.*

⁵⁷ *Brownlow F.W. Shakespeare, Harsnett and the Devils of Denham. P. 165.*

⁵⁸ “When it pleased God to purge the rust of his sinnes in this lyfe; he permitted him to fall into a tedious, troublesome, and lingering kind of infirmity, wherof he dyed. Which in the opinion of many, happening unto him by witch-craft (from which opinion himselfe seemed not to dissent); though certayne Sorcerers promised to restore him to his former, if he would but give way therto he not only refused to consent to their iniquity, but detesting all helpes of the slaves of Sathan, severely forbad his friends ever to use such detestable remedies, for the recovery of his health” // *Smith R. Life of Lady Montague. P. 12.*

Эта история позволяет сделать сразу несколько выводов. Во-первых, представители светской элиты католического сообщества, какими были Монтегю, разделяли традиционное представление о *maleficium* — вредоносном колдовстве⁵⁹. Среди членов его свиты были и те, кто в полном соответствии с фольклорными представлениями о том, как надлежало противостоять порче, готовы были воспользоваться услугами других знахарей и колдунов. Сам виконт Монтегю в этой истории также разделяет веру своих друзей, но в отличие от них, отказывается иметь дело с колдунами. Именно в этом и состоит его благочестивый подвиг, по мнению капеллана.

Во-вторых, хотя сам Ричард Смит и дистанцируется от рассказанной истории, занимая скептическую позицию, характер его скепсиса вызывает вопросы. Не похоже, чтобы он сомневался в существовании колдовства как такового. Его сомнения вызывают, скорее, конкретные обстоятельства: по его мнению, болезнь виконта Монтегю не являлась результатом порчи.

Кроме того, возможно и другое объяснение. Проведя много лет в континентальных семинариях, Смит вполне мог воспринять другое представление о ведовстве, отличное от распространенного в Англии. На континенте в ходе ведовских процессов речь чаще шла о связи с Дьяволом и шабашах (практически неизвестных в материалах английских судов над ведьмами), а не о *maleficium* — нанесении ущерба при помощи магии. В приведенной Смитом истории неназванных друзей виконта больше заботит наведенная порча (*maleficium*), а капеллана — связь колдунов («рабов Статаны») с Дьяволом и благочестивый отказ виконта контактировать с ними⁶⁰.

Таким образом, можно предположить, что в рамках католического сообщества сосуществовали две модели представлений о ведовстве — традиционная, рассматривавшая ведовство как *maleficium* и не чуждавшаяся обращения к «белой магии» для борьбы с ним, и «ученая», ориентированная на понимание ведовства, прежде всего, как связи ведьмы с дьяволом. Судя по примеру из биографии леди Монтегю, последнее представление было свойственно, скорее, учившимся на континенте клирикам и совершенно необязательно разделялось их паствой.

Религиозная культура католиков из окружения Монтегю в пост-Тридентский период сохраняла веру в чудеса и чудесное. Это отчетливо проявляется в формах почитания святых, прежде всего, в том, что свя-

⁵⁹ Истории ведовства и охоты на ведьм в целом (и в Англии в частности) посвящены многочисленные исследования. Здесь нет возможности их рассматривать. Подробный обзор литературы, посвященной истории ведовства в Англии раннего Нового времени, приводится Ю.Ф. Игиной. См.: Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. С. 29—62.

⁶⁰ О различии в представлениях английских католиков-мирян и священников-выпускников континентальных семинарий о ведовстве см.: Серегина А.Ю. Гендерные и конфессиональные аспекты английской демонологии XVI—XVII вв.: ланкастерские ведьмы (1612 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2010. Вып. 18. С. 84—100, особ. С. 95—97.

зано с почитанием мощей и паломничествах. Одновременно в эту культуру проникают новые нормы и идеи, призванные «отредактировать» и подчинить универсальным правилам традиционные формы выражения христианского чувства.

Историки, исследовавшие соединение этих двух страт в религиозной культуре раннего Нового времени, как католической, так и протестантской (но, прежде всего, первой) склонны были рассматривать традиционные формы религиозности как некие «инструменты», использованные с целью распространения идей реформы церкви и религиозной культуры. Не подвергая сомнению этот вывод в целом, необходимо уточнить его. Источники, с которыми приходится работать историку в случае с окружением Монтегю, а также и другими английскими католиками, чаще всего позволяют взглянуть на религиозные практики с точки зрения духовенства и элиты мирян, причем рассказы эти заведомо отредактированы с целью показать соответствие деятельности клириков и их паствы идеалам реформы. Но в какой степени миряне, и «простецы», и элита, даже восприняв новые идеи, отказывались от традиционных практик и корректировали соответствующим образом свое поведение? Проанализированные в данной главе истории о чудесах говорят, скорее, о сложном взаимодействии традиционной религиозной культуры и реформационных импульсов, которые одновременно и взаимодействуют друг с другом, и сосуществуют словно бы в параллельных мирах.

Заключение

Религиозная культура английских католиков демонстрировала отличительные черты пост-Тридентского католицизма уже в первые десятилетия XVII в., отчасти даже опережая ее развитие на континенте. Здесь, как и в других странах, проявлялось влияние духовенства, а также культуры Католической реформы — в отношении к таинствам и литургии, а также и в благочестивых практиках. При этом форма, в которой проявлялись эти черты, могла отличаться от того, что исследователи обычно называют пост-Тридентским католицизмом. Влияние духовенства на мирян, в частности, проявлялось как личный авторитет миссионеров среди них, а не за счет власти церкви как института. Священники-семинаристы могли не иметь собственного дохода и зависеть от мирян, но их готовность к мученичеству ради проповеди католического приравнивала их к святым и апостолам, а в конечном счете, являлась подражанием Христу. Таким образом, при неизбежных трениях и конфликтах, моральный авторитет духовенства был высок, а близость к мирянам, обеспечивавшаяся самим стилем их жизни в домах дворян, давала возможность наставлять в вере, какую не имели католические священники на континенте.

Эта же близость давала клирикам возможность оказывать покровительство своим собратьям за счет патронов-мирян, а в конечном

счете — и влиять на политическую жизнь в рамках католического сообщества. Таким образом, здесь присутствовали своеобразные формы церковного патроната и клерикализма, хотя и сильно отличавшиеся от континентальных.

Существовали, однако, и черты религиозной культуры, специфичные для Англии и определявшиеся условиями, в которых находились католики — преследуемое меньшинство в протестантском окружении. Оба эти обстоятельства — и запрет на отправление культа и другие проявления религиозного чувства, а также и наличие вокруг носителей других религиозных культур — определили такие особенности английского католичества XVI—начала XVII в. как визуальная «сдержанность» церемоний и ритуалов, сохранившаяся даже после прекращения серьезных гонений, важная роль чтения в религиозной культуре, где книга зачастую подменяла собой литургию, проповедь и наставления священников.

Запрет богослужений уничтожил католические приходы, поэтому многие коммунальные аспекты религиозной культуры оказались утраченными. Тем не менее, сообщество верующих воссоздавалось через общие таинства, церемонии и ритуалы, причем роль публичного «маркера» здесь играли благочестивые обычаи, осужденные строгими протестантами, но не запрещавшиеся законом — например, соблюдение постов.

Особенностью католической культуры католиков в протестантских странах — Англии и Голландии — где католическое духовенство было поставлено вне закона, стала и огромная роль мирян в религиозной жизни. В Англии, где преследования католиков были более долговременными и жестокими, «работа» мирян была тем более важна. Миряне фактически подменяли духовенство в сфере религиозного образования, им принадлежала важная роль в обеспечении жизнедеятельности священников — а значит, и в организации литургической жизни сообщества — а также в распространении религиозных наставлений и благочестивых практик, в обращениях в католичество. Эти задачи, более того, часто решались не просто мирянами, а женщинами, роль которых в религиозной культуре пост-Тридентского католичества, согласно распространенным представлениям, должна была быть весьма ограниченной. Феномен активности женщин-католичек в религиозной сфере был подмечен еще Джоном Босси, который назвал его «католическим матриархатом». Позднее историки оспорили его термин как явное преувеличение. Они подчеркивали не столько власть женщин в католическом сообществе, сколько разделение ролей между мужчинами, которые должны были сохранить положение семьи и, следовательно, не демонстрировали публично свои взгляды, и их женами, матерями и сестрами, выполнявшими свою традиционную роль наставниц в рамках домохозяйства, вне публичной сферы⁶¹.

⁶¹ Серегина А.Ю. Женщины-католички в Англии XVI—XVII вв. С. 85.

В целом эта схема верна, но будучи слишком общей, она не позволяет исследователям отдать должное вкладу англичанок в сохранение и преобразование католической религиозной культуры. Во-первых, противопоставление частного и публичного пространства вообще весьма условно, когда речь идет о религии и религиозных преследованиях. Во-вторых, в случае с английскими католиками XVI—начала XVII в. частное пространство — дома католиков — трансформировалось, приобретая функции пространства публичного. Конечно, благочестивые практики домочадцев и элементарные религиозные наставления были сферой женской «ответственности» и задолго до Реформации. Но после 1559 г. вся жизнь католического сообщества, вместе с ее публичными функциями переместилась в частное пространство. Теперь католические дома стали заместителями приходов: сюда благодаря усилиям хозяев, а чаще хозяйек приходили священники и миряне-католики, здесь протекала литургическая жизнь сообщества. Таким образом, женщины, распорядившиеся этими домами, приобретали своеобразные публичные функции в рамках католического сообщества.

Общины монахинь-англичанок на континенте также выполняли важные для сообщества функции, выведившие их в сферу публичного. Несмотря на то, что конвенты подчинялись правилу затвора и теоретически должны были разорвать все связи с миром, на практике именно связи с католическим сообществом составляли суть их идентичности. Эти связи проявлялись в разных формах — в покровительстве родственникам и друзьям-эмигрантам, распространении религиозных наставлений и благочестивых практик, циркуляции текстов, образовании и предоставлении убежища, и наконец, в хранении исторической памяти английского католического сообщества.

Католическая культура в пост-реформационной Англии демонстрирует сильное влияние религиозной культуры предшествующего периода. Это проявлялось в благочестивых практиках, текстах, которые читали католики, а также и в деятельности их наставников. Священники старшего поколения, рукоположенные при Марии Тюдор, а также и обучавшиеся на континенте миссионеры, демонстрируют гораздо меньше различий как в организации своей пастырской деятельности, так и в том, что касается ее приоритетов и результатов, а именно, появлению на сцене поколения мирян (конец XVI в.), готовых к восприятию идей реформированного католицизма. Таким образом, предпринятая в краткое правление Марии Тюдор реформа католического духовенства, несомненно, принесла свои плоды, породив поколение ответственных пастырей, предвосхитивших действия миссионеров.

Кроме того, очевидная преемственность приоритетов католической культуры до- и пост-реформационной Англии указывает на важность приоритетов ранней реформы XV—начала XVI в. и их определяющее влияние на религиозную культуру католиков пост-Тридентского периода. Таким образом, до-реформационная религиозная культура английских католиков, по крайней мере, элиты, была уже в значительной

степени открыта новым веяниям, и деятельность миссионеров отчасти сводилась не к привнесению новых идей и практик, а к унификации уже существующих.

Конечно, элементы традиционной религиозности не исчезли. Примечательной чертой английского католического сообщества, однако, была относительная бесконфликтность (по сравнению с континентом) отношений клириков и мирян в том, что их касалось. По всей видимости, причиной тому — уничтожение в годы протестантской Реформации социальных групп и институтов, чьи интересы напрямую были связаны со многими традиционными практиками. Так, исчезновение монастырей уничтожило группу духовенства, кровно заинтересованную в формах почитания святых, которые многим реформаторам-католикам казались не вполне корректными. С другой стороны, у миссионеров просто не было возможности поставить под контроль действия мирян в том, что касалось почитания святых, паломничеств, поиска и обретения мощей. Им оставалось лишь возглавить движение, стараясь по возможности поставить его в рамки, или, по крайней мере, «правильно» описать, создав модель поведения для мирян.

Вполне традиционные чудеса исцелений, видений и изгнания бесов не были отвергнуты, а слегка перетолкованы и активно задействованы в проповеди, устной и письменной, адресовавшейся английским католикам в XVI—XVII вв. Неудивительно поэтому, что именно здесь первыми стали применяться принципы воздействия, превратившиеся впоследствии в проповеднические миссии в католических странах конца XVII—XVIII вв. Католическая проповедь — как устная, так и печатная — использовала средневековые формы (паломничества к местным святыням) и мотивы (рассказы о чудесах Бога и святых), предлагая новые интерпретации и распространяя тем самым идеи реформы религиозной культуры. Англия в этом отношении оказалась полигоном, на котором уже в 1590—1600-х гг. экспериментировали с тем, что спустя несколько десятилетий станет стандартными практиками «сельских миссий» иезуитов во Франции и Италии.

Наименее успешной оказалась проповедь миссионеров в отношении представлений их паствы об одержимости бесами и вредоносном ведовстве. Они остались практически неизменными по сравнению со средневековьем, хотя миссионеры, учившиеся на континенте, порой усваивали и континентальные представления о сути ведовства (пакт с дьяволом, а не нанесение порчи). Возможно, миссионеры не слишком старались искоренить традиционные представления англичан о ведовстве как о *maleficium*, а возможно, то был самый устойчивый элемент традиционной культуры, восходивший к «фольклорному христианству».

Заключение

Исследование истории семьи и свиты виконтов Монтегю во второй половине XVI—первой трети XVII в., рассмотренной в различных контекстах — в ее политических связях разного уровня, от общения с соседями в рамках комиссий графств и на местных парламентских выборах до работы в Тайном Совете, верхней палате парламента, придворной и дипломатической службы — позволяет прийти к выводам, важным для дальнейшего изучения истории религии и конфессий, а также механизмов их взаимодействия с иноконфессиональным социумом, как применительно к истории Англии раннего Нового времени, так и Европы в целом.

Несмотря на то, что английские католики выделались как конфессиональная группа раньше, чем другие — уже во второй половине XVI в., безуспешные попытки историков однозначно определить «границы» этого конфессионального сообщества указывают на его незамкнутость, связанность с окружавшим их сообществом протестантов на разных уровнях. Изучение «брачной политики» виконтов Монтегю показывает, что в рассматриваемый период католическая знать отнюдь не превратилась в эндогамную группу. На протяжении всего XVI и первых десятилетий XVII вв. виконты Монтегю выработали стратегию «брачного поведения», которая позволяла им как укреплять свои позиции в графствах, так и поддерживать каналы связи с двором. Эти цели достигались при помощи браков младших отпрысков с богатыми и влиятельными соседями (предпочтительно, но не обязательно — католиками-конформистами), и союзов старших детей (сына и дочери) с представителями влиятельных придворных династий, как правило, протестантов, или католиков-конформистов. Даже складывание большого католического клана, объединявшего семьи Монтегю и Вустеров в 1630-е гг. определялось в большей степени стремлением виконтов приобщиться влияния, каким маркизы Вустеры пользовались при дворе королевы-католички Генриетты-Марии, а не исключительно фактом конфессиональной принадлежности маркизов. Благодаря постоянно заключавшимся бракам католиков и протестантов граница католического сообщества оставалась проницаемой, что способствовало как обращению аристократов-протестантов в католичество, так и поглощению части католической знати протестантским большинством.

Присутствие католиков на всех уровнях управления государством — от графства до двора и парламента свидетельствует об аналогичных

процессах. В первой половине—середине XVI в., даже после начала английской Реформации, конфессиональный фактор не являлся критерием включения тех или иных представителей дворянства в состав политической элиты, или же исключения из нее. И хотя при дворе существовали политические фракции, которые историки часто описывают в конфессиональных терминах, на практике при их формировании родство, связи патроната и дружбы имели такой же, если не больший вес. Кроме того, придворная «католическая партия» могла объединять людей разных религиозных взглядов — не слишком образованных консерваторов герцогов Норфолка и Саффолка, а также и сэра Энтони Брауна, ориентировавшегося, скорее, на христианский гуманизм кардинала Фишера.

Во второй половине XVI в. виконт Монтегю постоянно участвовал в управлении страной, несмотря на открыто исповедовавшееся им католичество. Этот факт объясняется как его политическим влиянием, обусловленным властью в графстве, политическим опытом и родственными связями с одним из самых могущественных людей в Англии — графом Лестером, так и простой целесообразностью — на многих постах, особенно в графствах, католиков просто нечем было заменить.

Сам виконт Монтегю не рассматривал свою конфессиональную принадлежность как критерий лояльности королеве Елизавете. Для него и других католиков его поколения лояльность определялась верной службой монарху и подчинением законам страны в публичной сфере, что выражалось, прежде всего, в публичном посещении католиками приходских церквей по воскресеньям и праздникам, как то предписывал статут 1559 г.

Между дворянами-католиками и властью постоянно осуществлялся диалог, параметры которого менялись от десятилетия к десятилетию, делая взаимодействие правительства с подданными-католиками более или менее успешным. Первое десятилетие правления Елизаветы (1559—1569) можно назвать периодом экспериментов: правительство еще только нащупывало пути взаимодействия с католическим дворянством, и диалог вряд ли можно было назвать удачным. Он привел не только к утрате многими магнатами-католиками (включая виконта Монтегю) придворных постов и членства в Тайном Совете, но также и угрожал потеснить их позиции в графствах. Результатом стал политический кризис 1568—1569-х гг., выразившийся в Северном восстании.

После его разгрома, в 1570—1585 гг. правительство учло совершенные ранее ошибки, и эти полтора десятилетия оказались самым благополучным для католиков периодом за все царствование королевы Елизаветы. В эти годы был выработан механизм, позволявший дворянам-католикам при условии внешнего конформизма (периодического посещения церквей) включаться в управление графствами — заседать в местных комиссиях, участвовать в выборах в парламент и — как подобало аристократам — занимать посты лордов-лейтенантов, как это делал виконт Монтегю. Кроме того, лорды-католики активно участвовали в работе верхней палаты парламента.

Начало войны с Испанией (1585—1604 гг.) вызвала новый политический кризис, сказавшийся на положении католиков. В годы войны политическая сфера «конфессионализировалась», что объяснялось не только военным противостоянием Англии и католической Испании, но и появлением на сцене нового поколения политиков, которые, в отличие от первого виконта Монтегю, знали только реальность конфессионального противостояния. Это не значит, впрочем, что они были гораздо менее терпимы, чем представители «старшего поколения»; к нему, например, принадлежал глава шпионской службы королевы сэр Фрэнсис Уолсингем, отношение которого к католикам было раз и навсегда определено травмой, перенесенной им в 1572 г. в Париже, где он в качестве английского посла наблюдал ужасы Варфоломеевской ночи. Но в конце 1580-х и в 1590-е гг. конфессиональный фактор стал важной политической картой. Одни политики играли роль непримиримых протестантов, требовавших лишить католиков любого политического влияния, другие же — политики из круга графа Эссекса — напротив, стремились повести за собой католических аристократов, обещая им терпимость.

В новых условиях многие аристократы-католики (в том числе и виконт Монтегю) лишились постов лордов-лейтенантов. Тем не менее, Монтегю продолжал сохранять влияние в графстве, контролируя парламентские выборы и назначение на посты в графстве Сассекс в альянсе с давним другом, а с 1591 г. и родственником, умеренным протестантом, лордом Бакхёрстом.

Второй виконт в 1590-е гг. выбрал путь оппозиции правительству, войдя в круг недовольных католиков — сторонников графа Эссекса и лишившись политического влияния, равного тому, каким обладал его дед. Его парламентская карьера при новом короле также не удалась. Сферой активных политических действий второго виконта в XVII в. становились дела самого католического сообщества. Здесь виконт претендовал на роль светского лидера и посредника между католиками и королем.

Его уход с национальной политической сцены, впрочем, не был полным. Влияние Монтегю в графстве Сассекс сохранялось, а сам виконт по-прежнему контролировал выборы в многочисленные комиссии и сам в них избирался. Влиял он и на парламентские выборы, хотя теперь его вмешательство осуществлялось через посредников — семью Сэквилов на уровне графства и Льюкноров в боро Мидхёрст. Альянс с Льюкнорами, позволявший католикам Монтегю контролировать выборы, просуществовал до конца правления династии Стюартов, изжив себя лишь в 1713 г.

Перемены в положении второго виконта Монтегю объяснялись изменениями параметров диалога с властью, причем во многом эти изменения произошли благодаря самим католикам, значительно сузив для них пространство политического маневра. Ведь до конца 1590-х гг. практика *recusancy* была среди них гораздо менее распространенной. Конечно, и в правление Елизаветы отказ от посещения церкви считался идеалом по-

ведения католиков, но гонения, которым они подвергались, делали частые отступления от этой практики приемлемыми — такое оправдание признавалось и каноническим правом. К началу XVII столетия, однако, ситуация изменилась. С одной стороны, больше католиков восприняли идеи священников-миссионеров с их пропагандой *recusancy* как нормы поведения для католика. С другой, — приход к власти короля Якова I и окончание войны с Испанией присели к ослаблению гонений на католиков. В новых условиях оправдания «церковного папизма» уже не работали; в правление Стюартов дворяне-католики могли себе позволить приобрести (за значительную сумму, обычно исчислявшуюся тысячами фунтов) королевское прощение, позволявшее безнаказанно исповедовать католичество частным образом, в стенах собственного дома. Присутствие на официально признанных церковных службах, тем не менее, продолжало оставаться критерием лояльности. На карьеру в парламенте и при дворе могли рассчитывать только католики-конформисты.

Далеко не все аристократы-католики выбирали путь оппозиции, как Монтегю, и отказывались от карьеры. Но даже те, кто выбирал конформизм, предпочитали, добившись политического влияния, выйти в отставку и вернуться к практике *recusancy*, которая в XVII в. стала восприниматься как норма поведения для католиков. В целом же дворяне-католики предпочли бы достичь нового компромисса с властью, в котором лояльность монарху определялась бы не конформизмом, становившимся для них все менее и менее приемлемым, а верной службой, причем режим терпимости был бы признан официально. Этого католики — и в их числе виконт Монтегю — пытались добиться в 1604 г., в первом парламенте Якова I, и еще раз — в 1620—1622 гг., во время переговоров о браке принца Уэльского и испанской инфанты. Они ожидали возможности вернуться ко двору принцессы-католички, а также и возможности служить своему государю так же, как это могли делать французские гугеноты.

Хотя терпимость к католикам так и не получила официального подтверждения, к 1630-м гг. был фактически достигнут новый компромисс. Католики не получили возможности занимать государственные посты и делать карьеру в парламенте, но у них появился шанс служить непосредственно королю — занимая придворные должности, или неформально, входя в круг влиятельных придворных и выполняя поручения короля. Третьему виконту Монтегю благодаря своим родственным и дружеским связям удалось войти в этот круг после 1637 г., отчасти компенсировав неудачи карьеры отца.

Неслучайно именно во второе и третье десятилетие XVII в. виконт Монтегю значительно переосмыслил семейную историю. Если первый виконт воспринимал себя как одного из представителей политической элиты всей страны, то для его внука стал более важным образом лидера английских католиков, представляющего последних в служении монарху. Соответственным образом была перетолкована и семейная история. Оба созданные семейной легендой образа — политик-аристократ и вождь католиков — эксплуатировались полемистами XVI и последу-

ющих столетий в своих целях, причем авторы-католики, как правило, использовали идеал лидера католиков, проецируя его и на первого виконта Монтегю, тогда как полемисты-протестанты стремились представить и деда, и внука в качестве идеальных лоялистов, ставивших верность престолу выше конфессиональных предпочтений.

Хотя, как мы видим, полного ухода католиков с политического поля не произошло и в XVII в., спектр доступных аристократам-католикам гендерных ролей, тем не менее, существенно сузился по сравнению с серединой XVI столетия. Оказались недоступными подобающие им в силу социального статуса роли военачальника, государственного деятеля и — отчасти — придворного. Уход же католиков в рамки исключительно католической политики, были чреваты утратой гендерного статуса, как вскоре выяснил виконт Монтегю. Главные роли во внутри-католической политике играли священники-миссионеры, которым доставалась и «главная» мужская роль. Политическое же влияние мужчин-католиков ослабло, часто вынуждая их прибегать к посредничеству друзей и родственников, т.е. уподобляя их женщинам с их косвенными рычагами влияния.

«Аномальная» гендерная ситуация была исправлена лишь в годы Гражданской войны, когда мужчины-католики превратились в воинов, проливавших кровь за своего короля. Регулярные, хотя и неудачные попытки Карла II восстановить католиков в политических правах отражали признание монархом их заслуг — в отличие от многих протестантов, в верности католиков Стюартам сомневаться не приходилось. Возвращение дворян-католиков на государственные посты произошло лишь при Якове II, и было кратковременным (1686—1688), свержение же короля было воспринято католиками как уход «их» династии. Неслучайно поэтому так много католиков участвовало в якобитских заговорах и восстаниях начала XVIII в. Отдали им дань и Монтегю — пятый виконт, Генри Браун, был с 1691 г. государственным секретарем короля в изгнании Якова II. После провала восстания 1715 г., когда стало ясно, что Стюарты вряд ли вернутся на английский престол, участие католиков в политической жизни страны практически сошло на нет, а их активность ограничивалась рамками католического сообщества.

Однако в XVI—первой трети XVII в., уход дворян-католиков с национальной политической сцены даже не намечался, поэтому католические семейства, подобные виконтам Монтегю, необходимо рассматривать как важную составную часть политического и религиозного ландшафта Англии.

Параллельные процессы отмечались и в сфере социального взаимодействия католиков с протестантами в рамках приходов. Взаимоотношения семьи Монтегю и католиков из ее окружения с протестантским социумом (как в графствах Сассекс и Сарри, так и в Лондоне) свидетельствовали о том, что католическое сообщество в Англии оставалось незамкнутым, с подвижными и проницаемыми границами. Несмотря на то, что в полемической литературе и парламентских статутах четко

прописывалось различие между рекузантами и «церковными папистами», на практике эти категории (последняя из которых теоретически оказывалась внутри Англиканской церкви) часто оказывались трудноразличимыми и перетекали одна в другую, причем современниками представители обеих групп воспринимались все же как католики. Категории, рожденные правом и религиозной полемикой, оказываются неприменимыми к описанию социальной практики. Здесь для определения конфессиональной принадлежности — а именно, принадлежности к католической церкви — необходим был публичный жест: присутствие на католической литургии и принятие причастия. Однако такой жест был нарушением закона, и поэтому его публичность по необходимости оказывалась ограниченной, что существенно затрудняет деятельность историка, пытающегося произвести подсчеты численности английских католиков — многие из них, если не большинство, скрывались от глаз. Лишь к 1620-м гг., с ослаблением гонений, появилось заметное число рекузантов. Рост их числа объяснялся и наличием влиятельных католических семейств, подобных Монтегю, являвшихся патронами и работодателями католиков-простолюдинов.

Впрочем, выделение католического сообщества в отдельную группу не обязательно означало отделение от остального прихода. Степень включенности того или иного католического семейства в жизнь локального сообщества зависела от отношений его членов с соседями. Окружение Монтегю демонстрировало пример успешной интеграции. Несмотря на то, что принадлежавшие к нему католики предпочитали по возможности причащаться отдельно от протестантов, они разделяли другие таинства и ритуалы со своими соседями — крестили детей, венчались и хоронили своих покойников в приходской церкви (или на местном кладбище). Такая практика показывает, что исследователи порой склонны преувеличивать конфликтный потенциал ритуалов и обрядов перехода в эпоху Реформации. Хотя порой ими сопутствовали конфликты, гораздо чаще они все же выполняли свое прямое назначение, подтверждая мир и признанный порядок в обществе. Конфессиональные различия здесь отходили на второй план, уступая место стремлению католиков вписаться в местное сообщество и взаимной терпимости. Терпимость соседей-протестантов объяснялась множеством факторов — опасением ссориться с богатым соседом, фискальными соображениями (т.е. нежеланием одним нести бремя приходских налогов), стремлением сохранить мир в сообществе, и наконец, христианской любовью к ближнему.

Кроме того, дворяне-католики сохранили особый рычаг влияния на жизнь прихода — право поставления священника (*advowson*). Предпринятое впервые исследование католического патроната в протестантских приходах — на примере Монтегю — показывает, что аристократы-католики могли быть весьма сознательными патронами, подчинявшими свои назначения последовательной политике. В середине XVI в. первый виконт Монтегю заполнял вакансии образованными священниками, способными проповедовать католическое учение, в

соответствии с идеалами Католической реформы. Позднее в принадлежавших Монтегю приходах появились пасторы-протестанты. Их появление объяснялось продажей многих *advowsons* ради того, чтобы покрыть расходы на приобретение новых маноров вокруг двух главных резиденций Монтегю в Сассексе — Бэттла и Мидхёрста. Тем не менее, внимательное изучение грамот, жаловавших право правления, а также и персоналий приходских священников, показывает, что Монтегю все же осуществляли свое право патроната, хотя и не напрямую, а через посредников из числа собственных арендаторов. Они предпочитали в качестве пасторов умеренных протестантов; в тех редких случаях, когда приход оказывался в распоряжении пуританина, тот, как правило, отсутствовал, а его обязанности выполнял помощник, плата которому выделялась виконтом, и который, соответственно, в значительной степени контролировался им. Манипулируя назначениями на приходы, виконты Монтегю создавали вокруг своих резиденций «зону комфорта», свободную от слишком рьяных протестантов, способных вмешаться в дела местных католиков. Вместе с тем они избегали и конфликтов в среде соседей-протестантов: ведь далеко не все из них были бы рады назначению пастора-пуританина. Такая свобода действий обеспечивалась фактическим альянсом с местными епископами, большая часть которых (за исключением Ричарда Кёртиса в 1570-х гг.) были умеренными протестантами, а в XVII в. и арминианами.

Назначение приемлемых для большинства местных жителей приходских священников также подчеркивало установку Монтегю на мирное сосуществование с соседями и отсутствие стремления к социальной сегрегации католиков.

Отделение католического сообщества от англиканских приходов произошло гораздо позже, в XVIII в., после утраты Стюартами английского престола. С уходом династии, воспринимавшейся английскими католиками как «своя», исчезли и все надежды на возвращение страны к католичеству и на возвращение католикам политических прав. А уход католиков с политического поля сопровождался и разрывом приходских связей. Он выразился в резком росте числа рекузантов — или новоиспеченных протестантов — за счет группы «церковных папистов», практически исчезнувшей в начале XVIII в. Тогда же католики фактически создали параллельную систему приходов, предпочитая крестить детей и венчаться в своих капеллах и хоронить покойников на отдельных католических кладбищах. Окончательно такая практика была закреплена статутом 1753 г. введшим отдельные католические регистры крещений, браков и смертей. Он законодательно оформил сегрегацию католического сообщества.

В первой трети XVII в., однако, о такой сегрегации и речь не шла. Изучение окружения виконтов Монтегю показывает: католики оставались в рамках местных сообществ, не порывая связей с соседями — как тех, что рождались в рамках приходов, так и других, обусловленных родством, дружбой и деловыми интересами. Таким образом, применительно

к этому периоду правильнее говорить не о четко определенных и отграниченных сообществах, рожденных конфессионализацией, но о множественных идентичностях, среди которых порой отождествление себя с местным сообществом оказывалось важнее конфессиональной принадлежности, хотя совершенно необязательно противопоставлялось ему.

Включенность в местное сообщество не означало, впрочем, размытости религиозной культуры английских католиков. Проведенная в работе реконструкция различных ее аспектов применительно к окружению виконтов Монтегю позволяет прийти к выводу, что несмотря на гонения — а может быть, благодаря им — религиозная культура английского католического сообщества сравнительно рано приобрела черты, свойственные пост-тридентскому, реформированному католичеству. В Англии роль мирян, поддерживавших, а порой и организовавших деятельность священников-миссионеров, была крайне важна для религиозной жизни сообщества, однако духовенство не было при этом полностью подчинено дворянам-католикам; можно говорить о наличии своеобразного варианта католического клерикализма, где влияние духовенства было велико, но не за счет опоры на церковные институты, как на континенте, а за счет высокого личного авторитета священников-миссионеров.

Благодаря этому авторитету священников, получивших континентальную выучку, и поддержке мирян религиозная культура английских католиков раннего Нового времени развивалась в том же русле, что и культура пост-Тридентского католичества, даже с опережением: многие установки реформированного католичества, в частности, отношение к таинствам исповеди и причастия, практики частой исповеди и причастия, личные благочестивые практики, появились в Англии уже в 1590-х гг. и распространились в начале XVII в., на несколько десятилетий раньше, чем во многих странах континентальной Европы (например, Франции, Австрии, католических княжествах Германии).

Религиозная культура английских католиков отличалась и значительным своеобразием, определявшимся протестантским окружением и преследованиями. Среди наиболее важных особенностей, выявленных в ходе исследования литургических и благочестивых практик католиков из окружения Монтегю — минимализм визуальных проявлений, весьма сдержанный на фоне континентального барокко, сосредоточение индивидуального литургического опыта мирян на приносимой жертве и личной молитве (слове), которая порой могла подменять собой таинство. Важной была и роль чтения в религиозной культуре англичан-католиков. Их религиозные переживания в условиях гонений зачастую выражались не через таинства, оказывавшиеся не всегда доступными, но через чтение богослужебной и наставительной литературы, превращая тем самым культуру католиков, так же, как и протестантов, в культуру книги. Совместное чтение, замещавшее порой недоступные таинства, религиозные практики (молитвы розария) и ритуалы (например, посты) становились для английских католиков заменой коммунальных религиозных практики, тогда как причаще-

ние — коммунальная практика в до-реформационной церкви — теперь в большей степени относилась к сфере индивидуальной религиозности.

В Англии роль мирян в религиозном образовании оказалась решающей. Особенно важны были действия женщин, без помощи которых успешная индоктринация католиков — детей и взрослых — была бы невозможной. В этой, и других сферах проявилась возросшая власть женщин-католичек в сфере религии. Исследование активности католичек из окружения Монтегю — первой виконтессы, ее родственниц и дам из свиты свидетельствует о том, что женщины помогали деятельности миссионеров организационно и финансово, они крестили детей при необходимости, наставляли в вере родственников и слуг, обращали родных, друзей и знакомых в католичество, распространяли католические книги (наставительные и богослужебные). Джон Босси в 1975 г. назвал это явление «католическим матриархатом». И хотя эта оценка с тех пор критиковалась как преувеличение, не стоит и преуменьшать значение деятельности женщин-католичек в рамках сообщества. В условиях преследований вся религиозная жизнь католиков — и литургия, и личные благочестивые практики — переместились в частное пространство домов католиков. Домашняя сфера относилась к «зоне ответственности» женщин-хозяек. Теперь же в нее перемещались и католические священники, совершавшие литургию, и многочисленные католики, привлеченные мессой и нуждавшиеся в доступе к богослужению. Таким образом, частное пространство приобретало публичные функции, а женщины, соответственно — и определенную публичную роль.

Сходные черты прослеживаются и в жизни женских монастырей на континенте. Английские конвенты приняли предписанное Тридентским собором правило затвора практически с самого начала своего существования (за исключением Института Мэри Уорд, стремившегося к проповеди католичества в миру). Но затвор отнюдь не прервал коммуникации монахинь из клана Монтегю и их единоверцев за стенами их обителей, невзирая на все предписания. Монастыри являлись посредниками в контактах англичан-католиков с местными высокопоставленными патронами, в них оказывали гостеприимство и учили детей. Они также были и духовными центрами; сюда можно было удалиться для молитвы, но отсюда же исходили и многочисленные сочинения — адресованные английским католикам наставления в благочестивой жизни — заказанные, переведенные или даже составленные самим монахинями. И наконец, монастырские хроники, в которых содержатся подробные сведения о семьях монахинь, представляют собой хранилища памяти английского католического сообщества.

Вторая половина XVI—начало XVII в. стало периодом трансформации традиционной религиозной культуры английских католиков, включавшей в себя как слой «фольклорного» христианства, так и представления, свойственные ранней реформе — католической и отчасти протестантской. Все эти страты традиционной культуры на рубеже XVI—XVII вв. вступили во взаимодействие с принесенными с конти-

нента идеями Тридентской реформы церкви. Их влияние было более заметно в области литургических практики, подвергшихся унификации, тогда как в сфере благочестивых практик речь, как правило, шла о преемственности с традиционной культурой, уже проникшейся идеями Нового благочестия, и лишь смене интонаций, но не ориентиров. Многие культы (в частности, культ Св. Франциска, ставшего отличительной чертой семейного благочестия Монтегю) были переосмыслены в пост-тридентском духе. Элементы традиционной религиозной культуры (почитание мощей святых и паломничество к ним и к местам исцелений, истории о чудесах) сохранились в XVII в., получив новое толкование и/или превратившись способ распространения идей реформы (паломничества) или конфессиональные символы (паломничества, обряды экзорцизма), способы подтверждения католической идентичности, как о этом свидетельствуют тексты, распространявшиеся католическим духовенством, и в частности, капелланами Монтегю. При этом сохранившиеся в культуре английских католиков элементы «фольклорного» христианства — в частности, представления о ведовстве и ведьмах, не вполне разделявшиеся католическим духовенством, оказались наиболее стойкими и менее всего подверглись влиянию пост-тридентской проповеди.

Комплексное исследование различных аспектов жизни католиков из окружения виконтов Монтегю позволяет представить модель функционирования английского католического сообщества в 1559—1640 гг.

За 80 лет в Англии сформировалось религиозное меньшинство — католики и были выработаны механизмы их существования и активного взаимодействия с протестантским большинством. Католическое сообщество в Англии представляло собой объединение различных локальных групп католиков, собиравшихся вокруг свит магнатов-католиков, как в городах, так и в сельской местности. Такие группы отнюдь не ограничивались дворянами, включая в себя представителей разных сословий. И хотя они формировались вокруг католических линияжей, не все католики были членами семьи или свиты или магнатов-единоверцев. Они могли быть связаны с ними деловыми интересами, узами дружбы и покровительства и являли собой довольно аморфные образования. Английское католическое сообщество рассматриваемого периода не было ни замкнутым, ни кастовым — оно приобрело эти черты лишь в XVIII столетии, после смены политической системы. В рассматриваемый же период английские католики оставались участниками управления страной и социального взаимодействия, стремились к приемлемому компромиссу с соседями-протестантами. Однако при всей нечеткости границ английское католическое сообщество обладало отчетливо выраженной конфессиональной идентичностью. Поскольку конфессиональное сообщество английских католиков не совпадало с местными (приходами), оно конструировалось; принадлежность к нему определялась разделенным (хотя не обязательно совместным, а скорее, параллельным) литургическим опытом, ритуалами и религиозными практиками.

Список сокращений

- APC — Acts of the Privy Council of England
Bindoff — The House of Commons, 1509—1558 / Ed. by S.T. Bindoff
BL — British Library
CRS — Catholic Record Society Publications
CSP Domestic — Calendar of State Papers, Domestic series
CSP Foreign — Calendar of State Papers, Foreign series
CSP Venetian — Calendar of State Papers, Venetian Series
CSP Rome — Calendar of State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally at Rome
Dodd's Church History — Dodd's Church History of England / Ed. by M. Tierney
EHR — English Historical Review
ESRO — East Sussex Record Office
Hasler — The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler
JEH — Journal of Ecclesiastical History
LJ — The Journal of The House of Lords
LMA — London Metropolitan Archives
Loseley MSS — Historical Manuscript Commission, 7th Report, Loseley MSS.
PRO — Public Record Office
RH — Recusant History: A Journal of Research in Post-Reformation Catholic History in the British Isles
Salisbury MSS — Calendars of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquis of Salisbury
SAC — Sussex Archaeological Collections
SHC — Surrey Historical Centre
TRHS — Transactions of the Royal Historical Society
VCH — Victoria County History
WSRO — West Sussex Record Office

Библиография

Источники

Архивные документы

National Archives (Richmond)

Public Record Office, Probationary:

PROB 11/29/16

PROB/11/81

Public Record Office, State Papers:

SP 12/85/64

SP 12/144/69

SP 12/152/54

SP 12/168/25

SP 12/168/31

SP12/188/37

SP 12/200/59

SP 12/248/105

SP 14/1/7

SP14/8/126

SP 14/1/7

SP 14/8/83

SP 14/17/62

SP 14/20/20

SP 14/216/48

SP 16/9/18

SP 16/11/39

SP 16/21/23

British Library (London)

Additional Manuscripts:

Add. MS 11402

Add. MS 11967

Add. MS 16967

Add. MS 25425

Add. MS 33503

Add. MS 33508

Add. MS 36529

Add. MS 39830

Add. MS 61113

Harleian Manuscripts:

Harleian MS 160

Harleian MS 252

Harleian MS 1195
Harleian MS 6847
Harleian MS 6889
Harleian MS 6990
Harleian MS 6996
Harleian MS 6998

Lansdowne Manuscripts:

Lansdowne MS 49/82
Lansdowne MS 53/80
Lansdowne MS 68
Lansdowne MS 82
Lansdowne MS 99
Lansdowne MS 158

Stowe Manuscripts:

Stowe MS 1047

Cotton Manuscripts:

Cotton MS Galba C II. No.78

London Metropolitan Archives

Records of the parish of St Saviour, Southwark

P92/SAV/184
P92/SAV/187
P92/SAV/190
P92/SAV/191
P92/SAV/197
P92/SAV/199
P92/SAV/ 200
P92/SAV/201

Surrey Historical Centre (Woking)

Loseley Manuscripts:

Loseley MS 1856
Loseley MS 6729/3/8
Loseley MS 6729/8/89
Loseley MS 6729/8/98
Loseley MS 6729/10/125

West Sussex Record Office (Chichester)

Cowdray and Battle Manorial documents:

SAS/BA

Cowdray MS 306

Visitation Records, Diocese of Chichester:

Ep I/3/72
Ep I/17/19
Ep I/23/5
Ep I/23/6
Ep I/23/7
Ep I/23/8

Ep I/88/1
Ep II/14/1

East Sussex Record Office (Lewes)
Battle manorial documents:
Raper & Fovargue, Box 3/4

Bodleian Library (Oxford)
MS Engl. TH. b. 1—2.

Downside Abbey (Bath)
Gillow Library MS

Опубликованные источники

Издания XVI—XVII вв.

- Aretino P.* A Paraphrase upon the 7 Penitential Psalmes / Transl. by H. Hawkins. Doway, 1635.
Binet E. The Admirable Life of S. Aldegond / Transl. by H. Hawkins. S. Omer, 1632
Bullaker J. The English Expositor. L., 1616.
Camus J.P. A Draught of Eternitie / Transl. by M. Pinckney. Doway, 1632.
 Certain Godlie meditations Made in the Forme of Prayer by St. Augustine. L., 1558; 1560.
 Certain Godlie meditations Made in the Forme of Prayer by St. Augustine, <...> and
 also His Manuall. L., 1574, 1575, 1585, 1586.
 Certaine Sermons of St Augustines. L., 1557.
Colleton J. A Supplication to the Kings Most Excellent Majesty. L., 1604.
 The Conspiracie of Catilline, <...> translated bi Thomas Paynell. L., 1557.
 The Copie of a Letter Sent out of England to Don Bernardin Mendoza, Ambassadour in
 France for the King of Spaine, declaring the state of England <...> Found in the cham-
 ber of one Richard Leigh. L., 1588.
 The Dialogues of S. Gregorie the Pope and A Shorte Treatise of Sundry Miracles out of
 S. Augustine. Paris, 1608.
Drexelius H. The Angel-Guardian's Clock / Transl. by Sir Thomas Hawkins. Rouen, 1630.
de Estella D. Tratado de la vanidad del mundo dividido en tres libros. Toledo, 1562;
 Salamanca, 1574.
de Estella D. The contempte of the world, and the vanitie thereof. Rouen, 1584.
Fitzherbert T. A Defence of the Catholyke Cause. L., 1602.
Foxe J. Actes and Monuments of these Latter and Perilous Days, Touching Matters of the
 Church [Book of Martyrs]. L., 1563, 1570, 1576, 1583.
*Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der <...> Frawen Magdalena [Browne],
 Marggräfin zu Scharpffenberg <...> In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo <...>
 auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Bey Chrysostomo Dabertzhofer: Augspurg, [1611.]*
Gainsford T. Vox Spiritus, or Sir Walter Rawleighs Ghost [1620] Facsimile edition. Exeter,
 1983.
Garnet H. The Societie of the Rosary. L., 1593.
Garnet H. A Treatise of Christian Renunciation. L., 1593
Gascoigne G. A Hundreth Sundrie Flowres. L., 1573.
 The Glasse of Vaine-glorie; The Complaint of a Sorrowfull Soule. L., 1585.

- A. Godlie Treatisse Declaring the Benefites, Fruites, and Great Commodities of Prayer, and also the True Use therof. L., 1560.
- Harsnett S.* Declaration of Popish Impostures. L., 1599.
- Hastings F.* An Apologie or Defence of the Watch-word. L., 1600.
- Hastings F.* A Watchword to all religious and trye hearted English-men. L., 1598.
- Higgons T.* The Apology of Theophilus Higgons, Lately Minister, now Catholique. Rouen, 1609.
- The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. 1591. L., 1591.
- An Introduction to the Love of God. L., 1574.
- Fuller T.* The Church History of Britain. L., 1665.
- Lacey J.* A Petition Apologeticall, <...> by the Lay Catholikes of England. Douai, 1604.
- Lewkenor L.* A Discours of the Usage of the English Fugitives by the Spaniard. L., 1595.
- Lewkenor L.* The Commonwealth and Government of Venice. L., 1599.
- The Life of the Most Holy Father S. Francis. Doway, 1610.
- The Life of the Most Holy Father S. Francis. Doway, 1635.
- Martin G.* A Treatise of Schisme. Douai, 1578.
- A Methode unto Mortification: called heretofore, The contempt of the world, and the vanitie thereof. Written at the first in the Spanish [by D. de Estella], afterward translated into the Italian, English, and Latine tongues: now last of all <...> reformed and published by T. Rogers. L., 1608.
- de Molina A.* A Treatise of the Holy Sacrifice of the Masse / Transl. by J. Floyd. S.Omer, 1623
- More H.* Historia Missionis Anglicanae, ab anno MDLXXX ad MDCXXXV. St. Omer, 1660.
- Persons R.* A Brief Discourse Contayning Certaine Reasons Why Catholiques Refuse to Goe to Church. L., 1580.
- Persons R.* An Epistle of the Persecution of Catholickes in Englande. Douay, [1582].
- Persons R.* An Epistle Towchinge the Persecution of Catholickes in Englande. Roen, 1582.
- Persons R.* A Temperate Ward-word. St Omer, 1599.
- Persons R.* A Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion. St Omer, 1603—1604.
- Persons R.* The Warn-word to Sir Francis Hastings' Wast-word. St.Omer.1602.
- A Pretious Booke of heavenlie meditations. L., 1581, 1597, 1600
- The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum), printed by John Wayland. L., 1555.
- A Right Christian Treatise. L., 1581, 1591, 1597, 1600.
- de Ribadeneira P.* Historia Ecclesiastica del scisma del Reyno de Inglaterra. 2 Vols. Lisboa, 1588—1594.
- Sanders N.* De Origine ac progressu schismatic anglicanae. Cologne, 1585.
- Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1611.
- Smith R.* Life of the Most Honourable and Virtuous Lady Magdalen Viscountesse Montague. St. Omer, 1627.
- The speeches and honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by <...> the Lord Montacute. 1591. L., 1591.
- Sutcliffe M.* A Briefe Replie. L., 1600.
- Sutcliffe M.* A New Challenge. L., 1600.
- Topsell E.* The House-Holder: or, Perfect Man. Preached in three Sermons. L., 1610.
- A treatise of prayer, and of the fruits and manner of prayer. By the most Reuerend Father in God Iohn Fisher Bishop of Rochestre, Preist and most eminent Cardinall of the most holy Catholike Church, of the title of S. Vitalis. Translated into English by R.A.B. Paris, 1640.

- Verstegan R.* Theatrum crudelitatum Haereticorum nostri temporis. Antwerp, 1592.
Vita <...> Dominae Magdalenae [Browne] Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissà. Apud J. Mascardum: Romæ, 1609.
Wadsworth J. The English Spanish Pilgrime. L., 1629.
Watson W. A Decacordon of Ten Quodlibeticall Questions. [London], 1602.
Watson W. Preface // *Bluet T.* Important Considerations. Paris, 1601.
Yepes D. Historia particular de la persecucion de Inglaterra. Madrid, 1599.

Публикации XVIII–XXI вв.

- Acts of the Privy Council of England / Ed. by J.R. Dasent, et al. 40 vols. L., 1890—1958.
 A booke of orders and rules established by me Anthony Vizcount Mountague for the better direction and governement of my howseholde. 1595 // *Hope W.H. St. John. Cowdray and Easebourne Priory. L., 1919. Appendix II. P. 119—134.*
Burnet G. History of the Reformation of the Church of England. 3 Vols. L., 1679—1714.
 Calendar of Assize Records: Sussex Indictments: Elizabeth I. L., 1975. Vol. I / Ed. by J.S. Cockburn.
 Calendar of Assize Records: Surrey Indictments: Elizabeth I. L., 1980. Vol. II / Ed. by J.S. Cockburn.
 Calendar of Assize Records: Sussex Indictments: James I. L., 1975. Vol. I / Ed. by J.S. Cockburn.
 Calendar of Assize Records: Surrey Indictments: James I. L., 1982. Vol. II / Ed. by J.S. Cockburn.
 Calendar of the Fine Rolls, 1471—1485. L., 1911.
 Calendar of Letters and State papers relating to English Affairs, Presented Principally in the Archives of Simancas, 1558—1604 / Ed. by M.A.S. Hume. 4 Vols. L., 1892—1899.
 Calendar of the Manuscripts of the Marquis of Bath, Preserved at Longleat, Wiltshire. 4 Vols. 1904—1908.
 Calendars of the Manuscripts of the Most Honourable the Marguess of Salisbury. Historical Manuscripts Commission / Ed. by M.S. Guiseppi et al. 24 Vols. L., 1888—1976.
 Calendars of Patent Rolls. L., 1891—1986.
 Calendar of State Papers, Domestic series, 1547—1625 / Ed. by R. Lemon, M.A.E. Green. 12 vols. L., 1856—1872.
 Calendar of State Papers, Foreign series, of the Reign of Elizabeth, 1558—1596 / Ed. by J. Stevenson et al. 33 vols. L., 1863—2000.
 Calendar of State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally at Rome, 1558—1578 / Ed. by J.M. Rigg. 2 Vols. L., 1916—1926.
 Calendar of State Papers, Venetian Series, 1558—1625. / Ed. by R. Brown, H.E. Brown, A.B. Hinds. 12 Vols. L., 1894—1912.
 A Catalogue of the Pictures at Cowdray. Portsmouth, 1777.
Catholic Record Society Publications:
 Official lists of prisoners for religion from 1562—1580 / Ed. by J.H. Pollen, S.J. Letter from the Ven. Christopher Robinson to the Ven. Richard Dudley describing the martyrdom of the Ven. John Boste 1594 // CRS. L., 1905, 1906. Vol. 1, 2.
 Unpublished documents relating to the English Martyrs I, 1584—1603 / Ed. by J.H. Pollen S.J. // CRS. L., 1908. Vol. 5.
 Abbess Neville's annals of five communities of English Benedictine nuns in Flanders, 1598—1687 / Ed. by D.M.J. Ramsey O.S.B // CRS. L., 1909. Vol. 6.
 Douay College Diaries: Third Diary, 1598—1637 / Ed. by C.E.H. Burton and T.L. Williams // CRS. L., 1911. Vol. 10.

- Records of the English Benedictine Nuns, Cambrai (Stanbrook), 1620—1793 / Ed. by J. Gillow // CRS. L., 1912. Vol. 13.
- Registers of the English Clares at Gravelines / Ed. by J. Gillow; English Benedictine nuns, Brussels, Winchester, East Bergholt, 1598—1856 / Ed. by J.S. Hansom // CRS. L., 1913. Vol. 14.
- Records of the English Canonesses of the Holy Sepulchre at Liege, now at New Hall, Essex, 1652—1793 / Ed. by R. Trappes-Lomax // CRS. L., 1916. Vol. 17.
- Recusant Roll No. 1 (1592—1593): Exchequer, Lord Treasurer's Remembrancer, Pipe Office series // CRS. L., 1916. Vol. 18.
- Letters and memorials of Father Robert Persons, SJ / Ed. by L. Hicks, SJ // CRS. L., 1942. Vol. 39.
- Letters of Thomas Fitzherbert, 1608—1610 / Ed. by L. Hicks, SJ // CRS. L., 1948. Vol. 41.
- Miscellanea: Book of recusants 1582—1595; Cecil papers: Miscellaneous lists 1559—1607; petitions; Yelverton manuscripts: reports and lists; Gatehouse bills 1596—1606 // CRS. L., 1961. Vol. 53.
- Responsa scholarum of the English College, Rome part 1, 2 / Ed. by A. Kenny // CRS. L., 1962, 1963. Vol. 54, 55.
- Recusant Roll No. 2 (1593—94) / Ed. by D.H. Bowler O.S.B. // CRS. L., 1965. Vol. 57.
- Recusant documents from the Ellesmere manuscripts 1577—1715 / Ed. by A.G. Petti // CRS. L., 1968. Vol. 60.
- Recusant Rolls No. 3 (1594—95) and No. 4 (1595—96) / Ed. by D.H. Bowler O.S.B. // CRS. L., 1970. Vol. 61.
- Elizabethan Casuistry / Ed. by P. Holmes // CRS. L., 1981. Vol. 67.
- Recusants in the Exchequer Pipe Rolls. 1581—92 / Ed. by T.J. McCann // CRS. L., 1986. Vol. 71.
- Recusant Roll 1: 1603—4 (E377/12) to Recusant Roll 22: 1624—5 (E377/33) // CRS. L., 1999. Vol. 76
- Challoner R.* Memoirs of Missionary Priests and Other Catholics of both sexes who suffered Death or Imprisonment in England on Account of their Religion, 1577—1685. Manchester, 1741.
- The Condition of Catholics under James I: Father Gerard's Narrative of the Gunpowder Plot / Ed. by J. Morris. L., 1871.
- Copley A.* A Fig for Fortune. [L., 1596] // Publications of the Spencer Society. Vol. 35. Manchester, 1883.
- The Court of King James the First. 2 Vols. / Ed. by G. Goodman. L., 1839.
- Les dépêches de Giovanni Michiel, Ambassadeur de Venise en Angleterre pendant les années 1554—1557 / Ed. P. Friedmann. Venice, 1869.
- Diary of Henry Machyn // Camden Society Miscellany. L., 1848. Vol. 42.
- Dodd C.* The Church History of England from 1500 to 1688. Wolverhampton, 1737—1742.
- Dodd's* Church History of England / Ed. by M. Tierney. 5 Vols. L., 1839—1843.
- The Elizabethan New Years' Gift Exchanges, 1559—1603 / Ed. by J.A. Lawson. Oxford, 2013.
- Foley H.* The Records of the English Province of the Society of Jesus. 8 Vols. L., 1870—1879. Historical Manuscripts Commission. Manuscripts of the Marquess of Downshire. L., 1927. Vol. IV.
- Historical Manuscript Commission, 7th Report, Loseley MSS. L., 1879.
- Holinshed's Chronicle of England, Scotland and Ireland. L., 1808.
- The Journal of the House of Lords. L., 1767. Vol. 1—3.
- Killroy G.* Edmund Campion's Virgilian Epic // *Idem.* Edmund Campion: Memory and Transcription. Aldershot, 2005. P. 149—194.

- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509—1547. L., 1862—1932.
- The Letters of John Chamberlain. 2 Vols / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1939.
- Life of Lady Anne Countess of Arundel and Surrey. L., 1877.
- Life of Mrs Dorothy Lawson. Newcastle-upon Tyne, 1855.
- London Marriage Licences, 1521—1869 / Ed. by J. Foster, J.W. Dean, J.L. Chester. L., 1887.
- Monumenta Angliae / Ed. by T.M. McCoog and L. Lukács. Rome, 2000. Vol. III.
- Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Cambridge, 1998. Vol. 12.
- Newsletters from the Caroline Court, 1621—1638 / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Cambridge, 2005. Vol. 26.
- Nickoll J.* The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I. 2 Vols. N.Y., 1823.
- Papers Relating to the Personal History of Richard Smith, Bishop of Chalcedon // Camden Miscellany. L., 1853. Vol. II.
- Proceedings in the parliaments of Elizabeth I / Ed. by T.E. Hartley. L., 1981. Vol. I.
- Proceedings in Parliament 1614: House of Commons / Ed. by M. Jansson. Philadelphia, 1988
- Sir John Harington's A New Discourse of a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax / Ed. by E.S. Donno. L., 1962.
- Southern A.S.* An Elizabethan Recusant House Comprising the Life of the Lady Magdalen Viscountess Montague (1538—1608). L., 1954.
- The Speach of the Lord Vicount Montacute in the p[ar]liament house primo Elizabethae Reginae / Ed. T. McCann // The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // Sussex Archaeological Collections. 1970. Vol. 108. P. 53—56.
- Statutes of the Realm. 9 Vols. L., 1810—1825.
- Strype J.* Annals of the Reformation and Establishment of Religion. 4 Vols. L., 1709—1731.
- Strype J.* Ecclesiastical Memorials, Relation Chiefly to Religion, and the Reformation of It. 5 Vols. L., 1721.
- Stuart Royal Proclamations / Ed. by P.L. Hughes and J.F. Larkin. Oxford, 1973. Vol. 1: 1603—1625
- Stuart Dynastic Policy and Religious Politics, 1621—1625 / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. The 5th Series. Cambridge, 2009. Vol. 34.
- Sutcliffe M.* A Briefe Replie. L., 1600.
- Tresham Papers // The 3rd Report of the Historical Manuscripts Commission. L., 1872.
- Troubles of Our Catholic Forefathers / Ed. by J. Morris. 3 Vols. L., 1872—1877.
- Tudor Royal Proclamations / Ed. by P.L. Hughes and J.F. Larkin. Yale, 1969. Vol. 2: 1553—1587; Vol. 3: 1588—1603.
- Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church / Ed. by K. Fincham. Woodbridge, 1994. Vol. I; Woodbridge, 1998. Vol. II.
- Writhesley C.* A Chronicle of England, during the Rigns of the Tudors, 1455—1559 / Ed. by W. Douglas Hamilton // Camden series. New series. L., 1877. Vol. 11.

Био-библиографические словари и базы данных

- Allison A.F., Rogers D.M.* The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. 2 Vols. Aldershot, 1994.
- Anstruther G.* The Seminary Priests: a Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1558—1850. 4 Vols. Ware and Great Wakering, 1968—1977.

- Berry W.* County Genealogies: Pedigrees of the Families in the County of Sussex. L., 1830.
- Cokayne G.E.* Complete Peerage. 2nd ed. L., 1938.
- Gillow J.* Biographical and Bibliographical Dictionary of English Catholics. L., 1885.
- The House of Commons, 1509—1558 / Ed. by S.T. Bindoff. 3 Vols. L., 1982.
- The House of Commons, 1558—1603 / Ed. by P.W. Hasler. 3 Vols. L., 1982.
- The House of Commons, 1660—1690 / Ed. by B.D. Henning. 3 Vols. L., 1983.
- The House of Commons, 1690—1715 / Ed. by E. Cruickshanks, S. Handley, D. Hayton. 5 Vols. Cambridge, 2002.
- History of Parliament, 1439—1509: Biographies of the Members of the Commons House / Ed. by J.C. Wedgwood. L., 1936.
- The History of Parliament Trust <http://www.historyofparliamentonline.org/>.
- McCoog T.* English and Welsh Jesuits, 1555—1650. 2 vols // CRS. L., 1992. Vols. 74—75. Members of Parliament. L., 1878. Part I.
- Murphy M.* St Gregory's College, Seville, 1592—1747 // CRS. L., 1991. Vol. 73.
- Peile J.* Biographical register of Christ's College, 1505—1905. Cambridge, 2010.
- Plomer H.R.* A Dictionary of Printers and Booksellers, 1557—1640. L., 1910.
- The Clergy of the Church of England Database 1540—1835 <http://www.theclergydatabase.org.uk/index.html>.
- Who were the Nuns? A Prosopographical study of the English Convents in exile 1600—1800 <http://www.history.qmul.ac.uk/wwt/index.html>.
- Oxford Dictionary of national Biography online <http://www.oxforddnb.com/>

Литература

- Adams S.L.* Captain Thomas Gainsford, the “Vox Spiritus” and the Vox Populi // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1976. Vol. 49. P. 141—144.
- Aird L.* Accident, Suicide, or Murder — or Disease? // EHR. 1956. Vol. 71.
- Akrigg C.* Shakespeare and the Earl of Southampton. L., 1968.
- Allison A.F.* John Heigham of S. Omer (c.1568—c.1632) // RH. 1957—1958. Vol. 4. P. 226—242.
- Allison A.F.* Richard Smith, Richelieu and the French Marriage: the Political Context of Smith's Appointment as Bishop for England in 1624 // RH. 1964. Vol. 7. P. 148—211.
- Allison A.F.* A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcedon, and the Catholic Laity, 1625—1631 // RH. 1982. Vol. 16. P. 111—145.
- Allison A.F.* Richard Smith's Gallican Bakers and Jesuit Opponents // RH. 1987. Vol. 18. P. 329—401; 1989. Vol. 19. P. 234—285; 1990. Vol. 20. P. 164—206.
- Arblaster P.* Antwerp and the World: Richard Verstegan and the International Culture of Catholic Reformation. Leuven, 2004.
- Arblaster P.* The Southern Netherlands Connection: Networks of Support and Patronage // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570—1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 123—138.
- Aries E.* L'Homme devant la mort. Paris, 1977.
- Aveling H.* The Catholic Recusants of the West Riding of Yorkshire, 1558—1790. Leeds, 1963.
- Aveling H.* The Marriage of Catholic Recusants, 1559—1642 // JEH. 1963. Vol. 14. P. 68—83.
- Aveling H.* Northern Catholics: The Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558—1790. L., 1966.
- Aveling H.* Catholic Recusancy in the City of York, 1558—1719. St. Albans, 1970.
- Aveling J.* The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation. L., 1976.
- Ayloffe J.* An Account of Some Ancient English Historical Paintings at Cowdry, in Sussex // Archaeologia. L., 1775. Vol. 3. P. 239—272.

- Benedict P.* Confessionalization in France? Critical Reflections and New Evidence // *Society and Culture in the Huguenot World, 1559—1685* / Ed. by R.A. Mentzer and A. Spicer. Cambridge, 2002. P. 44—61.
- Bernard G.W.* The Fall of Anne Boleyn: A Rejoinder // *EHR*. 1992. Vol. 107. P. 665—674.
- Bernard G.* Power and Politics in Tudor England. L., 2000.
- Berrington J.* Appeal to the Catholics of England. L., 1792.
- Bindoff S.T.* Tudor England. L., 1950.
- Boillet E.* L'Arétin et la Bible. Genève, 2007.
- Bossy J.* English Catholics and the French Marriage 1577—1581 // *RH*. 1959—1960. Vol. 5.
- Bossy J.* The Character of Elizabethan Catholicism // *Past and Present*. 1962. Vol. 21. P. 39—59.
- Bossy J.* The English Catholic Community, 1603—1625 // *The Reign of James VI and I* / Ed. by A.G.R. Smith. L., 1973. P. 91—105.
- Bossy J.* Blood and Baptism: Kinship, Community and Christianity in Western Europe From the Fourteenth to the Seventeenth Centuries // *Sanctity and Secularity: The Church and the World* / Ed. by D. Baker. Oxford, 1973. P. 129—143.
- Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975.
- Bossy J.* Christianity in the West, 1300—1700. Oxford, 1985.
- Bossy J.* Under the Molehill. L., 2001.
- Bowden C.* Community Space and Cultural Transmission: Formation and Schooling in English Enclosed Convents in the Seventeenth Century // *History of Education*. 2005. Vol. 34. P. 365—386.
- Bowden C.* Collecting the Lives of Early Modern Women Religious: Obituary Writing and the Development of Collective Memory and Corporate Identity // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19. P. 7—20.
- Bowden C.* The English Convents in Exile and Questions of National Identity, 1600—1688 // *Emigrants and Exiles from the Three Kingdoms in Europe, 1603—1688* / Ed. by D. Worthington. Amsterdam, 2010.
- Bowker M.* The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521—1547. Cambridge, 1981.
- Brady T.A. Jr.* Confessionalization — The Career of a Concept // *Confessionalization in Europe, 1550—1700: Essays in Honor and memory of Bodo Nischam* / Ed. by J.M. Headley, H.J. Hillebrand, A.J. Papalas. Aldershot, 2004. P. 1—20.
- Bright C.C.* Caressing the Great: Viscount Montague's Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // *SAC*. 1989. Vol. 127. P. 147—166.
- Briez Monta S.* Martyrdom and Literature in Early Modern England. Cambridge, 2005.
- Brigden S.* London and the Reformation. Oxford, 1989.
- Buckingham C.* The Troubles of Sir Alexander Culpeper of Goudhurst // *Cantium*. 1970. Vol. 2. P. 1—12.
- Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1975.
- Burke V.* Catholic Recusancy in Elizabethan Worcestershire (unpublished MA Thesis). Birmingham, 1972.
- Butler C.* Historical Memoirs of the English, Irish and Scottish Catholics since the Reformation. 2 Vols. L., 1819.
- Carey V.* Surviving the Tudors: the “Wizard” Earl of Kildare and the English Rule in Ireland, 1537—1586. L., 2002.
- Carlton C.* Archbishop William Laud. L.;N.Y., 1987.
- Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570—1720* / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009.
- Catholicism and Anti-Catholicism in Early Modern English Texts* / Ed. by A.F. Marotti. L., 1999.
- Catholics of Parish and Town, 1558—1778* / Ed. by M. Rowlands. Wolverhampton, 1999.

- Catholics and the "Protestant Nation": Religious Politics and Identity / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.
- Child J. Henry VIII's Last Victim: the Life and Times of Henry Howard, Earl of Surrey. L., 2006.
- Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558—1689. Harlow, 2000.
- Cole M.H. The Portable Queen. L., 1999.
- Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. L., 1967.
- Collinson P. Archbishop Grindal, 1519—1583: The Struggle for a Reformed Church. L., 1980.
- Collinson P. The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559—1625. Oxford, 1982.
- Collinson P. Godly People. L., 1983.
- Collinson P. The Birthpangs of Protestant England: Religious and Cultural Change in Sixteenth and Seventeenth Centuries. L., 1988.
- Collinson P. Ecclesiastical Vitriol: Religious Satire in the 1590s and the Invention of Puritanism // The Reign of Elizabeth I. Court and Culture in the Last Decade / Ed. by J. Guy. Cambridge, 1995. P. 150—170.
- Collinson P. Elizabethan and Jacobean Puritanism as Forms of Popular Religious Culture // The Culture of English Puritanism / Ed. by C. Durston, J. Eales. Basingstoke, 1996.
- Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560—1660 / Ed. by P. Lake, M. Questier. Woodbridge, 2000.
- Cooper W.D. Queen Elizabeth's Visits to Sussex // SAC. 1852. Vol. 5. P. 192.
- Coster W. Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England. Aldershot, 2002.
- Crawford P. Women and Religion in England. L., 1993.
- Cressy D. Kinship, and Kin Interaction in Early Modern England // Past and Present. 1986. Vol. 113. P. 38—69.
- Cressy D. Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford, 1997.
- Cressy D. Who Buried Mrs Horseman? Excommunication, Accommodation, and Silence // Cressy D. Travesties and Transgressions in Tudor and Stuart England. Oxford, 2000. P. 116—137.
- Croft P. The Catholic Gentry, the Earl of Salisbury and the Baronets of 1611 // Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560—1660 / Ed. by P. Lake and M. Questier. Woodbridge, 2000. P. 263—282.
- Crosignani G. Richard Smith versus Robert Persons, S.J. A Double Denunciation of "The Iudgement of a Catholicke English-Man" at the Holy Office // Archivum Historicum Societatis Jesu. 2008. Vol. 76. P. 115—190.
- Darlington I. Bankside: The Parishes of St. Saviour and Christchurch, Southwark // Survey of London. 1950. Vol. 22.
- Davidson A. Roman Catholicism in Oxfordshire from the Later Elizabethan Period to the Civil War (unpublished Ph.D. thesis). Bristol, 1970.
- Davis J.E. Heresy and Reformation in South-East England. L., 1983.
- Death, Ritual and Bereavement / Ed. by R. Houlbrooke. Oxford, 1989.
- Devlin C. The Life of Robert Southwell. L., 1956.
- Dickens A.G. The First Stages of Romanist Recusancy in Yorkshire, 1560—1590 // Yorkshire Archaeological Journal. 1941. Vol. 35. P. 157—181.
- Dickens A.G. The Extent and Character of Recusancy in Yorkshire, 1604 // Yorkshire Archaeological Journal. 1948. Vol. 37. P. 24—48.
- Dickens A.G. Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509—1558. Oxford, 1959.
- Dickens A.G. The English Reformation. L., 1964.
- Difference and Dissent: Theories of Toleration in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by C.J. Nederman and J.C. Laursen. N.Y., 1996.
- Dillon A. The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535—1603. Aldershot, 2002.

- Dillon A.* Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c. 1580—1700 // History. 2003. Vol. 88. P. 451—471.
- Dobben A.A.* The Cowdray Archives: A Catalogue. 2 Vols. Chichester, 1960.
- Dolan F.* Whores of Babylon: Catholicism and Seventeenth-Century Print Culture. L., 1999.
- Dolman F.T.* The Priory of St. Mary Overie, Southwark. L., 1881.
- Doran S.* Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: the Habsburg Marriage Negotiations of 1559—1567 // EHR. 1989. Vol. 104.
- Doran S.* Monarchy and Matrimony: the Courtships of Elizabeth I. L., 1996.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c.1400—1580. New Haven;L., 1992.
- Duffy E.* The Voices of Morebath: Reformation and Rebellion in an English Village. New Haven;L., 2001.
- Duffy E.* Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven;L., 2009.
- Edwards F., S.J.* Still Investigating the Gunpowder Plot // RH. 1992—1993. Vol. 21. P. 305—346.
- Elton G.R.* The Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1953.
- Elton G.R.* England under the Tudors. L., 1955.
- Elton G.R.* Henry VIII: An Essay in Revision. L., 1962.
- Elton G.R.* Policy and Police: Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. Cambridge, 1972.
- Elton G.R.* Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal. Cambridge, 1973.
- Elton G.R.* Reform and Reformation, England, 1509—1558. L., 1977.
- Elton G.R.* The Parliament of England, 1559—1581. Cambridge, 1986.
- Emmison F.G.* Tudor Secretary: Sir William Petre at Court and Home. L., 1961.
- England's Long Reformation, 1500—1800 / Ed. by N. Tyacke. L., 1998.
- The English Reformation Revised / Ed. by C. Haigh. Cambridge, 1987.
- Essays on the Ritual of Social Relations / Ed. by M. Gluckman. Manchester, 1962.
- Fletcher A.* A County Community in Peace and War: Sussex, 1600—1660. L., 1975.
- Fletcher A., MacCulloch D.* Tudor Rebellions. L., 2004.
- Flynn D.* John Donne and the Ancient Catholic Nobility. Bloomington, 1995.
- Forster M.R.* With and Without Confessionalization // Journal of Early Modern History. 1998. Vol. 1. P. 315—343.
- Froude J.A.* The History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada. 12 vols. L., 1856—1870.
- Galloway B.R.* The Union of England and Scotland, 1603—1608. Edinburgh, 1986.
- Gammon S.R.* Statesman and Schemer: William, First Lord Paget — Tudor Minister. Newton Abbot, 1973.
- Gandy M.* Ordinary Catholics in Mid-Seventeenth Century London // Catholics of Parish and Town, 1558—1778 / Ed. by M. Rowlands. Wolverhampton, 1999. P. 153—177.
- Gardiner S.R.* Prince Charles and the Spanish Marriage, 1617—1623. L., 1869.
- van Gennep A.* The Rites of Passage. Chicago, 1960.
- George C.H., George K.* The Protestant Mind of the English Reformation, 1570—1640. Princeton, 1961.
- Gibbons G.* The Political Career of Thomas Wriothesley, First Earl of Southampton, 1505—1550. Lampeter, 2001.
- Gibbons K.* English Catholic Exiles in Late Sixteenth Century Paris. L., 2011.
- Gitting C.* Death, Burial, and the Individual in Early Modern England. L., 1984.
- Gluckman M.* Les rites de passage // Essays on the Ritual of Social Relations / Ed. by M. Gluckman. Manchester, 1962. P. 1—52.
- Goring J.* The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex // JEH. 1983. Vol. 34. P. 345—366.

- Greaves R.L.* Society and Religion in Elizabethan England. Minneapolis, 1981.
- Gunn S.J.* Charles Brandon, Duke of Suffolk, 1484—1545. L., 1988.
- Gunn S.J.* Henry Bouchier, Earl of Essex (1472—1540) // Tudor Nobility / Ed. by G.W. Bernard. Manchester, 1992.
- Guy J.* Tudor England. Oxford, 1988.
- Gwynn P.* The King's Cardinal: the Rise and Fall of Thomas Wolsey. L., 1993.
- Hall B.* Puritanism: the Problem of Definition // Studies in Church History. Leiden, 1965. Vol. III. P. 283—296.
- Haigh C.* Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. Cambridge, 1975.
- Haigh C.* The Fall of a Church or the Rise of a Sect? // Historical Journal. 1978. Vol. 21. P. 181—186.
- Haigh C.* The Continuity of Catholicism in the English Reformation // Past and Present. 1981. Vol. 93. P. 37—69.
- Haigh C.* From Monopoly to Minority: Catholicism in Early Modern England // TRHS. 5th series. 1981. Vol. 31. P. 129—147.
- Haigh C.* Anticlericalism and the English Reformation // History. 1983. Vol. 68.
- Haigh C.* The Church of England, the Catholics and the People // The Reign of Elizabeth I / Ed. by C. Haigh. L., 1984. P. 169—194.
- Haigh C.* Revisionism, the Reformation and the History of English Catholicism // JEH. 1985. Vol. 36. P. 394—405.
- Haigh C.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993.
- Haigh C.* The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England. Oxford, 2008.
- Hammer P.E.J.* The Polarisation of Elizabethan Politics: the Political Career of Robert Devereaux, 2nd Earl of Essex. Cambridge, 1999.
- Heale E.* Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's Entertainment at Cowdray, 1591 // The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I / Ed. by J.E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford, 2007. P. 189—206.
- Hearn K.* Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England, 1530—1630. L., 1996.
- Heumann U.* The Concept of "Confessionalization": a Historiographical Paradigm in Dispute // Memoria y Civilización. 2001. Vol. 4. P. 93—114.
- Hibbard C.H.* Charles I and the Popish Plot. Chapel Hill, 1983.
- Hilton J.A.* Catholicism in Elizabethan Durham // RH. 1977. Vol. 14.
- A Historical Sketch of the Conflicts between Jesuits and Secular in the Reign of Queen Elizabeth / Ed. by T.G. Law. L., 1889.
- Holmes P.* Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982.
- Houlbrooke R.A.* The English Family, 1450—1700. L., 1984.
- Houlbrooke R.* Death, Religion and the Family in England, 1480—1750. Oxford, 1998.
- Hughes P.* Rome and the Counter Reformation in England. L., 1944.
- Hutton R.* The Rise and fall of Merry England: The Ritual Year 1400—1700. Oxford, 1994.
- Hyland S.J.K.* A Century of Persecution. L., 1920.
- Ives E.W.* The Fall of Anne Boleyn Reconsidered // EHR. 1992. Vol. 107. P. 651—664.
- Jenkins E.* Elizabeth and Leicester. L., 2002.
- Jones J.* Balliol College: a History. 2nd revised edition. Oxford, 1997.
- Jones N.* Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion, 1559. L., 1982.
- Jones N.* The English Reformation: Religion and Cultural Adaptation. Oxford, 2002.
- Jourdan W.K.* The Development of Religious Toleration in England. 4 Vols. L., 1932—1940. Justifying Toleration: Conceptual and Historical Perspectives / Ed. by S. Mendus. Cambridge, 1988.
- Kamen H.* The Rise of Toleration. L., 1967.

- Kaplan B.J.* Divided by Faith: Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 2007.
- Karant-Nunn S.C.* The Reformation of Ritual: An Interpretation of Early Modern Germany. L., 1997.
- Kaushik S.* Resistance, Loyalty and Recusant Politics: Sir Thomas Tresham and the Elizabethan State // *Midland History*. 1996. Vol. 21. P. 37—72.
- Kenny A.* Reform and Reaction in Elizabethan Balliol, 1559—1588 / Ed. by Prest // *Balliol Studies*. Oxford, 1982.
- Kervyn de Lettenhove C.B.* Relations politiques des Pays Bas et de l'Angleterre sous le regne de Philippe II. Brussels, 1886.
- Lettinger S.* Patronage in Early Modern France // *French Historical Studies*. 1992. Vol. 17. P. 839—862.
- Lettinger S.* Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford, 1986.
- Kirkwood A.E. M.* Richard Field, Printer, 1589—1624 // *The Library*. 1931. Vol. 12. P. 1—35.
- Klapisch-Zuber C.* Women, Family and Ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985.
- Knapp J.* An Empire Nowhere: England, America and Literature from "Utopia" to "The Tempest". Berkeley, 1992.
- Koslofsky C.* The Reformation of the Dead: Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450—1700. N.Y., 2000.
- Krugler J.D.* English and Catholic: The Lords Baltimore in the Seventeenth Century. Baltimore, 2004.
- Lake P.* Matthew Hutton: a Puritan Bishop? // *History*. 1979. Vol. 64.
- Lake P.* Moderate Puritans and the Elizabethan Church. Cambridge, 1982.
- Lake P.* Calvinism and the English Church, 1570—1635 // *Past and Present*. 1987. Vol. 114. P. 32—76.
- Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterian and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. L., 1988.
- Lake P.* Lancelot Andrewes, John Buckeridge and Avant Garde Conformity at the Court of James I // *The Mental World of the Jacobean Court* / Ed. by L. Levy Peck. Cambridge, 1991. P. 113—133.
- Lake P.* Defining Puritanism — Again? // *Puritanism: Transatlantic Perspectives on a Seventeenth-Century Anglo-American Faith* / Ed. by F.J. Bremer. Boston. 1993. P. 3—29.
- Lake P.* The Laudian Style: Order, Uniformity and the Pursuit of the Beauty of Holiness in the 1630s // *The Early Stuart Church, 1603—1642* / Ed. by K. Fincham. Basingstoke, 1993. P. 161—185.
- Lake P., Questier M.* Puritans, Papists and the "Public Sphere" in Early Modern England: The Edmund Campion Affair in Context // *Journal of Modern History*. 2000. Vol. 72. P. 587—627.
- Lake P., Questier M.* The Anti-Christ's Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England. New Haven;L., 2002.
- Lake P., Questier M.* The Trials of Margaret Clitherow: Persecution, Martyrdom and the Politics of Sanctity in Elizabethan England. L., 2011.
- Land, Kinship and Life-Cycle* / Ed. by R.M. Smith. Cambridge, 1985.
- Laursen J.C., Nederman C.J.* Beyond the Persecuting Society: Religious Toleration before the Enlightenment. Pennsylvania, 1998.
- Law T.G.* The Archpriest Controversy. L., 1896—1898.
- Lecler J.* Histoire de la Tolérance au siècle de la Réforme. Paris, 1955.
- Letters of Cardinal Allen* / Ed by T.F. Knox. L., 1885.
- Levine M.* The Early Elizabethan Succession Question 1558—1568. L., 1966.
- Lingard J.* A History of England. Philadelphia, 1826.
- de Lisle L.* The Sisters Who Would be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine & Lady Jane Grey. L., 2008.

- Litzenberger C.* The English Reformation and the Laity: Gloucestershire, 1540—1580. Cambridge, 1997.
- Loades D.* The Life and Career of William Paulet, Lord Treasurer and First Marquis of Winchester. Aldershot, 2008.
- Loomie A.J.* Spanish Elizabethans. N.Y., 1963.
- Loomie A.J.* Toleration and Diplomacy: The Religions Issue in Anglo-Spanish Relations, 1603—1605. Philadelphia, 1963.
- Loomie A.J.* Spain and Jacobean Catholics. 2 Vols. L., 1973.
- Luria K.P.* Sacred Boundaries: Religious Coexistence and Conflict in the Early Modern France. Washington, 2005.
- MacCulloch D.* Catholics and Puritans in Elizabethan Suffolk // Archiv für Reformationsgeschichte. 1981. Bd. 72.
- Manning R.B.* Religion and Society in Elizabethan Sussex. Leicester, 1969.
- Manning R.B.* Hunters and Poachers: A Social and Cultural History of Unlawful Hunting in England, 1485—1640. Oxford, 1993.
- Marotti A.F.* Religious Ideology and Cultural Fantasy: Catholic and Anti-Catholic Discourses in Early Modern England. Chicago, 2005.
- Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-Century England. L., 1998.
- Marshall P.* Beliefs and the Dead in Reformation England. Oxford, 2002.
- Mason O.* South-East England. L., 1971.
- Mathew D.* Catholicism in England: the Portrait of a Minority: Its Culture an Its Traditions. L., 1949.
- McCann T.J.* The Parliamentary Speech of Viscount Montague Against the Act of Supremacy, 1559 // SAC. 1970. Vol. 108. P. 50—57.
- McCann T. J.* The Catholic Recusancy of Dr. John Bullaker of Chichester, 1574—1627 // Recusant History. 1971. Vol. 11. P. 75—86.
- McCain T.J.* The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester. Appendix: Cathedral and Parochial Clergy in the Diocese of Chichester at the Accession of Elizabeth I // Studies in Sussex Church History / Ed. by M.J. Kitch. L., 1981. P. 116—123.
- McCann T.J.* “The Known Style of a Dedication is Flattery”: Anthony Browne 2nd Viscount Montague of Cowdray and his Sussex Flatterers // RH. 1988. Vol. 19. P. 396—408.
- McClain L.* Without Church, Cathedral or Shrine: the Search for Religious Space among Catholics in England, 1559—1625 // Sixteenth Century Journal. 2002. Vol. 33. P. 381—399.
- McClain L.* Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559—1642. Chicago, 2004.
- McCoog T.* The Society of Jesus in Ireland, Scotland and England, 1541—1588. L., 1996.
- Mears N.* Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms. Cambridge, 2005.
- Meyer C.* England and the Catholic Church under Queen Elizabeth. L., 1916; 2nd ed. L., 1967.
- Milner J.* The History, Civil and Ecclesiastical, and Survey of the Antiquities of Winchester. Winchester, 1798—1801.
- Milton A.* The Church of England, Rome, and the True Church: The Demise of a Jacobean Consensus // The Early Stuart Church, 1603—1642 / Ed. by K. Fincham. Basingstoke, 1993. P. 187—210.
- Milton A.* Catholic and Reformed: the Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600—1640. Cambridge, 1995.
- Moore R.I.* The Formation of a Persecuting Society. Oxford, 1987.
- Moorhouse G.* The Pilgrimage of Grace. L., 2002.
- Muir E.* Ritual in Early Modern Europe. Cambridge, 2005.
- Nederman C.J.* Words of Difference: European Discourses of Toleration, c.1100—1550. Pennsylvania, 2000.
- New J.F.H.* Anglican and Puritan: the Basis of their Opposition 1558—1640. L., 1964.

- Nicholls M.* Investigating Gunpowder Plot // RH. 1988—1989. Vol. 12. P. 124—145; 2nd ed. Manchester, 1991.
- Nicholls M.* Treasons Reward: The Punishment of Conspirators in the Bye Plot of 1603 // Historical Journal. 1995. Vol. 38. P. 821—842.
- Norbrook D.* Poetry and Politics in the English Renaissance. 2nd ed. L., 2002.
- Nurse B.* Caption to item 113 // Making History, Antiquaries in Britain 1707—2007, Exhibition Catalogue. Society of Antiquaries / Ed. by D. Gaimster, S. McCarthy, and B. Nurse. London. 2007. P. 156.
- O'Day R.* The Debate on the English Reformation. L., 1986.
- O'Dwyer M.* Catholic Recusants in Essex, 1580—1600 (unpublished Ph.D. thesis). L., 1960.
- O'Leary J.G.* A Recusant Manuscript of Great Importance // Essex Recusant. 1968. Vol. 10. P. 79.
- O'Malley J.W., S.J.* Trent and All That: Renaming Catholicism in the Early Modern Era. Cambridge, Mass., 2000.
- Patronage and Recruitment in the Tudor and Early Stuart Church / Ed. by C. Cross. York, 1996.
- Paul J.E.* The Hampshire Recusants in the Reign of Elizabeth I (unpublished Ph.D. thesis). Southampton, 1958.
- Parmiter C.* Edmund Plowden. L., 1987.
- Peltonen M.* Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570—1640. Cambridge, 1995.
- Pevsner N.* Buildings of England: Sussex. L., 1965.
- Pevsner N.* Buildings of England: Hampshire and the Isle of Wight. L., 1967.
- Pevsner N.* Buildings of England: North East and East Kent. L., 1969.
- Pevsner N.* Buildings of England: Dorset. L., 1972.
- Pevsner N.* Buildings of England: Wiltshire. London, L., 1975.
- Pevsner N.* Buildings of England: Norfolk. L., 1992. Vol. II.
- Pevsner N.* Buildings of England: Buckinghamshire. L., 1994
- Pevsner N.* Buildings of England: Essex. L., 2007.
- Pevsner N.* Buildings of England: Berkshire. L., 2010.
- Penn T.* Winter King: the Dawn of Tudor England. L., 2011.
- The Place of the Dead: Death and Commemoration in early Modern Europe / Ed. by B. Gordon and P. Marshall. Cambridge, 2001.
- Plowden C.* Remarks on a Book entitled Memoirs of Gregorio Panzani. Liège, 1794.
- Po-chia Hsia R.* The World of Catholic Renewal, 1540—1770. Cambridge, 1998.
- Po-chia Hsia R., van Nierop H. F.K.* Calvinism and Religious Toleration in the Dutch Golden Age. Cambridge, 2002.
- The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting across Early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman and B. Houben. Leiden, 2014.
- Pollard A.F.* Henry VIII. L., 1902.
- Pollard A.F.* Thomas Cranmer and the English Reformation, 1489—1556. L., 1904.
- Pollard A.F.* Wolsey: Church and State in Sixteenth Century England. L., 1929.
- Pollen J.* Who Wrote the "Letter to Mendoza" of 1588? // The Month. 1911. Vol. 117. P. 300—304.
- Pollen J.* The Institution of the Archpriest. L., 1916.
- Pollen J.* The English Catholics in the Reign of Queen Elizabeth: A Study of Their Politics, Civil Life and Government, 1558—1580. L., 1920; 2nd ed. N.Y., 1971.
- Potter D.* Sir John Gage, Tudor Courtier and Soldier (1479—1556) // EHR. 2002. Vol. 117. P. 1109—1146.
- Pritchard A.* Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, 1979.
- Protestant Identities: Religion, Society, and Self-Fashioning in Post-Reformation England / Ed. by M.C. McCendon, J.P. Ward, M. McDonald. Stanford, 1999.

- Questier M.C.* Sir Henry Spiller, Recusancy and the Efficiency of the Jacobean Exchequer // *Historical Research*. 1993. Vol. 66. P. 251—266.
- Questier M.C.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. Cambridge, 1996.
- Questier M.C.* Conformity, Catholicism and the Law // *Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560—1660* / Ed. by P. Lake and M. Questier. Woodbridge, 2000. P. 237—261.
- Questier M.C.* Elizabeth and the Catholics // *Catholics and the “Protestant Nation”: Religious Politics and Identity in Early Modern England* / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005. P. 69—94.
- Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and Religion, c.1550—1640. Cambridge, 2006.
- Quintrell B.* The Practice and Problems of Recusant Disarming // *RH*. 1983. Vol. 17. P. 208—222.
- von Ranke L.* A History of England, Principally in the Seventeenth Century. L., 1875.
- Read C.* William Cecil and Elizabethan Politics // *Elizabethan Governments and Society* / Ed. by S.T. Bindoff, J. Hurstfield and C.H. Williams. L., 1961. P. 45—47.
- Records of English Catholics under the Penal Law* / Ed. by T.F. Knox. 2 Vols. L., 1878.
- Redworth G.* In Defence of the Church Catholic: the Life of Stephen Gardiner. Oxford, 1990.
- Reinhard W.* Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // *Archiv für Reformationsgeschichte*. 1977. Bd. 68. S. 226—251.
- Reinhard W.* Konfession und Konfessionalisierung in Europa // *Beketnis und Geschichte. Die Confessio Augustana im historischen Zusammenhang* / Hrsg. von W. Reinhard. München, 1981. S. 165—189.
- Reinhard W.* Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1983. Bd. 10. S. 257—277.
- Religious Toleration: “the Variety of Rites” from Cyrus to Defoe* / Ed. by J.C. Laursen L., 1999.
- Rodriquez-Salgado M.J.* The Changing Face of Empire: Charles V, Philip II and Habsburg Authority 1551—1559. Cambridge, 1988.
- Roper L.* Going to Church and Street: Weddings in Reformation Augsburg // *Past and Present*. 1985. Vol. 106. P. 62—101.
- Rose E.* Cases of Conscience: Alternatives open to Recusants and Puritans under Elizabeth I. L., 1975.
- Roundell J.A.E.* Cowdray: the History of a Great English House. L., 1884.
- Rowlands M.* Harbourers and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570—1720 // *Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570—1720* / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 103—122.
- The Rule of Women in Early Modern Europe* / Ed. by A.J. Cruz, M. Suzuki. Miami, 2009.
- Russell G.H.* Philip Woodward: Elizabethan Pamphleteer and Translator // *The Library*. 1950. Vol. 5. P. 14—24.
- Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English People. Oxford, 1984.
- Scott S.D.* “A Book of Orders and Rules” of Anthony Viscount Montague // *SAC*. 1854. Vol. 7. P. 180—181.
- Scott S.D.* Cowdray House and Its Possessions // *SAC*. 1857. Vol. 5. P. 189.
- Seregina A.* Review: Female Monastic Life in Early Tudor England / Ed. by B. Collett. Aldershot, 2002 // *Sixteenth-Century Journal*. Vol. 34. 2003. P. 800.
- Seregina A.* Religious Controversies and History Writing in Sixteenth-Century England // *The Medieval Chronicle*. 2011. Vol. 7. P. 223—238.
- Sharpe J.A.* Remember, Remember: a Cultural History of Guy Fawkes Day. L., 2005.

- Schilling H.* Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Eine Fallstudie über das Verhältnis von religiös und sozialen Wandel in der Frühneuzeit an Beispiel der Graschaft Lippe. Gütersloh, 1981.
- Schilling H.* Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // *Historische Zeitschrift*. 1988. Bd. 246. S. 1—45.
- Schilling H.* Reformation, Counter-Reformation and the Early Modern State: A Reassessment // *Catholic Historical Review*. 1989. Vol. 75. P. 383—404.
- Schilling H.* Confessional Europe // *Handbook of European History in the Late Middle Ages, Renaissance, and Reformation, 1400—1600*. Leiden, 1995. Vol. 2 / Ed. by T. Brady, H. Oberman, J. Tracy. P. 641—675.
- Schilling H.* Confessionalization: Historical and Scholarly Perspectives of a Comparative and Interdisciplinary Paradigm // *Confessionalization in Europe, 1550—1700: Essays in Honor and memory of Bodo Nischam* / Ed. by J.M. Headley, H.J. Hillebrand, A.J. Papalas. Aldershot, 2004.
- Schilling H.* Confessionalization and the Rise of Religious and Cultural Frontiers in Early Modern Europe // *Frontiers of Faith: Religious Exchange and the Constitution of Religious Identities, 1400—1750* / Ed. by E. Andor, I. Toth. Budapest, 2004. P. 21—35.
- Sheils W.J.* Catholics and Their Neighbours in a Rural Community: Egton Chapelry, 1590—1780 // *Northern History*. 1998. Vol. 34. P. 109—133.
- Sheils W.J.* Household, Age and Gender Among Jacobean Yorkshire Recusants // *Catholics of Parish and Town, 1558—1778* / Ed. by M. Rowlands. Wolverhampton, 1999. P. 131—153.
- Sheils W.J.* English Catholics at War and Peace // *Religion in Revolutionary England* / Ed. by J. Maltby. Manchester, 2006. P. 138—157.
- Sheils W.J.* “Getting on” and “Getting along” in Parish and Town: Catholics and Their Neighbours in England // *Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570—1720* / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 67—83.
- Shell A.* Catholicism, Controversy and the English Literary Imagination, 1559—1660. Cambridge, 1999.
- Shell A.* Oral Culture and Catholicism in Early Modern England. Cambridge, 2007.
- Shirley T.F.* Thomas Thirlby. L., 1964.
- Skidmore D.* Death and the Virgin: Elizabeth, Dudley and the Mysterious Fate of Amy Robsart. L., 2010.
- Smuts M.* Religion, European Politics and Henrietta Maria's Circle // *Henrietta Maria: Piety, Politics and Patronage* / Ed. by E. Griffey. Aldershot, 2008. P. 13—37.
- Sommerville J.P.* Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603—1640. L., 1986, 2nd ed.: L., 1999.
- Southern A.C.* Elizabethan Recusant Prose, 1559—1582. London—Glasgow, 1950.
- Starkey D.* Elizabeth. L., 2000.
- Stone L.* The Crisis of Aristocracy. Oxford, 1965.
- Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England, 1580—1800. N.Y., 1977.
- Stopes C.C.* The Life of Henry, Third Earl of Southampton, Shakespeare's Patron. Cambridge, 1922.
- St. John Hope W.H.* Cowdray and Easebourne Priory. L., 1919.
- Strocchia S.T.* Death and Ritual in Renaissance Florence. Baltimore, 1992.
- Strong R.* Tudor and Jacobean Portraits. 2 Vols. National Portrait Gallery. L., 1969.
- Strong R.* Artists of the Tudor Court. L., 1983.
- Tarlow S.* Ritual, Belief, and the Dead in Early Modern Britain and Ireland. Cambridge, 2011.
- Taunton E.L.* The History of the Jesuits in England, 1580—1773. L., 1901.
- Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. L., 1971.
- Tolerance and Intolerance in the European Reformation / Ed. by O.P. Grell and B. Scribner. Cambridge, 2002.

- Trapp S.L.* The Merchant Class of London, 1300—1500. Ann Arbor, Michigan, 1989.
- Trvelyan G.M.* The Social History of England. L., 1944.
- Trimble W.R.* The Catholic Laity in Elizabethan England, 1558—1603. Cambridge, Mass., 1964.
- Tyacke N.* Anti-Calvinists: the Rise of English Arminianism, c.1590—1640. Oxford, 1987.
- Tyacke N.* Archbishop Laud // The Early Stuart Church, 1603—1642 / Ed. by K. Fincham. Basingstoke, 1993. P. 51—70.
- Venard M.* Histoire du christianisme des origines à nos jours. Paris, 1987. T. VIII. Le temps des confessions, 1530—1620.
- Victoria County History. Surrey. L., 1911. Vol. III.
- Victoria County History. Sussex. L., 1907. Vol. II; L., 1953. Vol. IV; L., 1940. Vol. VII; L., 1937. Vol. IX.
- Vidmar J.* English Catholic Historians and the English Reformation, 1585—1954. Brighton, 2005
- Voak N.* Richard Hooker and Reformed Theology: a Study of Reason, Will, and Grace. Oxford, 2003.
- Voss P.* The Catholic Presence in English Renaissance Literature // The Ben Jonson Journal. 2000. Vol. 7. P. 1—26.
- Walker C.* Gender and Politics in Seventeenth-Century English Convents: English Convents in France and the Low Countries. Basingstoke; N.Y., 2003.
- Walker F.X.* The Implementation of the Elizabethan Statutes against Recusants, 1581—1603 (unpublished Ph.D. thesis). L., 1961.
- Walsham A.* The Parochial Roots of Laudianism Revisited: Catholics, Anti-Calvinists, and “Parish Anglicans” in Early Stuart England // JEH. 1998. Vol. 96. P. 620—651.
- Walsham A.* Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. L., 1993, 2nd ed.: Woodbridge, 1999.
- Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // Past and Present. 2000. Vol. 168. P. 72—123.
- Walsham A.* England’s Nicodemites: Crypto-Catholicism, and Religious Pluralism in the Post-Reformation Context // The Adventure of Religious Pluralism in Early Modern France / Ed. by K. Cameron, M. Greengrass, P. Roberts. Oxford; Bonn, 2000.
- Walsham A.* “Yealding to the Extremitie of the Tyme”: Conformity, Orthodoxy, and the Post-Reformation Catholic Community // Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560—1660 / Ed. by P. Lake and M. Questier. Woodbridge, 2000. P. 211—236.
- Walsham A.* Unclasping the Book? Post-Reformation English Catholicism and the Vernacular Bible // Journal of British Studies. 2003. Vol. 42. P. 141—166.
- Walsham A.* Preaching without Speaking: Script, Print and Religious Dissent // The Uses of Script and Print, 1300—1700 / Ed. by J.C. Crick, A. Walsham. Cambridge, 2004. P. 211—234.
- Walsham A.* Holywell: Contesting Sacred Space in Post-Reformation Wales // Sacred Space in Early Modern Europe / Ed. by W. Coster, A. Spicer. Cambridge, 2005. P. 211—236.
- Walsham A.* Charitable Hatred: Tolerance and Intolerance in England, 1500—1700. Cambridge, 2006.
- Walsham A.* Angels and Idols in England’s Long Reformation // Angels in Early Modern World / Ed. by P. Marshall, A. Walsham. Cambridge, 2006. P. 134—167.
- Walsham A.* Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570—1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 103—122.
- Walsham A.* The Reformation of Landscape: Religion, Identity, and Memory in Early Modern Britain and Ireland. Oxford, 2011.
- Wark K.R.* Elizabethan Recusancy in Cheshire. Manchester, 1971.

- Watson E. "A Stiff-necked, Willful and Obstinate People": the Catholic Community on the North York Moors, c. 1559—1603 // *Yorkshire Archaeological Journal*. 2006. P. 181—204.
- Weir A. Elizabeth of York. The First Tudor Queen. L., 2013.
- Weir A. The Lost Tudor Princess: a Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox. L., 2015.
- Wernham R.H. After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588—1595. Oxford, 1984.
- White M. A. Henrietta Maria and the English Civil Wars. Aldershot, 2006.
- Willaert H. History of an Old Catholic Mission: Cowdray — Easebourne — Midhurst. L., 1928.
- Williams N. Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk. L., 1964.
- Wilson D. The Uncrowned Kings of England: the Black Legend of the Dudleys. L., 2005.
- Women and Politics in Early Modern England, 1450—1700 / Ed. by J. Daybell. Aldershot, 2004.
- The World of Rural Dissenters, 1520—1725 / Ed. by M. Spufford. Cambridge, 1995.
- Wright A.D. Catholic History, North and South // *Northern History*. 1978. Vol. 14. P. 126—151.
- Wright A.D. Catholic History, North and South, Revisited // *Northern History*. 1989. Vol. 25. P. 120—134.
- Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525—1700. N.Y.;L., 1979.
- Wrightson K. English Society, 1580—1680. L., 1982.
- Zagorin P. How the Idea of Toleration Came to the West. Princeton, 2003.
- Zeeden E.W. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // *Historische Zeitschrift*. 1958. Bd. 185. S. 249—299.
- Zeeden E.W. Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München—Wien, 1965.
- Zeeden E.W. Konfessionsbildung. Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholischen Reform. Stuttgart, 1985.
- Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Виппер Р.Ю. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.
- Ведюшкин В.А. Кастильское дворянство XVI в. и «чистота крови» // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 277—283.
- Ведюшкин В.А. Тяжбы за идальгию в Испании XVI в.: правовые нормы, королевская политика и социальная практика // *Право в средневековом мире* / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 121—139.
- Ведюшкин В.А. Бернардино де Мендоса и его трактат «Теория и практика войны» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2009. Вып. 29. С. 201—215.
- Винокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004.
- Волосникова Л.М. Католики елизаветинской Англии // *Нобили и парии средневекового общества*. Тюмень, 1997.
- Гусарова Т.П. Когда Его Величество Король далеко... (Венгерский королевский двор в первой половине XVII в.) // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.;СПб., 2001. Вып.1. С. 165—181.
- Гусарова Т.П. Протестанты и католики на венгерских государственных собраниях в первой половине XVII века (к вопросу о формировании политической культуры) // *Средние века*. М., 2001. Вып. 62. С. 43—61.
- Гусарова Т.П. Двор венгерских надоров в XVII в. // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал* / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 469—495.
- Гусарова Т.П. Цена выбора: политическая карьера надора Миклоша Эстерхази

- // Человек XVII столетия / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2005. Часть 1. С. 106—121.
- Гусарова Т.П. Чиновный аппарат на представительных собраниях Венгрии XVII в. (по спискам депутатов) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 44—62.
- Дмитриева О.В. Пуритане в парламенте и абсолютизм во второй половине XVI в. // Английская реформация. М., 1990. С. 64—99.
- Дмитриева О.В. В поисках надежного мирового судьи: чистки местной администрации в елизаветинской Англии // Средние века. М., 1995. Вып. 58. С. 48—68.
- Дмитриева О.В. Елизавета I М., 1998.
- Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI—начала XVII в. Дисс. ... д.и.н. М., 2011.
- Домнина Е.Г. Английская дипломатическая служба и папская курия (1485—1558 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2008.
- Европейское дворянство XVI—XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997.
- Ерохин В.Н. Советская историография о религиозной Реформации в Англии // Историк и общество: отечественное англоведение 1917—1991 гг. / Отв. ред. М. П. Айзенштат. М., 2008. С. 164—175.
- Исаенко А.В. Пуританская Реформация в Англии XVI в. Орджоникидзе. 1980.
- Исаенко А.В. Английская королевская реформация. Орджоникидзе, 1982.
- Лучицкий И.В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи (до Булонского мира). СПб., 1870.
- Лучицкий И.В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Ч. 1;
- Лучицкий И.В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877. Т.1.
- Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (Историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984.
- Нобилитет в истории Старой Европы / Отв. ред. А.Ю. Прокопьев, С.Е. Федоров. СПб., 2010.
- Осиновский И.Н. Томас Мор и реформация Генриха VIII (к вопросу о противоречиях в идеологических взглядах Т. Мора) // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв. М., 1960. С. 79—95.
- Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978.
- Осиновский И.Н. Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI века // Культура Эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 218—226.
- Павлова Т.А. Роль раннего пуританизма в политической и культурной жизни Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 226—231.
- Потехин А.Н. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603 гг.). Казань, 1894.
- Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648 гг. СПб., 2002.
- Прокопьев А.Ю. Дворянство Священной Римской Империи: социо-культурный аспект // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. СПб., 2007. С. 207—225.
- Прокопьев А.Ю. Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 63—95.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. М., 2011.
- Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // Англия в эпоху абсолютизма. М., 1984.
- Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.
- Серегина А.Ю. «Истинная» реформация Англии в представлении английской като-

- лической эмиграции конца XVI века («Записки о реформации Англии» Роберта Парсонса) // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 107—117.
- Серегина А.Ю. Идея народного договора в елизаветинской Англии: Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. Вып. 1. С. 279—294.
- Серегина А.Ю. Проблема происхождения власти и государства в католической мысли на рубеже XVI и XVII веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2000. С. 201—213.
- Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и Английская Революция // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 26—42.
- Серегина А.Ю. Веротерпимость и религиозные преследования: августиновская традиция в английской религиозной полемике конца XVI—начала XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 136—154.
- Серегина А.Ю. Английская благочестивая литература рубежа XVI—XVII вв., религиозная полемика и «обращения в истинную веру» // Книга в культуре Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2002. С. 118—128.
- Серегина А.Ю. Подданные и тиран: король Иоанн в полемических произведениях английских католиков конца XVI—начала XVII вв. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. С. 204—222.
- Серегина А.Ю. История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI—начала XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 85—111.
- Серегина А.Ю. Английская Реформация глазами католических историков XVI в. // Вестник Российского Общества Интеллектуальной Истории [РОИИ]. 2003. № 6. <http://roii.ru/bulletin/roii—bulletin—6.pdf>.
- Серегина А.Ю. Смиренная мятежница: обращение в католичество Элизабет Кэри // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2003. Вып. 5. С. 121—144.
- Серегина А.Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 144—155.
- Серегина А.Ю. Религиозная полемика и выбор конфессии в Англии начала XVII в.: Ричард Шелдон // Человек XVII столетия / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. М., 2005. Часть 1. С. 159—173.
- Серегина А.Ю. Античные историки в английской полемической литературе конца XVI—начала XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 15. С. 77—90.
- Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI—начала XVII вв. СПб., 2006.
- Серегина А.Ю. История и английская религиозная полемика XVI—начала XVII вв. // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 506—553.
- Серегина А.Ю. Изгнание из Оксфорда // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. С. 175—193.
- Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI—начала XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. Вып. 12. С. 118—144.
- Серегина А.Ю. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная/конфессиональная идентичность в XVI—начале XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 21. С. 389—411.
- Серегина А.Ю. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI—начала XVII вв. // Социальная идентич-

- ность средневекового человека / Под ред. А.А. Сванидзе и П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 213—226.
- Серегина А.Ю. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 5—32.
- Серегина А.Ю. Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы в Каудрей (1591 г.) // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной / Под общ. ред. А.Г. Суприянович. М., 2007. С. 357—373.
- Серегина А.Ю. Сбой системы: применение формулы *peine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI века // Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 224—249.
- Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2008. Вып. 15. С. 53—99.
- Серегина А.Ю. Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI—XVII вв. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 195—207.
- Серегина А.Ю. Религиозная полемика и хронология. Расчет пасхалии в английской религиозной полемике XVI века // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 222—238.
- Серегина А.Ю. Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 25/2. С. 342—372.
- Серегина А.Ю. Семейная драма и политика: письмо графини Саутхэмптон отцу (1580 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2009. Вып. 17. С. 243—251.
- Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI—начала XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2010. Вып. 32. С. 22—44.
- Серегина А.Ю. Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // Адам и Ева. Альманах гендерной истории М., 2010. Вып. 18. С. 119—139.
- Серегина А.Ю. История и религиозная полемика в эпоху Реформации // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 717—755.
- Серегина А.Ю. Гендерные и конфессиональные аспекты английской демонологии XVI—XVII вв.: ланкастерские ведьмы (1612 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2010. Вып. 18. С. 84—100.
- Серегина А.Ю. Виконты Монтегю: семейная история в контексте конфессионального конфликта XVI в. // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (1—2). С. 223—241.
- Серегина А.Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI—начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 61—73.
- Серегина А.Ю. История глазами проигравших? Роберт Паркин и его повествование о Реформации в Англии (1550 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 37. С. 315—350.
- Серегина А.Ю. Религиозное образование английских католиков в XVII в.: адаптация Тридентской модели // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. / Под ред. Е. Токаревой и М. Инглота. СПб., 2011. С. 201—211.
- Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2011. Вып. 19. С. 119—147.
- Серегина А.Ю. «Католическая энциклопедия» начала XVII в. Формирование исторической памяти английского католического сообщества // Диалог со временем.

- Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 51—63.
- Серегина А.Ю. Женщины-католички в Англии XVI—XVII вв.: публичная роль в частной сфере? // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2012. Вып. 20. С. 83—115.
- Серегина А.Ю. Британия или Испанская империя: наследование английского престола в XVI в. // Средние века. М., 2012. Вып. 73 (1—2). С. 92—112.
- Серегина А.Ю. Семейная история виконтов Монтегю и формирование исторической памяти английского католического сообщества XVI—XVII вв. // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. С. 112—138.
- Серегина А.Ю. Английские католики и светский церковный патронат // Средние века. М., 2013. Вып. 74 (1—2). С. 104—123.
- Серегина А.Ю. Парламентская речь виконта Монтегю (1559 г.) и конструирование семейных историй // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2013. С. 201—226.
- Серегина А.Ю. Виконты Монтегю: репрезентации аристократов-католиков в религиозной и полемической литературе XVI—XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2014. Вып. 46. С. 260—279.
- Серегина А.Ю. Защитник веры и уличный проповедник: Луиса де Карвахаль в Лондоне начала XVII в. // Одиссей 2013. М., 2014. С. 57—89.
- Серегина А.Ю. Образование и пастырская деятельность клириков в английском католическом сообществе XVI—XVII вв.: духовенство в свите виконтов Монтегю // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2014. Вып. 49. С. 108—137.
- Серегина А.Ю. Одержимость и гендерные репрезентации в английской религиозной полемике к. XVI в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2014. Вып. 22. С. 168—182.
- Серегина А.Ю. Свое/чужое католичество. История английского путешественника в Европе середины XVI в. // Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 246—265.
- Серегина А.Ю. Книги и чтение в религиозной культуре английских католиков XVI—XVII вв. // Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 97—158.
- Серегина А.Ю. Фигура умолчания: женщины и таинство крещения в Англии XVI—первой четверти XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2015. Вып. 23. С. 64—98.
- Серегина А.Ю. Привычка жениться: Браки духовенства и религиозная полемика в Англии XVI—начала XVII в. // Повседневные практики Средневековья и раннего Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2015. С. 92—106.
- Серегина А.Ю. Фаворит королевы или мученик? Аристократ-католик при дворе Елизаветы Английской // Кому благоволит фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние Века и Новое время / Под ред. Ю.П. Крыловой. М., 2015. С. 127—177.
- Серегина А.Ю. Сословие vs конфессия: аристократы-католики в парламенте второй половины XVI в. // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время / Под ред. П.Ю. Уварова и С.К. Цатуровой. М., 2015. С. 95—109.
- Серегина А.Ю. «С оружием в руках»: английские католики и политическая пропаганда XVI—XVII веков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2010—2013. М., 2015. С. 131—150.
- Серегина А.Ю. Между Лондоном, Мадридом и Брюсселем: женские монастыри, аристократический патронат и английское католическое сообщество XVI—

- XVII вв. // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Под ред. Е.Н. Кирилловой. М., 2015. С. 97—128.
- Серегина А.Ю. Католики и протестанты в английских приходах XVI в.: сегрегация или интеграция? // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевич Уварова. М., 2016. С. 329—336.
- Серегина А.Ю. Много шума из ничего: переписка с эмигрантами и политические конфликты в Англии конца XVI в. // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / Под ред. А.В. Стоговой. М., 2016. С. 52—71.
- Серегина А.Ю. Развод и выбор конфессии: брачные стратегии английских аристократов начала XVII в. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2014—2016. М., 2016. С. 309—324.
- Серегина А.Ю. Английская аристократка на политической сцене: «Биография» Джейн Дормер // Средние века. М., 2016. Вып. 77 (3—4). С. 357—370.
- Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война 2-е изд. М., 1955.
- Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.
- Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.
- Соколов В.А. Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). М., 1881.
- Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.
- Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959.
- Уваров П.Ю. Франция XVI в. Опыты реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.
- Уваров П.Ю. Семейные ценности Спифамов (разрывы и преемственность в парижском линьяже XVI—XVII вв.) // Средние века. М., 2011. Вып. 72. № 1—2. С. 274—306.
- Федоров С.Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии. СПб., 1993.
- Федоров С.Е. Английская титулованная знать и аристократия к началу правления династии Стюартов. СПб., 2003.
- Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603—1629). СПб., 2005.
- Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.
- Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1984.
- Штокмар В.В. Пуританское движение 70—80-х годов XVI века в Англии // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. 1956. № 192. Вып. 21. С. 138—168.
- Штокмар В.В. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI века // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. С. 124—134.
- Штокмар В.В. К истории английского пуританского движения в конце XVI века // Англия XIV—XVII вв. Горький, 1974. С. 27—36.
- Штокмар В.В. Особенности пуританского движения конца XVI—первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 93—104.

Указатель имен

- Августин Гиппонский, св. — 233, 352, 412, 424, 425, 428
Августин Кентерберийский, св. — 411
Агтред, сэр Генри — 140
Агтред, сэр Роберт — 39
Алессандро Фарнезе, герцог Пармский — 126
Аллен, Уильям, кардинал — 233, 252, 257, 288, 299, 319, 328, 440
Алфрей, Томас — 320, 335
Альтовити, Антонио — 352
Амикони, Якопо — 384
Андертон, Лоренс — 369
Андертон, Роберт — 424
Анна, св. — 461
Анна Болейн — 52, 66, 67, 68, 79, 111
Анна Клевская — 71
Анна Датская — 197, 272, 303, 341, 402
Антоний, св. — 461
Ардерн, семья — 281
Ардерн, Джон — 157, 275, 276
Ардерн, Джон — 276
Ардерн, Джон (из Чичестера) — 276
Ардерн, Джордж — 276
Ардерн (урожд. Гейдж), Мэри — 276
Ардерн, Роберт — 276
Ардерн, Уильям — 276
Ардерн, Элизабет — 276
Ардерн (урожд. Колдэм), Элинор — 276
Аретино, Пьетро — 236
Артур, принц Уэльский — 40, 41
Бабингтон, Джервез, епископ Вустерский — 139
Бабингтон, Энтони — 124, 476
Бабторп, семья — 452
Бабторп, Барбара — 452
Бабторп, Грейс — 452, 454
Бабторп, Ральф — 452
Бабторп, сэр Ральф — 452
Бабторп, Роберт — 452
Бабторп, Томас — 452
Бабторп, сэр Уильям — 452
Бабторп, Фрэнсис — 452
Байард — 361
Байнбрайд, Томас — 323
Бакленд, Томас — 317
Банистер (урожд. Гейдж), Мэри — 273
Банистер (урожд. Саутуэлл), Мэри — 273
Банистер, Эдвард I — 142, 144, 273,
Банистер, Эдвард II — 426, 273
Банкрофт, Ричард, архиепископ Кетерберийский — 168, 190, 427
Банни, Эдмунд — 427
Барберини, Франческо, кардинал — 193
Баркер, Томазина — 290
Баркер, Томас — 290
Баркер, Уильям — 115
Барклай, Александр — 218
Барлоу, Уильям, епископ Чичестерский — 326
Барнс, Ричард, епископ Карлайлский — 139
Барнс, Мэри — 445
Барнс, Роберт — 124, 157, 158, 275, 277, 296, 361, 371, 445, 477
Бассетт, Уильям — 356, 371, 372
Батлер, Чарльз — 11
Батхёрст, Стивен — 320
Бауден, Кэролайн — 437, 443
Баутри, Джон — 323
Бедингфилд, Маргарет — 444, 448
Бедингфилд, Мэри — 444, 448, 453
Бедингфилд, Мэтью — 444
Бедингфилд (урожд. Лейкон), Хелен — 444
Бедингфилд, Энн — 448
Бедфорд, граф — см. Рассел
Бейкер, сэр Джон — 53
Бейнс, Ральф, епископ Личфилдский — 89
Бейсайр, Джеймс
Бекингэм, герцог — см. Стаффорд, Виллиерс
Беллармино, Роберто, кардинал — 296, 407, 428
Беллинзага, Изабелла Кристина — 455
Беллинхэм, Николас, епископ Линкольнский — 139

- Бенет — 338
 Бенетт, Джон — 323
 Беннетт, Джон, священник — 363
 Беннетт, Джон — 182
 Беннетт, Роберт, епископ Херефордский — 168
 Беннетт, сэр Томас — 173
 Беннетт, Эдвард — 190, 362, 363, 375
 Беннетт, Энтони, епископ Сент-Дэвидский — 171
 Бентли (урожд. Роупер), Кэтрин — 356, 357, 362, 371
 Бентли, Эдвард — 356, 371
 Бентэм, Томас, епископ Личфилдский — 137
 Бервик, Джон — 281
 Бервик, Ричард — 281
 Беркли, Джоан — 235, 443, 455
 Беркли (урожд. Стенхоуп), Элизабет, баронесса — 186
 Беррингтон, Джозеф — 11
 Берти, Перегрин, барон Уиллоуби де Эресби — 128, 136, 151
 Бёрд, Джон — 383
 Бёрд, Кристофер — 387
 Бёрд (урожд. Мор), Кэтрин — 387
 Бёрд, Уильям — 387
 Бёрк, Питер — 16
 Бёркхед, Джордж, архипресвитер — 176, 190, 234, 362, 363, 365, 366, 367
 Бёрли, барон — см. Сесил
 Бёрчер, Генри, граф Эссекс — 41
 Бёрчер (урожд. Блаунт) Мэри, графиня Эссекс — 41
 Бёрчер, Уильям, граф Бат — 89
 Бёрчер (урожд. Вудвилл), Энн, графиня Эссекс — 41
 Бидон, Ричард — 91
 Бикли, Томас, епископ Чичестерский — 326
 Билсон, Томас, епископ Вустерский — 168
 Биннеман, Генри — 422
 Бифорт, Генри, герцог Сомерсет — 43
 Бифорт, Джон, герцог Сомерсет — 40
 Бифорт, Эдвард, герцог Сомерсет — 36
 Бишоп, Джон — 225
 Бишоп, Уильям, епископ Халкедонский — 192, 365, 366, 368, 399, 440
 Благ, Джордж — 73
 Блаунт, Ричард — 156, 236
 Блаунт, Чарльз, барон Маунтджой, граф Девоншир — 164, 168
 Блаунт, сэр Фрэнсис — 462
 Бломер, Джон — 55, 303
 Бломер (урожд. Браун), Фрэнсис — 55, 303
 Блэкуэлл, Джордж, архипресвитер — 167, 189, 190, 365, 408
 Блэкуэлл, Констанс — 28
 Блюет, Томас — 230
 Богард, Мартин — 462
 Болейн, сэр Томас — 44, 52, 62, 81
 Бонавентура, св. — 462
 Боннер, Эдмунд, епископ Лондонский — 89, 92
 Боро (урожд. Фицуильям), Элизабет — 45
 Борромео, Карло, св. — 235
 Босси, Джон — 17, 18, 23, 34, 248, 253, 264, 292, 293, 246, 347, 349, 418, 431, 481, 492
 Бойер, Генри — 149
 Бойер, Томас I — 143, 149, 186
 Бойер, Томас II — 186
 Бойс, Томас — 165
 Бост, Джон — 360, 361
 Браденелл, семья — 231, 232
 Браденелл (урожд. Трешэм), Мэри — 232, 233, 407
 Браденелл, Томас — 232
 Брайан, Маргарет — 461
 Браун, семья — см. Монтегю, семья — 35
 Браун, Генри — 149, 332, 333, 445
 Браун, сэр Генри — 50, 116, 153, 173, 174, 234, 263, 268, 270, 333, 447
 Браун, Генри, пятый виконт Монтегю — 488
 Браун (урожд. Кортни, во 2м браке Паркер), Джейн — 130
 Браун (урожд. Рэдклифф), Джейн, виконтесса Монтегю — 46, 80, 117, 301
 Браун (урожд. Сэквил), Джейн, виконтесса Монтегю — 52, 157, 236, 271, 302, 329, 413
 Браун, Джейн — 446
 Браун (в 1м браке Темпест), Джоан — 360

- Браун, Джон I — 35
 Браун, Джон II — 54, 270, 307
 Браун, сэр Джордж I — 36, 38
 Браун, сэр Джордж II — 167, 177, 268, 323, 329, 332, 333
 Браун, Джулиана — 36
 Браун, Кэтрин — 448
 Браун, Люси — 55, 445
 Браун (урожд. Невилл; в 1м браке Фицуильям), Люси — 39, 40, 41, 42
 Браун, Магдален — 447, 453
 Браун (урожд. Дейкр), Магдален, виконтесса Монтегю — 46, 47, 80, 101, 103, 113, 114, 122, 133, 136, 142, 148, 155, 159—162, 165, 174, 176, 183, 185, 186, 188, 190, 195, 196, 208, 209, 215, 216, 235, 264—268, 277, 278, 283, 297, 301, 308, 309, 323, 324, 329, 332, 335—338, 356—358, 359, 363, 364, 370, 372, 374, 375, 383, 384, 386, 387, 389, 390—394, 396, 397, 399, 413, 414, 419—421, 424, 426, 428, 430—433, 444, 462, 464, 465, 470, 472—475, 478, 479, 492
 Браун (урожд. Дормер, во 2м браке Ювдейл), Мэри — см. Ювдейл, Мэри — 49, 205, 301,
 Браун (урожд. Моллет), Мэри — 37
 Браун (урожд. Тируит), Мэри — 50, 446
 Браун (урожд. Хангейт, в 1м браке Примстон), Мэри — 51, 445
 Браун, сэр Питер — 184
 Браун, Ричард — 165
 Браун (ле Брен), Роберт — см. Браун, сэр Роберт
 Браун, сэр Роберт (XIV в.) — 35
 Браун, сэр Роберт — 35, 36
 Браун (урожд. Скотт), Роуз — 35
 Браун, Стивен — 35, 36
 Браун, Томас — 36
 Браун, сэр Томас — 36, 37
 Браун из Элсинга, Уильям — 47, 154, 307, 427
 Браун, Уильям I — 37, 54, 441, 442, 446, 464
 Браун, Уильям II — 121
 Браун, Уильям III — 188
 Браун, Уинифрид — 447, 448, 450
 Браун, Фрэнсис I, монахиня — 448, 450
 Браун, Фрэнсис II, монахиня — 448, 449,
 Браун, сэр Фрэнсис — 47, 119, 120, 127, 154, 180, 268, 332, 333, 359, 360,
 Браун, Фрэнсис, третий виконт Монтегю — 55—57, 183, 184, 193, 199, 236, 303, 307, 377, 487
 Браун, Фрэнсис, четвертый виконт Монтегю — 242, 440
 Браун, Элизабет — 447, 448, 450
 Браун (урожд. де Грей) Элизабет — 36
 Браун (урожд. Пастон), Элизабет — 36, 38
 Браун (урожд. Сомерсет), Элизабет, виконтесса Монтегю — 55, 184, 199, 303
 Браун (урожд. Агтред), Элинор — 39
 Браун (урожд. Бриджес), Элинор — 50
 Браун (урожд. Фицалан), Элинор — 36, 37
 Браун, Элис — 36
 Браун, Эмброуз, баронет — 38
 Браун, Энн I — 55, 445
 Браун, Энн II — 447, 453
 Браун (урожд. Белл), Энн — 51
 Браун (урожд. Гифорд), Энн — 54
 Браун (урожд. Горинг), Энн — 47
 Браун (урожд. Кейтсби), Энн — 50
 Браун (урожд. Хастингс), Энн — 47
 Браун, Энтони — 184
 Браун, Энтони (1593) — 296
 Браун, Энтони (XIV в.) — 35
 Браун, сэр Энтони (ум. 1506) — 37—47
 Браун, сэр Энтони (ум. 1548) — 41, 42, 56, 59, 60, 62—74, 78, 203, 204, 300, 307, 314, 351, 462
 Браун, сэр Энтони (ум. 1592) — 26, 49, 155, 205, 268, 295, 302, 361
 Браун, сэр Энтони — 51
 Браун, Энтони, первый виконт Монтегю — 26, 46—54, 57, 75—117, 118—153, 155, 156, 160, 162, 186, 188, 198, 199, 204—212, 214—217, 218—227, 234, 254, 256, 259—263, 268, 272—274, 283, 294, 301, 307, 314, 315—324, 329—335, 337, 351—358, 362, 374, 382, 383, 387, 392, 396, 397, 422—425, 429, 431, 433, 443—445, 448, 476, 479, 485—486, 489
 Браун, Энтони шестой виконт Монтегю — 384
 Браун, Энтони Мария, второй виконт Монтегю — 26, 52—55, 57, 58, 153, 155, 159, 162—183, 185, 187—194, 212—217, 227—231, 234—242, 269—

- 272, 274—284, 292, 295—297, 302, 307, 309, 310, 324—327, 329, 335—337, 359—361, 363—378, 384, 387, 396, 398, 400, 403, 407—412, 416, 420, 424—429, 438, 441, 442, 445—448, 457, 462—464, 466—467, 471, 486—488
- Брейт, Кёртис — 125, 130, 131, 210
- Брейтелл, Климент — 320
- Брендон (урожд. Браун), Энн — 41, 42
- Брендон, сэр Томас — 41
- Брендон, сэр Уильям — 41
- Брендон, Чарльз, герцог Саффолк — 41, 42, 66, 203, 204, 300
- Бриггс, Томас — 317
- Бриджес, Джон, первый барон Чандос — 50
- Бриджес, Грей, пятый барон Чандос — 168, 169
- Бринкборн, Роджер — 335
- Бристоу, Роберт — 257
- Брук, сэр Бэзил — 366
- Брук, Уильям, барон Кобэм — 89
- Бруксби Элинор (урожд. Вокс) — 454
- Брутон, Ричард — 168
- Брюнер, Каспар фон, барон Рабенштайн — 103
- Буллакер, Джон — 236, 406
- Буллакер, Томас — 406
- Буллакер, Уильям — 406
- Бурбон, Анри (Генрих) де, принц Конде — 134
- Бурн, Ричард, епископ Батский — 169
- Бьянкетти, Лоренцо, кардинал — 191
- Бэкон, сэр Николас — 106
- Бэкон, сэр Фрэнсис — 179
- Вебер, Макс — 15
- Ведюшкин В.А. — 24, 28
- Вергилий (Публий Вергилий Марон) — 220
- Виллиерс, Джордж, герцог Бекингэм — 179, 184, 402
- Виллиерс (урожд. Мэннерс), Кэтрин, герцогиня Бекингэм — 402
- Виллиерс (урожд. Бимонт), Мэри, графиня Бекингэм — 402
- Вильгельм I Завоеватель, король Англии — 35, 40, 43, 471
- Виндзор, Генри, барон — 166, 168, 169, 356, 371
- Виндзор, Томас, барон — 181
- Виндзор, Эдвард, барон — 137
- Винокурова М.В. — 28
- Винсент, Томас — 332, 333
- Винтур, Мэри — 444
- Винтур, сэр Эдвард — 444
- Винтур (урожд. Сомерсет), Энн — 444
- Винчестер, маркиз — см. Полет
- Вир, Генри де, восемнадцатый граф Оксфорд — 179
- Вир, Эдвард де, семнадцатый граф Оксфорд — 49, 139
- Вир, Элизабет де — 49
- Вителлески, Муцио — 193
- Вокс, Джойс — 446
- Вокс, Лоренс — 252, 407
- Вокс из Хэрроудена, семья — 44
- Вокс из Хэрроудена, Джордж, барон — 446
- Вокс из Хэрроудена, Уильям, барон — 154, 234, 476
- Вокс из Хэрроудена, Эдвард, барон — 181, 199, 284
- Вокс (урожд. Роупер), Элизабет, леди — 446
- Вон, Ричард, епископ Честерский — 168
- Вон, сэр Томас — 37, 38
- Вотрулье, Тома — 224
- Вудвард, Джордж — 158
- Вудвард, Мэтью — 278
- Вудворд, Филипп — 233
- Вудвилл, семья — 37
- Вудвилл, Энтони, граф Риверс — 38
- Вудмен, Ричард — 92, 354
- Вустер, граф — см. Сомерсет
- Габсбурги, династия — 63, 81, 83, 87, 103, 134, 135, 184
- Гай, Ричард — 323
- Гарднер, Стивен, епископ Винчестерский — 59, 70, 72, 73, 79, 89, 92, 101, 234, 351, 354
- Гарнет, Генри — 154, 174, 256, 360, 421, 422, 466
- Гарнет, Ричард — 120
- Гарнет, Энтони — 120, 156, 263, 273, 308, 335, 355—357
- Гаскойн, Джордж — 205, 207
- Гаскойн, сэр Джордж — 142
- Гаскойн (урожд. Фицуильям) Маргарет — 42

- Гаскойн, сэр Уильям — 42
 Гауэн, Фрэнсис — 455
 Гауэр, Фрэнсис — 156, 360
 Гвидобальдо II делла Ровере, герцог Урбинский — 84
 Гвильельмо II Гонзага, герцог Мантуанский — 82, 87
 Гейдж, семья — 147, 184, 185, 273, 332, 361, 367, 404
 Гейдж, Барбара — 444, 446, 449, 452
 Гейдж, Генри — 441
 Гейдж, сэр Джеймс — 92
 Гейдж, Джон — 120, 130, 185,
 Гейдж, сэр Джон I — 44, 77
 Гейдж, сэр Джон II — 167
 Гейдж (урожд. Копли), Маргарет — 451
 Гейдж, Мэри — 444, 446, 449
 Гейдж, Роберт — 157, 158, 275,
 Гейдж, Сьюзен — 447
 Гейдж, Томас — 187
 Гейдж, Фрэнсис — 441
 Гейдж, Хелен — 451
 Гейдж, Эдвард — 185, 336
 Гейдж, сэр Эдвард — 130
 Гейдж, Элизабет — 444, 449
 Гейдж, Энн — 444, 446
 Гейдж из Бентли, Эдвард — 335, 366, 446
 Гейдж из Хейлинга, Джон — 451
 Гейдж из Хейлинга, Роберт — 124, 444
 Гейнсфорд, Томас — 226
 Генриетта-Мария Французская — 55, 56, 183, 184, 192, 199, 239, 241, 304, 341, 387, 471, 484
 Генри Стюарт, принц Уэльский — 177
 Генрих II, король Франции — 81, 83, 87, 98
 Генрих III, король Франции — 116, 175
 Генрих IV, король Франции — 126, 128, 129
 Генрих VI, король Англии — 36, 37
 Генрих VII, король Англии — 38—41, 125, 388
 Генрих VIII, король Англии — 9, 10, 41—44, 46—48, 50, 59—76, 93, 102, 104, 110, 129, 202—204, 219, 238, 300, 307, 314, 422, 438
 Генрих Анжуйский — см. Генрих III
 Гест, Эдмунд, епископ Рочестерский — 137
 Гиббонс, Кэти — 28
 Гиз (урожд. д'Эсте), Анна де, герцогиня — 83
 Гиз, Генри де, герцог — 115, 122, 123
 Гиз, Мария де — 133
 Гиз, Рене де — 443
 Гиз, Франсуа де, герцог — 83
 Гилдридж, Джеймс — 277
 Гилкрест, Джеймс — 162
 Гилфорд, семья — 44, 51, 185
 Гилфорд, сэр Генри I — 66
 Гилфорд, сэр Генри II — 185
 Гилфорд, сэр Эдвард — 62
 Гленэм, сэр Генри — 130
 Гленэм (урожд. Сэквил), Энн — 130
 Глостер, герцог — см. Ричард III
 Голдсмит, Роберт — 155, 274
 Голдуайер, Эдвард — 277
 Голдуайер, миссис — 277
 Гольбейн Младший, Ганс — 203
 Гондомар, граф — см. Сармьенто де Акунья
 Гонзага, Ферранте, герцог Ариано, принц Молфетта — 82
 Гонзага, Эрколе, кардинал — 83
 Горинг, сэр Генри — 130, 131, 156, 186, 334
 Горинг, Джереми — 320
 Горинг, Джордж — 145
 Горинг, сэр Уильям — 186
 Горсби, Джейкоб — 322
 Гоф, Мэри — 235
 Граймс, Джордж — 187
 Граймс, Томас — 187
 Гранада, Луис де — 235
 Грей, Генри, маркиз Дорсет, герцог Саффолк — 46, 89, 329
 Грей, Кэтрин, леди — 103, 104
 Грей, Роберт — 131, 156, 254, 263, 309, 333, 337, 355—357, 372, 374, 470
 Грей, Томас, маркиз Дорсет — 43, 46, 61
 Грей, сэр Томас — 329
 Грей, Фрэнсис (урожд. Брендон), герцогиня Саффолк — 46
 Грей, Чарльз, барон — 169
 Грей из Пирго, Джон, барон — 46, 56, 76, 90, 103, 301, 329
 Грей (урожд. Браун, во 2м браке Капелл), Мэри, баронесса Пирго — 46, 56, 76, 77, 80, 103, 194, 196, 207, 260, 261, 301, 302, 307, 329

- Грей из Уилтона, Артур, барон — 137, 139
- Грей из Поуиса (урожд. Брендон), Энн, баронесса — 42
- Григорий I, папа Римский — 232, 411, 428, 475
- Григорий XIII, папа Римский — 117, 118, 122
- Гринвуд, Ричард — 323
- Гриндел, Эдмунд, епископ Лондонский — 136
- Гриффин, миссис — 466
- Гриффин, Морис, епископ Рочестерский — 89
- Гудмен, Джейн — 372
- Гусман де Силва, Диего де — 106, 262
- Даберцхофер, Хризостом — 215
- Дадли, семья — 44
- Дадли, Гилфорд — 77, 80
- Дадли (урожд. Гилфорд), Джейн, герцогиня Нортгумберленд — 62, 76
- Дадли, Джон, виконт Лайл, герцог Нортгумберленд — 62, 76
- Дадли, Роберт, граф Лестер — 49, 51, 80, 100, 102, 104—106, 111, 112, 119, 128, 136, 137—141, 144, 145, 220, 269, 337, 485
- Дадли, Эмброуз, граф Уорик — 51, 80, 128, 136, 137, 141, 228
- Дадли (урожд. Робсарт), Эми — 104
- Дадли (урожд. Рассел), Энн, графиня Уорик — 228
- Дайер, сэр Джеймс — 136
- Дакетт, Джордж — 442
- Дамиан (Дувиан) — 411, 428
- Данкелл, Николас — 290
- Дарси из Чича, Джон, барон — 133, 137
- Дарси из Чича, Томас, барон, граф Риверс — 223
- Даусэм (Донсем) — 120
- Даутри (урожд. Роупер), Маргарет — 145
- Даутри, Уильям — 145, 146, 148, 149
- Даффи, Эмон — 16, 392, 399, 418, 420
- Деверо, Уолтер, виконт Херефорд, первый граф Эссекс — 139
- Деверо, Роберт, второй граф Эссекс — 49, 159, 160, 162—164, 188, 196, 227, 228, 486
- Деверо, Роберт, третий граф Эссекс — 181
- Дей, Джордж, епископ Чичестерский — 89
- Дейкр, Джордж, пятый барон Гилленд — 114
- Дейкр, сэр Леонард — 113, 114
- Дейкр, Томас, четвертый барон Гилленд — 114
- Дейкр, Уильям, третий барон Гилленд — 47, 136
- Дейкр, Фрэнсис — 160
- Дейкр, сэр Фрэнсис — 160—163, 172, 196, 227
- Дейкр, Эдвард — 113
- Дейкр, Элизабет — 160
- Дейкр, Элизабет, баронесса Гилленд — см. Ховард, Элизабет
- Дейкр, Элинор — 160, 161
- Деломо, Жан — 417
- Денби, Уильям — 157, 275, 356
- Денби — 156, 275
- Денверс, Генри, барон — 168, 169
- Денни, Эдвард, барон Роуз — 181
- Дентон, Уильям — 88, 142, 144, 273, 314, 323
- Дерби, граф — см. Стенли
- Деринг, Роберт — 387
- Дибдейл, Ричард — 476, 477, 487
- Дигби, Эмброуз — 321
- Диккенс, Энтони — 14—16
- Дионисий Катугианец — см. Клитхове, Йосс ван — 352
- Джегон, Джон, епископ Норичский — 169
- Джейн Грей, королева Англии — 77, 78, 80
- Джейн Сеймур — 68, 73
- Джексон — 355
- Джерард, Томас, барон — 169
- Джернингэм, сэр Генри — 78
- Джефри, Ричард — 335
- Джеффри, Джон — 145
- Джоанна Акрская — 207, 213
- Джолет, Томас — 232
- Джон Гонт, герцог Ланкастер — 40
- Джонсон, Джон — 161
- Джонсон, Тревор — 410
- Джордж, герцог Кларенс — 38

- Джоселин, Генри — 314, 322
 Джошуа, Ричард — 330, 333, 337
 Джуэл, Джон, епископ Солсберий-
 ский — 139
 Дмитриев М.В. — 28
 Дмитриева О.В. — 28
 Додд, Чарльз — 11
 Додуэлл, Томас — 358
 Долмен, Альбан — 355, 357, 358
 Дормер, семья — 49, 52, 119, 184, 192,
 273, 301, 308, 332, 362, 369, 451
 Дормер (урожд. Банистер), Мэри —
 142, 273
 Дормер (урожд. Сидни), Мэри — 50,
 119
 Дормер (урожд. Ньюдигейт), Джейн —
 50
 Дормер, сэр Джон — 176, 181
 Дормер (урожд. Кейтсби), Дороти — 50,
 187
 Дормер, сэр Роберт — 49, 119, 123, 130,
 176, 181, 205, 301, 335, 356, 371
 Дормер, сэр Уильям — 49, 50, 119, 187
 Дормер (урожд. Браун), Элизабет — 49,
 119, 123, 130, 160, 161, 190, 192, 198,
 199, 205, 208, 301, 356, 357, 361, 362,
 365, 366, 368, 371, 375, 387
 Дормер, Энн — 415
 Дормер, сэр Энтони — 366
 Дормер из Петерли, Роберт — 142, 273
 Дорсет, маркиз — см. Грей
 Дорсет, граф — см. Сэквил
 Дэвис, Ричард, епископ Сент-
 Дэвидский — 139
 Дэвис, Ричард (Уикфилд) — 361, 364,
 476
 Дюваль, Марк — 217
 Екатерина Арагонская — 10, 43, 61, 63,
 65—68, 74, 300, 422, 461
 Екатерина Браганса — 341
 Екатерина Медичи — 81, 356
 Екатерина Парр — 73
 Екатерина Ховард — 71
 Елизавета I, королева Англии — 12, 16,
 34, 45, 48, 49—52, 68, 86, 93, 98, 99—
 106, 111—119, 122, 124, 126, 128—130,
 132—134, 136—138, 142, 144, 146, 147,
 151, 153—155, 159, 160, 162—165, 186,
 188, 195—199, 207—209, 215, 217,
 223—225, 229, 238, 239, 241, 248, 252,
 254, 259, 260, 265—268, 277, 279, 287,
 297, 301, 304, 320, 326, 332, 334, 355,
 356, 370, 435, 485, 486
 Елизавета Йоркская — 40, 41
 Елизавета, принцесса — 177
 Жан д'Альбре, король Наварры — 98
 Зверева Г.И. — 28
 Зуш, Эдвард де ла, барон — 168, 171,
 172, 177
 Идиакес, Хуан де — 161, 198
 Изабелла, правительница Нидерлан-
 дов — 161, 446, 449, 453
 Изелден, Джон — 322
 Иларий, св. — 352
 Илленден, Джон — 323
 Инглфилд (урожд. Браун), Джейн —
 179, 302
 Инглфилд, Унифрид — 462
 Инглфилд, сэр Фрэнсис I — 54, 160, 234
 Инглфилд, сэр Фрэнсис II — 54, 160,
 176, 179, 181, 182, 302
 Инглфилд, Фрэнсис — 462
 Инглфилд, Энтони — 180
 Иоанн, король Англии — 98
 Иосиф Аримафейский, св. — 255, 428
 Исаенко А.В. — 24
 Йепес, Диего де — 9, 477
 Йорки, династия — 37, 40
 Кавуд, Генри — 422
 Кавуд, Джон — 422, 425
 Калверт, Джордж, барон Балтимор —
 57, 199, 200, 239, 284
 Калпепер, семья — 147
 Калпепер, сэр Александр — 119
 Калпепер, Джон — 149
 Калторп, Элизабет — 476
 Кальвин, Жан — 352, 411
 Камберленд, граф — см. Клиффорд
 Камбре, Жанна де — 456
 Кампеджо, Джованни, архиепископ Бо-
 лонский — 84
 Капелл, семья — 46, 207
 Капелл, сэр Генри — 46, 56, 79, 207, 261, 302
 Капелл (урожд. Мэннерс), Кэтрин,
 леди — 46
 Капелл, Мэри — см. Грей, Мэри
 Карвахаль-и-Мендоса, Луиса де — 466,
 467

- Карилл, семья — 141, 147, 185
 Карилл, Джон — 145
 Карилл, сэр Джон — 130, 185
 Карилл из Уорнэма, Джон — 147
 Карилл (урожд. Дормер), Кэтрин — 130
 Карилл, Эдвард 147
 Карл I, король Англии и Шотландии — 55—57, 178, 180, 182—186, 192, 193, 226, 239, 240, 242, 270, 283, 402
 Карл II, король Англии и Шотландии — 471, 488
 Карл V (I), император Священной Римской империи, король Испании — 42, 63, 67, 81—87, 203
 Карл Австрийский, эрцгерцог — 102, 106, 111, 137
 Карл Анжуйский, король Неаполя — 98
 Карл Смелый, герцог Бургундский — 37
 Карлтон, Джордж, епископ Чичестерский — 83
 Карафа, Карло, кардинал — 85
 Карне, Эдвард — 80, 81, 84, 86
 Карри, Джон — 361, 362, 371, 374
 Кастельно, Мишель де, сеньор де Мовиссьер — 117
 Катилина (Луций Сергий Катилина) — 218
 Каушик, Сандип — 34
 Кафолд, семья — 281
 Кафолд, Констанс — 447
 Квадра, Альваро де ла — 103, 134
 Кейп, Джон — 277, 278
 Кейп, Уильям — 278
 Кейтсби, Роберт — 51, 173
 Кейтсби, Уильям — 234
 Келлем, Лоренс — 462
 Келлисон, Мэтью — 193
 Кемп, сэр Гаррет — 185
 Кемпе, Маргарет — 388
 Кенион, Эдвард — 368
 Керр (урожд. Драммонд), Джейн, графиня Роксбург — 272, 303
 Кестье, Майкл — 21, 22, 26, 28, 34, 56, 94, 99, 100, 104, 110, 125, 131, 149, 169, 189, 193, 249, 263, 266, 267, 320, 356, 375, 384, 411, 443, 447,
 Кеттеринг, С. — 21
 Кёртис, Ричард, епископ Чичестерский — 139, 149, 322, 323, 327, 490
 Киллинбек, Фрэнсис — 323
 Киллрой, Дж. — 220, 232
 Кин, Джон 320
 Кингстон, сэр Уильям — 64
 Кириллова Е.Н. — 28
 Кларк, Джон — 166
 Клемент, Дороти — 455
 Клемент, Маргарет — 447, 454, 456
 Клемент (урожд. Гиггс), Маргарет — 447
 Клемент, Сезар — 454
 Клер, Гилберт де, граф Глостер — 40, 207, 213
 Клерк, Бартоломью — 143
 Клерк, Сесили — 143
 Клерк, Энтони — 353, 354, 356, 357
 Климент VII, папа Римский — 66
 Климент VIII, папа Римский — 230
 Клитхове, Йосс ван (Дионисий Картузианец) — 352
 Клиффорд, Генри, барон — 43
 Клиффорд, Генри, второй граф Камберленд — 113
 Клиффорд, Джордж, третий граф Камберленд — 113, 161, 329
 Клиффорд (урожд. Браун), Люси, баронесса — 43
 Клиффорд, сэр Томас — 43
 Клиффорд (урожд. Дейкр), Энн, графиня Камберленд — 113
 Клиффорд (урожд. Рассел), Энн, графиня Камберленд — 329
 Кобб, Николас — 338, 473
 Коверт, Уильям — 145, 334, 337
 Коверт, сэр Уолтер — 145, 146, 186
 Коднор, Дэвид — 378
 Козимо I Медичи, вел. герцог Тосканский — 84
 Кокс, Ричард, епископ Илийский — 139
 Кокс, Фрэнсис — 323
 Колдэм (урожд. Гейдж), Мэри — 276
 Колдэм, Ричард — 276
 Колдэм, Уильям — 276, 314
 Колиньи, семья — 217
 Коллетон, Джон — 168
 Комптон, сэр Генри — 185
 Комптон (урожд. Сэквил), Сесили — 185
 Кон, Джордж — 304

- Конде, принц — см. Бурбон, Анри де — 134
- Конингсби, Уильям — 274, 407
- Констебл, семья — 50, 404
- Констебл, Барбара — 415
- Констебл, сэр Генри — 356, 371
- Констебл (урожд. Дормер), Маргарет — 356, 371
- Контарини, Гаспаро, кардинал — 227
- Копли, Джон — 367, 368, 376, 395, 396, 441
- Копли (урожд. Мун), Ребекка — 367, 368, 395
- Копли, Томас — 168
- Копли, Уильям — 168
- Копли, Энтони — 189, 229
- Корделл, сэр Уильям — 117, 220, 221
- Корнелиус, Джон — 361, 456, 474—476
- Корнуоллис (урожд. Ризли), Кэтрин — 269
- Корнуоллис, Томас — 333
- Корнуоллис (урожд. Браун), Мэри — 333
- Корнуоллис, Роберт — 333
- Кортмен, Уильям — 187
- Кортни, Генри, первый маркиз Эксетер — 69, 70
- Кортни (урожд. Блаунт), Гертруда, маркиза Эксетер — 68
- Кортни, Питер — 440
- Кортни, Маргарет — 43
- Костер У. — 293
- Коттерелл, Роберт — 172
- Коттон, Генри, епископ Солсберийский — 169
- Коттон, семья — 367, 426
- Коттон, Джон — 335
- Коттон, сэр Джордж — 426, 446
- Коттон (урожд. Шелли), Мэри — 446
- Коттон, Ричард — 335
- Коттон, Уильям, епископ Эксетерский — 169
- Коттон, Элизабет — 446
- Коттсмор, Томас — 317
- Крайтон, Уильям — 161
- Кранмер, Томас, архиепископ Кентерберийский — 71—73, 76, 254, 354
- Кресси, Дэвид — 286, 311
- Кресси, Серен — 456
- Кристоферсон, Джон, епископ Чичестерский — 92
- Кром, Эдвард — 73
- Кромвель, Генри, барон — 137
- Кромвель, Томас — 50, 59, 63, 68—72, 79, 314
- Кудрявцев О.Ф. — 28
- Кук, Энн — 290
- Кэмпиион, Уильям — 143
- Кэмпиион, Эдмунд — 117—121, 154, 219—221, 234, 273, 331, 360, 362
- Кэри, Генри, барон Хансдон — 105, 106, 137, 158,
- Кэри, Элизабет, виконтесса Фолкленд — 264
- Кэрю (урожд. Мор), Мэри — 165
- Кэрю, сэр Николас — 70
- Кэрю (Трокмортон), Николас — 165
- Кэрю, Фрэнсис — 165
- Кэрю, сэр Фрэнсис — 165
- Кэтрин Ховард — см. также Екатерина Ховард
- Лайфилд, Томас — 332, 333
- Ламли, Джон, барон — 89, 112, 114, 115, 133, 139, 149, 223, 228, 327
- Ламли (урожд. Дарси), Элизабет, баронесса — 133
- Ланкастеры, династия — 37, 38, 40
- Лардж, Томас — 323
- Ласселс, Джон — 73
- Лаусон (урожд. Констебл), Дороти — 264, 305, 414, 422, 461
- Лейберн, Джон — 440
- Лейкон (урожд. Браун), Джейн — 51, 301
- Лейкон, сэр Фрэнсис — 51, 301
- Леннард, Сампсон — 186, 236
- Лесли, Джон, епископ Росский — 115
- Ли, Генри — 441
- Ли (урожд. Браун), Дороти — 51, 52, 295, 302, 333
- Ли, Ричард — 222
- Ли, Роджер — 52
- Ли, сэр Томас — 356
- Ли, Эдмунд — 52, 302, 333
- Лингард, Джон — 12
- Лоан, Джон — 278, 365
- Ломар, семья — 281
- Ломер, Дэвид — 277

- Лонг, Джон — 358
 Лоуелл (урожд. Роупер), Джейн — 444
 Лоуелл, сэр Роберт — 444
 Лоуелл, Фрэнсис — 444
 Луций — 428
 Луция, св. — 461
 Льюкнор, семья — 148, 188, 334, 486
 Льюкнор, Джордж — 144
 Льюкнор, Кристофер — 186
 Льюкнор, Льюис — 165, 227
 Льюкнор, Ричард I — 143, 144, 165, 186, 333—336
 Льюкнор, Ричард II — 186
 Льюкнор, Томас — 143, 144, 148, 149, 281
 Льюкнор, Эдмунд — 144
 Лэнгдейл, Альбан — 92, 253—259, 262, 263, 297, 308, 309, 316, 317, 353—357, 374, 404
 Лэтимер, Хью, епископ Винчестерский — 73, 254, 354
 Лэмб, семья — 281
 Лэмб (урожд. Кафолд), Констанс — 281, 375, 387, 390
 Лэмб, Мэри — 447
 Лэмб, Ричард — 276, 281, 365, 368, 375, 447
 Лэмб, Уильям — 403
 Лэмб, Фрэнсис — 403
 Лэмб, Энтони — 158, 275, 276, 372, 403, 441, 447
 Лэнгфорд, Николас — 356
 Лэнмен, Генри — 274, 364, 373, 407
 Магалотти, Лоренцо, кардинал — 193
 Маддл, Эдвард — 323
 Мадруццо, Лодовико — 352
 Майер, Карл — 13
 МакГрот, Патрик — 350
 МакКанн Тимоти — 235, 237
 Максимилиан I, император Священной Римской империи — 61
 Макфарлан, Алан — 16
 Маллетт, Майкл — 350
 Малтби, Джудит — 246
 Мальтраверс, сэр Джеймс — 309
 Марвуд, Николас — 476
 Маргарет Бифорт — 388
 Маргарет Тюдор — 104
 Маргарита Анжуйская — 36
 Маргарита Йоркская — 37
 Маргарита Пармская — 83, 102, 135
 Мария I, королева Англии — 46, 47, 50, 52, 53, 63, 68, 69, 76, 77—80, 82—84, 88—93, 101, 103, 104, 106, 110, 117, 169, 195, 196, 204, 211, 214, 215, 238, 241, 254, 263, 289, 301, 314—317, 319, 326, 349, 354, 356, 381, 392, 393, 396, 405, 422, 424, 433, 435, 439, 462, 482
 Мария Австрийская, инфанта — 178, 180
 Мария Венгерская — 86
 Мария Моденская — 341
 Мария Тюдор, герцогиня Саффолк — 42
 Мария Стюарт, королева Шотландии — 81, 98, 102—104, 111, 112, 114, 115, 122, 124, 134, 140, 197, 198, 233, 268, 443
 Маротти, Артур — 20
 Мартин, Грегори — 252, 256, 257
 Мартин, Ричард — 323
 Мартиненго, Джироламо — 105
 Марцелл II, папа Римский — 82, 84, 85
 Марцелла, св. — 216
 Марч, граф — см. Эдуард IV
 Маршалл — 175
 Маскарди, Джакомо — 215
 Матток, Уильям — 325
 Маусон Джон — 377
 Медичи, Джан Джакомо, герцог Мариньяно — 84
 Мейкин, Генри — 309
 Мей, сэр Томас — 337
 Мейн, сэр Энтони — 336
 Мейни, Ричард — 476
 Мейни, сэр Энтони — 184, 188
 Мейсон, сэр Джон — 87
 Меллерш, Филипп — 149
 Мендоса, Бернардино де — 222, 223
 Миддлмор, Томас — 185
 Мико, Ричард — 387
 Мико (урожд. Лэмб), Энн — 387
 Милдмей, Хелен — 448
 Милнер, Джон — 12
 Модсли, Оуэн — 317, 321, 356
 Модсли, Томас — 320, 323, 336, 356
 Молеврер, сэр Томас — 42
 Моллет, Уильям — 36
 Моника, св. — 216, 412, 426

- Монморанси, Анн де, герцог, коннетабль Франции — 87
- Монтегю, виконт — см. Браун
- Монтегю, семья — 21, 24, 26—28, 32—34, 48, 50, 51, 56, 57, 121, 124, 131, 154, 158, 163, 164, 175, 176, 184, 186, 189, 194, 199, 201—203, 205—208, 213, 218, 233, 237, 238, 249, 250, 252, 253, 267—269, 279, 283, 284, 294, 300—302, 307, 309—311, 313, 314, 320, 328, 330, 334, 337, 354, 357, 362, 374, 376, 381, 386, 387, 389, 390, 392, 400, 406, 418, 421, 422, 424, 426—429, 431, 433, 435, 438, 442—444, 446, 448, 450, 452, 456, 460—463, 467, 470, 473, 479, 480, 484, 488, 489—493
- Монтермер, Ральф де — 205, 207, 213
- Мор, Агнес — 415
- Мор, Бриджет — 444, 453, 454, 456
- Мор, Генри — 11
- Мор, Гертруда — 415, 456
- Мор, Грейс — 445, 456
- Мор, Джоан — 444, 445
- Мор, сэр Джордж — 53, 143, 156, 165, 166, 187, 188, 332, 333
- Мор (урожд. Сэквил), Констанс — 53
- Мор, Кресейкр — 444
- Мор, сэр Кристофер — 53
- Мор, Пойнингс — 187
- Мор, сэр Уильям — 53, 91, 116, 122, 123, 127, 143, 144, 149, 150, 154, 156, 157, 165, 166, 196, 295, 330, 331, 332, 334
- Мор, Томас, св. — 48, 59, 63, 67, 353, 439, 447, 456
- Мор, Томас — 176, 190, 266, 267, 363, 364, 374, 376, 377, 387, 441
- Мор, Хелен — 444
- Мор, Эдвард — 143, 144
- Мор, Энн — 445
- Мор (урожд. Пойнингс), Энн — 165
- Мор из Хаддона, Эдвард — 444
- Морган (урожд. Уинтершелл), Джейн — 332, 333
- Морган, Джон — 332, 333
- Морган, Джулиана — 332, 333
- Морган, Уильям — 143, 156
- Мордаунт, Генри, барон — 166, 173, 174
- Мордаунт, Джон, барон — 137
- Мордаунт, Льюис, барон — 223
- Мордаунт (урожд. Комптон), Маргарет, баронесса — 192, 366
- Моррис, семья — 320
- Моррис, Джон — 335, 336
- Мортимер (урожд. Невилл), Маргарет — 42
- Мортон, Томас, епископ Личфилдский — 181
- Мэннерс, Генри, второй граф Ратленд — 89
- Мэннерс, Роджер, пятый граф Ратленд — 164
- Мэннинг, Роджер — 99, 107, 123, 147
- Мэнуэлл, Хью — 290
- Мэтью, Тоби, епископ Дарэмский — 168
- Наваррец (Аспилкуэта, Мартин де) — 296
- Найт, семья — 320
- Наттер, Роберт — 358
- Невилл, барон Лэтимер — 43
- Невилл, Генри, пятый граф Уэстморленд — 94
- Невилл, Генри — 146
- Невилл, Генри, барон Абергавенни — 444
- Невилл (урожд. Бифорт), Джоан, графиня Уэстморленд — 40
- Невилл, Джон, маркиз Монтегю — 39, 47, 214
- Невилл, Кристофер, барон Абергавенни — 186
- Невилл, Мэри — 444, 453, 454, 456, 457
- Невилл (урожд. Сэквил), Мэри, баронесса Абергавенни — 444
- Невилл, Ричард, граф Солсбери — 39
- Невилл, Ричард, граф Уорик — 40
- Невилл, Фрэнсис — 186
- Невилл, Чарльз, шестой граф Уэстморленд — 112, 136, 137, 140, 233
- Невилл (урожд. Киллигру), Энн — 146
- Нил, Ричард, епископ Дарэмский — 181
- Ноллис, Уильям — 168
- Норрис, сэр Генри — 68
- Норрис, Сильвестр — 371
- Норрис, Фрэнсис, барон — 168
- Норт, Роджер, барон — 137, 139
- Норт, Эдвард, барон — 89, 94
- Нортон, Бенджамин — 368, 375
- Нортон, Генри — 371

- Нортумберленд, граф — см. Перси
 Норфолк, герцог — см. Ховард
 Ньюдигейт, семья — 438, 439
 Ньюдигейт, Мэри — 439
 Ньюдигейт, Себастиан — 50, 438, 439
 Ньюпорт, Ричард — 377, 441, 466
 Нэммонд — 271
 О'Мэлли, Дж. — 345
 Оглторп, Оуэн, епископ Карлайл-ский — 171
 Оксенбридж (Уайт), Генри — 369
 Оливер, Исаак — 217
 Онджер, сэр Фрэнсис — 166
 Оруа, Пьер — 235
 Осиновский И.Н. — 24
 Остин, Джордж — 166
 Отгавио Фарнезе, герцог Пармский — 82, 83
 Оуэн, Джон — 259
 Оуэн, сэр Дэвид — 381
 Павел III, папа Римский — 82, 83
 Павел IV, папа Римский — 83—85
 Павел V, папа Римский — 189
 Пакеринг, сэр Джон — 296
 Палеотти, Габриеле, кардинал — 121
 Палмер, семья — 148
 Палмер, Кэтрин — 455
 Палмер, сэр Томас — 146, 149
 Палмер из Пархэма, сэр Томас — 145, 148
 Палмер из Энгниринга, Томас — 146
 Паркер, Генри, одиннадцатый барон Морли — 94, 137
 Паркер, Генри, четырнадцатый барон Морли — 172, 181, 355
 Паркер (урожд. Кортни, в 1м браке Браун), Джейн — 130
 Паркер, Мэтью, архиепископ Кентерберийский — 138
 Паркер, сэр Николас — 130, 131, 165, 167, 334
 Паркер, Уильям — 323
 Паркер, Уильям, барон Монтигл — 168
 Паркер, Эдвард, барон Морли — 168
 Паркин, Роберт — 352, 353
 Паркинс — 196
 Парр, Уильям, маркиз Норхэмптон — 105, 112, 137, 139
 Парри, сэр Томас — 103
 Парсонс, Роберт — 9, 117—121, 154, 161, 171, 190, 198, 232, 252, 254, 256, 257, 261, 273, 299, 319, 328, 360, 426, 428
 Паскаль, Блез — 426
 Паула, св. — 216
 Паунд, Томас — 119
 Пейнелл, Томас — 218, 425
 Пейт, Ричард, епископ Вустерский — 89
 Пекем, сэр Джордж — 476
 Пекем, Эдвард — 476
 Пелэм, семья — 148
 Пелэм, Герберт — 145
 Пелэм, Джон — 325
 Пелэм (урожд. Уолсингэм), Мэри — 146
 Пелэм, сэр Николас — 91
 Пелэм, Томас — 146
 Пелэм из Лафтона, Томас — 145, 337
 Пелэм, сэр Томас — 186, 336
 Пелэм, сэр Уильям — 50, 148
 Пелэм, Эдмунд — 148,
 Пелэм, сэр Эдмунд — 46, 50, 196, 335
 Пелэм (урожд. Даррелл), Элинор — 335
 Пемброк, граф — см. Херберт
 Перси, Генри, пятый граф Нортумберленд — 43, 43
 Перси, Генри, восьмой граф Нортумберленд — 48, 117, 120, 122
 Перси, Генри, девятый граф Нортумберленд — 129, 168, 185, 230
 Перси (урожд. Невилл), Кэтрин, графиня Нортумберленд — 48
 Перси, Мэри — 113, 443
 Перси, Томас, седьмой граф Нортумберленд — 107, 112, 113, 136, 137, 140, 234, 443
 Перси, Энн — 415
 Перси (урожд. Сомерсет), Энн, графиня Нортумберленд — 107, 113
 Пёрфетт, Уильям — 263, 356
 Петер, Бенджамин — 440
 Петер, Джон, барон Риттл — 169
 Петер, Джордж — 469
 Петер (урожд. Сомерсет), Кэтрин, баронесса Риттл — 454
 Петер (урожд. Браун), Мэри — 59, 179, 303, 404
 Петер, Роберт, барон Риттл — 55, 179, 303, 404, 469
 Петер, Уильям, барон Риттл — 59, 179, 181, 284

- Петрова М.С. — 28
 Петт, Роберт — 368, 406
 Петт, Томас — 368, 406
 Петтар, Джордж — 323
 Пий IV, папа Римский — 252
 Пий V, папа Римский — 114, 223, 225, 275, 276, 422
 Пилкингтон, Джеймс, епископ Дарэмский — 136
 Плауден, Чарльз — 12
 Плауден, Эдмунд — 54
 Пойнингс, Ричард, барон — 38
 Пойнингс, сэр Эдвард — 38, 39
 Пол, Генри — 79
 Пол (урожд. Плантагенет), Маргарет, графиня Солсбери — 70
 Пол, Мэри — 447
 Пол, Реджинальд, кардинал — 80, 81, 92, 93, 316, 440, 447
 Пол, сэр Ричард — 79
 Пол, Джон де ла — 40
 Пол, Эдмунд де ла, граф Саффолк — 40
 Полет, Мэри, баронесса Сент-Джон — см. Эренделл, Мэри
 Полет, Бриджет, маркиза Винчестер — см. Сэвид, Бриджет
 Полет (урожд. Севедж), Джейн — 303
 Полет, Джон, барон Сент-Джон — 181
 Полет, Джон, второй маркиз Винчестер — 196
 Полет, Джон, пятый маркиз Винчестер — 303
 Полет, Уильям, первый маркиз Винчестер — 59, 79, 94, 137, 207
 Полет, Уильям, четвертый маркиз Винчестер — 54, 57, 271, 303, 355, 184, 188, 303, 336, 355
 Полет, Уильям, барон Сент-Джон — 54, 181, 271, 303
 Поллен, Джон — 13, 223
 Попэм, сэр Джон — 174
 Портер, Ричард — 142
 Потехин А.Н. — 23
 Поул, Дэвид, епископ Питерборокский — 89
 Прид, Уильям — 425
 Приги, Эдмунд — 121
 Приули, Лоренцо — 120
 Прокопьев А.Ю. — 24
 Пул, Энн — 290
 Пьер-Луиджи Фарнезе, герцог Пармы и Пьяченцы — 82
 Пэджет, Генри, барон — 137
 Пэджет, Уильям, барон I — 89, 93
 Пэджет, Уильям, барон II — 181
 Пэджет, Чарльз — 168
 Райделл, Фрэнсис — 156, 263, 333, 335, 337, 356, 357, 371, 372, 390
 Райт А. — 349, 350
 Райт, Ричард — 368
 Райт, Томас — 225
 Райт, Уильям — 210
 Ранке, Л. фон — 226
 Рассел, Джон, первый граф Бедфорд — 47, 68, 79,
 Рассел, Фрэнсис, второй граф Бедфорд — 94, 103, 137, 139, 329, 462
 Рассел, Уильям, барон — 172
 Рассел, Эдвард, третий граф Бедфорд — 164, 169, 228
 Рассел (урожд. Сапкот), Энн, графиня Бедфорд — 47
 Растелл, Джон — 407
 Редман, Джон — 290
 Рене Французская, герцогиня Феррары — 83
 Репина Л.П. — 28
 Рибаденейра, Педро де — 9
 Ригби, Николас — 157, 275
 Риверс, Джон — 337
 Рид, Джон — 156
 Ридли, Николас, епископ Лондонский — 254, 354
 Ридольфи, Роберто ди — 111, 115, 140, 153
 Ризли, Генри, второй граф Саутхэмптон — 48, 49, 113, 269, 426
 Ризли, Генри, третий граф Саутхэмптон — 49, 51, 168, 181, 269, 413
 Ризли (урожд. Браун), Мэри, графиня Саутхэмптон — 48, 49, 51, 56, 268, 269, 302
 Ризли, Томас, первый граф Саутхэмптон — 59, 72, 73
 Ризли (урожд. Вернон), графиня Саутхэмптон — 49
 Рингстид, Дэвид — 278
 Рит, Кристофер — 143

- Рит, Марлион — 143
 Рич, Ричард, первый барон — 73, 89, 93
 Ричард II, король Англии — 35
 Ричард III, король Англии — 38, 39
 Ричард Плантагенет, герцог Йорк — 37
 Ричмонд, граф — см. Фицрой
 Ришелье, Арман-Жан де Плесси де, кардинал — 191, 192
 Риштон, Эдвард — 9
 Робсон, Роберт — 317
 Ровере, Джулио делла, кардинал — 84
 Роджер, Джон — 353
 Роджерс, Томас — 425, 427
 Ролле, Ричард — 420, 439
 Рот, сэр Томас — 78
 Роуз Э. — 254
 Роупер, Кристофер, барон Тейнэм — 444
 Роупер (урожд. Браун), Люси — 48, 145, 307, 331
 Роупер, Маргарет — 444, 453, 454
 Роупер, Мэри — 444, 449, 453, 454
 Роупер, Томас — 377
 Роупер из Элтема, сэр Томас — 48, 307
 Роупер, Уильям — 117, 221, 234, 439
 Роупер, сэр Уильям — 335, 366
 Рудольф II, император Священной Римской империи — 228
 Руквуд (урожд. Кемпе) Бриджет — 445
 Руквуд, Дороти I — 446
 Руквуд, Дороти II — 447
 Руквуд, Роберт — 441, 445
 Руквуд, Сьюзен — 446
 Руквуд, Элизабет — 444, 446, 449
 Руквуд (урожд. Браун), Элизабет — 446
 Руквуд, Эмброуз — 173
 Руквуд, Энн I — 445
 Руквуд, Энн II — 447
 Рутс, Джеймс — 185
 Рэдклиф, Генри, четвертый граф Сассекс — 157, 395
 Рэдклиф, Роберт, первый граф Сассекс — 46
 Рэдклиф, Томас, третий граф Сассекс — 48, 117
 Рэдклиф, Элизабет — 455
 Рэдклиф (урожд. Ризли), Элизабет, графиня Сассекс — 48
 Рэли, сэр Уолтер — 162, 226
 Рэнделл — 224
 Савин А.Н. — 23
 Саймонс, Роберт — 320
 Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп) — 218
 Сандер, Николас — 9, 118
 Сантон (Самптон) — 363
 Санфеличе, Джованни Томмазо — 84
 Сарджент, Эдвард — 317
 Сармьенто де Акунья, Диего де, граф Гондомар — 180, 199, 226
 Сарри, граф — см. Ховард
 Сассекс, граф — см. Рэдклиф
 Сатклиф, Мэтью — 171, 428
 Саттон, Эдвард, барон Дадли — 137, 168
 Саутгүэлл, Роберт — 154—156, 208, 273, 359, 360, 426, 471
 Саутхэмптон, граф — см. Фицуильям, Ризли
 Саффолк, граф — см. Пол, де ла
 Саффолк, герцог — см. Брендон, Грей
 Сарри, граф — см. Ховард
 Севедж, Эдвард, виконт — 187
 Сеймур, Эдвард, герцог Сомерсет — 47, 76, 77
 Сеймур, Эдвард, первый граф Хартфорд 89, 103
 Сенден, Уильям — 317
 Сент-Джон из Блетсо, Оливер, первый барон — 50, 168, 171
 Сент-Джон из Блетсо, Оливер, третий барон — 181
 Сесил, Уильям, барон Бёрли — 54, 100, 102, 106, 110—112, 142—144, 146, 162, 196, 220, 222—224, 329
 Сесил, Роберт, граф Солсбери — 54, 158, 162, 167, 168, 172, 174, 176, 383
 Сесил, Томас, барон Бёрли, граф Эксетер — 54, 171
 Сидни, сэр Генри — 135
 Сидни (урожд. Дадли), Мэри — 119
 Сидни, Роберт, барон — 168, 198
 Сидни, сэр Филипп — 119, 439
 Сизар, сэр Джулиус — 161
 Симпсон, Томас — 309, 361, 364
 Скарисбрик, Джек — 16
 Сколи, Роберт — 353
 Скори, Джон, епископ Херефордский — 136

- Скотт, Роберт — 36
 Скотт, Уильям — 185
 Скруп из Болтона, Генри, барон — 223
 Смит, Агнес — 290
 Смит, Генри — 335
 Смит, Джеймс — 165, 186
 Смит, Ричард — 322
 Смит, Ричард, епископ Халкедонский — 183, 190—193, 214—216, 234, 262—264, 266, 309, 363, 364, 366, 368—370, 374—376, 384, 389, 390, 392—394, 396—399, 426, 430, 440, 464, 465, 472, 473, 478, 479
 Смит, Томас I — 290
 Смит, Томас II — 335
 Смит, Томас III — 363
 Смит, Эдвард — 368, 369
 Смит, Энн — 476
 Соколов В.А. — 23
 Сомерсет, семья — 56, 329
 Сомерсет, Генри, второй граф Вустер — 43
 Сомерсет, Генри, пятый граф и первый маркиз Вустер — 55, 387, 448
 Сомерсет, Томас — 271, 272
 Сомерсет, Уильям, третий граф Вустер — 79, 223, 261
 Сомерсет, Чарльз, первый граф Вустер — 43, 62
 Сомерсет, сэр Фрэнсис — 462
 Сомерсет, Эдвард, четвертый граф Вустер — 168, 271
 Сомерсет (урожд. Браун), Элизабет, графиня Вустер — 43
 Сомерсет, Энн — 448
 Сондерс (урожд. Кэрю), Изабелл — 165
 Сондерс, Николас — 165
 Сото, Андрес де — 453
 Спенсер, Роберт, барон — 168, 172, 181
 Спенсер, Уильям — 274, 335
 Спас (Эспес), Герау де — 112
 Спиллер, сэр Генри — 187
 Спиллер, Роберт — 185, 187
 Стакли, Томас — 118
 Стаутон, семья — 148
 Стаутон, Адриан — 166, 186, 336
 Стаутон, Лоренс — 156, 166, 332, 333
 Стаутон, Томас — 148, 149, 166
 Стаутон (урожд. Льюкнор), Элизабет — 166
 Стаффорд, Генри, второй герцог Бекингэм — 38
 Стенли (урожд. Брендон), Мэри, баронесса Монтигл — 42
 Стенли, сэр Томас — 115
 Стенли, Уильям, барон Монтигл — 137
 Стенли, Уильям, шестой граф Дерби — 169
 Стенли, Эдвард, третий граф Дерби — 93
 Стертон, Джон, барон — 223, 474, 475
 Стертон, Чарльз, барон — 89
 Стертон, Эдвард, барон — 173, 174
 Стилл, Джон, епископ Батский и Уэллский — 171
 Стогова А.В. — 28
 Стюарт, Генри, лорд Дарнли — 104
 Стюарт, Генри Бенедикт — 440
 Стюарт (урожд. Дуглас), Маргарет, графиня Леннокс — 104
 Стюарт, Эме, герцог Леннокс — 122
 Суинфорд, Кэтрин — 40
 Суарес де Фигероа и Кордоба, Гомес, первый герцог Ферия — 198
 Суарес де Фигероа и Кордоба, Гомес, третий герцог Ферия — 180, 197
 Суарес де Фигероа (урожд. Дормер), Джейн, герцогиня Ферия — 103, 116, 121, 123, 161, 191, 197, 198, 224, 273, 363, 438
 Суарес де Фигероа и Кордоба, Лоренсо, второй герцог Ферия — 197
 Суприянович А.Г. — 28
 Сэквил (урожд. Браун), Кэтрин — 36
 Сэквил (урожд. Болейн), Маргарет — 52
 Сэквил (урожд. Ховард), Маргарет — 53, 264, 271
 Сэквил, Ричард, третий граф Дорсет — 179, 181, 236
 Сэквил, сэр Ричард — 52, 140, 145
 Сэквил, Роберт, второй граф Дорсет — 53, 145, 164, 165, 185, 186, 271
 Сэквил (урожд. Бейкер) Сесили, леди Баххёрст, графиня Дорсет — 53
 Сэквил, Томас, барон Баххёрст, первый граф Дорсет — 52, 53, 56, 114, 116,

- 123, 129, 130, 139—141, 143, 145—147, 157, 160, 162, 164, 165, 174, 271, 295, 296, 329, 330, 334, 396, 413, 486
- Сэквил, Томас — 53, 191, 364, 372
- Сэквил (урожд. Бриджес, во 2м браке Полет, маркиза Винчестер), Уинифред — 52, 140
- Сэквил Хэмфри — 36
- Сэквил, Эдвард, четвертый граф Дорсет — 186
- Сэлмон, Патрик — 474
- Сэндис, Эдвин, епископ Вустерский — 137
- Тайек, Николас — 16
- Таунтон, Э. — 13
- Таунсенд (Томпсон) — 156
- Твайфорд, Саймон — 361
- Темпл, сэр Александр — 186
- Терри, Эдвард — 280, 337, 406
- Тетчер, семья — 147, 185
- Тетчер, Джон — 147, 185
- Тетчер (урожд. Гейдж), Энн — 147
- Тёрлби, Томас, епископ Илийский — 80, 81, 84, 86, 89, 214
- Тилдсли, Элизабет — 455
- Тируит (урожд. Браун), Кэтрин — 54, 303
- Тируит, сэр Роберт — 50, 234
- Тируит, сэр Уильям — 54
- Тичборн, семья — 359
- Тичборн, сэр Уолтер — 184
- Тогоева О.И. — 28
- Толедо и Пиментель, Альварес де, герцог Альба — 113, 115, 196
- Томас, Кейт — 16, 417
- Топклифф, сэр Ричард — 155, 156, 359, 361, 371, 372
- Топселл, Эдвард — 236, 237
- Трегонуэл, сэр Джон — 54, 302
- Трегонуэл (урожд. Браун), Кэтрин — 54, 302
- Трембалл, Уильям — 367
- Трешэм, семья — 34, 232, 234
- Трешэм, сэр Томас — 154, 167, 232—234, 359, 407
- Трешэм, Фрэнсис — 173
- Трокмортон, Фрэнсис — 117, 122
- Трокмортон (урожд. Кэрю), Энн — 165
- Турбервилл, Джеймс, епископ Эксетерский — 94
- Тэлбот, семья — 47
- Тэлбот (урожд. Хардвик, в 1м браке Кавендиш), Бесс, графиня Шрусбери — 274
- Тэлбот, Гилберт, седьмой граф Шрусбери — 168, 171, 172, 266
- Тэлбот, Джон, десятый граф Шрусбери — 366
- Тэлбот, Джон Бенедикт — 440
- Тэлбот, Джордж, шестой граф Шрусбери — 106, 136, 274, 356
- Тэлбот (урожд. Фортеस्कью), Мэри, графиня Шрусбери — 366
- Тэлбот, Фрэнсис, пятый граф Шрусбери — 89, 94
- Тэлбот (урожд. Хастингс), Энн, графиня Шрусбери — 432
- Уайборн, Джон — 274
- Уайборн, Уильям — 274
- Уайборн, Эдвард — 156, 274, 277
- Уайзмен, Барбара — 455
- Уайлдгуз, Джон — 149
- Уайленд, Джон — 392
- Уаймс, Хэмфри — 336
- Уайтхейр, миссис — 373
- Уайтхейр (Уайтхью), Кристофер — 275, 276, 373
- Уайтхейр, Энтони — 373
- Уваров П.Ю. — 24, 28
- Уигмор, Энн — 372
- Уили, Джон — 323
- Уиклиф, Джон — 14
- Уилкинсон, Джон — 456
- Уиллоуби из Эресби, барон — см. Берти
- Уиллоуби из Пархэма, Уильям, барон — 89, 94, 136
- Уилмер, Томас — 336
- Уилсон Д. — 77
- Уилсон, Роберт — 317, 355, 357
- Уильямс, Сара — 476, 478
- Уильямсон, семья — 281
- Уильямсон, Генри — 157, 158, 275, 280
- Уильямсон, Элизабет — 157, 158, 275, 280
- Уильямсон, Энтони — 275
- Уитгифт, Джон, архиепископ Кентерберийский — 156
- Уитенс, Джон — 321, 337, 356
- Уитенс, Роберт — 321

- Уитфилд, Джон — 161
 Уитфорд, Ричард — 235
 Уокер, Клер — 437
 Уолли, Фрэнсис — 166
 Уолси, Томас, кардинал — 43, 66—68, 79
 Уолсингэм, сэр Фрэнсис — 144, 146, 486
 Уолшем, Александра — 19, 253, 254, 264, 418, 429, 460, 469
 Уорд, Мэри — 403, 404, 445—453, 492
 Уорик, граф — см. Невилл, Дадли
 Уортон, Джоэлл — 323
 Уортон, Томас, барон — 89
 Уортон, Филипп, барон — 169
 Уотсон, Генри — см. Уильямсон, Генри
 Уотсон, Уильям — 161, 225, 226
 Уотсон, Уильям (Йоркшир) — 353
 Уотсон, Элизабет — см. Уильямсон, Элизабет
 Уотсон, Энтони, епископ Чичестерский — 326, 327
 Уоттон, сэр Николас — 135
 Уоттон, Эдвард, барон — 169, 172
 Урбан VIII, папа Римский — 193
 Уэбб, семья — 281
 Уэбб, Джон — 157, 275
 Уэбб, Лоренс — 257
 Уэнгуорт, Томас, второй барон — 137, 139
 Уэнгуорт, Томас, четвертый барон — 181
 Уэстморленд, граф — см. Невилл
 Уэстон, сэр Генри — 332, 333
 Уэстон (урожд. Эренделл), Дороти — 333
 Уэстон, сэр Ричард, граф Портленд — 182, 184, 187, 188, 336
 Уэстон (урожд. Кейтсби) Уилбурга — 187
 Уэстон, Уильям — 154, 360, 363, 476
 Уэстон, Эдвард — 366, 367, 376
 Уэстон (урожд. Ловелл), Элизабет — 333
 Уэтстоунс, сэр Барнард — 337
 Файнс, Грегори, барон Дейкр — 53
 Файнс, Ричард, барон Сай и Сил — 169
 Файнс, Уильям, барон Сай и Сил — 181
 Файнс, Эдвард, барон Клинтон, граф Линкольн — 47, 80, 94, 105, 106, 137, 139, 307, 476
 Файнс (урожд. Фицджеральд, в 1м браке Браун), Элизабет, леди Клинтон, графиня Линкольн — 46, 47, 51, 80, 102, 195, 301, 307, 315, 330, 476
 Файнс (урожд. Сэквил), Энн, баронесса Дейкр — 53
 Фармер (Баркер), Томас — 369
 Фарнезе, Алессандро, кардинал — 83
 Фарнезе, Рануцио, кардинал — 83
 Фарнезе, Эдуардо, кардинал — 215
 Федоров С.Е. — 24, 28
 Фезерстоун, Уильям — 323
 Фекенхэм, аббат — 234
 Фелтон, Николас, епископ Илийский — 181
 Фенелон, Франсуа Салиньяк де ла Мотт де — 426
 Феннелл, Саймон — 359, 371
 Феннер, Джон — 142
 Фердинанд I, император Священной Римской империи — 86, 87, 102
 Фердинанд II, король Арагона — 61, 98
 Ферия, герцог — см. Суарес де Фигероа
 Фермор, сэр Ричард — 184, 336
 Ферсдон, Катберт — 216
 Филд (в 1м браке Вотрулье) Жаклин — 224
 Филд, Ричард — 224
 Филдинг (уродж. Виллиерс), Сьюзен, графиня Денби — 402
 Филипп I, король Кастилии — 40
 Филипп II, король Испании — 9, 47, 78, 79, 81, 83—87, 102, 106, 113, 114, 120, 123, 124, 126, 133—135, 161, 162, 198, 215, 224, 301, 396
 Филипп III, король Испании — 178
 Филипп IV, король Испании — 178
 Финч, Джон — 185
 Финч, сэр Мойл — 336
 Финчэм, Кеннет — 317
 Фицалан, сэр Томас — 36
 Фицалан, Уильям, шестнадцатый граф Эрендел — 36
 Фицалан, Генри, девятнадцатый граф Эрендел — 93, 103—105, 112, 114, 115, 139, 141, 145, 146, 148, 149
 Фицгерберт, Томас — 120, 171, 190, 234, 274, 356, 428
 Фицгерберт, Уильям — 274

- Фицджеральд, Джеймс Фицморис — 118
- Фицджеральд, Джеральд, девятый граф Килдейр — 46
- Фицджеральд, Джеральд, одиннадцатый граф Килдейр — 47, 80, 301
- Фицджеральд, Джеральд, пятнадцатый граф Десмонд — 119
- Фицджеральд (урожд. Браун), Мейбл — 47, 80, 194, 223, 301, 359
- Фицрой, Генри, граф Ричмонд — 61
- Фицуильям, Джон — 41
- Фицуильям, (урожд. Клиффорд), Мейбл — 43, 45, 66, 300
- Фицуильям, сэр Томас I — 39, 41
- Фицуильям, сэр Томас II — 41, 45
- Фицуильям, Уильям, граф Саутхэмптон — 41—45, 47, 59—74, 79, 88, 130, 202, 203, 300, 314, 315, 462
- Фишер, Джон, епископ Рочестерский — 65—67, 74, 351, 422—424, 429, 438, 485
- Флеминг А. — 261
- Флетчер, Томас — 372
- Флетчер, Энтони — 156, 274, 372
- Флинн Д. — 121
- Фокс, Гай — 172—174
- Фокс, Джон — 8, 9, 72, 111, 142
- Фокс, Сэмюэл — 142
- Фолджэмб, Годфри — 45
- Фолджэмб, сэр Годфри — 45
- Фолджэмб, сэр Джеймс — 45
- Фолджэмб (урожд. Фицуильям), Маргарет — 45
- Фолджэмб (урожд. Фицуильям), Элис — 45
- Фома Аквинский, св. — 100
- Фома Кемпийский — 426, 427, 442
- Фома Челанский — 462
- Фортескью, семья — 148
- Фостер — 336
- Фостер, Эндрю — 28
- Франсуа Анжуйский — 117, 118
- Франциск I, король Франции — 62, 63, 82, 203
- Франциск Ассизский, св. — 447, 449, 461—463, 493
- Франциск Сальский, св. — 426
- Фридрих V, пфальцграф — 177
- Фрик, Эдмунд — 425
- Фрэнсис, сэр Эдвард — 185, 188
- Фугаций (Фаган) — 411, 428
- Фрюен, Джон — 322
- Футгер, Кристоф, граф Вайсенхорн — 216
- Футгер (урожд. фон Шварценберг), Мария, графиня Вайсенхорн — 215
- Футгер, Мария — 216
- Хаддлстон, Джон — 369
- Хаддлстон (урожд. Дормер), Дороти — 369
- Хаддон, Уолтер — 135
- Хадсон, Джон — 353
- Хайдон, Майкл — 165
- Хайнс, Джозеф — 368, 369
- Хазлер П. — 215
- Хангерфорд (Дормер), Энн, баронесса — 50
- Харви, Николас — 42, 43,
- Харви, Томас — 45
- Харви (урожд. Фицуильям, в 1м браке Молеврер), Элизабет — 42
- Харви, Уильям, барон Росс — 49, 302
- Харгрейв, Уильям — 193
- Хардинг, Джон — 352, 407
- Хардинг, Джордж — 212
- Харпсфилд, Николас — 9, 92
- Харрис, Уильям — 362, 364, 371
- Харрисон, Уильям — 362, 363, 365
- Харснетт, Сэмюэл, епископ Чичестерский — 276, 325, 327, 477
- Хартфорд, граф — см. Сеймур
- Харингтон, сэр Джон I — 220
- Харингтон, сэр Джон II — 220, 228
- Хастингс, Генри, третий граф Хантингдон — 106, 136, 139
- Хастингс (урожд. Дадли), Кэтрин, графиня Хантингдон — 106
- Хастингс, Фрэнсис — 171, 428
- Хастингс, Фрэнсис, второй граф Хантингдон — 426
- Хастингс (урожд. Стаффорд), Энн, графиня Хантингдон — 426
- Хастингс из Лавборо, Эдвард, барон — 90, 93, 94, 136, 137, 139
- Хаттон, сэр Кристофер — 373
- Хейг, Кристофер — 20, 28, 158, 246, 248
- Хейгес, Генри — 142, 144, 273
- Хейгес, Ричард — 142

- Хейдон, Майкл — 335
 Хейзелригг, Джон — 143
 Хейр, Джон — 143
 Хейэм, Джон — 235
 Хемсуорт, Джон — 290
 Хендон, Майкл — 336
 Херберт, Уильям, первый граф Пем-
 брок — 87, 93, 94, 105, 106, 112, 137
 Херберт (урожд. Тэлбот), Энн, графиня
 Пемброк — 355
 Херенден, Уолтер — 141
 Хиггонс, Теофил — 232
 Хил, Фелисити — 28
 Хил, Элизабет — 208
 Хилтон, Уильям — 439
 Хинедж (урожд. Скипуит) Кэтрин — 45
 Хинежд, сэр Томас I — 45
 Хинежд, сэр Томас II — 49, 142, 196,
 302, 329
 Хит, семья — 281
 Хит, Николас, архиепископ Йорк-
 ский — 94, 351
 Хитон, Мартин, епископ Илийский —
 168
 Хоби, сэр Томас — 86
 Хоби, сэр Филипп — 86
 Ховард, семья — 71, 184
 Ховард, Генри, виконт Биндон — 137
 Ховард, Генри, барон, граф Норхэм-
 птон — 117, 168
 Ховард, Томас, второй герцог Нор-
 фолк — 61, 111
 Ховард, Томас, граф Сарри, третий гер-
 цог Норфолк — 61, 71, 111
 Ховард, Томас, граф Сарри — 72
 Ховард, Томас, четвертый герцог Нор-
 фолк — 114, 116, 284
 Ховард, Томас, двадцать первый граф
 Эрендел — 57, 160, 179, 181, 182, 184,
 185, 187, 199
 Ховард, Томас, барон — 158, 212
 Ховард, Уильям, первый барон Эффин-
 гем — 105, 106, 123, 137, 158, 165, 212
 Ховард, Филипп — 440
 Ховард, Филипп, двадцатый граф Эрен-
 дел — 47, 53, 114, 212, 129, 233, 264,
 284, 360
 Ховард, Чарльз, второй барон Эффингем,
 первый граф Ноттингэм — 165, 168
 Ховард, сэр Эдвард — 61
 Ховард (урожд. Лейберн, в 1м браке
 Дейкр, баронесса Гилсленд), Элиза-
 бет, герцогиня Норфолк — 114
 Ховард (урожд. Дейкр), Энн, графиня
 Эрендел — 47, 114, 160, 185, 212, 264,
 309, 310, 358, 359, 399, 400, 414, 419,
 421, 422, 430—432, 454, 461, 468
 Хокинс, Генри — 236
 Холинshed, Рафаэль — 260
 Холкрофт, Томас — 142
 Холл, Джон — 274
 Холл, Джордж — 290
 Холмс, Питер — 107, 253, 254, 257
 Хопкинс, Джаспер — 325
 Хорн, Роберт, епископ Винчестер-
 ский — 136
 Хорсман, Элизабет — 306
 Хоуден — 332
 Хуана, королева Кастилии — 85
 Хукер, Ричард — 246
 Хьюз, Филипп — 13
 Чаддертон, Уильям, епископ Линколь-
 нский — 168
 Чадертон, Лоренс — 323, 324
 Чандос, барон — см. Бриджес
 Чейн, сэр Томас — 64
 Чейни, Джон — 336
 Чемберлен, Джон — 367
 Чемберлен, Джордж — 116, 119, 273
 Чемберлен (урожд. Ньюдигейт), Доро-
 ти — 273
 Чемберлен, сэр Леонард — 273
 Чемберлен, Уильям — 273
 Чёрчер, Томас — 142, 144, 273, 334—336
 Чэлонер, Ричард — 299
 Чэлонер, сэр Томас — 231
 Шакстон, Николас, епископ Солсбе-
 рийский — 73
 Шапуи, Юстас — 63
 Шателье, Луи — 388—390
 Шварценберг, Рене фон — 216
 Шелл, Элисон — 15, 20
 Шелли, сэр Джон — 185
 Шелли из Мейплдарэма, Джон — 359,
 371
 Шелли, сэр Уильям — 122
 Шеперд, Ричард — 290
 Шеффилд, Джон, барон — 137

- Шеффилд, Эдмунд, барон — 168
 Шёрли, Джон — 337
 Шилдс, Билл — 28, 339
 Ширли, сэр Джон — 186
 Ширли, Томас — 145, 164, 334
 Шрусбери, граф — см. Тэлбот
 Эббот, Джордж, архиепископ Кентерберийский — 177, 181, 191, 308, 367
 Эвелинг Х. — 290, 300
 Эворт, Ганс — 212
 Эджергон, сэр Томас — 169, 171
 Эдуард I, король Англии — 40, 207
 Эдуард II, король Англии — 67
 Эдуард IV, король Англии — 37, 38, 41
 Эдуард V, король Англии — 38
 Эдуард VI, король Англии — 64, 70, 73, 75, 77, 88, 91, 93, 110, 130, 151, 204, 215, 216, 238, 356
 Эдуард, принц Уэльский — см. Эдуард V, король Англии
 Элевтерий, папа Римский — 411, 428
 Элиот, Джордж — 331
 Элтон, Джеффри — 14, 138
 Эмброуз, Элиас — 317
 Эммануил-Филиберт, герцог Савойский — 82, 87
 Эндрюс, Ланселот, епископ Чичестерский — 325
 Эндрюс, Роджер — 325
 Эпли, семья — 148
 Эпли, Генри — 156, 161, 162
 Эпли, Джон I — 145, 146
 Эпли, Джон II — 148
 Эразм Роттердамский — 352
 Эрендел, граф — см. Фицуильям, Ховард
 Эренделл, семья — 26, 56, 192, 235, 239, 303, 308, 444
 Эренделл (урожд. Сомерсет), Бланш — 303
 Эренделл, Генри, барон Уордур — 242
 Эренделл, Гертруда — 444, 445, 449, 450
 Эренделл, Дороти — 444, 445, 449—451, 456
 Эренделл (урожд. Браун, в 1м браке Полет), Мэри — 55, 182, 272, 303
 Эренделл (урожд. Ризли), Мэри, баронесса Уардур — 49, 228, 260, 261, 302, 333, 366
 Эренделл, Сесили — 445, 450
 Эренделл, Томас I, барон Уардур — 49, 55, 154, 167, 228, 234, 240, 241, 302, 366
 Эренделл, Томас II, барон Уардур — 179
 Эренделл, Уильям — 55, 182, 272, 303
 Эренделл, Чарльз — 117, 184
 Эренделл (урожд. Стенли, в 1м браке Стертон), Энн — 474
 Эренделл (урожд. Филипсон), Энн — 236
 Эренделл из Уордура, сэр Мэтью — 228
 Эренделл из Ланхерна, сэр Джон — 444, 474
 Эренделл из Трерайса, сэр Джон — 361
 Эрколе II д'Эсте, герцог Феррарский — 83
 Эскью, Энн — 73
 Эсте, Альфонсо д' — 83
 Эстелла, Диего де — 411, 426, 427
 Эссекс, граф — см. Бёрчер, Деверо
 Эш, Эдвард — 369, 376, 404
 Эшбёрнэм, семья — 147
 Эшбёрнэм, Адам — 147, 148
 Ювдейл (урожд. Дормер, в 1м браке Браун), Мэри — 49, 205, 301, 307
 Ювдейл, Эдмунд — 307
 Юлиана Норичская — 439, 456
 Юлий II, папа Римский — 98
 Юлий III, папа Римский — 82, 83, 85
 Юр, Ральф, барон — 168
 Юр из Уиттона, Уильям — 223
 Яков I (VI), король Англии и Шотландии — 12, 18, 55, 57, 122, 146, 160, 163, 166, 167, 171, 172, 175, 177, 178, 180, 185, 189, 190, 196, 197, 199, 230, 231, 233, 239, 266, 268, 270, 275—277, 279, 281, 283, 310, 363, 365, 365, 367, 368, 377, 402, 487
 Яков II, король Англии и Шотландии — 242, 341, 402, 440, 488
 Якли, Ричард — 476, 478
 Якли, Фрэнсис — 104
 Янг, Ричард — 155
 Янг, Томас, архиепископ Йоркский — 136

Summary

The monograph by Anna Seregina presents a study of co-existence of a religious minority — the English Catholics — with Protestant majority in the early modern England. The study has followed the principles of micro-social history. It is focused on the entourage of the Viscounts of Montague — a noble Catholic family influential in South England (counties of Surry and Sussex). Unlike other studies dedicated to this group, the author analyses both the political activities of the Montague family and clientele on the national scene, and within the Catholic community, and its social and religious history.

The monograph explores the impact of confessional ideology on the life of the Catholic community. Anna Seregina has analysed marriage strategies of the Catholic family, its presence in the field of politics, participation in political conflicts and factional strife, military, diplomatic and court service of its members, their parliamentary careers and work as local officeholders, as well as the contacts of the Montagues entourage with Protestants in parishes, and changes in the Catholic religious culture of the 16th — early 17th centuries.

The Montague family has been chosen as a focus of this study to avoid a stereotype “Protestant South, Catholic North”, common for English-language studies of the country’s religious and social history. The present research is focused on the Catholics of the South of England (Surry and Sussex), numerous and powerful, who lived side by side with the even more numerous and powerful Protestant neighbours. The Montagues were one of the most influential Catholic families of the South. Moreover, their entourage included both known loyalists, and religious radicals. Thus, the study reveals various mechanisms, which worked to include Catholic nobility into political and social life of the country.

The chronological span of this work encompasses the period of political and business activity of the three generations of the Montague family: Anthony Browne, 1st Viscount Montague (1528—1592), his son, Sir Anthony Browne (1552—1592), and grandson, Anthony Maria Browne, 2nd Viscount Montague (1574—1629). During this period, the English Catholics survived the upheavals caused by the Reformation and adopted to living in a country with a Protestant majority. At the same time, the Catholic Reform started: the Council of Trent completed its work, and the campaign to disseminate its principles begun. Therefore, the period under investigation in this monograph was of crucial importance in the history of the English Catholic community.

Various aspects of the study are presented in its parts and chapters. Part I is dedicated to the political activities of the Montagues and their entourage. The author has reconstructed the stages in the establishment of the family clan and has shown that in the period under consideration the clan was not endogamous. Family ties of Catholic nobles included those with Protestant courtiers, thus providing Catholics with a channel of indirect communication with their monarch and the centre of political power.

Anna Seregina has shown that the participation of Catholic nobles in governing of the country, and its level, was a result of ceaseless dialogue between the Queen/the King and the English Catholics. In the first half of Elizabeth I's reign (before the beginning of the war with Spain in 1585) the political influence of Catholic aristocrats, weaker at the court and in the Privy Council, was fully preserved in local government. The criteria of loyalty that signified inclusion into the nation's political elite, and, at the same time, the way to protect oneself from persecution, was to conform, i.e., to attend Protestant services in parish churches, however unfrequently. In 1560—1570s, conformity was a norm for the English Catholics. However, by the late 1580s a new generation of Catholics was less inclined to compromise. Now Catholic nobles thought to avoid anti-government conspiracies was enough to prove one's loyalty to Queen Elizabeth, and sought to get included into the ruling elite upon these new conditions. After the accession of Stuart Kings to the throne of England the persecution of English Catholics ceased: thus conformity lost its moral justification (protection from persecution). Some Catholics (like the 2nd Viscount Montague) rejected political career entirely, while others (the Earl of Arundel, Lord Baltimore, etc.) left political scene at a certain stage of their lives, rejecting political power for the sake of the salvation of their souls. Finally, in the 1630s, a temporary compromise was reached: English Catholic nobles could serve their King personally, without holding any formal office.

Part II of the monograph explores the relations between the Montagues and their Protestant neighbours in parishes. Anna Seregina has discussed the presence of Catholics at Protestant services in parish churches and concluded that although the rejection of such behaviour (i.e., recusancy, from Latin "recusare", to refuse) was considered to be ideal, in 1560—1590s conformity (called "church papism") was the norm, and the same person could move from recusancy to conformity, and back more than once, depending on circumstances: to avoid persecution, and to demonstrate the family's loyalty to the monarch. It has been emphasized that English Catholics sought to baptize their children in parish churches, married and held funeral services there: thus, there was no liturgical segregation of Catholics and Protestants within a parish. The monograph offers the first comprehensive analysis of patronage exercised by Catholic nobles (the Montagues in particular) over Anglican parishes, which they owed since the Dissolution of the monasteries in England in 1530s. A prosopographical study of clergy from Montague's parishes, and the analysis of the way the Viscount granted the benefices, or disposed of the rights of advowson, demonstrates that the English Catholic nobility did not leave Protestant parishes to their own devices, but instead, regulated life their through the appointments of moderate Protestants as vicars, thus creating an environment, in which local Catholics and Protestants could co-exist peacefully. The author has also studied the ties of family connections, business and friendship that existed between Catholics and Protestants in parishes, and has shown that there was no social segregation of English Catholics in 2nd half of the 16th — early 17th centuries.

The study of the religious culture of the English Catholics in the 16th — 17th centuries (Part III) has demonstrated that, persecution notwithstanding, it contained the characteristics of post-Tridentine Catholicism, present both in liturgical and devotional practices, and in a particular form of clericalism. The persecution of Catholic missionary priests in England led to a sharp rise in their

authority: the missionaries were seen by their flock as “living saints, future martyrs”, while the closeness of Catholic chaplains to the members of the families of their patrons provided them with a unique opportunity to shape their minds and hearts. As a result, the ideals of the post-Tridentine Catholicism: frequent communion, regular preaching, widespread cult of the rosary, etc., were adopted by the English Catholics earlier than in the Catholic countries of mainland Europe. The particular characteristics of the religious culture of the English Catholics who lived among Protestants was the visual “restraint” of rites and rituals, as well as an important role of books and reading: the book could replace a sermon, and even the mass, if a priest was unavailable. The disappearance of Catholic parishes forced the English Catholics to recreate their community through shared sacraments, ceremonies and rituals, and external markers could be provided by pious traditions not prohibited by the law — for example, the practice of fasting.

Anna Seregina has described the crucial role played by the lay Catholics who in fact almost replaced the clergy in the field of religious education. The author has demonstrated that the major part of work was done by Catholic women: they helped organize the missionary tours of the Catholic priests, instructed children and adults in Catholic religion, disseminated new devotional practices and even administered sacraments (baptized children). In the opinion of the author, this was a direct consequence of the absence of Catholic parishes: as the houses of Catholics (i.e., a private space controlled by women) was turned into centres of religious life of the persecuted community (i.e., into a public space), women acquired public orles within their community.

The study of liturgical and devotional practices of the Montague entourage has shown that its religious culture was heavily influenced by pre-Tridentine Catholicism (the Erasmian tradition of the early 16th century, and the Marian Catholicism of the 1550s), and by traditional religiosity. In their preaching, the Catholic missionaries used successfully the traditional forms of devotion (the veneration of saints, stories of miraculous healings, pilgrimages) filled with new contents (the reinterpretation of the cult of St Francis, sermons delivered at pilgrimage sites, etc.). at the same time, some spheres of traditional religious culture remained virtually intact, barely touched upon by the post-Tridentine preaching and still determined by the folklore Christianity — the views of demonic possession and witchcraft.

The author concludes that in the 2nd half of the 16th — early 17th centuries the English Catholic community was formed around Catholic entourages although not all Catholics were members of a family or a household of a Catholic noble. Others could be linked to such Catholic magnates by the ties of business, friendship and patronage, thus, such “clans” constituted amorphous groups. The English Catholic community of the period was neither closed, nor a caste: it acquired these characteristics only in the 18th century, after the change of political regime, and of a dynasty. Before that, the English Catholics participated in the ruling of the country and of social communication, and aimed at a mutually acceptable compromise with their Protestant neighbours. At the same time, the English Catholic community had a clearly defined confessional identity. Since the confessional community of the English Catholics did not coincide with local communities (parishes), this was construed by shared (although perhaps not simultaneously, but rather in parallel) liturgical experience, rituals, and devotions.

Contents

Introduction. the English Catholics of the 16th–17th cc.: from the history of confession to social history of religion	7
§ 1. The English Catholic community of the 16 th –17 th cc. in historical studies.....	8
Part I. Catholic nobility in the political life of England, 16th–early 17th cc.	29
Chapter I. “The birth of a dynasty”: the Montague family in the 16 th –17 th cc.	33
Chapter II. Catholic aristocrats of the political sphere in the 1 st half of the 16 th c.: William Fitzwilliam, Earl of Southampton (c. 1490–1542), and Sir Anthony Browne (1500–1548).....	59
Chapter III. Catholic nobility of the 2 nd half of the 16 th c.: the political career of Anthony Browne, 1 st Viscount of Montague (1548–1592)	75
§ 1. Anthony Browne in the political conflicts of 1540s–early 1550s.....	75
§ 2. The reign of Mary I (1553–1558): the high point in the career of Anthony Browne....	78
§ 3. The Viscount of Montague on political scene in the reign of Elizabeth I (1558–1592)	93
§ 4. Diplomatic missions of 1560s.....	133
§ 5. The Viscount of Montague in the Parliament, 1560s–1580s	135
§ 6. The political influence of Montague in Sussex (1558–1592).....	141
Chapter IV. The career of a “looser”? Anthony Maria Browne, 2 nd Viscount of Montague (1574–1629) on the English political scene.....	153
§ 1. The first steps in politics: 1592–1603s	153
§ 2. The Viscount of Montague and the last Elizabethan parliaments	163
§ 3. “Great expectations”: the Viscount of Montague in the early years of the reign of James I (1603–1605)	166
§ 4. The Gunpowder Plot of 1605 and its consequence for the Montague entourage	172
§ 5. The crisis of 1610–1611: the oath of allegiance and the Montague family.....	175
§ 6. The “Spanish marriage” negotiations: an attempt to return to power.....	178
§ 7. The last years of the Viscount of Montague (1624–1629).....	180
§ 8. Serving the dynasty: Francis Browne, 3 rd Viscount of Montague (1607–1682), and the court of Charles I.....	183
§ 9. The 2 nd Viscount of Montague and local government (Sussex and Surrey) ...	185
§ 10. The Viscounts of Montague and the politics of the English Catholic community	188
Chapter V. The Viscounts of Montague in the English political discourse.....	201
§ 1. The representation of the political role of the Montagues in the family history	201
§ 2. The Viscounts of Montague: the image of Catholic aristocrats in polemical and religious literature of the 16 th –17 th cc.	218
Part II. Confessional frontiers? Catholic in and out of the parish	243
Chapter I. Liturgical segregation: the Catholics and the Book of Common Prayer	251
§ 1. The position of the Catholic missionaries.....	252
§ 2. The 1 st Viscount of Montague: an ideal conformist?	259
§ 3. The Viscountess of Montague: gender strategies of nonconformity	264
§ 4. The Montague family and church attendance: changes of direction.....	267
§ 5. The 2 nd Viscount of Montague: choosing <i>recusancy</i>	269
§ 6. Catholics around the Montagues: household members and tenants.....	272
Chapter II. Life circles and religious rituals	285
§ 1. Baptism	286

§ 2. Marriage	298
§ 3. Funeral	304
Chapter III. Ecclesiastical patronage: Catholic aristocrats and Protestant ministers in the parishes	312
§ 1. The Montagues as lay patrons.....	314
§ 2. The Viscount of Montague – a lay rector in the mid- and late 1550s: a Catholic Reformer.....	315
§ 3. The Catholic Mission and lay patronage of Catholics in Protestant parishes	318
§ 4. The Montague family and ecclesiastical patronage after 1559	320
Chapter IV. Catholics and Protestants in parishes: segregation or integration?	328
§ 1. Mixed marriages and familial ties with Protestants.....	328
§ 2. Friendship with Protestants	330
§ 3. Business connections.....	334
§ 4. Conflicts among neighbours	337
Part III. The English Catholics in the context of the early modern Catholicism in Europe.....	343
Chapter I. Catholic clergy in the Montague household	349
§ 1. The 1 st Viscount of Montague and Catholic clergy, 1553–1592.....	351
§ 2. The chaplains of the 2 nd Viscount of Montague, 1590–1620s.....	364
§ 3. The laity and the working of the English Catholic mission	370
§ 4. The influence of clergy on the lay elite of the English Catholic community..	373
Chapter II. Rites and sacraments.....	379
§ 1. Communion	380
§ 2. Confession.....	391
§ 3. Other sacraments	398
Chapter III. Religious education	401
§ 1. The clergy and religious education	402
§ 2. The Montague entourage and religious education.....	406
Chapter IV. The religious culture of the English Catholics: devotional practices.....	417
§ 1. Prayer and meditation	419
§ 2. Devotional literature	424
§ 3. Fasting.....	430
§ 4. Death and remembrance.....	431
Chapter V. The life of contemplation: English religious communities abroad.....	435
§ 1. Pre-Reformation traditions.....	438
§ 2. Men religious	440
§ 3. Women religious	442
Chapter VI. The adaptation of traditional religion in the culture of the English Catholics	459
§ 1. Veneration of saints.....	460
§ 2. Miracles in the religious culture of the English Catholics	472
§ 3. Demonic possession and witchcraft	475
Conclusion.....	484
Abbreviations	494
Bibliography.....	495
Index of names.....	519
Summary	539

Научное издание
Анна Юрьевна Серегина
Английское католическое сообщество XVI—XVII вв:
виконты Монтегю

Макет и оформление Ю.В. Балабанов

Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Юловин

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории АН

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 18.01.2017 Формат 70×100/16. Заказ № 218.
Тираж 500 экз. 34,0 п.л. 37 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-
гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labirint.ru/>

А.Ю. Серегина

Английское
католическое
сообщество
XVI—XVII вв.:
ВИКОНТЫ
Монтегю

Монография представляет собой первый в мировой историографии труд, исследующий механизмы, делавшие возможным сосуществование религиозного меньшинства — английских католиков — с протестантским большинством в Англии второй половины XVI—начала XVII в. Католическое сообщество рассматривается в его взаимосвязях с английским социумом на разных уровнях: от прихода и графства до двора, парламента и Тайного Совета, а также и с католическими сообществами за пределами страны. Работа следует принципам микросоциального исследования и сфокусирована на детальном анализе политических, социальных и религиозных аспектов жизни одной из структурных единиц английского католического сообщества, а именно, окружения виконтов Монтегю из графства Сассекс.

